
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ	МГЛУ
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Марк Юнге

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ НА ПЕНСИИ

Всесоюзное
общество политкаторжан
и ссыльнопоселенцев
1921-1935

Москва
2015

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Юнге Марк

Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 640 с. – ISBN 978-5-91022-302-2.

После Октябрьской революции 1917 г. в среде революционеров возникла настоятельная потребность обобщить тот опыт, который в конечном итоге обеспечил им победу над царизмом. С этой целью в 1921 г. анархистами, эсерами, меньшевиками и большевиками было основано «Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев». Своей главной задачей Общество считало сохранение бесценных материалов революционного движения для будущих поколений. Еще одним достижением Общества было то, что внутри советского государства оно смогло сохранить нишу, в которой продолжали существовать представления о таких ценностях, как независимая наука, революционная этика, политическая терпимость, а также права человека. Вплоть до своей ликвидации в 1935 г. «Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» оставалось относительно независимой общественной организацией, использовавшей любую возможность, чтобы не только полностью использовать возможности, предоставленные государством, но и выйти за жесткие ограничительные рамки.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодаря и по сей день дающей себя знать сплочённости членов Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев мне удалось познакомиться со многими их потомками, в том числе потомком И.А. Теодоровича Генрихом Чеславовичем Витоженцем, потомками Т.В. Баранцева – Галиной Трофимовной Злобиной, и С.М. Клиориной – Ираидой Соломоновной Клиориной. Они поддерживали мою работу советом и делом, и обеспечили доступ к личным делам в Центральном архиве ФСБ РФ. Установлению моих контактов с этими людьми способствовал научный центр правозащитной организации «Мемориал».

Кроме того, сотрудники «Мемориала» деятельно участвовали, как с содержательной, так и с организационной точки зрения в проведении совместной конференции об ОПК, состоявшейся в Москве в ноябре 2001 г. В особенности я хотел бы поблагодарить председателя общества Арсения Рогинского и его сотрудников: Галину Иорданскую и Яна Рачинского, а также руководителя библиотеки Бориса Беленкина. На протяжении всей работы над проектом Ярослав Леонтьев оказывал мне товарищескую поддержку.

В Государственном архиве Российской Федерации и в Российском государственном архиве социально-политической истории мне дали многочисленные советы Лев Аронов, Владимир Козлов, Лариса Роговая и Людмила Кошелева.

За содействие в работе над письменной частью труда и его критическое прочтение я сердечно благодарю Марию Браукхофф, Рольфа Биннера, Бернда Бонвеча, Карин и Вильгельма Юнге.

Я адресую свою благодарность также Манфреду Хильдермайеру, Фикрету Аданиру, Христиану Янзену за их поддержку при подготовке процедуры защиты моей докторской диссертации.

Финансовое содействие проекту было оказано благодаря предоставлению стипендии фонда «Фольксваген». К тому же фонд «Фольксваген» совместно с обществом «Мемориал» (Москва) финансировал проведение в Москве конференции, посвящённой Обществу бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТЬ.....	6
ВВЕДЕНИЕ.....	11
1. Постановка вопроса и метод.....	13
2. Обзор исследования проблемы.....	20
3. Состояние источников.....	32
Глава I	
ОСНОВАНИЕ (1921 г.).....	44
1. Структура руководства.....	46
2. Аполитичный союз по охране традиций	47
Общее исследование революционного движения.....	51
Конкурирующие организации.....	54
3. Социальная компетентность	55
4. Рычаги интеграции.....	57
5. Что двигало отцами-основателями.....	59
П.П. Маслов и Д.И. Новомирский.....	60
В.А. Плесков и Г.И. Крамаров	63
А.А. Биценко и М.П. Томский	66
6. Поддержка со стороны ВЦИК.....	70
7. Автономия и контроль	72
Глава II	
УГРОЗА ЗАКРЫТИЯ (1922 г.)	96
1. Заявление коммунистической фракции	99
2. Отчеты в ЦК РКП(б).....	107
3. Ретроспектива	112
Бунт в Бутырской тюрьме	113
События в Бутырке с точки зрения ОПК.....	117
Процесс эсеров.....	124
Воздействие процесса на ОПК.....	126

4. Попытка сохранить статус-кво.....	127
5. Солидаризация с осужденными членами общества	130
6. Активный нейтралитет.....	135
Глава III	
ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.).....	153
1. «Большевизация» ОПК	155
2. Лишение власти Общего собрания	158
3. Борьба против «плесковщины».....	165
4. Реакции на изменения структуры	171
Критиковавшие и ушедшие	172
5. Раздача привилегий и изменения структуры	177
Пенсии и выплаты нуждающимся в помощи	182
Бюро по трудоустройству и экономическая деятельность.....	183
6. Привилегии как основа изменений структуры	186
7. Односторонняя пристрастность по отношению к советской власти.....	187
Глава IV	
УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.).....	206
1. Новые формы раскрытия прошлого.....	209
2. Причины продолжавшейся динамики	212
3. Инфраструктура.....	215
4. Историографические рамки.....	219
Историческое значение каторги и ссылки.....	220
Программа по истории революционного движения	223
5. Сравнение с «Истпартом» и Обществом старых большевиков.....	227
6. Консолидация	229
Глава V	
ЧИСТКА ОТ ОППОЗИЦИОННЫХ ВЛИЯНИЙ (1927 г.).....	244
1. Подготовка к смещению В.Д. Виленского-Сибирякова	244
2. Смещение В.Д. Виленского-Сибирякова	250
3. Временное освобождение от должности Р.А. Грюнштейн.....	254
4. Оборонительные акции В.Д. Виленского-Сибирякова	259
5. Е.М. Ярославский и В.Д. Виленский-Сибиряков в сопоставлении	264
6. Ликвидация границы между ОПК и партией.....	266

Глава VI	
КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ	
ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.).....	277
1. Контроль над землячествами и «большевизация»	
исторических комиссий.....	277
2. Анкета французских анархистов-коммунистов	281
3. Введение коммунистических фракций в землячества.....	289
4. Борьба против тенденций к унификации и инструментов	
политического контроля	293
Глава VII	
МЕСТО В ИСТОРИОГРАФИИ ОТНОСИТЕЛЬНО	
«НАРОДНОЙ ВОЛИ» (1929–1930 гг.).....	301
1. 50 летний юбилей основания «Народной воли»	302
2. Те, кто пролагали путь большевикам	
и Октябрьской революции	304
И.А. Теодорович против М.Н. Покровского	
и Н.А. Морозова.....	305
Концепция значения «Народной воли»	
И.А. Теодоровича.....	308
Платформа интерпретации «Народной воли»	311
3. Политизация дискуссии	322
4. «Правый оппортунизм» в оценке «Народной воли»	330
5. Содержательная автономия под угрозой.....	339
Сильные и слабые стороны теоретической позиции	
И.А. Теодоровича.....	342
Двойственная роль Е.М. Ярославского.....	346
Глава VIII	
ПОПЫТКА СПАСТИ ИДЕНТИЧНОСТЬ (1931 г.)	364
1. Политическое давление на И.А. Теодоровича	364
2. Исправление содержания, метода и направленности	
исторической исследовательской работы.....	376
3. Защита концепции	379
Глава IX	
ОПК И ПИСЬМО СТАЛИНА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА	
«ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» (1931–1932 гг.)	387
1. Внутренняя борьба	390
2. Меры	395
3. Публичное выступление редакции «Каторги и ссылки»	409
4. Поляризация.....	411

Глава X	
ПРЕВРАЩЕНИЕ В ПРОПАГАНДИСТСКИЙ	
ИНСТИТУТ ПАРТИИ (1933–1934 гг.)	428
1. Работа в усложненных условиях	428
2. Механизмы защиты	437
3. Проверка редакции и снятие И.А. Теодоровича с поста главного редактора	446
4. Явления износа	449
5. Повышение «пролетарской классовой бдительности»	452
Глава XI	
ЛИКВИДАЦИЯ (1935 г.).....	468
1. Последствия убийства Кирова	468
Бесплановая издательская деятельность.....	475
Сведение до роли организации, занимавшейся снабжением, и клуба «бывших»	480
Прекращение пропагандистской работы	481
«Замораживание» научной работы.....	483
2. Поэтапная ликвидация	486
3. Решение о роспуске и его обоснование.....	489
4. Закрытие, предписанное в соответствии с политическими мотивами	492
5. Причины закрытия	495
ИТОГИ	517
ДОКУМЕНТАЦИЯ	539
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ЛИТЕРАТУРА	581
УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	619
УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ.....	620
УКАЗАТЕЛЬ ТАБЛИЦ И ДИАГРАММ.....	621
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	622
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	624

ВВЕДЕНИЕ

После Октябрьской революции 1917 г. и победы в Гражданской войне, и над иностранной военной интервенцией задача революционных сил заключалась не только в консолидации своей экономической и политической власти. Существовала и потребность, освободившись от царской цензуры, обстоятельно заняться прошлым революционного движения, изобразить шаги, приведшие в конце концов к успеху, и установить собственную линию исторической традиции¹.

Наиболее значительной и крупнейшей организацией, созданной с этой целью в Москве 12 марта 1921 г., в 4-ю годовщину освобождения политических заключенных из царских тюрем, было «Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев» (ОПК)².

Теперь «герои каторги» брали слово на страницах своего журнала «Каторга и ссылка». Здесь публиковались воспоминания и мемуары о борьбе против царизма в подполье, в пресловутых каторжных тюрьмах, в сибирской ссылке и эмиграции. В журнале появлялись также некрологи знаменитым революционерам, а в дальнейшем архивные материалы и статьи о революционном движении. Спектр тем был очень широк. Он охватывал восстание «дворянских революционеров» 1825 года, впоследствии названное восстанием декабристов, против царского самодержавия. Изучали деятельность первых русских социалистических теоретиков А.И. Герцена и Н.П. Огарева, а также анархиста М.А. Бакунина и рассматривали Н.Г. Чернышевского, который своим социально-утопическим романом «Что делать» оказал сильное влияние на революционное движение 1860-х гг. Темой были и типичное для 1870-х гг. «хождение в народ», предпринятое революционной элитой, которая поставила своей целью донести до сознания крестьян правду об их положении и завоевать их на сторону революции, а также связанная с этим волна репрессий со стороны государственной власти. Предметом рассмотрения стало и развитие народнической стратегии в направлении от анархистской «аполитичности» к политизации движения, и от террористической тактики к политическому устранию царизма, в том

числе и насильственными средствами. На исходе XIX в. важную роль играли дискуссии между марксистами и народниками вокруг вопроса о том, на кого, – на рабочих или крестьян – должно опираться революционное движение. Не последними по значимости среди тем, рассматривавшихся в Обществе, были причины и последствия революций 1905 и 1917 гг.³ Общество⁴ развило активную деятельность в области истории революционного движения, так что до своего роспуска в 1935 г. оно оказывало существенное влияние на историографию и содействовало формированию мифа о возникновении и основании советского государства.

Наряду с «поддержанием традиций» Общество выполняло не менее значимую социальную функцию. Посредством выделения пенсий и других форм финансовой поддержки, предоставления мест в санаториях и квартир, а также оказания привилегированной медицинской помощи оно заботилось о своих членах, которым был причинен тяжелый физический и психический ущерб в тюрьмах. ОПК основало многочисленные филиалы, в том числе в Петрограде, Киеве, Одессе, Харькове, Саратове, Ташкенте, в Сибири и в Тбилиси.

Наряду с социальной функцией Общества и его влиянием на историографию примечательны личности самих его членов. Оно было средоточием меньшевиков, анархистов, анархо-синдикалистов, бундовцев⁵, социалистов-революционеров, а также большевиков. Сверх того, ориентация Общества в содержательном и теоретическом отношении повлияла на значительную часть ветеранов радикальной народнической организации «Народная воля» и сочувствовавших ей, которая в 80-е гг. XIX в. наряду с убийством царя Александра II совершила многочисленные покушения на высокопоставленных должностных лиц царского режима. В данной связи следовало бы назвать бывших террористов В.Н. Фигнер, М.А. Фроленко, Е.Н. Ковальскую-Солнцеву, М.М. Чернавского и М.Ю. Ашенбреннера. Они поддерживали ОПК в том, чтобы сделать одной из важнейших тем советской историографии 20-х гг. завещание народничества, определявшегося как теория перехода к социализму не с помощью рабочих, а путем перепрыгивания фазы капиталистического развития на основе коллективно организованных крестьянских общин, покоящихся на общинной собственности. Речь шла, сверх того, о принципиальной значимости народничества для возникновения русского марксизма. В результате этого ОПК и его журнал обрели и в содержательном и теоретическом отношении самостоятельный профиль, который

был терпим в 20-е гг., но с 1929 г. по мере обострения политики в сфере культуры все более втягивался в исторический и политический спор вокруг «правильной» интерпретации прошлого. В 1935 г. эта дискуссия была завершена в пользу контролировавшегося государством псевдомарксистского традиционализма. В «Кратком курсе», с этих пор официальной версии истории ВКП(б), историю народничества тщательно отделили от истории коммунистов. Народничество считалось теперь «принципиальным врагом марксизма»⁶. В том же году будущий народный комиссар внутренних дел Н.И. Ежов закрыл Общество. Главный редактор «Каторги и ссылки» И.А. Теодорович, а вместе с ним и многие другие члены Общества были в годы Большого террора арестованы, осуждены, после чего отправлены в лагеря или казнены, как Теодорович.

1. Постановка вопроса и метод

Решающая причина научного исследования «Общества бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев» заключалась в вопросе о том, какой свободой действий оно обладало в советском обществе, и как менялась эта свобода действий. Могло ли ОПК использовать для своей деятельности свободу действий, возросшую в условиях новой экономической политики (НЭП), или история ОПК, напротив, может считаться успешной моделью политики большевиков, которая хотя и допускала общественные организации, но лишала их внутренней автономии и дисциплинировала посредством создания сильной фракции из партийцев, верных линии, и раздачи привилегий? Это касается и вопроса о том, как следует оценивать позволение существования ОПК в контексте усилившегося к началу 20-х гг. наступления против всех организаций, движимых идеями общественной пользы (например, Всероссийского комитета помощи голодающим и Политического Красного Креста), институтов и партий (меньшевики и эсеры) и группировок (анархисты, бундовцы), подозревавшихся в самостоятельной политической деятельности, в том числе террористической.

Следующим шагом будет рассмотрение вопроса о том, в какой мере окончание периода НЭПа повлияло на развитие ОПК: какой профиль сформировало ОПК в начале 30-х гг. в условиях попытки правящего слоя осуществить «жесткий политический контроль над интеллектуальной жизнью»?⁷ Сделало ли оно ненужные уступки? Сохранило ли оно свою способность маневрировать? Были ли применены исторически сложившиеся принципы солидарности, а также механизмы защиты и приспособления? Могло ли Общество создать и сохранить собственную идентичность, или следует охарактеризовать его внутреннюю жизнь как ностальгическую идиллию, наполненную воспоминаниями о прошлом и не имеющую реальной связи с настоящим?

Исследование ОПК углубляется в результате его рассмотрения как объединения, формировавшего традиции. В этой сфере Обществу подобало большее значение, т. к. на историографию революционного движения в молодом советском государстве выпала задача заменить официальные сферы, прежде формировавшие идентичность, например, историю церкви, царской власти и буржуазной культуры. Имело ли оно задачу дать новую версию истории, приспособленную к новой идеологии? Делало ли это ОПК, будучи частью официальной культуры воспоминания или занималось главным образом научным исследованием прошлого?⁸ При детальном рассмотрении речь идет о форме изображения истории революционного движения силами ОПК. В чем заключались основные содержательные задачи, и каковы были методы их решения? Какова была в концептуальных соображениях значимость таких свидетельств первичного опыта, как истории жизни очевидцев событий в их мемуарах, публикация документов и научный анализ истории революционного движения? С помощью каких механизмов Общество обеспечило себе внимание и влияние? Следовало бы понять, способствовало ли, и каким образом, ОПК тому, что в конце 20-х гг. дело могло дойти до ограничения и, в конце концов, прекращения плюралистической дискуссии о прошлом или, напротив, содействуя поддержанию климата толерантности в исторической науке, пыталось воспрепятствовать систематической изоляции буржуазных ученых. Применительно к началу 30-х годов обсуждается вопрос о том, какую позицию занимало Общество в борьбе еще сохранившегося, совершенно неоднородного марксистского лагеря за преобладание определенной школы, а также о том, защищалось ли оно, и в какой мере, от нараставшей опеки со стороны партии. Наконец,

предстоит исследовать вопрос о том, как Общество реагировало на замену примерно с 1932 г. марксистской философии истории радикальным традиционализмом, который был идентифицирован Робертом Дэниэлсом, и который продолжал носить имя марксизма. Этот комплекс проблем ведет прямо к вопросу о том, почему ОПК было запрещено в 1935 г. Была ли это чисто профилактическая мера, как предполагает итальянский историк Франко Вентури, или Общество действительно представляло критический потенциал с точки зрения правящих кругов?⁹

Тем самым поставлена цель проникновения в сложные взаимоотношения между внутренними процессами в ОПК, их содержательным и методическим профилем, с одной стороны, и конкретными формами вмешательства государства и партии – с другой. При этом особое внимание должно быть обращено на различие между выдвигавшимся советской властью *притязанием* на господство по отношению к ОПК и его реальным осуществлением.

Выбор исследуемого периода – с 1921 по 1935 гг. – ориентирован на моменты основания Общества и его ликвидации. Тем самым рассматривается время новой экономической политики с 1921 по 1928–1929 гг. и с первого пятилетнего плана 1928–1932 гг. до середины второй пятилетки (1935 гг.).

По сравнению с большинством других трудов о соответствующем периоде настоящая работа подчеркнута не рассматривает определенные тенденции развития с позиции власти, т. е. РКП(б) или с 1925 г. ВКП(б)¹⁰ или близких ей институтов¹¹. В столь же малой мере Общество являлось составной частью «образовательной системы» (Оскар Анвайлер), принадлежавшей партии и правительству, которая с середины 20-х гг. была создана под руководством историка-марксиста М.Н. Покровского. В то же время следует отделять ОПК, основываясь на ярко выраженном социалистическом профиле членов общества и их принципиальной лояльности к советской системе, от сложившихся уже до революции потенциально «классово чуждых» (Дитрих Байрау) буржуазных институтов, как то Академии Наук, университетов и различных исторических институтов.

С методологической точки зрения исходный пункт научных изысканий с опорой на исследование (см. об этом ниже) является классическим структурно-историческим подходом. Реконструируется организационная история ОПК. Речь идет при этом, в частности, о мотивах его основания, о его уставе, построении, спо-

собе принятия членов организации и их количестве. Кроме того, описываются многочисленные действия Общества – социальные, имеющие важное образовательное значение, и издательские. Рассматривается также и развитие организации. Для того, однако, чтобы в соответствии с постановкой вопроса подкрепить с методической точки зрения исследование ОПК как социальной и политической группы, представлявшей институционализированную часть социальной структуры советского общества, предлагаемая работа использует стимулы, данные исследованием национал-социализма и коммунизма. Именно для рассмотрения *общественного* уровня это исследование на фоне новых результатов научных разработок, в частности, реабилитирует, но в то же время модифицирует и совершенствует модель тоталитаризма, которая описывает национал-социализм и коммунизм как два различных «проявления одного и того же зла» (Дитрих Байрау). В принципе исследование характеризует модель как политически отягощенную и считает ее лишь ограниченно применимой в аналитическом отношении для сравнения *идеологии* и *социально-экономических структур* двух систем, так как различия в этих сферах слишком существенны, а результаты сравнения поэтому едва ли убедительны¹². В особенности специалист по истории Восточной Европы Дитрих Байрау и английский специалист по национал-социализму Иэн Кершоу считают модель, тем не менее, обязательной при «описании и анализе места и поведения социальных групп» и исследовании их отношения к правящим как в сталинистском, так и в национал-социалистском государстве¹³. С одной стороны, Кершоу обращает внимание на то, что у обоих государств можно установить «новую степень» и «новую концепцию» развития власти в системе правления: стремление к «всеохватывающему контролю» и манипуляции, применение «методов динамической плебисцитарной мобилизации, основывающихся на современной технологии» и «радикальная нетерпимость» по отношению к любой концентрации на одновременно существующих других формах лояльности и по отношению к любой форме институционального «жизненного пространства», кроме существовавшей на условиях режима¹⁴. Характерна «попытка политизации всех аспектов социального переживания». С другой стороны, Кершоу указывает на то, что требования режима к своим «подданным» с его «всеобщим притязанием на единообразное поведение» только и вызвали неконформистское и оппозиционное поведение и породили «спектр *разногласий*» (выделено мною. – М.Ю.), простиравшийся до сопротивления¹⁵.

В свою очередь, Байрау следующим образом обобщает исследования в сфере общества, основанные на исследованиях обеих систем: следует различать «между тотальными притязаниями режимов, тоталитарной практикой, намеревавшейся руководить всеми членами общества, и сопротивляющейся реальностью, которая ежедневно противоречила воображаемой тотальной мобилизации ради государства или социализма»¹⁶.

С введением понятия «разногласие»¹⁷ или в ещё более сильном подчёркивании пассивного аспекта Байрау с помощью термина «сопротивляющаяся реальность», авторы получают понятия, позволяющие им отличать тоталитарные системы от авторитарных без необходимости продолжать ссылаться только на критерий «атомизированного массового общества» в модели тоталитаризма. Кроме того, эти понятия служат авторам в качестве общего методического инструмента для «достижения *всех* форм поведения, отклонявшихся от норм, которых требовал режим»¹⁸ (выделено мною. – М.Ю.). При рассмотрении понятийного инструментария «разногласия» и «сопротивляющейся реальности» речь идет, следовательно, о широко задуманном и функционально ориентированном подходе.

Преимущество применения этого подхода к исследованию ОПК заключается в том, что таким образом можно осмыслить большое количество сфер как конфликтов, так и сотрудничества между ОПК и советским режимом без ограничения активным и пассивным отклонением системы или одной из ее частей¹⁹, как то внушалось бы понятием сопротивления, сформированным в международном масштабе и отягощённым (этическими) мотивами, амбициями и целями²⁰. Методический центр тяжести перемещается на выяснение действительных последствий определённых действий и открывает взгляд для постановки вопроса о том, где обретали свои границы «тотальное» проникновение в советское общество и контроль над ним, а также о том, в какой мере и на основе каких норм и ценностных представлений определенная общественная группа и организация вроде ОПК отвергала соответствующие попытки или, напротив, активно способствовала им. Таким образом, господство и сопротивление или разногласие и отказ не образуют противоположные полюса, а взаимно влияют, изменяются и реагируют друг на друга²¹.

Хронологические рамки работы (1921–1935) также делают приемлемым частичное использование модели тоталитаризма. Они открывают, однако, и возможность критически подойти

к этой модели²². Таким образом, распространение модели на 20-е гг., на которые приходится основание и фаза развития ОПК, уже в чисто методическом отношении означает дистанцирование от характерной для западного исследования скорее положительной оценки периода НЭПа. В противоположность этой общепотребительной оценке НЭПа как времени консолидации, культурного плюрализма, относительно свободного общества и свободной дискуссии²³, сокращения государственного вмешательства в общественную жизнь²⁴ и альтернативы сталинизму²⁵, период НЭПа рассматривается в предлагаемом труде не в последнюю очередь на основе новых исследовательских работ с перспективы «сталинизированного» общества 30-х гг., как «переходная фаза» (Катарина Кларк) с плюралистическими подходами и нишами или как «продвижение» к «тоталитарной системе внутри большевистской диктатуры» (Дитрих Байрау)²⁶. Правда, в данном случае речь со всей определенностью идет о рабочей гипотезе, которую в ходе исследования на основе примера ОПК следует подвергнуть критическому рассмотрению и, возможно, модифицировать. Это касается крайнего варианта оценки и НЭПа как тоталитарной системы, прежде всего, в новых российских исследованиях. В этом варианте практически больше нет различий между политической системой 20-х и 30-х гг.²⁷.

Относительно долгая, в противоположность национал-социализму, «фаза продвижения» до формирования именно в Советском Союзе тоталитарной общественной системы, не обнаруживающая, по мнению Байрау²⁸, отчетливых поворотных пунктов, дает возможность на основе материала ОПК обстоятельнее проанализировать возникновение, формирование и укрепление сталинистского общества. Пользуясь терминологией немецкого специалиста по национал-социализму Петера Хюттенбергера, формирование «асимметричных отношений господства» следует, таким образом, детально пронаблюдать на основании избранной общественной организации в советской системе²⁹. В качестве критериев дифференциации служат при этом в данной работе масштабы, приспособленные к общественным институтам, как то реализация иерархических структур и контрольных механизмов, деградация членов организации до статуса подчиненных, «унификация» с другими институтами, нетерпимость по отношению к мнениям инакомыслящих и интерпретациям как истории, так и политической линии, отклоняющимся от соответствующей партийной линии и идеологии, а также пресечение таких интерпретаций с по-

мощью авторитарных методов. В соответствии с методическими предпосылками работы речь идет об исследовании на примере ОПК действительной эффективности мер, ограничений и препятствий, с которыми сталкивался режим³⁰.

Ключевой вопрос в широком смысле означает, можно ли рассматривать Общество, и в какой степени, в качестве индикатора внутривнутриполитического развития молодого Советского Союза, можно ли, основываясь на его истории, подтверждать или рассматривать более дифференцированно исчезновение толерантности и допустимости демократического и плюралистического мышления, а также свободы науки. При этом, критически дистанцируясь от теории тоталитаризма, работа обращает внимание и на возможное активное вовлечение ОПК в процесс установления сталинистского господства посредством приспособления, поспешного отказа от своей самоидентификации или преувеличенной самообмобилизации. Рядом с привычным представлением о «манипулировании» общественными организациями партией и государством ставится, таким образом, обратная перспектива, а именно возможное «манипулирование» советского государства и партии со стороны ОПК. Обоим критериям оценки предоставляется равноценное место с быстро меняющимися политическими обстоятельствами.

В соответствии с избранным методом выдвижения на передний план точек и сфер конфликта, а также разрывов в истории ОПК, на определенных фазах его истории в центр внимания выдвигались очень разные сферы действия Общества. Важным могла становиться деятельность его отдельных членов, а затем центральную роль снова обретают теоретические и содержательные дискуссии, как и рассмотрение вмешательства государственных и партийных органов доминирует в перспективе. Характер и изменения изображения революционного движения рассматриваются на основе специально избранного примера, а именно предпринятого ОПК критического разбора истории народничества, особенно «Народной воли»³¹. Преимущество данного метода в том, что он противодействует не знающему границ занятию определенными комплексами вопросов, например, построением общества или издательской деятельностью ОПК, и чистому изложению фактов.

Исследование не нацелено на законченность. Оно концентрируется на московской материнской организации ОПК³². Работа разбита на одиннадцать глав. В главе I рассматриваются мотивы

членов-учредителей ОПК и политический контекст его основания. Глава II посвящена на фоне ОПК новому наступлению против политических партий и группировок, развернутому большевиками в 1922 г. Глава III обращена к широким изменениям структуры ОПК, в особенности к созданию коммунистической фракции как следствию политического наступления. В то же время анализируются механизмы, с помощью которых обеспечивались эти структурные изменения. Глава IV описывает концентрацию деятельности ОПК на истории революционного движения. На переднем плане стоят при этом инфраструктура, историческая концепция, метод и содержание работ, которые ОПК доводило до своих членов и читающей публики. Глава V перемещает взгляд в сферу внешнего политического давления на отдельных членов ОПК, которые не принадлежали к «правильному» политическому течению внутри партии большевиков. Основная тема главы – выдворение «троцкистов» из рядов ОПК. В главе VI исследуются причины планировавшихся в 1928 г., но не реализованных широких структурных изменений. Глава VII рассматривает на примере исследования «Народной воли» влияние ОПК на теоретические и исторические дискуссии среди советских историков. Особое внимание уделяется нараставшей политизации этой дискуссии и удобной роли партии как «третьей стороны», причем не остается без внимания и взаимодействие с новыми экономическими координатами, коллективизацией и индустриализацией. В центре главы VIII – границы уступок ОПК усиливающейся критике в адрес содержания, методов и направленности его исторических исследований. Глава IX описывает воздействия письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г.), а глава X – безостановочную реорганизацию ОПК с его превращением в пропагандистский институт партии. Наконец, глава XI рассматривает причины ликвидации Общества.

2. Обзор исследования проблемы

Первым рассматривал ОПК с научной точки зрения советский историк Александр Ратнер в начале 70-х гг. в рамках дипломной работы, которую представил к защите в 1975 г. в Московском

государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина³³. В усложнившихся условиях эры Брежнева он провел обстоятельные изыскания, установил контакт с бывшими членами общества или их потомками, составил представление о многочисленных публикациях ОПК, исследовал его журнал и бюллетени и добился доступа к части архивных материалов, находящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в Москве³⁴. Работа разбита на шесть частей: введение с обзором исследовательской литературы и источников, затем следуют организационное построение ОПК (глава 1), помощь голодающим [1921] (глава 2), издательская деятельность (глава 3), агитационная и пропагандистская деятельность (глава 4) и выводы.

В своем обзоре исследования проблемы Ратнер сумел доказать, что до состоявшегося в 1956 г. XX съезда КПСС существование ОПК замалчивалось. Серьезным исключением оказалась статья историка молодого поколения советских ученых С.Н. Валка, опубликованная в вышедшем в 1942 г. сборнике АН СССР к 25-летию советской исторической науки³⁵. Валк явно положительно оценивал издательскую деятельность ОПК. Это, как подчеркнул Ратнер, был акт гражданского мужества, ибо многие руководители ОПК, в том числе И.А. Теодорович и Б.А. Бреслав, особенно активно участвовавшие в издательской работе и исторических исследованиях, подверглись преследованиям в 1937–1938 гг. во время Большого террора³⁶. Таким образом, историки продолжали неформальное использование материалов ОПК³⁷.

Лишь после XX съезда, когда стало возможным научное исследование не только большевиков, но снова всего революционного движения, даже если это происходило по-прежнему с ограничениями, касавшимися эсеров, меньшевиков и анархистов, на Общество, по словам Ратнера, вновь обратили внимание. Правда, произошло это лишь в очень общей форме – речь шла об институте, участвовавшем в исторических дискуссиях. Его специфика не была показана, в чем можно убедиться на основе соответствующих работ, приведенных Ратнером³⁸. Наряду с этим многочисленные авторы цитировали в своих исследовательских работах источники, мемуары и другие материалы, изданные ОПК³⁹. Напротив, само ОПК в качестве активной общественной организации, как дипломатически и без установления политического соотношения доказывает Ратнер, в 60-е гг. упоминалось лишь мимоходом, а затем, когда оттепель спала, стало снова полностью замалчиваться в исторической науке с конца 60-х гг. В качестве

примера он указывает, что в работах по истории Международной организации помощи борцам революции ОПК упоминалось как один из основателей МОПР наряду с Обществом старых большевиков, а в более поздних работах снова исчезло⁴⁰.

Кроме того, Ратнер рассматривает статьи об ОПК и его журнал «Каторга и ссылка», появившиеся в Советской исторической энциклопедии (СИЭ) и в третьем издании Большой советской энциклопедии (БСЭ), которые выходили в 60–70-е гг.⁴¹ Здесь упоминания ОПК были самыми обстоятельными. Интересно, что все статьи были написаны бывшими членами ОПК, в их числе, прежде всего, членами-учредителями Г.М. Крамаровым и Г.Д. Алексеевой, и переданы СИЭ и БСЭ. В этих статьях авторы приводят данные по основанию и численности членов Общества и перечисляют важнейшие направления его издательской деятельности. Ратнера в особенности интересуют оценка Крамаровым и Алексеевой издательской деятельности ОПК. В своей работе он цитирует следующий отрывок из их статьи:

«Некоторые издания общества (мемуары, статьи в “Каторге и ссылке” и др.) страдали субъективизмом, содержали фактические ошибки. Но, несмотря на это, заслуги общества в создании источниковедческой базы и разработке истории революционного движения в России бесспорны»⁴².

Важнейший упрек в адрес ОПК – в субъективизме – Ратнер оставляет без комментариев. В рамках дипломной работы, написанной в 70-е гг. в советском институте, было невозможно критически проанализировать эту оценку, соответствовавшую официальной позиции. Ратнер предпочитает изобразить как нечто незначительное вторую часть упрека в «фактических ошибках», со своей стороны доказав ошибки Крамарова и Алексеевой в датировке работ, изданных ОПК⁴³.

Результаты его собственных исследований таковы: Гражданская война для автора – решающая причина того, что ОПК не было основано в 1917 г., сразу же после свержения царизма. Но более раннее основание сделали невозможным не военные операции – и сами бывшие каторжане и ссылки были не в состоянии объединиться. Ратнер объясняет данное обстоятельство принадлежностью этих людей к различным партиям, которые, со своей стороны, по-разному оценивали формы и методы борьбы за новый строй. Только когда страна была освобождена от белогвардейцев и интервентов и «строительство социализма» стало «практической задачей», условия для объединения оказались благоприят-

ными⁴⁴. Заинтересованность большевиков в том, чтобы поддержать общество бывших каторжан и ссыльных, Ратнер объясняет пониманием ими того обстоятельства, что революционеров, отдавших борьбе против самодержавия «лучшие годы и силы своей жизни», нельзя оставлять в стороне во время «великой созидательной работы»⁴⁵.

Ратнер показывает, однако, также, каковы были приоритеты для большевиков. Основатели ОПК и руководители Общества были преимущественно большевиками⁴⁶: в декабре 1922 на их долю приходилось в целом 17 из 27 выборных сотрудников руководящих органов Общества и 133 из 272 членов ОПК. Кроме того, «коммунисты» вовлекали в Общество только тех каторжан и ссыльных, которые были «обычными» членами других «мелкобуржуазных» революционных партий, как то меньшевиков, эсеров и бундовцев. Напротив, их руководителей, и Ратнер определенно одобряет это, рассматривали как неисправимых и противников социалистической революции, а тем самым «в конечном счете» относили их к врагам⁴⁷.

Рычаг для успешного претворения основания ОПК в практику заключается, по мнению Ратнера, в том, что основатели Общества сумели преодолеть «взаимное недоверие» среди бывших каторжан и ссыльных, подчеркивая надпартийную основу, т. е. в воспоминании о каторге и ссылке. В соответствии с этим он оценивает заявление о надпартийности, последовавшее сразу же после основания Общества, как его характерный элемент⁴⁸.

Ратнер подчеркивает и убедительность концепции ОПК. Общество активно формировало «окружающую действительность»: с помощью участия в сохранении завоеваний Октябрьской революции и в коммунистическом строительстве, посредством оказания помощи голодающим, выдвижения инициативы о создании МОПР и пропагандистской работы для поддержки коммунистической партии в ходе индустриализации, коллективизации и культурной революции⁴⁹. В качестве выдающихся достижений ОПК отмечаются его широкомасштабные исторические исследования и издательская деятельность. Таким образом, в распоряжении исследователя «часто» оказывались необычные источники, в том числе и прогрессивные для своего времени марксистские работы.

Исследования Ратнера по ОПК едва оставили следы в советской исторической науке, тем более что собственные публикации этого автора были посвящены не впрямую Обществу, а его изда-

тельской деятельности. Они сосредоточены в менее известных сборниках и журналах⁵⁰. Кроме того, Ратнер, родившийся в 1948 г., до своей ранней смерти в 1991 г., увлекся биографиями бывших участников революционного движения⁵¹ и предпринял попытку продолжить издание биобиблиографического словаря революционного движения⁵².

Подробное рассмотрение ОПК в советских научных публикациях началось только в начале 80-х гг. без знакомства с работами Ратнера. Особенно следует подчеркнуть статьи Л.А. Ушаковой и Э.Ш. Хазиахметова, которые входили в пользовавшуюся национальной и международной известностью школу Горюшкина⁵³. В рамках изображения советской историографии 20–30-х гг., касавшейся политической ссылки в Сибири, они занимались и ОПК⁵⁴. Они придерживались в особенности положительного мнения о высоком качестве публикаций источников в журнале общества и в форме книг. Напротив, их оценка самого общества очень критична. Оно, на взгляд авторов – объединение прежних «мелкобуржуазных сил», хотя и признавших после Октябрьской революции советскую власть, но не отказавшихся автоматически от своего идеологического багажа, в особенности от «буржуазного объективизма» и «дескриптивного» описания исторических процессов вместо «партийного». Кроме того, они считают недостатком отсутствие марксистской концепции интерпретации революционного движения, основанной на методологических соображениях Ленина⁵⁵.

Несмотря на эту идеологическую критику со стороны советских историков, оцениваемую как необходимый ритуал, авторы дают информацию, которая, будучи дополнена лишь немногими дополнительными знаниями, показывает, что ОПК стремилась по ту сторону политической конъюнктуры предоставить читающей публике максимально возможный объем материалов и информации и побудить, таким образом, к открытой дискуссии о революционном движении. Наконец, в обеих статьях явно преследуется намерение представить развитие Общества и путь его членов постепенным облагораживанием в направлении марксизма-ленинизма и тем самым реабилитировать ОПК и его членов⁵⁶. Хазиахметов занимает даже еще более четкую позицию. Согласно его оценке, запрет Общества в 1935 г. имел следствием, что отныне не исследовался больше весь спектр революционного движения, а имело место одностороннее ограничение исследований ролью большевиков. Несмотря на расширение базиса источников в этой

области, именно по названной причине наблюдалось «преувеличение» их влияния⁵⁷. В неявной форме автор со своим заключительным призывом выступает за то, чтобы исследовать революционное движение и ссылку не только с точки зрения большевиков, но и с позиций меньшевиков, эсеров и анархистов и даже представителей буржуазии и снова поднять нить там, где она была разорвана в 1935 г. с закрытием Общества⁵⁸.

В целом, однако, статьи Хазиахметова и Ушаковой следует рассматривать как спорные. Критерий их оценки – «марксистский» или «немарксистский» – не восходит, вопреки утверждениям авторов, к указаниям по исследованию революционного движения, сформулированным Лениным и едва ли могут быть оценены в качестве методологических⁵⁹. Напротив, эта форма оценки восходит прямо к постепенно осуществленным в 1929 г. идеологическим ограничениям в историографии, которые привели, в частности, и к запрету ОПК⁶⁰.

Задача Ушаковой и Хазиахметова, прежде всего, в инструментализации ОПК для того, чтобы можно было подхватить его открытый подход к исследованию. Это предлагало им, по меньшей мере, шанс освобождения сфер исследования и архивных материалов из списка запрещенных, но не позволило осуществить неприкрашенный научный анализ историографического соподчинения содержательных и теоретических дискуссий, инициированных Обществом и его членами. То же касается и взаимного влияния исторической науки и политики.

Наряду с официальным советским исследованием ОПК занимался и советский автор, оставшийся анонимом. Его статья вышла в издававшемся в Париже сборнике «Память», в котором публиковались самиздатские тексты⁶¹. В статье речь идет об отказе Веры Фигнер вступить в Общество. Хотя аутентичность статьи неоспорна – автор пишет под псевдонимом и ссылается на сообщение также безымянного бывшего члена ОПК, которого он, по его данным, встретил в лагере в 1942 или 1943 гг. – она содержательна, так как Общество впервые рассматривается с внутренней перспективы, будь то с точки зрения источников или в отношении введения и в замечаниях.

Главный тезис заключается в том, что ОПК было задумано в качестве организации, независимой от партий, но с 1925 г. под влиянием своего старосты Е.М. Ярославского непрерывно попадало во все большую финансовую, а в связи с этим и идеологическую зависимость от партии⁶². Во вступительном комментарии

к статье Общество предстает в более позитивном свете. Здесь оно оказывается единственной политической организацией, которая в начале 30-х гг. могло предоставить относительную защиту от произвола и террора.

В западных исследованиях на ОПК параллельно с Ратнером обратили внимание в 70-е гг. Работы западных историков, точно так же как и (более поздние) советские публикации, концентрировались на историографическом значении Общества, тем более что у этих исследователей не было доступа к важным архивным материалам. Но в отличие от советских авторов Хазиахметова и Ушаковой они детально остановились на содержании работ, издававшихся ОПК.

Итальянский специалист по революционному движению в России Франко Вентури исследовал дискуссию среди историков-марксистов о «Народной воле», которую инициировал главный редактор журнала «Каторга и ссылка» И.А. Теодорович⁶³. В этом споре, разразившемся в 1929 г., когда отмечался 50-летний юбилей основания партии и тлевшем до 1935 г., речь шла о влиянии «Народной воли» на принципы и организационную структуру революционеров марксистской ориентации в революционном движении до 1917 г. Теодорович считал, что существовала преемственность между «Народной волей» и марксистской программой. Но такая позиция натолкнулась на резкое сопротивление историков-партийцев В.Ф. Малаховского, И.Л. Татарова и М.Н. Покровского, так как они увидели в ней угрозу притязанию большевиков пребывать во владении совершенно новой вестью или, по словам Джонатана Франкеля, быть пророками новой эры⁶⁴.

Американский историк Джордж Энтин снова подхватил в 1978 г. дискуссию, которую рассматривал Вентури, в рамках своей работы о советском историке М. Покровском⁶⁵. Его интересовала дискуссия как важная составная часть коалиции против преобладания Покровского в уже доминировавшей марксистской исторической науке. По мнению Энтина, дискуссия была выражением серьезного сопротивления политическому сужению и регламентации со стороны направления «крайнего марксизма», которое в значительной степени определялось Покровским. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что борьба разыгрывалась не между марксистскими институтами, а шла сквозь них. И Энтин также недвусмысленно называет Теодоровича в качестве одной из важнейших фигур этого сопротивления в содержатель-

ной и теоретической области. При этом, говоря о Теодоровиче, он упускает из внимания роль и значение ОПК, а Теодорович был бы не в состоянии без структур и контактов общества публично представлять и распространять свои позиции.

Именно этого аспекта вовлечения Теодоровича в деятельность ОПК и журнала «Каторга и ссылка» касается английский историк Джон Барбер в своей вышедшей в 1981 г. работе на тему «Советские историки в условиях кризиса» 1928–1932 гг.⁶⁶. Он поставил вопрос о том, что двигало Теодоровичем в защите «Народной воли» или народничества. Барбер подчеркивает, прежде всего, позицию Теодоровича как представителя интересов внутренне очень разнородного ОПК, члены которого не могли симпатизировать тенденции к представлению революционного прошлого в терминах непогрешимости большевиков. Барбер рассматривает Теодоровича и его общество как решительных противников возникавшей воинствующей нетерпимости и догматизма в исторической науке этого периода⁶⁷. Барбер пытается в противоположность Энтину четче включить полемику вокруг «Народной воли» в силовое поле между политикой, экономикой и исторической дискуссией. Так, с учетом начавшейся в 1929 г. насильственной коллективизации сельского хозяйства он указывает на значимость дискуссий о теориях народничества, в соответствии с которыми крестьяне, а не рабочие должны играть центральную роль в построении социализма. Этот угол зрения сделал его особенно чувствительным к пониманию нарастающей политизации спора среди историков, в котором полемика содержательного характера оказалась, в конце концов, подмята наклеиванием политических ярлыков вроде характеристики Теодоровича как «правого оппортуниста». Хотя Барбер и задается вопросом о том, что двигало Теодоровичем, ему приходится в значительной части своих ответов ограничиваться предположениями и тезисами. Причина этого в том, что у него не было других источников, кроме текстов, доступных в газетах и журналах. С работой Барбера обращение западной науки к теме ОПК прекратилось.

В постсоветскую эру было два российских историка, глубже исследовавших ОПК. Это саратовский историк Ю.А. Курбатов и историк из Москвы М.Ю. Тугов⁶⁸. Ни Курбатов, ни Тугов не знали дипломной работы Ратнера⁶⁹. Курбатов, обращавший основное внимание на саратовский филиал ОПК, сделал и несколько замечаний общего характера по поводу Общества. Как возможность

его создания, так и стремления к этому он обосновывает введением новой экономической политики. НЭП пробудил иллюзию того, что господствующая партия, большевики, стремятся наряду с экономической перестройкой и к переориентации на политическом уровне.

«Эти надежды, безусловно, способствовали тому, что противостояние и напряженность во взаимоотношениях между РКП(б) и ее политическими оппонентами – эсерами и меньшевиками – были частично ослаблены»⁷⁰.

Благоприятное положение содействовало весной 1921 г. объединению на беспартийной или аполитичной основе представителей различных социалистических партий, выполнявших принудительные работы на каторге и находившихся в ссылке. В соответствии с этим на фазе своего основания Общество было для Курбатова либеральным форумом, который намеревался амортизировать конфронтацию между социалистическими группами, возникшую во время Гражданской войны, и искал путь интеграции в советское государство. В соответствии с его оценкой Общество, однако, очень быстро стало инструментом государства и партии и утратило тем самым всякую свободу действий⁷¹. Точно так же, как и вышедший в 1980 г. в Париже сборник «Память», он возлагает ответственность за это на принятие на себя руководства Обществом Ярославским в 1925 г.

Закрытие ОПК в июне 1935 г. Курбатов объясняет консолидацией «сталинской феодально-бюрократической системы», в рамках которой «услуги старой революционной гвардии» больше не были нужны. Кроме того, система (в условиях Большого террора 1937–1938 гг.) не пощадила, наконец, и тех, кто сознательно или неосознанно поддерживал ее. Большинство членов общества пали в итоге жертвами репрессий⁷². В качестве недостатка прежней исследовательской литературы Курбатов указывает на то, что ОПК большей частью рассматривалась в ней как научно-исследовательская организация, тогда как значительная общественно-политическая работа общества оставалась без внимания⁷³.

Сомнительно в работе Курбатова то, что он не проверяет свои тезисы, для чего мог бы опереться на свои же исследования по Саратовскому филиалу ОПК. Напротив, он ограничивается простым изложением деятельности филиала.

Его российский коллега Тугов рассматривает, прежде всего, издательскую деятельность ОПК. Он ставит своей целью проанализировать специфические черты этой деятельности и показать

выбор тем, а также осуществить типологизацию его продукции в сравнении с другими отечественными издательствами. В результате он разделяет издательскую деятельность на две фазы, «демократическую» (с 1921 по 1929 гг.) и «тоталитарную» (с 1930 по 1935 гг.). На первой фазе еще было возможно изображать историю революционного движения с различных позиций. Его «объективному рассмотрению» способствовало и то обстоятельство, что отдельные члены ОПК вступали в революционное движение в разное время. Издательская деятельность на этой фазе, как утверждает Тугов, характеризуется обращением к разным аудиториям. В свою очередь, руководство издательства состояло из личностей с «широкими демократическими взглядами», в числе которых были В. Виленский-Сибиряков, Ф. Кон, М. Фроленко, Л. Дейч, Б. Козьмин и др.⁷⁴

Вторая фаза определялась преимущественно культурно-воспитательной работой, агитационной и пропагандистской деятельностью и научно-исследовательской работой. Признаком работ, опубликованных в этот период, была «односторонность»⁷⁵. В качестве важнейшего переломного события того времени здесь рассматривается письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», опубликованное в конце 1931 г. под названием «О некоторых вопросах истории большевизма», т. к. в нем формулируется требование поставить историю на «большевистские рельсы»⁷⁶. Первым сигналом смены политического климата было, однако, снятие Виленского-Сибирякова в 1927 г. со всех руководящих постов в Обществе. Усиленное сотрудничество лиц из близких к партии учреждений, например, Института Ленина, Института красной профессуры и *Общества историков-марксистов, а также увеличение в два раза среди авторов численности членов ВКП(б)* (с 13 % в 1929 г. до 31 % в 1931 г.) по сравнению с первой фазой и, наконец, намерение, выраженное на 4-м Всесоюзном съезде ОПК в 1931 г., о принятии мер к тому, чтобы Общество не использовалось в качестве платформы для политически «вредных» и недопустимых для марксистско-ленинской исторической науки взглядов, служат автору доказательством для избранной им характеристики второй фазы⁷⁷.

Говоря о мемуарах и воспоминаниях как особом методе работы ОПК, Тугов подчеркивает, что они были не только написаны отдельными лицами, а затем опубликованы Обществом. Во многих случаях, напротив, готовые рукописи сначала перерабатывались в коллективе, причем автор на первом этапе готовил свои

мемуары с использованием имеющихся в его распоряжении архивных материалов. На втором этапе рукопись обсуждалась на собраниях исторических комиссий или землячеств⁷⁸, основанных для исследования определенных этапов революционного движения, в которых дополнительно могли участвовать все их члены, имевшие какое-то отношение к событиям. Только после того, как автор учитывал исправления, мемуары передавались редакционному коллективу, где их продолжали готовить к публикации⁷⁹.

Тезисы Тугова, как и Курбатова, не основываются на предмете его исследования. Его периодизация схематически следует обычному грубому делению советской истории на фазу НЭПа (с 1921 по 1929 г.) до ее смены в 1928–1929 г. и последовавшим за тем возобладанием тоталитарного режима. ОПК предстает при этом чистым зеркальным отражением внешних политических и экономических условий.

Верификация этого утверждения на основе, к примеру, анализа показательных случаев оказывается, тем самым, по-видимому, излишней. Многое остается неясным и в деталях. Характеристика Виленского-Сибирякова, Кона, Фроленко, Дейча и Козьмина как носителей «широких демократических взглядов» не мотивирована и не доказана. Кроме того, не называются имена тех, кто работал в ОПК в качестве контролеров от учреждений, близких партии государственных органов цензуры, не исследуются их роль и влияние на издательскую деятельность. Доказательствами серьезных изменений, наступивших после 1929 г. в издательской деятельности ОПК, служат немногие статистические данные и заявления органов ОПК о намерениях. Вопрос об их воздействии на практику, о том, были они реализованы и как, не рассматривается.

В значительной части диссертация превратилась в фактологическое, хотя и вполне информативное, изложение издательской деятельности ОПК и поверхностных структур ее издательских продуктов. Поворотные пункты, долгосрочные изменения, внутренние столкновения и конфликты с государством и партией не играют никакой роли в отношении тематики работы.

С помощью работ архивистки и историка Татьяны Коржихиной и историка Ирины Ильиной, обе – специалисты по истории возникновения и развития общественных организаций в царской России и Советском Союзе – можно детальнее рассмотреть место ОПК среди других общественных организаций⁸⁰.

Первые годы после Октябрьской революции для Коржихиной – время «величайшей социально-политической активности рабочих».

Общественность была элементом, без которого представлялись немислимыми общественная деятельность и социально-психологическая атмосфера того времени. Но государство уже вскоре регламентировало общественные организации, чтобы включить их в процесс решения общегосударственных задач⁸¹. По поводу ОПК в работах Коржихиной можно прочесть следующее: она констатирует, что в сравнении с царскими временами после 1917 г. в сфере общественных и гуманитарных наук едва существовали научные общества. Тем самым она косвенным образом подчеркивает выдающееся значение ОПК и его индивидуальной ориентации. С другой стороны, однако, она обращает внимание на важность социальной деятельности ОПК. Это было причиной одобрения Общества в годы его основания. Коржихина доказывает также в данной связи, что в особенности после Октябрьской революции имело место основание очень многих организаций самопомощи в социальной сфере, так как советское государство было не в состоянии гарантировать обеспечение основными продуктами⁸². Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ОПК, если Коржихина конкретно упоминает его, всегда приводится вместе с ОСБ⁸³. Кроме того, Коржихина не занималась ОПК обстоятельнее. Тем не менее, она, хотя и бездоказательно, датирует ее основание не мартом 1921, а 1920 г.⁸⁴

ОПК не является специальным предметом исследования и для Ильиной. Она констатирует происшедшее параллельно введению НЭПа сильное нарастание общественной активности и формирование «многослойной системы» общественных организаций. Автор подчеркивает, однако, относительность этой оценки, констатируя, что общественным организациям приходилось развиваться «в условиях формирования партийно-государственного режима, разрушения политического и общественного плюрализма»⁸⁵. Во время НЭПа общественные организации все более становились, как утверждает автор, с помощью ограничительного законодательства, НКВД и других государственных органов, частью политической и идеологической системы для контроля над населением. Независимо от типа общества они, в конце концов, выполняли «чуждые» задачи вроде «историко-революционной, военно-патриотической работы, пропаганды советского образа жизни и достижений советской власти». К концу 20-х гг. «всевластие государственных структур» над негосударственным сектором было узаконено. Общественные организации служили теперь, как утверждает Ильина, исключительно «социальной мобилиза-

ции населения для выполнения политических и идеологических задач»⁸⁶.

Работы Коржихиной и Ильиной представляют собой исключение. Исследователи в целом сильно пренебрегли сферой истории некоммерческих общественных организаций⁸⁷. Тем не менее, даже высказывания этих историков, касающиеся оценки общественной действительности, применимы лишь условно, так как их исследовательская перспектива определяется, прежде всего, материалами государственных учреждений, ответственных за некоммерческие организации, а также законопроекты для регулирования общественного сектора. Материалы самих общественных организаций не использовались.

3. Состояние источников

Осмысление поставленных вопросов и особый методический подход стали возможными благодаря «архивной революции», начавшейся в Советском Союзе уже в 1989 г. и продолжавшейся после 1991 г. Сегодня в распоряжении исследователей широкая источниковедческая база, выходящая далеко за пределы объема документов и информации, применявшихся в прежней исследовательской литературе.

Важнейший фонд находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в Москве и имеет номер 533. Он посвящен центральной московской организации ОПК и разделен на пять описей⁸⁸. Опись 1 содержит, в частности, протоколы пленумов и собраний Президиума Центрального Совета, материалы землячеств и научных секций, а также доклады и воспоминания членов Общества. Материалами описи 1 мог располагать уже Ратнер. Он, однако, с полным основанием критически отмечает, что здесь представлены преимущественно документы 1929–1935 гг.⁸⁹ Опись 2, еще не «сформированная» в 1975 г., которая содержит личные дела членов ОПК, была доступна уже Тугову. Дела не полны. Отчасти они находятся в описи 3, которая приводит личные дела исключенных членов и лиц, чьи заявления о приеме были отклонены. Опись 4 имеет многообещающее название «Секретная переписка», но, кроме (неполного) списка членов и интересной статьи Виленского-Сибирякова, а также еще не-

скольких других статей содержит только переписку, состоящую из немногих листов и несущественную для постановки вопроса данной работы. Важнейшая опись, ставшая доступной только с конца 90-х гг. – опись № 5. Она решающим образом дополняет опись № 1, но до сих пор не использовалась систематически. В нее входят, кроме того, и протоколы заседаний Центрального Совета и Президиума с момента создания Общества, а также протоколы организационной комиссии, которая до 1924 г., наряду с Президиумом, была в ОПК центром принятия решений. Кроме того, здесь можно найти протоколы ревизионной комиссии и стенограммы различных всесоюзных съездов ОПК, которые с 1924 г. были высшим органом Общества. Важнейшими являются, однако, протоколы собраний и бюро коммунистической фракции, имплантированной в 1924 г. в структуру Общества, так как эта фракция быстро превратилась в решающий орган ОПК. Но в фонде 533 обнаруживаются и недостатки. Некоторые протоколы различных органов отсутствуют или не полны. Нет почти всех протоколов общего собрания, которое с 1921 по 1924 гг. было высшим органом ОПК. Отсутствуют также стенограммы коммунистической фракции за 1934 г. Кроме того, сохранились лишь отдельные дополнительные материалы к стенограммам заседаний всех органов. Отчасти удалось, однако, обнаружить некоторые стенографические фрагменты протоколов важных заседаний Центрального Совета в личном фонде Е.М. Ярославского (фонд 89) в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве⁹⁰. Этот фонд содержит другие документы, важные для изучения истории Общества, например, активную переписку Ярославского с членами его руководящих органов. Для дополнения знаний о деятельности Общества или его отдельных членов могут быть привлечены также другие документы из различных фондов РГАСПИ и отдельные – из Архива Президента Российской Федерации (АПРФ)⁹¹.

Несмотря на богатый архивный материал, журнал «Каторга и ссылка» оставался важным источником. Сообщения о деятельности Общества, публиковавшиеся почти в каждом номере, содержат информацию о структуре, финансовой основе, распространении, а также развитии членства, сферах задач и целях Общества. В журнале с его публикациями мемуаров, комментариями, программными текстами и статьями на темы истории революционного движения серьезно отражается также содержательный профиль ОПК. Важное значение имеют и продукты издательства, принадлежавшего организации.

Использование различного материала об ОПК выглядит следующим образом: архивные материалы сопоставляются с информацией из журнала «Каторга и ссылка», а также с исследовательской литературой, лишь в ограниченной степени опирающейся на архивный материал. Таким образом, должно быть установлено возможное различие между информацией о соотношении сил и конфликтах в Обществе, основанной на внутренних материалах, и представлением Общества вовне на страницах журнала ОПК «Каторга и ссылка» с последующим сравнением с литературой, цель которой – формирование образа Общества для внешнего мира.

Для реконструирования политики партии и исполнительных органов советской власти по отношению к ОПК, которая до сих пор из-за недостатка источников могла затрагиваться лишь в небольшой степени, в распоряжении специалистов оказались рассекреченные также только с начала 90-х гг. документы Организационного бюро (Оргбюро) и Секретариата ЦК в РГАСПИ (фонд 17, описи 112 и 113) и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) (фонд 1235) – в ГА РФ. Следовало бы подчеркнуть решение Оргбюро ЦК от 6 сентября 1922 г. с прилагаемыми документами, едва не приведшее к закрытию ОПК. Картину этого события дополняют немногочисленные материалы из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) в Москве. Важной оказалась возможность использования материалов личного фонда Н.И. Ежова в РГАСПИ (фонд 671), касающихся ликвидации ОПК в 1935 г. Параллельно с этим использовались современные событиям 20–30-х гг. статьи в партийных и правительственных газетах и журналах, освещавшие политику государства и партии в отношении Общества.

Для оценки места ОПК в корпорации историков привлекались многочисленные опубликованные рецензии результатов его деятельности, а также статьи руководителей конкурировавших учреждений и архивные документы из фондов РГАСПИ, касающиеся нараставшей в конце 20-х гг. полемики вокруг истории революционного движения. Именно в этой области в распоряжении исследователя имеются многочисленные новые публикации источников, дополнительно иллюстрирующие вмешательство политических структур. Для включения истории ОПК в общий политический контекст очень полезным оказалось появление на протяжении прошедших десяти лет многочисленных докумен-

тальных публикаций и опирающихся на эмпирические данные научных трудов, делающих возможным глубокое ознакомление с механизмами социальной политики 20–30-х гг.⁹²

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уже вскоре после Февральской революции 1917 г. из членов Российского Красного Креста создается общество по основанию Музея революции. Ср. *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1921–1935 гг. (Дипломная работа в Государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина). – М., 1975. С. 5.

² В данной работе общество обозначается сокращением ОПК.

³ По поводу содержательных акцентов ср. систематический указатель: *Кантор П.М.* Каторга и ссылка за десять лет (1921–1930). Систематический указатель. – М., 1931. Указатель присоединен к «КиС». С. 83–85 (1931).

⁴ В настоящей работе словом «Общество», если не указано, о каком именно обществе идет речь, обозначается «Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев».

⁵ Основанная в 1897 г. еврейская социал-демократическая рабочая организация в Литве, Польше и России. В апреле 1920 г. на своей XII конференции Бунд решил порвать с меньшевиками, признать программу РКП(б) и вступить в Коминтерн, т. е. покончить со своей организационной самостоятельностью. Ср. Политические партии России (конец XIX – первая треть XX века). Энциклопедия. – М., 1996. С. 92 и сл. (далее ППР).

⁶ История ВКП(б). Краткий курс. – М., 1945. С. 19 и сл., 34. При этом речь идет о 3-м издании исторического труда, впервые вышедшего в 1938 г.

⁷ Ср. *Barber J.* The Establishment of Intellectual Orthodoxy in the U.S.S.R. 1928–1934 // *Past and Present*, 84 (1979. С. 142).

⁸ По поводу концепции культуры воспоминания ср. *Hockerts G.* Zugänge zur Zeitgeschichte. Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft // *Aus Politik und Zeitgeschichte* (2001) 28. С. 15–30; *Assmann J.* Erinnern um dazugehören // *Platt K., Dabag M.* (Hrsg): *Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten.* – Opladen, 1995. С. 51–75; *Niethammer L.* Geschichte und Gedächtnis // *Niethammer L.* (Hrsg): *Deutschland danach. Postfaschistische Gesellschaft und nationales Gedächtnis.* – Bonn, 1999. С. 536–607.

⁹ *Venturi F.* Les intellectuels, le peuple et la révolution. Histoire du populisme russe au XIX siècle. – Paris, 1972. С. 17.

¹⁰ Ср. в данной связи следующую небольшую подборку работ, рассматривающих партию и ее социальную базу. Они со своей стороны указывают на широкий спектр литературы: *Schröder H.-H.* Arbeiterschaft, Wirtschaftsführung und Parteibürokratie während der Neuen Ökonomischen Politik. Eine Sozialgeschichte der bolschewistischen Partei 1920–1928. – В., 1982; *Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хван Ю.С.* Политическая система 20–30-х гг. О Сталине и сталинизме. – Историки спорят. 13 бесед. – М., 1988. С. 228–303; *Schröder*

der H.-H. Industrialisierung und Parteibürokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtlicher Versuch über die Anfangsphase des Stalinismus. 1928–1934. – В., 1988; Политическая реформа и эволюция советского государства. – Коммунист, 1989. № 4. С. 24–56; Поляков Ю.А. 20-е годы настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС. 1989, № 10. С. 25–38; Schröder H.-H. Stalinismus «von unten»? Zur Diskussion um die gesellschaftlichen Voraussetzungen politischer Herrschaft in der Phase der Vorkriegsfünfjahrpläne // Geyer D. (Hrsg.) Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. – Göttingen, 1991. С. 133–166; Getty J.A. Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered. 1933–1938. – Cambridge, 1985; Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период НЭПа. Становление и функционирование (1921–1929 гг.). – СПб., 1997. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система: 20-е годы. – М., 2000; Pogorelskin A. The Politics of NEP and the Politics of its historiography // Russian History/Histoire Russe. 27 (2000) 4. С. 377–779.

¹¹ Behrendt L.-D. Die Institute der Roten Professur. Kaderschmieden der sowjetischen Parteintelligenz. 1921–1938 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 45 (1997) 4. С. 597–621.

¹² Обстоятельное обобщение критики концепции тоталитаризма дают Kershaw I. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick. – Hamburg, 1999. С. 60–69; Nolte H.-H., Poljan P. Massenverbrechen in der Sowjetunion und im nationalsozialistischen Deutschland. Zum Vergleich der Diktaturen // Zeitschrift für Weltgeschichte (2001) 1. С. 130. Ср. также Beyrau D. Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler. – Göttingen, 2000. С. 10.

¹³ Beyrau D. Im Dschungel. С. 10; Kershaw I. Der NS-Staat. С. 63, 67, 285.

¹⁴ Kershaw I. Op. cit. С. 67.

¹⁵ Kershaw I. Op. cit. С. 67; Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissens in the Third Reich. Bavaria 1933–1945, Oxford 1983. С. 374 ff. Kursivsetzung des Begriffs «Dissens» M. Junge.

¹⁶ Beyrau D. Im Dschungel. С. 10f;

¹⁷ Термин «разногласие» («Dissens») возник в столкновении с понятием «сопротивление» в исследовательских работах о национал-социалистской эпохе. При этом Кершоу заменяет примененное в данном контексте понятие «Resistenz», не желая прежде всего смешения с французским словом Resistance=сопротивление понятием «Dissens». Vgl. Broszat M. Resistenz und Widerstand // Bayern in der NS-Zeit. Herrschaft und Gesellschaft im Konflikt (Hrsg. v. M. Broszat, E. Fröhlich, A. Grossmann), Bd. 4. – München/Wien, 1981. С. 691–709.

¹⁸ Kershaw I. Op. cit. С. 313.

¹⁹ Этот подход был разработан Мартином Броштом для исследования национал-социалистского режима. Ср. Broszat M. Op. cit. С. 698.

²⁰ «Под сопротивлением подразумевается любое активное и пассивное поведение, в котором обнаруживается отклонение национал-социалистского режима или частичной сферы национал-социалистской идеологии, и которое было связано с определенным риском». – Jaeger H., Rumschöttel H. Das Forschungsprojekt «Widerstand und Verfolgung in Bayern 1933–1945» // Archivali-

sche Zeitschrift, 73 (1977. С. 214; Относительно критического осмысления понятия «Сопrotивление» ср. *Plum G. Widerstand und Resistenz // Broszat M., Möller H. (Hrsg.): Das Dritte Reich. Herrschaftsstruktur und Geschichte. – München, 1983. С. 263f.*

²¹ В данном абзаце была использована и перенесена на исследование ОПК терминология, предложенная Брошато и Кершоу. – Ср. *Kershaw I. Op. cit. С. 300ff.*

²² Предлагаемая работа не является, однако, сравнительным исследованием. Она видит свою задачу в том, чтобы в процессе намерения, повсеместно рассматривавшемся как необходимый именно при исследовании соотношения между режимом и обществом в Советском Союзе, предоставить верифицированный материал и результаты исследований для сравнения между процессами, протекавшими в национал-социалистском и сталинистском обществах. При этом, правда, уже в процессе развития метода и постановки вопроса, а также при обозначении проблемных сфер имело место обращение к существенно более продвинутому исследованию национал-социализма. О значительных пробелах в советском и российском исследовании Советского Союза ср. *Никулин В.В. Указ. соч. С. 3 и сл.*

²³ *Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution. – Oxford, 1971. С. 272; Верт Н. История Советского государства 1900–1991. – М., 1992. С. 157.*

²⁴ *Davies R.W. (Ed.): From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. – London, 1990. С. 23; Reiman M. Lenin, Stalin, Gorbachev. Kontinuität und Brüche in der sowjetischen Geschichte. – Hamburg, 1987. С. 99ff.*

²⁵ По поводу широкой дискуссии в годы перестройки и в начале 90-х гг. о том, представлял ли собой НЭП или представители этой политики реальную альтернативу сталинизму, ср. *Никулин В.В. Указ. соч. С. 13 и сл.*

²⁶ *Clark K. The «Quiet Revolution» // Soviet Intellectual Life // Fitzpatrick Sh. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. – Ithaca/London 1992. С. 210; Beyrau D. Im Dschungel. С. 22; Ср. в этой связи также: *Дмитренко В.П. Четыре измерения НЭПа. – Вопросы истории КПСС, 1991, № 3. С. 125–132; Никулин В.В. Указ. соч. С. 3, 19 и сл., 172; оценку НЭПа как системы, обнаруживающей отдельные, но не все критерии «тоталитаризма», можно найти в: *Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993, № 1. С. 12 и сл.; Гимпельсон Е.Г. Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993, № 3. С. 29–43; Россия НЭПовская (Сост. С.А. Павлюченков). – М., 2002.***

²⁷ Ср. *Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному НЭПу. История СССР, 1992, № 1. С. 41–58. Еще на шаг дальше идет Гимпельсон, который на уровне политической системы проводит линию преемственности от Гражданской войны через НЭП до сталинизма. Ср. *Гимпельсон Е. НЭП. Новая экономическая политика Ленина–Сталина. Проблемы и уроки. (20-е годы XX века). – М., 2004. С. 298–303.**

²⁸ *Beyrau D. Im Dschungel. С. 22.*

²⁹ Симметричные отношения господства имеют место, по мнению Хюттенберга, в общественных системах и при этом, в особенности в демократиях, в которых формируется процесс компенсации в отношениях между

интересами, нормами и целями тех, кто господствует, и тех, над кем осуществляется господство. Асимметричные отношения господства возникают, если предпринимается попытка разрушить этот процесс компенсации посредством построения абсолютной системы господства. Ср. *Hüttenberger P. Vorüberlegungen zum «Widerstandsbegriff» // Kocka J. (Hrsg.): Theorien in der Praxis des Historikers – Göttingen, 1977. С. 126.*

³⁰ Хайко Хауманн предупреждает по поводу реальных возможностей осуществления господства, к которому стремились большевики: «Правда, это не означало, что большевики действительно могли играть ту роль, к которой они стремились». Vgl. *Haumann H. Sozialismus als Ziel. Probleme beim Aufbau einer neuen Gesellschaftsordnung. 1918–1928/29 // Handbuch der Geschichte Rußlands, Bd. III, 1 (1856–1945), (Hrsg. G. Schramm). – Stuttgart, 1983. С. 627.* Относительно попытки осуществления в 20-е гг. Гегемонии в провинции на социально-экономическом уровне Петибридж отмечает: «[...] for lack of personnel, time, and financial resources, numerous spheres of socio-economic life remained poorly supervised, whether it was the railways, the press, education, or other areas» Vgl. *Pethybridge R. One Step Backward, two Steps forward. Soviet Society and Politics in the New Economic Policy. – Oxford, 1990. С. 232.* Со своей стороны, Байрау подчеркивает: «Ввиду исполнительской слабости даже сталинского режима и структурного противодействия спорным остается вопрос о значимости формулировавшихся Центром норм и заданий, как по-прежнему спорной остается и степень свободы действий субъектов в различных сферах деятельности». – *Beyrau D. Das bolschewistische Projekt als Entwurf und als soziale Praxis // Utopie und politische Herrschaft im Europa der Zwischenkriegszeit. (Hrsg. von Wolfgang Hardtwig unter Mitarb. von Philip Cassier). – Oldenburg, 2003. С. 17.*

³¹ Народничество было избрано как потому, что ОПК в этой сфере с особой четкостью сформулировало собственный профиль, так и потому, что речь шла о линии небольшевистской социалистической традиции с соответствующим потенциалом конфликта.

³² По причине большого количества материалов в местных архивах в рамках этой работы не было детального рассмотрения фондов филиалов. Имеется уже целый ряд исследований по отдельным филиалам ОПК: *Джабаров Б. Деятельность ОПК Узбекистана. – Слово памятникам истории и культуры. – Ташкент, 1973. С. 3–9; Дьячкова А.Н. Деятельность Якутской секции Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – Вопросы общественно-политической и социально-экономической истории Якутии. – Якутск, 1992. С. 13–19; Курбатов Ю.А. Общественно-политическая деятельность Одесского отделения ОПК. – Глазами молодых историков. – Саратов, 1992. С. 85–89; Курбатов Ю.А. Общество политкаторжан и безработица. Из записной книжки историка // Проблемы философии, истории, культуры. – Саратов, 1993. С. 70–73; Курбатов Ю.А. Саратовское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1924–1935 гг. // Культура русских и немцев в поволжском регионе. – Саратов, 1993. С. 86–106; Шиферсон Б.П. Документальные источники о деятельности ленинградского отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев ОПК // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 25. – СПб.,*

1994. С. 215–224; *Злобина Г.* Чтобы помнили. Краткий исторический очерк дачно-строительного кооператива «Клязьма». – Клязьма, 1998; *Перцев В.А.* Воронежское отделение Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1928–1935 гг. // Из истории Воронежского края, Вып. 9. – Воронеж, 2001. С. 145–155. Сверх того в рамках проекта по возникновению данной работы стимулирующее воздействие оказали следующие исследования некоторых других филиалов ОПК: *Шкаровский М.* Правозащитная, научная, социальная и производственная деятельность ленинградского отделения ОПК 1923–1935 гг. // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. Бывшие члены Общества во время Большого террора. Материалы международной конференции 26–28 октября 2001 г. (Сост. Я. Леонтьев, М. Юнге). – М., 2004. С. 135–163; *Папков С.* Эволюция политического контроля и преследования членов ОПК в Западной Сибири в 1925–1935 гг. // Всесоюзное Общество политкаторжан. С. 164–180; *Салтык Г.* Судьбы эсеров Курской губернии – членов ОПК // Всесоюзное Общество политкаторжан. С. 181–196; *Кан Г.* Александр Типунков: судьба политкаторжанина // Всесоюзное Общество политкаторжан. С. 197–205; *Глушаков Ю.* Гомельчане – члены ОПК // Всесоюзное Общество политкаторжан. С. 206–221.

³³ *Ратнер А.В.* Указ. соч.

³⁴ Ср. *Шукман А.* Александр Владимирович Ратнер – первый исследователь ОПК. – Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 18–22. Личный архив Ратнера дает информацию о том, что он направлял множество запросов в различные учреждения и архивы (включая архив КГБ) и часто получал отказ. Оценку личного архива Ратнера см. также: *Шукман А.* Служитель внутреннего долга. – Библиография, 1991, № 1. С. 127–132.

³⁵ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 8. Ср. также: *Валк С.Н.* Советские документальные публикации по истории СССР XIX – XX веков // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Сборник статей (Сост. В.П. Волгин, Е.В. Тарле, А.М. Панкратова). – М.–Л., 1942. С. 115–156. Как историк, Валк поддерживал ОПК, сотрудничая в комиссии по народничеству и опубликовал несколько статей в «Каторге и ссылке». Ср. *Валк С.* Малоизвестная страница народовольческой «Рабочей газеты» // КиС. 1929. 53. № 4. С. 87–94; *Валк С.* Неизвестный некролог П.А. Желвакова // КиС. 1929. 61. № С. 171–179. В начале 60-х гг. он вместе с коллегами издал двухтомный сборник документов о «революционном народничестве», что было в известной степени продолжением части работы ОПК. Ср. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в двух томах (Ред. коллегия: С.Н. Валк, С.С. Волк, Б.С. Итенберг и Ш.М. Левин). – М.–Л., 1964–1965.

³⁶ Теодорович был посмертно реабилитирован в 1957 г., а его работы снова изданы. Ср. *Shapiro J.P.* Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union 1953–1964, unpublished Ph. D. thesis Columbia University, 1967. (University Microfilms, Ann Arbor, Mich. 1977). С. 354. Возможность упомянуть ОПК в 1942 г. была связана с «малой оттепелью» в Советском Союзе во время Второй мировой войны.

³⁷ На основе личного архива Ратнера становится ясно, что он установил контакт с потомками умершего в 1953 г. историка М.Н. Гернета, сообщав-

шими Ратнеру, что написанная им «История царской тюрьмы» опирается и на материалы ОПК. – *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. – М., 1963.

³⁸ *Конюхова Т.А.* Хроника истории исторической науки. – История СССР. 1917–1927. Очерки по истории советской науки и культуры. – М., 1968. С. 226–227; 50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917–1967 / Сост. Алаторцева А.И., Алексеева Г.Д. – М., 1971.

³⁹ Ср. *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX века. – М., 1965; *Гинев В.Н.* Народническое движение в Среднем Поволжье. 70-е годы XIX века. – М.–Л., 1966; *Волк С.С.* Народная воля. 1879–1882. – М., 1966; *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества. – М., 1966; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л., 1968; Ссылные революционеры в Сибири. XIX в. по февраль 1917 г. Выпуск I. – Иркутск, 1973; Ссылка и каторга в Сибири. XVIII – начало XIX в. – Новосибирск, 1975.

⁴⁰ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 12; *Пиковская Р.И.* Создание советской секции Международной организации помощи борцам революции. 1922–1925 // Труды Московского государственного историко-ахивного института. Т. 23. – М., 1967. С. 115; *Аврус А.И.* Пролетарский интернационализм в действии. Из истории Международной организации помощи борцам революции. Саратов, 1971. Правда, и Пиковская не отображает тесное сотрудничество между ОПК и МОПР, тогда как в правление МОПР входили специально делегированные члена ОПК.

⁴¹ *Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д.* «Каторга и ссылка». – Советская историческая энциклопедия. Т. 7. – М., 1965, Столбец 124; [*Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев] // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. – М., 1967. С. 408–409; [*Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев] // БСЭ. 3-е изд. Т. 11. – М., 1973. С. 536; [*Алексеева Г.Д.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев] // БСЭ, 3-е изд. Т. 18. – М., 1974. С. 248.

⁴² *Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. – Советская историческая энциклопедия. Т. 10. – М., 1967. С. 409; в БСЭ 1974 года издания отсутствовали как порицание, так и похвала. *Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. 1974. С. 248.

⁴³ *Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. 1974. С. 248.

⁴⁴ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 117–118.

⁴⁵ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 118.

⁴⁶ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 7, 117. Ратнер ссылается на высказывание члена ОПК Я.Б. Шумяцкого от 1931 г. Ср. *Шумяцкий Я.* Итоги IV съезда ОПК. – Бюллетень Центрального Совета ОПК, 8 (1931) № 1. С. 5.

⁴⁷ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 113.

⁴⁸ *Ратнер А.В.* Указ. соч., с. 7.

⁴⁹ *Ратнер А.В.* Указ. соч., с. 7–8, 120.

⁵⁰ *Ратнер А.В.* Неустанный труженик. – «Книжное обозрение», 23.10.1977. С. 16; *Ратнер А.В.* Создатель словаря революционеров // Книжное обо-

зрение. 21.10. 1977. С. 16; *Ратнер А.В.* Первая книга «Историко-революционной библиотеки» // Альманах библиофила. Вып. III. – М., 1980. С. 42–46; *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев возникло в Москве в марте 1921 г. // Памятные книжные даты 1981. – М., 1981. С. 258–259.

⁵¹ Ср. биографии писателей Григорьева, Колосова и Левина и статьи о них: *Ратнер А.В.* Григорьев Рафаил Григорьевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1992. Т. 2. С. 40–41; *Ратнер А.В.* Колосов Василий Михайлович // Биографический словарь. – М., 1992. Т. 3. С. 24–25; *Ратнер А.В.* Левин Кирик Никитич // Биографический словарь. – М., 1992. Т. 2. С. 302–304; *Ратнер А.В.* *Колосов В.М.* [Подготовлено к публикации Ю. Леонтьевым] // *Slavia. Rivista trimestra le dicultura Anno X.* (2001) 2. С. 4–18.

⁵² *Ратнер А.В.* Словарь революционеров. – Советская библиография, 1980, № 2. С. 58; Два следующих тома библиографической энциклопедии были в 1935 г. почти закончены, но не смогли выйти по политическим причинам. О библиографической энциклопедии ОПК ср. в частности главу IV «УХОД В ПРОШЛОЕ. 1923–1926 гг.».

⁵³ Л.М. Горюшкин (1927–1998) – член-корреспондент АН СССР и РАН, специалист по теме «Каторга и ссылка в царской России» в Институте истории Сибирского отделения АН СССР (затем РАН) в Новосибирске.

⁵⁴ *Ушакова Л.А.* Советская историография 20-х – середины 30-х гг. и ее роль в создании марксистской концепции сибирской народнической ссылки 70–80-х гг. XIX в. // *Горюшкин Л.М.* (Сост.). Политическая ссылка в Сибири (XVII-начало XX в.). – Новосибирск, 1983. с.6–30; *Хазиахметов Э.Ш.* Советская историография сибирской политической ссылки 1905–1917 гг. // *Горюшкин Л.М.* Указ. соч. С. 31–49. Позиция, сходная с точкой зрения Ушаковой и Хазиахметова, представлена в статье *Алаторцева А.И., Удальцова М.И.* Журнал «Каторга и ссылка» и его роль в изучении истории революционного движения в России // *История СССР.* 1982, № 4. С. 100–115.

⁵⁵ *Ушакова Л.А.* Указ. соч. С. 7–8, 22; *Хазиахметов Э.Ш.* Указ. соч. С. 33–34.

⁵⁶ *Ушакова Л.А.* Указ. соч. С. 9, 15, 23; *Хазиахметов Э.Ш.* Указ. соч. С. 34–35.

⁵⁷ *Хазиахметов Э.Ш.* Там же. С. 44–45.

⁵⁸ Там же. С. 36–47, особенно С. 42.

⁵⁹ Имела место попытка приблизить к теме соображения о революционном движении, выдвинутые Лениным еще до Октябрьской революции, правда, с политической точки зрения. Там нельзя найти методологических ориентиров и эксплицитно марксистской концепции. Ср. в частности *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.. – М., 1967. Т. 4. С. 181; Т. 5. С. 295–347; Т. 13. С. 287–290; Т. 17. С. 293; Т. 20. С. 73, 83, 381; Т. 22. С. 197–206; Т. 23. С. 397; Т. 24. С. 359–360; Т. 26. С. 163–176; Т. 27. С. 48–51; Т. 30. С. 316; Т. 38. С. 76–77; Т. 44. С. 216; Т. 45. С. 324–325; Т. 47. С. 113; Т. 55. С. 354–355. По поводу позиции Ленина в дискуссии ср. также: *Walicki A.* The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. – Oxford, 1969; *Троицкий Н.А.* Крестonosцы социализма. – Саратов, 2002. С. 12.

⁶⁰ См. об этом главы VIII–XI настоящей работы.

⁶¹ В.Н. Фигнер и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Сообщение И. Гарелина // Память. Исторический сборник. Выпуск 3, 1980. С. 393–402.

⁶² Там же. С. 399, примечание 5.

⁶³ Ср. вышедшее в 1972 г. расширенное французское издание его возникшей уже в начале 50-х гг. работы о революционном движении с историографическим обзором (Presentation) на стр. 15–100: *Venturi F. Les intellectuels, le peuple et la révolution. Histoire du populisme russe XIX siècle.* – Paris, 1972. С. 17–19. (*Venturi F. Il populismo russo.* – Turin 1952); *Venturi F. Roots of Revolution. A history of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia.* – London, 1960.

⁶⁴ *Venturi. Les intellectuels.* С. 17; *Frankel J. Party Genealogy and the Soviet Historian. 1920–1938 // Slavic Review (1966) 4.* С. 553. Соответствующая дискуссия рассматривается в главе VII «МЕСТО В ИСТОРИОГРАФИИ ОТНОСИТЕЛЬНО “НАРОДНОЙ ВОЛИ” (1929–1930 гг.)» настоящей работы.

⁶⁵ *Enteen G.M. The Soviet Scholar-Bureaucrat. M.N. Pokrovskij and the Society of Marxist Historians.* – London, 1978. С. 118–132.

⁶⁶ *Barber J. Soviet Historians in Crisis 1928–1931.* – London, 1981. С. 89f.

⁶⁷ *Barber J. Soviet Historians in Crisis 1928–1931.* – London, 1981. С. 90.

⁶⁸ *Курбатов Ю.А. Устав Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев как историографический источник. 1921–1924 // Историческое воззрение как форма общественного сознания.* – Саратов, 1995, Вып. 2. С. 56–63; *Курбатов Ю.А. Саратовское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1924–1935 // Культура русских и немцев в поволжском регионе.* – Саратов, 1993. С. 86–106; *Курбатов Ю.А. Общество политкаторжан и безработица. Из записной книжки историка // Проблемы философии, истории, культуры.* – Саратов, 1993. С. 70–73; *Тугов М.Ю. Издательская деятельность Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1935.* – М., 1992 (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Московский государственный институт культуры); *Тугов М.Ю. Издательская деятельность Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1935.* – М., 1992 (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Московский государственный институт культуры).

⁶⁹ Тугов цитирует только две небольшие статьи Ратнера: Словарь революционеров; Первая книга.

⁷⁰ *Курбатов Ю.А. Саратовское отделение...* С. 86.

⁷¹ *Курбатов Ю.А. Устав...* С. 56–63.

⁷² *Курбатов Ю.А. Саратовское отделение...* С. 100.

⁷³ *Курбатов Ю.А. Саратовское отделение...* С. 88–89. Курбатов намекает в данном случае на статьи Ушаковой и Хазиахметова.

⁷⁴ *Тугов М.Ю. Автореферат...* С. 8 и сл. В самой диссертации эти позиции не получили дальнейшего развития.

⁷⁵ *Тугов М.Ю. Автореферат...* С. 15.

⁷⁶ *Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Большевик. 1931, № 19–20.* С. 18–19.

⁷⁷ *Тугов М.Ю.* Автореферат... С. 9; *Тугов М.Ю.* Диссертация... С. 49.

⁷⁸ Об исторических секциях и землячествах ср., в частности, главу IV «УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.)» настоящей работы.

⁷⁹ *Тугов М.Ю.* Автореферат. С. 13 и сл.; *Тугов М.Ю.* Диссертация... С. 55.

⁸⁰ По поводу многочисленных работ Коржихиной ср. следующие примечания и список литературы; *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. – М., 2000.

⁸¹ *Коржихина Т., Степанский А.Д.* Из истории общественных организаций // *Историки спорят. 13 бесед / Под общей редакцией Лельчука В.С.* – М., 1988. С. 418–419.

⁸² *Коржихина Т., Степанский А.Д.* Указ. соч. С. 408–409.

⁸³ Там же. С. 425–427.

⁸⁴ Ср. *Коржихина Т.П.* Общественные организации в СССР. Материалы к источниковедению и историографии. – М., 1992. С. 91; *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! – М., 1997. С. 350.

⁸⁵ *Ильина И.Н.* Указ. соч. С. 145.

⁸⁶ Там же. С. 149.

⁸⁷ НЭП рассматривается здесь в первую очередь как экономический эксперимент и как зеркало истории политического и идеологического формирования господствующего класса и большевиков. Более новые исследования включают в свою перспективу также аспекты культуры повседневности и истории умонастроений (Ср. об этом литературу, цитированную в: *Brakel A.* Die Neue Ökonomische Politik und die politische Meinung der bäuerlichen Bevölkerung. Eine Fallstudie zum Gouvernement Voronež 1921–1927 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 53 (2005) С. 196–220) и поведение интеллигенции (Ср. Цитированные работы Байрау и Кларка). Время первой пятилетки также рассматривается скорее с экономической, партийно-политической и культурно-политической точки зрения.

⁸⁸ Материалы многочисленных филиалов ОПК находятся в соответствующих областных архивах.

⁸⁹ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 22.

⁹⁰ Ср. в особенности фонд 89, описи 3, 5 и 12.

⁹¹ См. об этом список литературы.

⁹² Ср. список литературы.

Глава I

ОСНОВАНИЕ (1921 г.)

В 1931 г. вышла книга, посвященная 10-летию существования «Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев». В ней подробно рассказывается о возникновении Общества. Речь идет о трех попытках создания организации бывших каторжан. Впервые эта идея возникла 12 марта 1919 г. на встрече ветеранов революции, сидевших в пресловутой Бутырской тюрьме в Москве. Ветераны праздновали в тот день вторую годовщину освобождения из царских тюрем, о чем объявило еще возглавлявшееся эсером А.Ф. Керенским Временное правительство, политику которого определяли буржуазные силы. Идея основания общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев не приняла, однако, конкретных форм.

Один из участников этой встречи, П.П. Маслов, в рамках празднования третьей годовщины освобождения снова выступил с такой же инициативой и вместе с Д.И. Новомирским создал учредительную группу. Ее члены просили о содействии М.П. Томского, Жан-Брюно (Г. Веселовского) (РСДРП(б), РКП(б)), Р. Маршана¹ и С.А. Мессинга².

Было написано и опубликовано в газете «Известия», органе Всероссийского Центрального Комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов обращение ко всем бывшим политическим каторжанам и ссыльным совместно отпраздновать 14 марта 1920 г. во Дворце труда в Москве третью годовщину освобождения³. Перед собранием, имевшим решающее значение, были отпечатаны и разосланы заинтересованным лицам 200 анкет и пригласительных билетов.

Вечер, на который, собственно, и собралось от 50 до 60 ветеранов⁴, проходил следующим образом: после торжественной части председателем избрали Томского, а секретарем Новомирского. Вслед за открытием, так называемого общего собрания, слово

было предоставлено Новомирскому. Он подготовил проект устава. Маслов вспоминает, что общество должно было быть названо «Серая шапочка»⁵. Его члены должны были собираться ежегодно 12 марта, торжественно одетые в серые шапочки, а потом в этом головном уборе пройти по улицам. Устав придавал большое значение также моральной и финансовой поддержке нуждающихся товарищей и исследованию истории каторжан и ссыльных⁶.

В соответствии с предложенным Новомирским проектом устава в качестве названия создаваемого общества предусматривалось, однако, не «Серая шапочка», а «Всероссийская лига политических каторжан»⁷. Кроме того, проект Новомирского выходит далеко за пределы, очерченные Масловым. Он содержит обстоятельные представления именно о том, что касалось занятия прошлым. Лига, об основании которой шла речь, должна была собирать и обрабатывать мемуары, записи, дневники, письма и статьи своих членов, так как они «имеют несомненную ценность как человеческие документы и исторические памятники недавнего героического прошлого». В дополнение уделяется внимание «ради осуществления своей основной цели» тому, чтобы будущее общество позаботилось «о правильном использовании и применении в интересах революции сил своих, столь богатых политическим и моральным опытом, членов». Лига должна заниматься «в товарищеском общении вопросами политики, морали, эстетики и всеми вопросами культуры и революции, родившихся из их борьбы и крови». В качестве важной цели объединения приводится также поддержание памяти о борцах, погибших в царских казематах и ссылке. Предусматривалось, наконец, открытие клубов, библиотек и столовых, чтобы оказывать материальную и духовную поддержку членам организации⁸.

Наконец, на общем собрании была создана комиссия в составе Томского, Маслова, С.Ф. Корочкина, [В.Ю.] Ульянинского⁹ и [И.С.] Юзефовича¹⁰. Их задача заключалась в том, чтобы перевести основание общества в практическую плоскость. Комиссия заседала только два раза, прежде чем полностью прекратила свою деятельность по причинам, не поддающимся установлению.

Третью попытку, в конечном счете, оказавшуюся успешной, предпринял в начале 1921 г. Маслов вместе с Новомирским и еще одним, не названным по имени, товарищем¹¹. На сей раз они, чтобы пробудить интерес ветеранов революционного движения, вступили на другой путь. В «Известиях» снова было опубликовано обращение к бывшим политическим каторжанам и ссыльным.

В центре его стояла просьба предоставлять для сборника, который должен был выйти к IV годовщине Октябрьской революции, стихотворения, воспоминания и другие материалы об их деятельности в революционном движении¹².

Обратившая на себя внимание благодаря газетной статье группа вокруг Маслова, Н.А. Морозова¹³ и М.И. Осинского получила подкрепление в виде группы бывших политических заключенных, сидевших в Нерчинской тюрьме. Она состояла из Г.М. Крамарова, Л.А. Старр, В.А. Плескова, А.А. Биценко, В.М. Бобровой-Тарасовой, Ф.Н. Радзиловской, В.И. Горовиц и А.С. Пигит. Далее присоединились М.А. Веденяпин, затем С.М. Темкин, Ф.К. Врублевский, Б.С. Бернштейн и др.¹⁴ Другими активистами были И.М. Гейцман и Ф. Сенюшкин¹⁵.

Вместе они создали литературную, организационную и бюджетную комиссии. В публичном обращении, появившемся в «Известиях», снова содержалась просьба о предоставлении материалов для планировавшегося сборника¹⁶. Теперь речь шла о редактировании поступавших рукописей, для чего литературная комиссия специально назначила редакционную коллегию. Кроме того, следовало своевременно разработать устав и анкеты для подготовки основания Общества. Затем 3 марта последовал призыв, также публичный, к бывшим политическим каторжанам и ссыльным зарегистрироваться в комендатуре московского Дома Союзов, а именно в бюро Маслова, где размещалось Общество¹⁷.

12 марта 1921 г. бывшие каторжане и ссыльные отпраздновали в Голубом зале Дома Союзов в Москве IV годовщину амнистии политическим заключенным. Анонсированный сборник с текстами ветеранов революционного движения вышел в качестве первого тома журнала «Каторга и ссылка», принадлежавшего Обществу, тиражом в 500 экземпляров¹⁸. Основание «Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» совершилось. Ему предстояло просуществовать до 1935 г.

1. Структура руководства¹⁹

В качестве высшего органа ОПК было учреждено Общее собрание членов Общества, на котором сроком на год избирались ревизионная комиссия и исполнительный орган, так называемый

Совет. Ревизионная комиссия состояла из трех членов (плюс 2 кандидата), а Совет из четырех (плюс 5 кандидатов). Совет мог утверждать новых членов Общества и назначать комиссии. Членами первого Совета были Биценко, Корочкин, Маслов, Плесков, Сенюшкин, Томский и Старр. Руководство Советом взял на себя староста, избравшийся из его среды²⁰. Выбор пал на Томского²¹. Его заместителем, которого также определял Совет, избрали Маслова. Совет избрал также из своей среды секретаря (Л. Старр) и заведующего кассой. Совету были подчинены четыре постоянные комиссии – организационная, бюджетная, клубная и литературная. Комиссиями руководили члены Совета²². Организационная комиссия готовила прием новых членов. Она проверяла документы лиц, желавших вступить, и передавала их на утверждение Совету. Со временем функция этого органа расширилась. Комиссия проводила перерегистрацию членов Общества. После III Всесоюзного съезда ОПК в марте 1928 г. комиссия состояла из нескольких различных секций: конфликтной комиссии, комиссии принятия и информационной, и организационной секции²³.

3 декабря 1922 г. Совет был на Общем собрании увеличен на 27 человек, и этот увеличенный орган избрал на своем первом заседании президиум в составе девяти человек. Кроме того, Совет придал теперь «старосте» (И.А. Теодорович) двух заместителей (В.Д. Виленский-Сибиряков и Г.М. Крамаров). В Президиум автоматически входили «староста», его заместители, секретарь и заведующий кассой. К уже существовавшим комиссиям добавилась еще Комиссия ветеранов²⁴.

2. Аполитичный союз по охране традиций

Проект устава Общества, отпечатанный в № 1 журнала «Каторга и ссылка», формулирует следующие цели²⁵:

1. Объединение бывших политкаторжан и ссыльных;
2. Организация взаимной помощи: предполагалось предоставить в распоряжение членов Общества санатории, дома отдыха, столовые, артели, мастерские и т. д., а также клубы, читальные залы и библиотеки;

Обложка первого выпуска журнала «Каторга и ссылка» 1921 г.

3. Собрание, сохранение, разработка и публикация исторических материалов, касавшихся жизни каторжан и ссыльных при царизме – в их числе мемуаров, записей, дневников, писем, тюремных документов, фотографий, иллюстраций, статей и стихотворений;

4. Организовать публикацию воспоминаний о погибших (в лагерях и тюрьмах) товарищах, а также помощь их семьям.

Условия приема в Общество были, однако, строги. Должны были приниматься только бывшие политические заключенные и каторжане, не подававшие прошения о помиловании или не совершавшие поступков, несовместимых с кодексом чести политкаторжан и ссыльных. За вновь принимаемого должны были поручиться двое членов Общества.

В предисловии к тому же номеру «Каторги и ссылки» в противоположность крайне прагматично выдержанному Уставу намерения Общества были конкретизированы и осмотрительно поставлены в связь с послереволюционной историей. Редакция, состоявшая из А. Биценко, Л. Старр, Г. Крамарова, В. Плескова и П. Маслова, буквально взывала к общности ветеранов революционного движения²⁶. Самым сильным связующим элементом считалось совместно перенесенное угнетение и унижение со стороны царского режима, а также желание освобождения. По словам авторов предисловия, «в такие острые моменты одна общая идея витала над всеми своими служителями»²⁷.

Высказывается недвусмысленное сожаление о том, что эти элементы общности «с 1917 г.»²⁸ в революционном огне отошли на задний план из-за различного понимания революции и столкновения вокруг методов борьбы²⁹.

Авторы напоминают, что уже те, кто в совместной борьбе за революцию испытали тяжелые физические и психические травмы и уединились с «разрушенной душой», должны быть достаточной причиной для объединения борцов. Сходное значение придается памяти о многочисленных жертвах, павших до освобождения в феврале 1917 г. в лагерях и тюрьмах.

Стихотворения и тексты, а также некрологи участникам революционного движения только кажутся противоположными предисловию с выраженным в них намерением усилить моменты общности по сравнению с разделяющими аспектами в до- и послереволюционном движении. Редакция описывает даже свой

журнал как всякого рода несистематизированную всячину, без литературных и исторических притязаний. Напротив, эти «человеческие документы» ценны своими «непосредственными наблюдениями и переживаниями».

Правда, и здесь круг снова замыкается, принадлежность к разным политическим партиям и группировкам лишь в совсем небольшой степени играла роль в этих личных и действительно очень непосредственных описаниях. Темой являются, пусть даже и с индивидуальной точки зрения, коллективные переживания в революционной среде: общие надежды на амнистию, постоянные придирки со стороны лагерного и тюремного начальства, доходившие до пыток, физические и психические травмы, чувство бессилия, разрушенные мечты, одиночество, тишина, а потом и солидарное сопротивление угнетению, свободные пространства в условиях тюрьмы, лагеря и ссылки и, наконец, неожиданное освобождение в марте 1917 г., а также восторженный прием политических заключенных населением³⁰. П. Климушкин четко формулирует то, что, вероятно, сильнее всего трогало редакцию.

Это «[Люди, с которыми я провел] долгие, долгие годы борьбы и каторжной жизни, деля вместе с ними и страдания, и радости, и муки, те люди, которые за эти годы стали мне дороже отца и матери»³¹.

В истории основания Общества особое внимание уделяется подчеркиванию того обстоятельства, что возникновение ОПК было необходимым следствием распространенной потребности многочисленных ветеранов празднично отметить 12 марта 1917 г., день освобождения из царских лагерей и тюрем. Первоначально планировавшееся название Общества «Серая шапочка» делает особенно очевидным намерение основать союз по охране традиций, который намеревался дать своим членам возможность представить общественности свое революционное прошлое и осмыслить его. В том же направлении указывает и аргументация с упоминанием совместно перенесенных унижений, которые являются элементом, связывающим всех каторжан и ссыльных и образующим основу для создания организации, которая должна была заботиться о поддержке и взаимопомощи для смягчения физических и психических последствий репрессий со стороны царизма.

Общее исследование революционного движения

Со своей ориентацией на революционное прошлое Общество не было изолированным, пребывая в общих рамках начавшейся в 1920–1921 гг. дискуссии о направленности, содержании и организационных формах будущей (государственной) историографии.

Так, пользовавшиеся признанием профессиональные историки буржуазной школы, например, М. Лемке³², П.Е. Щеголев³³, Е.В. Тарле³⁴ и др. положили начало нескольким инициативам, в ходе которых они призывали к интенсивному изучению истории революционного движения. Они подчеркивали, сколь необходимо и полезно это именно для советского государства, так как таким образом была бы в значительной степени повышена его легитимность во мнении широких народных масс.

В программных вводных текстах «Насущные задачи государственного издательства» к библиографическому журналу «Книга и революция», издававшемуся государственным издательством «Госиздат»³⁵, Лемке и Щеголев требуют издания энциклопедии русской революции и биографического словаря революционеров, а также календаря революции³⁶. Эти проекты должны были охватить освободительное и революционное движение в целом от истоков во всех их гранях. Лемке называет следующие пункты: биографии всех участников революционного движения, учет произведений революционной печати (включая цензурованные работы), революционных дел, мер государства против революционного движения, составление списков народных движений, описание международных революционных движений и восстаний, учет географических названий, связанных с революционным движением, тюрем, агентов и провокаторов, изложение хронологии, составление списков орудий пытки в царских тюрьмах, инструментов террористической деятельности, составление списков революционных типографий и литографий, наименование всех партий и их структурных подразделений, а также собирание образцов революционного жаргона.

Политическая необходимость такой энциклопедии обосновывалась следующим образом:

«[Энциклопедия русской революции, как капитальный памятник] углубил[а] бы в народных массах сознание преемственности в этой борьбе различных поколений, верований, чаяний, надежд

и программ, с другой – ширила бы кадры будущих борцов с русскими роялистскими и всякого другого рода “реставраторами”³⁷.

В июне 1920 г. Лемке и Щеголев основали в Петрограде «Общество по исследованию освободительного и революционного движения». Его члены отчасти активно действовали уже в рядах легендарной организации «Земля и воля»³⁸. Следует подчеркнуть в их числе имена бывшего меньшевика, а затем беспартийного историка и литератора Л.Г. Дейча³⁹, беспартийную народницу и бывшую сторонницу революционной организации «Черный передел»⁴⁰ Е.Н. Ковальскую⁴¹, народников Н.А. Морозова и М.В. Новорусского и беспартийного Э.К. Пекарского⁴². Позже они присоединились и к ОПК. Новорусский был даже одним из основателей Петроградского филиала ОПК. Морозов активно участвовал в основании ОПК, не став, однако, его членом.

Программа исторического общества состояла из трех пунктов: 1. Два раза в месяц должны были проводиться публичные собрания, в ходе которых предполагалось читать историю революционного движения и мемуары лиц, участвовавших в нем. 2. Было сформулировано намерение составить упомянутую биобиблиографическую энциклопедию революционного движения. 3. Запланировано издание мемуаров революционеров⁴³.

Годом позже в Москве была осуществлена инициатива, по своей содержательной направленности подобная «Обществу по исследованию освободительного и революционного движения». В начале 1921 г. возникла историческая секция Дома печати. Правда, она находилась в непосредственном подчинении Народного комиссариата просвещения. Сначала историческая секция сделала своей задачей исследование русской революционной печати, потом занялась, однако, историей революционного движения в целом⁴⁴. В соответствии с этим на ее собраниях зачитывались многочисленные доклады историков и представлялись мемуары лиц, участвовавших в революционном движении⁴⁵. С самого начала секция тесно сотрудничала с ОПК. В лице А.С. Пигит в ее исполнительном комитете был представлен активный член-учредитель Общества. Кроме того, вместе с ОПК организовывались мероприятия по истории революционного прошлого, в ходе которых выступали и члены ОПК⁴⁶. С января 1922 г. историческая секция Дома печати издавала совместно с ОПК исторический ежемесячный журнал «Историко-революционный бюллетень»⁴⁷. Под девизом «Кто не ценит своего прошлого, тот не уважает настоящего», редакция⁴⁸ указывает на пробелы

в исследовании революционного движения. Только после революции 1905 г. с появлением журнала «Былое»⁴⁹, а затем «Минувшие годы» возникла возможность исследований в этом направлении, несмотря на все еще тяжелые цензурные условия. Но и после 1917 г. в этой сфере до рассматриваемого времени мало что произошло. Теперь задача заключалась в том, чтобы собирать материалы, оценивать их, а также формировать «кадры», интересующиеся этими проблемами.

В качестве своего большого преимущества редакция подчеркивала, что журнал не был связан с какой-либо политической партией и группировкой. Напротив, представители различных партий и движений собирались, движимые всеобщим намерением совместно исследовать историю революционного движения.

«Мы ставим своей задачей изучать революционное движение независимо от того, носило ли оно характер массового пролетарского движения или шло путем террористических актов и частных восстаний. Тот и другой путь должен найти отражение в нашем органе»⁵⁰.

В отличие от «Каторги и ссылки» журнал должен был содержать также научные работы и аналитические статьи, предоставлять материалы для подготовки энциклопедии революционного движения и информировать о деятельности ОПК и исторической секции Дома печати. Имелось, наконец, и намерение поддерживать деятельность других организаций и отдельных лиц, изучающих революционное движение, а также предлагать библиографические и критические рецензии на отечественные и зарубежные книги по теме⁵¹.

В тесном контакте с ОПК находился и Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина⁵². Комитет, опорой которого были анархистские круги, возник 8 февраля 1921 г. Он ставил своими задачами создание музея Кропоткина, организацию докладов и лекций и издание сочинений Кропоткина, а также бюллетеня⁵³.

Наряду с этими организованными попытками исследования и обобщения революционного прошлого и закрепления его в памяти масс существовали и несколько негосударственных издательств, публиковавших воспоминания известных деятелей революционного движения. Большей частью это были издательства, находившиеся в Берлине, но располагавшие отделением в Петрограде или Москве. Они были хорошо оснащены в финансовом

отношении, не страдали от недостатка бумаги и их книги выходили значительно большими тиражами нежели сравнимые, но выпускавшиеся в России⁵⁴.

Конкурирующие организации

В качестве конкурента упомянутых организаций и издательств, и прежде всего их намерения продвигать общее исследование революционного движения по ту сторону всех партийных интересов следует рассматривать Истпарт. Эта Комиссия по собиранию и исследованию материалов к истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (большевиков) была учреждена Советом Народных Комиссаров 25 сентября 1920 г. Сначала она подчинялась Народному комиссариату просвещения и могла использовать аппарат Главного архивного управления (Главархива) и Государственного издательства (Госиздата). В соответствии со своей программой Истпарт был, однако, 1 октября 1921 г. вполне последовательно, хотя и с сохранением своих привилегий, включен в структуры партии большевиков, подчинен ЦК и финансировался через партийный аппарат. Его наиболее значительными печатными органами были выходившие с начала 1921 и начала 1922 гг. ежемесячные журналы «Пролетарская революция» в Москве и «Красная летопись» в Петрограде⁵⁵.

Важнейшим организатором и руководителем Истпарта был бывший народоволец М.С. Ольминский. В 1898 г. он перешел в РСДРП и сотрудничал как публицист, критик и историк в центральных партийных газетах. С 1918 г. Ольминский входил в редколлегию «Правды». Он концентрировался на собирании и публикации большого количества мемуаров партийных активистов⁵⁶. Его конкурент в Истпарте, бывший партийный пропагандист и историк В.И. Невский⁵⁷, попытался, напротив, способствовать научному исследованию истории партии, подкрепленному работой в архивах и публикацией источников. В методическом отношении Невский находился под сильным влиянием профессионального историка буржуазной школы Щеголева (*один из создателей Общества по исследованию революционного движения и соиздатель журнала «Былое»*)⁵⁸. Дополнительное сотрудничество Невского в качестве председателя исполнительного комитета

исторической секции Дома печати, и связанные с этим тесные контакты с ОПК служат добавочным указанием на то, что его взгляд был открыт и для всей истории революционного движения.

В прямом подчинении Истпарту 28 января 1922 г. было основано Общество старых большевиков (ОСБ)⁵⁹. Его председателем также стал Ольминский (с 1922 по 1933 гг.). Общество имело социальное притязание, сходное с тем, которым руководствовалось ОПК, но ограничивавшееся, однако, ветеранами коммунистического революционного движения. В обоих случаях подчеркивалась функция организаций как примера для «масс», прежде всего для коммунистической молодежи. Эта функция должна была выражаться в проведении публичных лекций и выступлениях ветеранов⁶⁰. Не в последнюю очередь следовало собирать и публиковать мемуары и материалы по истории партии и ее прошлом. Общество, издавая журнал «Старый большевик», только в 1930–1934 гг. располагало собственным печатным органом⁶¹. ОСБ тесно сотрудничало с Истпартом и его журналом «Пролетарская революция», тем более, что его программа заключалась в создании форума для *«пролетарского»* (выделено мною. – М.Ю.) революционного движения в России⁶². Критерием приема в ОСБ было как минимум 18-летнее членство в партии большевиков.

Несмотря на фактическую конкурентную борьбу между ОПК и Обществом старых большевиков, в ходе которой решался, прежде всего, вопрос о содержании и оценке истории революционного движения, между обоими обществами с самого начала существовали не только личные контакты – некоторые члены ОПК были в то же время и членами Общества старых большевиков. Осенью 1922 г. они основали также совместно с Коминтерном Международную организацию помощи борцам революции (МОПР). МОПР ставила своей целью оказание помощи «борца[м] за дело революции, томящимся в капиталистических тюрьмах»⁶³.

3. Социальная компетентность

Деятельность ОПК не ограничивалась только поддержкой членов Общества и передачей истории революционного движения будущим поколениям. Она означала и весьма активное вмешательство в текущие события 20-х гг.

В 1920 г. советское правительство проводило беспощадные реквизиции продовольствия, затронувшие и большие количества посевного зерна. Последовавшие затем крестьянские волнения, отчасти разросшиеся до настоящих крестьянских войн, осенью 1920 г. вызвали большие разорения. К этому добавилась очень тяжелая засуха. Следствием был голод, давший себя знать с начала 1921 г. во многих регионах и достигший кульминации зимой 1921–1922 гг.⁶⁴

Сразу же после своего основания ОПК деятельно поддержало советское правительство в его борьбе против голода. Оно активно последовало настоятельному призыву к советским гражданам о помощи, с которым 11 июля 1921 г. выступил Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета⁶⁵ (ВЦИК). Оно немедленно создало собственную комиссию из 30 человек в рамках образованной 18 июля и находившейся под руководством ВЦИК «Центральной комиссии помощи голодающим» (Помгол)⁶⁶. Комиссия, входившая в состав Общества, была прямо подчинена его Совету. Она состояла как из членов ОПК, так и из добровольцев. В руководство подкомиссии «Помгола» при ОПК входили Биценко (председатель), Темкин, Крамаров, Плесков, Маслов, И.П. Дубинский, А.М. Маркова и М.Д. Закгейм.

После начальных трудностей с Народным комиссариатом здравоохранения удалось получить согласие на переоборудование целого железнодорожного состава в санитарный поезд для эвакуации страдавших от недоедания и больных тифом детей с территорий, сильнее всего пораженных голодом. При поддержке Центрального комитета рабочих железнодорожного и водного транспорта (Цектрана) и Народного комиссариата транспорта (Наркомпуть) в распоряжение комиссии было предоставлено 24 вагона, которые она оборудовала на собственные средства.

«Организация поезда, начиная с ремонта и оборудования вагонов, снабжение всеми принадлежностями санитарии и продовольствием, одеждой, посудой и другими хозяйственными предметами, а также содержание персонала все это явилось результатом работы Совета Общества и его комиссии Помгол»⁶⁷.

Для финансирования своих действий Общество устраивало концерты и литературные вечера и организовало специальный сбор средств среди своих членов. От имени Общества радиообращение с просьбой о поддержке было передано и за границу⁶⁸. Выручка от продажи второго номера «Каторги и ссылки», вышедшего в количестве 10 тыс. экземпляров, поступила исключи-

тельно в распоряжение «Помгола». Кроме того, ОПК ограничило минимумом передачу продовольственных пайков, предоставленных ей для своих нуждавшихся членов Народным комиссариатом продовольствия (Наркомпродом) (см. об этом ниже), чтобы использовать сэкономленное продовольствие для оснащения своего поезда⁶⁹. Дополнительно из бюджета ОПК «Помголу» были перечислены денежные средства и передано добавочное продовольствие⁷⁰. В мае 1922 г. обдумывалась идея налогообложения членов общества, чтобы собрать дальнейшие средства на помощь голодающим⁷¹. Центральное объединение потребительских обществ (Центросоюз) также объявил о своей готовности участвовать в финансировании и организации акций помощи⁷². В апреле 1922 г. во ВЦИК рассматривался вопрос о поддержке комиссии «Помгола» Общества суммой в миллиард рублей⁷³.

Комиссия спасла жизнь примерно трем с половиной тысяч детей, организовав в общей сложности четыре рейса с ноября 1921 по июль 1922 г. Закгейм сообщает не без гордости, что смертность составляла только 1 %, а не 15 %, как в ходе эвакуационных мероприятий Народного комиссариата здравоохранения. Не в последнюю очередь удалось принять примерно на 50 % больше детей на поезда, чем на сравнимые поезда наркомата, и обеспечить их соответствующим образом⁷⁴. В своем ретроспективном анализе 1931 г. Закгейм пишет:

«Кажется, ни одно предприятие общества в дальнейшем не вызывало столько энтузиазма, энергии и организационной спайки среди членов общества, как Помгол»⁷⁵.

4. Рычаги интеграции

История основания Общества имела и политическое измерение, причем оно едва ли не привело к провалу всего проекта. Этот аспект систематически замалчивался в юбилейном томе, вышедшем в 1931 г., так как в тот момент Общество находилось под сильным политическим давлением с точки зрения легитимации⁷⁶.

В качестве причины того, что Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев не было основано уже во вторую или третью годовщину освобождения из тюрем, в юбилейном томе указали слишком малую активность. Представляется, однако, что

подлинная причина заключалась не в этом. Об этом свидетельствует информация из вышедшего в 1922 г. уже вскоре после основания Общества первого номера «Историко-революционного бюллетеня»⁷⁷. Ответственность за провал создания объединения бывших политкаторжан и ссыльных в 1919–1920 гг. возлагается здесь на «неспособность» договориться относительно «беспартийного» статуса⁷⁸. Это означает, что не недостаток инициативы, а столкновения вокруг политической и неполитической ориентации такого общества были, как представляется, решающим барьером для получения официального разрешения. Следующим признаком, говорившим в пользу этого тезиса, является тот факт, что ВЦИК зарегистрировал Общество только после того, как в 1921 г. Устав был дополнен следующим положением:

«Общество не ставит себе никаких политических целей, оно внепартийно, а потому при приеме членов следует обратить внимание не на характер того процесса, по которому данный товарищ получил каторгу и ссылку, т. е. определил ли политический он или не политический»⁷⁹.

Основатели Общества реагировали, правда, по-своему на возлагавшуюся на них подчеркнута аполитичную позицию и превращали это в добродетель. Это проявилось в оформлении критериев принятия в Общество. Существовала недвусмысленная возможность приема в Общество не скомпрометированных бывших политических каторжан и ссыльных, а также людей, которые, находясь в ссылке и на каторге, зарекомендовали себя особыми заслугами перед революционным движением, независимо от их политических взглядов и убеждений⁸⁰. Тем самым Общество было в принципе открыто для всех ветеранов революционного движения, соответствовавших этим критериям, независимо от их партийной принадлежности и, что следует особо подчеркнуть, от их лояльности молодому советскому государству.

Таким образом, в целом состоялась дискуссия о том, какое место должно было занимать и какую функцию выполнять объединение ветеранов революции в только что возникшем государстве и советском обществе. В годы же, непосредственно следовавшие за Октябрьской революцией, именно этот вопрос был, в высшей степени, политически важным. В чем заключались здесь с точки зрения Общества моменты трения, можно сделать вывод из уже упоминавшейся оценки положения, которое дала редакция в первом номере «Каторги и ссылки». Здесь была вскрыта опасность того, что на фоне послереволюционных дискуссий о «правильном

пути» к социализму, разгоревшихся между различными революционными группировками и партиями, коллективный опыт солидарности и единения во время совместной борьбы против царизма грозил поблекнуть. Эта оценка де факто представляет собой, правда, приукрашивающее описание ситуации после 1917 г. Проблема заключалась в том, что Гражданская война, начавшаяся практически уже в 1917 г., разыгрывалась не только между классами и проходила через каждый из них. Теперь друг с другом боролись и значительные отряды социалистически и анархистки настроенных «сестер» и «братьев», которые вместе с большевиками выступали против царизма и способствовали победе революции. С 1918 по 1921–1922 гг. постоянно нарастала скрытая и открытая вражда значительной части социалистических партий и организаций, а также анархистов к правительству, политику которого определяли большевики. Большевики, со своей стороны, прилагали немалые усилия, чтобы в организационном отношении уничтожить этих конкурентов в борьбе за власть, запугать их и с помощью как открытого, так и скрытого давления присоединить к своей партии. Это создало в 1920 г. неблагоприятный климат для основания общества, членами-учредителями которого были не только большевики, но и представители в настоящем или прошлом самых разных социалистических и анархистских партий и движений⁸¹. Особенность Общества в том и заключалась, что в нем намеревались объединиться представители различных поколений и политических течений революционного движения.

5. Что двигало отцами-основателями

Вопреки утверждению советского историка Александра Ратнера, самыми активными членами-учредителями ОПК были ни в коем случае не большевики. Напротив, Маслов и Новомирский были анархистами. Другие ведущие инициаторы создания Общества входили в другие социалистические партии, лишь незадолго до этого события сдали свои членские билеты или поменяли их на билеты партии большевиков. В данной связи следовало бы назвать Н.А. Морозова (член-учредитель «Народной воли»), В.А. Плескова (бывший меньшевик), Осинского (беспартийный, бывший анархист), А.А. Биценко (бывшая левая эсерка), В.М. Боброву-

Тарасову (бывшая эсерка), Ф.Н. Радзиловскую (беспартийная, бывшая большевичка), В.И. Горовиц (бывшая меньшевичка), Старр (бывшая эсерка и профсоюзная активистка)⁸², А.С. Пигит (бывшая эсерка), М.А. Веденяпин (эсер), Б.С. Бернштейн (бундовец) и И.М. Гейцман (анархист)⁸³.

В отличие от позиции Ратнера здесь возникает вопрос о том, как же это Общество, хотя его основание не может быть объяснено инициативой большевиков, смогло, тем не менее, быть основано. В чем заключалась мотивация отдельных членов-учредителей Общества? Как совмещалась эта мотивация с соображениями большевиков, поддерживавших основание Общества? Какую роль играла при этом текущая деятельность правительства и партии?

П.П. Маслов и Д.И. Новомирский

Беспартийный П.П. Маслов⁸⁴ был важнейшим организатором в процессе основания Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, не заявив, однако, о себе в письменном участии при составлении программных документов. Он привлек в качестве важнейших сотрудников М.П. Томского, Д.И. Новомирского и М.И. Осинского. Вместе с Новомирским, Осинским и Томским Маслов отбывал заключение в московской Бутырской тюрьме, работал на каторге и поддерживал с ними тесный контакт⁸⁵. С Новомирским, а также Осинским его связывала, кроме того, анархистская идея. Ян Рудзутак, также находившийся в Бутырской тюрьме одновременно с Масловым и в дальнейшем тесно связанный по профсоюзной работе, прежде всего, с Томским, оставался на заднем плане. Он официально вступил в Общество в марте 1924 г.⁸⁶

Д.И. Новомирский был на фазе основания главным авторитетом ОПК в программной сфере. Родился он в 1882 г. С юных лет его жизнь была насыщена революционными приключениями. Сначала он сотрудничал с РСДРП (б), а затем после ареста в 1904 г. и последовавшего за тем освобождения присоединился в европейской эмиграции к анархистам. В 1905 г. в Париже он издавал газету «Новый мир» и поддерживал тесный контакт с французским анархо-синдикалистским движением. После возвращения в Одессу он организовал группы анархо-синдикалистской ориентации, разработал их программу, планировал много-

численные террористические акты и участвовал в осуществлении некоторых из них, в том числе сенсационного ограбления банка. В 1907 г. он был снова арестован и в 1908 г. приговорен к 8 годам каторжных работ. 1909–1915 гг. он провел в каторжном отделении Бутырской тюрьмы в Москве. После 1915 г. он был отправлен в ссылку в Сибирь, откуда ему удалось бежать в Америку. После Февральской революции 1917 г. Новомирский возвратился из эмиграции в США на родину и активно работал в 1918–1920 гг. в анархистском издательстве «Голос труда». В 1920 г. он публично объявил в «Правде» о вступлении в РКП(б), хотя затем в списках членов ОПК всегда указывался как беспартийный. В октябре 1936 г. он был арестован и приговорен к 10 годам лагерей. Его дальнейшая судьба неизвестна. Перу Новомирского принадлежат несколько трудов по истории анархизма в России⁸⁷.

Как уже упоминалось, Новомирский разработал Устав в ходе первой попытки основания Общества бывших каторжан и ссыльных, предпринятой в марте 1920 г. Чтобы понять мотивы, которые могли побудить его к разработке центрального документа планировавшейся организации, и реконструировать подоплеку событий в данном случае, следует, прежде всего, еще раз обратиться к его проекту Устава. В качестве второго шага этот проект сравнивается с разработанным тогда же открытым письмом Новомирского анархистам, которое он опубликовал в «Правде» в середине мая того же года⁸⁸.

В согласии с позднейшими уставами ОПК в центре проекта Новомирского – работа по формированию традиций. Его концепция заключается в усилении индивидуального взгляда в прошлое посредством предоставления членам Общества возможности публиковать в качестве очевидцев воспоминания о пережитом. В рамках сохранения памяти о революционном прошлом «лига» должна взять на себя и разработку политических, моральных, эстетических и культурных вопросов революции. Этот фрагмент отличался, однако, от всех последующих уставов, официально утверждавшихся правительством. К тому же проект Устава содержит бросающееся в глаза своей неконкретностью высказывание об общественно-политической задаче Общества: оно должно заботиться о «правильном» использовании своих членов в «интересах революции»⁸⁹. Только письмо Новомирского анархистам, опубликованное в «Правде», разъясняет смысл этого высказывания. Как авторитетная фигура в анархо-синдикалистской части

анархистского движения⁹⁰, Новомирский публично обосновывает в нем свое вступление в РКП и агитирует за ее поддержку. Подобно тому, что сформулировано в его проекте Устава ОПК, в центре аргументации Новомирского революция. Его отношение к «пролетарской революции» возводится в абсолютный критерий оценки всех партий и движений. Разумеется, при этом существует только позиция «или – или». Возникает следующая дихотомия политической жизни:

«Во время социалистической революции нет и не может быть многих групп, а есть только две силы: одна стоит за революцию, другая за контр-революцию; одна – за пролетариат, другая – за буржуазию; одна – за труд, другая – за капитал. Потому возможны теперь только две партии, – труд и капитал»⁹¹.

В соответствии с этой «железной логикой» РКП является для него единственной политической силой, которая, в отличие от всех остальных партий, включая анархистов, не колебалась туда-сюда между двумя лагерями. На фоне исторически необычной революционной ситуации РКП перетолковывается в партию нового типа, которая, несмотря на многочисленные отдельные ошибки, превратилась в «ответственное и надежное убежище для всякого честного революционера», как раз в *ту* «политическую силу», с помощью которой может быть создано общество, где каждая личность получит возможность свободно дышать, и смогут быть осуществлены также «мечты» анархистов об обществе, свободном от господства.

На первый взгляд, кажется, что Новомирский безоговорочно соглашается с большевиками и единоличным притязанием их партии на господство. Новомирский действительно мирится с ситуацией, созданной большевиками до 1920 г., но в то же время предлагает свои представления об РКП, которая стала более открытой и превратилась в политическую силу, интегрирующую все социалистические партии и движения, главная задача которой заключается в защите революции. Недаром Новомирский последовательно освобождает в своей статье РКП от ее сокращения «(б)», означающего «большевики»⁹².

В этом смысле основание Общества бывших каторжан могло бы быть понято с позиции Новомирского как модель трансформированной РКП, которая, даже если и на другом уровне, демонстрировала бы равноправные и солидарные совместные действия сторонников всех социалистических партий и беспартийных социалистов ради дела революции.

В.А. Плесков и Г.И. Крамаров

Важную роль среди членов-учредителей Общества играл также бывший меньшевик Владимир Абрамович Плесков. Он родился в 1883 г. в мелкобуржуазной семье и имел среднетехническое образование. С 1902 г. был членом РСДРП, а после раскола в 1903 г. присоединился к меньшевикам. В 1905 г. он был арестован в Одессе и как член боевой организации РСДРП приговорен к девяти годам каторжных работ в Зерентуйской тюрьме, из которых он отработал шесть лет, а затем провел год в ссылке в Мысовске Забайкальской области. К моменту основания ОПК он уже вышел из партии меньшевиков и зарегистрировался как беспартийный⁹³.

Плесков был членом редколлегии «Каторги и ссылки». Его позицию во время основания Общества можно установить с помощью двух статей, которые он опубликовал в первом же номере журнала Общества в 1921 г. Они характеризуются не только отточенным стилем, но и представляют собой единственные в своем роде статьи, чей автор не подчинился требованию, сформулированному в предисловии к журналу – полностью отодвинуть на задний план принадлежность к различным политическим партиям и группировкам.

В центре его первой статьи самоубийство эсера Егора Сергеевича Сазонова в знак протеста против телесных наказаний в каторжной тюрьме в Горном Зерентуе⁹⁴. Самоубийство этого героя революционного движения, который как член боевой организации партии эсеров 15 июля 1904 г. убил министра внутренних дел В.К. Плеве, Плесков оправдывает в качестве последнего средства, которое позволило защититься и привлечь внимание российской и международной общественности.

Обращение Плескова к читателю, и в этом он вполне придерживается целенаправленности, свойственной первому номеру «Каторги и ссылки», состоит в том, что даже в крайне тяжелых условиях заключения и по ту сторону распрей среди представителей различных партий эти условия могли быть облегчены с помощью солидарности и хорошей организационной структуры, а в случае злоупотреблений начальства мобилизована общественность⁹⁵.

В его второй статье изображены в качестве самых выдающихся заключенных тюрьмы в Нерчинске⁹⁶ Сазонов и левая эсерка Мария Спиридонова⁹⁷. Следует подчеркнуть, что Плесков, рассказывая о Спиридоновой, уделяет внимание женщине-политику,

которая в 1917 г. хотя и занимала лояльную позицию в отношении большевиков и выступала за единый фронт против «белых», но затем, планируя и осуществляя убийство германского посла графа Мирбаха, пыталась торпедировать Брестский мир. Кроме того, она в своих сильных и резких выступлениях осуждала хлебную монополию большевиков и проводившуюся ими с осени 1918 г. политику принудительных реквизиций у крестьянства. Она принимала самое активное участие в восстании левых эсеров 6–7 июля 1918 г. в Москве, создавшем для большевиков серьезные трудности⁹⁸. Не в последнюю очередь она резко критиковала политику изоляции «социалистических братьев и сестер», проводившуюся большевиками. Спиридонова была арестована 6 ноября 1918 г. и амнистирована в ноябре, затем 18 января 1919 г. арестована снова за «контрреволюционную деятельность», но освобождена своими товарищами по партии. В октябре 1920 г., несмотря на заболевание тифом, последовал ее новый арест. В момент основания Общества она находилась в тюрьме и была освобождена только в сентябре 1921 г. с обязательством отказа от политической деятельности. Затем она снова находилась под домашним арестом и наблюдением ВЧК⁹⁹.

Для Плескова характерно, помимо сказанного, что он – единственный из авторов первого номера «Каторги и ссылки», кто рассматривал выдающуюся роль эсеров в царских тюрьмах. Он описывает, например, тюремного врача, который был дружески расположен к политическим заключенным, особенно эсерам. Основываясь на списках, подготавливавшихся эсеровской фракцией в заключении, врач помогал больным и якобы больным заключенным из разных социалистических партий и анархистам сократить срок заключения или быть отправленными в ссылку. Общий контекст, в котором следует рассматривать статью, показывает в целом, что эсеры были за решеткой самой влиятельной силой¹⁰⁰.

Третьим среди задававших тон членов-учредителей ОПК был Г.И. Крамаров. Родившийся в 1887 г., он, как и Плесков, происходил из мелкобуржуазной среды. С 1902 г. Крамаров поддерживал контакт с РСДРП. В 1906 г. он был арестован, приговорен в Одессе к четырем годам каторжных работ в Зерентуйской тюрьме, а затем сослан последовательно в Баргузин, Иркутск и Харбин. В целом он провел шесть лет в тюрьме и девять месяцев в ссылке, прежде чем эмигрировал. Ко времени основания ОПК он был членом РКП(б)¹⁰¹.

Из его публикации в первом номере «Каторги и ссылки» становится ясно, что среди членов-учредителей ОПК имелись различные позиции по поводу изображения революционного прошлого. При этом Крамаров занимает позицию, противоположную той, которой придерживался Плесков.

Его описание обстоятельств смерти матроса Акима Воробьева, застреленного охранниками в Зерентуйской каторжной тюрьме, представляет собой пропаганду в пользу молодой советской власти.

«Являясь истинным представителем миллионов трудящихся, олицетворяя в себе их чаяния, надежды и готовность до конца бороться со всяким гнетом и насилием, Воробьев держался чрезвычайно скромно, ничем не выделяясь из сотни рабочих и крестьян, солдат и матросов, которые попали на каторгу за участие в революционных выступлениях»¹⁰².

Крамаров рисует идеально-типическую картину: партийная принадлежность Воробьева недвусмысленно ставится на задний план. Крестьянин по происхождению, он стал матросом и участвовал в деятельности нескольких подпольных организаций, одна из которых «*формально* (курсив мой. – М.Ю.) считалась связанной с Севастопольской организацией партии социалистов-революционеров»¹⁰³.

Если сравнить изложение Крамарова с тем, что писал Плесков, то окажется, что в группе основателей ОПК существовали различные представления относительно формы личных воспоминаний о революционном прошлом. Эти различия могли, очевидно, сосуществовать. Различия были терпимы, так как преобладала общность.

Крамаров придавал такой вид своим личным воспоминаниям, что они могли пониматься как прямая поддержка большевиков, которым как раз в то время приходилось сталкиваться с крайней поляризацией в отношениях между РКП(б) и другими социалистическими партиями и движениями. Напротив, позиция Плескова заключалась в возможно большей ориентации на исторические факты и в том, чтобы подчеркнуть разную политическую значимость различных политических партий в революционном движении.

Между позициями Крамарова и Плескова находились в первом номере «Каторги и ссылки» уже упоминавшиеся авторы, например, П. Климушкин. Его проникнутое эйфорией описание амнистии 12 марта 1917 г. было равнозначно высокой оценке Временного правительства при Керенском¹⁰⁴. Особенно интересна точка зрения Климушкина на значение неформальных контак-

тов между участниками революционного движения. Он считает, что такие контакты, независимо от партийной принадлежности тех, кто их осуществлял, принципиально ограничивали власть правящих кругов. Давая такую оценку, он явно выходит за пределы описанных «директив», поставленных в предисловии к первому номеру «Каторги и ссылки»¹⁰⁵.

Такие авторы, как Н.Н. Билибин, Сенюшкин и Л. Лейзеров следуют исключительно схеме, сформулированной в предисловии, не дополняя свои материалы аспектами, выходящими за пределы этой схемы. Умеренный анархист Г. Сандомирский, занимавший просоветские позиции, поддерживает проект, описывая на страницах «Каторги и ссылки» героев, которые не позволяли ни оскорбить себя, ни воздействовать с помощью издевательств и преодолевали гнетущую повседневность мест заключения с отдачей немалых сил и искренностью¹⁰⁶. Так возникли новые мифы и образы мучеников.

А.А. Биценко и М.П. Томский

Эсерка Анастасия Алексеевна Биценко, также член узкой группы основателей Общества, родилась в 1876 г. Ей, крестьянке по происхождению, удалось закончить гимназию. Она училась на педагогических курсах Общества воспитательниц и учительниц в Москве и стала в 1902 г. членом партии эсеров. В 1902–1903 гг. она входила в смоленский, в 1903–1904 гг. в петербургский, а с 1905 г. в московский комитет партии. В начале своего революционного пути занималась организационно-пропагандистской работой, а с 1905 г. террористической деятельностью. 22 ноября 1905 г. она убила генерал-адъютанта В.В. Сахарова, подавлявшего крестьянские волнения в Саратовской губернии. В 1906 г. Биценко была приговорена к смертной казни, затем помилована, но отправлена на каторгу. В Мальцевской женской тюрьме (Акатуй) была избрана старостой политических заключенных. Только в марте 1917 г. она вышла на свободу благодаря амнистии, объявленной министром юстиции Временного правительства Керенским.

После революции Биценко заняла позицию левых эсеров. Она уважала и в принципе поддерживала преобладание большевиков. С марта по июнь 1918 г. Биценко была членом Совета Народных Комиссаров Москвы и Московской губернии, а также членом Президиума Моссовета и Московского губернского исполкома.

Прежде всего, как специалист своей партии по вопросам сельского хозяйства, особенно по теме «Социализация как путь к социализму» она, однако, несмотря на лояльность, не боялась критики в адрес политики большевиков. Дистанцироваться от большевиков заставила ее особенно политика правительства в отношении крестьян весной 1918 г. Тем не менее, она отвергла и восстание левых эсеров в Москве 6–7 июля, и присоединилась к своим товарищам по партии, отклонявшим вызов большевикам. Несмотря на эти изъявления симпатии, Биценко была арестована, но уже вскоре освобождена. В сентябре 1918 г. она участвовала в основании Партии революционного коммунизма, организации членов партии левых эсеров, распущенной после июльского восстания. ПРК сразу же закрепила лояльность большевикам в программе: 1. Поддержка Брестского мира. 2. Никаких террористических актов. 3. Никакой борьбы против господствующей партии¹⁰⁷.

Биценко принадлежала к той части левых эсеров, которая позволила с помощью искусной политики большевиков отколоть себя от твердого ядра партии и войти в РКП(б). Вступление в ноябре 1918 в РКП(б) было для нее вполне логичным. Рекомендацию Анастасии Алексеевне выдал Я.М. Свердлов, сыгравший важную роль в подавлении восстания левых эсеров в Москве 6–7 июля, как путем переговоров, так и с помощью силовых методов¹⁰⁸.

Поддержка Биценко основания ОПК – это подтверждение и продолжение ее политической позиции, заключавшейся в предоставлении в (узко) очерченных рамках господствующих партии и правительства возможностей развития также членам других социалистических партий и сочувствующим, что препятствовало бы злоупотреблению властью со стороны большевиков. Ее позиция сравнима с той, которую занимал Новомирский.

В руководящей элите большевиков важнейшим сторонником основания общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев был Михаил Томский. Так как, однако, высказывания Томского о его личном выступлении в пользу создания такого общества отсутствуют, здесь следует воспользоваться информацией из главной сферы его деятельности – профсоюзного движения. Такой подход обосновывается существованием точек соприкосновения между его поддержкой основания ОПК и серьезными проблемами в перестройке профсоюзов.

В.И. Ленин характеризовал Томского, многолетнего представителя профсоюзного движения и одного из его важнейших орга-

низаторов, как «барометр» профсоюзов. С 1918 г. занимавший пост члена Всероссийского центрального совета профсоюзов (ВЦСПС), он был вынужден с конца 1919 г. бороться с тем, что три четверти рабочих по самым разным причинам выступали против советской власти. В число причин входили кризис снабжения, потери в заработной плате и выдворение фабрично-заводских советов в пользу введения на предприятиях единоличного управления. Первые шесть месяцев 1920 г. были отмечены постоянными забастовками. Влияние других социалистических, но не большевистских, партий и движений на рабочих сильно возросло¹⁰⁹. Профсоюзам приходилось, прежде всего, в индустриальных центрах, где находилась опора большевиков, преодолевать значительное уменьшение количества своих членов.

Стремление таких видных лидеров большевиков, как Г.Е. Зиновьев и Л.Д. Троцкий, а также, хотя и с некоторыми ограничениями, В.И. Ленина, к огосударствлению профсоюзов, наталкивалось на малую симпатию рабочих. Популярным среди них было требование независимости профсоюзов или их нейтральности по отношению к государству, которое представляли влиятельные силы в рядах эсеров, меньшевиков и анархистов. Томский пытался, оказавшись в «шпагате», разрешить этот конфликт с помощью курса «мягкого» огосударствления. Его линия заключалась в том, чтобы с помощью структурных изменений и уступок содержательного характера вывести профсоюзы из-под сильного влияния других социалистических партий и анархистов. Он стремился к межотраслевому объединению и централизации профсоюзов при одновременном роспуске строптивных цеховых профсоюзов или параллельных организаций. Тем самым он приблизился к своей цели хотя формально и сохранить независимость профсоюзов, но фактически поставить их под контроль государства и РКП(б). Таким образом, удалось заставить профсоюзы «плечом к плечу» с советской властью бороться за преодоление чрезвычайной ситуации экономического кризиса и при этом брать на себя государственные задачи руководства экономикой¹¹⁰. Чтобы оспорить эти темы у других социалистических партий и анархистов и на содержательном уровне, он выступил вопреки сопротивлению Троцкого, Ленина и Н.И. Бухарина против «единоличного управления» за коллективное руководство учреждениями и предприятиями. Только оно предлагает рычаг для участия рабочих в управлении¹¹¹. Томский согласился и с роспуском политотдела¹¹² в профсоюзе железнодорожников. Ко-

гда же затем он в ходе введения новой экономической политики не выступил против дискуссии, снова разгоревшейся на IV Всероссийском съезде профсоюзов 17–25 мая 1921 г. вокруг расширенной независимости, демократизации и дебюрократизации профсоюзов, а молча оставил на повестке дня соответствующий проект, предложенный членом коммунистической фракции Д.Б. Рязановым¹¹³, то был подвергнут наказанию со стороны ЦК РКП(б), потерял свой пост в ВЦСПС и был отправлен на профсоюзную работу в Туркестан¹¹⁴.

Если применить эту информацию для того, чтобы рассмотреть мотивы, по которым Томский поддержал основание ОПК, можно констатировать следующее: параллельно политике, которую он проводил в качестве профсоюзного лидера, важный мотив мог заключаться в стремлении ослабить и с помощью основания ОПК другие социалистические партии и движения, в большинстве своем настроенные против режима. На сей раз большевикам надлежало отделить от социалистов-революционеров и других конкурентов бывших соратников, (потенциальных) сочувствующих, нерешительных и пребывавших в преклонном возрасте символические фигуры революционного движения. И действительно, в лице Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев был создан и наделен рядом привилегий на некотором расстоянии от РКП(б) и государственных органов своего рода резервуар (бывших) представителей всех социалистических партий, включая приверженцев большевиков. Влияние РКП(б) было, по сравнению с перестройкой профсоюзов, обеспечено прямыми личными связями и централизацией. Кроме того, Томский обеспечивал свою поддержку вовсе не любым ветеранам революционного движения. Напротив, общее для всех членов-учредителей Общества состояло в том, что они в принципе уважали правительство. Существенно, что Томский лично знал их немалую часть со времени, проведенного в царских тюрьмах и ссылке.

Другой важной причиной личной активности Томского был, помимо внутривластного эффекта основания такого общества, и положительный отклик за границей на его допущение¹¹⁵. В действительности эмигрантская пресса приняла основание Общества к сведению. Имелись похвально звучащие сообщения о том, что в нем объединены представители различных партий¹¹⁶.

Политика Томского основывалась в 1920–1921 гг. на его общем опыте профсоюзной работы. И здесь предпринималась

попытка при возможно меньших уступках интегрировать другие социалистически настроенные общественные силы, предоставляя им организационные возможности в жестко очерченных рамках и на точно определенном расстоянии от РКП(б) и правительства. С такой позиции основание общества бывших политкаторжан и ссыльных – в какой-то степени результат реакции профсоюзной верхушки, но прежде всего Томского и Рудзутака на давление со стороны других социалистических партий и движений как внутри страны, так и из-за границы.

И действительно, создание Общества нуждалось в этой прямой поддержке со стороны центрального руководства профсоюзов, ибо активность ветеранов революции сталкивалась не только с безраздельным согласием. Так, хотя «Госиздат» и принял рукопись первого номера «Каторги и ссылки», но наложил вето на печать. О том же, что здесь имел решающее значение не недостаток бумаги, использовавшийся в качестве отговорки, а играли свою роль политические сомнения, свидетельствуют трудности, начавшиеся, когда члены редакции «Каторги и ссылки» потребовали возвращения рукописи. Последовал отказ, как в выдаче единственного экземпляра, так и в разрешении напечатать сборник на собственной бумаге. Ветераны оценили это как провал всего своего проекта¹¹⁷. Только благодаря решительному поведению Маслова, появившегося с маузером на поясе у сотрудницы «Госиздата», ответственной за хранение поступивших материалов, удалось получить рукопись обратно. Печатание последовало теперь без разрешения «Госиздата» в издательстве ВЦСПС. Правда, издательство не было названо в издании отдельной книгой¹¹⁸. Затем ВЦСПС предоставил первые помещения для учредительного заседания и проведения первых собраний группы основателей.

6. Поддержка со стороны ВЦИК

Основание ОПК нашло поддержку не только важнейшей руководящей фигуры Центрального Совета профсоюзов, но, благодаря хорошим контактам Томского с Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК), членом которого он был с 1918 г., получило поддержку и там. А.С. Енукидзе, с 1918 г. секретарь Президиума ВЦИК, поддержал официальную регистра-

цию Общества и, кроме того, предоставил в его распоряжение денежные средства для проведения юбилейных торжеств. Он не только положительно относился к проекту, разработанному членами-учредителями и заключающемуся в реализации через Общество государственных пенсионных выплат членам ОПК, т. е. передаче ему и проверки права на пенсию. 25 августа 1921 г. Президиум ВЦИК даже решил по ходатайству предоставить в распоряжение Общества в форме займа для нетрудоспособных и нуждающихся членов ОПК 110 млн рублей¹¹⁹. Кроме того, Народные комиссариаты продовольствия (Наркомпрод) и труда (Наркомтруд) распорядились в соответствии со списком, который должен был подготовить Совет Общества, обеспечить членов ОПК продуктами питания и освободить их от трудовой повинности¹²⁰. Вслед затем Наркомпрод начал ежемесячно распределять 100 ограниченных продовольственных пайков для наиболее нуждающихся членов Общества и оплаты работы его сотрудников¹²¹. Летом 1921 г. Общество получило собственное общежитие и жалование для определенного контингента сотрудников¹²². Кроме того, при поддержке Наркомзема удалось передать в ведение Общества совхоз Хорошевка. Здесь члены ОПК не только получали возможность работы, был также построен дом отдыха¹²³. Кроме того, Общество было освобождено от уплаты налогов, и его члены могли претендовать на большую, чем обычно, жилую площадь¹²⁴.

Таким образом, Общество, которое первоначально намеревалось само финансировать себя за счет членских взносов и собственных доходов, а также пожертвований, уже через немногие месяцы после своего основания в значительной степени финансировалось советским государством, а его продовольственное обеспечение осуществлялось с помощью народных комиссариатов.

Для членов Общества преимущество такого финансирования окольным путем заключалась в том, что они косвенно участвовали в привилегиях без необходимости навлекать непосредственно на себя упрек за получение выгод от советского государства. Например, в августе 1921 г. Президиум Совета ОПК принял решение предоставить особенно нуждающимся членам Общества финансовую помощь в размере до 100 тыс. руб. Кроме того, было одобрено выделение кредитов членам Общества в размере 300 тыс. руб. Кредит следовало, правда, возвратить в течение двух месяцев¹²⁵. В декабре семье эсера Егора Сазонова был

отчислен 1 млн руб.¹²⁶ В начале 1922 г., на пике продовольственных затруднений даже в Москве, члены Общества получили возможность покупать за 25 тыс. руб. (1 фунт = 0,44 кг; 1 пуд = 40 фунтов) 1 пуд сахара, цена которого на черном рынке была гораздо выше. Даже средства для этого были предоставлены Обществом¹²⁷. Кроме того, сразу в момент основания обдумывался вопрос о том, как можно было бы материально поддержать членов Общества или предоставить им рабочие места. Затем приобрела определенный облик идея создания предприятий, принадлежащих обществу¹²⁸.

Для многих членов и потенциальных членов Общества, включая их семьи, при решении вступить в ОПК часто шла речь о «голом выживании»: шла Гражданская война. Доходило до уже описывавшегося голода, особенно весной 1921–1922 гг. Безработица была очень высока. Исключение из возможности доступа к скудным ресурсам на основе политически мотивированной дискриминации стояло на повестке дня.

7. Автономия и контроль

Александр Ратнер, Юрий Курбатов и Михаил Тугов объясняли факт создания Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в молодом социалистическом государстве отпором войскам интервентов, окончанием Гражданской войны и введением НЭПа. Правда, авторам не удалось связать эти аспекты с историей основания ОПК. Их утверждения выполняли лишь функцию описания общеисторических условий. Упомянутые историки черпали свою логику из временной параллельности основания ОПК с окончанием Гражданской войны в конце 1920 г. и последовавшем на X съезде РКП(б) 8–16 марта 1921 г. закреплении НЭПа. Причина этого недочета заключалась в том, что от внимания авторов ускользнул важнейший связующий момент: основание ОПК последовало в среде членов партии большевиков, принадлежавших к ее профсоюзному крылу, и было поддержано Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК).

Из сказанного выше становится ясно, что организационный «мотор» процесса создания объединения, П.П. Маслов, и его ли-

дер в программном отношении, Д.И. Новомирский, были люди с политическими биографиями, отмеченными воздействием анархо-синдикализма. Оба поддерживали тесные контакты с М.П. Томским, главной фигурой в том, что касалось представительства интересов профсоюзов в руководящем звене партии большевиков. Принципиальная основа доверия сформировалась вследствие того, что они провели вместе много лет в каторжном отделении Бутырской тюрьмы. Поэтому они были и среди гостей на дружеской встрече тех, кто в марте 1919 г. собрался у второго видного представителя профсоюзных интересов Я.Э. Рудзутака, чтобы вспомнить о временах, проведенных в тюрьме. Кроме того, интересы Маслова, Новомирского и Томского пересекались и взаимно дополнялись именно в 1920 и 1921 гг. Томский, как показало его участие во встрече «бутырцев» в 1919 г., придавал большое значение прошлому и поддерживал в этом отношении Маслова и Новомирского, также равнодушных к данному аспекту. Со своей стороны, Новомирский именно в начале 1920 г. доказал собственную лояльность во время первой попытки основания Общества. Он не только вступил в РКП(б), но и, открыто выступив в «Правде», использовал весь свой авторитет в анархо-синдикалистских кругах в интересах большевиков. Новомирский представил эту партию в виде единственной политической силы, от которой он ожидал как подлинной способности к интеграции, так и решения огромных проблем страны.

Поддерживая основание ОПК, Томский главным образом искал механизмы для того, чтобы с помощью организации, хотя и обособленной, но связанной личными узами с партией, контролировать, в длительной перспективе политически интегрировать или политически нейтрализовать социалистические и анархистские силы, которые нельзя было побудить к вступлению в РКП(б). Его заинтересованность в таком пути можно объяснить усилиями Томского по «мягкому» огосударствлению профсоюзов. Цель проведения этой линии заключалась в том, чтобы посредством частичных предложений и уступок социалистическим и анархистским кругам сдержать быстрое снижение влияния большевиков в профсоюзном движении в 1920–1921 гг. По той же причине Томский поддержал и первую попытку основания ОПК в марте 1920 г. Уже тогда, в обстановке еще не законченной Гражданской войны, он искал рычаги для того, чтобы обеспечить в пользу большевиков исход борьбы, разворачивавшейся и между социалистическими силами. Тем самым в отличие от того, что

утверждал Ратнер, Гражданская война вовсе не создала препятствие поиску надежных решений, а была, напротив, поводом к такому поиску. Участие занимавшего высокий пост члена ВЧК С.А. Мессинга в учредительном собрании показывает, что это считали необходимым не только представители профсоюзов, но и сотрудники секретных служб. Тот факт, что в 1920 г. Общество не было создано, следует, учитывая обязательность поддержки со стороны профсоюзного крыла, объяснить скорее позицией руководства РКП(б) во главе с Л.Д. Троцким, которое уже летом 1920 г. вопреки сопротивлению Томского для преодоления катастрофической экономической ситуации навязывало профсоюзам иерархически-милитаристские структуры, не оставлявшие пространства для компромиссов или предложений¹²⁹. Трудность договориться среди тех, кто желал создания Общества, о его неполитическом статусе, в этом контексте была лишь дополнительной причиной для того, чтобы прекратить деятельность по созданию ОПК.

Введение НЭПа благоприятствовало основанию Общества в той мере, в какой имел место отказ от милитаризации профсоюзов, а Томский и Рудзутак со своей сдержанной концепцией огосударствления профсоюзов смогли добиться временной победы.

На перспективу были установлены узкие политические границы, основание ОПК не оспаривалось. Указанием на это стала попытка Государственного издательства, «Госиздата», воспрепятствовать выходу первого номера журнала Общества «Каторга и ссылка». Публично такое решение прикрывалось аргументом о недостатке бумаги, так как последовал отказ и в повторной выдаче рукописи, чтобы нельзя было напечатать журнал в другом месте¹³⁰. В конце концов, пришлось бороться за издание рукописи первого номера «Каторги и ссылки». Номер был впоследствии нелегально напечатан в одном профсоюзном издательстве¹³¹.

Идея основания ОПК с самого начала получила поддержку и во ВЦИК. Томский и Рудзутак были членами его руководящего органа, центральная фигура которого, А.С. Енукидзе, поддерживал это намерение. Первое воззвание об основании Общества появилось в марте 1920 г. в газете «Известия», центральном органе ВЦИК.

Интерес ВЦИК был в принципе сходным с тем, который проявляло объединение советских профсоюзов. Общество должно было взять на себя функцию катализатора при скрытой финансовой и материальной поддержке фактически и потенциально

лояльных символических фигур революционного движения или их семей. По поводу этого способа, который следует практически охарактеризовать как конспиративный, имелось молчаливое соглашение с руководством ОПК. В его официальных сообщениях о финансовой базе Общества в принципе не указывалось никаких цифр. Создалось даже впечатление, что финансовая помощь со стороны советского государства стояла на последнем месте, хотя она составляла почти 100 %. В соответствии с этим не обнародовались обширные ассигнования и привилегии, охватывавшие оплату штатных сотрудников, предоставление кредитов, отчисления на приобретение продовольствия, освобождения от уплаты налогов, возможности решения жилищных проблем и далее вплоть до пенсионных выплат. Тем отчетливее публично подчеркивалась задача Общества, заключающаяся в проверке пенсионных притязаний ветеранов революционного движения и выплате целиком отчисленных сумм. Тем самым возрастал и авторитет советской власти, ибо, таким образом, становилось очевидным ее принципиальное намерение нести ответственность за снабжение и даже предоставлять средства для этого руководству ветеранской организации. Правда, Общество, проверяя пенсионные притязания, в то же время «разгружало» аппарат ВЦИК, крайне обремененный этой задачей. Эта форма сотрудничества между советским государством и ОПК, при которой Обществу передавались функции государственных органов, превратилась в распространенную практику отношения государства и с другими общественными организациями¹³².

По мнению Ратнера, основаие ОПК стало возможным только потому, что большевики поняли, сколь почетно для революционеров, пожертвовавших свои лучшие годы и силы ради борьбы против самодержавия, участие в труде ради построения социализма. Де-факто, однако, основаие ОПК было возможно только благодаря неоднородной структуре РКП(б): на этот шаг решилось влиятельное профсоюзное крыло партии вместе с верхушкой ВЦИК. Оказанная ими поддержка характеризовалась политическим расчетом. Тем самым они никоим образом не стояли вне общей политики партии, напротив, в принципе подтверждали ее линию. Линия же эта состояла в том, чтобы, несмотря на введение НЭПа, продолжать начатые уже в 1917 г. усилия по систематическому пресечению всякой *политической* активности и возможностей выражения своих взглядов¹³³, по расколу других социалистических партий и их отрыву от своей основы¹³⁴. Тем

самым поддержка основания ОПК профсоюзным крылом партии ВЦИК является звеном в цепи попыток партии расколоть на две категории социалистически и анархистски настроенные силы, прибегая к политическому и экономическому давлению. С одной стороны, речь шла о тех, кто лояльно или нерешительно относились к новой политической системе, с другой о тех, кто в принципе отвергал систему и продолжал борьбу против нее¹³⁵.

Цель заключалась в том, чтобы в долгосрочной перспективе привязать к новой системе избранных ветеранов революционного движения без необходимости идти на политические уступки им. Эта цель достигалась благодаря ассигнованию для ОПК больших финансовых и материальных средств, несмотря на обострившуюся экономическую ситуацию. Кроме того, Обществу делались подлинные уступки на организационном и концептуальном уровне. С помощью своего высшего органа, Общего собрания, оно могло формировать демократическую структуру. Партия осуществляла контроль только через тех членов Общества, которые состояли в РКП(б). При этом, однако, им не должна была предоставляться привилегированная роль внутри Общества. Наконец, ОПК располагало открытой концепцией рассмотрения истории революционного движения, допускавшей пространство для различных оценок прошлого. Можно даже говорить о плюрализме мнений на этом уровне.

Основание ОПК следует в этом отношении охарактеризовать как успешный проект, который был принят многими сторонниками революционного движения. Напротив, концепция основания партий, уже закрепивших лояльность большевикам в своих уставах, не принималась в качестве серьезной альтернативы последовательному запрету на политическую деятельность вне РКП(б).

Следует заметить со всей определенностью, что основание ОПК никоим образом не восходит к инициативе большевиков, как полагает Ратнер. Активное ядро членов-учредителей состояло не из большевиков с многолетним стажем, за исключением Г.М. Крамарова. Напротив, двум виднейшим из членов-учредителей, беспартийному Маслову и только что вступившему в РКП(б) Новомирскому удалось привлечь к проекту умеренных большевиков. При этом они использовали систему личных отношений, берущую начало еще из времен совместной борьбы против царизма. Разумеется, все участники могут считаться лояльными системе.

Напротив, статистика Ратнера относительно декабря 1922 г., применяемая в качестве доказательства его положения о том, что инициаторами основания ОПК были большевики, не обладает информационной ценностью. Статистика пренебрегает временем вступления в РКП(б) приведенных членов ОПК. Она датирована концом 1922 г. и описывает тем самым уже другой отрезок времени, который, в отличие от фазы основания, был отмечен серьезными структурными изменениями ОПК¹³⁶. Мотивация Ратнера в пользу данного утверждения заключается в том, что он, хотя ему и были известны позиции видных членов-учредителей, имел намерение продолжить некоторые проекты ОПК. Это в особенности касалось начатой ОПК биобиблиографической энциклопедии. В 70-е годы такой замысел имел шанс на реализацию только в том случае, если бы удалось легитимировать корни Общества в качестве однозначно большевистских¹³⁷. Тем самым Ратнер следует традиции членов Общества Я.Б. Шумяцкого и Маслова, которые в 1931 г. попытались в юбилейном томе, посвященном десятилетию Общества, приписать инициативу основания ОПК нескольким большевикам. В своих усилиях Маслов даже пошел настолько далеко, что задним числом датировал попытки основания ОПК 1919 г. Этот способ не был новым. Его применяли уже в 1922, а затем в 1926 гг., чтобы защитить Общество от нападков. И в то время предпринимались попытки искусственно связать ОПК с такими высокопоставленными личностями, стилизованными под «стойких» большевиков, как Ф.Э. Дзержинский¹³⁸. В принятой Ратнером и Масловым датировке основания Общества задним числом правильно лишь то, что Маслов, Новомирский и Томский в 1919 г. также участвовали в уже упоминавшейся встрече бывших «бутырцев», на которой присутствовал и Дзержинский.

Равным образом неформально работавшие комитеты поддержки бывших каторжан и ссыльных, создававшиеся одновременно с крахом царизма во время Февральской революции 1917 г., могут считаться только умственными предшественниками Общества. Прямых личных связей между этими комитетами и членами-учредителями ОПК не было, тем не менее, были основания видеть себя приверженцами этой традиции¹³⁹.

Следует прибавить, что уступки, сделанные в рамках основания Общества в 1921 г., обеспечивались существенными ограничениями по всем направлениям. Ценой того, что в своих уставах не приходилось фиксировать лояльность большевикам, было

закрепление ОПК в статусе аполитичного союза по охране традиций. Равным образом из Устава было удалено первоначально планировавшееся Новомирским использование ОПК в качестве платформы для дискуссий по вопросам политики, морали, эстетики, а также культуры и революции. Тем самым не оказались желательными ни организация, подобная партии, ни независимый форум широких интеллектуальных дискуссий по ту сторону индивидуальной работы, направленной на воспоминания. Еще одно ограничение заключалось в том, что Общество, даже когда оно, в конце концов, насчитывало почти 3 тыс. членов, не планировалось в качестве массовой организации. Строгие критерии приема отгораживали его от большого числа участников революционного движения. К примеру, очень точно контролировалось, кто объединился для основания Общества. Доказательством тому – арест члена ЦК эсеровской партии М.А. Веденяпина в связи с массовыми арестами во время Кронштадтского восстания и вслед за тем, последовавший прямо на собрании, в ходе которого 12 марта 1921 г. было основано ОПК. В свободном пространстве, которое большевики терпели, рассматривая его как менее важное, была терпима деятельность пожилых символических фигур революционного движения, так как они уже давно миновали свой политический зенит. Но им лишь позволялось объединяться в рамках ОПК с менее значительными (бывшими) приверженцами по-прежнему политически активных социалистических и анархистских партий и союзов, и сочувствующими этим организациям. С этой точки зрения основание Общества было символической акцией, продиктованной пропагандистскими целями¹⁴⁰. Тем самым основание ОПК было не только актом влияния на определенные группы и их нейтрализации, но «длинной рукой» политики РКП(б), направленной на привлечение в ряды партии представителей других партий и группировок¹⁴¹.

Нет документальных доказательств того, что основание ОПК поддерживалось в верхушке профсоюзов или во ВЦИК еще и ввиду намерения повлиять подобным образом на формирование традиции. Разумеется, фиксацию ОПК на этой сфере можно рассматривать как достаточный признак такого мотива.

С точки зрения активных членов-учредителей ОПК, которых нельзя прямо ассоциировать с большевиками или только-только вступившими в партию, важнейшая причина основания ОПК заключалась в объединении бывших политических каторжан и ссыльных в легальную организацию. Их главный интерес был

направлен на осмысление революционного прошлого, в особенности на сохранение личных воспоминаний и переживаний, а также на сохранение документов. В данном пункте эти лица находили поддержку у небольшой, но очень активной группы известных историков как марксистской, так и буржуазной школы, которые также в организованной форме предлагали свое сотрудничество новому советскому государству и указывали на то, как важно формировать и документировать собственные линии революционных традиций. Этот подход нашел с основанием в 1920 г. Истпарта, еще не выступавшего открыто в качестве инструмента партии, и исторического отдела Дома печати резонанс в государственных и партийных кругах.

В целом концентрация основателей ОПК на совместно пережитой революционной предыстории Октябрьской революции оказалась в двух отношениях убедительным путем. Это направление работы преодолевало сомнения, имевшие место как среди большевиков, участвовавших в деятельности Общества, так и у других его потенциальных членов, не близких большевикам, относительно поддержки ОПК. Возникло впечатление, что в виде ОПК основан форум, сделавший в нейтральной форме своей темой историю революционного движения. Риторика первого номера журнала «Каторга и ссылка», снижавшая эскалацию, смягчавшая напряженность в отношениях между социалистическими «братьями и сестрами» дополнительно завершала эту картину. Такой метод, несмотря на его мистифицирующие и анекдотические оттенки, восходит к обычным в тюрьмах и ссылке широким союзам между представителями различных политических группировок. Основу этого подхода можно видеть и в попытке Новомирского придать ОПК типовой характер для изменившейся РКП(б), в которой должно было стать возможным солидарное сотрудничество привержцев всех лиц социалистической и революционной ориентации «под одной крышей».

Консенсус среди членов-учредителей ОПК существовал и по поводу использования Общества в качестве нейтрального института для снабжения ветеранов революционного движения, членов их семей и родных.

Основание ОПК нашло отклик среди ветеранов революционного движения в первую очередь потому, что Общество, казалось, гарантировало дистанцию от партии большевиков. Оно предлагало возможность вспоминать в рамках общественной организации о прошлом, будь то на дружеских встречах и во время

циклов лекций и докладов или в письменной форме. Члены Общества могли, не особенно теряя лицо, иметь финансовые и материальные привилегии, а также пенсионное обеспечение, причем в такое время, которое характеризовалось в целом материальными лишениями, голодом и крайним недостатком в медицинском обслуживании.

После военной победы большевиков многих ветеранов революционного движения только «сила обстоятельств» и побудила вступить в Общество, чтобы получить здесь финансовую помощь, даже если их отношение к системе, созданной под руководством большевиков, было очень скептическим, а то и доходило до неприятия.

Возможность основания ОПК не может характеризоваться как принципиальный стартовый знак общей либерализации советской общественной жизни в рамках НЭПа. Она была лишь сигналом.

Статистическая оценка данных историка Татьяны Коржихиной о важнейших уже давно существовавших и вновь основанных общественных организациях в молодом советском государстве, как представляется, опровергает это положение. Тем не менее, оно, в конечном счете, удостоверяется более дифференцированным рассмотрением цифрового материала¹⁴².

Таблица 1.

Существующие и вновь созданные некоммерческие общественные организации между 1917 и 1939 гг.

Общества	¹⁴³ 1917	¹⁴⁴ 1917–39	1917–19	1920–21	1922–28	1929–
Естественные науки, техника, медицина	45	103	7	11	29	11
Общественные науки	¹⁴⁵ 10	48	3	5	21	7
Военно-спортивные	3	16	–	2	11	–
Культурно-образовательные	11	46	8	3	20	4
Социальные	7	32	2	1	20	2
Искусство и культура	17	93	19	6	42	9
Нет данных	2	37				
Сумма	95	338	39	28	143	33

Численность наиболее значительных обществ, существовавших между 1917 и 1939 гг.: 338

Численность наиболее значительных обществ, основанных между 1917 и 1939 гг.: 243

Численность наиболее значительных обществ, существовавших /основанных до 1920 г.: 134

Численность наиболее значительных обществ, основанных между 1920 и 1928 гг.: 171

95 общепользых общественных организаций, переживших революцию 1917 г., и 39 организаций, вновь основанных до 1920 г., могут быть рассмотрены вместе. Большую их часть составляли организации чисто естественнонаучной, технической и медицинской ориентации в количестве 52 (45 плюс 7 = 52). Вторая по численности группа была представлена 36 организациями профессиональных объединений деятелей искусств и кооперацией. Следует особенно подчеркнуть, что из 36 организаций только 19 были основаны между 1917 и 1919 гг. К числу организаций, вновь созданных после 1917 г., относился и влиятельный Всероссийский совет пролетарских и культурно-просветительных организаций, Пролеткульт (1918–1932 гг.). Это свидетельствует о, в целом, не прерванной революцией и, очевидно, не испытывавшей препятствий со стороны государства, а находившей его содействие высокой активности художественных объединений.

В секторе культуры и образования сохранились, тем не менее, 11 обществ и 8 удалось основать заново. Они поставили своей целью подъем образовательного уровня в искусстве, естественных науках и литературе. В их число входило и «Общество эсперантистов». Только одно из этих обществ, «Общество друзей русского исторического музея» (1918–1930 гг.) было объединением, ориентированным на историю.

Среди девяти (7 плюс 2) социально ориентированных организаций и фондов все, за исключением Красного Креста и Красного Полумесяца предназначались для взаимной поддержки их членов, работавших в секторе культуры. Три военно-спортивные общества – это «Русское общество спасения на водах», «Русское общество “Добровольный флот”» и «Русское общество туристов». В этой области между 1917 и 1919 гг. не было основано новых организаций.

Особого внимания заслуживают общества гуманитарного характера, т. к. в их числе позже упоминалось и ОПК. Семь из 10

уже существовавших до 1917 г. обществ были историческими или археологическими, еще два культурологическими или филологическими объединениями¹⁴⁶. Три организации, основанные после 1917–1919 гг., были скорее объединениями, ориентированными на профессиональные интересы (Общество сотрудников архивов, Лингвистическое общество и Общество марксистских ученых). Последнее может благодаря дополнению «марксистский» в своем названии оцениваться как близкое к партии.

В рамках НЭПа, начавшегося после 1920 г., можно для начала при взгляде говорить о буме основания некоммерческих общественных организаций. Между 1920 и 1928 гг. возникла 171 новая организация – гораздо более 134 (95 плюс 39) обществ, уже существовавших до 1920 г. В количестве 48 (6 плюс 42) преобладали художественные объединения, так что можно говорить о подтверждении уже констатированной тенденции содействия этим обществам¹⁴⁷. В численном отношении они были даже еще сильнее, чем научно-естественные, технические и медицинские (40, т. е. 11 плюс 29). Бум испытали с основанием 21 (1 плюс 20) новой организации и социально ориентированные общества. Примерно столько же обществ было основано во время НЭПа в секторе образования и культуры (23, т. е. 3 плюс 20). В военно-спортивном секторе возникло 13 объединений, что было в четыре раза больше по сравнению с числом, имевшимся уже до 1920 г. Двойной прирост пережили и гуманитарные организации. В 1919 г. существовало 13 (10 плюс 3), между 1920 и 1928 гг. было основано 26 (5 плюс 21) новых.

Следует, правда, заметить, что численность в 171 организации, вновь основанной во время НЭПа, оказывается под сомнением уже на чисто количественном уровне в результате также отмеченных 64 закрытий¹⁴⁸. Меньше всего закрытий (8) имели место относительно оснований новых организаций (основание 40 новых организаций) в естественнонаучных обществах. Напротив, в чувствительной сфере военно-спортивных объединений основано было 13, а ликвидировано 10. Наблюдавшиеся 48 случаев основания новых художественных объединений в этой сфере обесцениваются в результате 21 закрытия. Сходную картину дают общества социальной направленности. Здесь доля закрытий в количестве 10 обществ также составила около 50 % по сравнению с 21 вновь основанными объединениями. Среди культурных и образовательных обществ было закрыто 8, т. е. примерно треть по сравнению с 23 вновь основанными. Из гуманитарных

обществ семь закрытий затронуло около четверти (26 вновь основанных организаций).

Закрытия научно-естественных, технических и медицинских обществ пренебрежимы ввиду их малого числа. Закрытие затронуло непропорционально высоко те общества, в которых был естественным переход с общественного уровня на политический. Например, если речь идет о гуманитарных организациях, обращает на себя внимание то обстоятельство, что во время НЭПа закрывались в особенности историко-археологические и литературоведческие организации с многолетней традицией буржуазной науки¹⁴⁹. В дополнение следует заметить, что ОГПУ и НКВД между 1922 и 1928 гг. с самого начала отклонили более 120 ходатайств об основании общественных организаций. Официальными причинами этого были, в частности, социальный состав членов-учредителей или существование подобных обществ¹⁵⁰. И эта практика говорит несколько больше против общей либерализации общественного сектора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Р. Маршан (R. Marchand) (1888–1950) – французский журналист. Из-за тесных контактов с большевиками и лояльного отношения к ним его называли «французским большевиком». Во время процесса эсеров в 1922 г. выступал свидетелем обвинения. Ср. Протокол допроса гражданина Французской Республики Рене Маршан, 22 марта 1922 // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. – М., 2002. С. 423–424; Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. – М., 1993. С. 98, 123.

² С.А. Мессинг (1890–1937) – во время Октябрьской революции участник уличных боев в Москве. Затем секретарь исполкома Сокольнического районного Совета. С августа 1918 председатель ЧК Сокольнического района. С декабря руководитель МЧК. С июля 1920 г. член коллегии ВЧК. С января 1921 председатель МЧК. Затем перевод в Петроградскую ЧК. В 1937 арестован и казнен. Ср. Кронштадт 1921. Документы / Сост. В.П. Наумов, А.А. Косаковский. – М., 1997. С. 398.

³ К бывш. политическим каторжанам и поселенцам // Известия. 1921, 19.2. С. 2.

⁴ Ср. документальное приложение, документ № 2.

⁵ Коржихина создает впечатление (без документального подтверждения), что в 1920–1921 гг. существовало общество-предшественник с тем же названием. Ср. Коржихина Т.Л. Общественные организации в СССР. С. 91. По-

этому Коржихина датирует и основание ОПК 1920 г. Ср. *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! С. 350.

⁶ *Маслов П.* Наша «пред-история» // Десять лет. 1921–1931. Сборник статей и воспоминаний к десятилетнему юбилею Общества политкаторжан / Под редакцией Л. Старр, В. Плескова и Г. Крамарова. – М., 1931. С. 20.

⁷ *Новомирский Д.И.* Проект устава всероссийской лиги политических каторжан. Март 1920 г. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 1. Л. 6.

⁸ Там же.

⁹ Недостоверно, идет ли речь о В.Ю. Ульянинском, который в 1917 г. был выдвинут эсерами в Приморско-Амурской области кандидатом в Учредительное собрание. Ср. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 3, часть 2. Октябрь 1917–1925 гг. – М., 2000. С. 254.

¹⁰ Вероятно, речь идет о позднейшем (1926) председателе ЦК профсоюза кожевников. Как Юзефович, так и Ульянинский больше не упоминались впоследствии в качестве членов-учредителей или членов ОПК.

¹¹ В данном случае речь идет, возможно, о Н.А. Морозове или М.И. Осинском, в то время тесно сотрудничавших по данному вопросу с Масловым и Новомирским.

¹² К бывш. политическим каторжанам и поселенцам // Известия, 1921, 3 февраля. С. 4.

¹³ Морозов Н.А. (1854–1946) – ученый. Обладал широким естественнонаучным и историческим образованием. Академик АН СССР (1932). Член кружка «чайковцев», основанного Н.В. Чайковским в 1871 г., в первую очередь ведшего революционную пропаганду и распространявшего революционную литературу. «Чайковцы» участвовали в «хождении в народ». Затем Морозов входил в «Землю и волю» и, в конце концов, стал членом Исполнительного комитета «Народной воли». Ср. ППР. С. 671

¹⁴ Ср. Документальное приложение, документ № 2.

¹⁵ *Старр Л.* Первые шаги // Десять лет. С. 25.

¹⁶ К бывш. политическим каторжанам и поселенцам // Известия, 1921, 19 февраля. С. 2.

¹⁷ К бывш. политическим каторжанам и поселенцам // Известия, 1921, 47, 3.3. С. 2.

¹⁸ *Плесков В.* «Преступление» – без «наказания» // Десять лет. С. 41.

¹⁹ В главе III «ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.)» (в особенности III.2. «Лишение власти общего собрания») и в главе IV «УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.)» обстоятельно рассматриваются другие структурные признаки и структурные изменения ОПК.

²⁰ Это обозначение восходит ко временам тюрьмы и каторги. В камерах избирались двое старост – политический, ведущий переговоры с персоналом и администрацией, и экономический, который регулировал дела внутри общества в камере. Ср. *Тугов М.Ю.* Диссертация... С. 22.

²¹ О структуре Общества ср. также схему на С. 154.

²² Краткий обзор деятельности ОПК // КиС (1921) № 2. С. 96–97; Устав ОПК. Утвержден общим собранием от 21.3.1921 // КиС (1921) № 2. С. 98–99.

²³ *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев. С. 60.

²⁴ Ср. Общее собрание ОПК [от 3.12.1922] // КиС. 12 (1924) № 5. С. 17–18; Устав Всесоюзного ОПК // КиС. 12 (1924) № 5. С. 345–351; *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 59. Председателем Комиссии ветеранов стал М.П. Шебакин.

²⁵ Проект Устава общества бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. // КиС (1921) № 1. С. 99–101.

²⁶ *Плесков В.* «Преступление без наказания» // Десять лет. С. 38.

²⁷ 1917–1921 гг. // КиС (1921) № 1. С. 5–6

²⁸ Это может быть прибавлено в соответствии с заглавием предисловия этого номера журнала КиС.

²⁹ 1917–1921 гг. – 21 № 1. С. 5–6

³⁰ В № 2 «Каторги и ссылки», вышедшем осенью 1921 г., тексты об успешных и смелых побегах чередуются воспоминаниями о пережитом революционерами в тюрьмах и лагерях, причем последнее выполняло несомненные терапевтические задачи преодоления на собственном опыте пережитых психических и физических мучений. В отличие от первого номера в этом дополнительно публиковались документы, например, фотографии лагерей и тюрем, а также протоколы судебных процессов в связи с побегами заключенных. Ср. в особенности: *Троянский А.* Побег тринадцати. Воспоминания и материалы // КиС (1921) № 2. С. 14–33; *Клапина З.* К побегу 13-ти каторжанок. Личные впечатления // КиС (1921) № 2 С. 34–40; *Надельштейн Д.С.* Как меня брили. Черной памяти Дружинина // КиС (1921) № 2. С. 41–46.

³¹ *Климушкин П.* К амнистии 1917 // КиС (1921) № 1. С. 14.

³² М. Лемке (1872–1923) был историком и публицистом. Он издал первое собрание сочинений А. Герцена. Ср. *Вандалковская М.Г.* М.К. Лемке – историк русского революционного движения. – М., 1972. Кроме того, он был специалистом по царской цензуре. Ср. *Bljum A.V.* Zensur in der UdSSR. Hinter den Kulissen des «Wahrheitsministeriums». 1917–1929, Teil 1. – Bochum, 1999. С. 50.

³³ Щеголев П.Е. (1877–1931) – историк и литературовед. Публикации о революционном движении и о Пушкине. Его книга «Секретные сотрудники и провокаторы» пала, вероятно, жертвой советской цензуры. *Блюм* (1999) С. 118. Он не был членом РКП(б).

³⁴ Е.В. Тарле (1874–1955). Был в 1927 г. избран в академики. Написал многочисленные работы по истории революционного движения и французской и русской истории. Ср. *Hösl E.*: Evgenij Viktorovič Tarle (1875–1955) und seine Stellung in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. – Wiesbaden, 1964; *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. – СПб., 1995.

³⁵ Централистки ориентированное на потребности советского государства и партии издательство «Госиздат» (сокращение от «государственное издательство») было основано 20 мая 1919 г. Ср. *Bljum A.V.* Op. cit. С. 50.

³⁶ *Лемке М.* Энциклопедия русской революции // Книга и революция, (1920) № 1. С. 7–8; *Щеголев П.* Биографический словарь революционеров // Книга и революция. 1920. № 1. С. 8–9; *Лемке М.* Календарь русской революции // Книга и революция. 1920. № 1. С. 9. Ср. также дальнейшее подробное

обоснование Лемке во втором номере «Книги и революции»: *Лемке М.*: Однотомный энциклопедический словарь // Книга и революция. 1920. № 2. С. 1–4.

³⁷ *Лемке*. Энциклопедия (1920) С. 7.

³⁸ Революционная народническая организация 70-х гг. Основана в 1876 г. и с 1878 г. действовала под этим названием. Основатели: М.А. Натансон, А.Д. Михайлов, А.Д. Оболенев, Г.В. Плеханов и др. Программа: крестьянская революция, национализация земли и замена государства федерацией крестьянских общин. Метод – «хождение в народ». Издавала газету «Земля и воля». Разногласия между ее членами о средствах политической борьбы привела в 1879 г. к расколу на организации «Народная воля» и «Черный передел». Ср. *Гинев В.Н., Цамутали А.Н.* (сост.) «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. – Л., 1989. См. также следующие примечания.

³⁹ Л.Г. Дейч (1855–1941) – с 1874 г. участник революционного движения. Член «Земли и воли», «Черного передела». Один из основателей группы «Освобождение труда» в 1883 г. В 1884 г. приговорен к 13 годам каторжных работ, которые ему пришлось отбывать на Карийской каторге (группа каторжных тюрем, которые были частью Нерчинской каторги и находились на реке Кара за озером Байкал). В 1901 г. бежал. Член РСДРП. После 1903 г. видный лидер меньшевиков. Жил в эмиграции. После Октябрьской революции снова вернулся в Россию и был беспартийным. Ушел из политики. Работал над изданием наследия Плеханова. Ср. Участники русского революционного движения... С. 78; *Дейч Л.Г.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь. – М., 1989 (репринт). С. 67–74.

⁴⁰ Обозначение революционной организации народников, существовавшей в 1879–82 гг. Она возникла после роспуска организации «Земля и воля» в результате ее раскола на две независимые организации – «Народную волю» и «Черный передел». Она переняла программу «Земли и воли», т. е. освобождение народа и осуществление аграрной революции («Черный передел» означает всеобщую передачу земли крестьянам). Поначалу организация выступала против необходимости завоевания политических свобод, постепенно включила, однако, в свою программу именно эти требования возможности выражения политических мнений. Она отклоняла террористические акции. Параллельно с этим ее руководители провозглашали необходимость усиленной агитации среди промышленных рабочих. Основной сферой деятельности организации были крупные города России. Ее членами в Петербурге были Г.В. Плеханов, Я.В. Стефанович, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич, М.Р. Попов и др. По сравнению с «Народной волей» «Черный передел» был организацией с существенно меньшим влиянием, меньшим количеством членов и сочувствующих. Ср. *Троицкий Н.А.* Крестноносцы социализма. – Саратов, 2002. С. 253–259.

⁴¹ Родившаяся в 1851 г. и умершая в 1943 г., она была членом кружка «чайковцев», организации «Черный передел» и «Южнороссийского рабочего союза» в Киеве. Член партии эсеров, затем беспартийная.

⁴² Ср. Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. Биографический указатель членов Всесоюзного Об-ва политических каторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1927.

⁴³ Общество изучения истории освободительного и революционного движения в России. – Книга и революция, (1920) № 1. С. 60–61. В Совете общества были представлены известные историки и авторы мемуаров о своем революционном прошлом: М.К. Лемке (председатель), П.Е. Щеголев (заместитель), О.В. Аптекман, Е.В. Тарле и А.А. Шилов. Помещения общества находились в Историко-революционном архиве (Площадь Декабристов). Ср. также соответствующий фонд в ГАРФ: Ф. Р-6686. Оп. 1. Д. 2, 1920.

⁴⁴ В исторической секции Дома печати. Отчет о деятельности исторической секции Дома печати // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 43–45.

⁴⁵ Исторической секцией Дома печати руководил исполнительный комитет: В.И. Невский (председатель), И.Н. Бороздин (заместитель), В.В. Макасов, В.Н. Сторожев и Б.П. Козьмин. Кандидатами в члены исполнительного комитета были А.С. Пигит и Б.С. Боднарский. Всего в секции было 63 члена. – Там же.

⁴⁶ Там же. С. 44.

⁴⁷ Ср. *Книжник Ив.* Рецензия: историко-революционный бюллетень, № 1, 1922 // Красная летопись. 1922, № 2–3. С. 440–443. Финансирование журнала осуществляло, однако, полностью ОПК. Ср. *Козьмин Б.И.* Историко-революционную книгу – в массы. Литературно-издательская деятельность Общества // Десять лет. С. 83.

⁴⁸ В редакцию входили И.Н. Бороздин (Дом печати), А.А. Биценко (ОПК), Г.М. Крамаров (ОПК), Б.И. Козьмин (Дом печати и член редакции «Каторги и ссылки») и В.А. Плесков (ОПК).

⁴⁹ Сначала выходил в Лондоне и Париже в 1900–1904 гг., 1908–1913 гг., а затем в Петербурге и Ленинграде в 1906–1907 гг. и 1917–1926 гг. Публиковались документы и материалы по истории революционного движения второй половины XIX в. Издателями были историки В.Л. Бурцев, В.Я. Богучарский, П.Е. Щеголев. Ср. СИЭ. Т. 2, ст. 886.

⁵⁰ От редакции // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 4.

⁵¹ Там же. С. 3–5.

⁵² *Леонтьев Я.В.* Кропоткинский Комитет и Кружок народолюбцев. К истории взаимоотношений // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. – М., 1997.

⁵³ Всероссийский Общественный комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2. С. 80–84. Членами исполнительного бюро комитета были вдова Кропоткина, С.Г. Кропоткина (председатель), В.Н. Фигнер (заместитель председателя), П.А. Пальчинский, Н.К. Лебедев, А.А. Карелин и Н.К. Муравьев.

⁵⁴ Хотя государственное издательство «Госиздат» было основано уже в 1919 г. и под предлогом недостатка бумаги и полиграфических средств была введена цензура, в 1920 г. треть книг все еще выходила большими тиражами в частных издательствах. Большой частью эти книги приходили из Берлина, который непосредственно после революции был культурным центром рус-

ской эмиграции до перемещения этого центра в Париж. Ср. *Vljam A.* Op. cit. С. 50, 214–217. Еще в 1923 г. частные издательства поставляли на книжный рынок 77% книг. Ср. *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! С. 115.

⁵⁵ *Добровольский Л.* Литературная деятельность Истпарта СССР (1921–1927) // *КиС* (1927) № 36. С. 208–215; Вокруг работы Истпарта // *Летопись революции*. 1923. № 4 С. 315–316.

⁵⁶ *Ольминский М.С.* Давние связи // От группы Благоева к «Союзу борьбы». – Ростов, 1921; *Лежаева О./ Нелидов Н. М.С.* Ольминский. Жизнь и деятельность. Издание второе, переработанное и дополненное. – М., 1973.

⁵⁷ В.И. Невский (1876–1937), как и Ольминский, вступил в РСДРП в 1898 г. – БЭС. С. 16.

⁵⁸ Невский стремился превратить петроградский печатный орган Истпарта «Красная летопись» в журнал высокого научного уровня. *Holmes L., Burgess W.* Scholarly Voice or Political Echo. Soviet Party History in the 1920-th // *Russian History*. (1982) № 5. С. 381–385.

⁵⁹ По истории общества ср. *Коржихина Т.П.* Общество старых большевиков (1922–1935 гг.) // *Вопросы истории*. 1989. № 11. С. 50–65; *Зеленов М.А.* Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б). Цензура и историческая наука в 1920-е годы. – Нижний Новгород, 2000. С. 92.

⁶⁰ Общество старых большевиков. Устав // *Пролетарская революция*. 1922. № 2. С. 247–249.

⁶¹ Журнал выходил 11 номерами и издавался в Москве. Старый большевик. Историко-революционный сборник, 1–11 (1930–1934).

⁶² *Сторожев В.Н.* Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) // *Пролетарская революция*. – Исторический журнал Истпарта. Государственное издательство. 1921, № 1. Историко-революционный бюллетень (1922) № 1. С. 46–47.

⁶³ Здесь были особенно активны, прежде всего, Г. Крамаров, Темкин и Корочкин (ОПК), и заместитель председателя общества старых большевиков, один из организаторов Истпарта П.Н. Лепешинский, а также Ю.Ю. Мархлевский, форсировавший основание общества старых большевиков прежде всего организационными средствами, и немецкая коммунистка Рут Фишер. Ср. *Крамаров Г.* О-во политкаторжан и МОПР // *Десять лет*. С. 61.

⁶⁴ В результате крестьянских войн и восстаний в первые 6 месяцев 1921 г. советская инфраструктура была практически парализована в значительной части страны. До лета 1921 г. на Украине существовала объединявшая временами 15 тыс. крестьян «контрреволюционная» крестьянская армия (Махно). В Сибири против советской власти в 1920 г. с оружием в руках боролись около 60 тыс. человек. Ср. *Figes O.* Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891–1924. – В., 1996. С. 795; *Wehner M.* Bauernpolitik im proletarischen Staat. Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Band 23. – Köln–Weimar–Wien, 1998. С. 59–89. О Сибири ср. За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии в 1921 г. Сборник документов / Сост. *Шишкин В.И.* – Новосибирск, 2000. По поводу конкретных последствий голода см. впечатляющее описание, созданное членом ОПК М. Закгеймом: Помгол // *Десять лет*. С. 44–55.

⁶⁵ ВЦИК был комитетом, впервые избранным Всероссийским съездом Советов в июне 1917 г. Он насчитывал около 250 членов и в период между

заседаниями съезда Советов должен был выполнять его задачи. Согласно первой Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 г., съезд Советов становился высшим органом власти, а избранный им орган – высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР. ВЦИК формировал и контролировал правительство, Совет Народных Комиссаров. С образованием Советского Союза в Конституции СССР 1923–1924 гг. был зафиксирован Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК СССР). Он состоял из более 700 членов и кандидатов и был разделен на Союзный Совет и Совет Национальностей, причем Союзный Совет в соответствии с имевшимся «ключом» избирался Съездом Советов СССР, а Совет Национальностей – Съездами Советов союзных республик. *Torke* (1993) С. 378.

⁶⁶ *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 67.

⁶⁷ Документальное приложение, документ № 2.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Из деятельности комиссии Помгол. Доклад о первом рейсе эвакуопоезда с голодными детьми из Чувобласти в Минск // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2–3. С. 67–83; На помощь голодным детям // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2–3. С. 83–85; *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 68 и сл.; *Закгейм.* Указ. соч. С. 45. В ноябре 1921 г. ОПК еще раз предоставило в распоряжение поезда 5 млн руб. Ср. Протокол 10 заседания Президиума Совета ОПК от 12.11.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 11.

⁷⁰ Протокол 9 заседания Президиума Совета ОПК от 5.11.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 10. В соответствии с решением этого заседания были предоставлены полтора миллиона рублей. В феврале 1922 г. Президиум Совета ОПК предоставил в распоряжение Комиссии Помгола сахар. Ср. Протокол 23 заседания Президиума Совета ОПК от 4.2.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 30.

⁷¹ Протокол 32 Заседания Совета ОПК в Москве от 4.5.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 49

⁷² Ср. Документальное приложение, документ № 2.

⁷³ Протокол 31 Заседания Совета ОПК в Москве от 27.4.1922., ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 48.

⁷⁴ *Закгейм.* Указ. соч. С. 46. Ср. также отчет: *Зильберблат И.* Четыре рейса // Десять лет. С. 49–55; *Ратнер.* С. 70–71.

⁷⁵ *Закгейм,* указ. соч. С. 44. Организации более низкого уровня также назывались Помгол.

⁷⁶ См. об этом гл. VIII «ПОПЫТКА СПАСТИ ИДЕНТИЧНОСТЬ (1931 г.)».

⁷⁷ О бюллетене ср. гл. III «ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.)».

⁷⁸ *Плесков В.А.* В О-ве б. политических каторжан и сс-поселенцев // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 33.

⁷⁹ Всем бывшим политическим каторжанам и сс-поселенцам. Циркуляр. 1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 1. Не только в этом циркуляре, но и в первых членских билетах 1921 г. на последних страницах был напечатан дополненный Устав.

⁸⁰ Ср. также Документальное приложение, документ № 2.

⁸¹ Об общей политике большевиков по отношению к другим социалистическим партиям и организациям, а также анархистам ср. *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. – М., 1999.

⁸² Л.А. Старр вышла в сентябре 1917 г. из партии эсеров и работала в различных государственных учреждениях, где вела активную профсоюзную работу. Ср. Выписка из протокола 12/43 Бюро Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 4.12.1926. – ГАРФ, Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 76.

⁸³ Ср. Документальная часть, документ № 2.

⁸⁴ Маслов Павел Петрович. По происхождению крестьянин, родился в 1890 г. в Москве. С 1906 г. участник революционного движения. Арестован в 1909 г. в Москве. Осужден в 1911 г. к 4 годам каторги в Бутырской тюрьме (Москва). Ссылка в Иркутскую губернию – Иркутск, Киренск, Усть-Кут, потом снова Киренск: 6 лет в тюрьме, два года ссылки. Анархист. Ср. Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. Биографический указатель членов ОПК, М. 1927. С. 154; *Быковский С.* Анархисты – члены Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. – М., 2004. С. 102.

⁸⁵ Маслов и Томский находились здесь с 1911 г. до, вероятно, 1916 г. Кроме того, оба были в то же время сосланы в Киренский уезд Иркутской губернии. Ср. Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. – М., 1927. С. 154 и 90; ППР. С. 610.

⁸⁶ Рудзутак также находился с 1911 г. в Бутырской тюрьме. Томский и Рудзутак совместно работали во Всероссийском Центральном Совете Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и во ВЦИК. Томский был членом Президиума ВЦИК с 1920 по 1922, Рудзутак с 1918 по 1922 гг. членом ВЦИК, а с 1921 по 1922 гг. его Президиума. Кроме того, оба они представляли аналогичные позиции во время дискуссии о профсоюзах (с ноября 1920 г. по март 1921 г.). Ср. их биографии в ППР. С. 523, 610 ф. О вступлении Рудзутака в Общество ср. Протокол заседания Оргкомиссии при Совете ОПК от 4.3.1924. – ГАРФ, Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 70–71.

⁸⁷ Подробную биографию ср. ППР. С. 402.

⁸⁸ *Новомирский Д. Р.К.П.* Открытое письмо к анархистам // Правда, 1920, 15.5. С. 2. Письмо напечатано также в: Анархисты. Документы и материалы. Том 2. 1917–1935 гг. – М., 1999. С. 379–381. Датировка 19.5.1920, однако, неверна.

⁸⁹ *Новомирский (1920)* Проект Устава. – ГАРФ. Л. 6.

⁹⁰ В ходе Гражданской войны анархо-синдикалисты раскололись на различные группы: часть их поддержала большевиков и участвовала в деятельности Советов. Те, кто активно выступали против п большевиков, были репрессированы ВЧК.

⁹¹ *Новомирский (1920)* Открытое письмо. С. 2.

⁹² Виктор Серж рассматривает позицию Новомирского гораздо критичнее. В своем описании 1920–1921 гг., в котором он говорит и о восстании в Кронштадте, автор прямо устанавливает связь событий с сопротивлением части анархистов советской власти. Чтобы показать спектр анархистского

движения в его отношении к советскому режиму, он выделяет представителем различных направлений. Новомирский олицетворяет при этом в высшей степени лояльное течение: «Новомирский, бывший террорист и каторжник, вступил в партию и работал вместе со мной, выказывая перед Зиновьевым необычайное рвение неопита» // *Серж Виктор*. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. – М.–Оренбург, 2001. С. 147.

⁹³ Участники (1927) С. 191.

⁹⁴ *Плесков В.А.* Памятные дни // *КиС* (1921) № 1. С. 55–61. При этом речь идет о Зерентуйской каторжной тюрьме, центральной тюрьме Нерчинской каторги. Она находилась в м. Горный Зерентуй Читинской губернии. Тюрьма возникла в середине XVIII в. Там находились в заточении уже декабристы. – БЭС, 1991. С. 461.

⁹⁵ Сообщение о самоубийстве Сазонова произвело на русское общество большое впечатление и было одним из поводов студенческих волнений в 1910–1911 гг. Ср. ППР. С. 563.

⁹⁶ Этот город находится за оз. Байкал, недалеко от китайской границы.

⁹⁷ *Плесков В.А.* На Нерчинской каторге. Из личных воспоминаний // *КиС*. 1921. № 1. С. 80–81.

⁹⁸ Ср. *Häfner L.* Die Partei der linken Sozialrevolutionären in der russischen Revolution von 1917–1918. – Köln–Weimar–Wien, 1994. С. 535–571; *Figes*. Op. cit. С. 668–771.

⁹⁹ *Häfner L.* Die Partei der linken Sozialrevolutionären in der russischen Revolution von 1917–1918. – Köln–Weimar–Wien, 1994. С. 640; ППР. С. 585.

¹⁰⁰ *Плесков*. На Нерчинской каторге. С. 81. Руководитель расположенной вне каторги школы, в которой разрешалось преподавать нескольким заключенным, представляется как бывший заключенный и член партии польских социалистов (С. 84). Общеизвестный преподаватель оказался В.М. Серовым, бывшим членом социал-демократической фракции Государственной Думы. Ср. там же. С. 86.

¹⁰¹ Участники... С. 104.

¹⁰² *Крамаров Г.* Памяти матроса Акима Воробьева // *КиС* (1921) № 1. С. 77

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *Климушкин П.* К амнистии 1917 // *КиС* (1921) № 1. С. 8–20.

¹⁰⁵ Там же. С. 14.

¹⁰⁶ *Сандомирский Г.* На последней ступени // *КиС*. 1921. № 1. С. 39–41.

Об оценке Сандомирского ср. *Серж В.* Указ. соч. С. 147.

¹⁰⁷ ППР. С. 431–431.

¹⁰⁸ Хотя Я.М. Свердлов (1885–1919) и был членом ЦК РКП(б), центральную роль он играл прежде всего во ВЦИК. У него были хорошие контакты с левыми эсерами, для участия которых в правительстве крайне важной оказалась его поддержка. Ср. Политические деятели России 1917. Биографический словарь // М. 1993. С. 287–288.

¹⁰⁹ *Figes*. Op. cit. С. 772 ф. Фигес утверждает даже, что в это время надвигалась новая революция.

¹¹⁰ *Tomskij M.* Abhandlungen über die Gewerkschaftsbewegung in Rußland. – Hamburg, 1921. С. 32.

¹¹¹ Горелов О.И. М.П. Томский. Страницы политической биографии // История и политика КПСС. 1989. № 8. С. 49 и сл.

¹¹² Представительство РКП(б) в профсоюзах.

¹¹³ Д.Б. Рязанов (1870–1938) – бывший народник, с 1889 г. марксист. Профсоюзный работник и член ВЦСПС. Избирался в члены Учредительного собрания. Большевик. Выступал за многопартийную систему, против закрытия буржуазных газет и роспуска Учредительного собрания. Автор резолюции коммунистической фракции IV Всероссийского съезда профсоюзов в мае 1921 г. ЦК запретил Рязанову в 1921 г. дальнейшую работу в профсоюзах. В 1918–1920 гг. руководитель Главархива. Член Общества историков-марксистов, один из основателей Института Маркса–Энгельса и в 1921–1931 гг. его директор. Обширная научная деятельность в области истории марксизма. В 1929 г. избран академиком АН СССР. В апреле 1929 г. на XVI партийной конференции выступал с критикой индустриализации и коллективизации. В 1929–1930 гг. выступил в поддержку буржуазных историков и оказался в конфликте с молодыми учеными, окончившими Институт красной профессуры. В 1931 г. по инициативе Сталина арестован и приговорен к трем годам ссылки. С 1934 г. консультант в Саратовском университете. В июне 1937 г. арестован и в январе 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда приговорен к смертной казни. В марте 1958 г. реабилитирован. Ср. Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк, документы / Сост. Рокитянский Я.Г., Мюллер Р. – М., 1996; ППР. С. 540–541.

¹¹⁴ Горелов О.И. Указ. соч. С. 42.

¹¹⁵ Томский осознавал внешнее влияние основания такого общества, ибо в рамках своей деятельности по перестройке профсоюзов ему пришлось бороться против решительной критики со стороны влиятельных левых и анархистских профсоюзных активистов в Западной Европе и США. Часть этой критики обсуждалась в немецком, французском и английском переводах «Статей о профсоюзном движении в России» вышедших в 1921–1922 гг.

¹¹⁶ «Здесь кстати отметить, что всякие сведения о деятельности нашего Общества постоянно отмечаются во всей заграничной белой печати. “Воля Народа», «Голос России», «Последние новости» даже «Руль» и «Общее дело» в разное время обычно в своих сообщениях не пропускают ни одного момента из жизни нашего Общества, отмечая также все выпускаемые нами издания. Правда, все эти газеты ни разу не обсуждали ни целей, ни задач нашего Общества, но они определенно не замалчивают его. Когда же Савинковская «Свобода» как-то заявила, что это де проделки коммунистов, которые под флагом внепартийности подобрали исключительно свою братию «Воля народа» ответила, что по ее сведениям «в состав Общества входят представители разных партий»». Ср. Документальное приложение, документ № 2. «Голос России» – газета, издававшаяся эсеровскими лидерами в Берлине. Газета «Воля народа» издавалась эсеровскими партийными организациями в разных городах (Киеве, Костроме, Мелитополе). Ср. ППР. С. 780–800.

¹¹⁷ Плесков В. «Преступление – без наказания» // Десять лет. С. 38.

¹¹⁸ Там же. С. 39.

¹¹⁹ Для сравнения: чашка чая стоила в буфете Общества в сентябре 1921 г. 100 руб. Ср. Протокол 2 заседания Президиума Совета ОПК от 3.9.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 2.

¹²⁰ Протокол 55 заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 25.8.1921. – ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 60. Л. 6, 56. 110 млн руб. были, правда, предоставлены в форме займа. Ср. Документальное приложение, документ № 2.

¹²¹ Ср. Документальное приложение, документ № 2.

¹²² Всероссийский Исполком взял на себя с августа 1921 г. оплату руководителя бюро ОПК, секретаря, кассира, машинистки, курьера, агента (представителя), библиотекаря, домоправителя, буфетчицы, уборщицы и рабочего. Ср. Заседание Оргкомиссии при Совете ОПК от 23.8.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 12. В октябре 1921 г. Общество смогло заплатить буфетчице 600 тыс., а помощнику библиотекаря 1 млн руб. Кроме того, оно предоставило 1 млн руб. на приобретение книг. Ср. Протокол 6 заседания Президиума Совета ОПК от 17.10.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 7. В ноябре Президиум из-за тяжелой финансовой ситуации, возникшей вследствие крайнего удорожания продовольствия, ограничил оплату большинства штатных единиц на 25%: машинистка получала теперь 1 млн руб., курьер 600 тыс. руб., обе уборщицы по 500 тыс. руб. каждая, руководитель бюро и кассир по 600 тыс., агент 800 тыс. (кроме того, 5 ноября он был уволен), а буфетчица 600 тыс. руб. Секретарь бюджетной комиссии (500 тыс. руб.) отказалась от своей заработной платы, заместитель руководителя бюджетной комиссии получала 1124 тыс. руб., секретарь литературной комиссии 900 тыс. руб., 2-й агент 1000 тыс. руб., заведующий библиотекой отказался от своей заработной платы в сумме 500 тыс. руб., помощник библиотекаря получал 900 тыс., секретарь Помгола 1500 тыс., заместитель руководителя канцелярии 600 тыс. руб. Библиотека получала 1000 тыс., секретарь клуба 500 тыс., кассир 900 тыс. руб. Ср. Протокол 9 заседания Президиума Совета ОПК от 5.11.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 10. Подробное изложение размеров оплаты служит материалом, позволяющим оценить стоимость денег в соответствующее время.

¹²³ Ср. Документальное приложение, документ № 2. Совхоз находится в Каширском уезде Тульской губернии.

¹²⁴ Ср. СНК РСФСР, Протоколы. – ГАРФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 57. Л. 5; Д. 74. Л. 7.

¹²⁵ Протокол 5 заседания Президиума Совета ОПК от 7.10.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 6.

¹²⁶ Протокол Заседания Совета ОПК от 25.12.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 20

¹²⁷ Ср. Протокол 21 заседания Президиума Совета ОПК от 21.1.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 25.

¹²⁸ Ср. Документальное приложение, документ № 2.

¹²⁹ 26 сентября 1920 г. решением ЦК против голоса Томского был создан Центральный Комитет Единого профессионального союза рабочих транспорта, Цектран, форсировавший милитаризацию. Ср. *Reiman M. Lenin*,

Stalin, Gorbačev. Kontinuität und Brüche in der sowjetischen Geschichte. – Hamburg, 1987. С. 45.

¹³⁰ Следует исходить из того, что инициаторам сначала было дано согласие на возможность публикации текстов бывших политкаторжан и ссыльных. Так, они объявили в «Известиях» не только о выходе сборника, но и о том, что издание сборников будет продолжаться и в дальнейшем. Ср. К быв. политическим каторжанам и поселенцам (19.2.1921. С. 2).

¹³¹ Это указание на то, что бюрократические структуры профсоюза и государственного аппарата еще не объединились в сеть. Кроме того, основание состоялось в неправовом пространстве. Ср. *Ильина И.Н.* Указ. соч. С. 49, 61.

¹³² *Коржихина Т.П.* К вопросу о взаимоотношениях государства и общественных организаций СССР в условиях государства диктатуры пролетариата // Государственные учреждения и общественные организации СССР / Ответственный редактор Н.П. Ерошкин. – М., 1985. С. 58.

¹³³ Как политико-идеологический признак нэпа имеет силу жесткое господство одной партии, стремившейся не допустить на политическом уровне какого бы то ни было отклоняющегося мышления и действия. Ср. *Гимпельсон Е.Г.* Нэп и советская политическая система: 20е годы. – М., 2000. С. 18–208; *Горинов М.М., Цакунов С.В.* Ленинская концепция нэпа. Становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 20–39; *Гимпельсон Е.Г.* Политическая система и НЭП: неадекватность реформ // Отечественная история. 1993. № 3. С. 29; *Гимпельсон Е.Г.* Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история. 1994. № 4. С. 29–43. Рассуждая еще вполне в стиле перестройки, Цакунов и Горинов считают этот параметр в рамках избранных экономических свобод необходимой предпосылку политической стабильности. – *Горинов М.М., Цакунов С.В.* Указ. соч. С. 38.

¹³⁴ Свобода передвижения меньшевиков была после краткой передышки в 1920 г. была в 1921 резко ограничена с помощью массовых арестов, волны вынужденной эмиграции и закрытия печатных органов партии. То же касается партии эсеров и, в конце концов, левых эсеров и анархистских групп. Ср. *Никулин В.В.* Указ. соч. С. 127 и сл.

¹³⁵ О том, что это оставалось общей политикой партии, свидетельствует отчет Е.И. Рябинина, представителя ЦК РКП(б) на XIII партконференции воронежской партийной организации в марте 1923 г.: *Никулин В.В.* Указ. соч. С. 133.

¹³⁶ Ср. Главу II «УГРОЗА ЗАКРЫТИЯ (1922 г.)»

¹³⁷ Тем самым было бы объяснено и поразительное понимание Ратнером непринятия руководителей бывших политических партий и организаций.

¹³⁸ Крамаров и Алексеева продолжали распространять этот миф в 60–70-е гг. в СИЭ и БСЭ, на сей раз, однако, для того, чтобы восстановить свои прежние привилегии (в особенности более высокие пенсионные выплаты). Ср. *Крамаров, Алексеева.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. – М., 1967. С. 409; *Крамаров, Алексеева.* Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. – БСЭ, 3-е изд. Т. 18. – М., 1974. С. 248. Здесь упоминаются даже Ярославский и Рудзук. По поводу мотива Крамарова

и Алексеевой ср.: Последние каторжане: по материалам фонда Е.Д. Стасовой // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 3. С. 357–375.

¹³⁹ Ср. *Корочкин С.Ф.* К предстоящему пленуму Центрального Совета // КиС. 60 (1929) № 11. С. 189.

¹⁴⁰ Уже вовлечение французского коммуниста Р. Маршана в первую попытку создания организации в 1920 г. свидетельствует о пропагандистских аспектах основания ОПК. Он был одним из немногих западноевропейских коммунистов, неограниченно поддерживавших большевиков.

¹⁴¹ Многие члены ОПК действительно вступили по прошествии определенного времени в РКП(б), затем в ВКП(б).

¹⁴² В качестве материала служила приведенная Коржихиной выборка важнейших общественных организаций. Ср. *Коржихина Т.П.* Краткий перечень добровольных обществ и союзов, существовавших в 1917–1937. – *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! С. 347–356. По поводу усиленной регламентации ср. главу III «ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.)».

¹⁴³ Общества, существовавшие в 1917 г.

¹⁴⁴ Данные по общественным организациям, существовавшим в период между 1917 и 1939 гг.

¹⁴⁵ Относительно двух обществ данных по их основанию нет.

¹⁴⁶ Одним из десяти обществ было существующее и по сей день «Российское палестинское общество».

¹⁴⁷ О двойственном отношении советского государства и партии к художникам и их объединениям ср. *Булдаков В.П.* Культурные парадоксы постреволюционного времени // Россия эпохальная. С. 238–257.

¹⁴⁸ По поводу закрытий ср. табл. 2 «Закрытия некоммерческих общественных организаций между 1917–1939» в конце гл. XI «ЛИКВИДАЦИЯ (1935 г.)».

¹⁴⁹ *Коржихина Т.П.* Указ. соч. С. 350.

¹⁵⁰ *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. – М., 2000. С. 147.

Глава II

УГРОЗА ЗАКРЫТИЯ

(1922 г.)

К началу 1922 г. казалось, что Общество бывших каторжан и ссыльнопоселенцев сумело консолидироваться. Удалось реализовать важные цели его основания. Символические фигуры революционного движения, в частности, бывшие члены партий и организаций «Земля и воля», «Народная воля» и «Черный передел»: М.П. Сажин¹, А.В. Якимова-Диковская-Кобозева, Н.А. Морозов, М.В. Новорусский, М.П. Шебалин, М.М. Чернавский, С.А. Иванова-Борейша и Е.Н. Ковальская-Солнцева, находясь на подобающем расстоянии от партии, позволили интегрировать себя в ОПК. Кроме того, находившиеся на среднем и нижнем уровне (бывшие) члены партии эсеров, бундовцы, анархисты, меньшевики, а также польские и литовские социалисты действительно почувствовали, что концепция ОПК производит на них положительное впечатление². Через полгода ОПК насчитывало уже 177 членов. Среди них: 45 определенно идентифицировались как члены или бывшие члены партии эсеров, 6 как (бывшие) меньшевики, 10 в качестве (бывших) анархистов, 9 как (бывшие) бундовцы, 16 – бывшие членами РСДРП, 8 – (бывшие) литовскими или польскими социалистами, 3 члена общества были беспартийными, а 28 большевиками с многолетним партийным стажем³. В лице И.А. Теодоровича на сотрудничество в ОПК решился даже представитель высшего руководства большевиков.

Благодаря аполитичному уставу, концентрации на революционном прошлом и его использованию в общенародных интересах в процессе помощи голодающим, им, очевидно, удалось рассеять все сомнения правительственных и партийных структур.

И, тем не менее, в середине 1922 г. на повестке дня внезапно оказалась ликвидация Общества. 31 августа 1922 г. именно М.П. Томский и Я.Э. Рудзутак потребовали в кратком рукописном заявлении его немедленного закрытия⁴.

В соответствующем документе было приведено четыре серьезных пункта для критики: 1. Культурно-историческая работа «чрезвычайно слаба». 2. Общество служит лишь убежищем для «ни на что негодных» или «очевидно “антисоветских элементов”». 3. Эти элементы фактически определяют его деятельность. 4. Государственными средствами нередко злоупотребляют в контрреволюционных целях вроде поддержки арестованных эсеров и меньшевиков.

К тому же Томский и Рудзутак полностью дистанцировались от своей первоначальной линии использования ОПК как катализатора политической нейтрализации ветеранов революции, хотя и лояльно относившихся к партии большевиков, но, тем не менее, продолжавших симпатизировать другим социалистическим партиям и движениям, включая анархистов. Их точка зрения такова:

«Все мало-мальски дельные, стоящие на платформе Советской власти б[ывшие] каторжане нашли и идейное и практическое приложение своих сил или в партии, или в гос[ударственных] органах [...]»⁵.

Материальное обеспечение бывших каторжан может столь же хорошо осуществляться посредством органов партии или правительства, т. е. ЦК или ВЦИК. Чрезвычайно ценный материал, переданный бывшими политкаторжанами Обществу, следует передать Истпарту, который также сможет использовать или опубликовать его.

В целом Томский и Рудзутак не посчитались с успокаивающим предложением заключения «товарища Залежского» (см. ниже) о том, чтобы не закрывать Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а усилить его руководство коммунистами. Они охарактеризовали это как «неразумное расточительство сил партии на совершенно бессмысленное дело»⁶.

Заявление Томского и Рудзутака подверглось обсуждению на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 6 сентября 1922 г.⁷ Имеется, правда, не подробный стенографический протокол, а лишь краткая запись о принятом решении: с одной стороны, ЦК РКП(б) рекомендовалось согласиться с выводами Томского и Рудзутака и немедленно закрыть Общество. С другой стороны, бюро решило еще раз рассмотреть вопрос на одном из следующих заседаний, на которое пригласить представителя коммунистической фракции руководства Общества⁸. Несмотря на это решение, вопрос о закрытии Общества не появлялся ни в Оргбюро, ни в ЦК в качестве пункта повестки дня следующих заседаний. Напротив, следы

Обществу б. ссыльных и каторжан
следует закрыть по следующим сообра-
жениям:

Пр. Об. № 52 от 13.08.22 XI

1) Кривизна - усложненная работа
- в крайнем случае. Все ценные материалы
экономии б. каторжанам может быть
создана всякая, или наперед
идеи и идеи.

2) Материальное положение б. каторжанам
очень скучное или в партиях, через Ц.К.
К.П., или в Советском, через В.К.Д.К., Рудукле.

3) Все мало материальное, скучное
а в партиях Сов. власти б. каторжанам
идеи и партиях и партиях и партиях
или в партиях, или в партиях, обще-
ство каторжан и партиях, как у партиях, или
идеи и партиях, или идеи и партиях
элементы.

4) Кривизна - усложненная работа

М. Томский, Я. Рудзук Общество б[ывших] ссыльных и каторжан следу-
ет закрыть по следующим соображениям. Письмо в ЦК ВКП(б) от 31 авгу-
ста 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 8-8об.

Требованиям коммунистов б. канц-
 акци советские элементы фактически
 вводят в состав общества и частью рас-
 шают государственные средства для
 дела коммунистических целей (на
 держку агитационных с.р. и меньше-
 5) Уменьшить управление коммуниста-
 ми предложениям по. Замечание, было не-
 умышленно изданным еще на
 совещании и нужное дело.

Я Рудзутака
 М. Томского

его полностью теряются. Реконструируются, однако, предысто-
 рия, контекст и значимость заявления Томского и Рудзутака. Ос-
 новой этого являются документы, дополнительно приложенные к
 пункту 13 повестки дня, под которым вопрос обсуждался 6 сен-
 тября в ЦК РКП(б). Речь идет о документах, без исключения под-
 готовленных до заявления Томского и Рудзутака. Ввиду большой
 ценности этих документов как источников ниже они анализирую-
 тся обстоятельнее.

1. Заявление коммунистической фракции

Требование Томского и Рудзутака о закрытии Общества не было
 полной неожиданностью. Уже полутора месяцами ранее, 14 июня
 1922 г., так называемое бюро коммунистической фракции ОПК,

до тех пор не выступавшее в виде его самостоятельной организационной единицы, сделало очень обширное (11 страниц) заявление об Обществе⁹.

Через тов. В.В. Куйбышева оно было направлено, наряду с И.В. Сталиным (генеральный секретарь) и В.М. Молотовым, одним из трех секретарей партии большевиков, членам ЦК РКП. Это заявление разбито на шесть разделов, не имеющих специального обозначения:

1. История создания Общества.
2. Его цели.
3. Описание первых шагов и действий.
4. Политическая надежность Общества.
5. Многообещающие перспективы его развития.
6. Его полезность для советского государства.

На протяжении всего документа бюро коммунистической фракции пыталось представить аргументы в пользу того, почему, несмотря на все проблемы, ни в коем случае не является необходимым по прошествии столь краткого срока после основания Общества закрывать его. Общая тактика заявления заключается в том, чтобы представить Общество как в принципе лояльную, аполитичную, интегрированную в советское общество и полезную для партии и государства организацию. Наряду с этим предпринимались, правда, несистематически, попытки заблаговременно лишить силы все аргументы, которые только могли быть направлены против ОПК:

Сначала речь идет о сильных сторонах ОПК. В этой связи следует показать, что многие члены-учредители Общества и ядро сотрудников прямо связаны с коммунистической партией¹⁰. В соответствии с этим при перечислении членов оргбюро¹¹, созданного в 1920 г. для основания ОПК, решающее значение имеет не степень их активности. В лице М.П. Томского, С.Ф. Корочкина, Ф. Сеньюшкина и Л. Лейзера перечисляются сначала имена тех, кто ассоциировался с партией большевиков. Анархисты П.П. Маслов и Д.И. Новомировский, игравшие фактически центральную роль в организации и содержательном оформлении ОПК, упоминаются позже. При дальнейшем перечислении активных членов-учредителей список также возглавляют коммунист Г.М. Крамаров и особенно лояльная бывшая эсерка А.А. Биценко. Применительно к остальным в каждом случае разъясняется, что эти люди хотя и входили в различные социалистические партии, но теперь были беспартийными. Б.С. Бернштейн, по-прежнему активный бундовец, и М.А. Веденяпин, оказавшийся в числе обвиняемых на начавшемся вскоре процессе против ЦК партии эсеров¹², упо-

минаются лишь мимоходом. Этот принцип подтверждается особенным подчеркиванием «нерчинцев», среди которых было особо много коммунистов.

Тем самым бюро не умалчивало о том, что среди членов-учредителей имелись и (бывшие) приверженцы других социалистических партий и движений, но насколько возможно умаляло значение этого факта. Авторы текста недаром периодически подчеркивают, что важные органы ОПК и посты в нем прочно в руках коммунистов¹³.

Следовательно, их позиция постоянно включает в себя и полемику с принципиальной идеей основания Общества, куда могли вступать практически все, в том числе и некоммунистические, ветераны революционного движения. Особую функцию имело при этом упоминание имени Ф.Э. Дзержинского. Руководителя «Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем» (ВЧК) «тесно связали» с учредительным бюро 1920 г. Это упоминание руководителя секретной службы, принимавшего важное участие в наблюдении за сохранявшими свою активность и после 1917 г. небольшевистскими социалистическими партиями, а также в их ослаблении с помощью как арестов, так и применения террористических методов, может служить лишь тому, чтобы с самого начала освободить членов-учредителей от возможного обвинения в «контрреволюционной» деятельности. Представляется, что тем самым уже дано доказательство отсутствия какой-либо сомнительности в условиях приема.

Во втором разделе заявления, посвященном целям и направленности Общества, подчеркивается, прежде всего, работа ОПК по формированию традиций для молодого поколения нового советского общества. Кроме того, важной целью его деятельности названа материальная и духовная поддержка бывших каторжан и ссыльных и их семей. Бюро еще раз в этой связи возвращается к очевидно ставшим объектом критики, на первый взгляд очень открытым критериям приема в члены ОПК. Следовало, например, обосновать, почему Общество направляло взгляд на прошлое *все-го* революционного движения¹⁴. Успокоительно отмечается существование молчаливого согласия о том, чтобы не принимать в Общество таких политиков, как Б.В. Савинков¹⁵ и В.Л. Бурцев¹⁶, хотя все не скомпрометированные ветераны революционного движения, независимо от их [нынешних] политических взглядов и убеждений, могли приниматься в него.

Чтобы в свою очередь защитить недвусмысленно беспартийную структуру Общества в крайне политизированном и расколото советском обществе лет, непосредственно следовавших за революцией, от возможного упрека в нейтральности или политической незначительности, бюро коммунистической фракции подчеркивает в заключении, что, если речь идет о политической окраске, то оно категорически

«[...] ни в какой мере не мешало проявлению единой воли членов Общества в таких политических вопросах, на которых могут сойтись все члены общества без различия партий. Таковыми считались вопросы об интервенции, борьбы с голодом, празднование 1-го мая и т. д.»¹⁷

В следующем разделе текста, посвященном первым конкретным шагам Общества, центр тяжести заключается в намерении показать, что оно действовало и уже зарекомендовало себя в различных общественно важных секторах. В *социальном смысле* это происходило посредством помощи голодающим (Помгол) и поддержки нуждающихся ветеранов и их семей, в *историческом* – путем поддержания памяти о революционном прошлом с помощью журнала «Каторга и ссылка», открытия книжного магазина и книжного склада, а также сотрудничества Общества с Домом печати, в *экономической сфере* – взятием на себя руководства совхозом и приобретением катера, снабжавшего также разные другие совхозы¹⁸.

Особое же внимание бюро придает тому, что Общество берет на себя государственные задачи. Так, Президиум ВЦИК отсылает практически всех бывших каторжан и ссыльных, обращающихся туда за помощью, в Общество. Здесь обоснование их притязаний проверяется в архиве, а также путем опроса членов ОПК:

«Советская Власть, определенно признавая свою обязанность прийти на помощь всем тем, кто в борьбе с самодержавием потерял за долгое пребывание в тюрьмах и ссылке свои силы и здоровье, не имеет специальных органов, которые смогли бы с одной стороны устанавливать правдивость заявлений нуждающихся в помощи, а с другой стороны оказывать ее в товарищеской форме, не оскорбляющей самолюбие посетителей»¹⁹.

Не в последнюю очередь обращается внимание на общее одобрение деятельности Общества. Для этого авторы точно описывают, в сколь высокой мере как другие общественные организации, особенно Всероссийский центральный совет профсоюзов (ВЦСПС) и Центральный союз потребительских обществ (Цен-

тросоюз), так и государственные учреждения, а именно Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), а также Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) и Народный комиссариат продовольствия (Наркопрод) предоставляли в распоряжение Общества значительные материальные и финансовые средства²⁰.

Следующий раздел представляет собой суть заявления. Его тема – политическая линия Общества. Политические упущения Общества и его внутренние трудности излагаются и оцениваются с точки зрения бюро коммунистической фракции. В принципе выражается согласие с тем, что внутри Общества имела место борьба различных линий:

«В самом начале организации Общества сразу же определилось, что меньшевикско-эсеровские элементы при поддержке кое кого из анархистов пытаются под флагом отсутствия партийности придать Обществу такое направление, которое по существу шло бы в унисон с линией оппозиционных Советской Властью партий»²¹.

Хотя здесь идет речь только о попытке, становится ясно, что в Обществе объединилась часть меньшевистских, эсеровских и анархистских сил, защищавших догму его беспартийности. Правда, авторы связывают себя утверждением о том, что этот подход идентичен линии партий, оппозиционных советской власти.

Но в чем же был повод этой негативной оценки? На сей счет в заявлении говорится, что упомянутые силы предприняли попытку злоупотребить Обществом для поддержки «политических заключенных нового типа», сидевших в тюрьме по указанию советских органов. Например, было возбуждено ходатайство о протесте против любого ухудшения тюремного режима, где бы оно ни проявлялось. Наконец, утверждалось, что эти силы обязывали Совет Общества выступить за освобождение всех членов ОПК, привлеченных к ответственности по политическим делам. Эти попытки были, однако, отвергнуты.

Только в одном случае меньшевистским, эсеровским и анархистским силам удалось использовать органы Общества для своих целей. Бюро указывает, что Совет Общества передал все имевшиеся в его распоряжении материалы следственной комиссии, специально созданной Московским Советом рабочих и крестьянских депутатов в связи с так называемыми «Событиями в Бутырской тюрьме весной 1921 г.».

Не вдаваясь в детали, бюро всего лишь кратко замечает, что энергия «антисоветских сил» ослабла после того, как они поняли,

что значительная часть членов Общества отказала им в поддержке. Самые активные среди них, если они не были ранее уже арестованы органами советской власти, совсем отошли на задний план. Для членов бюро коммунистической фракции дело, тем самым, урегулировалось «само собой», тем более что численность коммунистов в Обществе постоянно увеличивалась²².

Но столкновения, очевидно, еще вовсе не были закончены, ибо бюро коммунистической фракции описывает, как среди коммунистов в Обществе «немедленно» определились разногласия о составе членов Общества:

«Нашлось несколько товарищей, не могущих примириться с тем, чтобы, говоря их словами, “в России, где фактически проводится диктатура Коммунистической партии, существовало бы Общество, где коммунисты сидели на равных основаниях с беспартийными и даже меньшевиками и эсерами”»²³.

Их позиция была такова:

«следует или закрыть Общество или поставить такие препоны при приеме в него, которые фактически превратили бы Общество в коммунистическое»²⁴.

Вслед за тем фракция коммунистов решила не закрывать Общество, а выступить за перерегистрацию его членов. Таким образом, должны были быть исключены все «принимающие активное участие в борьбе с Советской Властью»²⁵.

На Общем собрании, которое в то время было высшим органом Общества, принимавшим решения, коммунисты попытались добиться утверждения одного из следующих, по их мнению, уже «значительно измененных», четырех критериев исключения членов ОПК, по которым исторгались:

- «[1.] “Ведущие борьбу с Советской Властью”,
- [2.] “принимающие участие в вооруженной борьбе против Советской Власти”,
- [3.] “ведущие вооруженную борьбу с Советской Властью”,
- [4.] “лица, против которых органы Советской власти возбудили преследование”»²⁶.

На Общем собрании²⁷ оказалось, однако, что против имплантации политического момента в Общество по самым различным мотивам высказались все не коммунисты, в том числе давно отошедшие от тогдашней политики народники, и те, кто сочувствовали коммунистам.

В конце концов, была принята следующая формулировка:

«...исключаются из Общества лица, запятнавшие себя поступками, не допустимыми с революционно-социалистической точки зрения»²⁸.

Несмотря на описанные трудности, бюро коммунистической фракции очень положительно оценивает шансы благоприятного развития Общества: в качестве успеха отмечалось то обстоятельство, что принятый на Общем собрании критерий оценки членов ОПК является определенно политическим. Возможность выступить в Обществе против всякого рода активных антисоветских элементов, по мнению бюро, вполне наличествовала благодаря описанным рычагам [перерегистрации. – *М.Ю.*]. Тем самым была продемонстрирована линия, которая может привести к «победе». Другими словами, предполагалось, что с помощью перерегистрации найдена стратегия, позволяющая воспрепятствовать в будущем новым «срывам». Кроме того, еще раз подчеркивалось, что командные посты Общества заняты коммунистами, влияние которых обеспечено с помощью его беспартийных членов. Было указано также на надежное ядро сотрудников и надежность аппарата.

В качестве своей первоочередной задачи бюро видело пополнение рядов Общества коммунистами. Для этого оно просило помощи у партии и советской власти. «Следует всеми силами убедить коммунистов среди бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев отказаться от своей пассивности или сомнений относительно сотрудничества с инакомыслящими на уровне поддержания историко-революционных традиций и взаимопомощи в ОПК»²⁹.

В последнем разделе, в котором идет речь о полезности Общества для советского государства, бюро, подводя итоги, подчеркивает следующие преимущества³⁰:

1. Общество исследует прошлые этапы освободительной борьбы рабочего класса за освобождение.

2. Общество поддерживает своей издательской работой память будущих поколений о революционном прошлом: тщательно проработанные издания могут быть использованы как учебное пособие для передачи им определенных моментов истории революционного движения в России.

3. Общество стремится, издавая энциклопедию революционного движения, серьезно исследовать революционное прошлое.

4. Тесная связь членов Общества с РКП – более одной трети членов Общества являются также членами РКП – и ее историче-

ское направление, лишает «компромиссных» основы монополии на интерпретацию революционного прошлого.

5. Не считаясь с партийной принадлежностью своих членов, Общество, при новых общественных условиях, является платформой для бывших лояльных революционеров, особо для лояльных символических фигур прошлой революционной борьбы.

6. Общество является доказательством против критики в адрес «компромиссных разного оттенка» – под этим подразумеваются все силы, отвергающие большевиков – согласно которой новое советское общество не допускает организационную свободу ни для кого, кроме коммунистов. Даже зарубежная пресса следит за деятельностью Общества и положительно отмечает разнопартийность членов Общества.

7. Оно представляет собой возможность в организованной форме воспользоваться нравственным влиянием ветеранов революционного движения. Бывшие борцы являются, в силу их прежней деятельности, несомненно, решительными противниками реставрации монархизма и любой попытки интервенции. Кроме того, они готовы посвятить все свои силы восстановлению народного хозяйства.

8. С помощью Общества могут быть снова активизированы «сотни и тысячи» бывших видных общественных и политических функционеров, которые отошли от всякой своей прежней экономической и общественной деятельности.

9. Оно может использоваться как фонд для рекрутирования функционеров.

В заключительном обращении бюро подчеркивает, что оно всегда поддерживало контакт с партией и Истпартом. По просьбам бюро в Оргбюро партии было даже принято решение обязать товарища Я.С. Померанцева³¹ к постоянному сотрудничеству в Обществе. Самое важное теперь – достичь активного участия коммунистов в деятельности Общества и идейно поддержать их работу со стороны ЦК РКП. Поэтому ЦК должен не только откомандировать в Общество двух-трех ответственных коммунистических функционеров для постоянного сотрудничества, но и разослать секретное циркулярное письмо в губкомы партии и в нем призвать всех бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев из числа коммунистов к вступлению в Общество.

«Тем самым был бы положен конец всяким кривотолкам о нашем Обществе и представилась бы полная возможность для преуспевания и развития нашего Общества»³².

2. Отчеты в ЦК РКП(б)

За заявлением бюро коммунистической фракции от 14 июня 1922 г. следует заявление Г.М. Крамарова от 24 августа того же года. Крамаров, член-учредитель Общества и член его важнейших органов (Совета, Президиума, комиссии по перерегистрации) и комиссий (архивной и литературной), направляет заявление в качестве члена коммунистической фракции ОПК в адрес ЦК РКП.

Он сообщает, что товарищи Н. Мухин и И. Дубинский во время заседания Президиума ОПК, на котором рассматривался вопрос чистки членов, заявили о своем выходе как из комиссии по перерегистрации, так и из Общества.

Крамаров счел это событие заслуживающим сообщения, так как Мухин и Дубинский, согласно его данным, придерживались точки зрения, в соответствии с которой приговоренные Верховным революционным трибуналом³³ в начале августа 1922 г. к смертной казни или 10 годам тюремного заключения эсеры А.Р. Гоц, Е.М. Тимофеев, И.В. Морозов, Н.Н. Иванов и М.А. Веденяпин не были исключены из Общества. Другие члены Общества, разделявшие мнение Дубинского и Мухина, также заявили о своем выходе из ОПК. Крамаров приветствовал это развитие событий, ибо, таким образом, повышалось влияние коммунистов на Общество.

Тем не менее, в конце автор подчеркивает, обращаясь к центральному требованию в заявлении бюро коммунистической фракции от 14 июня, что ЦК РКП должен разослать в губкомы партии циркулярное письмо коммунистам – бывшим каторжанам с призывом вступать в Общество.

За заявлением Крамарова следует докладная записка «товарища Залежского»³⁴. Отчет представляет собой сокращенные почти на треть выводы из обсуждавшегося выше заявления бюро коммунистической фракции Общества от 14 июня 1922 г.³⁵ Он не имел адресата, но, т. к. находился среди материалов для ЦК, предназначался, очевидно, и для него. Кроме того, документ не датирован. С одной стороны, однако, Залежский ссылается в нем на заявление Крамарова от 24 августа 1922 г., а с другой Томский и Рудзук упоминают в своем заявлении от 31 августа имя Залежского. Поэтому датировку отчета следует установить между обеими названными датами.

С содержательной точки зрения Залежский концентрируется на обсуждении «борьбы между различными политическими направлениями» в ОПК. При этом далее он возвращается к формулировкам заявления бюро коммунистической фракции от 14 июня. Правда, он комбинирует, собирает и дополняет таким образом, который позволяет понять, что его главная задача – изложить, в какой степени коммунисты-члены Общества были в прошлом и являются теперь в состоянии изнутри контролировать Общество и руководить им. К примеру, больше не сообщается только о том, как в заявлении от 14 июня, что меньшевистско-эсеровские «элементы», поддерживаемые частью анархистских сил, пытались придать деятельности Общества определенную политическую направленность, «оппозиционную Советской власти». Теперь подчеркивается то обстоятельство, что *коммунистические члены* [курсив мой. – М.Ю.] ОПК констатировали это как факт. Вновь в противоположность коммунистической фракции воздается хвала коммунистам-членам ОПК за то, что они сорвали попытки привлечь Общество к поддержке политических заключенных. Внутри ОПК они противодействовали заявлениям и ходатайствам с протестом против ужесточения тюремного распорядка и с требованием освобождения членов Общества, арестованных за их активную борьбу против советской власти. Залежский сообщает только одним предложением, что Общество, тем не менее, весной 1921 г. вмешалось в расследование событий в Бутырской тюрьме, не описывая подробно, как дошло до этого.

И опять-таки в противоположность бюро коммунистической фракции, он устанавливает причинную связь между описанными ошибочно предполагавшимися попытками «навязать» Обществу определенную политическую физиономию и существованием течений внутри коммунистической фракции, намеревавшимся закрыть ОПК или преобразовать его в общество бывших каторжан-коммунистов [курсив мой. – М.Ю.]. Залежский описывает, однако, позиции тех, кто намеревался закрыть Общество, без заметной симпатии: сначала он констатирует, что существование такого «четырехпартийного Общества» именно под «флагом партийности» может считаться недопустимым, т. к. под общей крышей ОПК объединяются и коммунисты, и их активные враги – меньшевики и эсеры. Тем не менее, далее Залежский так же подробно, как и заявление от 14 июня, останавливается на отклонении закрытия Общества, решение о чем было принято большинством коммунистической фракции. Приводятся также все критерии,

предложенные фракцией (см. выше) для исключения членов ОПК, но в то же время сообщается, что они отклонялись Общим собранием как политически окрашенные. Залежский, однако, в соответствии со своей концепцией, заключавшейся в концентрации на роли коммунистов в Обществе, считает достойным упоминания, что коммунисты были на Общем собрании в меньшинстве. Результат Общего собрания заключался в том, что лица, запятнанные поступками, несовместимыми с революционно-социалистическим кодексом, могли быть исключены из Общества. Залежский характеризует это как уступку коммунистам. Также принятое собранием решение о допущении перерегистрации членов в соответствии с упомянутым критерием относится к числу «побед» коммунистов, тем более что они составляли большинство в комиссии по перерегистрации³⁶.

Следующий раздел отчета нов по сравнению с заявлением бюро коммунистической фракции от 14 июня. В нем подвергается критике то обстоятельство, что комиссия по перерегистрации фактически еще не начала свою работу. Кроме того, Залежский как нельзя более подробно излагает решение коммунистической фракции Общества от 22 августа 1922 г., которое, как представляется, было принято именно из-за констатировавшегося бездействия комиссии по перерегистрации: в качестве задачи коммунистов определяется нормализация членского профиля Общества, т. е. исключение посредством контрольной комиссии ОПК всех «политически враждебных элементов». Кроме того, следует принять решение о «радикальном» изменении устава с целью разъяснения того обстоятельства, что членами Общества могут быть лишь лица, стоящие на «советской платформе». «Коммунистическое ядро» Общества должно быть окружено не коммунистами, «положительно» относящимися к советской власти.

Изменение названия ОПК Залежский не считал целесообразным. ЦК и МК (Московский комитет партии) должны быть информированы о положении дел в Обществе по состоянию на самый последний момент.

И снова с опорой на заявление от 14 июня в ЦК РКП(б) адресуется просьба откомандировать в распоряжение Общества двух-трех бывших каторжан, являющихся и членами ЦК, а также послать специальный циркуляр в губернские комитеты партии.

Кроме того, органам советской власти рекомендуется осуществлять финансовую и материальную поддержку бывших каторжан и ссыльных только через Общество.

Главная задача Общества должна была впредь, по мнению Залежского, заключаться в собирании материалов и воспоминаний о революционном движении в России, непринятых в Истпарте³⁷. Правда, при издании следовало делать упор на материалы с коммунистическим содержанием.

В заключение Залежский обращается к заседанию Президиума ОПК, которое описывал Крамаров в своем заявлении от 24 августа 1922 г., и на котором обсуждались чистки в Обществе. Залежский также сообщает о том, что Дубинский и Мухин вместе с другими членами ОПК, которые, как и они, не были согласны с обрисованными изменениями Устава и их характером, заявили о своем выходе из комиссии по перерегистрации и из Общества. При этом Мухин и Дубинский подчеркнuto характеризуются как эсеры. О том, что они в это время уже были беспартийными, не упоминается.

Отзыв Залежского заканчивается замечанием о том, что с выходом Мухина и Дубинского из ОПК начался процесс «самоочищения» Общества.

Как заявление бюро коммунистической фракции, так и отзыв Залежского совпадают в том, что Общество ни в коем случае не должно быть закрыто. Внутриполитическая цель организации, заключавшаяся в том, чтобы на длительный срок привязать к советскому государству и партии на среднем и низшем уровне членов других социалистических партий и сочувствующих им, а также символические фигуры революционного движения, утратившие политическую активность, играет при этом значительную роль. Совпадение имеет место в обоих документах и относительно того, что Общество в будущем сможет формироваться более предсказуемо только посредством усиления и увеличения части его членов-коммунистов.

Заявление и отзыв связаны друг с другом также и тем, что оба документа были подготовлены не высшим органом ОПК, Общим собранием, или по меньшей мере формально вторым по значимости после него, Президиумом Центрального совета, а непредусмотренным в Уставе в качестве официального органа бюро коммунистической фракции или членов ЦК РКП(б). В отношении заявления от 14 июня сказано, что коммунисты-члены ОПК располагали собственной неформальной организационной структурой и пытались поэтому оказать влияние на решения политических органов РКП(б). Оба отзыва создают впечатление очень серьезного положения.

Тем не менее следует отметить и явные различия. Заявление бюро коммунистической фракции концентрируется на вопросе спасения ОПК. На переднем плане стоит, опережая остальное, не только неограниченное благо парвящей партии и советской власти, но и спасение ОПК как центра активной исторической, социальной и экономической деятельности. Напротив, отзыв Залежского подчеркивает скорее необходимость спасения ОПК на пользу и во благо партии.

Кроме того, заявление от 14 июня обладает в сравнении с отзывом Залежского неспецифическим характером. Аргументы против закрытия Общества собираются без их однозначной оценки. Даже центральная часть заявления, касающаяся критики поддержки ОПК политических заключенных в тюрьмах, и приблизительно не имеет той значимости, которую два с половиной месяца спустя придаст ей Залежский. Следует подчеркнуть, напротив, что бюро не усматривает прямой связи между критикой поддержки заключенных и растущими в коммунистической фракции опасениями некоторых товарищей выступить против политической неоднородности ориентации членов Общества. Только Залежский связывает оба эти пункта с представляющейся вполне логичной линией аргументации.

Если, с другой стороны, рассмотреть неспецифический характер заявления от 14 июня и на фоне того, что коммунистическая фракция действовала без доказуемого участия высших органов ОПК, можно было бы сделать следующие выводы: с одной стороны, отсюда следует, что информация о грозившем закрытии была в середине июня еще относительно неопределенной, а с другой, что эта информация основывалась на внутривнутрипартийных неформальных источниках. Эти выводы в совокупности исключали рассмотрение в «чуждых партии» органах.

Бросается в глаза также интенсивная полемика в июньском заявлении против беспартийности, закреплённой в Уставе. Заметили, что этот принцип, который первоначально должен был служить пресечению всякой деятельности ОПК в пользу меньшевистских партий, парадоксальным образом обратился теперь против политической инструментализации Общества и контроля над ним со стороны коммунистической фракции. Но заявление коммунистической фракции показывает тем самым также, что в Обществе существовало явное большинство в пользу сохранения его беспартийного статуса. Это касалось также отношения к РКП(б) и ее представителям. При более внимательном рассмот-

рении даже критерий исключения членов ОПК, который бюро и Залежский одинаково считали «уступкой» со стороны большинства членов Общества, оказывается скорее поражением коммунистической фракции: не «советская власть», как того первоначально требовала коммунистическая фракция, а «революционно-социалистическая» точка зрения должна при теперешних обстоятельствах служить всеохватывающим масштабом оценки возможного исключения. Здесь чувствуется еще позиция, в пользу которой выступал Новомирский. В соответствии с ней в ходе революционной борьбы сформировалась революционная этика, которой следует верить и советскую власть. Удивительно нейтральное сообщение в заявлении бюро коммунистической фракции об этой чрезвычайно актуальной теме позволяет даже предположить, что и здесь были велики сопротивление и сомнения относительно демонтажа беспартийных и аполитичных критериев приема и исключения.

С этой точки зрения как заявление, так и с определенными оговорками отзыв Залежского скорее подчинены цели указать путь осмотрительного и одновременно эффективного повышения влияния коммунистической фракции, не затрагивая основ Общества и тем самым не угрожая его существованию и положительному отношению к нему общественности внутри страны и за ее пределами. При этом должна была существовать возможность исключить или дисциплинировать нежелательных членов ОПК. Эту стратегию еще раз подчеркивает конспиративный метод привлечения коммунистов – ветеранов революции с помощью секретного партийного циркуляра, адресованного секретарям губернских комитетов партии.

3. Ретроспектива

На одной только основе обсужденных текстов нельзя выяснить, почему Обществу грозило закрытие именно в июне 1922 г. Указанное в качестве повода и главной причины вмешательство Общества в так называемые события в Бутырке имело место почти полутора годами ранее. И сформулированная столь убедительно Залежским в августе 1922 г. причинная связь событий в Бутырке со «все сильнее растущим течением» в коммунистической фрак-

ции, направленная против сотрудничества с некоммунистическими силами должна быть проверена. Это тем важнее, что в заявлении бюро коммунистической фракции в отличие от позиции Залежского, сформулированной в июне, речь шла лишь о «некоторых товарищах», выступавших за равноправное сотрудничество с меньшевиками и эсерами. Большинство коммунистической фракции не придерживалось, следовательно, такого мнения. Это объясняется тем, что летом 1922 г. имело место не растущее политическое давление внутри ОПК, а наблюдалось давление извне, т. е. со стороны политического руководства страны. Залежский мог бы попытаться искусно замаскировать этот факт и переопределить его, представив как процессы внутри Общества.

Так как здесь существует в целом потребность в прояснении, предпринимается ретроспективный анализ вплоть до времени основания Общества. Если исходить из отзыва, то речь идет сначала о событиях в Бутырке, которые, как представляется, были главной причиной для грозившего Обществу закрытия. В качестве второго шага анализируется процесс эсеров, состоявшийся с 8 июля по 7 августа 1922 г., т. е. непосредственно в критический период возможного закрытия Общества.

Бунт в Бутырской тюрьме

Всего лишь через месяц после основания Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в ночь с 25 на 26 апреля 1921 г. в Московской Бутырской тюрьме, подчинявшейся ВЧК, имел место тяжелый инцидент. 14 мая фракция меньшевиков в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов поставила события на повестку дня³⁸. В конце концов, Президиум Исполкома Совета принял решение назначить комиссию для выяснения событий³⁹. Результаты деятельности и материалы этой комиссии были оценены еще одной комиссией, подотчетной непосредственно Политбюро ЦК РКП(б) и возглавлявшейся видными большевиками Н.И. Бухариным и Л.Б. Каменевым и 25 июня 1921 г. доложены Политбюро⁴⁰. В этот двустраничный отчет входили показания уголовников, сидевших в соседних корпусах, двух политических заключенных⁴¹ и пяти непосредственно «потерпевших политических заключенных»⁴².

В нем со всей определенностью сказано, что упомянутой ночью были избиты несколько политических заключенных тюрьмы.

Кроме того, администрация тюрьмы объявила о таких наказаниях, как подталкивание в спину и удерживание рук. Политбюро утвердило отчет под пунктом 13а, но потребовало под пунктом 13б его быстрой переработки Бухариным и Каменевым.

Подобным образом преуменьшают значимость событий и в точности следуют линии комиссии Бухарина-Каменева в оценке степени злоупотреблений относительно политзаключенных в тюрьмах показания бывшего эсера В.М. Ребруха, которые он дал 3 июня 1921 г. комиссии Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов⁴³.

Тем не менее, на основе обстоятельных показаний Ребруха и с учетом заявления эсера и члена ЦК ПСР А.Р. Гоца комиссии Московского Совета от июня 1921 г. могут быть в значительной степени реконструированы процесс совершения преступления, масштабы насильственных действий и их причины⁴⁴.

Ребрух, арестованный 2 марта 1921 г. и переведенный 10 марта в Бутырскую тюрьму, сообщает, что тюрьма в результате Кронштадтского восстания, которое происходило с 1 по 18 марта 1921 г. и создало большевикам немало затруднений, была порядком заполнена⁴⁵. Часть заключенных должна была теперь в рамках секретной акции быть переведена в ночь с 25 на 26 апреля 1921 г. в соответствии со списками, подготовленными ВЧК, и по показаниям Ребруха содержащими, прежде всего, фамилии правых эсеров и меньшевиков, в провинциальные тюрьмы⁴⁶. При поддержке вооруженных красноармейцев чекисты попытались выполнить приказ. Но заключенные, встревоженные криками из женского корпуса, коллективно отказались отбирать соответствующих товарищей. С помощью бесцеремонного применения силы и при резком отпоре некоторых заключенных все политзаключенные были, в конце концов, без разбора уведены и на грузовиках доставлены на соответствующие вокзалы⁴⁷.

По данным Ребруха в ярославской тюрьме, в которую он был в результате помещен, существовали хорошие условия, т. к. 43 политзаключенных имели возможность организовать подобно тому, как это практиковалось в Московской Бутырской тюрьме. 15 заключенных, которые чувствовали себя очень плохо, и у которых врач констатировал туберкулез, были переведены по их желанию на более сухую солнечную сторону тюрьмы. Ребрух сообщает, однако, также и о том, что в ходе событий в Бутырке все заключенные были по приказу начальника секретного отдела Московской ВЧК Т.П. Самсонова наказаны двумя месяцами одиноч-

ного заключения с обоснованием, что они избивали в Москве красноармейцев⁴⁸.

Письмо заключенных с жалобами, правда, не подписанное Ребрухом, характеризует меры Самсонова как «типичное воспроизведение [мер] бывших представителей [царской] жандармерии, которые ранее обвиняли евреев и студентов как участников революционного движения в России». ВЦИК, которому формально подчинялась ВЧК, характеризуется в качестве «инициатора» всей акции⁴⁹.

Ребрух, которому пришлось обещать публично рассказать о времени, проведенном в тюрьме, был, в конце концов, учитывая тяжелое легочное заболевание, 30 мая 1921 г. освобожден из тюрьмы. Незадолго до освобождения, снова переведенный в Москву, он имел возможность познакомиться с господствовавшими теперь и изменившимися к худшему условиями заключения (нет газет, книг и отсутствует общение заключенных с руководством)⁵⁰.

Можно предположить, что важнейший мотив правительственных и партийных органов о переводе политзаключенных состоял в том, чтобы разрядить напряженное положение, возникшее в ходе систематических арестов после Кронштадтского восстания. Речь шла не только о том, чтобы освободить главную тюрьму города для новых заключенных, но прежде всего о том, чтобы, переведя сидящих в Бутырской тюрьме (авторитетных) политзаключенных, уничтожить или затруднить структуры их общения, простиравшиеся и за границу. О том, что главным для советского правительства и его органов был именно этот результат принятых мер, свидетельствовало в особенности лишенное огласки осуществление акции после принципиальной неудачи. Заключенные оставались в провинциальных тюрьмах, а члены комиссии Московского Совета, опрашивая Ребруха, интересовались в первую очередь тем, как заключенным удавалось поддерживать контакт вовне. При этом в поле зрения попала, прежде всего, работа основанной в 1918 г. организации, защищавшей права человека – Политического Красного Креста⁵¹, который уделял большое внимание положению заключенных⁵².

Политбюро ЦК РКП(б) не сделало в этой ситуации ставку на дезэскалацию, а уполномочило на своем заседании от 25 июня 1921 г. под пунктом 13в протокола Бухарина и Каменева, в тот же день связаться с руководителем ВЧК Дзержинским, и подготовить «к публикации в четверг [т. е. через два дня] как материал

о связи эсеров и меньшевиков с Антоновым, так и основной материал о петроградском заговоре», т. е. о Кронштадтском восстании⁵³. Статья в «Известиях» появилась, однако, лишь месяц спустя как отчет ВЧК. В ней сообщалось, что у эсеров в Бутырской тюрьме были найдены документы, в соответствии с которыми «партия с.-р. явилась организатором и вдохновителем кулацких бунтов и вела энергичную работу по подготовке всеобщего восстания против власти Советов». Сидящие в тюрьме члены ЦК ПСР использовали признававшиеся за ними по гуманитарным соображениям привилегии «для руководства контрреволюционным движением в стране». ПСР поддерживала контакты с восставшими крестьянами в Тамбовской губернии, организацией Б.В. Савинкова и другими белогвардейскими группировками⁵⁴.

Тема несправедливого и бесчеловечного обращения с политзаключенными в советских тюрьмах, часто арестовывавшимися только превентивно и для устрашения, не оставляла в покое советскую и международную общественность⁵⁵. Из тюрем вновь и вновь поступала информация, не только подтверждавшая намерения большевиков, но и позволявшая предчувствовать ориентацию на испробованные в прошлом, в царское время, формы революционного сопротивления, которые теперь были обращены против социалистического правительства. Уже 7 июня 1921 г. политзаключенные московской Таганской тюрьмы написали письмо с жалобами. Оно было направлено ВЦИК и ВЧК и сразу же написано по-французски, чтобы дойти до зарубежных социалистов⁵⁶.

В этом письме подчеркивается, что по политическим заключенным прошел двойной удар. Сначала они провели тяжелые годы в царских тюрьмах, затем вели свою революционную работу в условиях голода, а теперь почти уже два года в тюрьмах «Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Общие условия еще хуже, чем раньше [в царские времена]: тюрьмы переполнены, постоянные переводы в другие города и тюрьмы, чтобы разорвать контакты между тюрьмой и волей, между членами партий, сочувствующими и семьями. Происходили также всякого рода «несчастные случаи». Кроме того, чинятся препятствия работе [Политического] Красного Креста. Заключенные сообщают о резких сокращениях пайка (хлеб с 300 до 200 г, мясо со 100 до 25 г, каша с 1/3 до 1/5 кг в день на человека) и о болезнях – цинге, туберкулезе, желудочных заболеваниях и ане-

мии. Заключенные, по их высказываниям, намереваются в отчаянном положении прибегнуть к «любым средствам», если пайки не будут увеличены⁵⁷.

Затем в октябре 1921 г. Политический Красный Крест сделал заявление о ситуации в провинциальных тюрьмах, направленное в ЦК РКП(б)⁵⁸.

Исходный пункт формировали события в Бутырке в апреле 1921 г. Сообщается, что условия в провинциальных тюрьмах, куда переводились заключенные, были невыносимы, что часть тюрем не отапливалась годами, что был распространен тиф, а методы обращения с заключенными походили на те, которые практиковались в царское время. Заключенные грозили теперь массовыми самоубийствами. Политический Красный Крест подводит следующий итог, крайне критический в отношении правительства:

«Доведя об этом до сведения ЦК [...], Политический Красный Крест обращает его внимание на то, что социалисты и анархисты содержится в тюрьмах не за преступную деятельность а исключительно в виде изоляции как члены политических партий, оппозиционных коммунистической. Политический красный Крест просит поддержать его ходатайство о переводе социалистов и анархистов в Московские тюрьмы»⁵⁹.

События в Бутырке с точки зрения ОПК

Но какую роль играло ОПК в вопросе о политических заключенных? Оно, подобно Политическому Красному Кресту, посвятило себя гуманитарному аспекту, при этом, однако, не пренебрегало и сферой, граничащей с политикой.

Еще до событий в Бутырке внутри Совета ОПК имелись стремления создать комиссию по поддержке заключенных советской власти, бывших каторжан и ссыльных, чтобы добиться проверки их дел и условий заключения. А.Н. Андреев, член-учредитель ОПК, бывший эсер, а теперь анархист, разработал для этого подробную концепцию и обоснование⁶⁰. Не используя понятие «политические заключенные», Андреев оправдывает поведение и «преступления» ветеранов революционного движения, сидящих теперь в тюрьмах «советской власти», чрезвычайными условиями Гражданской войны. Задачей соответствующей комиссии по «защите» бывших каторжан и ссыльных должна была, по мнению Андреева, заключаться в том, чтобы:

1. Составить список всех арестованных в настоящее время каторжан и ссыльных в Москве и во всей России.
2. Ознакомиться с их обвинительными материалами.
3. Поручиться за достойных членов Общества и таких, которые могут оказаться достойными.
4. Выступить за облегчение и изменение режима места заключения»⁶¹.

Уже из заявления бюро коммунистической фракции ОПК от июня 1922 г. было видно (см. выше), что на важных Общих собраниях, протоколы которых, к сожалению, пока не найдены, большинство действительно выступило в поддержку политических заключенных. Было даже внесено предложение о том, что Общество должно протестовать против ухудшения тюремного режима. Кроме того, Совет Общества обязали ходатайствовать за освобождение всех членов ОПК. Очевидно, для того, чтобы снять обвинение с членов Общества, комиссии Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов по расследованию инцидента в Бутырской тюрьме были переданы все находившиеся в его распоряжении материалы, в основном письма заключенных или сообщения их родственников⁶².

Хотя как бюро коммунистической фракции 14 июня 1922 г., так и Залежский в августе 1922 г. утверждали, что попытки «злоупотребить» Обществом для поддержки политзаключенных в значительной степени отражены, при оценке протоколов заседаний различных органов Общества возникает другая картина. Общество, защищая своих членов, не останавливалось перед вмешательством в политику правительства, заключавшуюся в аресте бывших членов социалистических партий и анархистских движений и содержании их без суда в тюрьме. Невозможно также в противоположность намерению Залежского провести разделительную линию между членами коммунистической фракции как противниками уступок и другими членами Общества в качестве сторонников поддержки заключенных. Напротив, вопрос поддержки заключенных социалистов обсуждался и в различных органах Общества, в которых коммунисты имели большинство вместе с лояльными силами, большей частью беспартийными, и принимались решения в пользу заключенных.

Так, Совет ОПК решил 5 мая 1921 поручить Маслову выяснить причину ареста активного члена-учредителя Общества, бывшего эсера-максималиста, а теперь беспартийного М.Д. Закегейма⁶³. Хотя не доказано, что вмешательство Совета повлияло

на судьбу Закгейма, он через некоторое время был освобожден и особенно активно работал в комиссии ОПК по помощи голодающим.

На заседании Совета 19 августа 1921 г. Г.М. Крамаров, В.А. Плесков, А.Н. Андреев, Л.А. Старр и А.А. Биценко обсудили под пунктом 7 повестки дня письмо члена Общества из Воронежа А.В. Познохирина, находившегося в Таганской тюрьме в Москве⁶⁴. Было принято решение направить ВЧК официальное послание, к которому прилагались письма родственников Познохирина и просить об ускоренной проверке дела. Под пунктом 8 повестки дня того же заседания была даже обещана голодающей семье бывшей эсерки, а теперь беспартийной З.А. Поляковой-Чернышевой, арестованной вместе со своим мужем, «возможная помощь»⁶⁵.

27 сентября 1921 г. Совет ОПК рассматривал под пунктом 5 повестки дня письма заключенных социалистов из провинциальных тюрем во Владимире и Орле⁶⁶. Темкину, Крамарову, Веселовскому и Маслову было поручено обратиться с копиями писем и заявлением Совета к ВЦИК и ЦК РКП, и подать ходатайство о расследовании и переводе заключенных в Москву. О результатах следовало проинформировать Президиум Совета⁶⁷.

4 декабря 1921 г. ходатайство об оказании находившимся в тюрьмах членам Общества помощи в форме предоставления продовольствия было отклонено. Это событие нельзя, однако, истолковывать как изменение тенденции внутри Общества, так как оно произошло с обоснованием, согласно которому снабжение заключенных является задачей Политического Красного Креста⁶⁸.

Президиум Совета ОПК занимался 14 января 1922 г. письмом трех членов Общества, находившихся в тюрьме. В нем М.И. Антонов, бывший эсер, а теперь беспартийный, бывший «революционный рабочий» П.Н. Фабричный и эсер А.В. Яковлев, который был уже членом-учредителем ОПК, просили выяснить причины их ареста и взвесить возможности освобождения. Член Президиума С.М. Темкин получил поручение обратиться с этим делом к ВЧК⁶⁹.

Хлопоты Совета и Президиума ОПК за арестованных членов Общества, а также за социалистов, заключенных в провинциальных тюрьмах, рассматривались правительственными органами, включая ВЧК, как нечто мешающее и нежелательное. Такая позиция подтверждается попыткой ВЧК при первой же представившейся возможности дискредитировать и запугать одного из

тех, кто в рамках ОПК особенно активно добивался справедливого и гуманного отношения, а также освобождения политических заключенных. 1 августа 1921 г. В.А. Плесков был арестован МЧК на Николаевском вокзале в Москве в поезде на Петроград. В соответствии с протоколом допроса «у него была обнаружена провокационная переписка о якобы происшедшем избииении политических заключенных в Бутырской Тюреме, которую он собирался перевезти в Петроград» заместителю руководителя Историко-революционного архива, историку и литературоведу П. Щеголеву⁷⁰.

Вывод о том, что целью МЧК был именно Плесков, можно сделать, основываясь на обстоятельствах его ареста. Плескова не задержали в ходе обычного контроля – сотрудники МЧК, прежде чем отправиться на вокзал, уже побывали в его квартире и едва не столкнулись с ним⁷¹. Очевидно, МЧК располагала информацией, которую она должна была получить от некоего неформального сотрудника Общества. Сам Плесков предполагал, что все дело было сознательной провокацией против него, затеянной бывшим членом РСДРП, а в то время беспартийным, Н.М. Ростовым-Коганом, который на свой страх и риск взял соответствующую переписку из материалов Совета ОПК и в запечатанном пакете вручил Плескову с просьбой о передаче⁷². Т.к. материалы в пакете, как свидетельствовали впоследствии расследования, проведенные внутри Общества, никоим образом не имели конспиративного характера, а были «общеизвестны»⁷³, и Плесков в ходе допроса в МЧК подписал обязательство о том, что он «в будущем не станет вести никакой антисоветской работы» и, кроме того, заявил о своем выходе из РСДРП (меньшевиков), то был освобожден⁷⁴.

Плесков не позволил, однако, запугать себя, а выступил в ноябре 1921 г. на Президиуме (присутствующие члены: Темкин, Крамаров, Плесков, Веселовский, Старр) с собственным заявлением: поддержать ходатайство родственников заключенных социалистов, приговоренных к ссылке в Туркестан, позволив им проехать туда своим ходом [расстояние, составляющее несколько тысяч километров], а не быть отправленными так называемым этапным порядком⁷⁵. Президиум одобрил просьбу родственников⁷⁶.

Равным образом Плесков резко выступил против Ростова-Когана. Он добился, что решение ревизионной комиссии, рекомендовать Общему собранию отстранение его и Ростова-Когана на

6 месяцев от деятельности в руководящих органах ОПК, не было реализовано. Вместо этого в качестве контрмеры сама ревизионная комиссия получила от Президиума Совета порицание за то, что она приняла на себя функцию следственной комиссии⁷⁷. Наконец, на основе сообщения присутствовавших членов ревизионной комиссии Совет ОПК даже исключил Ростова-Когана из Общества⁷⁸.

В январе 1922 г. вышел, как уже упоминалось, подготовленный вместе с Домом печати, первый номер журнала «Историко-революционный бюллетень»⁷⁹. Плесков написал для него вводную статью об ОПК. Особо важно было для него подчеркнуть беспартийность или, другими словами, политическую нейтральность Общества⁸⁰. То, что этот принцип непременно включал и независимую позицию Общества по поводу политики правительства и партии в отношении политзаключенных, показывал приведенный список членов Общества. Здесь были демонстративно указаны и члены ОПК, арестованные ВЧК и сидевшие в тюрьмах. Особенно следует подчеркнуть имена четырех членов ЦК партии эсеров (ПСР) – А.Р. Гоца, С.В. Морозова, Е.М. Тимофеева и М.А. Веденяпина, находившихся в Бутырской тюрьме⁸¹. Все четверо имели безупречное революционное прошлое и прошли строгий отбор в соответствии с условиями приема в ОПК. Также все четверо находились с 1917 г. в серьезном конфликте с большевиками.

Веденяпин, которого можно причислить к левому крылу ПСР, в июне 1918 г. уехал из Петрограда в Самару, где вступил в находившийся под преобладающим влиянием эсеров «Комитет членов Учредительного собрания» (сокращенно «Комуч»). В этом правительстве, противостоявшем большевикам, которое считало себя всероссийским парламентом в изгнании, продолжавшим традицию распущенного силой Учредительного собрания, он принял на себя руководство ведомством внешних связей, а также почтово-телеграфным ведомством. С помощью чешского легиона местные эсеры сместили советское правительство, в котором доминировали большевики, и снова ввели в действие городскую Думу и земство. Советы оказались исключенными из всякого участия в политике. Многие большевики были арестованы⁸². Падение Самары 7 октября 1918 г. и Омска 18 ноября 1918 г. окончательно подтвердило крах «Комуча». Но «Комуч» дискредитировал себя и потому, что, его армия вновь и вновь оказывалась

в руках белых офицеров. 5 декабря того же года Веденяпин участвовал в Уфе в нелегальном собрании бывших руководителей «Комуча», которые выступили за прекращение вооруженной борьбы и переговоры с Красной Армией. Хотя Веденяпин во время одной встречи с А. Биценко был проверен ею на предмет лояльности советской власти и затем получил обещание, что не будет арестован и, хотя ему предложили работу в сфере управления сельским хозяйством, два дня спустя, 11 мая 1920 г., он был арестован ВЧК и освобожден только 8 месяцев спустя⁸³. В сентябре того же 1920 г. он, очевидно, получил разрешение выступить на конференции ПСР, на которой еще раз подчеркнул свой принципиальный отказ от вооруженной борьбы против большевиков⁸⁴. Он не прекратил свою деятельность в ЦК ПСР, а организовал выборы в Московский Совет. После Кронштадтских событий (2–18 марта 1921 г.) он был арестован 12 марта 1921 г. во время торжеств по случаю основания ОПК. Снова освобожденный и в очередной раз наделенный Биценко гарантиями безопасности, он участвовал в конце марта 1921 г. в качестве члена оргкомитета ОПК в собрании его членов-учредителей⁸⁵. Веденяпин был на короткое время арестован на собрании, посвященном основанию ОПК, снова освобожден, а затем 20 апреля 1921 г. арестован окончательно и доставлен в Бутырскую тюрьму⁸⁶.

С.В. Морозов был близким другом и доверенным лицом Веденяпина. Находясь в 1912 г. вместе в ссылке в Балаганском уезде Иркутской губернии, они попытались объединить и организовать различных представителей политических ссыльных. В 1919 г. на IX заседании Совета партии, проходившем 18–20 июня под Москвой, Морозов был избран членом ЦК и в том же году арестован⁸⁷.

Е.М. Тимофеев, происходивший из семьи народников, сосланных в Сибирь, и тесно связанный с сибирской секцией ПСР, после своего освобождения в марте 1917 г. возглавлял в Иркутске объединенный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Он был избран также в Учредительное собрание по спискам ПСР и «Всероссийского крестьянского союза». Непосредственно перед его роспуском он вел эсеровскую агитацию в боевых организациях партии. В январе 1918 г., на IV съезде ПСР, он был избран в ЦК Президиума партии. Весной 1918 г. он вместе с тремя другими членами Президиума организовал в Москве боевую комиссию ЦК. В мае 1918 г. Тимофеев участвовал в VIII Совете партии. Его заседания проходили под девизом борьбы за восстановление

независимости России и обновления национально-государственного единства на основе решения социально-политических задач, поставленных Февральской революцией. 15 февраля 1920 г., вскоре после участия в партийной конференции в Одессе, он был арестован и с тех пор до 1922 г. непрерывно сидел в тюрьме⁸⁸.

Хотя Тимофеев и не упоминался как член Общества, он опубликовал в третьем номере журнала ОПК «Каторга и ссылка» (начало 1922 г.) свои воспоминания об известных революционерах, вместе с которыми находился в тюрьме и ссылке⁸⁹.

А.Р. Гоц был самым выдающимся представителем ПСР из еще находившихся в 1922 г. в России. Он возглавлял петроградскую фракцию ПСР сначала в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, а затем во ВЦИК. На III съезде ПСР (25.5. – 4.6.1917 г.) он был избран членом ЦК партии. До Октябрьской революции он поддерживал Временное правительство, участвовал в «Демократическом совещании» и был членом Президиума Временного Совета Российской Республики, так называемого Предпарламента. Гоц отвергал взятие власти большевиками в октябре 1917 г. Эта позиция выразилась в его участии в «Комитете спасения родины и революции». Так Гоц оказался под подозрением в содействии организованному этим комитетом 29 октября (11 ноября) 1917 г. восстанию петроградских юнкеров в поддержку Временного правительства против большевиков. Затем вместе со своими соратниками Н.Д. Авксентьевым и В.М. Черновым он пытался воплотить в жизнь концепцию социалистического правительства без участия большевиков.

Гоц был членом Учредительного собрания. 18 декабря 1917 г. его и других членов «Объединения в защиту Учредительного собрания» арестовали на сутки.

Роспуск Учредительного собрания, которое отказалось передать свои функции и компетенции Советам, что предлагалось большевистским меньшинством, стал поводом для его окончательного разрыва с «диктатурой большевиков». Гоц предпринял несколько безрезультатных попыток перейти через линии фронта Гражданской войны, чтобы поддержать «Комуч». В феврале 1919 г. он также участвовал в партийной конференции ПСР в Одессе. Там он представлял точку зрения, в соответствии с которой вмешательство западных держав является законным ввиду тесной связи русской демократии с демократиями Запада.

В целом Гоц не входил в число тех, кто искал партийно-политического или личного компромисса с большевиками. В конце

концов, в 1920 г. он был арестован за мнимую организацию террористических актов⁹⁰.

Одновременно с появлением журнала «Историко-революционный бюллетень» в феврале 1922 г., в котором, как уже упоминалось, Гоц был назван в качестве члена ОПК, в Берлине, в как бы нейтральном месте, появилась написанная неким Г. Семеновым брошюра о военной активности и боевой деятельности ПСР в 1917–1918 гг.⁹¹ Семенов, возглавлявший боевую организацию, утверждал, что он дважды получил от Гоца разрешение на убийство Ленина. Кроме того, по его словам Ф. Каплан, действительно совершившая покушение на Ленина, была членом боевой организации ПСР⁹². Несколько дней спустя после выхода брошюры Л.В. Коноплева, еще один член боевой организации ПСР, подтвердила 28 февраля 1922 г. в «Правде» и «Известиях» сказанное Семеновым⁹³.

Процесс эсеров

Тот факт, что имена четырех названных членов ЦК ПСР в феврале 1922 г. приводились в списке членов Общества, был последовательным осуществлением его Устава. Но такое упоминание представляло собой, кроме того, и мужественный шаг, который на нижеследующем фоне воспринимался правящими кругами как открытая провокация. То же можно констатировать и по поводу описанного поведения ОПК в рамках событий в Бутырке.

После того, как усиленные стремления Политбюро (в июне и июле 1921 г. в связи с событиями в Бутырской тюрьме) дискредитировать политических заключенных с помощью прессы остались безуспешными, советское правительство и партия в конце 1921 г. перешли в наступление.

Уже 28 декабря 1921 г. ЦК РКП(б), заслушав Дзержинского, решил провести процесс против ЦК партии эсеров. Была создана специальная комиссия в составе Дзержинского, Л. Каменева и Сталина⁹⁴. Приготовления ВЧК для обоснования необходимости такого решения ЦК партии шли, однако, давно. Так, ВЧК приняла решающее «участие» в создании упомянутой брошюры Семенова, изготовленной уже в начале декабря 1921 г. и воспроизводившей серьезные обвинения против Гоца. Не только Семенов, но и Коноплева, подтвердившая обвинения против Гоца, тесно сотрудничала с ВЧК, а затем с ГПУ⁹⁵. Не случайно одновременно

с появлением обвинений Коноплевой в «Известиях» 28 февраля ГПУ официально объявило, что на основании самых новых данных теперь будет проведен процесс против ПСР⁹⁶.

От приготовлений к процессу нельзя отделить начатые в то же время меры против политзаключенных в тюрьмах. 2 февраля 1922 г. Политбюро решило по предложению Сталина, который недаром был и членом комиссии по подготовке намеченного процесса, вменить ГПУ⁹⁷ принять скорейшие меры по переводу самых активных и наиболее видных представителей антисоветских партий в специально подготовленные тюрьмы в провинции. В дополнении, которое с содержательной точки зрения прямо напоминает о событиях апреля 1921 г. в Бутырской тюрьме, настоятельно подчеркивалось, что следует также принять меры, гарантирующие как перемещение, так и условия содержания заключенных в местах заключения без новых осложнений. ГПУ было поручено и дальше держать в заключении тех меньшевиков, эсеров и анархистов, которые в данное время находились во власти ВЧК. Наконец, ВЦИК должен был одобрить решение Политбюро как специальное поручение ГПУ⁹⁸.

С этим указанием было лишено силы провозглашенное в рамках НЭПа повышение правовой безопасности для заключенных социалистов. Вполне предусмотренный исключительный случай, который был возможен только в соответствии с определенным решением ВЦИК, объявлялся правилом. Снова была установлена преэминентность с репрессивной политикой ВЧК⁹⁹. За экономической либерализацией не последовала политическая.

Процесс, проходивший с 8 июня по 7 августа 1922 г. и практически направленный против всего ЦК партии эсеров¹⁰⁰, сопровождался еще до своего начала широкой кампанией предварительного осуждения в печати. К тому же по всей стране были организованы демонстрации и публичные выступления¹⁰¹. Кроме того, систематически дискредитировалась и сталкивалась с препятствиями работа социалистически и социал-демократически ориентированных защитников (иностраных и российских), так что они, в конце концов, отказались представлять интересы обвиняемых. Допущение свидетелей происходило только после обстоятельного отбора, подготовки и отчасти при массивном давлении, чтобы получить «верные» показания.

Доказательства против обвинявшихся членов ЦК ПСР, в конце концов, взявших на себя свою защиту, были жалкими и неполными и сводились к политическому осуждению. Публику, нахо-

дившуюся в зале судебных заседаний, можно охарактеризовать как тщательно отсортированную. Сообщения в печати о процессе были пристрастны. Руководители РКП(б) влияли на ход процесса¹⁰². Наряду с вовлечением в процесс второй группы обвиняемых, например, упоминавшихся неформальных сотрудников ВЧК Семенова и Коноплевой, а также Г. Раднера, которого уже в тюрьме товарищи по заключению подозревали в тесном сотрудничестве с большевиками¹⁰³, предпринимались, кроме того, попытки оказать давление на обвинявшихся членов ЦК ПСР, чтобы они признали свою вину. Вынесенный, в конце концов, большинству членов ЦК смертный приговор и условие не приводить его в исполнение только в том случае, если партия эсеров «правильно» ведет себя, показывает, каков, собственно, был замысел процесса. Ему следовало: 1. Легитимировать политику содержания в тюрьмах социалистических и анархистских политических конкурентов. 2. Показать необходимость дискредитации всех остальных политических направлений. 3. Послужить средством для того, чтобы взвалить собственную ответственность за внутренние экономические и социальные трудности¹⁰⁴ на политических конкурентов. 4. Обосновать раскол существованием считавшихся и не считавшихся с господством большевиков сторонников этой партии. 5. Дисциплинировать собственные партийные кадры, открытые для компромисса с социалистическими партиями или хорошего обращения с социалистами и анархистами в тюрьмах¹⁰⁵.

Процесс сопровождался волной арестов сторонников социалистических партий, которые начались уже в феврале 1922 г.¹⁰⁶ Кроме того, в марте Политбюро приняло резолюцию, предписывавшую создание так называемых бюро содействия ГПУ в советских учреждениях, кооперативах и профсоюзах, чтобы собирать информацию о бывших и по-прежнему активных социалистах. Шла чистка нелояльного персонала¹⁰⁷.

Воздействие процесса на ОПК

Новое наступление Политбюро ЦК РКП(б) на заключенных социалистов, шедшее рука об руку с подготовкой к процессу против эсеров, воздействовало на ОПК. Оно особенно затронуло Плескова. 17 января 1922 г. он внезапно вышел из Совета ОПК и, тем самым, из Президиума Общества, ограничившись теперь работой во второстепенных комиссиях – литературной и пенсион-

ной¹⁰⁸. Причины его ухода не видны из протоколов Совета, правда, ревизионная комиссия, настроенная против Плескова, 12 февраля заклеила работу «отдельных членов» Совета как «преступную»¹⁰⁹. Т. к. Плесков был единственным, кто в упомянутый период покинул Президиум, можно сделать вывод, что критика ревизионной комиссии особенно касалась его.

Общество оказалось и под финансовым давлением со стороны советского государства. Отчисление обещанных средств на 1922 г. не рассматривалось во ВЦИК и тем самым оказалось фактически сторнированным. Дело снова пришло в движение только после отставки Плескова. Одновременно с уходом Плескова из Совета и Президиума Совет ОПК уполномочил «старосту» И.А. Теодоровича воздействовать на А.С. Енукидзе и Томского, чтобы вопрос бюджета возможно скорее был обсужден во ВЦИК. 26 января ВЦИК рассмотрел этот вопрос и дал указание удовлетворить ходатайство ОПК¹¹⁰.

Знаком, также неблагоприятным для ОПК, можно считать последовавшее 28 января 1922 г. основание конкурирующей организации, Общества старых большевиков¹¹¹.

В июле 1922 г. накануне процесса против ЦК эсеров ВЦИК сторнировал уже обещанную сумму в 1 млрд руб. на помощь голодающим со стороны ОПК и тем самым парализовал очень популярную и эффективную акцию¹¹².

Важнейшее изменение по сравнению с 1921 г. заключалось в том, что руководящие органы ОПК не рассматривали больше письма и петиции от политзаключенных из тюрем, а передавали их Политическому Красному Кресту¹¹³.

4. Попытка сохранить статус-кво

На основе предшествовавшего ретроспективного анализа, особенно информации о последовательном выступлении ОПК за права политзаключенных, заявления коммунистического бюро от 14 июня 1922 г. и «товарища Залежского» предстают в новом свете. Подтверждается, что заявление искажало факты. Его следует понимать как приспособление к ужесточившимся политическим условиям. В 1921 г. меньшевистским, эсеровским и анархистским силам вовсе не удалось использовать органы Общества в своих целях. Напротив, намерение заявления заключалось в

том, чтобы с помощью этой формулировки скрыть, что до января 1922 г. среди членов Общества существовал консенсус, выходящий за партийные рамки. Ставший более чувствительным в результате собственного мучительного опыта, приобретенного в царских тюрьмах, он заключался в том, что ОПК следовало выступать за человеческое обращение с политическими заключенными и насколько возможно добиваться их освобождения, в особенности собственных членов. Кульминацию образовало опубликование имен четырех членов Общества, которые были членами ЦК ПСР, и решение напечатать воспоминания одного из этих выдающихся заключенных (Тимофеева) в журнале «Каторга и ссылка» в начале января 1922 г.

Поворот внутри ОПК произошел лишь тогда, когда в январе – феврале стало ясно, что руководство большевиков отнюдь не проявляет готовности уступить возросшему давлению общественных организаций, как то ОПК и особенно Политического Красного Креста. В это время руководство РКП(б) начало новое наступление для легитимизации его политики содержания политических противников в тюрьме и объявило волну процессов против партии эсеров, которая легитимировалась подготовленными свидетелями¹¹⁴.

Задача коммунистической фракции, в этот момент еще не укрепленного прочно в ОПК объединения коммунистов-членов Общества, заключалась теперь в том, чтобы по возможности ограничить ущерб, нанесенный неправильной оценкой соотношения политических сил в правящей партии. При этом разрозненные голоса тех, кто намеревались использовать новую политическую конъюнктуру и очистить Общество от всех некоммунистических сил, оставались в меньшинстве. Коммунистическая фракция выступила за перерегистрацию членов ОПК. Согласно ее предложению, исключаться должны были, говоря обобщенно, все члены Общества, которые каким-либо образом оказались в серьезном политическом конфликте с советской властью *waren*¹¹⁵. Этот критерий и его уже приведенные варианты были, что лишний раз доказывает все еще сохранявшееся существование широкого консенсуса в ОПК, неосуществимы, несмотря на возросшее давление. Большинство участников общих собраний, состоявшихся 27 марта и 7 мая 1922 г., в ходе «страстных дискуссий» решительно защищались от политизации отношения ОПК к советской власти¹¹⁶. Принятую затем Общим собранием 7 мая 1922 г. уже цитировавшуюся формулировку, в соответствии

с которой из Общества следует исключение «лиц, запятнавших себя поступками, недопустимыми с революционно-социалистической точки зрения», приходится, скорее, рассматривать, как попытку большинства сохранить статус-кво. После этой второй попытки было одобрено создание комиссии по перерегистрации членов ОПК. В нее вошли С. Корочкин (бывший член РСДРП, теперь РКП(б)), И. Дубинский (бывший эсер, теперь беспартийный), Ф. Врублевский (член ППС-левицы, теперь РКП(б)), Н. Мухин (бывший эсер, теперь беспартийный) и Маслов. Кандидатами и заместителями были Г. Крамаров (бывший член РСДРП, теперь РКП(б) и С. Темкин (бывший член РСДРП, теперь РКП(б))¹¹⁷.

Циркулярное письмо по перерегистрации, обращенное ко всем членам ОПК, совпадающее с решением Общего собрания от 7 мая 1922 г. о задаче комиссии¹¹⁸, ясно свидетельствует о том, что большинство Общества было готово только в нюансах отойти от пути, избранного в 1921 г.¹¹⁹ В самом письме вовсе не появлялся критерий исключения, который месяцем позже бюро коммунистической фракции охарактеризовало как «политический» – запятнанность поступками, несовместимыми с революционным социалистическим кодексом. Только в части, напечатанной мелким шрифтом, где можно было найти директивы о проверке членов Общества, в подпункте 5в приводился упомянутый критерий.

В целом комиссия по перерегистрации в своем письме делала вид, что перерегистрация представляла собой нечто обычное. Хотя там и содержалась информация о решении Общего собрания касательно необходимости проверить членов Общества, а для этого прислать в комиссию по перерегистрации подробную биографию с рекомендацией двух членов ОПК или видных революционеров, но в то же время письмо подчеркивало, что биографии «гораздо важнее и гораздо более необходимы» для запланированного издания «историко-революционной биографической энциклопедии» революционного движения. Кроме того, они должны были применяться как материал для изучения «значимости личного элемента в революционном движении». Тем самым не делался, как можно было бы предположить, особый акцент на послереволюционной биографии членов ОПК. Нет, она должна была «возможно полнее рассматривать все периоды жизни и деятельности (происхождение, социальную среду), чтобы в ней нашли детальное отражение как период сознательной революционной борьбы, так и период формирования мировоззрения». Особенно отчетливо следовало привести критические моменты в мировоззрении и факторы, приведшие к их изменению. Интересно узнать также,

почему кто-либо решился встать на революционный путь. Важны также изменения в этом направлении, например, переход из одной партии в другую, религиозные кризисы и т. д. Желательно указывать не только субъективные моменты, приведшие к участию в революционном движении, но также отразить, дав им личную оценку, и те революционные события, факты и ситуации, в которые были вовлечены члены Общества.

В заключение циркулярное письмо еще раз подчеркивает, что изображение каторги, ссылки и эмиграции не только представляют собой незаменимый материал для комиссии, но и являются «весьма ценным “человеческим документом” для изучения революционного движения и его исторической оценки»¹²⁰.

Не в последнюю очередь прилагаемая инструкция недвусмысленно свидетельствует о неприкосновенной роли Общего собрания по сравнению с комиссией по перерегистрации. Оно и впредь сохраняет за собой последнее слово в случае жалобы члена ОПК на его исключение.

Следовательно, заявление бюро коммунистической фракции от 14 июня пыталось насколько возможно скрыть тот факт, что большинство Общества стремилось сохранить статус-кво. Это касалось, в особенности, возможности без влияния партии большевиков принимать в ОПК членов на основе уставных критериев отбора. Ее предложение для решения вопроса окольными путями увеличить долю коммунистов среди членов Общества и таким способом провести «скользящую инструментализацию», было косвенным признанием собственной слабой позиции в ОПК. Кроме того, нельзя не увидеть признаков скрытой симпатии коммунистов к позиции большинства ОПК. Именно в этой трудной ситуации, в которой извне нарушалось и без того неустойчивое равновесие внутри Общества, дилемма расколотой лояльности коммунистической фракции (ОПК – ЦК РКП(б)) проявила свою значимость.

5. Солидаризация с осужденными членами общества

Возможно, ЦК РКП(б) успокоился бы, если бы процесс против эсеров проходил успешнее и даже в высших органах ОПК не было бы открытой солидарности с четырьмя или пятью обвинявшимися

членами Общества¹²¹. ЦК ПСР, вопреки ожиданиям правительства и партии не раскололся на процессе, а защищался, напрягая все силы, в тяжелых условиях политического процесса¹²². Именно члены ОПК Гоц и Тимофеев, а также Веденяпин, на которого организаторы процесса надеялись, что в решающий момент он отвернется от своих товарищей, использовали процесс как форум для того, чтобы в свою очередь обвинить большевиков¹²³. Гоц, выступавший в качестве представителя обвиняемых, опровергал, с одной стороны, обвинение в том, что участвовал в организации восстания юнкеров в 1917 г., а с другой в том, что дал согласие на покушение на Ленина и других видных большевиков¹²⁴. Тимофеев указывал на то, что о ЦК ПСР не может быть и речи как об инспираторе террористических актов. Он был, напротив, убежден в том, что большевики утонут «в своей собственной грязи и пролитой [ими] крови»¹²⁵. Гоц с наслаждением цитировал к тому же посмертно изданную в 1922 г. работу Розы Люксембург о русской революции: как авторитет, признававшийся и молодым советским государством, она неожиданно осудила роспуск Учредительного собрания и ограниченность демократических институтов в новой России. Без всеобщих выборов, свободной прессы, свободы слова и собраний правительство недоступно для воздействия со стороны народных масс¹²⁶. Гоц зачитал и главное положение брошюры:

«Свобода только для сторонников правительства, только для членов партии – сколько бы их ни было – это не свобода. Свобода является всегда свободой инако-мыслещего»¹²⁷.

Гоц сделал отсюда вывод о том, что демократия является «душой социализма». Большевики же, на его взгляд, даже в собственной партии не считают свободу ее членов само собой разумеющейся¹²⁸.

В свою очередь, Тимофеев от имени ЦК ПСР отвергал «военный социализм» большевиков, возникший с помощью ружей, которые «угнетают пролетариат». Кроме того, он критиковал НЭП слева. Новый торгово-промышленный класс «в тысячу раз опасней прежней буржуазии». После введения НЭПа и коммунистическая власть в России становится все более буржуазной¹²⁹.

Веденяпин полемизировал против высказывания члена революционного трибунала А.В. Луначарского: коммунистическая власть, говорил нарком просвещения, «ведет страну из Египта и через пустыню приведет в обетованную землю», страна же, по словам обвиняемого, «застряла в пустыне, где она обречена на смерть»¹³⁰.

Обвиненные члены ЦК ПСР выступали с такой сплоченностью, которая произвела впечатление даже на членов революционного трибунала. Все попытки побудить их к раскаянию, отказу от своего политического прошлого и подчинению советской власти закончились неудачей. Даже член-учредитель ОПК Веденяпин, которого оба политических обвинителя на процессе, Н. Бухарин и Ф. Кон¹³¹, конечно же, не зря подчеркнуто хвалили за его решительный отказ от вооруженной борьбы и выстраивали принципиальное различие между ним и Гоцем, однозначно решил в пользу последовательно солидарного поведения¹³². Из прощального письма Веденяпина ОПК от 30 июля 1922 г. становятся ясны мотивы его поступков. Он пишет, что, несмотря на свое «правильное поведение», вновь и вновь оказывался в тюрьме, и все гарантии Биценко, вместе с которой он основывал ОПК, оказались недействующими. Особенно сбиту с толку, он оказался из-за того, что в лице Биценко и Каца¹³³ даже члены ОПК «принимали активное участие в организации мнения [...], которое требовало наших голов. [...] Теперь это требование стало реальностью. Думаю, Общество не забыло, какова была моя доля в его создании. [И как раз] от его членов мне пришлось получить такой сильный удар»¹³⁴. Наконец, Веденяпин в 1922 г. подводит итог такими меткими и горькими словами:

«Прощайте, очевидно[,] в наше время нельзя быть социалистом и исповедовать свои убеждения[,] за что не удалось замучить и повесить Николаю [II], теперь[,] очевидно[,] доделают те[,] с кем так еще недавно вместе носили кандалы. Еще раз прощайте»¹³⁵.

Действительно, трибунал и ВЦИК вынесли смертный приговор или утвердили его. В известной степени обвиняемым удалось превратиться в мучеников. Издававшийся в Берлине эсеровский журнал «Революционная Россия» цитировала слова Гоца: «Мы умрем, как революционеры, смело глядя ей [смерти] прямо в глаза»¹³⁶. По данным журнала они, если все-таки останутся в живых, будут «дальше бороться со всем напряжением сил как социалисты, во имя интересов рабочего класса»¹³⁷. Кроме того, обвиняемые отказались подать ходатайство о помиловании.

Даже если, как доказывает, прежде всего, Марк Янсен, организаторам процесса удалось восстановить против эсеров широкие массы, то среди (скорее лояльно) настроенных социалистов и анархистов он не имел успеха, увеличив их скепсис по отношению к режиму. Это можно показать именно на примере ОПК. После оглашения смертного приговора пятеро членов ОПК, знаменитые

бывшие народники А. Якимова-Диковская, З. Иванова-Борейша, М. Чернавский, М. Сажин и М. Дрей, участвовали в написании петиции, адресованной ВЦИК¹³⁸. В ней говорится, что осужденные – без сомнения социалисты, долгие годы борющиеся за освобождение страны от царского угнетения. Смертная казнь не является политически необходимой, и изменение приговора массы встретят с величайшим удовлетворением¹³⁹.

Возникали, однако, не только союзы между известными бывшими народниками, но и, как видно уже из рассмотренных текстов Крамарова и Залежского, и внутри организационных структур ОПК имела место достойная внимания солидаризация с осужденными членами ЦК ПСР¹⁴⁰. Члены комиссии по перерегистрации, Президиума и Совета ОПК, теперь беспартийные, а в прошлом эсеры Н. Мухин и И. Дубинский, высказались против исключения приговоренных к смертной казни или 10 годам тюрьмы членов ОПК А.Р. Гоца, Е.М. Тимофеева, С.В. Морозова, М.А. Веденяпина, а также Н.Н. Иванова и И.А. Ивановой¹⁴¹.

Спор вокруг обращения с осужденными членами ОПК разгорелся на заседании Президиума 18 августа 1922 г. Там Президиум – присутствовали Крамаров, С.М. Темкин, И. Дубинский и Л.А. Старр – проголосовал за предоставление продовольственного пайка матери Морозова. Темкин и Крамаров, оба бывшие члены РСДРП, состоявшие теперь в РКП(б), попросили, правда, отметить в протоколе, что это произошло вопреки их категорическому протесту¹⁴².

Коммунистическая фракция ОПК отреагировала немедленно. На своем заседании 22 августа она заклеила бездействие комиссии по перерегистрации и решила осуществить свою директиву, которую не удалось принять в мае 1922 г. на Общем собрании. В соответствии с ней те, кто «не стоят на советской платформе», должны исключаться из общества. На заседании Президиума 24 августа, на котором коммунистическая фракция внесла вопрос о чистке, разразился скандал. Мухин, который был членом не только комиссии по перерегистрации, но и Совета Общества, теперь объединился с Дубинским. Вместе они, согласно уставу, выступали против исключения пяти членов ЦК ПСР и планировавшихся изменений устава, а также против способа чистки Общества. Наконец, они объявили о своем выходе из комиссии по перерегистрации и вместе с другими членами ОПК¹⁴³, также из общества¹⁴⁴.

Следовательно, неповиновение Дубинского и Мухина было не политическим, а гуманитарным актом. Он был в той степени со-

вместим с уставом, в какой учитывались не события политической повседневности, а имели место действия в строгом соответствии с критериями, зафиксированными в уставе. В уставе предписывалось учитывать при приеме исключительно значение и место каждого члена в революционном движении до революции 1917 г.

Г.М. Крамаров в кратком рукописном заявлении в тот же день проинформировал ЦК РКП(б) о происшедшем¹⁴⁵. На протяжении последовавшей недели Залежский также подготовил свое проанализированное выше сообщение об ОПК. Оба приветствовали выход Дубинского и Мухина и стремились добиться прямой поддержки ЦК РКП(б), чтобы в будущем обеспечить полную лояльность Общества.

Но Томский и Рудзутак этим не удовлетволялись. Они потребовали, и тем самым круг замкнулся, окончательного закрытия Общества 31 августа¹⁴⁶.

Как представляется, задача Томского, а также и Рудзутака сводилась прежде всего к тому, чтобы освободиться от пятна, заключавшегося в поддержке внутри и вне партии сил, не вполне лояльных советской власти. Так, Томский 18 мая 1921 г. на пленуме ЦК был подвергнут порицанию за терпимое отношение к стремлениям внутри коммунистической фракции в ВЦСПС, представленным Д.Б. Рязановым, и сводившимся к усилению независимости профсоюзов от государства. Вслед за этим Томскому запретили выступать на IV Всесоюзном съезде профсоюзов, и он утратил свой руководящий пост ВЦСПС. В конце концов, он был выдворен в Туркмению в комиссию ВЦИК и СНК. Только 14 октября 1921 г. Политбюро по настоянию Ленина вернуло его. С января 1922 г. он работал секретарем ВЦСПС, а после Всесоюзного съезда профсоюзов в сентябре 1922 г. снова председателем Президиума ВЦСПС. Томский стал с апреля 1922 г. даже членом Политбюро¹⁴⁷.

На процессе против ЦК ПСР, на котором Томский выступал в роли защитника так называемой второй группы обвиняемых (см. выше) и тем самым действовал фактически как политический обвинитель ЦК ПСР, он еще раз продемонстрировал видимость всем приспособление к линии усиленного давления на конкурирующие партии¹⁴⁸.

Еще один мотив требования роспуска ОПК мог заключаться в том, что Томский и Рудзутак хотели тем самым возложить на ЦК ответственность и риск за решение позволить ОПК дальнейшее существование.

Ввиду угрозы закрытия Общества сопротивление исключению Гоца, (Тимофеева), Морозова, Веденяпина, Ивановой и Иванова из общества уже вскоре закончилось провалом. Дубинский собственноручно исправил решение Президиума от 18 августа. Он написал: «За исключением пайка [матери] [С.В.] Морозовой. Дубинский»¹⁴⁹.

К протоколу прибавлен напечатанный на машинке и снова снабженный подписью Дубинского соответствующий пункт 4, вычеркнутый в исходном протоколе: «Протокол утвердится за исключением пайка Морозовой»¹⁵⁰.

Дубинский и Мухин имели право продолжать работу в ОПК. Они потеряли свои посты в Президиуме, но все еще входили в Совет Общества и в некоторые подчиненные комиссии. Мухин и Дубинский оставались в организационной и литературной, а Дубинский к тому же в клубной комиссии Общества¹⁵¹.

9 марта 1923 г. Дубинский и Мухин были, однако, арестованы и 14 и 26 мая приговорены к трем годам лишения свободы каждый. Оба оказались в лагере на Соловках. Затем Дубинского 25 июля 1924 г. послали на лечение в Москву. В марте 1925 г. он был по состоянию здоровья освобожден. Напротив, Мухин, по имеющейся на сегодняшний день информации, полностью отбыл назначенное ему наказание¹⁵².

Мухин и Дубинский были исключены из Общества¹⁵³. Мухин остался исключенным. Напротив, Дубинский в феврале 1926 г. по решению бюро коммунистической фракции снова принят в ОПК¹⁵⁴. В начале 30-х гг. Дубинский снова участвовал в деятельности руководящих органов Общества и написал статью для юбилейного тома 1931 г.¹⁵⁵ Кроме того, до своих ареста и казни во время «большого террора» 1937 г. он работал на предприятии, принадлежавшем ОПК¹⁵⁶. В 20-е годы, очевидно, существовала возможность быть вознагражденным за должное поведение.

6. Активный нейтралитет

С основанием ОПК имел место удар в вакуум. Цели профсоюзного крыла партии и руководства ВЦИК были достигнуты настолько, насколько наблюдавшаяся целевая группа пожилых фигур-символов и участников революционного движения, принадлежавших

теперь или ранее к средним и нижним слоям конкурировавших партий и организаций, в сравнительно большом количестве принимали концепцию общества. В целом и члены-учредители могли быть очень довольны, так как год основания и первая половина 1922 г. охарактеризовались тем, что Обществу удалось максимально использовать, а отчасти и расширить предоставленное ему пространство для маневра. Опубликованные воспоминания оставались и в следующих номерах «Каторги и ссылки» разнообразными и многоликими. Кроме того, в журнале публиковались также мемуары и воспоминания лиц, которые не были членами ОПК. Количество собранных материалов значительно превышало возможности ОПК. Качество публиковавшихся воспоминаний также следует оценить как хорошее. В частности, Общество привлекло к себе образованных авторов и редакторов, наделенных журналистскими и даже писательскими дарованиями. Благодаря близкому сотрудничеству с журналом «Историко-революционный бюллетень» и поддержанию контактов с известными историками имело место форсирование, вопреки фиксированию на личных переживаниях, чего первоначально требовали партийные и государственные инстанции, научного исследования истории революционного движения.

Следует особенно подчеркнуть, что ОПК превратило свой беспартийный статус, который оно должно было принять как основное условие основания, в «активный нейтралитет» по отношению к новой власти. В качестве условия для приема новых членов ему служили, согласно уставу, в первую очередь соответствующие критерии отбора, соотнесенные с революционным движением до 1917 г. Наоборот, ОПК, соответственно этому, стремилось придать подчиненную роль хотя и не закрепленному в уставе, но, как подразумевалось, действующему критерию приема – лояльности в отношении Советской власти. Это проявилось в особенности при приеме шестерых арестованных уже в конце 1921 г. и в 1922 г. обвиненных членов ЦК партии эсеров. Среди них, по меньшей мере, А. Гоц был очевидным противником и резким критиком большевиков. Тем самым Общество не соответствовало ожиданиям, косвенно связывавшимся с ним и заключававшимся в том, чтобы не принимать в свои ряды видных и активных политиков социалистического спектра. Кроме того, не прекращались усилия тех, кто с помощью использования органов ОПК обращался к руководящим органам РКП(б) и во ВЦИК, выступая за гуманное обращение с политическими заключен-

ными в тюрьмах. Даже на Совет Общества была возложена обязанность, выступать в целом за освобождение всех членов Общества. К тому же на этом уровне сложилось тесное сотрудничество с Политическим Красным Крестом.

Наконец, с помощью лозунга «революционной этики» А.Н. Андреев создал в ОПК задававший тон, независимый от партий и стоявший также над партией большевиков дискурс, с помощью которого могла обосновываться как политика в отношении членов Общества, так и выступление в пользу политических заключенных¹⁵⁷. Этой стратегией может объясняться и сотрудничество с независимыми от партий социалистическими и буржуазными историками. Общество находилось на наилучшем пути превращения в аполитичный, но зато независимый форум для дискуссий по вопросам морали, эстетики, культуры и истории революции – именно так, как это первоначально планировал Новомирский, но не сумел закрепить в Уставе.

Линия активного нейтралитета была возможной потому, что в руководящих органах имело место сотрудничество между ее прямыми сторонниками Андреевым, Плесковым и Сандомирским. В эту группу входили как народница А.В. Якимова-Диковская, особенно резко реагировавшая на нарушения прав человека в тюрьмах, так и восприимчивые к гуманитарным вопросам члены ОПК Дубинский, Мухин, Старр и Маслов. Решающее значение имело, однако, то обстоятельство, что немало большевиков, представленных в ОПК, воспринимавшихся первоначально в качестве контролирующих элементов и агентов партии, теперь не только не препятствовали проведению этой линии в руководящих органах, но и, напротив, даже поддерживали ее. Оказалось, что Общество было привлекательно как раз для большевиков, готовых к сотрудничеству с другими социалистическими и анархистскими силами. При этом, речь шла, в особенности, о наиболее выдающемся после Томского большевике в ОПК, И.А. Теодоровича. Уже в августе 1921 г. он в качестве старосты Общества сменил Томского, т. к. тот был занят более важными задачами¹⁵⁸. Теодоровича следует причислить к либеральному крылу РКП(б), стоящему по ту сторону от Томского. Основываясь на его биографии, можно показать, что он выступал за более широкую интеграцию других социалистических и анархистских сил в политику РКП(б) и даже за контролируемое участие либеральных течений (Всероссийского комитета помощи голодающим) в решении насущных общественных задач. Доказательством этого были его отставка

с поста народного комиссара сельского хозяйства из-за того, что в правительстве не участвовали другие социалисты, его выступление в наркомате сельского хозяйства за независимое знание дела и, наконец, его протест против закрытия в конце августа 1921 г. Всероссийского комитета помощи голодающим. Возникновение последнего объяснялось и его инициативой. В руководстве Помгола были представлены не только видные большевики, но и бывшие кадеты, легендарные фигуры русского революционного движения, деятели науки и искусства, представители кооперативного движения, профессиональных групп, вплоть до представителей религиозных объединений¹⁵⁹.

Концепция и направленность конкретной работы ОПК совпадали с интересами Теодоровича. Наряду с Теодоровичем, С.Ф. Корочкиным и Львовым можно причислить к этой группе большевиков Ж.Г. Веселовского, Бреслава и Н. Сеньюшкина. Ее поддерживала менее активная А.А. Биценко. В дополнение к этому рядовые члены Общества, как доказала информация, правда, скудная, о первых Общих собраниях и высказывания членов ОПК, активных вне его органов, например, анархистки Степановой, в большинстве своем поддерживали линию активного нейтралитета. Даже представители более узкой интерпретации лояльности к партии, принадлежавшие к руководящим органам, в особенности Крамаров, Темкин и Баум только в мае 1922 г. увидели серьезный повод для вмешательства.

В конечном счете, однако, провалом закончилась попытка с помощью рычага политического нейтралитета превратиться в защитника эсеров и меньшевиков, а также анархистов, преследовавшихся большевиками. Минимальная контрольная функция Общества по отношению к государству и правящей партии, сравнимая с той, которую выполнял Политический Красный Крест, была пресечена в середине 1922 г. под угрозой закрытия ОПК.

Вместе с тем настойчивая приверженность большинства ОПК статус-кво и критические по отношению к правительству заключения Политического Красного Креста показывали, что ситуация в конце 1921-начале 1922 гг. была еще неопределенной, а давление на руководство правительства и партии было высоко и направлено на, оправдание своей политики в отношении других социалистических внутри и вовне страны, а также на защиту прав политических заключенных «нового типа».

Настаивая на революционной этике, ОПК действительно обрело определенную взрывную силу. Оно поставило своей задачей сохранение памяти о методах давления на заключенных в царских тюрьмах. Кроме того, оно действовало, создавая основы для контакта и являясь партнером по диалогу в интересах политзаключенных. Через него передавались и ему адресовались письма заключенных, попадавшие за границу.

Напротив, советская власть поставила в 1922 г. своей целью воспрепятствовать тому, чтобы революционный авторитет, завоеванный членами Общества в ходе многолетней борьбы против царского режима, был использован хотя бы и для минимального контроля над политикой советского правительства и влияния на нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве примера волнующей биографии такой символической фигуры революционного движения должна служить биография Сажина: М.П. Сажин (Арман Росс) (1845–1934), участвовал с 1863 г. в Петербурге в деятельности революционной студенческой организации. Один из организаторов народного «Хождения в народ». В декабре 1867 г. он был сослан в Вологодскую губернию, но смог полтора года спустя бежать в Америку. В мае 1870 г. он переселился в Европу и агитировал в Цюрихе среди студентов, создал рабочий кружок и основал библиотеку. В октябре 1870 г. он участвовал в восстании в Лионе, организованном Бакуниным. Был членом Парижской Коммуны 1871 г. Член I Интернационала. Участие в восстании в Герцеговине в 1875 г. Его арест последовал при попытке перейти в 1876 г. русскую границу. В 1878 г. приговорен к 5 годам каторжных работ. С 1882 г. в ссылке в Иркутской губернии. В 1900 г. поселился в Риге. Находясь в Нижнем Новгороде, принимал лишь незначительное участие в революции 1905–1906 гг. Затем с 1906 по 1916 гг. жил в Петербурге. Беспартийный член ОПК. Ср. *Сажин М.П.* Краткая автобиография. // *КиС* (1923) № 6. С. 3–5; *Сажин М.П.* Воспоминания 1860–1880-х гг. – М., 1925; *Быковский С.* Анархисты – члены Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // *Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев.* С. 107; *Сажин М.П.* Воспоминания 1860–1880-х гг. – М., 1925.

² Ср., в частности, список членов Общества по состоянию на январь 1922 г.: Список членов ОПК // *Историко-революционный бюллетень.* 1922. № 1. С. 37–43.

³ Ср. там же. По поводу 50 членов Общества данные об их принадлежности к партиям или группам отсутствуют.

⁴ Документальное приложение, документ 5.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Протокол 52 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 6.9.1922, пункт 13 (об ОПК). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 366.

⁸ Выписка из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б) [от 8.9.1922] // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 317.

⁹ Документальное приложение, документ 2.

¹⁰ Сначала упоминается как бы между прочим, что в учредительном собрании 12 марта 1921 г. участвовали и многие делегаты состоявшегося одновременно в Москве IX съезда РКП.

¹¹ См. об этом предшествующую главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)».

¹² По поводу процесса см. ниже.

¹³ Ср. Документальное приложение, документ 2.

¹⁴ Ср. об этом главу 13 «РЫЧАГИ ИНТЕГРАЦИИ».

¹⁵ Б.В. Савинков (1879–1925) участвовал в планировании боевой организацией эсеров убийств министра внутренних дел Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и др. Затем он поднялся до руководителя организации. При Временном правительстве с момента введения военного положения в Петрограде 27 августа 1917 г. он был военным губернатором города. В этом качестве он выступал также против большевиков и их попыток свергнуть Временное правительство. К Октябрьской революции отнесся отрицательно. В качестве сотрудника «Донского гражданского совета», нелегальной московской офицерской организации «Союз защиты Родины и Свободы», а также различных формирований белого сопротивления участвовал в попытке отстранения большевиков от власти военными средствами. Во время советско-польской войны 1920 г. он был одним из тех, кто формировал на польской территории русские антисоветские войска. В 1924 г. был арестован в Советском Союзе и приговорен к смертной казни. В 1926 г. он умер, вероятно, в результате самоубийства, в тюрьме ГПУ в Москве. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. – М., 1993. С. 284–286, (далее ПДР); *Гусев К.В.* Рыцари террора. – М., 1992; ППР. С. 443–445.

¹⁶ В.Л. Бурцев (1862–1942) – публицист, издатель журнала «Былое». Ему удалось разоблачить агентов правительства в революционном движении до 1917 г. (Е.Ф.Азефа, Р.В. Малиновского и др.). После Октябрьской революции Бурцев эмигрировал и провел в Париже с 5 по 12 июня 1921 г. конгресс «Русского национального комитета», поставившего своей целью объединение различных сил, направленных против большевиков. Ср. Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. / Сост. М. Янзен. – Амстердам, 1989. С. 675; БЭС. С. 178.

¹⁷ Ср. Документальное приложение, документ 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Активность отдельных институтов в каждом случае уже рассматривалась в деталях. Ср. об этом главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)».

²¹ Документальное приложение, документ 2.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Состоялись два Общих собрания, а именно 27.3 и 7.5.1922 в Москве.

На обих собраниях страстно обсуждалась перерегистрация. В принятую в конце концов резолюцию была включена соответствующим образом ослабленная формулировка. Ср. Инструкция по проверке членов ОПК // Историко-революционный вестник. 4 (1922) 1. С. 81.

²⁸ Документальное приложение, документ 2.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Померанцев был принят в ОПК в начале сентября 1921 г, но не утвержден, т. к. в 1922 г. он больше не выступал. Ср. Протокол 14 заседания Совета ОПК от 9.9.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 28; Список членов ОПК // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 37–43.

³² Документальное приложение, документ № 2.

³³ Трибунал был создан согласно декрету ВЦИК (Известия, 12.4.1919). Он рассматривал дела, передававшиеся ему решением ВЦИК. *Росси Жак*. Справочник по ГУЛАГУ. Ч. 1. – М., 1991. С. 50. О процессе против эсеров см. ниже.

³⁴ Речь идет о В.Н. Залежском (1880–1957), члене РСДРП(б) и РКП(б). В 1920 г. начальник политотдела 1-й конной армии. В 1921–1923 гг. лектор по истории РКП(б) в Коммунистическом университете им. Свердлова в Москве, существовавшем в 1919–1932 гг. В 1923–1930 гг. научная и преподавательская деятельность на кафедре марксизма-ленинизма МГУ. Залежский не появился ни в списках членов, ни как активный деятель в органах ОПК. Вероятно, он подготовил отзыв по поручению ЦК. В качестве приложения к тексту добавлены 1. Заявление бюро коммунистической фракции от 14.6.1922, 2. Заявление Крамарова и 3. Циркулярное письмо Комиссии по перерегистрации всем членам Общества. «Доклад Общества» не был найден в материалах для заседания ЦК 6.9.1922. Циркулярное письмо Комиссии по перерегистрации – выдержка из отчета об общих собраниях от 27.3.7.5.1922 г., ср. Общее собрание [27.3. и 7.5.1922] // Историко-революционный вестник. 4 (1922) 1. С. 78–83.

³⁵ Документальное приложение, документ 4.

³⁶ В комиссию входили: С. Корочкин (быв. член РСДРП, ВКП(б)), И. Дубинский (быв. эсер, беспартийный), Ф. Врублевский (ППС-левица, РКП(б)), Н. Мухин (быв. эсер, беспартийный) и Маслов (быв. анархист, беспартийный). Кандидатами и заместителями были Г. Крамаров (быв. член РСДРП, ВКП(б)) и С. Темкин (быв. член РСДРП, ВКП(б)). Ср. Инструкция по проверке членов ОПК // Историко-революционный вестник. 4 (1922) 1. С. 81.

³⁷ Истпарт поставил своей задачей исследование только коммунистического революционного движения.

³⁸ *Двинов Б.* Московский Совет Рабочих Депутатов. – NewYork, 1961. С. 102. Ср. также: Избиение политических в Бутырской тюрьме // Социалистический вестник. 1921, № 9 С. 7–9; Запрос об избиениях в Бутырской

тюрьме // Социалистический вестник. 1921. № 9. С. 10; Московский Совет об избениях арестованных // Социалистический вестник. 1921. № 14–15. С. 10–12.

³⁹ По данным Двинова, в комиссию входили только большевики (Б.М. Дьяконов, [П.] Дрожжин и Феденов). Большевики своим большинством голосов в Моссовете отклонили принятие в комиссию беспартийного. См. Двинов. Указ. соч. С. 102, 104. В заседании комиссии 3 июля 1921 участвовали председатель Губернского Совета С. Броуде, член Президиума Моссовета П. Дрожжин, лицо по фамилии Фельдман, назначенное руководством Президиума Московского Совета. Членом комиссии был также неназванный по имени представитель юстиции. Равным образом присутствовали член комиссии Феденов и бывший заключенный В.М. Ребрух. Ср. Заседание Комиссии по расследованию событий в Бутырской тюрьме, образованной президиумом Московского Совета от 3.6.1921. – РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 25. Л. 6.

⁴⁰ Краткая сводка расследований событий в Бутырской тюрьме в ночь 25–26.4.1921 г. от 18.7.1921 г. – РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 25. Л. 2–3. См. также Заседание 42 / Пункт 13 (О Бутырских событиях) Политбюро от 25.6.1921 – РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 25. Л. 1. Каменев сам был членом Московского Совета и еще до начала расследования отвергал всякую сопричастность // Двинов. Указ. соч. С. 104.

⁴¹ При этом речь шла об эсере С.Р. Ратнере, который, подобно Ребруху, имел репутацию сотрудничавшего с большевиками, и о С.А. Студенцеком (член партии эсеров, левый эсер). Ср. Партия Социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. / Сост. М. Янзен. – Amsterdam, 1989. С. 279.

⁴² Речь шла о об С.А. Студенцеком, Розенблюте, Н.Н. Центилович, Л.Е. Коган (меньшевичка), Е.Н. Кондратенко (левый эсер) и В.М. Ребрух.

⁴³ Заседание Комиссии по расследованию событий в Бутырской тюрьме, образованной президиумом Московского Совета (3.6.1921), – РГАНИ. Л. 6–23. Протокол этого заседания находился среди материалов по решению Политбюро 42 / 13 от 25.6.1921 (см. предыдущие примечания). Ср. также сокращенную в некоторых пунктах, но затем снова расширенную редакцию этого высказывания: Ребрух В. Правда о том, что произошло в Бутырской тюрьме в ночь под 26.4.1921. – М., 1921.

⁴⁴ Гоц А.Р. Заявление в комиссию Московского Совета по расследованию дела о Бутырском избении заключенных в ночь на 26.4.1921 года [Москва, июнь 1921] // Партия Социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. / Сост. М. Янзен. – Amsterdam, 1989. С. 239–243.

⁴⁵ Заседание Комиссии, образованной президиумом Московского Совета (3.6. 1921), – РГАНИ. Л. 7. Сам Ребрух находился до ареста в Закавказье и, следовательно, не имел никакого отношения к Кронштадтскому восстанию. Ср. Гоц. Указ. соч. С. 240. О Кронштадтском восстании ср. Figes. Op. cit., 1998. С. 802–811; Кронштадт 1921. Документы / Сост. В.П. Наумов, А.А. Косаковский. – М., 1997. Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы в двух книгах / Сост. В.Г. Козлов. – М., 1999.

⁴⁶ Заседание Комиссии, образованной президиумом Московского Совета (3.6. 1921). – РГАНИ. Л. 7.

⁴⁷ Ребрух сообщает о коллективном отказе, но говорит лишь о немногих раненых заключенных, которых он видел. Ср. Заседание Комиссии образованной президиумом Московского Совета (3.6. 1921). – РГАНИ. Л. 10 и сл. Гоц, напротив, описывает многочисленных заключенных, прежде всего из женского корпуса, с тяжелыми телесными повреждениями и ранами. *Гоц* (1921). С. 240ff.

⁴⁸ Заседание Комиссии, образованной Президиумом Московского Совета (3.6.1921). – РГАНИ. Л. 15. Только потому, что тюрьма была перенаселена, в одну камеру помещалось по два заключенных. Их лишали права получать книги.

⁴⁹ Заседание Комиссии, образованной Президиумом Московского Совета (3.6.1921), – РГАНИ. Л. 15.

⁵⁰ Там же. Л. 16.

⁵¹ Политический Красный Крест был первоначально нелегальной организацией народников. Действуя с 1890 г. под влиянием руководящих эсеров, Политический Красный Крест заботился о политических заключенных в царских тюрьмах. В 1918 г. имело место основание Политического Красного Креста как новой организации в различных российских городах. Обязанности председателя в Москве принял на себя юрист и бывший социал-демократ Н.К. Муравьев. Его заместителем была избрана бывшая эсерка и жена писателя М. Горького, Е.П. Пешкова, также видный общественный деятель с многолетним опытом заботы о политических заключенных. Организация сделала своей задачей оказывать медицинскую, материальную и юридическую помощь людям, арестовывавшимся по политическим мотивам в государствах, где они жили, независимо от их политических взглядов. В соответствии с этим забота адресовалась и политическим заключенным молодого советского государства. Ср. *Ильина И.Н.* Указ. соч. С. 127; *Голотик С.П.* Первые правозащитные организации Российской Федерации в 20-е годы // *Отечественная история.* 1995. № 4. С. 159–161; *Леонтьев Я.В.* Политический Красный Крест в Москве. Опыт источниковедческого анализа // *Археографический ежегодник.* 1997. С. 159–165.

⁵² Там же Л. 16 и сл.

⁵³ Заседание 42 / Пункт 13 (О Бутырских событиях) Политбюро от 25.6.1921. – РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 25. Л. 1. Антоновское восстание представляло собой кульминацию движения крестьянского сопротивления государственным реквизициям хлеба перед введением нэпа. Центром боев была Пензенская губерния (на юго-востоке Европейской России). Борьбу возглавлял эсер А.С. Антонов. Восстание началось в августе 1920 г. В нем участвовали более 20 тыс. крестьянских партизан. Восстание было подавлено Красной Армией под командованием М.Н. Тухачевского и В.А. Антонова-Овсеенко. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. 1920–1921. Библиографический указатель / Сост. А.А. Соболева. – Тамбов, 1994.

⁵⁴ Раскрытые заговоры. Выдержки из доклада ВЧК о раскрытых и ликвидированных на территории РСФСР заговорах против Советской власти в период май – 6 месяцев 1921 // *Известия.* 24.7.1921. С. 2; *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс Социалистов-революционеров. – М., 1993. С. 41–42.

⁵⁵ Позиция зарубежной общественности ср. *Pasvolsky L. Soviet prisons // Current History Magazine of New York Times* (1921) 14.7. С. 672–77; *Давыдова Н.* Полгода в заключении. Дневник 1920–21. – Берлин, 1923; *Groselclose E.E.*: Prison of despair. An experience in the Russian Cheka // *Atlantic Monthly* (Boston), 132 (1923). С. 833–44; *Аронсон Г.* Социалисты в тюрьме // На чужой стороне. 1924. № 6. С. 201–24; *Аронсон Г.* Из записок тюремного старосты // На чужой стороне. 1925. № 5. С. 57–89; *Аронсон Г.* Скитания // На чужой стороне. 1925. № 10. С. 157–180; *Berkman A.* (Ед.) *Letters from Russian prison* (International Committee for Political Prisoners). – New York, 1977; *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. – Берлин, 1924.

⁵⁶ Письмо было подписано представителем Социал-демократической партии А.Б. Стойловым, представителем левых эсеров Трутовским, представителем анархистов Яршоном и другими 78 лицами. Ср. Заявление от заключенных в московской тюрьме «Таганская» социал-демократов, социалистов-революционеров, социалистов-революционеров левых / интернационалистов/ анархистов социалистов, стоящих вне партий, в ВЦИК (Копия в ВЧК) от 7.7.1921. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 273. Л. 86–87. Ср. также открытое письмо заключенных социалистов Орловской тюрьмы: Голодовка социалистов в Орловской губернской тюрьме // Социалистический вестник. 1921. № 1. С. 11.

⁵⁷ В данном случае имеется в виду, вероятно, массовое самоубийство, вновь и вновь применявшаяся в царских тюрьмах отчаянная мера, имевшая целью встряхнуть общественность.

⁵⁸ Политический Красный Крест в ЦК РКП(б) от 8.10.1921. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 62–62об. Заявление подписано председателем и секретарем комитета. В ноябре ЦК РКП(б) передал это заявление в ВЧК. – Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 62 об.

⁶⁰ Была ли создана такая комиссия, доказать нельзя. Ср. Андреев А.Н. в Совет ОПК от 13.4.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 13–14об. Андреев работал с момента основания ОПК в его Совете. Ср. Протокол 1 заседания Совета ОПК в Москве от 24.3.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.

⁶¹ Там же (Андреев) Л. 14об.

⁶² Документальное приложение, Документ 2.

⁶³ Протокол 4 заседания Совета ОПК в Москве от 5.5.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 8.

⁶⁴ Протокол 12 заседания Совета ОПК от 19.8.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 24; А.В. Познохирин не входил в число членов-учредителей Общества, но был упомянут в списке начала 1922 г. Ср. Список членов ОПК // Историко-революционный бюллетень. 1922. 1. С. 40. В списке же членов от 1927 г. он больше не появляется.

⁶⁵ З.А. Полякова-Чернышева упоминается как в списке членов ОПК начала 1922 г., так и 1927 г. Ср. Список членов ОПК // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 41; Участники русского революционного движения. С. 194.

⁶⁶ На заседании Совета присутствовали Л.А. Старр, С.М. Темкин, И.С. Любковский, П. Маслов, Я.Е. Диковская, В.А. Плесков, А.Н. Андреев, Г.М. Крамаров, А.А. Биценко и И.П. Дубинский.

⁶⁷ Протокол 19 заседания Совета ОПК в Москве от 27.10.1921 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 35

⁶⁸ Протокол 4 заседания Совета ОПК в Москве от 4.12.1921 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 38.

⁶⁹ Протокол 19 заседания Президиума Совета ОПК от 14.1.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 22; А.В. Яковлев был 1.6.1922 арестован в Москве, 23.2.1923 приговорен к 3 годам заключения и 16.6.1923 отправлен в тюрьму Соловки. Ср. *Жемкова Е., Рогинский А.* Соловецкие политскиты. Список политзаключенных (1925) // Звенья. Вып. 1. – М., 1991. С. 287.

⁷⁰ Доклад врид. нач[альника] разв[едки] МЧК, его пом[ощников] и Разв[едчиков] [№№] 17, 19 и 13 тов. Пюкинену от 1.8.1921. – Дело В.А. Плескова. – ГАРФ. Ф. 10035. Д. Р-37659. Л. 21; Постановление уполномоченного секретного отдела МЧК Карнелевича от 9.8.1921 по делу В.А. Плескова, – Дело В.А. Плескова, ГАРФ. Ф. 10035. Д. Р-37659. Л. 22. О роли П. Щеголева в исследовании революционного движения ср. главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)».

⁷¹ Доклад врид. нач[альника] разв[едки] МЧК (1.8.1921). – ГАРФ. Ф. 10035. Д. Р-37659. Л. 21.

⁷² Резолюция Ревизионной Комиссии ОПК по расследованному конфликту между членами О-ва т.т. Плесковым и Ростовым от 3.12.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2555. Л. 136.

⁷³ Выписка из протокола 5 заседания конфликтной комиссии 6.9.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2555. Л. 120.

⁷⁴ Постановление уполномоченного (1921) Л. 22. Окончательный выход из РСДРП (меньшевиков), о котором он даже обещал объявить в газетной публикации, дался, разумеется, Плескову нелегко. Хотя уже 14.6.1920 он был приговорен к трем годам тюрьмы за принадлежность к Социал-демократической партии (меньшевиков) и, вероятно, благодаря подобному заявлению о выходе из партии амнистирован 7.11.1920, он не сдался еще и 23–24.6.1921, когда в Таганской тюрьме за свою принадлежность к Ростовскому-на-Дону комитету меньшевиков в 1917–1918 гг. снова был к приговорен к 3 годам, но сразу же вышел на свободу. Только арест из-за пакета в августе 1921 г. и неопределенность ситуации с освобождением его жены Е.И. Плесковой могли мотивировать окончательное дистанцирование от меньшевиков. Характерно, что Е.И. Плескова была выпущена из тюрьмы 10.08.1921, т. е. день спустя после допроса Плескова в МЧК. 12.08.1921 ее дело было прекращено. Ср. Удостоверение Революционного трибунала при ВЦИК от 14.11.1920. – Дело В.А. Плескова, ГАРФ. Ф. 10035. Д. Р-37659. Л. 12. См. также обе его автобиографии: Плесков В.А. Моя автобиография от 4.2.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1560. Л. 20 (Л. 16–23); Плесков В.А. Автобиография для био-библиографического словаря ОПК от 2.5.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1560. Л. 110–111 (Л. 106–111).

⁷⁵ В этапе до 1000 человек доставлялись на место ссылки или заключения при недостаточных возможностях размещения, питания и сна. Ср. *Росси Ж.* Указ. соч., ч. 2. С. 464–465.

⁷⁶ Протокол 11 заседания Президиума Совета ОПК от 19.11. 1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 12.

⁷⁷ Протокол 5 заседания Ревизионной Комиссии ОПК от 26.11.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 15; Протокол 13 заседания Президиума Совета ОПК от 3.12.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 16.

⁷⁸ Протокол 4 заседания Совета ОПК в Москве от 4.12.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 38. Присутствовали Маслов, Биценко, Корочкин, Андреев, Дубинский, Старр, Крамаров, Львов и члены ревизионной комиссии. Решение, однако, не было осуществлено, так как Ростов-Коган и далее упоминался в качестве члена.

⁷⁹ Ср. об этом главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)».

⁸⁰ Плесков В.А. В О-ве б. Политических каторжан и ссыльнопоселенцев // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 33.

⁸¹ Двумя другими членами ЦК ПСР, не упоминавшимися в «Историко-революционном бюллетене», но, тем не менее, являвшимися членами ОПК, были Н.Н. Иванов (1888–1937) и Е.А. Иванова[-Иранова]. Ср. Документальное приложение, документ 3; Иванов был членом боевой организации партии эсеров. В 1907 г. арестован за террористические акты и приговорен к 4 годам каторжных работ и 15 годам ссылки. В 1917 г. – возвращение в Петроград, армией Северо-Западного фронта избран в Учредительное собрание. В декабре 1917 г. избран кандидатом, а в 1921 г. членом ЦК партии эсеров. Был к тому же одним из двух руководителей боевой организации партии. Отвергал сотрудничество с правыми политическими силами в России. В 1918 г. был арестован армией Колчака, но вскоре снова освобожден. Работал в подполье для партии эсеров. Он отвергал компромисс с большевиками. Был в 1920 г. арестован большевиками и приговорен в 1922 г. по процессу против ЦК партии эсеров к смертной казни. До 1926 г. находился в заключении в Бутырской тюрьме, а затем отправлен в ссылку, в середине 30-х годов снова арестован, осужден и расстрелян. К биографии Иванова ср. ППР. С. 220. Е.А. Иванова[-Иранова] (1884–1937) – в 1907–1915 гг. библиотекарь. В 1921 г. была руководительницей библиотечной секции Московского губернского Совета профсоюза кожевников. 6 декабря 1921 была арестована и 24 февраля 1922 г. внесена Президиумом ГПУ в список эсеров, предусмотренных для обвинения на процессе против ЦК партии эсеров. На процессе ей было предъявлено обвинение в принадлежности к боевой организации партии эсеров, которой руководил Г.И. Семенов. Ср. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубукин. – М., 2002, С. 874–875.

⁸² ППР. С. 107; *Figes* (1998) С. 612.

⁸³ Письмо члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина в Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 30.6.1922 г. (Машинописная заверенная копия того времени). – Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубукин. – М., 2002. С. 544–545.

⁸⁴ Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. – М., 1993. С. 146; *Pavlov* (1999) С. 174; ППР. С. 108.

⁸⁵ Ср. Протокол заседания учредителей ОПК в Москве. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 1. Л. 3; Протокол 1 заседания Совета ОПК в Москве от 24.3.1921. –

ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 1; Письмо члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина (30.6.1922); Дополнения к показаниям заключенного члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина. 3.4.1922 // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). – М., 2002. С. 431–432.

⁸⁶ Данные на основе заключения, затребованного И. Осиповой и С. Печуро (московский «Мемориал») в Главном Информационном Центре Министерства внутренних дел (ГИЦ МВД).

⁸⁷ ППР. С. 107, 769; Янсен (1993 с. 35).

⁸⁸ Янсен М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 // Минувшее. Вып. 7. – М., 1989. С. 193–214; ППР. С. 606–7.

⁸⁹ Тимофеев Е. Лики отошедших // КиС (1922) № 3. С. 137–156.

⁹⁰ ППР. С. 162.

⁹¹ Семенов Г. Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. – Берлин, 1922.

⁹² Там же. С. 22; Янсен М. Суд без суда. С. 46.

⁹³ Показание Лидии Коноплевой // Известия. 1922, 28.2. С. 2, 3; Показание Лидии Коноплевой // Правда. 1922, 28.2. С. 1, 2.

⁹⁴ Янсен М. Суд без суда. С. 44.

⁹⁵ Подробно об этом см. Янсен М. Суд без суда. С. 46f, 209; Вардин И. Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. Факты и документы. – М., 1922. С. 10; Журавлев С.В. Человек революционной эпохи. Судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87–105.

⁹⁶ Известия. 28.2. 1922. С. 3.

⁹⁷ В феврале 1922 г. задачи самостоятельной до тех пор ВЧК перешли к Народному комиссариату внутренних дел (НКВД РСФСР), и ВЧК была распущена. Ее задачи приняло на себя созданное в рамках НКВД «Государственное Политическое Управление», ГПУ). С 30.12.1922 этот орган назывался ОГПУ. Ср. Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. Справочник / Сост. А. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 1997. С. 10.

⁹⁸ Ср. Документальное приложение, документ 1.

⁹⁹ Действия и распоряжения правительства. Постановление ВЦИК от 6.2.1922 // Известия. 1922, 8.2. С. 3.

¹⁰⁰ Исключением были, в частности, члены ЦК М.С. Цетлин и Н.И. Ракитников. Ср. Янсен М. Суд без суда. С. 97, 214. Ср. по поводу процесса, наряду с монографией Янсен, также следующие обширные дополнительные материалы: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубукин. – М., 2002.

¹⁰¹ Были созданы специальная агитационно-пропагандистская комиссия и информационное бюро для журналистов, чтобы обеспечивать прессу материалом о процессе. В апреле состоялось собрание примерно 40 журналистов по данной теме. 11 мая в Москве встретились партийные агитаторы из провинции, а 19 мая ЦК дал приказ о начале большой кампании в связи с процессом. Пресса была полна читательских писем, комментариев, резолюций и стихотворений. Ср. Янсен М. Суд без суда С. 164 и сл. Кампания основывалась прежде всего на обвинениях Семенова и Коноплевой. Ср. Янсен М.

Суд без суда. С. 51, 70; Павлов Д.Б.. Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х годов. С. 76–77. О большой демонстрации 20 июля, во время которой обвиняемые должны были провести 7 часов на балконе Дома Союзов, в котором проходил процесс, ср. Янсен М. Суд без суда. С. 88 и сл.

¹⁰² Янсен М. Суд без суда. С. 82, 99. О свидетелях ср. там же. С. 84–87, 92. Зарубежным адвокатам удалось снова добиться выезда только с помощью голодовки.

¹⁰³ О роли так называемой второй группы обвиняемых, которые фактически могли играть и роль обвинителей, ср. Янсен М. Суд без суда. С. 81, 102.

¹⁰⁴ Революционный трибунал приложил большие усилия для того, чтобы приписать эсерам «подстрекательство» к антоновскому движению и другим большим крестьянским восстаниям. Янсен М. Суд без суда. С. 112 и сл.

¹⁰⁵ Янсен М. Суд без суда. С. 219, 220; в РКП(б) вновь и вновь раздавались голоса тех, кто был готов другими средствами предотвратить второй Кронштадт. В их числе был сотрудник Отдела пропаганды и агитации ЦК и полномочный референт ВЧК И.В. Вардин, в апреле 1921 г. считавший полезным участие оппозиции в деятельности Советов. Ср. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. – М., 1995. С. 189. Затем, однако, на страницах своей собственной брошюры он поддержал проведение процесса против эсеров. Ср. Вардин И.В. Указ. соч. В этом же направлении было сориентировано выступление сторонника «рабочей оппозиции» в РКП(б), Г. Мясникова, за свободу слова, печати и за право рабочих и крестьян на независимую организацию, которое он продолжал еще до февраля 1922 г., когда был арестован и отправлен в ссылку. Ср. Янсен М. Суд без суда. С. 222.

¹⁰⁶ Янсен М. Суд без суда. С. 50f, 68. На протяжении первых трех месяцев 1922 г. было арестовано 400 эсеров (в течение всего 1921 г. 580). Ср. Pavlov (1999) С. 74.

¹⁰⁷ Pavlov (1999) С. 74.

¹⁰⁸ Протокол 20 заседания Президиума Совета ОПК от 17.1.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 23. Плесков, однако, снова участвовал 21.1.1922 в заседании Президиума как член Совета ОПК, прежде чем он не появлялся больше в этом органе. Ср. Протокол 21 заседания Президиума ОПК от 21.1.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 25.

¹⁰⁹ Совет общества жаловался 20 февраля на фолрмулировку ревизионной комиссии: «[Пункт повестки дня] 10. Выписка из протокола Ревизионной комиссии от 12.2.1922 г. [Решение по пункту повестки дня] 10. Запросить Р.К. как понять выражение <Преступная деятельность отдельных членов Совета>». Ср. Протокол 24 заседания Президиума Совета ОПК от 20.2.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 31. Соответствующее заседание ревизионной комиссии отсутствует в фондах ОПК в ГАРФ. Наведение справок в Центральном архиве ФСБ и бывшем Музее Октябрьской революции не привели ни к каким результатам.

¹¹⁰ Протокол 20 заседания Президиума Совета ОПК от 17.1.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 23; Протокол 7 заседания Президиума ВЦИК от 26-го.1.1922. – ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 39. Д. 86. Л. 530.

¹¹¹ Коржихина (1989). С. 50.

¹¹² ОПК решило прекратить оказание своей помощи голодающим в сентябре 1922 г. Уже 27.8.1921 большевики по политическим причинам распустили Всероссийский комитет помощи голодающим и арестовали его членов (бывших народников, членов свергнутого Временного правительства и членов ЦК «Народной воли» и др.). Ликвидация ВСЕПОМГОЛа. Письма Е.Д. Кусковой к В.Н. Фигнер 1921–1922 (Вводная статья, подготовка текста и комментарий Я.В. Леонтьева) – «Русское прошлое», 1993, № 4. С. 330–342, в особенности С. 331–334. Так как к тому времени голод ни в коем случае не был преодолен, это можно истолковать как еще одно мероприятие правительства и партии, имевшее целью отеснение влияния социалистических и анархистских сил, активно проявивших себя в оказании помощи голодающим.

¹¹³ Так, 26 марта 1922 г. было решено не рассматривать на заседании Президиума ОПК направленное в Общество письмо заключенных и не заниматься вопросами, касавшимися лиц, находившихся в заключении, а передать все заявления и письма Политическому Красному Кресту. Ср. Протокол 30 заседания Президиума Совета ОПК от 26.3.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 37.

¹¹⁴ «Основательная» подготовка процесса против эсеров ЧК при участии политиков Каменева, Сталина, а также Бухарина позволяет сделать вывод, что особенно внутри РКП(б) имелось сопротивление практике содержания в тюрьмах представителей других социалистических партий без юридической основы и процесса.

¹¹⁵ См. об этом цитировавшиеся выше вариации этого критерия из заявления бюро коммунистической фракции.

¹¹⁶ Хотя в подытоживающем тексте об упомянутых общих собраниях и сообщалось об имевшихся горячих дискуссиях вокруг «целей» и «характера» перерегистрации, по поводу содержания и позиций хранили молчание. Ср. Общее собрание [ОПК от 27.3. и 7.5.1922] // Историко-революционный вестник. 4 (1922) № 1. С. 79.

¹¹⁷ Ср. Инструкция по проверке членов ОПК // Историко-революционный вестник. 4 (1922) 1. С. 81.

¹¹⁸ В «Историко-революционном вестнике» опубликовано только резюме общих собраний 27. 3 и 7.5.1922. Ср. Инструкция по проверке членов ОПК // Историко-революционный вестник. 4 (1922) 1. С. 78–83. Оказалось невозможно найти стенографические протоколы Общих собраний ни в ГАРФ, ни в бывшем Музее Октябрьской революции или Архиве ФСБ. Вполне возможно, что стенографические протоколы вовсе не оформлялись.

¹¹⁹ Это циркулярное письмо находилось вместе с инструкцией в материалах для заседания ЦК 6.9.1922. Ср. Циркулярное письмо комиссии по перерегистрации ко всем членам ОПК (разослано после общего собрания ОПК от 7.5.1922). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 24; Инструкция по проверке членов ОПК (7.5.1922). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 24. Опубликовано в: Печатное издание циркулярного письма комиссии по перерегистрации ОПК и инструкции по проверке членов общества после 7 мая 1922 г. // Всесоюзное общество политкаторжан. (2004) С. 332–333.

¹²⁰ Инструкция по проверке членов ОПК (7.5.1922). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 24.

¹²¹ Нельзя, однако, не принять во внимание, что общая «тенденция» шла в направлении ослабления в важных общественных организациях элементов базисной демократии вроде общего собрания и перенесения компетенций на другие органы, легче поддающиеся контролю (см. относительно ОПК главу III «ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.)»).

¹²² Самые тяжелые пункты обвинения гласили: открытая гражданская война или вооруженная борьба против советской власти, организация покушений и вооруженных восстаний, связи с зарубежными государствами и сотрудничество с буржуазными и белогвардейскими организациями и продолжение борьбы по окончании Гражданской войны в 1919 г. и после всеобщей амнистии. Ср. *Янсен М.* Суд без суда. С. 71 и сл.

¹²³ Ср. об этом убедительную аргументацию Янсена (1993) С. 146.

¹²⁴ Там же. С. 106, 124–125.

¹²⁵ Там же. С. 105.

¹²⁶ *Luxemburg R.: Die russische Revolution // Luxemburg R. Politische Schriften III* (Hg. von O.K. Flechtheim). – Frankfurt a. Main, 1971. С. 134.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ *Янсен М.* Суд без суда. С. 133 и сл.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ В этом время Кон еще не был членом общества, но опубликовал статью в № 3 «Каторги и ссылки». Ср. *Кон Ф.* На Каре // *КиС.* 3 (1922) № 1. С. 5–42.

¹³² Особая роль, предназначавшаяся Веденяпину, отражалась еще и в том, что он вместе с тремя другими обвиняемыми членами ЦК ПСР получил не смертный приговор, а «только» 10 лет тюрьмы.

¹³³ Д. Кац (бундовец и член ЦК) не появлялся, однако, в списках членов общества. Вероятно, это ошибка (опечатка) и имеется в виду Ф. Кон, который, как упоминалось, выступал на процессе в качестве политического обвинителя.

¹³⁴ Письмо члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина // Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). С. 544–545.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Речь Гоца // Московский процесс социалистов-революционеров. Речи подсудимых товарищей. Революционная Россия. (1922) № 21–22. С. 12

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ В. Фигнер, М. Фроленко, М. Ашенбреннер, Якимова-Диковская А., Шебалин М., Иванова-Борейша С., Чернавский М./ Сажин М., Фигнер-Саулина Евгения, Топоркова-Горева А., Дрей М., Гедеевский А., Коган-Бернштейн Н., Моисей В., Бах А., Ергин А. [одна фамилия не разобрана – «К»?]: Во ВЦИК после 7 августа 1922, в: АПРФ [без дальнейших указаний данных архива]. Опубликовано отдельными выдержками в: Судебный процесс (2002) С. 828. (К.Н. Морозов и И.В. Чубыкин любезно предоставили для данной работы полный документ. Петицию подписало 17 человек. Из них, кроме 5 человек, упомянутых выше в тексте, до 1927 г. в Общество вступи-

ли еще шестеро (М. Фроленко, М. Ашенбреннер, А. Гелеоновский, Н. Коган-Бернштейн, М. Брамсон и А. Ергин).

¹³⁹ Петиции похожего содержания составляли и другие видные бывшие народники, хотя они в это время еще не были лично связаны с ОПК. См. Новорусский М., Штернберг К., Богораз В., Пекарский Эд., Васильев И. (Дигамма), Серебряков Е. Обращение ветеранов народовольческого движения во ВЦИК с протестом против применения смертной казни к подсудимым на процессе от 18.7.1922 г. (Машинописная копия, заверенная секретарем Секретного отдела ГПУ). Судебный процесс (2002). С. 558–559.; Корба-Прибылева А.П., Ковальская Е.Н., Прибылев А., Бибергиль А., Тючев Н., Панкратов В., Аптекман О.В., Майнов И. Во ВЦИК (после августа 1922 года). – АПРФ [Без дальнейших указаний данных архива] Последний документ опубликован в отрывках в: Судебный процесс (2002) С. 828. (К.Н. Морозов и И.В. Чубыкин предоставили в распоряжение автора оба эти документа для данной работы).

¹⁴⁰ Ср. Документальное приложение, документы 3 и 4.

¹⁴¹ Ивановы могли быть приняты в Общество, вероятно, лишь вскоре после публикации в «Историко-революционном бюллетене». То, что и они были членами ОПК, явствует из письма Крамарова. Ср. Документальное приложение, документ 3.

¹⁴² Протокол 56 заседания Президиума ОПК от 18.8.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 61.

¹⁴³ О каких членах шла речь и каково было их количество, установить не удалось.

¹⁴⁴ Ср. Документальное приложение, документы 3 и 4. Материалы соответствующего заседания Президиума ОПК от 24 августа 1922 г. обнаружить не удалось

¹⁴⁵ Ср. Документальное приложение, документ 3.

¹⁴⁶ Ср. Документальное приложение, документ 5.

¹⁴⁷ Горелов О.И. Указ. соч. С. 42; ПДР. С. 318; Заседание Политбюро от 14.10.1921 (Протокол 67, Пункт 4) // Политбюро ЦК РКП(б) (2000) С. 123.

¹⁴⁸ Его дальнейшая политика в отношении профсоюзов подтверждала ту же линию.

¹⁴⁹ Протокол 56 заседания Президиума ОПК от 18.8.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 61.

¹⁵⁰ Там же. К сожалению, исправление и дополнение не датировано.

¹⁵¹ Об исключении Дубинского из Президиума ср. Протокол 36 заседания Совета ОПК в Москве от 29 августа 1922 г., ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 53; об исключении Мухина из Президиума ср. Протокол 69 заседания Президиума Совета ОПК от 2 декабря 1922 г. – Протоколы 51–71 заседания Президиума Совета ОПК с 29.6.1922 по 2.2.1923. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 59–84. О дальнейшем сотрудничестве Мухина и Дубинского в других органах ср. Протокол 38 заседания Совета ОПК в Москве от 8.12.1922, ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 56.

¹⁵² Жемкова Е./ Рогинский А. Соловецкие политскиты. Список политзаключенных (1925) // Звенья. Вып. 1. – М., 1991. С. 267, 225.

¹⁵³ Участники русского революционного движения (1927). С. 85. Список политкаторжан и ссыльнопоселенцев, выбывших из него. – ГАРФ. Ф. 533.

Оп. 4. Д. 19. Л. 4–83 (Ср. № 283). В этом списке больше не упоминаются ни Дубинский, ни исключенные из ОПК члены ЦК ПСР. Об исключении Дубинского ср. Протокол заседания пленума ЦС ОПК от 17. – 20.10.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 147.

¹⁵⁴ Протокол 32 заседания Фракции ВКП(б) Президиума ЦС ОПК от 18.2.1926. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 1а-1а об.

¹⁵⁵ Об изменении в составе агитпропкомиссии, о переименовании агитпропкомиссии в культпропкомиссию и календарный план Культпропа на 1-й квартал 1933 г. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 7. Л. 1; Десять лет. 1921–1931. Сборник статей и воспоминаний к десятилетнему юбилею ОПК. – М., 1931. С. 100 и сл.

¹⁵⁶ Дело № 4888 по обвинению Рачинского Сигизмунда Густавовича по ст. 58 п. 10 и 11 УК. – ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. Р23029. Л. 48. 8 февраля 1938 г. Дубинский был арестован, 8 мая 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда к смертной казни и расстрелян. Ср. *Должанская Л.* Репрессии 1937–1938 гг. в московских артелях ОПК // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (2004). С. 289.

¹⁵⁷ Участие Андреева в деятельности Совета Общества подтверждается с 24.3.1921. Он регулярно работал также в Оргкомитете и в Президиуме Совета ОПК.

¹⁵⁸ Избрание Теодоровича старостой (а Маслова его заместителем) было около 26 августа 1921 г. подтверждено Советом ОПК. Ср. Протокол 13 заседания Совета ОПК от 26.8.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 27. Тем не менее он был уже 16 августа 1921 г. упомянут в качестве «старосты». Ср. Протокол заседания Оргкомиссии при Совете ОПК от 16.8.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 11.

¹⁵⁹ Ср. *Wehner M.* Op. cit. С. 63–65.

Глава III

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.)

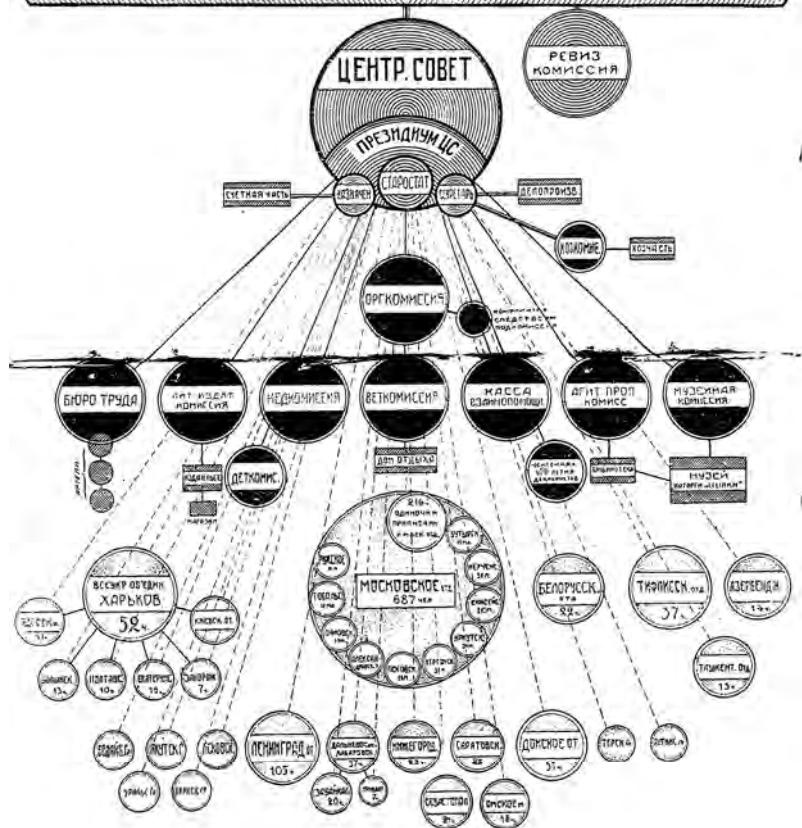
Перерегистрация членов общества в 1923–1924 гг. началась только после выхода Мухина и Дубинского из комиссии. Разумеется, база данных, касающаяся численности исключений и выходов в соотношении с численностью членов, имеет пробелы. Можно установить только приблизительную ориентировочную цифру. В январе 1922 г. численность членов ОПК составляла 177 человек¹. Если воспользоваться только этим списком и сравнить его данные со следующим, имеющимся в распоряжении исследователя списком членов Общества 1927 г.², то в нем не приведены 32 %, т. е. почти треть указанных выше 177 членов³.

Дело не ограничилось перерегистрацией членов – имели место и коренные структурные изменения. Первым этапом на этом пути было чрезвычайное Общее собрание 3 декабря 1922 г. На нем были переизбраны Совет и ревизионная комиссия Общества⁴. Кадровые изменения в руководящих органах представляются на первый взгляд не особенно сенсационными, но они были вполне целенаправленно обращены против немногих влиятельных представителей интеллигенции. Стоит упомянуть, что наряду с Плесковым⁵, Дубинским и Мухиным в Совете не был представлен также А.Н. Андреев (член РСДРП, эсер, анархист, в рассматриваемый период беспартийный)⁶, который со времени основания ОПК очень активно участвовал в деятельности Совета и президиума⁷.

Тем не менее, грозившее закрытие и перерегистрация привели на этом уровне к тому, что еще большее количество лиц было избрано в Совет, расширенный теперь с 9 до 27 членов, которые уже до 1917 г. были близки к большевикам или вступили в РКП(б) после 1917 г.⁸ Президиум, сформированный на первом заседании нового Совета 8 декабря, состоял из И.А. Теодоровича (РСДРП(б), в рассматриваемый период РКП(б)), утвержденного

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Организационная структура ОПК. Десять лет. 1921–1931. Сборник статей и воспоминаний к десятилетнему юбилею Общества политкаторжан / Под редакцией Л. Старр, В. Плескова и Г. Крамарова. Москва 1931. С. 24–25

в качестве «старосты», а также его заместителей В.Д. Виленского-Сибирякова (РСДРП, сейчас РКП(б)) и Г.И. [Исаковича-]Крамарова (РСДРП, сейчас РКП(б)). Л.А. Старр (бывшая эсерка, беспартийная) осталась секретарем президиума. Другими членами президиума были М.П. Шебалин (народник, эсер, в описываемое время беспартийный), А.В. Якимова-Диковская (народница, эсерка, теперь беспартийная), С.Ф. Корочкин (РСДРП, в данный момент РКП(б)), П. Маслов и С.М. Темкин (РСДРП, в настоящий момент РКП(б))⁹.

Кроме того, благодаря приглашению М.А. Брагинского (бывший народник, эсер, ныне член РКП(б)), Н.А. Головиной[-Юргенсон] (бывшая анархистка, эсерка, теперь «доброжелательная коммунистка»), Р.А. [Ашкинази-]Грюнштейн (ранее член РСДРП(б), теперь – РКП(б)), Ф.М. Пучкова[-Безродного] (бывшего социалиста-максималиста, ныне члена РКП(б)), А.И. Скобенникова (ранее член РСДРП(б), теперь – РКП(б)) и М.Ф. Фроленко (народник) в Совет Общества удалось в долгосрочной перспективе вовлечь новых лояльных членов ОПК в активную работу Общества и тем самым закрыть вновь образовавшиеся бреши в руководящих органах.

1. «Большевизация» ОПК

Вторым, существенно более важным этапом на пути коренных структурных изменений явилось формирование коммунистической фракции непосредственно в Совете ОПК. Она превратилась в государство в государстве или в *центральный* для Общества орган, принимающий решения.

Существование такой фракции можно доказать первый раз, основываясь на письме бюро коммунистической фракции от 14 июня 1922 г.¹⁰ Ее влияние было тогда еще ограниченным, так как она имела возможность воздействия на Совет и Президиум только через тех членов коммунистической фракции, которые также были членами этих органов. Высший орган ОПК, Общее собрание, в значительной степени уклонился от влияния коммунистической фракции.

Только с 21 января 1924 г. коммунистическая фракция начала оформлять протоколы своих собраний¹¹. Они назывались заседа-

ниями фракции РКП(б) Совета ОПК. В соответствии с этим в них сначала участвовали только члены Общества, одновременно входившие и в Совет Общества. Другие члены Общества, также состоявшие в РКП(б), указывались в качестве гостей, но регулярно участвовали в заседаниях, не будучи в то же время членами Совета.

На первом запротоколированном заседании присутствовали Темкин, в качестве председателя, Грюнштейн как секретарь, а также Корочкин, Б.А. Бреслав (РСДРП(б), РКП(б)), Ф.К. Врублевский (ППС-Левица, РКП(б)) и Крамаров. Всесоюзный съезд ОПК был запланирован на 12 марта 1924 г. Для этого к Бреславу, Виленскому-Сибирякову, Крамарову и вступившему в 1922 г. в Общество и продвигавшемуся на все более высокие позиции в партийной иерархии большевиков Е.М. Ярославскому обратились с просьбой выяснить отношение ЦК РКП к такому съезду и согласовать принципиальную линию ОПК¹². Была образована комиссия по подготовке съезда.

Во втором протоколе речь идет о будущем курсе Общества¹³. Крамаров считает важным «широко развить культурно-просветительную работу, вынести ее за пределы О[бщест]ва и связать с парторганами [РКП(б)]»¹⁴.

Бреслав сообщает, что в Обществе господствует недовольство тем, что Общее собрание не созывается. Это рассматривается как некорректное поведение коммунистической фракции. Необходимо [кроме того], регулярно созывать фракцию. В качестве задачи коммунистической фракции он определяет «разработку всех очередных вопросов и решений, так же, как и сопровождение всей работы О[бщест]ва»¹⁵. Он считает необходимым придать Обществу «политическое лицо», «чтобы оно являлось объединением революционеров, а не бывших людей»¹⁶. Бюро коммунистической фракции должно стать имеющим законную силу органом Общества. Его решениями, которые должны быть обязательными для всех коммунистов-членов Общества, можно было бы руководствоваться при работе. Кроме того, следовало выстроить «правильные» и «тесные» отношения с центральными партийными органами. Наконец, Бреслав замечает, что коммунистическая фракция должна проводить свою линию «жестко» и «тактично». При этом следует, однако, учитывать, что, с одной стороны, программа ОПК состоит в том, чтобы объединить в своих рядах не только коммунистические «элементы», а с другой часть членов ОПК выдвигает деликатное притязание на превращение Общества в чисто коммунистическую организацию.

Члены Президиума Совета ОПК 1923 г. Слева направо: В.Д. Виленский-Сибиряков (замстаросты), Л.А. Старр (секретарь), М.П. Шебалин, А.В. Якимова-Диковская, Г.М. Крамаров (замстаросты), С.М. Темкин и П.П. Маслов. КуС (1923) 6. С. 321

Брагинский, И.Я. Коротков и А.И. Скобенников (РСДРП(б), РКП(б)) хотят в будущем сделать центром тяжести сотрудничество с МОПР. Это, по их мнению, сплотит всех членов ОПК в единое целое и даст Обществу специфическую содержательную ориентацию, покоящуюся на общей идее.

Корочкин замечает, выступая как посредник, что положение внутри Общества лучше, чем предполагалось, и предлагает обсудить практические вопросы запланированного съезда.

Трофимов считает, что Общество не должно принимать политическую ориентацию, так как оно объединяет людей разных политических взглядов. «Важная проблема» вовсе не в том, что коммунистическая фракция работает неправильно, а в неправильной структуре ОПК. В Обществе нет живых интересов, и это превращает его в «Общество бывших». Необходимо «переваривать» в нем вопросы общественно-политической жизни «нашей» республики и втягивать в эту работу всех членов.

Виленский-Сибиряков подхватывает замечание Трофимова о правильной организационной структуре и фактически требует,

как это уже сделал Бреслав, обязательного голосования членов фракции:

«Нужно сейчас ставить вопрос о правильном организационном строительстве, при котором решения Совета и Президиума были бы связаны с решениями фракции. Фракция РКП должна быть легализована и ее решениям не могут быть противопоставлены несогласованные выступления отдельных лиц»¹⁷.

Подытоживая, Виленский-Сибиряков требует как можно быстрее создать коммунистическую фракцию, которая должна обеспечить «увязку» для всей работы Общества. Следует избрать бюро из числа тех коммунистов, которые являются и членами президиума der ОПК, чтобы они разработали план дальнейшей деятельности фракции.

В конце концов, коммунистическая фракция избрала членами бюро Теодоровича, Виленского-Сибирякова, Темкина, Корочкина, П.Н. Львова, Крамарова, Ф.К. Врублевского, Грюнштейна (секретарь) и И.Я. Короткова (эсер, теперь РКП(б)).

2. Лишение власти Общего собрания

При основании ОПК была установлена в качестве обязательной образцовая структура руководства с элементами базисной демократии. «Общему собранию» всех членов Общества были подотчетны Правление и Совет, а также другие органы, в свою очередь подчиненные Совету – организационная, клубная, литературная комиссии, комиссии по помощи голодающим и бюджету¹⁸. «Общее собрание» должно было созываться самое меньшее раз в три года. Решающее значение имело простое большинство голосов. За исключение из членов Общества должны были проголосовать даже две трети участников Общего собрания. Совет, избиравшийся Общим собранием на год, имел, однако, право избирать из своих членов так называемого «старосту», секретаря и казначея, а также Президиум. Члены Совета возглавляли упомянутые комиссии¹⁹.

Эта структура была перенесена и на все филиалы Общества, которые в соответствии с решением Общего собрания от 22 октября 1921 г. могли быть основаны на территории Российской

Советской Федеративной Социалистической Республики. Различие заключалось только в подотчетности филиалов Совету московской ячейки ОПК и, тем самым, в конечном счете, Общему собранию головной организации в Москве²⁰.

В 1924 г. имело место принципиальное изменение этой структуры. Невысказанная открыто цель коммунистической фракции заключалась в том, чтобы лишить Общее собрание власти. Хотя Общее собрание в декабре 1922 г. под давлением грозившего закрытия и перерегистраций уступило и ввело в Совет ОПК «правильных» людей, это отнюдь не лишило Общее собрание власти и возможности принятия непредсказуемых решений. С одной стороны, исходя из данных на декабрь 1922 г., половина коммунистов в ОПК были из «перебежавших» приверженцев других социалистических партий и анархистов, так что из 133 коммунистов только 62 были подлинными большевиками. С другой стороны, «беспартийные» представляли в Обществе большую группу (68 человек). Правда, это были люди, не перешедшие в РКП(б), а предпочитавшие выйти из своих партий или группировок и принять статус беспартийных. 46 человек по-прежнему принадлежали к какой-либо социалистической партии или анархистским группировкам. 25 человек, не сообщивших о своей партийной принадлежности, скорее нельзя причислить к большевикам. Показательно также, что до 1917 г. только 9 членов будущего общества были беспартийными²¹.

Острота проблемы непредсказуемости Общего собрания была пока что снята благодаря его крайне редкому созыву²². Т. к. из-за этого по прошествии двух лет среди членов Общества распространилось недовольство, о чем свидетельствовал 2-й протокол собрания коммунистической фракции (январь 1924 г.), то коммунистическая фракция лихорадочно принялась за решение проблемы²³. В начале 1924 г. она, очевидно, нашла путь. Как свидетельствуют равным образом первые два протокола коммунистической фракции от января 1924 г., фракция готовила Всесоюзный съезд ОПК на 12 марта 1924 г., 7-ю годовщину освобождения из мест заключения. На этом съезде в соответствии с решением Общего собрания от 14 октября 1923 г. следовало принять уже разработанный Устав²⁴.

Коммунистическая фракция действовала в процессе лишения Общего собрания власти тактически умело. Сначала она обратила внимание на структурные неясности, появившиеся с возможно-

стью основания филиалов в масштабах как республик, так и всего Союза (пример – филиал в Тифлисе (Грузия)). Всесоюзному съезду предстояло стать центральным органом всего Общества, и орган этот должен был иметь по отношению к филиалам вес сильной головной организации в Москве или, соответственно, право голоса, соответствующее численности его членов. Он должен был обладать теми же полномочиями, как и Общее собрание, т. е. избирать Совет или, соответственно, теперь «Центральный Совет» Всесоюзного ОПК, в котором должны были отныне быть представлены члены филиалов, и иметь возможность изменять Устав. В связи с этим ОПК должно было быть преобразовано во всесоюзное Общество, что произошло и де факто²⁵.

На первый взгляд это вполне оправданное расширение. Если же присмотреться внимательнее, окажется, что съезд коренным образом отличался от Общего собрания: он не был, как Общее собрание, суммой всех членов, а представлял собой коллектив тщательно отобранных делегатов. В соответствии с этим схема отбора делегатов создавала важнейший пункт, борьба вокруг которого шла почти до самого съезда. До тех пор было достигнуто единство, очевидно, только относительно того, что от каждого 10 членов на съезд должен был посылаться делегат, имеющий право голоса²⁶. Напротив, отбор конкретных лиц был очень труден. Здесь, как можно заключить из дискуссий в коммунистической фракции, работали с закрытыми, конкурировавшими друг с другом списками, которые оказывались поводом для резких столкновений. Так, на собрании коммунистической фракции 9 марта 1924 г., т. е. за три дня до открытия съезда, речь шла о том, кому какие списки разрешалось вносить для утверждения на Общее собрание, которое должно было быть создано еще до съезда:

И.А. Теодорович указывает в этой связи на трудность предоставления Общему собранию для голосования действующему Совету ОПК списка будущего Центрального совета, хотя совершенно очевидно, что коммунистическая фракция разработала соответствующий список. Он предлагает скорее создать комиссию из коммунистов и достойных доверия беспартийных членов Общества, которая внесет список на Общее собрание.

И.М. Гейцман (бывший бундовец, анархист-коммунист, теперь кандидат на прием в РКП(б)) считает, что оппозиции внутри Общества уделяется слишком много внимания. Она не настроена ни против Совета в целом, ни против коммунистической фракции. Поэтому следует действовать открыто, т. е. вскрывать ошиб-

ки, которые Совет сделал в вопросе об организованном оппозицией отклонении кандидатов, выдвинутых коммунистической фракцией. Линия коммунистической фракции должна быть непоколебимой и не позволять беспартийным плести интриги. Его предложение заключается в том, чтобы поручить ревизионной комиссии представить список коммунистической фракции Общему собранию. Крамаров хотел бы, чтобы список делегатов был внесен Советом, Бреслав – коммунистической фракцией²⁷.

В конце концов, было принято предложение Теодоровича и назначена комиссия. По тактическим причинам эта комиссия состояла главным образом из членов ОПК, до революции не принадлежавших в большевикам, а вступивших в РКП(б) только после 1917 г.: С.И. Часовенный (РСДРП, теперь РКП(б)), Л.Л. Гершкович (социал-демократ, анархист-коммунист, в рассматриваемый период РКП(б)), Я.С. Венгеров (РСДРП, в данный момент РКП(б), член-учредитель ОПК), С.Ф. Просянов (эсер-максималист, сейчас РКП(б)), В.Ф. Бобров (эсер, в данное время РКП(б)), Д.С. Надельштейн (бундовец, эсер-максималист, теперь РКП(б)), Я.М. Журавлев (эсер, в настоящее время беспартийный), [Л.П. или В.К.?] Воробьев (РСДРП(б), РКП(б)). Кроме того, членов комиссии призвали найти и других лиц.

Для предстоящего решающего Общего собрания, официально еще полномочного и, как упоминалось, планировавшегося на время незадолго до съезда, был определен состав Президиума Совета: Теодорович, Виленский-Сибиряков, [С.С.] Пестковский, Диковская, Шебалин, Фроленко, Львов, Бреслав.

Дополнительно Теодорович рекомендует в качестве тактики для окончательного возобладания списка коммунистической фракции дать ее бюро право, в случае отклонения кандидатов, предложенных фракцией, ответить отводом кандидатов беспартийных. В заключение коммунистическая фракция еще раз проголосовала за список своих делегатов съезда²⁸.

Общее собрание состоялось 10 марта 1924 г. Ему были представлены соответствующие списки. В соответствующем итоговом отчете в «Каторге и ссылке» нет больше и речи о столкновениях²⁹.

На заседании коммунистической фракции в день открытия съезда 12 марта 1924 г. речь шла уже не только о кадровых делах, но и о содержании. Обсуждался вопрос о том, кому с каким докладом выступать. Тем не менее, определялись и лица, которые должны были выступать в качестве кандидатов в различные органы

Общества. В их числе, однако, были не только кандидаты из коммунистической фракции, но и беспартийные, приемлемые для фракции. В Президиум «Центрального Совета» выдвигался список в следующем составе: Теодорович, Фроленко, Виленский-Сибиряков, Шебалин, Рудзутак, Якимова-Диковская, Пестковский, Брагинский, Бреслав, Темкин, А.С. Оввян (РСДРП(б), РКП(б)), Ц.С. [Гуревич-]Мартыновская (РСДРП, в рассматриваемый период беспартийная), Бычков (народник, украинский филиал ОПК), А.П. Голубков (РСДРП(б), ВКП(б), с середины 1932 г. член редакции «Каторги и ссылки»), А.Г. Окуашвили (народник, РСДРП, РСДРП(б), в данный момент РКП(б)), М.В. Новорусский (народник), С.Ф. Ковалик (народник, эсер, в настоящий момент беспартийный). Кандидатами были избраны Грюнштейн, Крамаров и И.М. Шер (РСДРП(б), КП(б)У)³⁰. Было решено также, что со вступительным докладом должен будет выступить пользовавшийся международной известностью большевик К. Радек, член ЦК РКП(б) и секретарь Исполкома Коминтерна³¹.

Чтобы не оставлять ничего на волю случая, специально для съезда и коммунистическая фракция была сформирована из делегатов. К тому же во время работы конгресса были созваны отдельные, равным образом протоколировавшиеся, собрания. Отличие от предшествовавших заседаний фракции заключалось в том, что делегаты-коммунисты из других филиалов участвовали и в этих собраниях. Незадолго до начала съезда была установлена общая тактика. После специально подготовленного доклада Виленского-Сибирякова и последовавшей за ним дискуссии на эту тему были приняты следующие основные линии:

«1. Добиваться, чтобы деятельность О[бщест]ва являлась идейной поддержкой Советской Власти в борьбе против врагов.

2. Добиваться, чтобы, сохраняя старые революционные традиции в О[бщест]ве, распространять их вне О[бщест]ва.

3. Создавая товарищескую атмосферу в О[бщест]ве и допуская для ее беспартийных и инакопартийных большую терпимость взглядов, не уступать в вопросах, имеющих принципиальное значение/допущение в О[бщест]ве и поддержку лиц, скомпрометированных по отношению к Советской власти и т. д.

4. Непосредственное руководство аппаратом должно быть в руках коммунистов.

5. Произвести чистку от лиц, сомнительных в антисоветском отношении, а также от лиц, вызывающих сомнения в моральном отношении (шкурники, склочники и т. д.)³²».

Благодаря принятию этого каталога критериев высшим принципом будущей основной линии стала фактически не только лояльность к большевикам, но и активная поддержка их правления. Преобладавшая до 1922 г. линия солидаризации с политическими заключенными в тюрьмах новой политической власти была недвусмысленно отвергнута.

В съезде, состоявшемся в Москве 12–15 марта, участвовали, в конце концов, 116 делегатов из 12 ОПК³³. Принятый там новый Устав Общества содержал прямое закрепление лояльности советской власти, чего желала коммунистическая фракция. Решающий критерий непринятия в Общество или утраты членства в нем заключался теперь не в том, чтобы революционеры не были запятнаны поступками, несовместимыми с революционно-социалистическим *моральным* кодексом. Отныне в ОПК должны были приниматься, или членами Общества могли быть лишь такие люди, которые «не скомпрометировали себя перед советской властью». В соответствии с этим к действовавшему до тех пор главному критерию добавлялось положение о том, что и «нарушение социалистической морали» делает прием невозможным.

К большому удивлению Корочкина, информировавшего фракцию о дискуссии в организационной комиссии, Устав был принят без больших противоречий. Формулировка критериев непринятия была, в конечном счете, дополнительно конкретизирована. Отныне членами Общества могли стать только лица, не «осужденные органами Советской власти за всякого рода выступления против нее»³⁴. По словам Корочкина, сопротивление имело место только со стороны филиалов ОПК против, в конце концов, реализованного намерения, заключавшегося в том, чтобы московской головной организацией руководил не ее собственный Совет, а Центральный Совет всего Общества³⁵.

В результате, коммунистическая фракция 15 марта 1924 г., в последний день работы съезда, сформировала окончательный вариант списка «Центрального Совета». Его численность увеличилась с 27 до 32. Это предложение было без возражений утверждено съездом³⁶. Важнейшими изменениями по сравнению со «старым» Советом московской головной организации были интеграция филиалов и смена И.А. Теодоровича после примерно четырех лет его работы старостой Я. Рудзутаком, а также восхождение Пестковского на пост второго заместителя старосты (наряду с Виленским-Сибиряковым). Сменена была также Старр, работавшая секретарем Совета с момента основания Общества.

Этот важный пост получил особенно активный член коммунистической фракции Бреслав. Не удалось снова быть принятым в Совет и активному члену-учредителю Общества Маслоу. Коммунистическая фракция даже категорически отвергла Маслоу и Старр³⁷. Крамаров принял на себя руководство ревизионной комиссией, контролировавшей прием членов³⁸.

При просмотре имен людей, вошедших теперь в ведущие органы и комиссии, обращает на себя внимание появление многих, до сих пор незнакомых имен тех, кто представлял различные филиалы ОПК³⁹. Все без исключения, они отличались многолетним членством в партии большевиков или обращавшей на себя внимание лояльностью к партии. Вместе с отобранными символическими фигурами народников они сформировали еще один фактор стабилизации для коммунистической фракции в ОПК⁴⁰. Важных представителей среднего поколения анархистов, эсеров, бундовцев и т. д., получивших статус беспартийных и до тех пор располагавших значительным влиянием в ОПК, теперь практически больше не было в высших органах Общества⁴¹. С их вытеснением и «более умеренные» коммунисты внутри коммунистической фракции, например, Теодорович и Корочкин, теряли свою основу и влияние на линию Общества в целом.

Централизацию и концентрацию власти в московском филиале, который был теперь без всяких «но» и «если» в руках коммунистической фракции, учитывали, превратив Центральный Совет одновременно и в Совет московской головной организации. В декабре 1925 г. Виленский-Сибиряков мог с полным основанием утверждать на Общем собрании фракции ВКП(б) московского филиала ОПК, что коммунистическая фракция несет ответственность за политическую линию Общества и его работу в целом⁴². Через введенную теперь систему списков она воздействовала на все важные кадровые решения внутри ОПК⁴³.

Общее собрание членов ОПК потеряло свое важнейшее значение. Его функции перенял Всесоюзный съезд, его силу – коммунистическая фракция. Оно не было ликвидировано, но служило теперь только для созыва членов отдельных филиалов, включая московскую организацию⁴⁴. Через него можно было и впредь направлять обращения в важные инстанции и обсуждать «второстепенные» вопросы⁴⁵. Остаток его прежнего влияния заключался лишь в том, что утверждение списка состава Центрального Совета, переизбиравшегося на Всесоюзных съездах, находилось в компетенции Общего собрания московского филиала. Список был не только предметом ожесточенной внутренней борьбы, но и теоре-

тически таил в себе определенный фактор неуверенности для коммунистической фракции, так как могли выдвигаться и конкурировавшие списки. И действительно, в 1928 г. имел место такой случай. Незадолго до III Всесоюзного съезда землячества выдвинули список, альтернативный списку коммунистической фракции и добивались его утверждения Общим собранием московского филиала. Коммунистическая фракция решила проблему, заставив своих членов снять их кандидатуры из списка землячеств. Вместо этого им разрешалось выдвигаться только по спискам коммунистической фракции⁴⁶.

В целом, однако, тактика коммунистической фракции увенчалась успехом. Осенью 1924 г. Виленский-Сибиряков сообщал, что Совет Народных Комиссаров утвердил новый устав ОПК. Грозившее закрытие было предотвращено⁴⁷.

Высшим органом ОПК был теперь Всесоюзный съезд⁴⁸. Его делегаты выдвигались всеми филиалами в соответствии с определенным ключом (на десять членов приходился один делегат) и на основе списков. Задачей Всесоюзного съезда было также избрание старосты, но два его заместителя избирались из состава президиума Центрального Совета. На Всесоюзном съезде, также по списку, назначался Центральный Совет (25 членов и 10 кандидатов), избиравший из своего состава Президиум (11 членов и 5 кандидатов). Ревизионная комиссия, также предлагавшаяся Всесоюзным съездом, состояла из пяти членов и трех кандидатов⁴⁹. В дополнение к уже существовавшим комиссиям Центральный Совет учредил 16 марта 1924 г. Агитационную комиссию⁵⁰. 20 марта 1924 г. Б.А. Бреславу было поручено организовать шефскую комиссию, задачей которой должно было стать курирование фабрик, колхозов, детских домов и т. д. Соответствующие учреждения должны были снабжаться книгами или предполагалась организация на месте выставок и выступлений членов ОПК⁵¹. Несколько позже была основана комиссия по созданию музея⁵².

3. Борьба против «плесковщины»

В целом могло бы возникнуть впечатление, что взятие власти в Обществе коммунистической фракцией происходило, если и не совсем без затруднений, то, тем не менее, относительно спокойно.

В проанализированных протоколах коммунистической фракции 1924 г. можно обнаружить лишь немногие неопределенные намеки на некоторое недовольство коммунистической фракцией и тем, что Общие собрания не состоялись. Лишь один раз констатируется наличие оппозиции, которая, однако, как представлялось, едва ли имела хоть какой-то шанс против сплоченно выступавшей коммунистической фракции. Прояснению ситуации не способствовали и отчеты, опубликованные в «Историческом бюллетене» и «Каторге и ссылке» за соответствующее время, например, Виленским-Сибиряковым. Только наблюдающаяся у Виленского-Сибирякова тенденция к сокрытию фактов и дат о масштабах перерегистраций могла бы вызвать определенное недовольство. В соответствии с этим нельзя ничего узнать о структурных моментах возможной борьбы за власть.

В действительности же еще и после 1922 г. имели место серьезные столкновения внутри Общества вокруг ее будущих структуры и линии. Эти столкновения происходили, несмотря на грозившее закрытие и исключение почти трети членов. Сказанное можно конкретно доказать на основе споров внутри ОПК, которые происходили всего лишь через четыре года после решающего первого Всесоюзного съезда 1924 г. Участниками событий были, с одной стороны, член Общества и член ЦКК РКП(б) С.И. Назаров (РСДРП(б), теперь ВКП(б)), а с другой – члены коммунистической фракции Корочкин, Львов и Теодорович⁵³.

Конкретным поводом к столкновениям оказались явления, сходные с учреждением коммунистической фракции как части Совета ОПК в 1924 г., но в этот раз речь шла об официальной «имплантации» коммунистической фракции и в землячества⁵⁴ ОПК. Назаров был за это, Корочкин и Львов считали излишним и контрпродуктивным⁵⁵. Вслед за тем Корочкин упрекал Назарова в том, что он вместе с другими коммунистами, точно так же, как и в 1924 г., желает плести интригу, расколоть Общество и ввести командование в нем коммунистов⁵⁶.

На заседании коммунистической фракции 13 апреля 1928 г. и Теодорович, не углубляясь в проблему «землячеств» как таковую, подробно анализирует «интриганский» политический стиль Назарова⁵⁷. Сначала он сообщает о словесном поединке в ходе XV съезда ВКП(б) (2–19 декабря 1927 г.) между Назаровым и Х.Г. Раковским, который на съезде оказался под давлением как сторонник Троцкого и был, в конце концов, исключен из партии. Теодорович описывает, как он вмешался, не желая согласиться с

тем, что Раковский, уже осужденный в политическом отношении, подвергался еще и издевке со стороны Назарова. В ответ на это Назаров угрожающе выкрикнул:

«Вот за такую-то вашу [Теодоровича] мягкотелость я был в числе тех, кто вышиб вас из старост О[бщест]ва [1924], и из партии вас теперь [1927] выбросим так же, как из старост»⁵⁸.

Вслед за этим Теодорович пытается представить и свою замену на посту старосты Я. Рудзутаком весной 1924 г. как чистой воды интригу «тройки» членов коммунистической фракции. «Тройка» состояла из Темкина, Крамарова и Виленского-Сибирякова и пользовалась поддержкой Назарова и других⁵⁹.

Со своей стороны, Назаров пытается в 1928 г. представить Теодоровича покровителем антипартийных групп. При этом прояслялись важные детали ситуации 1924 г. Он изображает смещение Теодоровича не как интригу, а, скорее, как следствие борьбы против «плесковщины» (Плесков и его сторонники) в ОПК:

«Это было время, когда я и другие вели линию на образование фракции в О[бщест]ве, а т. Теодорович был против фракции, у него замечалась какая-то лояльность по отношению к оформлявшейся тогда с-ровской борьбе против коммунистов в О[бщест]ве. Крамаров был тоже против фракции»⁶⁰.

И несколько позже:

«Еще раз повторяю, что ни в каких группировках с Крамаровым против Теодоровича я не был, я был в числе большой группы против Теодоровича за то, что в О[бщест]ве нужно проводить резкую линию против [А.] Гоца, против плесковщины. ЦК разбирал это дело и встал на нашу точку зрения»⁶¹.

Решительная защита Назарова может быть объяснена реальной опасностью того, что обвинения в постоянном интриганстве и групповщине в ОПК станут поводом для рассмотрения вопроса о его прошлом. У него же были хорошие контакты с троцкистами, в частности, с Раковским, которого Назаров дискредитировал.

С другой стороны, Теодорович пытается опровергнуть обвинение со стороны Назарова в том, что он пренебрег поддержкой коммунистической фракции в пользу эсеровской оппозиции внутри ОПК во главе с Плесковым и Гоцем. Защищаясь, он говорит, что не только почти четыре года был старостой Общества, но и сам руководил коммунистической фракцией. Уже поэтому он не может быть ее противником. Кроме того, его стаж партийной работы – также достаточное свидетельство того, что он не имел ничего против формирования коммунистической фракции⁶².

Главный мотив, по которому Теодорович приводил менее убедительные причинные аргументы и сводил свое смещение с поста старосты в 1924 г. к интриге, следует искать, прежде всего, в его биографии. При этом необходимо учитывать напряженное как с политической, так и с профессиональной точки зрения положение, в котором он оказался именно в начале 1928 г.

На II Всероссийском съезде Советов в 1917 г. Теодорович был избран народным комиссаром продовольствия в первом революционном правительстве. Но уже через две недели он ушел в отставку в знак протеста против создания правительства, состоявшего только из большевиков и связанного с этим отказа Ленина создать коалицию с другими социалистическими партиями⁶³. В 1920 г. он стал членом коллегии Народного комиссариата земледелия (Наркомзема). В 1922 г. он снова достиг поста заместителя наркома земледелия, а в мае стал руководителем плановой комиссии Наркомзема. Затем в 1925 г. он принял пост руководителя вновь созданного Международного аграрного института в Москве⁶⁴. Теодорович был умеренным большевиком, выступавшим за проведение политики, дружественной по отношению к крестьянству. Он способствовал компетентности, независимой от партии. В Наркомземе преобладали ученые-аграрники, получившие образование в царское время и близкие к запрещенным теперь партиям эсеров, народников и кадетов. Именно Теодорович демонстративно защищал своих сотрудников, ставших жертвами преследований, во время волны арестов, обрушившейся в 1922–1923 гг. на партии эсеров и меньшевиков⁶⁵. В 1927 и начале 1928 гг. как раз Наркомзем, а с ним и Теодорович оказались под усиленным политическим давлением. Поражение левой оппозиции означало парадоксальным образом и поражение приверженцев умеренной линии в сельскохозяйственной политике. Уже в 1927 г. победа сталинистов была победой лобби сторонников индустриализации за счет сельского хозяйства, в которой больше не было места аграрной политике, ориентированной на индивидуальное крестьянское хозяйство⁶⁶. «Эпигоны народничества» (Чаянов, Кондратьев и т. д.) и «покровители кулацкого хозяйства», т. е. сотрудники наркомата, которых защищал Теодорович, 16 февраля 1928 г. потеряли вместе со своими «патроном» (Маркус Венер) работу в Наркомземе⁶⁷. Теодоровичу пришлось даже лично оправдываться перед Сталиным и Молотовым⁶⁸.

В этой более чем затруднительной ситуации, когда Теодорович использовал ОПК как возможность отступления, он мог в

столкновении с Назаровым считать себя принужденным ни в коем случае не давать новой пицци подозрению в том, что он поддерживает социалистические силы, отношение которых к большевикам простиралось от критического до враждебного.

Тем не менее, информация, полученная на основе биографии Теодоровича, а также от Назарова, как и уже имеющийся анализ ситуации 1922 г.⁶⁹ несколько проясняют и события, имевшие место между 1922 и 1924 гг. С одной стороны, Теодорович как староста Общества нес ответственность за линию поддержки политических заключенных в советских тюрьмах, которую до начала 1922 г. в значительной степени определял Плесков, и проведению которой способствовали большинство Общества и его высшие органы. Без их терпимого отношения это не было бы возможно. На последовавшей затем в середине 1922 г. бурной фазе попытки сохранить статус-кво, «приучения к дисциплине» Дубинского и Мухина и грозившего ОПК закрытия, Теодорович вел себя крайне сдержанно. Напротив, прежде всего Крамаров, поддерживавший прямой контакт с ЦК РКП(б), был за наступательное расширение влияния коммунистов в Обществе. При этом его поддерживали Виленский-Сибиряков и Темкин.

С другой стороны, следует всерьез воспринимать высказывание Теодоровича о том, что он активно участвовал в работе коммунистической фракции. И действительно, он взял на себя председательство в ней, чередуясь на этом посту с Темкиным и Виленским-Сибиряковым⁷⁰. В пользу Теодоровича говорит и его выступление за список делегатов I Всесоюзного съезда Общества в 1924 г., составленный коммунистической фракцией. Тем не менее, между «тройкой» (Темкин, Крамаров и Виленский-Сибиряков) и Теодоровичем имелось решающее различие: Теодорович не был принципиально настроен против коммунистической фракции в Обществе. Он даже использовал ее, чтобы в ее списке обеспечить свою кандидатуру на пост председателя будущего высшего органа Общества, «Центрального Совета». Избрание этого органа планировалось на съезде⁷¹. Напротив, если последовательно интерпретировать высказывания Назарова в контексте 1923–1924 гг., он был строго против включения коммунистической фракции, наделенной официальными правами и функциями, в структуры Общества и, соответственно, его высшие органы. В пользу интерпретации, согласно которой Теодорович был против преобладания коммунистической фракции, зафиксированного в организационной структуре ОПК, говорит

и то, что такая ситуация была однозначным нарушением неполитических уставных положений ОПК. Введение коммунистической фракции сменило действовавший до тех пор принцип концентрации на надпартийной революционной этике. Она гарантировала сбалансированность властных отношений (с меняющимся большинством) между различными политическими группами, бывшими народниками, бывшими эсерами, анархистами, бундовцами, беспартийными и т. д.

В начале 1924 г. именно Теодорович предпринял последнюю попытку все-таки воспрепятствовать радикальному изменению структуры Общества. Он избрал в качестве средства для этого раскол «тройки», попытавшись дискредитировать Крамарова как личность. Чтобы достичь цели, Теодорович использовал весь свой личный авторитет «старосты» и свою высокую популярность среди членов Общества. Он упрекал Крамарова в невозможности сотрудничать с ним. По его словам, он делает ставку на раскол Общества и интригует против него, Теодоровича⁷². Теодорович отказался продолжать занимать пост старосты, если его заместителем будет назначен Крамаров, и хотел согласиться в качестве такового только с Виленским-Сибиряковым и принципиально иметь право на то, чтобы самому отбирать своих заместителей⁷³. Когда коммунистическая фракция не уступила его требованиям и именно Виленский-Сибиряков не встал на сторону Теодоровича, а, напротив, с большим тактическим мастерством координировал действия «тройки» и всей коммунистической фракции, Теодорович больше не предоставил себя в распоряжение Общества в качестве старосты. Он отошел также и от активной работы фракции. Он прекратил и свое участие в деятельности Центрального Совета ОПК⁷⁴. Хотя он и оставался в Центральном Совете, но снова стал активно работать в Обществе только с весны 1928, с окончанием своей карьеры в Наркомземе⁷⁵.

Коммунистическая фракция, однако, восприняла ситуацию 1924 г. очень серьезно. Виленский-Сибиряков сообщал во внеочередном заявлении о спорах внутри ОПК, в особенности об отказе Теодоровича снова стать старостой⁷⁶. В то же время фракция пыталась умалить значение конфликта и, подобно Теодоровичу, свести его к личной антипатии:

«[...] в связи с отрицательным отношением многих из членов О[бщест]ва к отдельным работникам, и принимая во внимание, что это неудовольствие носит персонально-личный характер, т. к. беспартийные вообще не возражают против руководящего значения коммунистов в О[бщест]ве»⁷⁷.

«Тройка», а также Теодорович во время своих маневров учитывали все еще скрыто висевший над Обществом прозвучавший в августе 1922 г. упрек Томского в том, что ОПК не реформируемо с точки зрения осуществления преобладания коммунистов и поэтому должно быть закрыто. Это было и вполне уместно. 7 апреля, т. е. вскоре после «большого съезда», коммунистическая фракция обсуждала заявление члена Общества Е.А. Трифонова (РКП(б)) в адрес Московского комитета РКП(б) о «ненормальных» и «вредных» тенденциях в ОПК, превративших Общество в «фабрику контрреволюционных позиций». Ответ коммунистической фракции заключался в том, что у ОПК достаточно членов-коммунистов. К тому же последний Всесоюзный съезд показывает, что коммунисты располагали достаточным большинством⁷⁸.

4. Реакции на изменения структуры

Теодорович отнюдь не был безусловным покровителем бывших кадров среднего звена социалистических партий и анархистских группировок. Он высказывался за строгие критерии в ходе перерегистрации членов ОПК, но, отмежевываясь от Крамарова, выступал против введения «термометра для определения антисоветских позиций». Гражданская война закончилась, и «мечи должны теперь быть картонными»⁷⁹.

«Орган политического надзора не мы, и я горжусь государственными органами надзора. Настигли тебя – конец. Но мы не ЧК не ГПУ, не трибунал»⁸⁰.

Теодорович выступал, напротив, за разумные действия коммунистической фракции, намереваясь использовать интеллектуальный потенциал бывших участников революционного движения. Осуществление интересов коммунистической фракции было для него вопросом политического стиля. Его кредо заключалось не в грубом администрировании, бесцеремонности и демонстрации собственного превосходства, а в осуществлении гибкого в тактическом отношении руководства Обществом со стороны коммунистической фракции при соблюдении законных интересов членов ОПК, не принадлежавших к большевикам. Его высшей целью была интеграция.

Напротив, Крамаров, Темкин и Виленский-Сибиряков использовали большое преимущество, заключавшееся в том, что ЦК РКП(б) вел на политическом уровне наступление против (бывших) сторонников социалистических партий и анархистов, чтобы и в ОПК быть в состоянии жесткими методами осуществить структурное обеспечение власти в пользу коммунистов и вопреки преобладающему большинству. Их исходным пунктом было другое в целом понятие лояльности. В существовавшей политической ситуации больше не требовалось занимать критическую дистанцию в форме беспартийности или активного нейтралитета и ссылки на общую, обязывающую всех революционную этику при одновременном одобрении советской власти. Решающее влияние в Обществе осуществлял теперь тот, кто был членом РКП(б) и тем самым имел право работать в коммунистической фракции ОПК. Именно Плесков сразу понял это. Уже через две недели после съезда он вручил коммунистической фракции заявление о своем желании быть принятым в РКП. Фракция передала соответствующие материалы в ЦК РКП⁸¹. В приеме в партию Плескову отказали, но его благорасположенность была вознаграждена тем, что в 1925 г. коммунистическая фракция снова внесла имя Плескова в список лиц, предусмотренных для участия во II Всесоюзном съезде ОПК с 26 по 29 декабря 1925 г.⁸² То же касалось Маслова и Старр⁸³. Плесков и Старр были, кроме того, в числе подписавших письмо в адрес коммунистической фракции, в котором они еще раз дистанцировались от партий, членами которых были. Теперь они характеризовали себя как «активных сторонников советской власти» и заявляли о своей приверженности политике коммунистической партии⁸⁴.

Критиковавшие и ушедшие

Для других членов Общества со Всесоюзным съездом 1924 г. была достигнута точка, когда с ОПК следовало порвать. Они считали нарушенными основные принципы Общества.

Особенно жесткие и ясные слова нашел А.Н. Андреев⁸⁵. Этот важнейший, наряду с Плесковым, приверженец сохранения беспартийности Общества, как и поддержки политических заключенных в тюрьмах, еще в последний день съезда в марте 1924 г. написал в адрес ОПК свое заявление о выходе⁸⁶.

Поводом стало для Андреева принятое согласно новому Уставу новое условие приема, просто предшествовавшее первоначальному критерию, базировавшемуся на революционной этике. Андреев следующим образом парафразирует изменения:

«Членом Общества политкаторжан не может быть тот, кто осужден судом советской юстиции, кто получил приговор на основании кодекса законов СССР – говорит утвержденный новый устав, а впереди есть другой пункт, карающий за нарушения каторжно-революционной этики»⁸⁷.

Тем самым, как обоснованно констатирует Андреев, законы советского государства ставятся над революционной этикой, которая до сих пор была основным критерием оценки для приема. Исключение из Общества было донныне возможно только в том случае, если выяснялось, что его член в ходе своей революционной практики до 1917 г. нарушал революционную этику, т. е. подавал прошение о помиловании или совершал поступки, несовместимые с кодексом политкаторжан и ссыльных⁸⁸.

Андреев критикует на абстрактном уровне осуществленное теперь доминирование советского закона. Но при этом он не идет на прямую конфронтацию с советским государством, а принципиально характеризует законы как «игрушку в руках судьи и законодателя». Что такая позиция имела силу не только для царского государства, но точно также и для советской власти, Андреев поясняет на примере обвинительной речи председателя Революционного (Верховного) трибунала Н.В. Крыленко на процессе против ЦК эсеров летом 1922 г.⁸⁹ Крыленко подчеркивал, что в случае, если статьи, вменяемые в вину обвиняемым покажутся суду слишком слабыми, в его распоряжении все же имеется смертная казнь. Тем самым мера наказания представляется Андрееву исключительно как дело толкования судами. В соответствии с этим законы для Андреева «растяжимые», «каучукоподобные», «временные» и способные, как хамелеон, приспособливаться к тем или иным злободневным потребностям суда. Напротив, идеал Андреева заключается в том, чтобы сделать законы излишними, т. е. заменить их революционной этикой.

Зафиксированное теперь в Уставе ОПК преобладание законов, характеризовавшихся неразборчивостью высшей власти, над революционной этикой, требовало, по мнению Андреева, принятия «логики палача»:

«Сажай в тюрьму других и радуйся, а когда тебя посадят – плачь»⁹⁰.

В противоположность этому заключение в тюрьмы людей людьми является для Андреева «величайшей мерзостью», а революционные достижения народа должны измеряться численностью и качеством оставшихся тюрем. Далее говорится:

«[...] что революцией действительно “социальной” будет та, которая сметет с лица земли все места заключения, все решетки с окон и глаз людей [...]»⁹¹.

Андреев черпает легитимацию своих позиций из «полноты абсолютной истины и этики», которая коллективно формировалась в революционном движении на протяжении его деятельности. Наконец, он особенно резко осуждает тех, кто на съезде скрепил своими подписями новый Устав. Их надлежит «выставить у позорного столба», так как они «кастрировали» идею революции всех веков и народов. Они предстают «фальсификаторами» «великолепных идей свободы, истины и честности», во имя которых было пролито столько «крови и слез» и ради которых «убивали мы и убивали нас». В качестве мотива «provokatorov» предполагается «свокорыстный интерес», соединенный со страхом перед «инакомыслящими членами» Общества.

Со съездом разрушилась мечта Андреева о «Всероссийском съезде носивших цепи», который должен был бы стать революционной совестью страны⁹². Его энергичная, по временам патетическая риторика основывается на осмыслении анархистских идей, его активном участии в революционном движении и собственном многолетнем пребывании в тюрьме и ссылке⁹³. Вслед за Д. Новомирским он требует революционной этики или коллективистского устройства (П.А. Кропоткин), опирающегося на отдельных индивидуальных участников революционного движения, которые, по его мнению, во всяком случае, далеко превосходят и регулирующие механизмы советского государства. Соотносясь с контекстом ОПК, он не хочет согласиться с тем, что заслуги каторжан и ссыльных перед революционным движением фактически меркнут, если после 1917 г. они совершали политические или уголовные преступления.

После своего выхода из Общества Андреев неоднократно арестовывался – с 1917 по 1929 гг. в общей сложности девять раз. Не один раз он добивался освобождения с помощью голодовки. В 1929 г. последовал новый арест, а за ним – приговор к 3 годам тюремного заключения. Только после семнадцатидневной голодовки ОГПУ заменило наказание 3 годами ссылки⁹⁴.

После Всесоюзного съезда в марте 1924 г. из Общества вышли еще две анархистки – О. Таратута и А. Степанова⁹⁵. По этому поводу они опубликовали в июне 1924 г. в международном анархистском журнале «Волна» открытое письмо. Авторы упрекали в нем РКП(б) в превращении ОПК в «филиал партии». Теперь практикуется моральное давление против таких членов Общества, которые стремились сохранить его беспартийность. Члены ОПК были практически принуждены участвовать в деятельности МОПР. Теперь, говорилось в письме, в Обществе различают «господ и рабов» и [революционное] прошлое больше не имеет значения⁹⁶. Они хотели бы напомнить коммунистам в ОПК, что история делается не только ими, несмотря на их теперешние попытки «узурпировать» историю и вскочить на лошадь победителей. Для Таратуты и Степановой политизация ОПК – ее «духовная смерть». Формулируя свою позицию, они заходят настолько далеко, что даже возлагают свои надежды на новую революцию:

«Далекой, но яркой звездой, то тускнеет за тучами, то вновь появляясь, великая революция грядет к нам и победная придет. Воскреснет, вновь задохшаяся в тисках партийности, идея об обществе политкаторжан и ссыльно-поселенцев в первоначальной своей красе и жизни. [...]»⁹⁷.

Наряду с Андреевым и Масловым жертвой структурных изменений в Обществе стал еще один анархист, активный в ОПК. Речь идет о Г.Б. Сандомирском, анархисте и коммунисте⁹⁸. Он лояльно относился к советскому правительству. В рамках своей деятельности в Наркомате иностранных дел, в том числе участия в экономической конференции в Генуе (10 апреля – 19 мая 1922 г.) среди сотрудников наркома Г.В. Чичерина, он решительно выступал за признание и в поддержку советского правительства⁹⁹. Для этого он по поручению Коминтерна также резко высказывался против западноевропейских анархистов, ставивших международную поддержку советского правительства в зависимость от решения проблемы политических заключенных и окончания политического террора¹⁰⁰.

В начале января 1923 г. Сандомирский, которого руководящий русский анархист Г.П. Максимов характеризовал как «анархо-большевика», «коммивояжера» и «агента большевиков», написал письмо в ЦК РКП(б)¹⁰¹. В нем он решительно осуждал снова множившиеся летом и осенью 1923 г. аресты анархистов и закрытие их учреждений¹⁰². Он выступал за лично знакомых ему анархистов и поддерживал тем самым кампанию итальянских анархистов в пользу политических заключенных в России.

Чтобы подчеркнуть безупречность упомянутых лиц и придать юридическую силу своему требованию о проверке их осуждения, высылки и ареста, Сандомирский настаивает, подобно Андрееву, на том, что большинство арестованных и сосланных являются «активными защитниками», даже «творцами» Октябрьской революции. В его длительном перечислении отдельных судеб анархистов, оказавшихся в данный момент под угрозой ссылки, высылки и тюремного заключения, вновь и вновь подчеркиваются их заслуги перед революционным движением.

Автор письма однозначно возлагает ответственность за эскалацию насилия и множасьую антисоветскую агитацию анархистских кругов на недифференцированную политику репрессий и цензуру со стороны советского правительства¹⁰³. Сандомирский подчеркивает, что правительство интересуют не только те, кто совершали террористические акты, но и арест и заключение под стражу анархистов, пропагандировавших свои идеи, издававших печатные произведения и пытавшихся реорганизоваться или сохранить свои организационные структуры. Общий упрек в адрес последних заключался в «антисоветской агитации»¹⁰⁴. Особенно затронул Сандомирского новый опыт, в соответствии с которым преследовались не только активные анархистские организации, но арестовывали, ссылали и высылали и людей, поставивших своей целью только помочь анархистам в тюрьмах добиться своего.

Письмо Сандомирского показывает еще раз, что новое наступление советской власти представляло собой обострение отношений потому, что теперь оно сильнее охватило также лица и организации, которые в принципе были готовы согласиться с господством большевиков. Самостоятельное выступление, критика политики правительства и личные контакты с бывшими единомышленниками на родине и за рубежом были до сих пор терпимы. Теперь же они вызвали серьезные отрицательные последствия¹⁰⁵. Сандомирский еще до письма сталкивался с трудностями при получении разрешения на публичные выступления на предприятиях, во время которых он рассказывал о своем революционном прошлом. В середине 1923 г. он к тому же потерял работу в наркомате иностранных дел¹⁰⁶.

Его отход от активной работы в ОПК был непосредственно связан с выдворением Дубинского. Сандомирский по его собственным данным протестовал против этой «жесткой, неосторожной и клеветнической кампании», проводившейся в особенности

Я.Д. Баумом, членом ревизионной комиссии и коммунистической фракции. Баум добился также, чтобы Сандомирский из-за его позиции не был включен в список делегатов I Всесоюзного съезда ОПК в марте 1924 г.¹⁰⁷

Но Сандомирский по-прежнему оставался членом Общества и работал до 1934 г. в его вспомогательных органах. В 1931 г. Е. Ярославский, в то время все еще староста ОПК, смог защитить его от ареста ОГПУ¹⁰⁸. Лишь вскоре после убийства Кирова на его долю все же выпали арест и заключение в лагерь, а затем ссылка в Енисейск. 2 января 1935 г. ОПК исключило его как лицо, арестованное органами советской власти. 10 января 1937 г. снова последовал арест и заключение в лагерь. 31 марта 1938 г. он был приговорен к высшей мере и казнен¹⁰⁹.

По окончании структурных изменений жизнь ОПК снова нормализовалась. По иронии судьбы теперь на Общем собрании московской головной организации за интенсивную поддержку и сотрудничество с МОПР, заботящейся о политических заключенных в «иностраных капиталистических государствах», особенно энергично выступал Крамаров¹¹⁰. Ведь именно Крамаров и представлял ту силу в ОПК, которая решающим образом способствовала прекращению вмешательства в пользу политических заключенных в советских тюрьмах. На фоне прежних событий решительно теряет достоверность и циркулярное письмо Пленума Совета Общества, датированное концом ноября 1924 г., в котором членов ОПК призывали участвовать в неделе МОПР. Кульминацией был, однако, патетический комментарий, прозвучавший на том же пленуме по поводу казни революционера Яана Томпа в Эстонии¹¹¹.

5. Раздача привилегий и изменения структуры

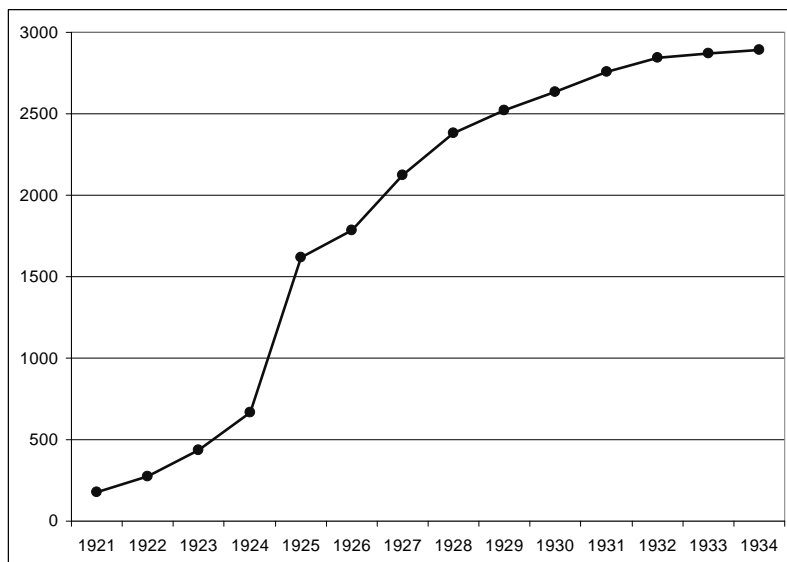
Организационные и кадровые изменения структуры ОПК привели к существенной напряженности внутри Общества. Б.А. Бреслав только в ноябре 1924 г. сообщает, что «[...] та атмосфера взаимного недоверия, недовольства и т. п., которая проявилась весной, особенно накануне и во время Съезда, теперь окончательно из-

жита»¹¹². Поэтому удивительно, что численность членов, несмотря на различия и исключение многих членов, а также добровольные выходы в 1922–1924 гг. возросла непропорционально высоко (см. диаграмму 1 на следующей странице). В конце 1922 г. численность тех, кто просил подтвердить свое членство или хотел быть вновь принят в Общество, составила 430 человек. Из них ревизионной комиссией до 1 декабря 1922 г., т. е. незадолго до Общего собрания 3 августа 1922 г., 272 человек было утверждено или принято. В конце концов, Общее собрание объявило 270 человек членами Общества¹¹³. Тем самым численность членов ОПК возросла по сравнению с январем 1922 г. (177 членов), несмотря на выход или исключение, с примерно 54 членов даже на 97 %¹¹⁴. Годом позже, в марте 1924 г., Общество состояло уже из 12 филиалов и, по меньшей мере, 830 членов¹¹⁵. 20 ноября 1925 г. оно охватывало ровно 1 700 членов¹¹⁶. К 1934 г. численность ОПК возросла до 2 890 членов¹¹⁷.

Диаграмма 1

Развитие численности членов ОПК в 1921–1934 гг.

На основе следующей статистики 1925, 1928 и 1931 гг. можно, кроме того, доказать, что ОПК оставалось привлекательным или

было открытым именно для целевой группы, о которой шла речь – средних и низших кадров конкурировавших социалистических партий и группировок. В основе следующих таблиц на 1925 г. численность членов – 1620, на 1928 г. – 2381 и на 1931 г. – 2759¹¹⁸.

Таблица 7 дает информацию принципиального характера о (почти) сквозной партийной принадлежности (т. е. речь идет о политических партиях и анрхистских группировках) членов ОПК в 1917 г. Беспартийных было в 1917 г. никак не более 4,9 % всех членов ОПК в период между 1925 и 1931 гг. Но таблица 2 показывает, что 80 % членов Общества (7% плюс 73 %) 1925 г. были в возрасте только 25–45 лет. Доля 25–45-летних в общем количестве членов возросла в 1928 и 1931 гг. почти на 85%. Только 20 % (12 % плюс 8%) были в это время в возрасте от 46 до 85 лет. В 1928 и 1931 гг. доля 46–85-летних снизилась на 15%. Отсюда применительно к группе тех, кто в 1925 и 1931 гг. были 25–45-летними, следует, что этот круг лиц уже ввиду своего возраста, составлявшего в 1917 г. максимум 37 лет, в тенденции мог реже занять более высокую позицию в соответствующих партиях и группировках¹¹⁹. Такое развитие событий оказывалось скорее возможным применительно ко второй группе тех, кто между 1925 и 1931 гг. были в возрасте от 46 до 85 лет. Таблица 4 с ее данными об уровне образования обосновывает констатированную тенденцию. Доля членов ОПК с высшим и средним образованием непрерывно снижалась между 1925 и 1931 гг. Она никогда не составляла более 42 %, причем из этой доли только у 10 % было высшее образование. Правда, таблица 4 вместе с таблицей 5 (профессия членов ОПК) указывает на клиентелу из средних служащих, которые могли опираться на среднее образование. С 1925 по 1931 гг. их доля повысилась с 50 % до 54 %. Руководящие кадры в конкурировавших социалистических партиях располагали образованием, превосходившим среднее¹²⁰.

Высокообразованные символические фигуры революционного движения, которые еще были членами «Народной воли», «Земли и воли» и бакунистами, имели в 1925 г. с 4 % исчезающее малое место в ОПК, хотя и играли в Обществе выдающуюся роль. Их членство имело важное место в самоидентификации ОПК, понимавшей себя как «резервуар» для этого круга лиц. Только после 1925 г. их доля возросла, по-видимому, почти до 30 %. Но т. к., в то же время, доля лиц с более высоким образованием снизилась между 1925 и 1931 гг. с 10 до 8,2 %, а доля тех, кто происходил

из интеллигентских слоев (таблица 3) быстро снизилась с 15,5 до всего лишь 3,4 %, то возникает противоречивая картина. На основе списка членов ОПК 1934 г. можно в соответствии с этим доказать, что у большей части этих лиц речь шла о менее значительных кадрах или сочувствовавших и «попутчиках», симпатизировавших кружкам и поэтому также осужденных¹²¹.

По поводу членов ОПК, которые в то же время были и членами ВКП(б), и, в общем, характеризовались как большевики, заметим следующее: более 60 % из них до 1925 г. вступили в партию большевиков из других социалистических партий или анархистских группировок (ср. таблицу 6). Хотя их доля временами снижалась почти на 10% (см. 1928 г.) в пользу «чистых» большевиков, малое число в 4 % или 5,1 % членов, которые в 1925 и 1931 гг. вели партийную работу, дает информацию об их скорее низком статусе внутри партии (ср. таблицы 5 и 6)¹²².

Таблица 2

Возрастная структура членов ОПК 1925, 1928 и 1931 гг.

Год	25–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–85 лет
1925	7%	73%	12%	8%
1928	7,1%	77,7%	12,7%	3%
1931	7,5%	76,5%	13,3%	2,9%

Таблица 3

Социальное происхождение членов ОПК 1925, 1928 и 1931 гг.

Год	Рабочие	Крестьяне	Интеллигенция	Другие; без данных
1925	25%	30%	15,5%	29,5%
1928	28,7%	35%	4,0%	32,5%
1931	29,5%	35,9%	3,4%	31,2%

Таблица 4

Уровень образования членов ОПК 1925, 1928, 1931 гг.

Год	Высшее	Среднее	Низшее	Самообразование, домашнее образование
1925	10%	32%	35%	23%
1928	9,0%	29,3%	34,2%	27,5%
1931	8,2%	27,8%	37,2%	26,8%

Таблица 5

Профессия членов ОПК 1925, 1928 и 1931 гг.

Год	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Свободны профессии	Партийные работники	Другие
1925	18%	–	50%	15%	4%	13%
1928	22,2%	1%	55,5%	12,5%	4,8%	32,5%
1931	24,0%	1%	54,0%	10,6%	5,1%	31,2%

Таблица 6

Партийность членов ОПК 1925, 1928 и 1931 гг.

Год	Членов РКП(б)	Старые б-ки	Др. партии	Беспарт.	Без данных
1925	38%	37,4%	62,6%	54%	7%
1928	38,8%	47,6%	52,4%	58,5%	2,7%
1931	40,8%	44,6	55,4%	56,6	2,6%

Таблица 7

Партийность членов ОПК в 1917 в процентах
(по состоянию на 1925, 1928 и 1931 гг.)

Год	РСДРП(б)	Анархисты	Беспартийные	РСДРП (м)	Бундовцы	Польские и литовские социал-демократы	Эсеры	Максималисты	Польские социаллисты	Народовольцы, бакунисты землевольцы
1925	24	10	4	15	4	1	30	4	2	4
1928	23,6	9,3	4,6	15,1	4,2	2,4	30,4	5,1	2,4	29
1931	21,4	8,7	4,9	15,4	4,2	2,6	30,0	4,7	2,6	25

Пенсии и выплаты нуждающимся в помощи

Важная причина (сохранявшейся) высокой привлекательности ОПК заключалась в том, что в ситуации экономических бедствий оно способствовало оказанию материальной помощи своим членам и могло гарантировать ее. Именно в конце 1922–1923 гг. были предприняты важные шаги к профессионализации ОПК как института, посредничавшего, в частности, при предоставлении медицинской помощи, направлении в дома отдыха, поисках квартир или комнаты в общежитии, кредитов, продовольственных пайков, помощи одеждой, мебелью, обеспечением работой и пенсией.

В день VI годовщины освобождения из тюрем, 12 марта 1923 г., Виленский-Сибиряков смог заявить, что советская власть передала в распоряжение Общества распределение пенсий и финансовой помощи ветеранам революции¹²³.

Для этого Совет Общества подготовил до ноября 1922 г. специальный законопроект, утвержденный ВЦИК. Сначала ВЦИК одобрил только 40 пенсий, затем с января 1923 г. уже 100¹²⁴.

С ноября 1922 г. Комиссия по делам ветеранов, подчиненная Совету Общества, заботилась о пенсиях и оказании помощи. Ее задача заключалась в том, чтобы разыскивать потенциальных пенсионеров или их вдов и знакомиться с их экономическим положением¹²⁵. В январе 1923 г. комиссия распределила 35 635 золотых рублей среди 49 пенсионеров и выдала 3 300 золотых рублей в качестве поддержки пяти лицам, нуждающимся в помощи. В апреле 60 пенсионерам было выдано уже 151 200 руб., а 24 лицам, нуждающимся в помощи – 23 700 руб. В августе 87 пенсионерам было выплачено 732 050 руб., а 46 нуждающимся в помощи – 211 000 руб.¹²⁶ В ноябре 1924 г. величина выданных пенсий составила в среднем 85 золотых рублей 49 копеек, финансовая помощь – 47 золотых рублей 21 копейку¹²⁷. Пенсии предоставлялись по возрасту, при заболеваниях туберкулезом, глухоте, слепоте, неврастении и т. д. Пенсии выплачивались также вдовам, матерям и несовершеннолетним детям убитых или умерших ветеранов революционного движения. Единовременные или долгосрочные пособия предоставлялись бывшим революционерам, которые еще не достигли пенсионного возраста, в случае безработицы и для лечения болезней. Медицинскую помощь получали и их родственники. В данном случае целью было восстановление трудоспособности¹²⁸.

В 1923 г. численность тех, кто ходатайствовал о предоставлении финансовой помощи (не пенсий), увеличилась настолько, что уже 20 июля 1923 г. были высказаны соображения о том, чтобы вывести эту задачу из компетенции комиссии по делам ветеранов и создать для ее решения специальную комиссию. Но эта «касса взаимопомощи», утвержденная I Всесоюзным съездом ОПК в марте 1924 г., начала свою работу в качестве самостоятельной комиссии при Совете ОПК только с 6 декабря 1925 г.¹²⁹

Именно в начале 1923 г. и Совет Общества хлопотал о предоставлении мест в домах отдыха для членов ОПК. Для этого он установил контакт с Обществом старых большевиков, которое уже имело собственный дом отдыха¹³⁰.

Бюро по трудоустройству и экономическая деятельность

Серьезную проблему составляла высокая безработица, шедшая рука об руку с тяжелым экономическим положением. В августе 1923 г. в ОПК с целью борьбы против нее было создано бюро по

трудоустройству для ветеранов революционного движения, сразу же зарегистрировавшее 30 безработных членов ОПК¹³¹. Его задачей было установление контакта с соответствующими государственными инстанциями и содействие предоставлению рабочих мест членам ОПК. Опираясь на авторитет Общества, бюро удалось с января по октябрь 1925 г. трудоустроить 98 из 200 безработных¹³². Уже в октябре 1923 г. Общее собрание еще раз расширило полномочия Бюро Труда. Теперь оно отвечало и за обеспечение не безработных членов Общества местами, соответствовавшими их «общественному статусу» как ветеранов революционного движения¹³³.

Причиной высокой безработицы среди членов ОПК было все же не только общее экономическое положение. К нему добавлялась и осуществленная именно в 1922–1923 гг. в ходе наступления против эсеров, меньшевиков и анархистов чистка государственных учреждений и кооперативов от критически настроенных в отношении правительства (бывших) приверженцев упомянутых партий и группировок¹³⁴. Как показывает пример Сандомирского, это касалось и членов ОПК.

На заседании Совета ОПК 10 февраля 1924 г. бюро по трудоустройству выступило даже с экстренным заявлением. Оно сообщило, с одной стороны, что, хотя и имеется договор с государственной «биржей труда» о трудоустройстве членов Общества без каких бы то ни было ограничений, с другой, на деле, очень трудно найти работу для 20 безработных членов Общества, т. к. они беспартийные, т. е. в соответствии с членским профилем ОПК были сторонниками других социалистических партий и группировок¹³⁵. В дискуссии о возможном решении проблемы Теодорович метко описывает положение вещей:

«Мы не можем, конечно, переменить политику партии. Коммунисты, конечно, больше верят коммунистам – это нормально и тут нечего делать»¹³⁶.

Существенным снижением остроты проблемы безработных членов Общества были начавшиеся уже в 1923 г. стремления основывать под попечением Общества предприятия и кооперативы. В конце концов, I Всесоюзный съезд в марте 1924 г. санкционировал и конкретизировал осуществление этих планов. На протяжении существования Общества были основаны многочисленные предприятия, на которых работали только члены Общества. В их числе были дачно-строительный кооператив¹³⁷, предприятие по обработке цветных металлов («Цветмет»), по производству кра-

сок («Химкраска»), типография («Полиграфтруд») и крупорушка. До 1925 г. было основано в общей сложности четыре кооператива, дававших работу 50 членам ОПК¹³⁸. Практически в каждом крупном филиале Общества возникали кооперативы¹³⁹, к которым бюро по трудоустройству имело прямой доступ¹⁴⁰.

Т. к. производственные кооперативы в соответствии со своей идеей не преследовали коммерческого интереса, а предназначались, прежде всего, для предоставления членам Общества рабочих мест, ОПК достигала освобождения от налогов и кооперативов¹⁴¹. Позже Московский филиал даже взял на себя курирование целой фабрики по производству ваты. На этой фабрике не только было занято много членов ОПК, но она и вносила небольшой вклад в бюджет Общества¹⁴².

Возможность экономической деятельности под покровительством ОПК вызвала большой отклик. Но уже вскоре против этого внутри Общества начались выступления тех, кто осуждал такую деятельность, считая ее отвлечением от подлинной задачи ОПК – работы по формированию традиций, а также изображая ее как потенциальный источник злоупотреблений¹⁴³. Некий анонимный автор поставил эти критические мнения на обсуждение в 1925 г. в приложении к «Каторге и ссылке», но затем защищал необходимость кооперативов¹⁴⁴. Правда, в статье высказывалось сожаление о том, что «некоторые группы в Обществе» считают, что государство должно полностью обеспечивать бывших политкаторжан и поэтому поставили вопрос о денежной помощи мало зарабатывающим членам Общества¹⁴⁵.

Безработица среди членов ОПК на протяжении многих лет оставалась проблемой, вновь и вновь определявшей характер собраний членов Общества. В 1928 г. снова предпринимались интенсивные попытки ее решения. Было принято решение о дальнейшем развитии принадлежавших Обществу кооперативных предприятий, так называемых «артелей»¹⁴⁶.

Членство в ОПК имело и другие преимущества: бесплатное школьное образование для детей членов Общества, бесплатная врачебная помощь, места в доме отдыха (для детей), доплаты на железнодорожные билеты, удешевленное участие в государственных программах отдыха и многое другое¹⁴⁷. Как уже упоминалось, важная привилегия заключалась в праве на дополнительное жилье. Во многих случаях даже только из членства в Обществе вообще вытекала возможность получения квартиры. В «борьбе за жилище» ОПК развивало активность, достойную внимания. В 1925 г. сообщалось, что оно создало в Москве ко-

миссию, которая воздействовала на государственные инстанции в связи с предоставлением в распоряжение ОПК зданий, которые намеревались отремонтировать своими силами или восстановить. Кроме того, были начаты (а также и реализованы) проекты, имевшие целью заготовку строительных материалов и новое строительство домов¹⁴⁸. Как в Москве, так и в Ленинграде ОПК воздвигло целый жилой квартал только для своих членов.

6. Привилегии как основа изменений структуры

В январе 1922 г. впервые появилась смета финансовых средств, находившихся в распоряжении ОПК. На первом месте стояли членские взносы, составлявшие 1000 рублей на человека в год (не в месяц!), на втором были названы доходы от учреждений и предприятий ОПК, на третьем – пожертвования и, наконец, государственные дотации¹⁴⁹. При ознакомлении с этим списком обращает на себя внимание то обстоятельство, что самую большую статью можно найти не в начале, а в конце: членский взнос с поправкой на инфляцию не составлял даже эквивалента 12 чашек чая в буфете ОПК. Предполагаемые доходы от учреждений и предприятий ОПК, а также пожертвования были, очевидно, столь малы, что не играли в отчетах никакой роли¹⁵⁰. Напротив, следует предположить, что в январе 1922 г. бюджет почти на 100 % состоял из государственных дотаций¹⁵¹.

В 1922 г. дотации были кратковременно сторнированы; в конце же 1922 – начале 1923 г. был даже взят курс на их существенное увеличение. Повышение объема финансовых средств шло параллельно с кадровыми и организационными структурными изменениями ОПК. Оно может быть охарактеризовано как поддерживающее мероприятие по подчинению Общества коммунистической фракции и советскому государству. Перемещение ориентации в сторону лиц, для которых Общество больше не было в первую очередь местом воспоминания и формирования традиций, а стало главным образом возможностью получения компенсации за перенесенные страдания, с помощью которой можно было к тому же сделать более переносимой повседневную жизнь, способствовало успеху линии. Ценой была безусловная лояльность

к советской власти. Виленский-Сибиряков косвенно намекал на эту согласованность 12 марта 1923 г. в связи с его уведомлением о том, что пенсии ветеранам революционного движения впредь будут выплачиваться через Общество:

«Это показывает несомненно доверие к Обществу, объясняемое в свою очередь глубоко-лояльным отношением Общества к Советской Власти»¹⁵².

Политическая характеристика выдачи денежных средств пенсионерам проявляется еще и в том, что бюро коммунистической фракции ОПК решило 8 апреля 1924 г., что на его рассмотрение должны в будущем представляться для принятия решений все сомнительные случаи¹⁵³. В соответствии с этим на первом месте в заседаниях коммунистической фракции в ноябре 1924 г. стояла централизованная координация распределения денег¹⁵⁴. Форма дотирования была также приспособлена к новым потребностям. Дотации в большей степени шли прямо на пользу членам Общества. Снабжение коллектива сотрудников ОПК, представлявшее собой центр тяжести на фазе развития с 1921 по 1922 гг., отошло теперь на задний план¹⁵⁵.

Советское государство распределяло теперь свои очень скудные ресурсы только таким организациям, не связанным прямо с партией, контроль над которыми и управление ими в формальном и кадровом отношении обеспечивались с помощью коммунистической фракции. Целенаправленное распределение привилегий было во время крайнего дефицита не только очень эффективным, но и необходимым средством для того, чтобы сделать более дисциплинированной общественную организацию, где были представлены члены, продемонстрировавшие свою способность с помощью убедительной аргументации и риторики ставить под вопрос средства, с помощью которых советское государство и партия большевиков осуществляли свои стремления к внутриполитической гегемонии¹⁵⁶.

7. Односторонняя пристрастность по отношению к советской власти

В ходе нового наступления большевиков против их социалистических политических конкурентов внутри РКП(б) и в правительственном аппарате обострилось понимание лояльности. Это

произошло не в пользу традиционной ниши неполитических общественных организаций, в которые в качестве видных представителей были вовлечены и бывшие сторонники политических партий и группировок. Принципы активного нейтралитета, формировавшиеся ОПК, оказывались под все большим давлением. Они были выхолащены только в ходе продолжавшегося почти два года медленного процесса и, в конце концов, заменены формальной и организационной ориентацией на советское государство и партию большевиков. Отдельные меры по отношению к ОПК позволяют, тем не менее, сделать вывод о том, что не был сформирован единый образ действий, координировавшийся определенным политическим или государственным органом в соответствии с точными целевыми установками или директивами и направленный против Общества. Напротив, различные органы воздействовали на ОПК на разных уровнях, с неодинаковой интенсивностью, движимые различными интересами и располагая разными средствами. Двойственной и многослойной были и поддержка или сопровождение соответствующих мер «агентами» партии в ОПК. То же имело силу и применительно к инициативам по изменению структуры Общества, предпринимавшимся без непосредственного импульса извне, из его собственных рядов.

Административное давление на ОПК усиливалось постепенно. Сначала ВЧК, МЧК и ВЦИК начали принимать меры против его отдельных членов. Без видимого отношения к ОПК арестовывались члены Общества. Кроме того, МЧК плела интригу, хотя и оказавшуюся безуспешной, против В.А. Плескова, чтобы дискредитировать наиболее выдающегося представителя политики активного нейтралитета ОПК и видного критика правительственной политики в отношении политических заключенных¹⁵⁷. Плескова удалось вытеснить из руководящих органов в январе 1922 г., после того, как ВЦИК сторнировал весь бюджет ОПК.

В начале 1922 г. образ действий ВЦИК коренным образом изменился. Теперь имело место усиление его внимания к контролю над общественными организациями, в общем и целом. Разрабатывались директивы, содержавшие целенаправленную регламентацию. Так, ГПУ (организация-преемник ВЧК) начало на основе решений ВЦИК и СНК от 12 июня и 3 августа 1922 г. уже в середине года регистрировать все существовавшие общества и профсоюзы и проверять их уставы и членов, а также их конкретную деятельность¹⁵⁸. Уже в июле 1922 г. ВЦИК внезапно прекратил финансовую поддержку настоятельно необходимых акций помощи голодающим, которые проводило ОПК.

Самый значительный *политический* знак размягчения терпимости аполитичных или нейтральных организаций с ориентацией, подобной ОПК, в конце 1921 – начале 1922 гг. поставила РКП(б), выделив в октябре 1921 г. Истпарт из структуры Народного комиссариата просвещения. Вместо этого Истпарт был включен в партийную структуру. Столь же значимо оказалось основание Общества старых большевиков в январе 1922 г. С этими процессами был отменен сохранявшийся до тех пор, по меньшей мере, для вида нейтралитет Истпарта, а в виде ОСБ основана организация ветеранов, ориентированная на партию. В 1923 г. также и Социалистическая академия, основанная в 1918 г., была переименована в Коммунистическую академию¹⁵⁹. С конца 1922 г. больше не было возможности для приема беспартийных в элитные Институты красной профессуры. Многие беспартийные студенты с небольшевистской, но социалистической направленностью, принятые в 1921–1922 гг., не имели больше права учиться¹⁶⁰.

Прямые политические трудности выросли для ОПК (и Политического Красного Креста) из критики подтвержденного в феврале 1922 г. высшим политическим органом РКП(б) продолжения политики блокирования по отношению к политическим заключенным и усечения их структур общения путем перевода в провинциальные тюрьмы. Тема гуманистического выступления в пользу заключенных испытала сильный толчок политизации. Это достигло высшей точки в характеристике, данной в августе 1922 г. Томским и Рудзутаком выступлению ОПК за политических заключенных как контрреволюционного и в их требовании закрыть Общество как не поддающееся реформированию.

Кроме того, волна арестов снова охватила весной 1923 г., затронув Мухина и Дубинского, также членов Общества, борющихся в высших органах ОПК за его аполитичный статус и за сохранение поддержки политических заключенных – без вмешательства Общества.

Под названием «Об антисоветских группах среди интеллигенции» начальник «Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции при СОУ ГПУ» Я.С. Агранов издал в июне 1922 г. документ, дававший в общей форме представление о том, как большевики связывали свое наступление против их социалистических политических конкурен-

тов с наступлением по отношению к неполитическим общественным организациям. В документе, направленном Дзержинскому и распространявшемся среди руководства партии, шла речь о «тревожном симптоме»: «рост числа независимых общественных союзов (научных, экономических, религиозных) и частных издательств, которые наряду с ВУЗами, ведомственными съездами, театром, кооперацией, трестами антисоветская интеллигенция в последнее время избрала главной ареной борьбы с властью». Борьба студентов и профессоров за автономию высшей школы есть замаскированная борьба против [Советской] власти. Вокруг частных издательств сгруппировались члены бывших буржуазных партий. Работа обществ, вроде «Пироговского» [организация врачей]¹⁶¹, способствует объединению антисоветской интеллигенции. Подобные тенденции можно заметить на Всесоюзных съездах врачей, земотделов и кооперативов. Агранов опасался, что таким образом контрреволюционеры смогут приблизиться к широкому массам. Вполне возможно, что эти группы разовьются в опасную силу¹⁶². Также летом 1922 г. ГПУ начало проверку и перерегистрацию всех негосударственных обществ и издательств¹⁶³.

Несмотря на изменившийся политический и административный климат, ОПК все же доказало на первых порах удивительную сопротивляемость по отношению к такому развитию событий. То же имело силу и касательно попыток членов Общества стать внутри него защитниками РКП(б). ОПК смогло до марта 1924 г. отразить давшие себя знать в начале 1922 г. стремления своих членов-коммунистов, т. е. представителей РКП(б) в Обществе, превратить его неполитический статус в одностороннюю лояльность советской власти посредством изменения Устава. Это стало возможным благодаря широкому консенсусу внутри ОПК. Так, в мае 1922 г. соответствующее изменение Устава провалилось не только в результате позиции большинства членов Общества на Общем собрании, но и из-за разобщенности и колебаний (между симпатией к беспартийности и ее неприятием) среди коммунистов – членов ОПК. Их письмо в адрес ЦК РКП(б) от июня 1922 г. обнаруживало в целом только умеренно замаскированную, малодушную поддержку ориентации на РКП(б). Дилемма расколотой лояльности (РКП(б) – ОПК) сохранилась даже, несмотря на угрозу закрытия Общества 6 сентября 1922 г. и продолжала существовать позже, когда в декабре 1923 г. числен-

ность Совета ОПК была увеличена, и произошло его пополнение другими членами РКП(б). В качестве компромиссного решения коренной вопрос партийности больше не затрагивался. Благоприятным для развития ситуации внутри Общества оказалось также то обстоятельство, что после сентября 1922 г. ЦК РКП(б), похоже, не связывал дальнейшее существование ОПК с изменением его Устава. Очевидно, гарантии, данные коммунистами-членами ОПК в их письме ЦК, были достаточны.

Хотя устои ОПК оставались до 1924 г. неприкосновенными, это должно характеризоваться как пиррова победа, ибо с 1922 по 1924 гг. имели место ползучие изменения, которые в долгосрочной перспективе должны были привести к формальному отказу от его неполитического статуса. Уже столкновения вокруг статуса, закончившиеся в мае 1922 г. перерегистрацией членов ОПК, которой добились коммунисты-члены Общества, привели к важным кадровым изменениям. Следовало заметить, что энергичные представители нейтралитета Андреев, а вместе с ним Веселовский¹⁶⁴ в конце апреля и начале мая 1922 г. вышли из высших органов Общества. В августе 1922 г. после протеста Крамарова в ЦК РКП(б) выступления в пользу политических заключенных и их родственников были окончательно прекращены. Кроме того, товарищ Залежский интерпретировал выступление Общества в защиту политических заключенных как политическое вмешательство. Наряду с этим среди представителей РКП(б), участвовавших в работе ОПК, постепенно формировались изменения во взглядах. В дополнение к этому в Общество все более интегрировались люди, которые в ходе внешнего политического давления хотели еще раз и формально зафиксировать возросшее значение коммунистов-членов ОПК¹⁶⁵. В марте 1924 г. на I Всесоюзном съезде ОПК Совету Общества была придана коммунистическая фракция с координационным бюро, возглавлявшаяся Виленским-Сибиряковым. Коммунистическая фракция взяла на себя руководство и в президиуме Центрального Совета. Она координировалась бюро коммунистической фракции Центрального Совета, но проводила и отдельные заседания с собственными протоколами. Только мало-помалу в издательстве ОПК и совместной редакции издательства и журнала «Каторга и ссылка» формировались собственные коммунистические фракции. То же касается и ревизионной комиссии, организационной и всех остальных комиссий ОПК, но не исторических секций и землячеств¹⁶⁶.

Также в марте 1924 г. Общее собрание как высший орган ОПК по принятию решений было лишено власти съездом делегатов (Всесоюзным съездом). В то же время из участия в съезде были исключены влиятельные члены Общества, например, Сандомирский, Плесков, Маслов и Старр. Далее, И.А. Теодоровича, игравшего роль точки кристаллизации для либеральных коммунистов и фигуры интеграции для многих беспартийных членов Общества, сместили с поста старосты, заменив его Рудзутаком и, соответственно, Виленским-Сибиряковым. Наконец, в Уставе была письменно зафиксирована лояльность к партии большевиков. Линия «мягкого» и разумного вовлечения социалистически и анархистски мыслящих лиц силами действовавших на заднем плане, готовых к компромиссам членов РКП(б), с формальным созданием коммунистической фракции уступала место институционализированному политическому контрольному органу внутри Общества, который, однако, не был упомянут ни в одном Уставе ОПК. Отныне этот орган по существу определял судьбы Общества. Представители среднего поколения участников революционного движения, располагавшие высоким уровнем образования и давшие себе беспартийный статус, больше не работали в руководящих органах. Это развитие сопровождалось действиями ЦК РКП(б), но не прямо продвигалось им. Партия не вмешивалась непосредственно, а осуществляла политическое давление и давала, таким образом, своим «агентам» в ОПК необходимую подстраховку. В качестве дополнительной меры ВЦИК еще раз существенно пополнил материальные привилегии, необходимые многим членам ОПК для выживания. Возросшее политическое давление привело и внутри РКП(б) к перемещениям, следствием которых стал отход бывшего покровителя ОПК Томского от Общества. Напротив, зафиксированное теперь первенствующее положение коммунистов резко осуждалось анархистами О. Таратутой, А. Степановой и А. Андреевым. ОПК выродилось с их точки зрения до «филиала партии», к которому они повернулись спиной. Теперь они вместе с перешедшими в ВКП(б), но все же критически настроенными ее членами Мухиным и Дубинским, подвергались все более жестким репрессиям.

Надежды ОПК не оправдались в 1924 г. по четырем пунктам. Обществу не удалось превратиться в ангела-хранителя политических заключенных в советских тюрьмах. Кроме того, не допустили *равноправного* сотрудничества бывших политкаторжан и ссыльных в одной организации. В связи с этим провалились и усилия

по обретению ОПК беспартийного характера. Не в последнюю очередь формально потерпела крушение и надежда на свободную от господства дискуссии о революционном прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Список членов ОПК // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 37–43.

² Применение списка членов 1927 г. в качестве ориентировочного показателя имеет преимущество, заключающееся в том, что в расчеты включаются выходы членов Общества, вызванные не только перерегистрацией как таковой, но и явившиеся выражением протеста против резких изменений структуры и Устава (см. ниже).

³ Из 177 членов Общества в 1927 г. отсутствовали 54. Показатель смертности нельзя было учесть из-за недостатка данных, но он и не мог сильно повлиять на результат при среднем возрасте в 41 год. Пригодных данных из организационной комиссии, тесно связанной с комиссией по перерегистрации, регулировавшей прием и отклонение новых членов, не было, так как за период с 16 мая 1922 по 26 февраля 1923 гг. можно было зарегистрировать пропуск в протоколах на протяжении восьми месяцев. (Ср. ниже Л. 26–28). До тех пор организационное бюро заседало почти ежемесячно, отчасти даже несколько раз в месяц. С 26 февраля организационное бюро снова заседало по меньшей мере один раз в месяц (ср. Л. 29). Протоколы заседаний Оргкомиссии при Совете. 26.5.1921–22.12.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 1–220. Данные по изменению членского состава в указанный период в книге *Виленский-Сибиряков В.* Политкаторжане. Каторга и ссылка в русской революции. – М., 1925. С. 18 также не являются показательными для данного случая и свидетельствуют скорее о том, что радикальные изменения 1922 г. были завуалированы. То же касается информации в: Статистические данные о составе // КиС (1923) № 5. С. 265–271. Список членов, опубликованный в 1924 г. в «Каторге и ссылке», неполон. Он охватывает только буквы А–Г. Ср. Список действительных членов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // КиС (1924) № 11. С. 313–318; КиС (1924) № 12. С. 353–364; КиС (1924) № 13. С. 274–284.

⁴ Общее собрание ОПК [от 2.12. 1922] // КиС. 1 (1923) № 4. С. 272–273.

⁵ К тому же Плесков потерял в 1923 г. свою работу в редколлегии «Каторги и ссылки». Доказать его штатную работу впоследствии не удалось. Правда, он продолжал заниматься журналистикой и опубликовал многочисленные литературные работы, а также книгу под названием «В годы боевой юности». Ср. *Плесков.* Атобиография (1935) – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1560. Л. 111.

⁶ Ср. Андреев Андрей Николаевич (1882) [личное дело]. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 1–28. Андреев жил до 60-х годов.

⁷ Работа Андреева в Совете Общества подтверждается до конца апреля 1922 г. Ср. Протокол 30 заседания совета ОПК в Москве от 20.4.1922. –

ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 47. Кроме того, он не упомянут в списке членов 1927 г.

⁸ Кроме членов Президиума, были избраны: А.А. Биценко, М.А. Брагинский, Б.А. Бреслав, В.М. Боброва-Тарасова (бывшая эсерка, беспартийная), Ф.К. Врублевский (ППС-левица, РКП(б)), Н.А. Головина [-Юргенсон] (бывшая анархистка, эсерка, теперь «благожелательная коммунистка»), Р.А.[Ашкинази-]Грюнштейн, П.Н. Львов (РСДРП(б), РКП(б)), М.С. Николаев (РСДРП(б), РКП(б)), С.С. Пестковский (РКП(б)), Ф.М. Пушкив[-Безродный] (бывший социалист-максималист, РКП(б)), М.П. Сажин, А.П. Станчинский (РСДРП(м), РКП(б)), А.И. Скобенников (РСДРП(б), РКП(б)), А.А. Трояновский (РСДРП(б), РКП(б)), М.Ф. Фроленко (народник, ср., в частности, *Виленский-Сибиряков* (1925) С. 18; Из деятельности. Общее собрание [от 2.12. 1922] // КиС. 4 (1923). С. 272–273

⁹ Ср. также: Общее собрание // КиС. 5 (1923). С. 17–18.

¹⁰ Ср. Документальное приложение, документ 4.

¹¹ Протокол 1 заседания Фракции РКП ОПК от 21.1.1924 г. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 1–2.

¹² В 1921–1922 гг. Е.М. Ярославский (1878–1943) был секретарем ЦК РКП(б), в 1923–1934 гг. членом Президиума и секретарем ЦКК. В 1919–1921 гг. он был кандидатом в члены, затем в 1921–1923 членом ЦК.

¹³ В качестве членов фракции присутствовали: Виленский-Сибиряков (председатель), Корочкин, Бреслав, Крамаров, Львов, Скобенников, Брагинский, И.Я. Коротков (бывший эсер, теперь член РКП(б)), Грюнштейн (Секретарь) и Врублевский. Участвовали также [А.В. или К.И.] Трофимов (РСДРП, РКП(б)) и Гудки-Портненко. Ср. Протокол 2 заседания Фракции РКП(б) и Совета ОПК от 3.2.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 3–4.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. С. 3 об.

¹⁸ Краткий обзор деятельности // КиС. 2 (1921) № 2. С. 96. См. об этом также главу I.1. «Структура руководства».

¹⁹ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 58 и сл.

²⁰ Устав ОПК был дополнен таким образом, что Общество превращалось теперь во Всероссийское объединение и могло основывать филиалы по всей республике (Устав, § 1, абзац 2) Ср. Циркулярное письмо. Всем бывшим политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам // Историко-революционный бюллетень. 1922, № 1. С. 36. Наконец, на первом Всероссийском съезде 12 марта 1924 г. Общество было преобразовано во Всесоюзную организацию. Ср. Устав Всесоюзного ОПК // КиС. 5 (1924) № 12. С. 345.

²¹ Численность членов составляла в это время (1922 г.) 272 человека. Ср. Статистические данные о составе ОПК // КиС (1923) № 5. С. 266–267.

²² После Общего собрания 3 декабря 1922 г. следующее состоялось почти через год. Ср. Общее собрание ОПК [от 14.10.1923] // КиС. 8 (1924) № 1. С. 283–285.

²³ См. об этом примечание, сделанное Бреславом на 2-м заседании коммунистической фракции (в главе III.1 ««Большевизация» ОПК» настоящей

работы. Ср. также Протокол 2 заседания Фракции РКП (3.2.1924). – ГАРФ. Л. 3.

²⁴ Общее собрание ОПК [от 14.10.1923] // КиС. 8 (1924) № 1. С. 285.

²⁵ По окончании проведенного наконец Всесоюзного съезда Общество получило официальное название «Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев». Ср. Устав Всесоюзного ОПК // КиС. 12 (1924) 5. С. 345–351.

²⁶ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Политкаторжане. Каторга и ссылка в русской революции. – М., 1925. С. 19–20.

²⁷ Протокол 6а заседания Фракции РКП ОПК от 9.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 11.

²⁸ Протокол 6а заседания Фракции РКП (9.3.1924). – ГАРФ. Л. 11.

²⁹ Ср. Общее собрание Московской организации ОПК [10.3.1924] // КиС. 10 (1924) 3. С. 310–312.

³⁰ Протокол 7 заседания Фракции РКП ОПК от 12.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 13–13об.

³¹ Даже регламент выступавших еще определялся коммунистической фракцией.

³² Протокол 8 заседания Фракции РКП 1-ого Всесоюзного съезда ОПК от 13.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 14–14об. Правда, подсчет протоколов просто продолжался.

³³ Всесоюзное совещание политкаторжан [12.4. – 15.4.1924] // КиС. 10 (1924) 3. С. 301–309. Все филиалы вместе, включая московскую основную организацию, имели на съезде по одному голосу на 10 членов каждый. В соответствии с этим москвичи имели 45 голосов, Харьков 6, Крым 4, Одесса 3, Ленинград 5, Киев 5, Нижний Новгород 2, Екатеринослав 3, Ставрополь 1, Минск 2, Тифлис 3, Чита 3, Иркутск 1. Ср. *Виленский-Сибиряков*. Указ. соч. С. 19–20.

³⁴ *Виленский-Сибиряков*. Указ соч. С. 22.

³⁵ Протокол 9 заседания Фракции РКП 1-ого Всесоюзного съезда ОПК от 14.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 17–17об. В Центральный Совет входили также 2 представителя и один кандидат из Тбилиси, 3 члена и 3 кандидата из Украины, 1 член из Екатеринослава, 2 члена и один кандидат из Ленинграда, 2 члена и кандидат из Крыма и 2 члена и один из Читы. Там же. Л. 18.

³⁶ В соответствии со списком в новый Центральный Совет ОПК вошли: 1. Рудзук, 2. Теодорович, 3. Виленский-Сибиряков, 4. Шебалин, 5. Якимова-Диковская, 6. Фроленко, 7. Бреслав, 8. Корочкин, 9. Грюнштейн, 10. Брагинский, 11. Скобенников, 12. Пестковский, 13. Часовенный, 14. Кучанов, 15. Биценко, 16. Гольденберг, 17. Львов, 18. Врублевский, 19. Новорусский, 20. Ионов, 21. Бегге, 22. Ганенко (Украинский филиал), 23. Ушеревич, 24. Глебов, 25. Оввян, 26. Волькинд, 27. Макстенек, 28. Люкс, 29. Окушвили, 30. Джаиани, 31. Головина, 32. Гейцман, 33. Темкин, 34. [неразборчиво]/Екатеринослав, 35. Баум. Кандидаты 1. Никифоров, 2. Рейнштейн, 3. Гершкович, 4. Боброва-Тарасова, 5. Старр, 6. Брамсон, 7. Трифионов, 8. Рухадзе, 9. Белкин, 10. Волковский, 11. Мартыновский, 12. Верман. В ревизионную комиссию были избраны: 1. Крамаров, 2. Борьян, 3. Владимирский, 4. Во-

лынский, 5. Усенко, 6. Бычков. Кандидаты 1. Коротков, 2. Студзинский, 3. Пигит, 4. Филипченко. Ср. Протокол 3 (51) Пленарного заседания Всесоюзного Совещания ОПК от 15.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 87. В Президиум Центрального Совета были избраны: 1. Рудзутак (единодушно избран «старостой»), 2. Виленский-Сибиряков (заместитель «старосты»), 3. Пестковский (2-й заместитель «старосты»), 4. Бреслав (секретарь), 5. Шебакин (казначей), 6. Брагинский, 7. Якимова-Диковская, 8. Грюнштейн, 9. Корочкин, 10. Фроленко, 11. Ионов (Ленинград). В организационную комиссию: 1. Корочкин (председатель), 2. Грюнштейн (секретарь), 3. Скобенников, 4. Гольденберг, 5. Гершкович, 6. Шебакин. В комиссию по делам ветеранов: 1. Шебакин (председатель), 2. Брагинский (секретарь), 3. Якимова-Диковская, 4. Бищенко, 5. Баум, 6. Старр, 7. Фроленко. В литературную и историческую комиссию: 1. Виленский-Сибиряков (ответственный редактор), 2. Крамаров, 3. Феликс Кон, 4. Фроленко, 5. Головина, 6. Дейч, 7. Ионов, 8. Ковальская. Заместителем редактора стала Пигит. Делегированы для работы в МОПР: 1. Пестковский, 2. Крамаров, 3. Темкин, 4. Врублевский, 5. Рейнштейн, 6. Бреслав. В бюджетную комиссию: 1. Скобенников, 2. Часовенный, 3. Кучанов, 4. Никифоров, 5. Гейцман, 6. Старр, 7. Боброва-Тарасова, 8. Врублевский, 9. Трифионов, 10. Темкин, 11. Ульянинский, 12. Львов, 13. Волькинд. Агитационная комиссия: 1. Бреслав, 2. Грюнштейн, 4. Гейцман, 5. Пестковский. Протокол 52 Пленарного заседания Всесоюзного Совещания ОПК от 16.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 89. См. также: Всесоюзное совещание политкаторжан [12.4. – 15.4.1924] // КиС. 10 (1924) 3. С. 301–309.

³⁷ Протокол 10 заседания Фракции РКП 1-ого Всесоюзного съезда ОПК от 15.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 19–20об.

³⁸ *Виленский-Сибиряков* (1925). С. 20.

³⁹ Оввян был руководящим членом Симферопольского (Украина) филиала. Фроленко и Новорусский прибыли из Ленинграда, Шер из Украины, Глебов из Одессы (Украина), а Берман из Киева (Украина).

⁴⁰ Здесь было покончено с тактикой Крамарова, заключавшейся в том, чтобы в Тифлисе активно выступать за основание собственного филиала. Хотя, например, украинские филиалы были существенно активнее и многочисленнее, их влияние в Президиуме и Центральном Совете было меньше по сравнению с Тифлисом.

⁴¹ Ср. предыдущие замечания по поводу персонального состава органов.

⁴² Протокол 9/ 23 Общего Собрания Фракции ВКП(б) Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 6.12.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 58.

⁴³ Ср. в качестве примера Протокол 18/ 32 Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 30.12.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 123–123об. Ликвидация демократических структур началась и в партии большевиков. Уже в 1923 г. система выборов секретарей партийных организаций была отменена в результате предварительных выборов кандидатов, а этими выборами управляли руководящие органы партии. Ср. *Никитин В.В.* Указ. соч. С. 43, 65.

⁴⁴ Формально она была приравнена к Президиуму Центрального Совета. Фактически же функции Общего собрания оставались нечеткими. Ср. Устав Всесоюзного ОПК. С изменениями и дополнениями IV съездом. – Резолю-

ции и постановления IV Всесоюзного съезда О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 15. – 20.4. 1931 // КиС. 79 (1931) № 6, приложение. С. 28–33.

⁴⁵ Протокол 10 / 24 Общего Собрания членов Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 20.11.1924 г. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 49–49об. В собрании участвовали 218 членов Общества. Темой была работа МОПР. См. также Общее собрание Московского филиала от 13 декабря 1925 г. Ср. *Плесков В.* Вглубь и вширь. На общем собрании Московского Отделения [Всесоюзного ОПК] от 13.12. [1925] // Из жизни и деятельности ОПК. 1925, № 8. С. 31–32.

⁴⁶ Протокол заседания коммунистической фракции при ЦС ОПК от 4.3.1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 28.

⁴⁷ Протокол 59 Пленарного заседания Всесоюзного Совещания ОПК от 20. – 22. 11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 91.

⁴⁸ По поводу структуры ОПК ср. также схему на С. 154.

⁴⁹ Устав Всесоюзного ОПК. С изменениями и дополнениями IV съездом. – Резолюции и постановления IV Всесоюзного съезда О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 15. – 20.4. 1931 – С. 28–33 // КиС. 79 (1931) С. 6. *Beilage*. С. 28–33.

⁵⁰ Первое заседание ЦС ОПК от 16.3.1924 // КиС. 10 (1924) № 3. С. 310.

⁵¹ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 60.

⁵² Там же.

⁵³ Протокол 2 заседания фракции РКП(б) Московского Отделения ОПК от 8.4.1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 46; Протокол 10 заседания Бюро Фракции РКП(б) при ЦС ОПК от 13.4.1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 50–52об.

⁵⁴ По поводу структуры, функции и места землячеств в ОПК ср. следующую главу IV «УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.)». Отнесение событий к 1928 г. имеет место в главе VI «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)».

⁵⁵ *Назаров С.И.* во фракцию ЦС [написано между 8 и 13.4.1928]. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 51.

⁵⁶ Там же. Л. 51об.

⁵⁷ Это произошло после оправдательного письма Назарова в ответ на обвинения со стороны Корочкина. Ср. *Назаров С.И.* в фракцию ЦС ОПК [написано между 8 и 13.4.1928]. – ГАРФ. Л. 51–51об.

⁵⁸ Протокол 10 заседания бюро фракции РКП(б) при ЦС (13.4.1928). – ГАРФ. Л. 50.

⁵⁹ Там же. Не без (позднего) удовлетворения Теодорович указывает также и на то, что он только что был приглашен в «старостат» ОПК. О возникновении, составе и функции «старостата» ср. гл. IX.2. «Меры» настоящей работы.

⁶⁰ Протокол 10 заседания бюро Фракции РКП(б) при ЦС (13.4.1928). – ГАРФ. Л. 50об.

⁶¹ Там же.

⁶² 26 августа 1921 г. Совет Общества назначил Теодоровича «старостой» ОПК. Ср. Протокол 13 заседания Совета ОПК от 26.8.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 27

⁶³ Как официальную причину своей оставки Теодорович привел состоянии здоровья. Ср. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь. – М., 1989. С. 716.

⁶⁴ *Казарян Р.Л.* Олекминская политическая ссылка 1826–1917 гг. – Якутск, 1996. С. 325–327; *Wehner M.* Op. cit. С. 121, 151, 401–402.

⁶⁵ Эти политически мотивированные обвинения появлялись в 1924, 1925, а в еще большем объеме в 1927 гг. Ср. *Wehner M.* Op. cit. С. 94, 102, 238, 241–42, 324.

⁶⁶ Маркус Венер доказывает данное положение благодаря тому, что наркомзем со смещением так называемых троцкистов Г.Я. Сокольников и Л. Каменева потерял самых важных защитников в Политбюро, обладавших наибольшими возможностями реализации своих целей. *Wehner.* Op. cit. С. 282–283, 331, 363–64.

⁶⁷ *Ibid.* С. 363–64, 377. До середины 1931 г. Теодорович еще занимал пост Генерального секретаря Крестинтерна. Правда, эта функция не имела политического значения. *Wehner.* Op. cit. S. 375.

⁶⁸ Стенограмма заседания комфракции ОПК от 20. 11.1930. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 211.

⁶⁹ Ср. предшествующую главу II «УГРОЗА ЗАКРЫТИЯ (1922 г.)».

⁷⁰ Ср. Протоколы заседаний коммунистической фракции в начале 1924 г.

⁷¹ Протокол 7 заседания Фракции РКП ОПК от 12.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л.13–13об.

⁷² В данной работе тактика, избранная Теодоровичем в 1928 г. – свести причину своей оставки с поста старосты к личной интриге Крамарова против него (ср. Протокол 10 заседания бюро Фракции РКП(б) при ЦС (13.4.1928) Л. 50 об), может быть в такой мере воспринята всерьез, в какой Теодорович применял эту же тактику и в 1924 г. В пользу этого снова говорит его аргументация, документированная в протоколах заседаний коммунистической фракции начала 1924 г.

⁷³ Протокол 3 заседания Фракции РКП ОПК от 10.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 5.

⁷⁴ Протокол 59 Пленума Совета ОПК г. Москва ОПК от 20. – 22. 11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 91–106.

⁷⁵ Протокол 16/ 30 заседания Фракции РКП(б) 2-го Всесоюзного съезда ОПК от 29.12.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 107. На том же заседании он даже был снова предложен 6 голосами во фракции на пост старосты. Рудзутак получил 14, а Ем. Ярославский, в конце концов занявший этот пост – 13 голосов. Ср. там же. По поводу активного участия Теодоровича с 1928 г. ср. Протокол заседания коммунистической фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 28.12.1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 100; См. также главу VI «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)».

⁷⁶ Протокол 7 заседания Фракции РКП (12.3.1924) – ГАРФ. Л. 13–13об.

⁷⁷ Протокол 8 заседания Фракции РКП 1-ого Всесоюзного съезда (1924) – ГАРФ. Л. 14об.

⁷⁸ Протокол 11 заседания Фракции РКП ОПК от 7.4.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 21об.

⁷⁹ Протокол 49 заседания Совета ОПК от 10.2.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 79.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Протокол 11 заседания фракции РКП (1924) Л. 21.

⁸² Плесков участвовал в съезде в качестве делегата. Ср. Плесков В.А. Моя автобиография от 4.2. 1932. С. 20. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1560. Л. 16–23.

⁸³ Протокол 9 / 23 Общего Собрания Фракции ВКП(б) Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 6.12.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 60.

⁸⁴ Письмо подписали 30 человек. Ср. Письмо во Фракцию коммунистов ОПК [от 29.12.1925]. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 94–94об. Письмо, Первоначально недатированное, было датировано 29.12.1925, т. к. оно находилось в протоколах коммунистической фракции на Всесоюзном съезде 29.12.1925. Ср. Протокол 16/ 30 и Протокол 17 / 31 заседания Фракции РКП(б) 2-го Всесоюзного съезда ОПК от 29.12.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 88–108.

⁸⁵ А.Н. Андреев (Чернов) (1882–1962). Участвовал в 1902–1905 гг. в Киеве и Иваново-Вознесенске в деятельности РСДРП. В 1906–1907 гг. в Севастополе и Санкт-Петербурге член партии эсеров. В 1907–1908 гг. был членом анархистской боевой организации «Свобода внутри нас». За революционную деятельность был приговорен к смертной казни (побег, вооруженное сопротивление). Приговор был заменен каторжными работами. Андреев провел в тюрьме 10 лет до амнистии в марте 1917 г. Подробная биография с указанием источников, касающихся Андреева, см. *Талевская С. Андрей Андреев. Биография.* 15.7.1929. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 23–25об.; *Быковский С.* Указ. соч. С. 103.

⁸⁶ Ср. Документальное приложение, документ 6.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Ср. глава I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)».

⁸⁹ По поводу процесса ср. глава II.3.2 «Процесс против эсеров».

⁹⁰ Ср. Документальное приложение, документ 6.

⁹¹ Там же.

⁹² См. также: *Талевская С.* Указ. соч. – ГАРФ. Л. 25.

⁹³ *Андреев А.Н.* Неонигилизм. – М., 1922; *Андреев А.Н.* «Се человек». О Христе и его учении. – М., 1918; *Талевская.* Указ. соч. – ГАРФ. Л. 23–25об.

⁹⁴ С. Талевская. Указ. соч. – ГАРФ. Л. 25. Ср. также перепечатку оценки – *Быковский С.* Указ. соч. С. 92; Незапечатленный труд. Из архива В.Н. Фигнер / Публикация Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева // *Звенья.* выпуск 2. – М.–СПб., 1992. С. 480–481.

⁹⁵ О.И. Таратута (1876–1938). Ее первым мужем был анархист А.Г. Таратута. С 1897 г. участница революционного движения в Одессе и на Юге России. Участие в многочисленных террористических актах. В 1906 г. приговорена к 17 годам каторжных работ. В 1909 г. получила дополнительные четыре года за побег из тюрьмы в Одессе и членство в «Международной боевой организации анархистов-коммунистов». До амнистии в марте 1917 г. провела 14 лет в тюрьме. А.И. Степанова-Галаева (1885–1925). Член группы анархистов-коммунистов в Екатеринославе. В 1908 г. арестована и в 1911 г.

приговорена к четырем годам каторжных работ. Провела 7 лет в тюрьме. В феврале 1917 г. освобождена. Ср. *Быковский С.* Указ. соч. С. 103.

⁹⁶ *Таратута О., Степанова А.* Общему собранию Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев // *Анархисты. Документы и материалы 1917–1935 гг.* Том 2. – М., 1999. С. 469–470. Так как выход из Общества означал потерю пенсии, а Степанова была тяжело больна туберкулезом, секретариат ОПК обратился в связи с этой проблемой в «наркомат и просил, напротив, даже повысить ей пенсию. Степанова умерла в октябре 1925 г. Таратута полностью отказалась от всякой пенсии и в начале 30-х годов оказалась в крайне трудной финансовой ситуации, так как она по состоянию здоровья и по возрасту больше не могла работать. Ср. *Быковский С.* Указ. соч. С. 90.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Г.Б. Сандомирский (1882–1938). Подробную биографию см.: *Быковский С.* Указ. соч. С. 97, 106–107.

⁹⁹ Материалы Генуэзской конференции. Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка / Сост. Сандомирский Г.Б. – М., 1922.

¹⁰⁰ К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции // *Анархический вестник.* 1923, № 1. С. 61, 69–72.

¹⁰¹ Поводом Сандомирскому послужило, вероятно, «последнее слово» анархиста Моченовского (сотрудника газеты «Безвластие») на процессе против петроградских эсеров в середине декабря 1922 г., которое сразу же обрело международную известность. Ср. Последнее слово анархиста Моченовского на суде 17.12. 1922 // *Анархический вестник (1923)* 2. С. 57.

¹⁰² *Сандомирский Г.* Письмо анархиста Г. Сандомирского в ЦК РКП(б) о репрессиях против русских анархистов от 4.1.1923. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 644. Л. 1–7; По поводу волны арестов 1922–1923 гг. ср. Карелин [А.А.] ЦК РКП. Москва от 26.2. 1923. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 546. Л. 1–1об; *Павлов Д.Б.* Указ. соч. С. 68, 87 и сл. По поводу анархистских учреждений в 1923 г. ср. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 535. Л. 278.

¹⁰³ *Сандомирский Г.* Письмо анархиста Г. Сандомирского в ЦК РКП(б) о репрессиях против русских анархистов от 4.1.1923. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 644. Л. 6.

¹⁰⁴ Там же. Л. 2, 7.

¹⁰⁵ Позиция Сандомирского проявляется также в следующем примере: в 1924 г., после смерти Ленина, он, подобно Новомирскому, публично выступил в печати за отказ от анархизма. Но в то же время с 1923 по 1926 гг. он оставался членом анархистской секции музея Кропоткина в Москве. 10 мая 1925 г. он подписал публичное заявление протеста членов секции, жаловавшейся на то, что руководство музея (В.Н. Фигнер и С.Ф. Кропоткина) запретило пропаганду анархистских идей в помещениях музея. Ср. *Быковский.* Указ. соч. С. 97.

¹⁰⁶ *Сандомирский Г.* Письмо анархиста Г. Сандомирского в ЦК РКП(б) о репрессиях против русских анархистов от 4.1.1923. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 644. Л. 7; *Павлов.* Указ. соч. С. 73.

¹⁰⁷ Сандомирский, Г.Б. в Президиум ЦС ОПК от 25.11.1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 11. Л. 35–37.

¹⁰⁸ ОГПУ в ЦКК тов. Лихачеву от 28. 9.1931. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 3. Л. 165.

¹⁰⁹ *Быковский С.* Указ. соч. С. 98, 107.

¹¹⁰ Протокол 10 / 24 Общего Собрания членов Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 30.11.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 49–49об. То же касается Виленского-Сибирякова, ср. Протокол 9 / 23 Общего Собрания фракции ВКП(б) Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 6.12.192. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189, лл. 58об.

¹¹¹ Протокол 59 Пленума совета Всесоюзного ОПК г. Москва от 20–22. 11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 104об.–105об., 106–106об; Общество политкаторжан – эстонским революционерам // КиС (1924) № 14. С. 287–288

¹¹² Там же. Л. 94об; См. также мнение М. Симановича на заседании коммунистической фракции. Протокол 12 заседания Общего Собрания Фракции РКП Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 2.11.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 24об.

¹¹³ Статистические данные о составе ОПК // КиС. 5 (1923) С. 265; Общее собрание // КиС. 5 (1923). С. 272. Провести различие между подтвержденными в Обществе и его вновь принятыми членами невозможно.

¹¹⁴ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Указ. соч. С. 18; Статистические данные... С. 265; Список членов ОПК // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 37–42.

¹¹⁵ Рассчитано на основании распределения голосов на Всесоюзном съезде, состоявшемся в марте 1924 г.

¹¹⁶ Состав ОПК на 20.8. 1925 // Из жизни и деятельности ОПК. С. 46.

¹¹⁷ Развитие численности членов в 1921–1934 гг. выглядит следующим образом: 1921 (177), 1922 (272), 1923 (433), 1924 (664), 1925 (1620), 1926 (1786), 1927 (2124), 1928 (2381), 1929 (2520), 1930 (2632), 1931 (2759), 1932 (2846), 1933 (2870), 1934 (2890) (см. диаграмму). Ср. *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 41. На 1935 г. данные отсутствуют.

¹¹⁸ Нижеследующая статистика основывается на данных из статьи: *Черкунов А.* Общество политкаторжан в цифрах // Приложение к КиС, 1925, № 9. С. 13–19; [*Черкунов А.*] Кадры русской революции // *Виленский-Сибиряков В.Д.* Политкаторжане. КиС в русской революции. – М., 1925. С. 31–45; *Пигит А.* Общество политкаторжан в цифрах // Десять лет. С. 129–141.

¹¹⁹ Возрастная структура ЦК партии эсеров составляла в 1917 г. в среднем 47 лет. Ср. ППР, приложение 6. С. 768–771. Списки членов ОПК свидетельствуют, кроме того, что в ОПК только в виде исключения принимались лица, занимавшие руководящие посты в конкурировавших социалистических партиях или анархистских группировках.

¹²⁰ Из членов ЦК партии эсеров 56 имели высшее, 7 среднее и 4 начальное образование. О более чем 7 чел. данных нет. ППР, приложение 6. С. 768–771. В руководящих органах и ЦК российских социал-демократов (1898–1910) 40 их членов имели высшее, 3 среднее образование. О 6 чел. данных нет. 36 членов Организационного комитета меньшевиков и Объединенного ЦК РСДРП (1912–1918) имели высшее, 4 среднее и 3 начальное образование. О 21 чел. данных нет. Ср. ППР, приложение 6 и приложение 7. С. 768–779.

¹²¹ Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, М.1934; *Твардовская В.А.* Б.П. Козьмин. Историк и современность. – М., 2003. С. 93.

¹²² На основе предположения о том, что (не считая исключений) только большевики могли осуществлять партийную работу. В большевистском ЦК РСДРП, в большевистском центре м в ЦК РСДРП(б) (1903–1918) у 38 человек было высшее, у 13 среднее и у 4 начальное образование. О 7 чел. данных нет. Ср. ППР, приложение 7. С. 774–776.

¹²³ Празднование 6-й годовщины освобождения из тюрем // КиС. 1923, № 6. С. 325.

¹²⁴ Так называемые персональные пенсии распределялись в дальнейшем также специальной комиссией Наркомсобеса. В этой комиссии были, правда, и представители комиссии по делам ветеранов ОПК. Из украинского филиала это был Ганенко, из московского – Старр. Ср. *Старр Л.* Работа ветеранской комиссии. – Из жизни и деятельности ОПК. Приложение к № 7 «Каторги и ссылки» для членов ОПК. – М., 1925. С. 23–25.

¹²⁵ Комиссия: М. Шебалин (председатель), А.В. Якимова-Диковская, М.А. Брагинский, П.Н. Маслов, С.М. Темкин, С.С. Пестковский, Л.А. Старр, Я.Д. Баум (секретарь). Ср. В Комиссии [ОПК] помощи ветеранам революции // КиС. 1923, № 6. С. 326–327.

¹²⁶ Для сравнения сумма членского взноса составляла с сентября 1922 г. один золотой рубль (1 золотой рубль = 2 млн руб.) в месяц. Ср. Протокол 60 заседания Президиума Совета ОПК от 5.9. 1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 67.

¹²⁷ Протокол 59 Пленума Совета ОПК г. Москва ОПК от 20. – 22. 11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 95об-96.

¹²⁸ Сведения о ветеранской комиссии к заседанию Совета 30.8.1923 года // КиС. 7 (1923) С. 302–304.

¹²⁹ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 61.

¹³⁰ В Комиссии (1923). С. 327.

¹³¹ *Курбатов Ю.А.*: Общество политкаторжан и безработица. Из записной книжки историка. – Проблемы философии, истории, культуры. Саратов, 1993. С. 70; *Ратнер А.В.* Указ. соч., С. 62.

¹³² Общее собрание ОПК [от 14.10. 1923]. – КиС 8 (1924) 1. С. 285; Протокол заседания Пленума Центрального Совета Всесоюзного ОПК от 17–20.10.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 137.

¹³³ Общее собрание ОПК [от 14.10. 1923] // КиС. 8 (1924) 1. С. 285.

¹³⁴ Записка ВЧК В.М. Молотову в ЦК РКП(б) от 14.1.1922. – *Павлов Д.Б.* Указ. соч. С. 198–200.

¹³⁵ Крымский и киевский филиалы поставили в центр внимания вопрос о финансовой помощи безработным членам Общества. Ср. Заседание Оргкомиссии при Совете ОПК от 5. 2. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 65.

¹³⁶ Протокол 49 заседания Совета ОПК от 10.2.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 79. 30.01

¹³⁷ *Злобина Г.* Чтобы помнили. Краткий исторический очерк дачно-строительного кооператива «Клязьма». – Клязьма, 1998.

¹³⁸ Протокол заседания Пленума ЦС Всесоюзного ОПК от 17. – 20.10.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 137.

¹³⁹ Курбатов Ю.А. (1993) С. 71–72; Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1–6 / Сост. Головкова Л.А., Любимова К.Ф. и др. – М., 1997–2002. (Здесь при изложении биографий жертв в качестве рабочего места членов Общества приведены кооперативы ОПК).

¹⁴⁰ Бюро по трудоустройству не имело прямого воздействия только на кадровую политику подчиненной Обществу ватной фабрики, управлявшейся руководящим органом в соответствии со специальным уставом. Ср. *Патнер А.В.* Указ. соч., С. 62.

¹⁴¹ А.Ч. «Волокита» или осторожность? Кого или как принимают в ОПК // Из жизни и деятельности ОПК. Приложение к КиС, 1925, № 7. С. 20.

¹⁴² Курбатов Ю.А. Указ. соч. С. 73.

¹⁴³ Именно филиалы ОПК должны были защищаться от этого упрека. Ср. Заседание Пленума Совета ОПК г. Москва от 20. – 22. 11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 103, 103об., 104об.; См. также критику в коммунистической фракции со стороны Ю. Гавена и А.И. Скобеникова: Протокол 12 заседания Общего Собрания фракции РКП Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 2.11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 24об.

¹⁴⁴ Речь шла о «чуждых элементах», чувствовавших себя притянутыми привилегиями как чем-то магическим и с помощью фальсифицированных биографий получивших доступ к Обществу. Ср. А.Ч. Указ. соч. С. 19–23.

¹⁴⁵ Протокол 9/ 23 Общего Собрания фракции ВКП(б) Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 6.12.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 58об.

¹⁴⁶ Протоколы заседаний IV Пленума ЦС ОПК от 29. – 31.12.1927. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 289–300об.

¹⁴⁷ Там же. С. 20; Протокол 59 Пленума Совета Всесоюзного ОПК г. Москва от 20. – 22. 11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 96–96об. При просмотре следующего протокола бросается в глаза множество мелких и более крупных привилегий. Ср. Протокол заседания Пленума ЦС Всесоюзного ОПК от 17. – 20.10.1925. Л. 136–148об.

¹⁴⁸ Борьба за жилище // Из жизни и деятельности ОПК. Приложение к КиС, 8 (1925) С. 24–25.

¹⁴⁹ Устав ОПК. Утвержден общим собранием 21.3.1921 // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 37.

¹⁵⁰ При просмотре материалов заседаний различных органов ОПК учитывалась возможность появления таких средств. Можно, правда, исходить из того, что, применительно к сельскохозяйственным предприятиям, принадлежавшим Обществу, речь шла о предприятиях на дотации или о том, что экономическая деятельность ОПК еще не играла никакой роли. Ср. протокол 69 заседания Президиума Совета ОПК от 9.10.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Относительно 1924 г. доказано, что предприятия не приносили прибыли, а, напротив, претендовали на финансовые средства. Именно совхозы «Хорошевка» и «Михайловское» под Москвой оставались убыточными. Ср. Протокол 59 Пленума Совета Всесоюзного ОПК г. Москва от 20. – 22. 11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 93об. (совхозы). Л. 97 (предприятия). Только в 1925 г. предприятия внесли в бюджет Общества 1%

(в 1927 г. 6%). Ср. Протокол заседания IV Пленума ЦС ОПК от 29. – 31.12.1927. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 275.

¹⁵¹ О том, какова была величина отдельных ассигнований, ср. главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)». Какую роль играла общественная работа, установить не удалось, но она могла бы иметь определенное значение.

¹⁵² Празднование 6-й годовщины освобождения из тюрем // КиС. 6 (1923). С. 325.

¹⁵³ Протокол 17 заседания Бюро Фракции РКП ОПК от 8.4. 1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 34.

¹⁵⁴ Протокол 12 заседания Общего Собрания Фракции РКП Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 2.11. 1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 24.

¹⁵⁵ По сравнению с общим бюджетом расходы по содержанию персонала были сокращены в 1925 г. на 11%. Ср. Протокол заседания IV Пленума ЦС ОПК от 29. – 31.12.1927. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 275.

¹⁵⁶ Это очень ранний пример целенаправленного применения привилегий. Более поздние примеры приведены в книге: *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. – М., 1999.

¹⁵⁷ Формально за политических заключенных были ответственны МЧК, ВЧК и ВЦИК.

¹⁵⁸ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 12.6. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний о регистрации этих организаций» и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3.8.1922 «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними». 10 августа 1922 г. еще раз вышло дополнение к обоим постановлениям. Ср. *Ильина И.Н.* Указ. соч. С. 49, 61.

¹⁵⁹ Vgl. Beyrau D. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985.* – Göttingen, 1993. С. 41.

¹⁶⁰ Vgl. Behrendt L.-D. *Die Institute der Roten Professur. Kadenschmieden der sowjetischen Parteiintelligenz. 1921–1938 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 45 (1997) 4. С. 606ff; *Fox M.C.* *Political Culture, Purges, and Proletarianization at the Institute of Red Professors. 1921–1929 // The Russian Review.* 52 (1993) 1. С. 23.

¹⁶¹ «Общество врачей в память Н.И. Пирогова» (1881–1925).

¹⁶² Ср. *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 47.

¹⁶³ На это время приходится также первая массовая высылка представителей интеллигенции (200 человек) в Щецин. Ср. там же. С. 47–48.

¹⁶⁴ Веселовский активно участвовал до мая 1922 г. в деятельности высших органов ОПК. Затем его имя внезапно перестает появляться в протоколах. Представляется, что он в ходе дискуссий, о которых шла речь, вышел из руководящих органов. Еще одним указанием на его принадлежность к либеральному крылу ОПК является дискуссия о его исключении в 1928 г. Ср. Протокол заседания Бюро Фракции при ЦС ОПК от 6.1.1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 4.

¹⁶⁵ Процесс против эсеров также может рассматриваться в качестве средства приспособления либерального крыла РКП(б) к жесткой линии по отно-

шению к конкурирующим социалистическим партиям, тем более что бросается в глаза вовлечение представителей именно этих сил (Томский, Луначарский, Теодорович) в подготовку и проведение процесса.

¹⁶⁶ Коммунистическая фракция редакции подготовила во время своих собраний и протоколы. Ср. Протокол / Стенограмма заседания фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 11.6.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 247об, 244, 245. По поводу попытки ввести в замлечества и исторические секции коммунистические фракции, ср. главу VI «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)».

Глава IV

УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.)

ОПК не превратилось в чистый союз по сохранению традиций, члены которого контролировались коммунистической фракцией и чье спокойствие поддерживалось с помощью привилегий. Тем не менее, предоставление экономических и социальных гарантий его членам по-прежнему играло большую роль. Силы менялись в первую очередь на идейном уровне, прежде всего при индивидуальном изображении и интерпретации революционного прошлого. В этом члены ОПК обнаружили большое умение и высокую динамику – в том числе и за пределами чистой заботы о традициях, ориентированной на советское государство.

Внешние предпосылки этого были в целом благоприятны: государство и большевики были полностью загружены организаторско-стратегическим, экономическим и политическим обеспечением и расширением своей власти. Не было ни организационных, ни кадровых возможностей для поддержания гегемонии и на уровне духовного доминирования при формировании подхода к прошлому. Так, например, советская власть столкнулась с большими трудностями, намереваясь справиться с ситуацией на книжном рынке. Хотя уже в мае 1919 г. было основано государственное издательство «Госиздат» и под предлогом недостатка бумаги и полиграфических средств введена цензура, еще в 1921 г. треть книг выходила в частных издательствах, в том числе многочисленные мемуары и сообщения о революционном прошлом, причем большими тиражами. Именно мемуары проходили цензуру проще¹. К тому же отсутствовали ясные представления и концепции для инструментализации прошлого ради государственных и партийных целей. Голоса, вроде того, что принадлежал историку и публицисту В. Быстрянскому, еще не имели решающего значения. Он был решительным сторонником большевиков и входил в 1922 г.

в число основателей Института Маркса-Энгельса². В 1920 г. Быстрянский видел одну из важнейших целей государственного издательского дела в том, чтобы излагать историю революционного движения пролетариата и историю вождей великой коммунистической партии. Основание Истпарта (25 сентября 1920 г.) также не имело большого значения. Это был только первый знак предпочтения исследованию явно коммунистической части революционного движения.

Кроме того, большевики претендовали на представительство в официальном дискурсе социалистического движения и его прошлого как целого. Недаром и сам Быстрянский указывал на то, что история революционного движения в России и «история попытки лучших людей русского народа сбросить самодержавие и буржуазию» должна найти свое всеохватывающее отображение в издательском деле³.

Наряду с благоприятными внешними условиями на пользу ОПК шло и то обстоятельство, что оно было хорошо подготовлено к интенсивному занятию прошлым. Именно Виленский-Сибиряков⁴, который поставил Общество на грань раскола в результате организованного им «марша» коммунистической фракции и подчинения ОПК советской власти, превратился в новый символ интеграции. Со сменой Теодоровича 15 марта 1924 г. на посту старосты и назначением Я. Рудзутака как переходного кандидата, Виленский-Сибиряков был в качестве заместителя старосты и активного члена Общества, участвовавшего в его важнейших органах (коммунистическая фракция, Президиум Центрального Совета, Центральный Совет) до 1927 г. фактически самым влиятельным лицом в Обществе⁵.

Его важнейшая заслуга состояла в восприятии настоящего совета партийных функционеров высокого уровня, Троцкого и Томского: ограничить общественную роль ОПК с точки зрения «постановки цели и содержания» историей революционного движения. В то же время ему удалось, претворяя этот совет в жизнь, снова вовлечь в ОПК большую часть тех членов Общества, которых он своей политикой формального и организационного подчинения советскому государству и партии большевиков возманил против себя и Общества⁶. Его кадровая политика также была ориентирована на примирение внутри Общества. Так, в начале 1926 г. он вытеснил из Совета Общества приверженцев «твердой линии» Темкина и Крамарова, вместе с которыми ранее выдворил из руководства ОПК Теодоровича⁷. Решающую роль

Портрет В.Д. Виленского-Сибирякова 1913 г. Из собрания музея «Каторга и ссылка». Деятели революционного движения в России. Том 5. Социал-демократы (Сост. Е.А. Корольчук и Ш.М. Левин. Под. ред. В.Н. Невского). Выпуск первый: А-Б. Москва, 1931. С. 815

играло, однако, то обстоятельство, что структуры, сформировавшиеся уже в 1922–1923 гг., систематически поощрялись и расширялись под его руководством. Речь идет, прежде всего, о так называемых землячествах и исторических секциях, но наряду с этим и об издательской деятельности Общества. Кроме того, Виленский-Сибиряков прилагал личные усилия к тому, чтобы с помощью программных публикаций, перемежавшихся теоретическими и содержательными соображениями принципиального свойства по поводу историографии революции сделать историографический профиль ОПК более четким.

1. Новые формы раскрытия прошлого

Ориентация ОПК на революционное прошлое была задумана с момента его основания⁸. Тем не менее, именно в 1923 г. были созданы и в следующие годы последовательно развивались «новые формы» (Л. Старр) обращения к своим историческим корням. В их числе были исторические комиссии, кружки и секции и в особенности землячества.

Первой исторической комиссией в ОПК была комиссия по подготовке столетнего юбилея восстания декабристов, которое, по мнению Общества, стояло у истоков революционного движения⁹. Она была основана в декабре 1923 г. в виде комиссии и в декабре 1925 г. официально учреждена в ОПК как постоянная секция по исследованию декабристов и их времени¹⁰. В ноябре 1925 г. по инициативе литературной комиссии ОПК была основана «Народническая секция», организованная подобно землячествам¹¹. В марте 1926 г. возникла секция по исследованию революции 1905 г., 29 марта 1927 г. – секция «Утопический социализм в России», а в конце 1928 г. – секция «Влияние политической ссылки на население Сибири»¹².

Но новое заключалось в том, что вокруг комиссий и кружков или впоследствии секций группировались не только члены Общества, интересовавшиеся соответствующими проблемами, но и те, кто не входил в ОПК. Речь шла о марксистских, социалистических и буржуазных историках и других ученых, о родственниках видных деятелей революционного движения или о лицах, интересовавшихся его историей. Например, в 1930 г. в работе

7 исторических секций участвовали 115 членов Общества и 216 лиц, не входивших в него¹³. Идея, охватывающая исторические секции и кружки и формулировавшаяся со всей четкостью, заключалась в объединении историков и очевидцев¹⁴. Секции находили поддержку как у историков молодого поколения Н.М. Дружинина¹⁵, М.В. Нечкиной, Ш.М. Левина и С.Н. Валка, так и у «стародавних» уважаемых лиц, например, И.С. Книжника-Ветрова, А.Е. Преснякова, Невского и Ю. Стеклова¹⁶. Кроме того, в их работу систематически вовлекались другие общественные организации и государственные учреждения.

Например, для докладов к юбилейным торжествам в декабре 1925 г. комиссия по декабристам могла привлечь историка С.Н. Чернова¹⁷, историков и литературоведов М.А. Цявловского¹⁸, Ю.Г. Оксмана¹⁹ и В.Л. Модзалевского²⁰. Но уже с начала марта 1925 г. комиссия расширила свою платформу и приглашала на свои собрания представителей Библиотеки им. Ленина, Музея революции, Союза писателей, школы, названной в честь декабристов, и Общества любителей литературоведения. 13 апреля 1925 г. к комиссии присоединились Общество старых большевиков, Исторический музей, Институт истории и Академия художеств²².

Собственно «Секцией декабристов» руководил с декабря 1925 г. Президиум, состоявший из председателя В.Н. Фигнер (бывшая сторонница «Народной воли», затем эсерка, ныне беспартийная), Е.Е. Якушкин (потомок декабриста Ив. Дм. Якушкина), Б.Е. Сыроечковский (историк и архивист)²³; Дружинин и О.И. Попова (историк)²⁴. Весь Президиум был укомплектован лицами, не входившими в ОПК²⁵. Фигнер, живой символ истории революционного движения, даже скептически относилась к членству в Обществе²⁶.

Деятельность комиссий, кружков и секций нашла живой отклик. Секция, занимавшаяся декабристами, состояла первоначально всего из 30, а в 1927 г. уже из 55 человек²⁷. Народническая секция, имевшая и филиал в Ленинграде, в 1928 г. охватывала в целом 96 человек, из которых только 40 были членами Общества²⁸.

Динамика развития этих институтов обоснована, однако, не только их открытой структурой. Преимущество заключалось в том, что сначала возникла комиссия по декабристам, послужившая испытательным полигоном для других комиссий, кружков и секций. Ни один из ее членов не был лично затронут, так как со-

бытия принадлежали далекому прошлому, но многих интересовали собственные исторические корни.

Удалось получить письма от потомков декабристов, разыскать в архивах мест ссылки декабристов материалы и поддержать их опубликование, а также использовать личные архивы для исследования истории. Комиссия заботилась и об обустройстве могил декабристов и установке новых памятников²⁹. Комиссия по декабристам, литературная и лекционная комиссии, а также снова присоединившиеся к ним группы получали всевозможную помощь при подготовке докладов и лекций, экскурсий, выступлений, съездов и выставок.

По словам Дружинина, ОПК создало фактически научный центр по раскрытию, исследованию, а также научному и популярному распространению информации и материалов о декабристах³⁰. Существовало информационное бюро, взявшее на себя пропагандистскую *подготовку* запланированных и проведенных акций и их координацию³¹. Обязательство перед декабристами было символически подчеркнуто перенесением II Всесоюзного съезда ОПК на 25 декабря 1925 г., сотую годовщину их восстания³².

Но привлечь самое большое число членов ОПК к активному участию и вовлечь в ряды Общества новых членов удалось благодаря созданию так называемых землячеств. Это была ассоциация людей, соединявшихся внутри Общества потому, что они находились вместе в определенных тюрьмах, каторжных тюрьмах или в местах ссылки.

Первое из этих землячеств, «Александровцы», было ассоциацией людей, находившихся в Александровском каторжном центре под Иркутском³³. Оно было основано 13 ноября 1923 г. Теодорович, в то время еще староста Общества, держал вступительную речь. Созданное организационное бюро сформулировало в качестве цели сбор материала о каторжной тюрьме, а затем создание в клубе Общества комнаты с экспонатами.

Вскоре после этого, 2 декабря 1923 г., было основано другое землячество – «Нерчинцев», поставившее перед собой те же цели³⁴. 17 февраля 1924 г. бывшие заключенные Рижского центра решили создать землячество. В 1925 г. Виленский-Сибиряков называет десять таких землячеств только внутри московской головной организации³⁵.

Землячествам предоставлялся высший приоритет. Они подчинялись непосредственно Президиуму ОПК и входили в состав

Орловское землячество 1926 г. Слева направо 1-й ряд: С.И. Часовенный, В.И. Блазиевский, К.Я. Поднек, Д.М. Раппопорт, М.Я. Сиодлак, А.М. Хинчук, И.А. Некрасов. 2-й ряд: Е.А. Вольнец, К.Я. Лукс, И.Я. Коротков, Ф.Е. Дзержинский, Ф.Я. Кон, Г.Ф. Гурза, В.Я. Сырек. 3-й ряд: Медведев, Ф.И. Казмерчак, М.Л. Волгин-Пыркин. КИС (1926) 25. С. 177

организационной комиссии Общества. Общее собрание, в свою очередь избиравшее бюро, было их высшим органом³⁶. После II Всесоюзного съезда в декабре 1925 г. возникло центральное бюро для всех землячеств, взявшее на себя задачи координации³⁷.

2. Причины продолжавшейся динамики

В форме землячеств, обращавшихся к совместно пережитому в исправительно-трудовых учреждениях царского режима, ОПК нашло эффективный механизм, с помощью которого удалось реализовать укрепление элементов связи между членами Общества – программное требование, сформулированное в первом

номере «Каторги и ссылки»³⁸. Сверх того этим способом развивались и «горизонтальные» контакты, прежде всего неформальные. Между землячествами в Москве и землячествами в филиалах ОПК возник активный обмен. Планировались совместные проекты книг и выступления, обсуждались вопросы, связанные с музеями и передавалась информация о потенциальных членах землячеств³⁹.

Участвовать в деятельности землячеств, как и в работе исторических секций, кружков и комиссий, могли также и те, кто не состоял в Обществе⁴⁰. В противоположность секциям, кружкам и комиссиям, ориентированным на формирование сетевых объединений с другими общественными организациями и личностями, в процессе учреждения землячеств и содействия им речь шла об укреплении микроструктуры Общества, а именно о сплоченности между его членами и филиалами, переходившей границы прежних и нынешних политических позиций и принадлежности к тем или иным политическим партиям и течениям. В землячествах могли быть, с одной стороны, благодаря атмосфере товарищества, а с другой – практической помощи, созданы идеальные условия для того, чтобы писать мемуары и воспоминания. Тем самым они служили коллективными «мастерскими для ветеранов», имевших лишь малый опыт, а то и вовсе никакого опыта в создании мемуаров. Как уже упоминалось во введении, Михаил Тугов отмечает, что ОПК на этой основе разработало даже специальный метод. Часто мемуары и воспоминания еще раз перерабатывались в коллективе, т. е. они обсуждались, дополнялись и дорабатывались на встречах, организованных землячествами или историческими секциями, где присутствовали специалисты, а также очевидцы событий, о которых шла речь⁴¹.

Собирание материалов и побуждение товарищей по несчастью к выступлениям с докладами и написанию мемуаров и воспоминаний, оказались очевидно успешными, тем более что для этого в любое время могли быть предоставлены помощь и консультация⁴². Отражением такой ситуации стало растущее число публикаций (см. ниже) ОПК и публичных выступлений. Например, в Москве было организовано в 1927 г. 280 выступлений с 40 тыс. слушателей, а в филиалах 393 выступления с 88 тыс. слушателей⁴³.

Наибольший подъем в землячества, а также в исторические комиссии принесли, как ни парадоксально, проведенные в ОПК в 1922–1924 гг. структурные изменения и столкновения внутри

Общества, сочетавшиеся с наступлением государственных структур на (бывших) сторонников других социалистических партий и анархистских движений. Сопутствующее явление и следствие заключалось в том, что активные и способные члены ОПК, вытесненные из его руководящих органов, но не исключенные из Общества или решившиеся не выходить из него, прилагали все силы к работе, особенно в комиссиях, кружках, секциях и землячествах. Здесь, поддержанные другими членами Общества, оказавшимися в бедственном положении или недовольными развитием событий внутри ОПК, они находили (новую) интересную сферу деятельности, в которую могли привнести свой опыт, воспоминания, хорошие контакты, литературные и организационные способности без необходимости оставаться в подчинении.

Их активность еще и потому характеризовалась высоким качеством и значительным объемом, что они могли и должны были соединить свои интересы со своим рабочим местом. Часто работа в Обществе или на принадлежавших ему малых предприятиях была их единственным занятием. Их увольняли из государственных учреждений, как происходило и со многими другими, из-за (прежнего) участия в деятельности других социалистических партий и организаций или выступлений в пользу политических заключенных. На эту работу их могли и вообще не брать⁴⁴. В качестве наиболее ярких примеров следует назвать в данной связи имена В.А. Плескова и Г.В. Сандомирского, М.Ю. Ашенбреннера (народник, затем беспартийный) и И.И. Жуковского-Жука (эсер-максималист, затем беспартийный)⁴⁵. То же касалось и многих бывших сторонников меньшевистских партий, которые теперь, подобно Ашенбреннеру, достигли пенсионного возраста и предоставляли в распоряжение Общества свой опыт, образование и творческие силы. Возможность уступок внутри ОПК встречала не только терпимое отношение со стороны его замененных руководящих органов, но и, напротив, даже находила содействие. Сандомирский и Жуковский-Жук, хотя они не имели права участвовать во Всесоюзном съезде в марте 1924 г., формально возведенным на уровень нового высшего органа Общества, были непосредственно после съезда утверждены Президиумом Центрального Совета ОПК в качестве членов комиссии по декабристам. Плесков со времени основания комиссии по декабристам и, соответственно, секции был ее членом и с конца 1923 г. неизменно входил также в организационное бюро землячества «нерчинцев»⁴⁶. Он активно участвовал и в создании Центрального музея каторги и ссылки⁴⁷.

Признак стабилизации ситуации внутри Общества можно видеть и в том, что Плесков, Л. Старр и П. Маслов снова были указаны в качестве делегатов II Всесоюзного съезда в декабре 1925 г. Правда, Сандомирский в этом документе по-прежнему значится исключенным, ведь он в своем письме, написанном в 1923 г., выступил за анархистов, находившихся в тюрьмах⁴⁸.

Даже для тех, кто не входил в Общество, или представителей интеллигенции, которые не желали или не могли сотрудничать с большевиками, и близким им, сравнимым с ОПК учреждением – Истпартом, ОПК благодаря новым возможностям участвовать, независимо от членства, в исторических комиссиях, секциях и землячествах, образовала форум, в который можно было внести свой потенциал в исследовании истории революционного движения⁴⁹.

Динамичное ядро Общества способствовало и дополняло, в свою очередь, общую тактику ОПК, заключавшуюся в том, чтобы проявить инициативу со своими комиссиями, секциями и землячествами, а затем поставить эту деятельность на возможно более широкую платформу, искать помощь профессиональных историков и, используя авторитет старых революционеров, поддерживать контакты в РКП(б) и ВКП(б).

В пользу положительного восприятия общей концепции ОПК говорит тот факт, что количество членов Общества непрерывно росло, достигнув в 1925 г. 1 620 человек⁵⁰. Кроме того, количество филиалов ОПК выросло более чем до 30, и велась активная работа по дальнейшему формированию связей с центром в Москве.

3. Инфраструктура

В 1925 г. ОПК находилось на пике своего влияния на историографию революционного движения. Это объясняется не только значительным, относительно прочным личным составом, дополненным к тому же сотрудниками, работавшими на общественных началах и эффективной системой сбора материалов и документов. Были приняты и другие меры в сфере инфраструктуры:

ОПК могло дополнительно воспользоваться музеем с богатой коллекцией и приданным ему архивом. Все материалы нашли здесь приличествующее им место. С октября 1924 г. возникла

музейная комиссия, которая в течение года собирала и обрабатывала материалы при поддержке землячеств, филиалов ОПК и различных других музеев и институтов, например, Музея революции и Этнографического института. В 1925 г. была предпринята дальнейшая систематизация работы, и в том же году в Ленинграде состоялась первая большая выставка, посвященная Шлиссельбургской тюрьме. Также в 1925 г. в рамках Московского филиала ОПК был основан центральный музей под названием «Каторга и ссылка»⁵¹. Музей располагал замечательным собранием фотографий⁵² и картин⁵³, а также свидетельствами в текстовой форме – рукописями, следственными делами, приговорами, тюремными журналами, удостоверениями личности и т. д. В конечном счете, московский музей ОПК к 1927 г. располагал в области истории революционного движения лучшей экспозицией, чем Музей революции в Москве⁵⁴. Тем временем сложились целые выставочные коллекции по разным этапам и темам революционного движения⁵⁵. В свою очередь, особой активностью при обработке материалов для музея отличались землячества⁵⁶.

Следует учитывать также исследовательскую деятельность литературной комиссии ОПК⁵⁷. Она существенно интенсифицировалась и расширялась. Количество и объем тиражей росли из года в год⁵⁸.

Таблица 8

Издательская деятельность ОПК в 1921–1926 гг.

	1921	1922	1923	1925	1926
Объем текста в печатных листах	12,7	42,6	69,2	163,5	220,7
Объем тиража	11 500	18 000	20 000	163 200	590 000
Количество сотрудников КиС	41	65	110	208	249

Журнал «Каторга и ссылка» выходил в 1925 г. восемь раз в год⁵⁹. Объем, тираж, количество сотрудников, а также качество журнала постоянно росли⁶⁰. «Каторга и ссылка» была в целом разделена на отделы «Из истории революционного движения», «Тюрьма, каторга, ссылка и эмиграция», «Лица прошлого» и «Библиография». В конце 1925 г. с выходом приложения к журналу, которое было названо «Из жизни и деятельности ОПК»,

предприняли попытку создать новый бюллетень, но бюллетень остался, в конце концов, в журнале⁶¹.

Несмотря на многообразные финансовые и организационные трудности (нехватка бумаги, не отлаженную сеть книгопродажи и застопорившийся спрос даже среди членов Общества) удалось не только планировать, но и осуществлять издание книг, сборников, статей, плакатов и библиографий⁶².

Общество издавало многочисленные серии, отчасти разделенные по тематическому принципу: с 1925 г. выходили «Историко-революционная библиотека», «К 100-летию восстания декабристов», «Народная воля» и «Политкаторжане МОПР»⁶³. Кроме того, с 1925 г. сравнительно высоким тиражом выходили маленькие удобные брошюры так называемой «Дешевой библиотеки». Они точно так же, как и журнал «Каторга и ссылка» содержали воспоминания о пережитом в каторжных тюрьмах и ссылке, правда, в переработанной и сокращенной для удобочитаемости форме. Часто речь шла об увлекательных историях побегов и описании выступлений в местах заключения против царской администрации⁶⁴. Важны были также обширная библиографическая деятельность по истории революционного движения и рецензии. Ее результаты появлялись в «Каторге и ссылке» и как приложения к книгам. Руководителем этой работы, выполнявшейся на высоком профессиональном уровне, был П.М. Кантор.

Важнейший успех издательской деятельности ОПК заключался в том, что ему было передано издание библиографического словаря и энциклопедии революционного движения. В 1922 г. Общество договорилось о тесном сотрудничестве с научным руководителем проекта энциклопедии, инициированного уже в 1920 г. Лемке и Щеголевым, сотрудником Петроградского историко-революционного архива и Музея революции А.А. Шиловым⁶⁵. С переводом Архива революции в Москву с 1926 г. бывшая заведующая библиотекой ОПК Е.Д. Никитина приняла на себя работу над проектом в качестве ответственного секретаря⁶⁶. Ее работу поддерживала архивная группа во главе с архивистом М.М. Клевневским⁶⁷.

В 1927 г. историк В.И. Невский заключил с ОПК договор о включении в энциклопедию разрабатывавшегося с 1921 г. под его руководством библиографического словаря о социал-демократах как части революционного движения. Характерно, что Истпарт, с помощью которого уже в 1923 г. вышли материалы для такого словаря, оказался в кадровом, финансовом и организационном от-

ношении неспособным сделать из них энциклопедию российской социал-демократии⁶⁸. В конечном счете, издание в Истпарте потерпело крах из-за возражений М.С. Ольминского. Его важнейший контраргумент заключался в том, что словарь содержит слишком много биографий меньшевиков⁶⁹.

Планировалось в целом 10 томов. Первый должен был охватывать время от А.Н. Радищева до «Народной расправы» С.Г. Нечаева (1790–1869), второй – от 70-х годов до создания «Народной воли» (1870–1879), третий и четвертый – народников 1880-х годов, тома с пятого по седьмой предполагалось посвятить социал-демократам (1880–1904), а с восьмого по десятый революционерам 1890-х и начала 1900-х гг.⁷⁰.

С несколько измененным названием и разделением томов энциклопедия вышла под следующими заглавиями: в 1927–1928 гг. был издан первый том библиографической энциклопедии в двух частях. Он назывался «От предшественников декабристов до конца “Народной воли”»⁷¹. В 1929–1931 гг. последовал второй том в четырех частях под названием «70-е гг.»⁷². В 1933 и 1934 гг. вышел в свет оставшийся неполным третий том в двух частях: «Восьмидесятые годы»⁷³, а в 1931 и 1933 гг. также оставшийся неполным пятый том, тоже в двух частях: «Социал-демократы»⁷⁴. Энциклопедия еще и сегодня относится к безусловно необходимым информационным материалам о революционном движении.

Проблемы в исследовательской деятельности ОПК создало только издательство, принадлежавшее Обществу. Хотя оно в апреле 1925 г. по предложению коммунистической фракции ЦК ВКП(б) было, вероятно, формально включено в структуру советских партийных издательств (совпартиздательства), оно не утратило своей самостоятельности и своего названия, позаимствованного у Общества, но могло таким способом по-прежнему пользоваться финансовыми привилегиями, предоставлявшимися государством⁷⁵. Затем в 1926 г. коммунистическая фракция безуспешно попыталась передать самостоятельное регулирование финансов издательства «какому-нибудь» государственному издательству⁷⁶.

Основу распространения книг формировала принадлежавшая ОПК книжная лавка «Маяк», которая находилась в центре Москвы, на улице Петровка, традиционно известной как книжный уголок. У книжного магазина был собственный книжный склад. С 1922 г. особенно Д.С. Пигит выступал за создание центра книги о революционном движении⁷⁷.

Кроме того, Общество располагало в 1925–1926 гг. наряду со своим ограниченным бюджетом, предоставлявшимся на централизованных началах соответствующими советскими органами, по меньшей мере, имевшимися в его распоряжении суммами на стартовое финансирование своей деятельности. Эти средства были результатом экономических усилий ОПК⁷⁸. Корочкин сообщал в 1926 г., что Общество без своей экономической деятельности было бы вынуждено ограничить музейную и агитационную работу, а также снизить свои усилия на других направлениях⁷⁹. Многочисленные кооперативы, принадлежавшие Обществу, даже если они не приносили и не имели права приносить прибыль, обладали преимуществом, заключавшемся в страховании сотрудников ОПК, работавших на общественных началах, от финансовых проблем. Со своей стороны, привязка предприятий к ОПК была средством для затребования участия в деятельности Общества.

4. Историкографические рамки

Наряду с эффективными мерами в области инфраструктуры не было оставлено без внимания также обеспечение деятельности ОПК в содержательном и политическом отношении. Именно в лице Виленского-Сибирякова Общество располагало способным редактором, руководителем-организатором и мастером защиты ОПК на концептуальном, содержательном и политическом уровнях⁸⁰. Коммунистическая фракция внутри ОПК поддерживала его линию⁸¹. В 1925 г. Виленский-Сибиряков опубликовал программную брошюру об измененной самоидентификации ОПК под названием «Политическая каторга и ссылка в русской революции»⁸².

Исходным пунктом теоретических рассуждений Виленского-Сибирякова была капитуляция ОПК перед политикой советского правительства в отношении политических заключенных в советских тюрьмах. Это становится ясным из вводного абзаца его программы. Он хотел бы рассматривать и оценивать исключительно «современные капиталистические тюрьмы и места принудительного труда», причем с учетом собственного опыта, приобретенного в царских исправительных учреждениях⁸³. В качестве приоритета Общества Виленский-Сибиряков формулирует по-прежнему взаи-

мопомощь, но затем следует осмысление истории революционного движения, а также каторги и ссылки. Третьим и последним пунктом предстает «историко-революционная агитация и пропаганда». Будучи названной на третьем месте, она, тем не менее, впервые с такой четкостью рассматривается как сфера деятельности Общества. На протяжении следующих лет значение агитации и пропаганды должны были все более возрастать⁸⁴.

Виленский-Сибиряков особенно интересовался в 1925 г. осмыслением истории революционного движения, а также каторги и ссылки. Впервые в рамках ОПК он добивался оценки значения каторжных тюрем, ссылки и тюрем на отдельных этапах революционного движения, особенно во время Октябрьской революции.

В противоположность прежним программным текстам ОПК, — а назвать в этой связи следовало бы Устав и его проекты, как и вводный текст в № 1 «Каторги и ссылки» — он пытался точнее обосновать, почему и каким способом следует разрабатывать историю революционного движения, в особенности же каторги и ссылки. Для этого он спланировал обширную программу.

Историческое значение каторги и ссылки

Для Виленского-Сибирякова не было сомнений в том, что история революционного движения в России прямо-таки поневоле должна была привести к Октябрьской революции с возникновением соответствующих отношений власти. Альтернативы исключались. Это сравнимо с его первой посылкой, заключающейся в принципиальном согласии с притязанием ВКП(б) на гегемонию.

Он утверждает, не отличаясь особой оригинальностью, что Россия в большинстве своем состояла из крестьянского населения и поэтому в 1860–1870-е гг. возникло народничество, из которого, в свою очередь, вышла партия эсеров. Партия эсеров настаивала на своей исключительной роли в русском революционном движении. Тем не менее, партия, представлявшая пролетариат, «как и следовало ожидать», взяла на себя главную роль в революционной борьбе, тем более что за ней, в конце концов, последовали крестьяне⁸⁵.

В статье обращает на себя внимание та последовательность, с которой Виленский-Сибиряков подчеркивает значение каторги и ссылки для исторического развития. Он приписывает каторге и ссылке решающее влияние практически на все сферы: на отбор

революционных кадров, их политическое воспитание, а затем, после революции 1905 г., на воспитание революционных масс, на политическую эмиграцию, борьбу за Советы и, наконец, на РКП(б) и ВКП(б)⁸⁶.

Суть кадрового вопроса заключается для него в отделении марксизма от народничества. «Водораздел» состоял в том, что РКП(б) при рекрутировании кадров делала акцент на рабочих, в то время как эсеры в процессе кадрового отбора учитывали интеллигенцию, крестьянство и лишь в самую последнюю очередь рабочих. В принципе до революции 1905 г. революционное движение имело скорее характер интеллигентских кружков. Затем к ним присоединились массы рабочих и крестьян. Вслед за кадровым вопросом рассматривается значение каторги и ссылки. Виленский-Сибиряков, исполненный уверенности в себе, заявляет, что до революции 1905 г. здесь происходила подготовка революционных кадров, затем после 1905 г. «воспитывались» и «отшлифовывались» массы рабочих и крестьян, оказавшихся во власти системы наказаний царизма. В свою очередь, в эмиграции шли на пользу практический опыт и идеи, возникшие в тюрьмах и ссылке. Не ограничиваясь этим аргументом, Виленский-Сибиряков объясняет далее даже победу Октябрьской революции непосредственно влиянием среды, существовавшей в каторжных тюрьмах и в ссылке. Только Февральская революция 1917 г. создала трудности для такой модели объяснения: она не пошла на пользу революционной энергии и местным революционным силам, а произошла за их счет. Соответствующие представители Думы, меньшевик Н.С. Чхеидзе, эсер А.Ф. Керенский, октябрист⁸⁷ М.В. Родзянко и лидер партии кадетов П.Н. Милуков были только «подняты наверх» восстанием солдат и матросов, а затем получили поддержку «беспринципных и безликих» меньшевиков и эсеров. Взятие власти именно данными силами автор объясняет тем, что решающие революционные кадры, наделенные «неистойвой» и «несокрушимой» энергией и способностью сформировать «костяк русской революции», находились в тысячах километрах от Москвы и Петрограда на «каторге» и в ссылке или в эмиграции. Поэтому помощь этих, теперь освобожденных, людей [подлинной] российской революции ради ее победы на всех фронтах была лишь вопросом времени. Такое развитие событий включало и борьбу за власть внутри Советов.

В доказательство своего основного тезиса Виленский-Сибиряков приводит упоминавшееся на V съезде Советов (4–10 июля

1918 г.), на котором большевики имели большинство, весьма впечатляющее число лет, проведенное его участниками в тюрьмах, на каторге и в ссылке или в эмиграции: в целом срок ссылки составил 384 года 10 месяцев, каторги 129 лет 9 месяцев, 211 лет эмиграции и 469 лет тюрьмы⁸⁸. Наконец, он доказывает, что в РКП(б) прежде всего руководящие кадры и участники съездов также были жертвами карательных мер царизма и многие годы провели в эмиграции: из 305 делегатов VIII (1919 г.) съезда РКП(б) 184 человека провели в целом 305 лет в тюрьме, а 104–306 лет в ссылке. 19 человек провели 95 лет на царской каторге, 41 находились 194 года в эмиграции. 210 человек были арестованы 550 раз⁸⁹. Наконец, Виленский-Сибиряков объясняет свойственную большевикам способность проводить в жизнь свои решения тем, что в тюрьмах, на каторге и в ссылке они подбирали кадры для революционной борьбы. А именно Я.М. Свердлову придается важная роль в процессе отбора.

Виленский-Сибиряков применял для своей аргументации различные приемы, как зарекомендовавшие себя, так и новые. Согласно его логике среда, возникшая в каторжных и общих тюрьмах, а также в ссылке была базисным элементом для интеграции всех революционных сил, в том числе и после Октябрьской революции 1917 г. Эта среда возводилась в ранг одной из важнейших опор советского государства. Свердлов играл определенную роль и как символическая фигура для успешного вовлечения бывших сторонников других социалистических партий в партию большевиков. Мотив вовсе незакаленных или недостаточно закаленных под действием царской карательной системы меньшевистских и эсеровских кадров, которые в соответствии с этим поддерживали Временное правительство во главе с Керенским, до сих пор не применялся в контексте ОПК. Он послужил Виленскому-Сибирякову и как средство для указания на то, что все члены ОПК, несомненно, надежные союзники послереволюционного советского государства и большевиков. Тот факт, что члены Общества располагали богатым опытом, приобретенным в ссылке и тюрьмах, он иллюстрировал статистическими данными и подробными диаграммами.

Но в его аргументации есть и свои мели. Например, он избегал упоминать количество лет, проведенных членами Учредительного собрания в каторжных тюрьмах и ссылке. Вероятно, чтобы сделать аргументацию более гладкой, он начинает только с V съезда Советов. Первые четыре съезда, на которых большевики были

в меньшинстве, остаются неупомянутыми. Причина проста – различие, которое Виленский-Сибиряков делает между беспринципными и закаленными социалистическими силами на основе продолжительности лет, проведенных в тюрьме и в ссылке, в этом случае больше не срабатывало бы⁹⁰.

Программа по истории революционного движения

Виленский-Сибиряков существенно расширяет первоначальные цели Общества и в области разработки истории революционного движения. Изображение истории революционного движения теперь важно не только с точки зрения формирования традиций и воспитания, но и, по мнению Виленского-Сибирякова, имеет вполне «практический» интерес. Его может использовать и международный пролетариат как своего рода руководство по применению для других международных революционных переворотов. «Союз Советских Социалистических Республик» – не результат «исторической случайности», не временное образование. Напротив, он – вполне реалистический фактор всемирной истории «завтрашнего дня»⁹¹.

Методическая задача Виленского-Сибирякова в том, чтобы «правильно» раскрыть корни Октябрьской революции:

«Задача истории – увязать отдельные периоды, отыскать преемственную связь в главном и сделать правильную историческую установку деталей [...]»⁹².

В этом пункте член партии Виленский-Сибиряков не готов к компромиссам – ни в отношении своих сторонников, ни в отношении цеха историков и других политических группировок.

В качестве первого шага он признает за предшествовавшими авторитетами различных интерпретаций истории революционного движения, покровительствуемыми и инструментализируемыми различными политическими группировками лишь относительную значимость. Такими авторитетами являются для него историк А. Тун⁹³, философ, социолог и пропагандист народничества П. Лавров⁹⁴ и философ, и теоретик марксизма Г. Плеханов. Важнейшей причиной, по которой Виленский-Сибиряков поставил под сомнение их тезисы, были вновь оказавшиеся в распоряжении исследователей воспоминания и документарные материалы из архивов царского времени. «Огромное количество» архивного

материала на историко-революционные темы и «море» мемуаров только теперь [1925] и время публиковать, время начать описание отдельных эпох революционного движения. Только теперь наличествует достаточно материала для прояснения спорных моментов революционного движения. ОПК форменным образом предлагает себя со своим журналом «Каторга и ссылка» и своими организационными формами (литературная, издательская и музейная комиссии) в качестве трибуны для этого⁹⁵.

Вторым шагом Виленского-Сибирякова является выступление против главных конкурентов и самых жестких критиков ОПК, историков М.С. Ольминского и Н.Н. Батурина. Таким образом, он разъясняет свою собственную концепцию историографии и задач ОПК⁹⁶. Но при этом он переходит в политическое наступление, так как в ноябре 1925 г. ему пришлось узнать в ЦК ВКП(б), что здесь настроение грозит обернуться не в пользу ОПК, т. е. что ЦК не готов уделить большое внимание юбилею декабристов, предпочитая юбилей революции 1905 г.⁹⁷

В принципе имена Ольминского и Батурина в начале 20-х годов были не только синонимом марксистской историографии, но и ее институциональным и кадровым укоренением в тесной связи с РКП(б). Ольминский, как уже упоминалось, проявил в 1920 г. инициативу по основанию Истпарта и определял его работу. При этом он получал важную поддержку со стороны Батурина⁹⁸. С 1924 г. Ольминский был членом руководящего органа основанного в 1923 г. ЦК РКП(б) Института Ленина. Институт посвящал свою деятельность под наблюдением партии изданию произведений Ленина и наряду с этим должен был исследовать исторические и теоретические корни большевизма⁹⁹. Центр тяжести содержательной работы Ольминского и Батурина находился в исследовании истории революционного движения с точки зрения партии большевиков. Центральную роль играл вопрос о причинах возобладания марксистски ориентированной ветви революционного движения. Батурин придавал особое значение популярному изложению своих тезисов и широкому распространению сборника докладов «Очерки истории социал-демократии в России», вышедшего между 1906 и 1926 гг. двенадцатью изданиями¹⁰⁰. Именно Батурин не позволял согласиться с критикой позиций Плеханова¹⁰¹.

В ходе своей полемики с Ольминским и Батуриным Виленский-Сибиряков актуализировал дискуссии, состоявшиеся более года назад. На фазе подготовки к юбилею восстания декабристов,

который может считаться показательным проектом ОПК, Ольминский отрацательно высказался обо всем замысле. Он не считал необходимым для революционной России вспоминать декабристов, так как они представляли интересы дворян-помещиков и обманули солдат. Их юбилей был бы на пользу только белогвардейцам¹⁰². Кроме того, Ольминский, по словам Виленского-Сибирякова, поставил восстание 1825 г. на один уровень с революцией 1905 г.¹⁰³

Со своей стороны, Батурин косвенно поставил под сомнение планировавшееся Обществом издание произведений русского якобинца и идеолога народников П.Н. Ткачева¹⁰⁴. Он характеризовал Ткачева как «либерала с бомбой», который представлял «мелкобуржуазные идеи»¹⁰⁵.

Как считал Виленский-Сибиряков, методическая ошибка заключалась в оценке декабристов и якобинцев «под углом зрения классового принципа». Нельзя, – здесь Виленский-Сибиряков цитирует руководителя Музея революции С.И. Мицкевича – упрекать декабристов в том, что они не были «коммунистами-большевиками» [или рабочими]¹⁰⁶. При справедливой попытке «привести настоящее в соответствие с прошлым» и исследовать «корни русского большевизма» в отдаленных периодах революционного движения, нежелательно ограничивать себя «шаблонами». Напротив, отдельные этапы революционного движения следует рассматривать в рамках их эпохи, т. е. с учетом социальных условий в каждом случае. При этом Виленскому-Сибирякову особенно важно обнаружить «зародышевые клетки» Октябрьской революции. Так, декабристы были для него с учетом имеющихся теперь материалов и результатов исследований «основоположниками той революционной искры, из которой возгорелось пламя победоносной русской революции»¹⁰⁷. Функцией первопроходцев он наделяет и народников¹⁰⁸.

Как самый большой недостаток исторической оценки участников революционного движения в эру, наступившую после Октябрьской революции, Виленский-Сибиряков рассматривает не их переоценку, а недооценку их роли. Причина этого, в соответствии с зашифрованной формулировкой Виленского-Сибирякова – «сознательная тенденция, диктовавшаяся интересами современности». Если раскодировать, это означает, что Виленский-Сибиряков характеризует недооценку значения разных революционеров от декабристов до народников в послереволюционное время как сознательный процесс, который, так можно это истолковать, в

особенности объясняется политическими потребностями ВКП(б) в послереволюционной борьбе против социалистических конкурентов для реализации ее гегемонии. Из контекста становится к тому же ясно, что Виленский-Сибиряков теперь, в 1925 г., рассматривает эту фазу как законченную. Он подчеркивает, например, что в будущем во имя «потребностей настоящего» нельзя игнорировать и недооценивать определенные исторические факты.

«[Нуждается] в коррективах и переоценках со стороны последующих поколений русских революционеров, которые, обладая большим количеством накопленных фактов и документов революции, могли более объективно отнестись к прошлому русского революционного движения»¹⁰⁹.

Чтобы быть справедливым в отношении «исторической позиции», Виленский-Сибиряков требует дальнейших больших коллективных усилий по обнаружению новых материалов. Тем самым он обращается, прежде всего, к участникам революционного движения.

«В первую очередь это будет коллективная работа Всесоюзного Общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, которое включает в свои ряды представителей нескольких поколений русских революционеров, помнящих и знающих многие периоды нашего революционного движения в качестве его непосредственных участников [...]»¹¹⁰.

При этом Виленский-Сибиряков руководствуется опытом, в соответствии с которым, члены Общества, особенно народники, предоставляли в распоряжении ОПК не только автобиографии и воспоминания об определенных событиях, но и письма, оригинальные тексты, записи в дневниках, «в значительной мере корректирующего имеющиеся уже у нас документы революции, [...]»¹¹¹.

Виленский-Сибиряков хотел, с одной стороны, повысить политическую значимость исторического исследования, а с другой – помешать тому, чтобы профессиональному раскрытию и исследованию истории революционного движения с помощью научных методов могло по-прежнему препятствовать, не исключая манипуляции, использование актуальных политических аргументов и потребностей.

Он отвергал политическую самоидентификацию Ольминского и Батурина как историков, делая вопреки ей ставку по-прежнему на собирание материалов и фактов. В сочетании с методической предпосылкой, предлагавшей при оценке учитывать соответствующий исторический контекст, концепция Виленского-Сибиря-

кова была пронизана идеей автономии исторического исследования по отношению к интересам государства и партии. Он не был и приверженцем ограничения исследования корнями РКП(б). В качестве его союзников выступали Мицкевич, Дружинин, Сыроечковский, Чернов, а также В.И. Невский, с 1924 г. возглавлявший Библиотеку им. Ленина в Москве. Все они были историками, по-прежнему с интересом относившимися к испытанным концепциям буржуазной историографии и не в такой степени способствовали подчинению истории интересам РКП(б), как это делали Ольминский и Батулин. Сверх того в историографии должен был по-прежнему играть важную роль личный, лишенный комментариев взгляд участников событий.

Круг, начало которому положили конкретные проекты и меры, проведенные в сфере инфраструктуры ОПК, замыкается, когда Виленский-Сибиряков в конце своих теоретических размышлений подчеркивает, что следует собирать новые мемуары и реализовать запланированные: библиографическую энциклопедию и создание музея «Каторга и ссылка». Не в последнюю очередь следует серьезно интенсифицировать работу в архивах и превратить ее в профессию¹¹².

Автор претендовал на превращение Общества в «коллективного историка» революционного движения. Землячества и исторические комиссии оказались для этого адекватным средством и получали интенсивное содействие. В этой области Виленский-Сибиряков опирался прямо на усилия своего предшественника Теодоровича, которого он вытеснил из руководящих органов ОПК. Новому руководителю Общества удалось дать толчок существенному усилению научного характера «Каторги и ссылки» и активизации ее исследовательской работы, а также вооружить журнал для участия в серьезных дискуссиях в советской исторической науке¹¹³.

5. Сравнение с «Истпартом» и Обществом старых большевиков

Следовало бы констатировать, что ОПК в сравнении с организациями-конкурентами Истпартом и Обществом старых большевиков имело еще большую функцию фильтра по отношению к пар-

тийным интересам РКП(б) и тесно связанными с ним интересам советского государства. Несмотря на решительные изменения в ОПК, это касалось как организационного, финансового и кадрового, так и, хотя и в гораздо большей степени, содержательного и концептуального уровня.

Истпарту грозил крах, связанный с его намерением совершить нечто вроде трюка на канате между осмыслением истории РКП(б), основанным на научных методах, и задачей, поставленной перед ним партией – быть институтом по ее пропагандистскому обслуживанию¹¹⁴. В результате этого Истпарт неизбежно оказался между фронтами во внутривнутрипартийных столкновениях и был вынужден к тому же защищаться от критики со стороны как профессиональных историков, так и ОПК. Критика заключалась в том, что Истпарт ведет несерьезную работу, окрашенную в партийно-политические цвета¹¹⁵. Дополнительно осложнило ситуацию продолжавшееся ослабление Истпарта в финансовом отношении. Это пошло на пользу основанному в 1924 г. Институту Ленина, который был задуман как «агрессивный политический агент» партии и всякий раз пользовался политической ситуацией¹¹⁶. У Истпарта были и проблемы в кадровом отношении. Его центральное бюро никогда не включало более 15–20 сотрудников. Имела место высокая текучесть, а самые важные и наиболее активные сотрудники были заняты во многих других учреждениях и организациях, так что не могли использовать всю свою силу для работы в комиссии. В мае 1924 г. на третьей конференции Истпарта даже прозвучало предложение закрыть периферийные бюро, несмотря на вполне хорошие результаты их работы в 1922–1923 гг., и сконцентрироваться на работе в Москве¹¹⁷.

Очевидно, сотрудники Истпарта на периферии надеялись, пребывая в незавидном положении, на поддержку со стороны вновь основанных филиалов ОПК. Они активно содействовали филиалам и тесно сотрудничали с ними¹¹⁸.

Общество старых большевиков также не выдержало сравнения с ОПК. Его деятельность ограничивалась в 1925 г. главным образом Московской головной организацией, а филиалы были в противоположность филиалам ОПК малочисленны и едва ли пользовались каким-то значением внутри организации. Тесная связь с партией и притязание Общества на роль посредника между различными группировками и течениями таили в себе угрозу поражения¹¹⁹.

Попытки марксистских историков организовать в 1925 г. под руководством М.Н. Покровского в Коммунистической академии наук в Обществе историков-марксистов и с помощью своей концепции ускорить исследование истории революционного движения также не принесли желаемого успеха¹²⁰. В противоположность ОПК этому Обществу не удалось утвердиться по всему Союзу ССР. Оно осталось ограниченным Москвой и Ленинградом, но здесь располагало значительным политическим и научным влиянием.

6. Консолидация

Демократическая фаза развития советского Общества может считаться окончательно завершенной в 1924 г. Тем не менее, ОПК не становилось в результате этого неизбежно «филиалом партии» (Ольга Таратута/Анастасия Степанова). Основное условие такой ситуации заключалось в том, что введение коммунистической фракции и односторонняя политическая фиксация ОПК на государство и партию в значительной степени представлялись как формальный акт. Хотя коммунистическая фракция была подотчетна Московскому городскому комитету партии и Московской контрольной комиссии, процесс привязывания к структурам партии на практике пока не влек за собой усиленной идеологической мелочной опеки. Партия не изменила отношения к своим «агентам» в ОПК, а напротив, помогла им занять выдающееся положение внутри Общества. Для этого поддерживались стремления небольшой группы членов ВКП(б) в Обществе, выступавшим за организационное объединение коммунистов – членов ОПК. В лице Виленского-Сибирякова во главе ОПК оказался человек, сумевший добиться открытого преобладания коммунистов в Обществе и в своих теоретических соображениях по истории революционного движения в принципе рассматривавший гегемонию коммунистов как исторически неизбежную. К тому же Виленский-Сибиряков был готов согласиться на желаемое ограничение деятельности ОПК ролью учреждения по снабжению ветеранов революционного движения (включая его экономическую деятельность), раскрытием и исследованием революционной истории и, наконец, пропагандистской деятельностью.

Группа народолюбцев снята в 1926 г. Слева направо 1-й ряд: А.Н. Лебедев, Е.П. Ростовский, Е.М. Гадеоновская, М.И. Шебалина, Е.И. Яковенко, М.В. Брамсон, Н.И. Ракитников, П.К. Пешекеров, М.А. Брагинский, Л.В. Ергина, В.В. Леонович, Л.В. Фрейфельд, Е.Д. Степанов, Л.С. Залкинд, М.И. Ромась. 2-й ряд: Е.Н. Фигнер, Е.-Сажина, С.А. Борейша-Иванова, Е.Я. Гуревич-Фрейфельд, Н.О. Коган-Бернштейн, П.И. Перли-Брагинская, К.М. Терешкович, М.Ф. Фроленко, М.П. Шабалин. 3-й ряд: И.И. Попов, А.В. Диковская, М.П. Сажин, Макар П. Поно]. КИС (1926) 24. С. 17

В принципе общая стратегия партии изменилась для того, чтобы контролировать ОПК и другие общественные организации не только силами одних членов партии, но и с помощью институционализированной коммунистической фракции. Тем не менее, контроль и далее осуществлялся только опосредованно. Полагались на коммунистическую фракцию, которая, однако, была теперь однозначно контактным лицом для партии и государственных учреждений. На нее возлагалась полная ответственность за Общество.

Но прежде всего коммунистическая фракция ОПК не рассматривала себя как помощник партии в выполнении ее указаний. Напротив, она проводила самостоятельную линию и не только полностью использовала заданные ей рамки, но даже и серьезно расширяла их. Как можно было установить, это имело несколько причин: коммунистическая фракция во главе с Виленским-Сибиряковым и Корочкиным очень активно заботилась о том, чтобы

сохранить преемственность с центральными основными принципами ОПК. Сохраняя свое формальное преобладание, она в остальном действовала на практике по отношению к беспартийным, в большой степени стремясь к интеграции. Принцип плодотворного сотрудничества членов ВКП(б) с беспартийными подкреплялся систематическим содействием и развитием уже имеющихся структур (землячеств, исторических секций, рабочих кружков, музеев, сети продажи и издательства) с профессиональной основой и эффективной инфраструктурой¹²¹. Кроме того, многочисленные беспартийные члены ОПК были, в свою очередь, связаны с Обществом. Несмотря на зачастую более высокий профессиональный, организационный и политический опыт они, как бывшие сторонники других, небольшевистских партий, были поставлены в более тяжелые получив работу в государственных или близких к партии учреждениях и пытаясь ее сохранить. Общество по-прежнему предлагало этим людям с помощью землячеств, исторических секций и рабочих кружков едва ли регламентированное пространство, в которое они могли внести свои способности и сотрудничать с единомышленниками. Кроме того, здесь благодаря публикациям, выступлениям или сотрудничеству в многочисленных издательских проектах появлялись дополнительно к пенсии дальнейшие возможности заработка¹²². Внутри ОПК роль активных беспартийных обнаруживает сходство с ролью «буржуазных специалистов» в государственных учреждениях, например, в Наркомземе. Беспартийные в ОПК располагали, однако, на основании большей дистанции Общества от партии и своей репутации как ветеранов революционного движения значительным влиянием и сильным самосознанием.

Интегративная модель ОПК не оставалась ограниченной Обществом, но существенно распространилась и за его пределы. Благодаря открытой структуре землячеств, исторических секций и рабочих кружков, допускавшей сотрудничество в них заинтересованных лиц, не связанное с членством в Обществе, в них участвовали видные ученые и (символические) представительские фигуры революционного движения, прежде состоявшие в других социалистических партиях или такие, кого можно было причислять к историкам буржуазной школы. То же касалось примыкавших и курировавшихся ОПК комитетов по исследованию определенных этапов революционного движения. Комитеты часто руководились «людьми извне». В широкие, создававшиеся по инициативе ОПК союзы они вовлекали государственные учреждения, в

том числе и такие, которые тесно сотрудничали с беспартийными. ОПК даже нередко удавалось привлечь такие организации, которые прямо подчинялись партийному учреждению. В данной связи следовало бы назвать, прежде всего, Общество старых большевиков и Истпарт.

В начале 20-х годов общая тенденция заключалась в собирании максимально возможного объема воспоминаний, мемуаров, сообщений и информации очевидцев революционного движения. Уже в середине 20-х годов ОПК удалось в количественном и качественном отношении встать во главе этой тенденции¹²³. Недаром ему было вверено создание библиографической энциклопедии революционного движения.

При рассмотрении с позиций партии высокая динамика развития ОПК имела две стороны. С одной стороны, ОПК обладало под наблюдением членов ВКП(б) важными позициями на рынке мемуаров. Он не должен был быть отдан ни иностранным издательствам, ни лицам, нелояльным в политическом отношении. Кроме того, с помощью ОПК могли быть ликвидированы пробелы, оставленные жестким контролем импортированной литературы и усиленным закрытием издательств, а также цензурой. С другой стороны, благодаря своей концентрированной активности ОПК побудило ЦК ВКП(б) в связи с юбилеем декабристов поставить и другие акценты, представлявшиеся нежелательными для партии. В дополнение к этому принцип беспартийности или политического нейтралитета в форме повышения значимости буржуазных принципов науки обрел новую конъюнктуру. Выступая против Ольминского и Батурина как доминировавших представителей исторических учреждений, близких к партии, Виленский-Сибиряков настаивал, что историю революционного движения следует изучать, не учитывая сегодняшние партийно-политические потребности. Но его главный аргумент в пользу такой позиции, согласно которому этим способом может удасться отфильтровать «объективный» революционный механизм, пригодный и в целях экспорта, грешит против решительно представленного им же исторического принципа, в соответствии с которым каждую эпоху следует рассматривать в ее собственном контексте.

Вторая большая ветвь его аргументации заключалась в том, что основой успеха большевиков были наличествовавшие во всем революционном движении «зародышевые клетки» Октябрьской революции» и среда, сформировавшаяся на каторге и ссылке. От такой идеи был лишь один шаг до оценки, в соответствии с кото-

рой политические результаты Октябрьской революции принадлежали не одним только большевикам. Согласие с гегемонией партии не означало, следовательно, что эта гегемония и в области исследования истории революционного движения не могла быть заново осмыслена, в особенности ввиду окончания Гражданской войны и начавшегося экономического роста.

В середине 20-х годов ОПК, пребывая в состоянии фактической конкуренции с близкими партии учреждениями, занимавшимися историей, и отмежевания от них, завоевало влиятельные позиции. Основой этого была спорная и плюралистическая дискуссия об истории революционного движения, на которую ОПК оказало сильное влияние.

Тем самым оказывается неверной оценка, данная неизвестным автором в сборнике «Память», вышедшем в 1980 г., и Юрием Курбатовым, согласно которой Общество, когда во главе его в 1925 г. стал Е.М. Ярославский (он стал исполнять обязанности старосты) превратилось в инструмент государства и партии, и было лишено всякой подлинной свободы маневра. Столь же недальновидно, однако, приписывать Виленскому-Сибирякову, фигуре, доминировавшей в ОПК с 1924 по 1927 гг., широкие демократические взгляды, что имеет место в работе Михаила Тугова. Для Виленского-Сибирякова существовала ясная иерархия в отношениях между членами партии и беспартийными в ОПК. Вопрос о разделении власти перед ним не стоял. Он, тем не менее, был открыт для урегулированного участия беспартийных и использования их потенциала. Он придавал большое значение с учетом стабилизовавшейся экономической ситуации возможности формирования более либеральных общих условий внутри Общества и гарантированию тем самым компетентного изучения революционного прошлого.

В противоположность иерархизированному и лишенному демократизма организационному построению ОПК на этом уровне сохранилась и получала содействие открытая структура, в которой могли и далее существовать элементы политического нейтралитета. Таким путем испытание на прочность в 1922–1924 гг. могло быть в частности компенсировано.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Vgl. *Bljum A.V. Zensur in der UdSSR. Hinter den Kulissen des «Wahrheitsministeriums»*. 1917–1929, Teil 1. – Bochum, 1999. С. 50, 114ff.

² Holmes L., Burgess W. Scholarly Voice or Political Echo. Soviet Party History in the 1920 // Russian History. (1982) № 5. С. 378.

³ Быстрянский В.А. Государственное издательство и его задачи // Книга и революция. 1920, № 1. С. 4.

⁴ В.Д. Виленский-Сибиряков (1888–1943) был сыном мелкого чиновника и крестьянки. По окончании ремесленной школы в Томске он работал литейщиком на нескольких предприятиях, а затем в одном из депо Сибирской железной дороги. С 1903 г. он был членом рабочих кружков, находившихся под социал-демократическим влиянием. Он стремился организовать железнодорожников в Иланской и Канске, а с 1907 г. также в Омске и Новосибирске. В 1908 г. последовал его арест по делу «Социал-демократической рабочей организации Иланской». Ввиду принадлежности к Социал-демократической партии он был приговорен к 2 годам и 8 месяцам каторжных работ, которые отбывал в тюрьмах на том берегу озера Байкал (Акатуй, Горный Зерентуй, Алгачи, Кутамар и др.). Затем он до 1917 г. находился в Якутии в ссылке и на поселении. Здесь он изучал специфическое историко-экономическое и культурное развитие Якутии. После Февральской революции был назначен комиссаром Временного правительства в Вилюйском уезде (Якутская губерния). Несколько позже он присоединился к социал-демократическому революционному комитету и в качестве делегата от Якутского (губернская столица) Совета рабочих и солдатских депутатов участвовал в Демократическом совещании в Петрограде. Во время Октябрьской революции он находился в Сибири. В Иркутске он возглавлял газету «Известия» Революционного комитета. В 1918 г. как член ЦИК Советов Сибири он участвовал в защите Сибири от последствий восстания юнкеров (29.10 по старому или 11.11 по новому стилю 1917 г.) и операций чехословацких войск. После поражения Советов в Сибири он боролся в подполье, пока в 1919 г. не перешел линию фронта. В 1921 г. был одним из членов-учредителей ОПК. Кроме того, он был одним из основателей Общества по исследованию Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также редактором его журнала «Северная Азия». С конца 1922 г. он работал секретарем редакции «Известий». Ср. Виленский-Сибиряков, Владимир Дмитриевич. Личное дело 12.03.1921–1.07.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 348. Л. 4; Виленский-Сибиряков, Владимир Дмитриевич // Деятели революционного движения в России. Том 5. Социал-демократы / Сост. Е.А. Корольчук и С.М. Левин. Под ред. В.И. Невского. Выпуск первый: А-В. – М., 1931, ст. 815–818. Дальнейшую информацию о более поздней биографии Виленского-Сибирякова см. в главе V «ЧИСТКА ОТ ОППОЗИЦИОННЫХ ВЛИЯНИЙ (1927 г.)».

⁵ Рудзутак не участвовал в жизни Общества.

⁶ По поводу беседы Виленского-Сибирякова с Томским и Троцким ср. Протокол 49 заседания Совета ОПК от 10.2.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 79.

⁷ Галкин М.И. Ярославскому Е.М. от 9.2.1926. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 50. Л. 2–3.

⁸ См. об этом главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)».

⁹ Старр Л. Первые шаги // Десять лет. – М., 1931. С. 31.

¹⁰ Подготовка столетнего юбилея декабристов // Правда, 1923, 7.12. С. 3; Ратнер А.В. Указ. соч. С. 77, 83; К 100-летию восстания декабристов // КиС. 1925. 21 № 8. С. 297.

¹¹ Терешкович К.М. Народническая секция // КиС. 24 (1926) № 3. С. 281–281; Терешкович К.М. Народнический кружок // КиС. 45–46 (1928). С. 281.

¹² Плесков В. О секции по изучению революции 1905 г // КиС. 26 (1926) № 5. С. 298–300.; Секция по изучению эпохи утопического социализма в России (30–70-е гг.) // КиС. 4 (1927) № 5 С. 217; От состоящей при ВОПК Секции по изучению культурного влияния политической ссылки // КиС. 52 (1929) № 3. С. 190–193. Дополнительно были основаны и другие секции: «Революционное движение среди евреев» (год основания 1928), «Политические процессы» (год основания 1929), «Гражданская война» (год основания 1931) и другие. Ср. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Ср. об этом также: секция по изучению истории еврейского революционного движения // КиС. 41 (1928) С. 191; Секция по изучению революционного движения среди евреев // КиС. 111 (1934) С. 167.

¹³ Резолюция по докладу И.А. Теодоровича о задачах и перспективах историко-исследовательской работы ОПК // КиС. 79 (1931) № 6, приложение. С. 21.

¹⁴ Ср. об этом Дружинин. – Твардовская В.А. Б.П. Указ. соч. С. 87.

¹⁵ Н.М. Дружинин был одним из виднейших советских исследователей аграрной истории, работавшим в Музее революции. Ср. Твардовская В.А. Указ. соч. С. 89.

¹⁶ В разделе рецензий «Каторги и ссылки» можно встретить также имена историков старшего поколения, например, Ю.В. Готье, Тарле, А.Е. Преснякова и П.А. Хлоев.

¹⁷ С.Н. Чернов (1887–1942) был признанным специалистом в Саратовском университете по исследованию декабристов, регулярно выступавшим в ОПК с докладами, а также публиковавшимся в его журнале и издательстве. Чернов С.Н. Декабристы на пути в Благодатск. Две первые // КиС (1925) 5. С. 246–275; *Он же*. К истории Союза благоденствия. Из бумаг Ф.Н. Глинки. // КиС (1926) 2. С. 120–132; *Он же*. Представление генерал-губернатора Восточной Сибири Брончевского о декабристах в 1837 г. // КиС (1927) 2. С. 123–147; *Он же*. Декабристы в Благодатске // Декабристы на каторге и в ссылке. – М., 1925; *Он же*. В поисках сношений с Западом // Из эпохи борьбы царизмом. – Киев, 1926; *Он же*. Жены декабристов в Благодатске // Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов и воспоминаний. – М., 1926. С. 151–171; *Он же*. Из работ над «Зеленой книгой» // Декабристы и их время. – М., 1932. С. 44–112.

¹⁸ М.А. Цявловский (1883–1947) был известным пушкинистом.

¹⁹ Материалы. Восстание Черниговского пехотного полка / Под ред. Оксмана Ю.Г. – М., 1929. Ю.Г. Оксман (1875–1970) был блестящим знатоком Пушкина и его времени.

²⁰ Архив декабриста С.Г. Волконского. Том 1. До Сибири. Часть 1а. Под ред.[и с предисл.] С.М. Волконского и В.Л. Модзалевского. – М., 1918. В.Л. Модзалевский (1874–1928) – специалист по раннему XIX в., теперь в качестве редактора курировал собрание материалов по восстанию декабристов: Материалы. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов / Под ред. В. Модзалевского. – М., 1925.

²¹ Дружинин Н.М. Деятельность секции по изучению декабристов и их времени при ВОПК // КиС. 26 (1926) С. 296–297. С ОПК регулярно сотруд-

ничали также литературоведы С.А. Рейзер и Л.Р. Гроссман. Ср. *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 92.

²² *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 80.

²³ Биографию и список трудов ср. *Сыроечковский Б.Е.* Из истории движения декабристов. – М., 1969. С. 3–12, 358–363. Сыроечковский, близкий друг Дружинина, имел репутацию видного специалиста по декабристам.

²⁴ *Дружинин Н.М.* Воспоминания, мысли, опыт историка. – М., 1990. С. 24, 110.

²⁵ Член ревизионной комиссии Барьян даже критиковал отрыв отделение комиссии по декабристам от Общества, как и то, что она больше не подчиняется ОПК в идеологическом отношении. Ср. Протокол заседания Пленума ЦС ОПК от 17. – 20.10.1926. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 138.

²⁶ В работе Комиссии активно участвовал и Теодорович. Протокол 121 заседания Президиума Совета ОПК от 20.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2.

²⁷ Деятельность Московского отделения секции по изучению декабристов и их времени при ВОПК за 1927 г // КиС. 1928. 39, № 2. С. 190.

²⁸ *Терешкович К.* Народовольческий кружок // КиС. 45–46 (1928) № 8–9. С. 282.

²⁹ Подготовка столетнего юбилея декабристов // КиС. 1924. 8, № 1. С. 291–292; Обращение комиссии по подготовке празднования юбилея декабристов // КиС. 8 (1924), № 1. С. 300–301; К 100-летию восстания декабристов // КиС. 21 (1925) № 8. С. 292–297; *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 79.

³⁰ *Дружинин Н.М.* Указ. соч. С. 24.

³¹ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 81 и сл.

³² Съезд состоялся, в конце концов, 29–31 декабря 1925 г. № 8 «Каторги и ссылки» за 1925 г. был полностью посвящен сотому юбилею восстания декабристов. Ср. также: Президиум ЦС [ОПК]. Привет делегатам 2-го Всесоюзного съезда. На фоне двух юбилеев // Приложение к КиС (1925) 9. С. 1.

³³ Эта каторжная тюрьма находилась недалеко от села Александровское под Иркутском. Существовавшая с 1873 г., она предназначалась сначала для уголовников. С 1889 г. она была пересыльной тюрьмой, с 1903 тюрьмой для политических заключенных.

³⁴ Об обоих землячествах ср. Из жизни Московского Общества политкаторжан // КиС. 1924. 9, № 1. С. 314–315. Землячество «нерчинцев» было объединением людей, отбывавших Нерчинскую каторгу. При этом речь идет о сети каторжных тюрем в Акатуе, Алгаче, Горном Зерентуе, Кутомаре, Мальцевской тюрьме, Кадае и др. Они находились в Нерчинском округе. Там сидели уже декабристы, затем участники польских восстаний (1830–31 и 1863–64 гг.), а также революционного движения, начиная с 1860-х гг. (народники, социал-демократы и т. д.).

³⁵ *Виленский-Сибиряков.* Указ. соч. С. 25 (Схема построения Общества). См. также иллюстрацию на стр. 154 настоящей работы.

³⁶ Положение о землячествах при Обществе политкаторжан // КиС. 11 (1924) № 4. С. 309–311; *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 63; Протокол 12 заседания Общего собрания Фракции РКР (2.11. 1924) ГАРФ. Л. 24.

³⁷ 1928 оно снова было ликвидировано. По поводу причин ср. главу VI «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)».

³⁸ Даже Бреслав, один из тех, кто поддерживал преобладание коммунистической фракции в Обществе, признавал в своем докладе коммунистической фракции 2 ноября 1924 г. связующую функцию и создание более интимной атмосферы. Правда, он характеризовал землячества в основном как поддержку организационному комитету ОПК, в завоевании новых членов. Кроме того, так обеспечивается абсолютное влияние коммунистов. Ср. Протокол 11 заседания Фракции РКП (7.4.1924) – ГАРФ. Л. 24. По поводу программной статьи в «Каторге и ссылке» ср. Главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)».

³⁹ Енисейское землячество // КиС. 27 (1926) 6. С. 269–270.

⁴⁰ У них, правда, не было права голоса.

⁴¹ *Тугов М.Ю.*, Автореферат. С. 10, 13 и сл.; *Тугов М.Ю.* Диссертация. С. 55.

⁴² Из деятельности земляческих объединений. – Приложение к КиС (1925) 9. С. 26–30. Ср. также интенсивное участие землячеств в разработке библиографической энциклопедии революционного движения (об этом см. ниже). Ср. О справочнике // КиС. 50 (1928) С. 201–208.

⁴³ Протокол заседания IV Пленума ЦС ОПК от 29. – 31.12.1927. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 236.

⁴⁴ Ср., в частности, описание дела Сандомирского в главе III «ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.)».

⁴⁵ Ср. Жуковский-Жук И.И. Личное дело. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 1043.

⁴⁶ Ср. Обращение комиссии по подготовке празднования юбилея декабристов // КиС. 1924. 8, № 1. С. 300. Плесков участвовал с 25 мая 1926 и в работал президиума секции по исследованию революции 1905 г. *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 80, 87; Из жизни Московского Общества политкаторжан // КиС. 1924. 9, № 1. С. 315.

⁴⁷ *Светлова В.* Центральный музей каторги и ссылки // Десять лет. (1931) С. 117.

⁴⁸ Протокол 9/23 Общего собрания Фракции ВКП(б) (6.12.1925) Л. 60. Ср. также главу III «ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.)».

⁴⁹ Выдающиеся примеры – участие историка С.Н. Чернова в работе комиссии по декабристам и специалиста по Лаврову Ф.И. Седенко-Витязева в рабочем кружке «Народовольцы» и в составлении издания сочинений Лаврова.

⁵⁰ *Корочкин С.* Как строиться нашему Обществу. От «удельного» периода – к всесоюзной организации // Приложение к КиС (1925) 8. С. 6–12; *Черкунов А.* Общество политкаторжан в цифрах // Приложение к КиС (1925) 9. С. 13.

⁵¹ *Светлова В.* Работа Музейной секции // КиС. 35 (1927) С. 262. Первые соображения по поводу основания музея были уже осенью 1921 г. Рассылались циркулярные письма с призывом собирать материалы для музея. Ср. *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 101.

⁵² ОПК специально зачислило на работу фотографа, важнейшая задача которого заключалась в фотокопировании или репродуцировании старых фотографий. В 1927 г. в собственности музея находилось 5 100 негативов. Ср. *Светлова В.* Указ. соч. С. 262.

⁵³ В 1927 г. музей располагал более 61 картиной, написанных масляными красками, рисунками углем и другими изображениями революционеров. Там же.

⁵⁴ Резолюция по докладу организационной комиссии при ЦС ОПК к IV Пленуму от 29.12. – 30.12. 1927. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 226, 258об, 265; *Светлова В.* Указ. соч. С. 263.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. (Резолюция по докладу) Л. 265об. Ср. также: Положение о землячествах при Обществе политкаторжан // *КиС*. 1924. 11, № 4. С. 309.

⁵⁷ Литературной комиссией, 16 марта 1924 г. переименованной в литературно-историческую, руководили Виленский-Сибиряков, Крамаров, Кон, М. Фроленко, Н. Головина, Л. Дейч, М. Ионов, Е. Ковальская и Б. Козьмин. Ср. там же. (Положение) С. 310. Детальный обзор объема, типологии и структуры издательской деятельности ОПК см. в *Тугов М.Ю.* Диссертация.

⁵⁸ Следующая таблица взята из: Литературно-издательская деятельность [ОПК] // Приложение к *КиС* (1925) 9. С. 21.

⁵⁹ Журнал «Историко-революционный бюллетень» был, однако, после двух номеров переименован в «Историко-революционный вестник». С апрельского номера 1922 г. «Вестник» был прекращен или интегрирован в «Каторгу и ссылку» (с № 5 «Каторга и ссылка» выходила с подзаголовком «Историко-революционный вестник»). Произошло ли это, как предполагает Ратнер, по финансовым соображениям, не подтверждено. Журнал «Каторга и ссылка» выходил затем с 1928 г. ежемесячно. В целом до 1935 г. ОПК издало 116 номеров. *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 19; *Козьмин Б.П.* Историко-революционную книгу в массы. Литературно-издательская деятельность Общества // Десять лет. – М., 1931. С. 83 и сл.

⁶⁰ Консолидации журнала способствовало и введение обязательной для членов Общества с конца 1923 г. подписки на журнал. Ср. Протокол 46 заседания Совета ОПК от 16.12.1923. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 70.

⁶¹ В 1930 г. снова была предпринята попытка продолжать бюллетень как самостоятельную часть «Каторги и ссылки». *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 20 и сл.

⁶² ОПК. Каталог изданий. 1921–1931. – М., 1931; впечатляющий пример дают многочисленные книги декабристах и их времени: К 100-летию юбилею восстания декабристов. – Из жизни и деятельности ОПК, Вып. 1. С. 38. По поводу трудностей ср. Резолюция по докладу организационной комиссии при ЦС О-ва политкаторжан и сс-поселенцев к IV Пленуму от 29.12. – 30.12. 1927. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 226–227.

⁶³ *Тугов М.Ю.*, Автореферат. С. 11.

⁶⁴ На протяжении 2 лет (с 1925 по 1926 гг.) были изданы 60 таких маленьких книг ценой в 5–50 копеек. В них рассматривалась история революционного движения от декабристов до Ленина. Особое внимание уделялось текстам народнических авторов, окрашенным в биографические тона. Ср. очень обширную и положительную рецензию: Обзор «Дешевой библиотеки» журнала «Каторга и ссылка». – «Пролетарская революция», 1927, № 66. С. 247–256, в особенности С. 249–251. С 1929 г. двум основным сериям («Дешевая библиотека» и «Историко-революционная библиотека») была добавлена третья под названием «Научно-популярная библиотека». Эта серия должна была обращаться к небольшой, особенно заинтересованной читательской аудитории. Ср. *Козьмин Б.П.* Указ. Соч. С. 86.

⁶⁵ О планах Лемке и Щеголева ср. главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)».

⁶⁶ *Ратнер А.В.* Словарь революционеров. – Советская библиография, 1980, № 2. С. 58; *Он же.* Создатель словаря революционеров // Книжное обозрение. 21.10.1977. С. 16. Работу сопровождала историк М.Г. Карнаухова.

⁶⁷ *Ратнер А.В.* Неустанный труженик // Книжное обозрение. 23.10.1977. С. 16.

⁶⁸ *Невский В.* Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в Российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 гг. Вып. 1. – М., 1923.

⁶⁹ *Зеленов М.А.* Аппарат СК РКП(б) – ВКП(б). Цензура и историческая наука в 1920-е годы. – Нижний Новгород, 2000. С. 330.

⁷⁰ *Ратнер.* Словарь революционеров. С. 59. В конечном счете энциклопедия была названа «Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. – М., 1927–1934.

⁷¹ Деятели. Том 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Часть первая: До 50-х гг. XIX века / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. – М., 1927; Часть вторая: Шестидесятые годы / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. – М., 1928.

⁷² Деятели. Том 2: Семидесятые годы / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. Выпуск первый: А-Е. – М., 1929; Выпуск второй: Ж-Л. – М., 1930; Выпуск третий: М-Р. – М., 1931. Выпуск четвертый. С-Я. – М., 1932.

⁷³ Том 3: Восьмидесятые годы. Выпуск первый: А-В / Составители М.М. Клевенский, Е.Н. Кушева, А.А. Шилов. – М., 1933; Выпуск второй. Г-Я / Сост. П.М. Кантор, П.Г. Любомиров; Е.Н. Кушева, А.А. Шилов. – М. 1934.

⁷⁴ Деятели. Том 5: Социал-демократы / Сост. Е.А. Корольчук и Ш.М. Левин. Под ред. В.Н. Невского. Выпуск первый: А-Б. – М., 1931; Выпуск второй: В-Г. – М., 1933.

⁷⁵ Протокол 17 заседания Бюро Фракции РКП ОПК от 8.4.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 34об.

⁷⁶ Протокол 35 заседания Бюро Фракции ЦС ОПК от 26.4.1926. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 17об.

⁷⁷ Пигит не был членом Общества, но обладал хорошими организаторскими способностями, охватывавшими и изыскание государственных средств для создания издательства, принадлежавшего ОПК. Ср. *Старр Л.* Первые шаги // Десять лет. – М., 1931, С. 31; Протокол заседания Оргкомиссии при Совете ОПК от 23.8.1921. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 12; уже в конце 1922 г. был заключен договор на открытие книжной лавки: Протокол 69 заседания Президиума Совета ОПК от 2.12.1922. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 59–84.

⁷⁸ Немалая прибыль от ватной фабрики поступала в бюджет ОПК.

⁷⁹ Протокол заседания Фракции ВКП(б) Московского отделения ОПК от 6.3.1927. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 84об.

⁸⁰ Ср. отчет на II Всесоюзном съезде ОПК в декабре 1925 г., возникший на основе речи Виленского-Сибирякова: Тезисы к отчету ЦС. По докладу

т. Виленского-Сибирякова. – Приложение к КиС (1925) 9. С. 3–5. Виленский-Сибиряков был в это время не только руководителем литературно-исторической комиссии ОПК и тем самым издательства, но и ответственным редактором «Каторги и ссылки». Ср. 100 лет политической каторги. Второй Всесоюзный съезд политкаторжан 26. – 29.12.1925, М. 1925. С. 66.

⁸¹ На основе протоколов нельзя констатировать ни серьезное сопротивление, ни различия. Коммунистическая фракция способствовала и концентрации на исследовании истории декабристов. Ср. Протокол 21 заседания фракции РКП ОПК от 10.10.1925. – ГАРФ, Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 40.

⁸² *Виленский-Сибиряков В.* Политкаторжане. Каторга и ссылка в русской революции. – М., 1925.

⁸³ *Виленский-Сибиряков.* Указ. соч. С. 6, 16.

⁸⁴ Там же. С. 22. Ср. об этом главу IX «ПРЕВРАЩЕНИЕ В ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ИНСТИТУТ ПАРТИИ (1933–1934 гг.)».

⁸⁵ *Виленский-Сибиряков.* Указ. соч. С. 6; Виленский-Сибиряков представляет в данном случае «механистическую концепцию» большевиков, рассматривавших себя исполнителями законов истории и исторической необходимости. Ср. *Beyrau D.* Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler. – Göttingen, 2000. С. 11.

⁸⁶ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Указ. соч. С. 6–16.

⁸⁷ Так называемые «октябристы» или Союз 17 октября представляли собой либеральное объединение чиновников, помещиков и промышленников в России, основанное в 1906 г. Оно было названо по Манифесту 17 октября 1905 г., в соответствии с которым Россия была формально преобразована в конституционную монархию и получила Государственную Думу. После третьих думских выборов 1.11.1907 октябристы образовали сильнейшую фракцию. В 1915 г. они распустились как партия. БЭС. С. 393; Programm des «Bundes vom 17. Oktober» (Oktjabristen) // Die russischen politischen Parteien von 1905 bis 1917. Ein Dokumentationsband / Hr. v. P. Scheibert. – Darmstadt, 1972. С. 69–77.

⁸⁸ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Указ. соч. С. 13.

⁸⁹ Там же. С. 15.

⁹⁰ Это не поддается статистическому доказательству.

⁹¹ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Указ. соч. С. 47.

⁹² Там же. С. 48.

⁹³ А.Тун (1854–1886) – швейцарский историк. Автор, в частности, следующих работ: *Thun A.* Die Geschichte der revolutionären Bewegung in Russland. – Leipzig, 1883. Издания на русском языке: *Тун А.* История революционного движения в России (С предисловием Г. Плеханова). Гент, 1903; *Тун А.* История революционного движения в России. / Перевод В. Засулич, Д. Кольцова и др. С воспоминаниями об А. Туне Л. Дейча, предисловием Г. Плеханова, статьями: «Восьмидесятые годы» Д. Кольцова, О социальной демократии в России» Г. Плеханова и примечаниями П. Лаврова. – Санкт-Петербург, 1906. О Туне ср. *Левин Ш.М.*: Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. – Л., 1974. С. 41–42, 49–50, 206–207, 244, 287; *Троицкий Н.А.* Крестonosцы социализма. – Саратов, 2002. С. 8.

⁹⁴ П.Лавров (1823–1900) – один из виднейших теоретиков народничества. Опубликовал в 1868–1869 гг. свои «Исторические письма» (*Lavrov P.L.: Historische Briefe.* – Berlin, 1901). Ср. биографию *Pomper Ph. Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement.* – Chicago, 1972.

⁹⁵ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Указ. соч. С. 27, 48.

⁹⁶ *Мицкевич С.И.* К вопросу о корнях большевизма. Ответ Н. Батурину // *КиС.* 1925. 16, № 1. С. 92–101. Ср. также комментарий Б. Козьмина: П.Н. Ткачев и народничество // *КиС.* 22 (1926) С. 109–122, особенно 109 и 122. Кроме того, Виленский-Сибиряков цитирует историка М.Н. Покровского. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. – М., 1923.

⁹⁷ Ср. отчет Виленского-Сибирякова на заседании бюро коммунистической фракции. Протокол 23 заседания бюро коммунистической фракции ЦС ОПК от 19.11.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189.

⁹⁸ Об М.С. Ольминском ср. также главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)». Об Н.Н. Батурине (1877–1927) ср. *Невский В.Н.* Н. Батури (1877–1927) // *КиС.* 37 (1927) С. 161. Еще одним видным членом-учредителем Истпарта был историк П.Н. Лепешинский.

⁹⁹ ППР. С. 411; *Barber J. Soviet Historians...* С. 16.

¹⁰⁰ *Батури Н.Н.* Очерки истории социал-демократии в России. – М., 1926; *Батури Н.Н.* Биографический очерк // *Сочинения.* – М.–Л., 1930. С. 19. Батури о Плеханове, Ср. *Батури Н.Н.* Бабушкины сказки о Плеханове и о большевизме. – *Батури Н.Н.* – М.–Л., 1930. С. 337–341.

¹⁰¹ *Батури Н.Н.* Бабушкины сказки... С. 337–341.

¹⁰² *Ольминский М.С.:* Две годовщины // *Рабочая Москва*, 1923, 16.12. С. 3. В то же время своей статьей Ольминский призывал к дискуссии о революции 1905 г. Газета «Рабочая Москва» была органом Московского комитета РКП(б), Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Московского Совета профсоюзов; *Виленский-Сибиряков В.* Следует ли праздновать столетие юбилея восстания декабристов? // *Известия ЦИК*, 1923, 19.12. С. 2; Полемика по вопросу о чествовании столетнего юбилея декабристов // *КиС.* 9 (1924) № 1. С. 319–322.

¹⁰³ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Указ. соч. С. 48 и сл. Ср. также подведение итогов дискуссии: Полемика по вопросу о чествовании столетнего юбилея декабристов // *КиС.* 9 (1924) № 1. С. 319–322.

¹⁰⁴ Избранные произведения П.Н. Ткачева (1844–1885/86) публиковались с 1932 в издательстве ОПК под руководством Б. Козьмина, и их издание продолжалось также после ликвидации ОПК в 1935 г. Ср. *Ткачев П.Н.:* Избранные сочинения. Том 1–6. – М., 1932–1937. Первоначально планировалось 7 томов.

¹⁰⁵ Ср. об этом *Мицкевич С.И.* Русские якобинцы // *Пролетарская революция*, 1923, № 18–19. С. 6–7. С. 3–26; *Батури Н.Н.* О наследии русских якобинцев // *Пролетарская революция.* 1924. № 7. С. 82–89.

¹⁰⁶ *Мицкевич С.И.* Декабристам надо поставить памятник! // *Рабочая Москва*, 1923, 16.12. С. 3. Мицкевич был также членом ОПК.

¹⁰⁷ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Указ. соч. С. 49.

¹⁰⁸ Там же. С. 50.

¹⁰⁹ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Указ. соч. С. 50. По поводу контекста ср. также С. 49.

¹¹⁰ Там же. С. 51.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. С. 52 и сл.; в декабре 1925 г. в резолюции Совета ОПК было выдвинуто требование обеспечить Обществу неограниченный доступ к архивным материалам до 1917 г. Ср. Совет ОПК. К усилению архивно-исследовательской работы Политкаторжан. Всесоюзный съезд ОПК назначается на 14-е (27).12.1925 года. Всем отделениям О-ва политкаторжан. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 134–135.

¹¹³ С помощью статистических средств, учитывавших также конструкцию и содержание статей в «Каторге и ссылке», Колесникова смогла доказать, что это верно в особенности для периода 1925–1930 гг. Ср. *Колесникова Л.А.* Народническая мемуаристика. По материалам исторического комплекса журнала «Каторга и ссылка». – Нижний Новгород, 1999. С. 43.

¹¹⁴ Ср. Вокруг работы Истпарта // *Летопись революции*, 4 (1923) С. 229–230 и 315–329.

¹¹⁵ *Holmes, Burges.* Op. cit. С. 381 ff.

¹¹⁶ Там же. С. 388–390. Тем не менее Ольминский мог до мая 1928 г. воспрепятствовать включению Истпарта в Институт Ленина.

¹¹⁷ Там же. С. 386. Большой помехой оказалась прежде всего децентрализованная модель их финансирования, – они должны были получать 1–3% местного партийного бюджета – ибо партийные организации на местах видели другие, более важные задачи, нежели поддержка собрания материалов о революционном прошлом их партий и революционного движения. *Ольминский М.С.* [Рецензия]. Из партийного прошлого. Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. Под ред. Калужской комиссии по истории Октябрьской революции и Р.К.П. – Калуга, 1921. – Пролетарская революция, 1922, № 3. С. 303–306; О работе периферийных бюро в 1922–1923 гг. ср. следующий отчет: *Невский В.И.* Обзор нашей провинциальной истпартовской литературы // *Пролетарская революция*. 1923. № 16. С. 286–313.

¹¹⁸ Протокол заседания фракции ВКП(б) Московского отделения ОПК от 6.3.1927. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 83.

¹¹⁹ *Коржихина Т.П.* Общество старых большевиков (1922–1935 гг.) // *Вопросы истории*. 1989. № 11. С. 57 и сл.

¹²⁰ В Обществе историков-марксистов. – *Историк-марксист*, 1926, № 15. С. 317–319; *Barber J. Soviet Historians...* С. 18. Инициатива по основанию «Общества историков-марксистов» исходила в 1925 г. от Покровского, который пытался внутри «Коммунистической Академии Наук» объединить историков в этом обществе. (Не следует смешивать с основанной в 1925 г. «Коммунистической Академией» секцией по исследованию революционного движения). Покровский был также ректором основанного в 1921 Института красной профессуры и руководил его исторической секцией. Институт находился под непосредственным влиянием партии. Политические кампании, при проведении которых использовались исторические факты, представляли собой основное направление работы исторической секции. *Barber J. Soviet Historians...* С. 15.

¹²¹ Преимущество заключалось также и в том, что руководящая группа состояла из менее значимых, но, тем не менее, способных коммунистов, имевших хорошие личные контакты с партией и считавших своей главной задачей работу в ОПК. Они совсем не занимались или лишь в малой степени занимались партийной работой или решением других задач.

¹²² Сходную функцию выполняло и расширение предприятий, принадлежавших Обществу.

¹²³ Это не обязательно касается численности публикаций. ОПК располагало к тому же богатым архивом.

Глава V

ЧИСТКА ОТ ОППОЗИЦИОННЫХ ВЛИЯНИЙ (1927 г.)

В 1925–1926 гг. ОПК превратилось во влиятельную и эффективно структурированную общественную организацию в области истории революционного движения. Она внесла существенный вклад в подготовку и публикацию материалов. Профессиональные историки и архивисты сопровождали работу и заботились о ее высоком качестве. При этом максимально использовалось еще существовавшее свободное политическое пространство. ОПК могло работать относительно беспрепятственно, без чрезмерного контроля. Кроме того, внутренние проблемы ОПК и конфликты с органами советской власти и партии оставались в определенных границах.

Но уже двумя годами позже Общество было внезапно лишено своего лидера в программной и политической сфере. В конце 1927 г. В.Д. Виленский-Сибиряков утратил все свои посты. В то же время лишилась своего поста также Р.А. Грюнштейн, близкая сотрудница Виленского-Сибирякова, много лет работавшая его секретарем. Вместо этого руководство Обществом принял на себя Е.М. Ярославский¹, который ввел на руководящие позиции своих кандидатов.

1. Подготовка к смещению В.Д. Виленского-Сибирякова

1 июня 1927 г. С.Ф. Корочкин, член Президиума Центрального Совета и председатель коммунистической фракции Центрального Совета ОПК, получил письмо Е.М. Ярославского². До тех пор

Ярославский, уже с декабря 1925 г. возглавлявший Общество в качестве старосты, не особенно обращал на себя внимание. Теперь же высокопоставленный партийный функционер, – он был секретарем партколлегии Центральной контрольной комиссии (ЦКК) и членом ее Президиума³ – вмешался в ситуацию в руководстве ОПК. Он осуществил смещение Виленского-Сибирякова со всех его постов.

Ярославский принципиально требовал в своем письме выяснить, как в издательстве ОПК могла выйти брошюра Виленского-Сибирякова о китайской революции под названием «Где корни предательства Чан-Кай-Ши?»⁴

Формально речь шла о том, что издательство ОПК не имело права выпускать такую книгу. Оно было уполномочено публиковать только и единственно книги по истории революционного движения до 1917 г. Но происшедшее обрело значимость непосредственно в результате содержательной критики Ярославского в адрес брошюры. Он осуждал то обстоятельство, что брошюра не совпадает с линией партии и Коминтерна в отношении к китайской революции⁵. Виленский-Сибиряков характеризовал как иллюзию тактику единого фронта крестьян, рабочих, ремесленников и части буржуазной интеллигенции, которую Ярославский описывает в качестве официальной линии партии и Коминтерна. В дополнение к этому Ярославский связывает брошюру с подписью Виленского-Сибирякова под «Платформой 83» от 25 мая 1927 г. Так называемая платформа была резолюцией в поддержку объединенной оппозиции в ее борьбе с руководством партии вокруг Сталина, Томского, А.И. Рыкова и Н.И. Бухарина⁶. Объединенную оппозицию возглавляли Л.Д. Троцкий, Г.Е. Евдокимов, Г.Е. Зиновьев и И.Т. Смилга.

Ярославский доносил на Виленского-Сибирякова в своем письме как на антипартийно настроенного троцкиста, который был вовсе не старым большевиком с 1903 г., что указано в дополнении к его подписи под платформой, а меньшевиком, только в 1919–1920 гг. вступившим в партию большевиков. Как доказательство этой информации Ярославский упоминает время, проведенное вместе с Виленским-Сибиряковым в ссылке в Якутии. Виленский-Сибиряков встретил его как социал-демократ, враждебно настроенный к большевикам, который затем, в июле 1917 г. [в Якутии] открыто выступил против партии.

Подчеркивается значение письма Ярославского припиской о том, что машинописная копия направлена Сталину, Молотову и заведующему Отделом печати ЦК ВКП(б) С.И. Гусеву⁷.

Виленский-Сибиряков с Троцким. Троцкий был не только членом ОПК, но и выступал на II Всесоюзном съезде ОПК в декабре 1925 г., проходившем под полноправным руководством Виленского-Сибирякова, с докладом о революции 1905 г. и был членом президиума съезда⁸. В качестве главного редактора «Каторги и ссылки» Виленский-Сибиряков опубликовал в феврале 1927 г. краткую биографию Ленина, которую Троцкий написал для Британской энциклопедии⁹. Кроме того, в выпуске «Каторги и ссылки» за сентябрь, приуроченному к десятилетнему юбилею Октябрьской революции, он поместил обстоятельную статью Троцкого к биографии Ленина, хотя Троцкий, как показывало его исключение из Политбюро 23 октября 1926 г., уже оказался в политически трудной ситуации¹⁰.

К тому же Виленского-Сибирякова и Троцкого связывал их давний интерес к развитию событий в Китае. Виленский-Сибиряков считался в первой половине 20-х гг. одним из наиболее значительных советских авторов, писавших о Китае¹¹. Но именно весной 1927 г. положение в Китае дало повод «объединенной оппозиции» во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым после своего поражения в октябре 1926 г. предпринять новую, лучше организованную попытку взять верх в борьбе против Сталина и его сторонников¹².

Официальная политика партии и Коминтерна заключалась в том, чтобы запретить Коммунистической партии Китая разрывать союзные отношения с буржуазными силами, так называемым Гоминьданом, и начинать строительство Советов. Вместо этого советские инструкторы обучали армию Гоминьдана во главе с генералом Чан Кайши, затем в начале 1926 г. Гоминьдан был принят в Коминтерн и, наконец, Чан Кайши произведен в почетные члены Исполкома Коминтерна. Поражение этой политики сотрудничества с национально ориентированными силами, которую неоднократно критиковал Троцкий, стало очевидно 12 апреля 1927 г. Чан Кайши приказал своей армии в Шанхае открыть огонь по рабочим и коммунистам, которые до этого парализовали город всеобщей забастовкой, взяли на себя управление в нем и провозгласили коммуну. Именно Коминтерн и дал Коммунистической партии Китая, игравшей важную роль за кулисами событий в Шанхае, указание сложить оружие и не вооружать рабочих. Ошибка в оценке Ярославским тактики «единого фронта» окончательно выявилась, когда в мае 1927 г. Уханьское правительство во главе с пучистом Чан Ша, вышедшее из «левого» крыла

Гоминьдана, открыто перешло к преследованию коммунистов, запретило профсоюзы и подавило крестьянские восстания¹³.

С помощью «Платформы 83-х», которая не могла появиться в прессе, и которую пришлось печатать нелегально (см. ниже), была установлена связь между обанкротившейся внешней политикой и внутривластными столкновениями в Советском Союзе¹⁴. Именно действия властных структур, заключающиеся в сокрытии информации, подавлении дискуссий и удалении из партии тех, кто занимал критические позиции, а также в оправдании совершенных ошибок, как это делал Сталин, были основной причиной происходящего¹⁵.

Ярославский как решительный сторонник сталинской фракции увидел в брошюре, по ошибке вышедшей под грифом ОПК, удобный повод для выступления против Виленского-Сибирякова. Поэтому всего через день после того, как он в качестве старосты Общества узнал о происшедшем обычным путем – из протокола заседания коммунистической фракции ОПК от 30 мая, Ярославский написал упомянутое письмо Корочкину.

Направление главного удара в письме Ярославского заключалось в том, чтобы наказать Виленского-Сибирякова за выраженную им несколькими днями ранее солидаризацию с платформой объединенной оппозиции¹⁶. Ситуацию осложняло и то обстоятельство, что брошюра Виленского-Сибирякова обрела значимость, до тех пор не принимавшуюся во внимание, и, очевидно, должна была быть изъята из обращения. В мае и июле Троцкий воспользовался поражением политики Коминтерна в Китае, чтобы доказать тяжелые ошибки ЦК и Политбюро и во внутренней политике. Эту позицию венчал провокационный тезис о термидоре, с помощью которого Троцкий намекал на поражение французской революции.

Интересно в данной связи, что на протяжении всего конфликта в ОПК Виленский-Сибиряков не отмежевывался от содержательной критики Ярославского в адрес его брошюры. Согласно этой же брошюре политику ЦК в отношении Чан Кайши следовало рассматривать как иллюзорную. Напротив, он подчеркивал, что у него есть собственная точка зрения на китайские события, и он не считает правильным «замалчивать»¹⁷ китайский вопрос.

Характеристика Виленского-Сибирякова как не надежного социал-демократа и меньшевика послужила Ярославскому также и для того, чтобы сблизить его с Троцким, чье меньшевистское политическое прошлое было известно. Следует критически рас-

смотреть тот факт, что Ярославский в своем письме представляет себя свидетелем, не приводя дополнительных доказательств своих утверждений.

Демонтаж позиций Виленского-Сибирякова Ярославским имел помимо причин, продиктованных потребностями текущей политики, и другие основания, отделенные от рассматриваемых периодом более чем в год: в мае 1926 г. Виленский-Сибиряков попытался поместить в журнале «Пролетарская революция» статью, в которой он исключительно критически рассматривал прошлое Ярославского в ссылке в Якутии вскоре после Февральской революции 1917 г.¹⁸ Текст был задуман как ответ на статью Ярославского в «Пролетарской революции» в марте 1926 г., в котором он, как и в письме Корочкину, характеризовал Виленского-Сибирякова как меньшевика¹⁹.

В своем ответе Виленский-Сибиряков руководствуется следующим методическим принципом: сначала он связывает воедино свои обвинения, чтобы потом доказать их. Ярославского он обвиняет в том, что тот «искажает историческую правду» и «творит легенды», только для того, чтобы «задним числом», постоянно повторяясь, иметь возможность представить себя «стопроцентным большевиком»²⁰. На основании документов, т. е. современных газетных сообщений в сочетании с собственными воспоминаниями, а также множества фактов, Виленский-Сибиряков переворачивает вверх ногами утверждения Ярославского о социал-демократической организации Якутии. Социал-демократическая партия в Якутии именно под руководством видных большевиков Ярославского и Г.И. Петровского²¹, который действовал в Якутии в качестве комиссара Временного правительства с марта по май 1917 г., ориентировалась на так называемый «мелкобуржуазный Комитет общественной безопасности». Этот комитет состоял из эсеров, социал-демократов, кадетов, представителей иудейских и мусульманских обществ и других групп. Напротив, местный Совет рабочих и солдатских депутатов партия недооценивала. Только в июне 1917 г., после того, как Ярославский и Г.И. Петровский уехали (это было уже в мае), те, кто теперь характеризовали себя как «стопроцентные большевики», с большими трудностями избавились от этого «примиренческого наследия». Борьба за Советы, которые, вслед за Лениным, считались решающим критерием «правильной» большевистской политики, окончательно выдвинулась на передний план. Комиссар Временного правительства, эсер В.Н. Соловьев, который еще с помощью Петровского и Яро-

славского был назначен как их преемник на эту должность, реагировал на происходящее расстрелами и объявлением арестов для рабочих и социал-демократов.

Особенно резко Виленский-Сибиряков выступает против двух основных тезисов Ярославского:

1. что после отъезда его и Петровского в Якутии едва оставались большевики и,

2. что меньшевики в Якутии под руководством В.Д. Виленского[-Сибирякова] приняли после июльских событий²² решение лишить Петровского ввиду его компрометирующих и постыдных выступлений мандата кандидата в Учредительное собрание.

Виленский-Сибиряков доказывает, что Ярославский получил свой мандат на съезд большевиков в Петроград от мнимых оставшихся в Якутии меньшевиков. Вместе с тем он замечает, что неверно утверждение о лишении Петровского в Якутии его мандата кандидата. Мандат социал-демократов в Якутии был недействителен²³. Когда затем на повестке дня в Якутии стояло выдвижение кандидатов в Учредительное собрание, социал-демократическая организация с учетом нараставшей активности масс и обострения борьбы за массы в качестве кандидата выдвинула социал-демократа Попова без какой-либо связи с «июльскими днями».

Виленский-Сибиряков задается вопросом, как это у Ярославского то и дело встречаются «слова и отговорки» о «каком-то» меньшевизме: если борьба за Советы и против эсеров считается антипролетарской, то, как охарактеризовать коалиционную политику Ярославского в Якутии?

Прибегая к игре слов с буквальным значением понятий «меньшевизм» и «большевизм», он иронически замечает:

«Что касается моего “меньшевизма”, то если опираться на факты, он не больше “большевизма” тов. Ем. Ярославского [...]»²⁴.

Не в последнюю очередь Виленский-Сибиряков детально доказывает, что именно Ярославский не только поддерживал правое крыло в социал-демократической партии Якутии, но и льстил эсерам. Напротив, социал-демократы, в конце концов, оставшиеся в Якутии, сидели в тюрьмах или в подполье продолжали бороться за Советы. Им гораздо более принадлежит право характеризовать свою линию как подлинную линию «большевиков»²⁵.

Таким образом, Виленский-Сибиряков защищался уже в начале 1926 г. от обвинения в меньшевизме, которое Ярославский в своем письме годом позже невозмутимо повторил. Он выступил

против старосты ОПК и попытался бросить Ярославскому вызов с помощью аргументации, основанной на фактах и разжечь дискуссию о смысле и бессмысленности политических «ярлыков». Ярославский, однако, не пошел на эту дискуссию. Он воспрепятствовал напечатанию статьи. Его комментарий гласил:

«Бесчестный лгун. Надо быть меньшевиком, чтобы так нагло лгать, как это делает Виленский»²⁶.

2. Смещение В.Д. Виленского-Сибирякова

Положение Виленского-Сибирякова в ОПК было до письма Ярославского вполне спокойным. Коммунистическая фракция в ОПК не установила связи между подписью Виленского-Сибирякова под «Платформой 83-х» и ошибочной публикацией брошюры как издания ОПК. Напротив, она охотно согласилась с заявлением Виленского-Сибирякова о том, что его брошюра в результате путаницы в высшем цензурном ведомстве Главлит вышла, не как планировалось первоначально, в виде книги под грифом журнального издательства «Северная Азия»²⁷, а под грифом издательства ОПК²⁸. Поручение на публикацию лежало в папке издательства ОПК. В доказательство Виленский-Сибиряков приложил заявление технического руководителя соответствующей типографии, подтверждавшего, что в ошибке был действительно виновен Главлит²⁹. Наконец, участники заседания коммунистической фракции ОПК согласились указать на ошибку, вложив для этого в книгу список опечаток. К тому же брошюра была вполне легально допущена Главлитом к печати в апреле 1927 г.³⁰

В ОПК тема больше не обсуждалась на протяжении четырех месяцев, несмотря на письмо Ярославского в органы Общества. Лишь много позже, 26 сентября 1927 г., инициативу снова проявил сам Ярославский, на сей раз обратившись с письмом к заместителю секретаря ОПК П.Н. Львову (РСДРП (б), ВКП(б))³¹. Он просит его принять на чрезвычайном заседании коммунистической фракции Центрального Совета ОПК решение об увольнении Виленского-Сибирякова из редакции ОПК и из руководства издательства, принадлежавшего Обществу. На освободившиеся посты Ярославский предлагает Ф. Кона³² (народник, ППС (леви-

ца), РСДРП, теперь ВКП(б)) в качестве главного редактора и Я. Шумяцкого (бывший бундовец, РСДРП (б), в данное время ВКП(б)) как руководителя издательства. Его заместителем должен стать уже работающий на той же должности в Госиздате Я.Д. Янсон (Литовская СДПР, в рассматриваемый период ВКП(б)).

Ярославский не смог, правда, предложить по поводу Виленского-Сибирякова никаких других фактов, выходящих за пределы уже выраженных им упреков. Кроме того, Ярославский не мог лично участвовать в заседании. Тем не менее, мероприятие было хорошо подготовлено на другом уровне. Он не обратился снова к Корочкину, который оказался неспособным принять в соответствии с представлениями Ярославского быстрые меры против Виленского-Сибирякова. Вместо этого он заранее договорился со Львовым³³. Последний, вооружившись письмом старосты, созвал в тот же день специально для данного случая собрание коммунистической фракции Центрального Совета, в котором из-за нехватки времени смогли участвовать не все. Львов взял на себя и ведение заседания. В отличие от заседания бюро коммунистической фракции 30 мая 1927 г., на котором Виленский-Сибиряков получил поддержку, теперь отсутствовали его важнейшие сторонники – Корочкин, Р.А. Грюнштейн, А.И. Скобенников (РСДРП, ВКП(б)), К.И. Грюнштейн и Н.М. Козубенко (бывший эсер, максималист, в данное время ВКП(б)). Вместо этого были вызваны Д.П. Долбежкин (РСДРП(б), в рассматриваемый период ВКП(б)) и Г.А. Азеев (РСДРП(б), сейчас ВКП(б)), до тех пор не зарекомендовавшие себя как активные члены коммунистической фракции, и Н.И. Мелков-Кочурихин (ВКП(б)), член Ревизионной комиссии, а также лишь нерегулярно присутствовавшие на заседаниях коммунистической фракции ее члены Биценко, Б.Я. Фрейдсон (РСДРП (б), впоследствии ВКП(б)) и Шумяцкий³⁴. В заседании участвовали также Бреслав, Виленский-Сибиряков, Рогов и М.А. Брагинский (бывший народник, эсер, затем РКП(б)). Кроме того, Ярославский послал на собрание начальника «Главлита» П.И. Лебедева-Полянского и представителя Московского комитета партийного контроля (МКК) Ф.Н. Самойлова³⁵.

Созванное собрание выполнило поставленную перед ним задачу. Виленский-Сибиряков был смещен со своего поста заместителя старосты и освобожден от всех остальных должностей. Грюнштейн была временно освобождена от своей должности секретаря до выяснения ее дела МКК.

Процедура в целом была, однако, сомнительна. На манипуляцию указывают уже время заседания и селективный отбор его участников. Само же заседание открыто продемонстрировало намерение группы Ярославского всеми силами отстранить Виленского-Сибирякова. Ей удалось добиться не только обсуждения этого дела, но и голосования о конкретном действии – смещении Виленского-Сибирякова, хотя только на этом заседании и была создана специальная комиссия, которой надлежало произвести точные расследования³⁶. Предложение решить судьбу Виленского-Сибирякова до того времени, как будут представлены результаты деятельности комиссии, было, однако, отвергнуто с незначительным результатом в четыре голоса «за» при одном воздержавшемся и пяти голосах «против». Решение о смещении Виленского-Сибирякова было, однако, принято сразу же после этого пятью голосами «за» при двух «против» и трех воздержавшихся³⁷.

Но стенограмма дискуссии свидетельствует и о том, что приверженцам Ярославского было уж точно нелегко добиться своего на заседании коммунистической фракции. Полянский, задача которого заключалась, очевидно, в дискредитации Виленского-Сибирякова, плохо играл свою роль. Он признал косвенным образом, что виновник ошибки и недоразумения действительно «Главлит».

Рогов пытался вменить в вину Виленскому-Сибирякову как нарушение решений коммунистической фракции то обстоятельство, что он не озаботился о вкладном листе, с помощью которого надлежало выяснить ситуацию с неправильной надписью на брошюре. Аргумент Рогова имел, однако, слабую основу, т. к. сразу же вслед за его выдвижением становится ясно, что у него практически больше не было готовности выяснить дело с помощью этой само собой напрашивающейся меры. Так, он еще раз упрекает Виленского-Сибирякова, вероятно, намекая на его брошюру, в «идеологической несдержанности». Отношение Виленского-Сибирякова к большинству коммунистической фракции делает его дальнейшую работу в издательстве невозможной. Но все-таки Рогов считает, что следует назначить комиссию. Биценко вместе со Львовым оказывается самой надежной союзницей Ярославского. Не считая нужным аргументировать, она кратко заявляет:

«Комиссию нужно избрать, но Виленского нужно снять с работы»³⁸.

Шумяцкий пытается найти аргументы с позиции ОПК. Он считает доказанным, что Виленский-Сибиряков своей брошюрой вызвал опасность для ОПК. Со своей стороны, Брагинский занимает ключевую позицию. Он осознает, прежде всего, значительную политическую взрывоопасность всего дела. В качестве главной причины выступления против Виленского-Сибирякова он приводит политические разногласия в ЦК ВКП(б). Для него в таких условиях «само собой разумеется» постановка вопроса о смене Виленского-Сибирякова товарищем, придерживающимся линии большинства ЦК. Но наряду с этим он отнюдь не считает достаточным вменить в вину Виленскому-Сибирякову из-за неправильного названия издательства на переплете брошюры ошибочные действия в отношении ОПК и равным образом требует созвать комиссию. Тем не менее, политическое давление, осуществленное Ярославским, оказывается заметным именно применительно к Брагинскому. Во время обсуждения решающего вопроса в связи со смещением Виленского-Сибирякова, а именно о голосовании только по предъявлению результатов комиссии, он поддерживается и тем самым способствует победе группы Ярославского. Для него и пятерых голосовавших так же, как он, превыше всего было не благо ОПК, а позиция фракции большинства и, соответственно, сталинской фракции в ЦК ВКП(б).

Долбежкин не принадлежал к числу безусловных приверженцев Ярославского. Он не понимает, чего хотят достигнуть с помощью заседания:

«Покачать ли Виленского[-Сибирякова] или нам нужно отречься от этой брошюры»³⁹?

Единственный, кто последовательно требует корректного обращения с Виленским-Сибиряковым – это Бреслав. Масштаб оценки для него в первую очередь – отношение Виленского-Сибирякова к ОПК. По его мнению, наказание Виленского-Сибирякова уместно лишь в том случае, если выяснится, что он злоупотребил названием издательства ОПК в собственных целях. обстоятельное расследование дела, на его взгляд, обязательно. Его комментарий гласит: вопрос о смещении Виленского-Сибирякова следует поставить не только потому, что имеется намерение заменить Виленского-Сибирякова другим лицом. Вот каково мнение Бреслава по поводу тесного соединения дел внутри Общества (путаница с издательствами) с политической борьбой в ВКП(б):

«Мы все – я и Виленский-[Сибиряков] – члены правящей партии, а не какой-либо иной. Нельзя воспользоваться этим случаем, как поводом для того, чтобы снять Виленского-[Сибирякова], чтобы свести с ним политические счета. Если будет доказано, что О[бщест]во причастно к изданию этой книги, тогда можем поставить этот вопрос о его снятии»⁴⁰.

3. Временное освобождение от должности Р.А. Грюнштейн

В своем письме от 26 сентября 1927 г. Ярославский требовал не только смещения Виленского-Сибирякова, но в то же время и увольнения Р.А. [Аскинази-]Грюнштейн (РСДРП(б), ВКП(б)) с поста секретаря и члена Совета ОПК. Она была якобы вовлечена в создание и распространение «Платформы 83-х».

В своем письме Ярославский подсказывает Львову, что МКК располагает материалами, с помощью которых можно доказать использование Р.А. Грюнштейн аппарата Общества для организации подпольной типографии, печатавшей материалы, направленные против ЦК ВКП(б). При этом, по словам Ярославского, она сотрудничала в подпольной работе и с беспартийными⁴¹.

В «доказательство» обвинений Ярославского член Московского комитета партийного контроля (МКК) Ф.Н. Самойлов предъявляет заседанию коммунистической фракции соответствующие документы из своего ведомства⁴². Львов знакомит присутствующих с содержанием этих документов.

Не имеющие ни датировки, ни подписи, ни заглавия четырехстраничные документы представляют собой список членов партии с нумерацией от 1 до 13. По каждому лицу приведено краткое сообщение о характере и объеме их участия в организации и осуществлении печати «Платформы 83-х» и других оппозиционных документов⁴³. Если оценивать по стилю и содержанию, то документы основываются на материалах ОГПУ, т. е. в основном на показаниях свидетелей и информации неформальных сотрудников (сексотов)⁴⁴.

Под номером 4 в списке можно найти фамилию Грюнштейн. Ей ставится в вину проведение в своей квартире конспиративных

собраний, в которых участвовали также беспартийный Ленгер и от десяти до пятнадцати других лиц. Здесь в докладе о решающем пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) утверждалось, что оппозиция выступала не за раскол, а за единство партии. Все остальное – только слухи.

Второе обвинение заключается в том, что Грюнштейн, используя бланк со штампом ОПК, оснастила конспиративную квартиру химикатами, валиками для накатки краски и другими труднодоступными средствами и материалами, а для другой конспиративной квартиры приобрела письменный стол. В качестве третьего факта упоминается, что она обучила обращению с множительным устройством со стеклянными пластинами беспартийного Т. Щербакова, которого прислал к ней один из главных организаторов печатания «Платформы», З.М. Гердовский. Так он оказался в состоянии размножать оппозиционные материалы⁴⁵. Четвертое и последнее обвинение заключается в том, что Грюнштейн поручила Щербакову пойти на конспиративную квартиру второй группы, где затем беспартийные Гуревич, Дина и беспартийная машинистка Соня размножили секретный материал.

Направление главного удара материалов МКК заключалось в том, чтобы истолковать встречи и дебаты о будущей политике партии как оппозиционную деятельность, оснащенную преступными структурами вроде конспиративных квартир и нелегального обеспечения материалами – вплоть до тайных кружков и ячеек⁴⁶. Постоянное упоминание о том, что важную роль при размножении играли и беспартийные и что они были даже информированы о внутривнутрипартийных разногласиях, должны были представить внутривнутрипартийную оппозицию виновной в нарушении партийной дисциплины и в контактах с силами, не связанными с партией и создать впечатление ее политической ненадежности.

Другая цель представления материала могла бы заключаться в формировании противовеса содержательно-аргументативной силе внутривнутрипартийной оппозиции. Хотя обвинения в документах МКК основывались только на показаниях свидетелей и их фактическое содержание не подкреплялось доказательствами, на заседании коммунистической фракции ОПК они выполнили свою цель – устрашения и отвлечения от реальной ситуации.

Перед дискуссией о смещении Грюнштейн материалы зачитывал Львов. Представитель МКК Самойлов подтвердил вслед за тем их содержание и сообщил к тому же, что Грюнштейн грозит

исключение из партии, т. к. она – активный участник оппозиции, для которой организовывала необходимую технику. Не дожидаясь дискуссии, Рогов и Львов требуют в заключение ее немедленного смещения. В противоречие этому Виленский-Сибиряков требует дать Грюнштейн возможность высказаться по поводу вмененных ей в вину и, вероятно, вовсе не совершавшихся ею действий. Кроме того, он проводит параллели между материалами МКК по поводу господствующего ныне политического климата и фракции большинства ЦК. В партийных ячейках в оборот пускались «какие-то» документы и распространялись слухи о мнимом военном заговоре⁴⁷. Способ и характер подготовки XV съезда позволяют со всей ясностью заключить, что фракция большинства планирует удар по оппозиции⁴⁸.

Намекая на смещение Троцкого во время совместного пленарного заседания ЦК ЦКК 14–23 июля 1926 г., Шумяцкий приписывает Виленскому-Сибирякову намерение трактовать документы ЦКК как «мелочь». В противоречие этому он призывает отнестись к имеющимся материалам с необходимым доверием. Это – обычное дело в партии. Тем не менее, Грюнштейн использовала бланк ОПК для целей оппозиции и практиковала недопустимое вовлечение беспартийных в оппозиционную работу.

Напротив, Долбежкин не может согласиться с утверждением о том, что Грюнштейн скомпрометировала себя в отношении ОПК, и требует продолжения ее работы в качестве секретаря.

Бреслав считает, что приложены «слишком большие усилия», чтобы что-то «наговорить» на Грюнштейн. Он требует прекратить дело, пока им не займутся компетентные органы. Точно так же, как и Виленский-Сибиряков, он указывает на напряженный политический климат и требует продуманного обращения с документами МКК.

«Если бы Вы услышали то, что проделывается сейчас с оппозицией, Вы бы этому не поверили, но это диктует быть осторожным»⁴⁹.

Вслед за тем Рогов пытается представить наблюдения Бреслава и Виленского-Сибирякова, преуменьшая их значение, в виде лишь единично давшего знать себя явления. Конечно, есть честолюбивые члены партии, намеренные с «кем-нибудь» свести счеты, но в данном случае имеется официальный документ избранных партийных органов. Он приводит доказательства того, что Грюнштейн активно работала против партии и поэтому она больше не может быть секретарем ОПК. Для него неприемлемо

отделение партийных дел от дел ОПК, которого требуют Бреслав, Виленский-Сибиряков и Долбежкин. Брагинский также не видит причины сомневаться в материалах МКК.

Шумяцкий еще раз повторяет, что для него особенно существенно наличие контактов между ответственными коммунистами и беспартийными, причем в вопросах, где это недопустимо. По поводу ОПК его позиция заключается в том, что большинство коммунистической фракции, – а Шумяцкий полагает, что представляет его – должно застраховаться в вопросе текущей политической борьбы, зная, тем более, куда идет это «собрание мелочей»⁵⁰. Имеется заявление ЦК и ЦКК о важности событий и его следует воспринимать всерьез, а не оказываться косвенно беззаботным.

«Мы, большинство фракции, стоим за большинсво ЦК и не можем допустить, чтобы под нашим флагом проделывались вещи, нам противные»⁵¹.

Вслед за тем Грюнштейн снимается со своего поста – только с одним голосом против, хотя и, как отмечалось со всей определенностью, лишь временно. Последовавшие сразу же затем голосования о назначении на освободившиеся должности Кона, Шумяцкого и Янсона оказались почти единогласными – только с двумя голосами против.

В качестве заключительного аккорда последовало заявление Виленского-Сибирякова о том, что он до решения всех вопросов очередным собранием коммунистической фракции пленума Совета ОПК не готов оставить свой пост. Вслед за тем также Азеев и Фрейдсон в особом заявлении берут назад свои воздержания от голосования в вопросе смещения Виленского-Сибирякова и присоединяются к требованию его немедленного смещения⁵².

Этот процесс производит на первый взгляд несколько странное впечатление, тем более что решение было и без того принято, но он должен быть интерпретирован как знак того, что Азеев и Фрейдсон только в ходе заседания обрели ясность о том, что оно имело целью не поиск истины или внутренние дела ОПК, а смещение личности, которую влиятельные партийные круги стигматизировали в качестве оппозиционера, так что его поддержка или всего лишь неохотное осуждение могло повлечь неприятные последствия.

Последним ударом с использованием таких же сомнительных методов, как и предшествующее собрание коммунистической фракции Президиума от 26 сентября, стало организованное Львовым

четыре дня спустя, 30 сентября 1927 г., собрание восьми членов и трех кандидатов в члены Центрального Совета, двух членов Ревизионной комиссии и 16 членов ОПК. И в нем как представитель МКК снова участвовал Самойлов. Львов назвал это собрание собранием коммунистической фракции ВКП(б) Центрального Совета ОПК с участием «имевшихся в наличии» в Москве членов Центрального Совета, а также коммунистов-членов ОПК⁵³. На повестке дня снова стояло только дело Виленского-Сибирякова и Грюнштейн. В этот раз в заседании не участвовали лично ни Виленский-Сибиряков, ни Грюнштейн, хотя Виленский-Сибиряков и получил телефонное приглашение.

В.И. Вельман (РСДРП(б), в рассматриваемое время ВКП(б)) формально критикует то обстоятельство, что имело место не собрание коммунистической фракции Центрального Совета ОПК, а расширенное собрание коммунистического бюро. Бреслав заходит даже столь далеко, чтобы характеризовать собрание как случайную встречу коммунистов, которая ни к чему его не обязывает.

Решения коммунистической фракции Президиума от 26 сентября были, как и ожидалось, подтверждены. Стоит упомянуть, что все-таки 11 из 27 присутствовавших охотно видели бы Виленского-Сибирякова и далее в Центральном Совете ОПК. Другие решения были приняты однозначно 25 голосами против 1 и, соответственно, 2 голосов. Вновь представленные здесь «факты» остались теми же самыми. Новое заключалось в дополнительном назначении комиссии, состоявшей из Львова, Шумяцкого, С.М. Диманштейна (РСДРП(б), ВКП(б)), В.И. Вельмана и Б.И. Рейнштейна (бывший народник, теперь ВКП(б)), которая должна была переработать принятую ранее резолюцию по делу Виленского-Сибирякова и Грюнштейн⁵⁴.

В резолюции, с одной стороны, повторяются обвинения. С другой – они по-прежнему перетолковываются в желательном направлении. Существенно более жесткой становится, прежде всего, интонация. Резолюция превращается в предварительное осуждение даже Грюнштейн, хотя в данном случае решения коммунистической фракции ОПК гласили, что необходимо сначала подождать решений соответствующих партийных органов. Кроме того, резолюция содержит другую, до тех пор не применявшуюся детальную информацию по поводу материалов МКК.

«Этот гр[аждани]н Щербаков, как видно из материала МКК, замечателен лишь тем, что, будучи сыном фабриканта, взял на себя смелость быть исполнителем велений кучки подпольных

дезорганизаторов, забывших свою ответственность перед партией и отрекшихся от элементарных правил партийной дисциплины»⁵⁵.

4. Оборонительные акции В.Д. Виленского-Сибирякова

Точно к 30 сентября 1927 г. были предоставлены и результаты работы комиссии, которую коммунистическая фракция Президиума 26 сентября уполномочила расследовать дело Виленского-Сибирякова⁵⁶. В четырехстраничном отчете и дополнительном двухстраничном заявлении констатируется необоснованность обвинений, выдвинутых Ярославским против Виленского-Сибирякова: в ОПК все идет своим нормальным ходом. За случайную подмену следует отвечать «Главлиту».

Единственное, что было доказано относительно Виленского-Сибирякова, заключалось в том, что он в качестве руководителя издательства ОПК не превратил фактическую независимость издательства «Северная Азия» в формальную автономию. Для этого ему следовало зарегистрировать «Северную Азию» в Главлите, чего он, однако, не сделал. Так дело и осталось в подвешенном состоянии, которое, по словам членов комиссии, привело к беспорядку и недоразумению.

Результаты работы комиссии были, однако, скрыты. Напрасливается именно такое впечатление, ибо они не были включены в протокол состоявшегося в тот же день собрания коммунистической фракции⁵⁷. Результаты не упоминались и 3 октября 1927 г., в день, когда снова обсуждалось дело Виленского-Сибирякова и Грюнштейн, на сей раз в Президиуме Центрального Совета ОПК⁵⁸.

Заседание Президиума Центрального Совета имело, однако, важнейшее значение. Этот орган представлял собой сопрягающее звено между коммунистической фракцией и активными беспартийными членами ОПК. Результаты работы комиссии были бы в это время большой поддержкой для Бреслава. Вопреки обязательному голосованию членов коммунистической фракции и ее решениям от 26 и 30 сентября Бреслав в дискуссии и при голосовании на заседании Президиума Центрального Совета 3 октября снова выступил в пользу Виленского-Сибирякова и Грюнштейн⁵⁹. На-

против, сторонникам Ярославского удалось полностью осуществить в Президиуме Центрального Совета Общества сентябрьские решения коммунистической фракции. Затем протокол заседания был сразу же разослан всем фракциям советов филиалов ОПК.

Только 6 октября Виленский-Сибиряков получил доступ к этим документам и написал ответ коммунистической фракции Центрального Совета⁶⁰. Он также разослал копии всем фракциям советов филиалов.

Его главный аргумент заключался в том, что коммунистическая фракция в его отсутствие заставила Президиум Центрального Совета как беспартийный орган обсуждать проблемы и принимать соответствующие решения, касавшиеся внутривнутрипартийных дел, а именно его партийный «проступок», заключавшийся в издании «оппозиционной брошюры». Но, тем самым, Виленский-Сибиряков ни под каким видом не признает, что совершил такой «проступок». Вместо этого он показывает, приводя соответствующие понятия в кавычках, что эти утверждения настоятельно требуют выяснения. К тому же он констатирует нарушение устава ОПК. По мнению Виленского-Сибирякова, с его смещением с различных постов были приняты решения, принимать которые Президиум вовсе не имел права. Следовательно, тактика Виленского-Сибирякова заключалась в том, чтобы доказать нарушение партийной дисциплины и его противниками, тем самым нанеся им удар их же собственным оружием.

В качестве второго шага Виленский-Сибиряков обращается к фракции с тремя вопросами и одним требованием. Стратегию своей аргументации он между тем сохраняет. Сначала он ставит риторический вопрос о том, не следует ли и Ярославскому с Львовым придерживаться Устава ВКП(б), т. е. не обязаны ли и они проводить обсуждение определенных проблем с участием тех, кого это касается. Тем самым Виленский-Сибиряков намекает на решения, проведенные, прежде всего, в отсутствие его и Грюнштейн. Точно также он протестует против того, чтобы вопросы, касающиеся его как члена ОПК и члена ВКП(б), не обсуждались на созываемом в порядке очередности Пленуме Центрального Совета⁶¹.

Второй вопрос – вариация обвинения, высказанного в начале, согласно которому на собрании с участием беспартийных еще до того, как оно будет санкционировано соответствующими партийными органами, обсуждался вопрос об «оппозиционной брошюре».

В-третьих, Виленский-Сибиряков спрашивает, считает ли фракция допустимым преследовать его как товарища и члена партии за брошюру, легально изданную с разрешения Главлита и не осужденную решением ЦК ВКП(б). Ярославский и Львов в соответствии с этим для Виленского-Сибирякова – «фанатики» и «карьеристы», не останавливающиеся перед нарушением партийной дисциплины ВКП(б) и Устава ОПК. Наконец, Виленский-Сибиряков требует созыва высшего органа Общества, Всесоюзного съезда, который должен разъяснить ситуацию. Игнорируя свое смещение, Виленский-Сибиряков демонстративно подписывает письмо как член Центрального Совета ОПК.

В письме сбивает с толку то обстоятельство, что Виленский-Сибиряков все время дополняет фамилию Ярославского (его псевдоним из времен до Октябрьской революции) его данной при рождении еврейской фамилией Губельман. Это могло бы быть намеком на необычно частое применение в борьбе против Троцкого в 1926–1927 гг. его данной при рождении еврейской фамилии Бронштейн, указывавшим на подсознательное использование его противниками затаенных антисемитских настроений внутри партии. Виленский-Сибиряков не мог этого не знать и мог таким способом указать Ярославскому на подобного рода механизмы, тем более что антисемитские тенденции в публикациях Виленского-Сибирякова не подтверждены.

Ярославский реагировал немедленно. В письме МКК, направленном 14 октября 1927 г. товарищу Г.С. Морозу, он не останавливается на обвинениях со стороны Виленского-Сибирякова, а остается последовательным приверженцем своей прежней стратегии: он подчеркивает, что Виленский-Сибиряков передал свое мнение через беспартийную [подчеркнуто в оригинале. – М.Ю.] А.Я. Пирогову [эсерка, затем беспартийная]. Он уверенно заявляет, что Виленский-Сибиряков всегда называет его по его еврейской фамилии и связывает это с дискриминирующим применением белогвардейцами еврейских фамилий Троцкого (Бронштейн) и Каменева (Розенфельд). Это фашистский подход.

Проведенное в тот же день заседание коммунистической фракции Президиума ОПК заимствует обвинения, выдвинутые Ярославским. К этому еще добавляется, что Виленский-Сибиряков передал свое заявление через беспартийную Пирогову в открытом виде, а не в запечатанном конверте. На упрек Виленского-Сибирякова в том, что соответствующие заседания не были созваны надлежащим способом, реакция последовала лишь в виде

подробной информации о, по меньшей мере, устном приглашении Виленского-Сибирякова на каждое заседание⁶². На использование Виленским-Сибиряковым еврейской фамилии Ярославского внимания не обратили. Документы заседания коммунистической фракции были снова отосланы МКК.

Но Виленский-Сибиряков, как и Бреслав, не сдался. Еще до того, как Виленский-Сибиряков написал свое замечание 6 октября, он попытался бойкотировать передачу руководства редакции «Каторги и ссылки» Кону⁶³. Кон реагировал на это жалобой в адрес МКК. После состоявшегося, наконец, освобождения Виленского-Сибирякова от должности первым официальным актом Кона стало удаление предназначавшихся для «Каторги и ссылки» статей Виленского-Сибирякова и Троцкого⁶⁴. На место статьи Троцкого была помещена статья Ярославского под названием «Ленин как вождь пролетарского восстания»⁶⁵. Собрание коммунистической фракции Президиума ОПК, состоявшееся 10 октября, сочло эту меру правильной⁶⁶.

23 октября Виленский-Сибиряков снова попытался оправдаться. На сей раз это произошло в ходе собрания 103 членов фракции ВКП(б) Московского филиала ОПК.

Он зачитал и здесь свое мнение и присовокупил в качестве следующей информации, что Кон 6 октября на собрании беспартийных членов Общества говорил о его деле. Хотя он [Виленский-Сибиряков] распорядился о немедленном закрытии собрания, Кон не дал прервать себя. То же произошло и со ссылкой на директиву Ярославского на беспартийных собрания в различных филиалах. Для Виленского-Сибирякова это представляет собой факт антипартийной деятельности.

Виленский-Сибиряков мог надеяться на поддержку в своем деле благодаря тому, что теперь впервые в дискуссии было включено и заключение следственной комиссии по его делу.

Львов, однако, в качестве председателя собрания не идет на риск. Он воздерживается от полного зачитывания заключения и вместо этого излагает документ в обобщенном виде. В качестве члена комиссии и соавтора заключения Бреслав вслед за тем быстро жалуется на то, что Львов искажает факты. Фрейдсон же, также член комиссии, помогает Львову и подтверждает изложенное им. Этого оказывается достаточно, чтобы убедить собрание. Заключение больше не зачитывается. Смещение Виленского-Сибирякова и Грюнштейн однозначно подтверждается 74 голосами против 11⁶⁷.

В качестве своего последнего действия Виленский-Сибиряков попытался пожаловаться на Ярославского на собрании беспартийных членов ОПК. Это становится ясно из реакции Ярославского в письме МКК от 25 октября 1927 г., характеризовавшемся как секретное⁶⁸.

Соответствующее письмо Ярославского может лишь условно привлекаться как источник, касающийся хода собрания и аргументации Виленского-Сибирякова. Тем не менее, оно дает информацию о том, в каких пунктах Ярославский видел возможности нападения. Если следовать сообщению из вторых рук, то, согласно утверждениям Виленского-Сибирякова, Ярославский дал поручение удалить портрет Л.Д. Троцкого из альбома о революционном движении, изданного ОПК. В качестве мотива Виленский-Сибиряков, как представляется, назвал «животную ненависть» Ярославского к Троцкому.

Из этих немногочисленных строчек в сочетании с предшествующей информацией можно заключить, что Виленский-Сибиряков критиковал Ярославского за сомнительные методы, которые тот использовал, чтобы всеми доступными ему средствами ослабить влияние Троцкого. Можно было бы представить себе, что Кон как новый главный редактор не только приказал по поручению Ярославского снова изъять текст Троцкого из «Каторги и ссылки», но и имел поручение искоренить и остальные следы Троцкого в планировавшихся изданиях ОПК. На этом фоне теряет убедительность занимающее много места в письме Ярославского оправдание, согласно которому он со своей стороны не давал *конкретного* указания убрать портрет Троцкого. Следовательно, результат тот же самый – отвлечение от общего указания.

Ярославский никоим образом не оспаривает в своем письме столкновения с Троцким, но описывает его как мотивированное чисто политическими причинами выступление против его антипартийной политической деятельности. Напротив, Троцкий предпринимал известную всей партии «систематическую травлю» против него, Ярославского.

Письмо Ярославского окончательно решило дело в его пользу. Отчет 4 пленума Центрального Совета ОПК, работавшего с 29 по 31 декабря 1927 г., посвятил смещению Виленского-Сибирякова и Грюнштейн всего лишь несколько строк⁶⁹.

Позже, в 1928 г., Виленскому-Сибирякову пришлось по состоянию здоровья отказаться от дальнейшей работы в Обществе, как и от участия в землячествах.

5. Е.М. Ярославский и В.Д. Виленский-Сибиряков в сопоставлении

Ярославский действовал, побуждаемый, прежде всего, намерением лишить институционального влияния людей, которые симпатизировали Троцкому и внутривнутрипартийной оппозиции. Он брался за дело там, где обладал влиянием. В качестве старосты ОПК он имел возможность, а благодаря сомнительной публикации брошюры еще и конкретный повод удалит с руководящих позиций в ОПК также Виленского-Сибирякова и Грюнштейн, выступавших за корректное отношение к критически настроенным членам партии.

После того, как на первое письмо Корочкину не обратили внимания, Ярославский искал себе надежных союзников внутри Общества в лице Львова, Шумяцкого, Кона и Биценко. Средства, которые он применял, заключались в процедурных трюках, односторонней мобилизации членов ОПК-коммунистов, безусловно стоявших на его стороне, использовании внешних партийных авторитетов и, наконец, в применении документов и информационных материалов. С помощью многочисленных небольших шагов сначала коммунистическая фракция, а затем другие органы описанными средствами были привлечены на сторону Ярославского. Важную фланговую роль для того, чтобы поставить на желательную линию колебавшихся коммунистов-членов Общества, играли политическое давление и запугивание. На более высоком институциональном и партийном уровне Ярославский умело использовал сеть отношений между лицами, стоявшими на стороне фракции Сталина, которая доминировала в партии. При этом Ярославский все время обращал внимание на то, чтобы партийные органы, ответственные за ОПК – *Московский городской комитет партии* и МКК были информированы о специально подобранных этапах столкновения. Правда, это происходило только с помощью специально отобранных лиц.

На содержательном уровне Ярославский работал со «связкой» утверждений, огульных упреков и обвинений. Он последовательно избегал обращения к дифференцированным аргументам Виленского-Сибирякова. Вместо этого он реагировал, выборочно выхватывая слабые места, перетолковывая аргументы или просто игнорируя их. Место содержательной дискуссии занимали политические лозунги. Наконец, Ярославский добился возможности

проводить в жизнь свои намерения с помощью искусного комбинирования и гибкого варьирования в отдельности представленных здесь стратегий.

Кажется, что Ярославский еще и потому уделил особое внимание Виленскому-Сибирякову, что тот представлял различные методические подходы к исследованию истории революционного движения и применению результатов этого. Для Ярославского имела преимущество пропаганда с помощью истории, применявшаяся в качестве политического средства, представлявшая историю революционного движения только в ее неизменных основных чертах и в то же время создававшая новые мифы, а также окружавшая лидеров партии нимбом авторитета. Относительно его личности надлежало не допустить никаких вопросов в связи с предпринятой им стилизацией своего «Я» как большевика, в качестве участника революционного движения следовавшего правильной большевистской линии. В соответствии с этим Ярославский еще гораздо более явно, чем М.С. Ольминский и Н.Н. Батурин был заинтересован, прежде всего, в политическом использовании истории.

Виленский-Сибиряков также предпринял со своей стороны попытку демонтажа образа Ярославского, но пользовался при этом другими средствами. Он искал содержательной дискуссии на основе исторических фактов и аргументов. В этом он превосходил Ярославского и представлял для него серьезную опасность. Виленский-Сибиряков попытался в добавление к этому компенсировать свое существенно меньшее по сравнению с Ярославским влияние на ВКП(б), ее органы управления и печати⁷⁰. Так, он занял позицию во время шедшей внутривнутрипартийной политической борьбы вокруг Троцкого, демонстративно прося его выступить в ОПК, приняв его статью в «Каторгу и ссылку» и, наконец, подписав «Платформу 83-х». Не поддается установлению, оставался ли Виленский-Сибиряков в своей статье о «Ссылке в Якутии до Октябрьской революции», предназначенной для юбилейного выпуска «Каторги и ссылки» и снова изъятой Коном, на сомнительной роли Ярославского в Якутии. Статья не сохранилась⁷¹.

Виленский-Сибиряков недооценивал пробивную силу Ярославского с его манипулятивными механизмами как в коммунистической фракции ОПК, так и во всем Обществе. Он не сумел своевременно мобилизовать своих сторонников в коммунистической фракции, чтобы таким образом перечеркнуть стратегию Ярославского. Можно подметить даже удивительную пассив-

ность Виленского-Сибирякова, если речь шла о том, чтобы мобилизовать союзников. Это тем более удивительно, т. к. он вполне осознавал, какие средства применял Ярославский и какие мотивы крылись за этим. В целом, кажется, что Виленский-Сибиряков получал мало поддержки в коммунистической фракции. Полностью в его пользу выступал один только Бреслав. В решающий момент Корочкин отстранился и передал ведение дела Львову. Были ли теперь на личном уровне оплачены «старые счета» 1924 г., когда Львов и Корочкин на стороне Теодоровича боролись против Виленского-Сибирякова, чтобы воспрепятствовать формированию в ОПК коммунистической фракции, отстранению беспартийных от власти и смене Теодоровича?

Виленский-Сибиряков в 1927 г. недооценивал и политическую взрывоопасность дела. Он слишком полагался на силу содержательной дискуссии и обмен аргументами.

Действия против Виленского-Сибирякова и Грюнштейн в ОПК были лишь началом более масштабной проверки членов ОПК. Так, систематические поиски «троцкистов» в ОПК имели место только в 1929 г. в ходе высылки Троцкого из Советского Союза⁷². 8 февраля 1929 г. было сначала принято решение об исключении Троцкого из ОПК⁷³. Чтобы проверить лояльность Грюнштейн, ей было поручено высказать свое мнение о последнем публичном выступлении Троцкого в Советском Союзе. С высылкой Троцкого был связан и арест члена Общества Г. Бойковского-Валентинова, также подписавшего «Платформу 83-х». Это становится очевидным потому, что его арест обсуждался под тем же пунктом повестки дня, что и исключение Троцкого из Общества.

Корочкину было поручено выяснить причины ареста Бойковского-Валентинова. Кроме того, Корочкину дали инструкцию написать письмо всем старостам филиалов «по поводу троцкистов»-членов Общества⁷⁴.

6. Ликвидация границы между ОПК и партией

В целом становится ясно, что Ярославский превратил принятие поста старосты Общества, следовавшее в 1925 г., в политический капитал, вопреки существовавшему до сих пор мнению исследователей, только двумя годами позже, в 1927 г. Но по сравнению с воздействием партии на ОПК в 1922 г. его влияние

формировалось гораздо труднее. Его меры не были востребованы однозначно доминировавшим ядром ВКП(б) и не получали от него поддержки с флангов. Напротив, вмешательство имело место в рамках политической «борьбы диадохов» после смерти Ленина. ОПК превратилось в этих рамках в дополнительную арену внутривнутрипартийных столкновений. Задача Ярославского как несомненного сторонника «фракции большинства ЦК» вокруг Сталина заключалась с точки зрения ОПК в том, чтобы обеспечить удаление Троцкого и его союзников с высших партийных постов и на высоком партийном уровне, и на уровне советского общества, а также воспрепятствовать проявлявшемуся здесь протесту. При этом он, правда, действовал с однозначной поддержкой сталинского властного блока в партии, обеспечивавшего необходимый климат поляризации. Так, его важнейший аргумент, согласно которому Виленский-Сибиряков и Грюнштейн сотрудничали с беспартийными при рассмотрении внутривнутрипартийных вопросов, совпадал с содержанием многочисленных статей в «Правде» с середины 1927 г., обращенных против Троцкого и сочувствовавших ему. В них указывалось на то, что троцкисты делали общее с беспартийными дело, и что особенно беспартийные рабочие приветствовали их тезисы, обращенные против партии. Напротив, в свою очередь, много других рабочих решились именно теперь вступить в партию, несмотря на критику троцкистов в ее адрес⁷⁵. Тем самым одно лишь усилившееся вступление рабочих в партию превращалось в доказательство правильности ее политики. Схема аргументации, согласно которой беспартийные как не участвовали в них, могла в длительной перспективе оказаться только вредной для ОПК. Эта схема затрагивала его самое глубокое ядро, т. е. сотрудничество членов ВКП(б) с беспартийными в рамках ОПК. На какое-то время эта аргументация оказывалась ограниченной вопросами, касавшимися партии, но могла без особых затруднений быть расширенной и до общего сотрудничества с беспартийными. Такое расширение имело место в 1935 г. и было главной причиной закрытия ОПК⁷⁶.

Специальная миссия, которую надлежало выполнить Ярославскому, скрывала в себе, как можно было показать, некоторые моменты риска. Самые большие трудности для легитимации его вмешательства заключались в том, что объектом критики оказалась не общая линия ОПК – критике были подвергнуты отдельные руководящие лица. Кроме того, в лице Виленского-Сибиря-

кова и Грюнштейн предполагалось удалить из Общества признанных в ОПК и компетентных большевиков с безупречным прошлым. Не последнюю роль играло то, что фактическая основа, на которой строились обвинения, выдвигавшиеся Ярославским, была очевидно слабой. В соответствии с этим Ярославскому только со второй попытки удалось найти союзников в Обществе. Но и с их помощью было нелегко сделать так, чтобы члены ВКП(б), оказавшиеся в конфликте с фракцией Сталина, не могли претендовать на руководящие посты в ОПК. Чтобы добиться этого, следовало применить политическое давление, процедурные трюки, сомнительное досье, историческую полуправду и прямую дискредитацию. Здесь-то Ярославский проявил себя мастером. Благодаря немалому тактическому искусству ему удалось так дозировать и комбинировать средства, что он завоевал на свою сторону колебавшихся членов коммунистической фракции. Он смог привлечь необходимых союзников и побудить их принять решения во благо «фракции большинства ЦК» и во вред ОПК. Касательно других органов ОПК имела силу позиция, в соответствии с которой и здесь агенты Ярославского действовали осторожно и искусно, но сходными средствами. Только после того, как все уже было решено, сторонники Ярославского прекратили свою тактическую сдержанность и с тем большей агрессивностью представили свою позицию.

Но в то же время следует, говоря о 1927 г., подчеркнуть и бесстрашие Виленского-Сибирякова и Бреслава. Они не производили впечатления, будто позволили себя запугать. Кроме того, Виленский-Сибиряков и Грюнштейн открыто поддерживали Троцкого. Он мог представлять себя в «Каторге и ссылке» подлинным знаменем Ленина. Виленский-Сибиряков, со своей стороны, не воздерживался от обоснованной критики партии в китайском вопросе. Он открыто выступал и против политически мотивированной Ярославским идеализации его роли в революционном движении в Якутии. Попытка демонтировать образ Ярославского совершалась, однако, в отличие от действий его противника, с использованием прозрачных средств. Напротив, решающая причина поражения Виленского-Сибирякова заключалась в том, что ему не удалось активизировать поддерживавших его членов коммунистической фракции. Совсем напротив, именно коммунистическая фракция и оказалась для Ярославского «входными воротами», через которые он мог внести свои планы смещения оппонентов. Только следующим шагом эти намерения пришлось проводить

через другие органы ОПК. Таким образом, Виленский-Сибиряков оказался жертвой сформированных им самим иерархических структур в ОПК, во главе которых фактически стояла коммунистическая фракция.

В поведении ОПК следует подвергнуть критике в целом то обстоятельство, что в вопросе Виленского-Сибирякова и Грюнштейн Общество позволило втянуть себя в политические дискуссии и, в конце концов, превратить в инструмент так называемой «фракции большинства ЦК» вокруг Сталина. Соблюдавшееся до тех пор разделение между ОПК и партией было тем самым ликвидировано и на практике. Коммунистическая фракция оказалась при этом ее «мягким флангом», с помощью которого Ярославский мог осуществлять свои кадровые решения в пользу сталинской фракции. Во фракции с начала вмешательства Ярославского были больше не в состоянии продолжать прагматический подход на благо Общества. Напротив, второй заместитель старосты, Корочкин, попытался игнорировать намерение Ярославского. Когда это больше не было возможно, он даже отступал, не принимая решительных мер против вмешательства во внутренние дела ОПК. В конце концов коммунистическая фракция восприняла линию Ярославского, заключающуюся в том, что личное политическое выступление в поддержку политического уклона в ВКП(б) неизбежно должно привести к потере влияния в ОПК.

Следует отметить также несостоятельность беспартийных членов Общества. К тому времени они еще располагали по меньшей мере в Центральном Совете достаточным влиянием, чтобы осудить столь грубое нарушение Устава ОПК. Вместо этого они (невольно) позволили себя политизировать. Таким образом, Виленский-Сибиряков, как показали результаты голосования, мог лишь условно рассчитывать на помощь со стороны беспартийных социалистов в ОПК. Для них Виленский-Сибиряков был тем, кто подчинил Общество партии и, наоборот, использовал партию для того, чтобы обеспечить свое положение в ОПК. Также и его неизменно жесткая позиция по вопросу о политических заключенных в советских тюрьмах, тема, по-прежнему остававшаяся актуальной особенно в землячествах, не усилила симпатии к нему в беспартийном лагере ОПК⁷⁷. Кроме того, здесь, подобно самому Виленскому-Сибирякову, считали дело воздействием внутрипартийной борьбы за власть в ВКП(б), внесенной в ОПК. Оставалось, однако, без внимания то обстоятельство, что в лице Виленского-Сибирякова от руководства ОПК было удалено лицо,

которое, вопреки опасениям, как раз не использовало коммунистическую фракцию для превращения Общества в орудие ВКП(б). Наоборот, при поддержке Грюнштейн он даже пытался с помощью ОПК и в соответствии с его целевыми установками сохранить в ВКП(б) открытый дискуссионный климат и поддерживал тех, кто противодействовал ее дальнейшему идеологическому и политическому сужению. При этом с его подписью под «Платформой 83-х» значительную роль играла и его личная активность за пределами ОПК.

Следовательно, новая иерархическая и ориентированная на партию структура ОПК не вредила Виленскому-Сибирякову лишь до тех пор, пока она не использовалась для авторитарного вмешательства.

Солидарность с Троцким стоила Виленскому-Сибирякову в ноябре 1927 г., также как и Троцкому и Зиновьеву, членства в ВКП(б)⁷⁸. Он, однако, не был исключен из ОПК. В 1929 г. Виленский-Сибиряков приспособился к ситуации и сделал заявление об отходе от внутрипартийной оппозиции. В 1930 г. последовало восстановление его членства в партии⁷⁹. Великодушно проявил себя и Ярославский. Когда Виленский-Сибиряков в 1929 г. заболел раком кишечника, он при деятельной поддержке Ярославского получил в 1930 г. от партии разрешение искать врачебной помощи за границей и соответствующие финансовые средства. Уже в 1929 г. ОПК предоставило ему пенсию в сумме 225 руб.⁸⁰ Также с помощью Ярославского ему в 1932 г. была выделена квартира⁸¹. Тем самым обеспечение привилегиями представляло собой важное средство для компенсации подчинения «генеральной линии».

В томе библиографической энциклопедии, вышедшем в 1931 г., Виленский-Сибиряков был в соответствии с позицией Ярославского публично охарактеризован как сторонник меньшевистских взглядов, причем в период его деятельности в социал-демократических кругах в Якутии⁸². Правда, Виленскому-Сибирякову позволили в 1931 г. опубликовать книгу об «армии Колчака»⁸³. Вылечившись, Виленский-Сибиряков даже стал в 1933 г. руководителем музея⁸⁴ ОПК и снова активно участвовал до закрытия Общества (1935 г.) в деятельности его коммунистической фракции⁸⁵. Тем не менее, в 1936 г. он снова был исключен из ВКП(б)⁸⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Е.М. Ярославский (1878–1943) – член партии с 1898 г. С 1902 г. член РСДРП(б). По возвращении с V съезда партии (осень 1907 г.) в Лондоне арестован и приговорен к 7 годам каторжных работ. Отбывал каторгу сначала в Петербургской пересыльной тюрьме, затем в Бутырской тюрьме в Москве, а с 1912 г. в тюрьме Горного Зерентуя. В 1913 г. приехал в ссылку в Якутию. Здесь он оставался до Февральской революции 1917 г. В 1921–1923 гг. был членом и секретарем ЦК РКП(б), в 1923–1934 гг. член Президиума и секретарь ЦКК. Член КПК в 1934–1939 гг. Ср. О Емельяне Ярославском. Воспоминания, очерки, статьи / Сост. П.С. Фатеев, В.В. Королев. – М., 1988. С. 51.

² Ср. Документальное приложение, документ 7.

³ С 1923 по 1934 гг. это был единый партийно-государственный контрольный орган.

⁴ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Где корни предательства Чан-Кай-Ши? О китайской революции. – М., 1927.

⁵ О позиции Коминтерна ср. *Kössler R.* Dritte Internationale und Bauernrevolution. Die Herausbildung des sowjetischen Marxismus in der Debatte um die «asiatische» Produktionsweise. – Frankfurt–New York, 1982. С. 128 следующее.

⁶ Ярославский по ошибке говорит о «платформе 82». Официально речь шла о «платформе 83», но под текстом было 84 подписи. Ср. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927, Том 3 / Редактор-составитель Ю. Фельштинский. – М., 1990. С. 60–72.

⁷ Гусев зарекомендовал себя как близкий союзник Сталина и Молотова в их борьбе против «ново й оппозиции» (Каменев, Зиновьев). После удаления обоих из Совета Института Ленина он занял их место. В январе 1928 г. он (после смерти Н.Н. Батурина) вместе с М.А. Савельевым принял на себя руководство Истпартом. *Зеленов М.А.* Указ. соч. С. 290.

⁸ Второй Всесоюзный Съезд политических каторжан и ссыльнопоселенцев // КиС. 22 (1926) № 2. С. 279. Троцкий выступал с докладом на эту тему, так как одновременно со съездом праздновался и 20-летний юбилей революции. Его доклад назывался «Через двадцать лет. 1905 г.».

⁹ *Троцкий Л.Д.* Ленин // КиС. 31 (1927) № 2. С. 151–161.

¹⁰ Статья должна была называться Л.Д. Троцкий. Биография т. Ленина. Ср. *Виленский-Сибиряков В.Д.* «Якутская ссылка перед Октябрем» и «На рубеже 10-ти летия Октября». Ср. Протокол 12 заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 10.10.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 175.

¹¹ Уже с 1920 г. Виленский-Сибиряков участвовал в качестве уполномоченного от РСФСР в переговорах с Китаем и, движимый своим интересом к Дальнему Востоку, в нескольких публикациях обращался к Китаю. Ср. Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич // Деятели революционного движения в России. Том 5. Социал-демократы / Сост. Е.А. Корольчук и Ш.М. Левин. Под ред. В.И. Невского. Выпуск первый: А-В., М. 1931, ст. 818. Ср. дополнителные следующие статьи: *Виленский-Сибиряков В.Д.*: Что происходит в Китае // Звезда. (1924) № 5. С. 15–131; *Виленский-Сибиряков В.Д.* Вождь пробуждающегося Китая // Звезда. (1925) № 2. С. 155–162;

Виленский-Сибиряков В.Д. Гоминьдан. Партия китайской революции. – М.–Л., 1926. Ср. также Kössler R. Op. cit. С. 342.

¹² *Trotzki L.* Schriften 2. Über China, Bd. 2.1 (1924–1928), (Hrsg. W. Bode, H. Dahmer, H. Lauscher, et al.). – Frankfurt, 1990; *Broué P.* Trotsky. – Paris, 1988. С. 506–530; *Wolkogonow D.* Trotzki. Das Janusgesicht der Revolution. – Düsseldorf, 1992. С. 313–326.

¹³ Die Linke Opposition in der Sowjetunion 1923–1928, Band V 1926–1927 / Hrsg. U. Wolter. – Berlin-West, 1977. С. 15f; *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. – München, 1998. С. 187.

¹⁴ Критике подвергалась и тактика ЦК во время всеобщей забастовки и забастовки шахтеров 1926 г. в Англии. Сходной ориентацией характеризовались также выступления Троцкого на пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся 24–30.5.1927 г. – *Trotzki L.* Redenaufder 8. Plenartagung des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale im Mai 1927 // Die Linke Opposition in der Sowjetunion 1923–1928. Bd. V. С. 96–113.

¹⁵ По поводу позиции Сталина ср. Die Fragen der chinesischen Revolution. Thesen des Genossen Stalin für Propagandisten, gebilligt vom ZK der KPdSU // Die Linke Opposition in der Sowjetunion 1923–1928. T. V. С. 43–49. 43–49.

¹⁶ Л.Д.Троцкий был 23.10.1926 исключен из Политбюро, а в 1927 г. из партии.

¹⁷ Материалы к Протоколу расширенного заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 26.9.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 114.

¹⁸ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Мели Емеля – твоя неделя. По поводу воспоминания Ем. Ярославского «О февральской революции в Якутске [май 1926]» – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 15. С. 1–8.

¹⁹ *Ярославский Е.* Что было. Девять лет в Якутске // Пролетарская революция, 50 (1926) 3. С. 224–239.

²⁰ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Мели Емеля... – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 15. С. 1–8.

²¹ Г.И. Петровский (1878–1958) – большевистский депутат IV Государственной Думы. В 1919–1938 гг. председатель ВУЦИК (Всеукраинского центрального исполнительного комитета) и в то же время с 1922 г. один из заместителей председателя ЦИК СССР. С января 1938 по май 1939 гг. заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1940 г. заместитель директора Музея революции. Верный сторонник Сталина. БЭС. С. 140; ПДР. С. 249.

²² Т.е. действий Временного правительства против большевиков.

²³ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Мели Емеля... – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 15. С. 5–6; Петровский действительно получил от Екатеринбурга мандат на выборы в Учредительное собрание. ПДР. С. 249.

²⁴ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Мели Емеля... – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 15. С. 6.

²⁵ Там же, с 4, 5, 7, 8.

²⁶ Там же, с 8.

²⁷ Журнал по общественным наукам, издававшийся Обществом по исследованию Урала, Сибири и Дальнего Востока, Комитетом поддержки на-

родов Севера и «Главнаукой» (Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР).

²⁸ Издание планировалось как выпуск журнала «Северная Азия», но было одобрено «Главлитом» как издание издательства ОПК. На соответствующем заседании коммунистической фракции присутствовали Корочкин (председатель), Виленский-Сибиряков, Львов, Бреслав, А.И. Скобеников (РСДРП, ВКП(б)), Р.А. Грюнштейн (секретарь), Рогов, К.И. Грюнштейн, Н.М. Козубенко (бывший эсер, затем максималист, в настоящее время ВКП(б)). Ср. Протокол 7 заседания Бюро [коммунистической] Фракции ВКП(б) 3-го Пленума ЦС ОПК от 30.5.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 101, 104, 106.

²⁹ Справка технического руководителя 16-й типографии «Мосполиграф» Васильева от 1.6.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Д. 190. Л. 104.

³⁰ Заключение комиссии Фракции ВКП(б) ЦС ОПК [са. 30.09.1927] – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 153.

³¹ *Ярославский Е.* секретарю ОПК – т. Львову от 26.9.1927 г. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 108–108об. Львов замещал Р.А. Грюнштейн, находившуюся в отпуске. Ср. Протокол 3 заседания Фракции ВКП(б) 3-го Пленума ЦС ОПК от 11.3.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 96.

³² Ф.Я. Кон (1864–1941) – с 1882 г. участник революционного движения (народник). В 1884 г. приговорен к ссылке. 1905–07 гг. – участие в революционном движении в Петербурге. С 1906 г. один из руководителей Польской социалистической партии (левица). С 1918 г. член РКП(б). 1921 г. – секретарь ЦК КП(б) Украины. Один из основателей МОПР. В 1922–1923 гг. секретарь ИККИ. В 1927–1935 г. заместитель председателя Интернациональной контрольной комиссии. Член ВЦИК, ЦИК и его Президиума. БЭС. С. 615–616; в данное время Кон был также редактором газеты «Красная Звезда». *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 100.

³³ Львов встретился перед этим с Ярославским и договорился с ним. Ср. Материалы к Протоколу расширенного заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 26.9.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 116.

³⁴ Ср. Протокол 9 заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 26.9.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 109.

³⁵ Ф.Н. Самойлов (1882–1952). С 1922 по 1928 гг. заместитель заведующего Истпартом, а с 1937 по 1941 гг. директор Музея революции в Москве. Историк. БЭС, том 2. С. 305.

³⁶ Оно должно было до 30 сентября выяснить оставшиеся открытыми вопросы и при возникновении различий во мнениях в комиссии предъявить результат в письменном виде. Ср. Протокол 9 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК (26.9. 1927) ГАРФ. Л. 110

³⁷ Не удалось установить, кто из одиннадцати имевших право голоса не голосовал. В случае с Грюнштейн проголосовали все одиннадцать лиц.

³⁸ Материалы к Протоколу заседания Фракции Президиума ЦС ОПК (26.9.1927) ГАРФ. Л. 115. По поводу идентичной позиции Львова ср. Там же. Л. 116.

³⁹ Материалы к Протоколу заседания Фракции Президиума ЦС ОПК (26.9.1927) ГАРФ. Л. 115.

⁴⁰ Там же. Л. 117.

⁴¹ Ярославский Е. секретарю ОПК – т. Львову от 26.9.1927 г. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 108–108об.

⁴² Кроме того, Лебедев-Полянский стремился доказать, что Грюнштейн намеревалась всеми силами воспрепятствовать тому, чтобы Виленский-Сибиряков обращал на себя внимание.

⁴³ [Документы МКК. До 26 сентября 1927] – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 129–132.

⁴⁴ ГПУ прямо вмешивалось в столкновения и изъяло нелегальную типографию сторонников Троцкого. Ср. *Hildermeier M.* Op. cit. С. 189.

⁴⁵ В перечислении его можно найти под № 2. Он считается одним из организаторов размножения «платформы». Как явствует из материалов МКК, Щербаков – главный свидетель обвинения.

⁴⁶ О том, что этому уделялось особое внимание, свидетельствуют точные данные (адреса, номера телефонов) «конспиративных квартир» и производящее впечатление абсурдного педантичного исследование того, кто был с кем в каких отношениях и кто взял на себя какие задачи.

⁴⁷ Виленский-Сибиряков намекает в данном случае на Троцкого, основу силы которого все еще составляли военные.

⁴⁸ Съезд состоялся в декабре 1927 г.

⁴⁹ Материалы к Протоколу заседания Фракции Президиума ЦС ОПК (26.9.1927) ГАРФ. Л. 119.

⁵⁰ Шумяцкий снова намекает на брошюру Виленского-Сибирякова с неправильными издательскими данными.

⁵¹ Материалы к Протоколу заседания Фракции Президиума ЦС ОПК (26.9.1927) ГАРФ. Л. 120

⁵² Заявление Г.А. Азеева и Б.Я. Фрейдсона от 26.9.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 122.

⁵³ Протокол 10 заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК и наличных членов ЦС – москвичей с участием членов ОПК коммунистов от 30.9.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 133–133об.

⁵⁴ Резолюция по делу т.т. [В.Д.] Виленского[-Сибирякова] и Р.А. Грюнштейн – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 136–138.

⁵⁵ Там же. Л. 136.

⁵⁶ Заключение комиссии Фракции ВКП(б) Президиума ЦС ОПК [от 30.9.1927] – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 153–158.

⁵⁷ Отчет комиссии не датирован. Поручение заключалось, однако, в том, чтобы представить результаты до 30 сентября. Кроме того, отчет подшит протоколу заседания коммунистической фракции Центрального Совета от 30 сентября.

⁵⁸ Хотя Протокол заседания не сохранился, детали заседания можно реконструировать на основе заседания коммунистической фракции Президиума Центрального Совета, которое состоялось в тот же день, и письма Виленского-Сибирякова коммунистической фракции Центрального Совета ОПК (см. ниже и, соответственно, документ 8 в документальном приложении).

⁵⁹ Коммунистическая фракция в тот же день подвергла Бреслав порицанию за его поведение. Ср. Протокол 11 заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 3.10.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 170.

⁶⁰ Ср. Документальное приложение, документ 8.

⁶¹ Наряду с Всесоюзным съездом ОПК речь по-прежнему шла о формально важнейшем органе Общества.

⁶² Протокол 13 заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 14.10.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 178.

⁶³ Ср. об этом информацию в: Протокол 12 заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 10.10.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 175.

⁶⁴ Соответствующие статьи упомянуты выше.

⁶⁵ Ср. *Ярославский Е.М.* Ленин как вождь пролетарского восстания // *КиС.* 36 (1927). С. 9–16.

⁶⁶ Протокол 12 заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 10.10.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 175.

⁶⁷ Протокол заседания Фракции ВКП(б) Московского Отделения ОПК от 23.10.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 188–189.

⁶⁸ Ср. Документальное приложение, документ 10.

⁶⁹ *Корочкин С.* Работа 4-го Пленума ЦС ОПК (29–31.12.1927) // *КиС.* 39 (1927). С. 185

⁷⁰ Отказ в перепечатке статьи Виленского-Сибирякова в «Пролетарской революции» ясно свидетельствует о значительном влиянии Ярославского.

⁷¹ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Якутская ссылка перед Октябрем, ср. Протокол 12 заседания [коммунистической] фракции Президиума ЦС ОПК от 10.10.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 175.

⁷² Троцкому пришлось 11 февраля 1929 г. покинуть страну.

⁷³ Присутствовали Корочкин, Львов, Миронов, Скобельников, Шумяцкий, Мелков, Шпилев, Венгеров, Деркач, Бердичевская, Кохберг.

⁷⁴ Протокол заседания БюроФракции при ЦС ОПК от 8. 2. 1929 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 124.

⁷⁵ В борьбе с троцкистским меньшевизмом крепятся и растут ряды Ленинской партии. – «Правда», (1927) 266, 20.11. С. 3.

⁷⁶ Ср. главу XI «ЛИКВИДАЦИЯ (1935 г.)».

⁷⁷ По поводу дальнейшего присутствия темы политических заключенных ср. главу VI «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)».

⁷⁸ На совместном пленарном заседании ЦК и ЦКК 21–23 октября 1927 г. Троцкий и Зиновьев были исключены из ЦК, а 15 ноября на XV съезде и из партии. Наряду с ними исключены были и другие ведущие представители левой оппозиции.

⁷⁹ *Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич* // *Деятели революционного движения в России. Том 5. Социал-демократы / Сост. Е.А. Корольчук и Ш.М. Левин. Под ред. В.И. Невского. Выпуск первый: А-В. – М., 1931. С. 818.*

⁸⁰ *Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич.* Личное дело 12.03.1921–1.07.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 348. Л. 33; Протокол заседания БюроФ-

ракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 7.12.1928 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 86.

⁸¹ Виленский-Сибиряков, Владимир Дмитриевич. Личное дело 12.03.1921–1.07.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 348. Л. 31; Ярославский Е. Григорьеву С.А. от 22.11.1932 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 348. Л. 31, 41.

⁸² Здесь констатируется также, что он во время войны и революции 1917 г. разделял взгляды левых меньшевиков-интернационалистов. Ср. Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич // Деятели революционного движения в России. Том 5. Социал-демократы / Сост. Е.А. Корольчук и Ш.М. Левин. Под ред.В.Н. Невского. Выпуск первый: А-В. – М., 1931. С. 815–818.

⁸³ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Царство Колчака. Сибирская быль. – М., 1931.

⁸⁴ *Ратнер А.В.* Указ. соч. С. 112.

⁸⁵ Протокол 6 заседания Фракции Президиума ОПК от 11.4.1933 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 45.

⁸⁶ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь. – М., 1989 (репринт). С. 384–85.

Глава VI

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)

Виленский-Сибиряков был устранен из руководящих органов ОПК, т. к. он не поддерживал «правильную» фракцию в ВКП(б). Вопросы, рассматривавшиеся внутри Общества, не играли при этом никакой роли. Тем не менее, его смещение способствовало ужесточению внутренней линии Общества. Так, уже во время столкновений между Ярославским и Виленским-Сибиряковым возникали соображения о том, чтобы «усилить» землячества с помощью коммунистических фракций и «большевизировать» (коммунизировать) исторические комиссии. Кроме того, только после смещения Виленского-Сибирякова в «Каторге и ссылке» было решено отказаться от вмешательства в политику правительства и партии в отношении политических заключенных. Хотя это было фактическим продолжением линии, начатой Виленским-Сибиряковым в 1923 г., ниже следует показать, что так представляется только на первый взгляд, а речь шла скорее об открытом разрыве с политикой сдержанности, которую он проводил после возобладания коммунистической фракции в ОПК.

1. Контроль над землячествами и «большевизация» исторических комиссий

Под руководством Виленского-Сибирякова продолжалось и систематически расширялось содействие землячествам и историческим комиссиям. Но в то же время коммунистическая фракция

при поддержке Виленского-Сибирякова стремилась сохранить контроль.

Так, на собрании коммунистической фракции на первом Всесоюзном съезде ОПК 14 марта 1924 г. категорически подчеркивалось, что землячества подчиняются Центральному Совету Общества. Они не являются самостоятельным «юридическим лицом». Вновь избранный Совет должен контролировать работу землячеств. Членам коммунистической фракции направляется настоятельная рекомендация об участии в выборах бюро отдельных землячеств, чтобы таким образом гарантировать «коммунистическое большинство»¹.

Полтора года спустя, незадолго до II Всесоюзного съезда ОПК в декабре 1925 г., Виленский-Сибиряков выступил на Общем собрании коммунистической фракции Московского филиала Общества с критической оценкой землячеств. Он предостерегающе указывал на то, что в прошлом беспартийные члены Общества пытались усилить свое организационное значение в землячествах. Бюро коммунистической фракции было принуждено исправить общую линию землячеств и направить «общественную энергию» по правильным рельсам, т. е. на музейную, архивную и агитационную работу².

Затем на II Всесоюзном съезде, как уже упоминалось, было создано Центральное бюро землячеств, прямо подчинявшееся Центральному Совету. Оно официально служило лучшей координации землячеств внутри филиалов и между ними, но может быть истолковано и как инструмент контроля из Центра³.

Землячества вновь и вновь оказывались в поле зрения коммунистической фракции. Кульминацией было заседание фракции Московского филиала ОПК 6 марта 1927 г.

В своем отчетном докладе Корочкин характеризует слабую активность коммунистов в аппарате Общества, в землячествах и в исторических комиссиях как величайший «дефект» ОПК. Он констатирует, что в бюро землячеств, решающим образом участвовавших в формировании общественного мнения об ОПК, часто не работал ни один коммунист. В некоторых случаях бюро даже проводили кампании против Президиума Общества⁴.

Цена динамики землячеств и исторических комиссий, которая объясняется их открытой структурой и самостоятельной работой, заключалась, следовательно, в том, что они были потенциальным очагом беспокойства. Вокруг них имели место не объявленные и

не согласованные с Обществом действия. Даже табуированная тема политических заключенных в советских тюрьмах снова поднималась здесь. Группа народников, активно сотрудничавших в качестве членов ОПК, но не являвшихся членами Общества, например, Вера Фигнер в «Народовольческом кружке»⁵, или в комиссии по подготовке столетнего юбилея восстания декабристов в декабре 1925 г., направила заявление и в Президиум ЦИК. В документе содержалась просьба отменить смертную казнь и объявить всеобщую политическую амнистию⁶.

В соответствии с принципами Общества авторы проводят линию преемственности от декабристов через В.Г. Белинского⁷, Н.А. Добролюбова⁸, Н.Г. Чернышевского⁹, М.А. Бакунина¹⁰, П.Л. Лаврова, П.А. Кропоткина¹¹ до Ленина. А затем без перехода они указывают на то, что тысячи российских граждан находятся в тюрьмах и в ссылке, причем по тем же политическим мотивам, что и во времена «старого строя», т. е. при царизме. Многие политические заключенные и ссыльные и даже многие эмигранты – социалисты, никоим образом не относящиеся враждебно к «господствующему строю». Напротив, они прекратили борьбу и готовы к сотрудничеству.

Вторая тема заявления – внесудебные расстрелы, осуществившиеся ГПУ. По данным авторов, речь идет о многих тысячах жертв. Каждый расстрел без судебного разбирательства незаконен и может быть терпим только в исключительных ситуациях открытой войны или гражданской войны. Теперь же, в условиях нормального государственного строительства, смертную казнь следует отменить. Правящие круги привыкли к смертной казни как к «легкому средству управления». Народники завершают свою петицию, констатируя, что почти все они, борясь за победу революции, смотрели в глаза смерти. Из этого факта они выводят право на возможность возвысить теперь свой голос.

В целом дело не ограничивалось совместно написанными письмами, содержащими жалобы, а внутри землячеств формировались группы, побуждавшие их к принятию решений, не согласованных с Центральным Советом.

27 апреля 1926 г. Корочкин сообщает собранию коммунистической фракции 2-го пленума Центрального Совета, что землячество «нерчинцев» «сильно обострило» обсуждение вопроса об убитом в тюрьме ГПУ члене Общества Сердюкове. Была принята

и разослана резолюция с требованием расследования дела. То же касается дела Бродского¹².

Оба события подверглись резкому осуждению со стороны коммунистической фракции Общества:

27 апреля 1926 г. Корочкин характеризует и поведение «нерчинцев», и петицию народников как «чуждую» позицию, мешающую «полному приближению к партии»¹³. Виленский-Сибиряков прямо возлагает ответственность на «Народовольческий кружок» 14 февраля 1927 г. на заседании коммунистической фракции, расширенной за счет активных сотрудников Общества, за прозвучавшие в декабре 1925 г. требования амнистии¹⁴. Кроме того, он рассматривает дело П.С. Ивановской, которая была членом кружка, но не членом Общества.

Ивановской, ввиду ее участия в организации убийстве царя 1 марта 1881 г., была по просьбе ОПК предоставлена пенсия Советом Народных Комиссаров (СНК). Ивановская разочаровала, однако, ожидания Общества, по политическим причинам отвергнув пенсию. По данным российского историка Н. Ерофеева для нее были «подозрительны» не только большевики, но и ОПК. Она отказалась, к примеру, от членства в ОПК, указав на его «официозный» характер и отсутствие дистанции Общества от ВКП(б). Это, однако, не удержало ее от тесного контакта с «Народовольческим кружком», особенно с его членами М.П. и М.О. Шебалиными¹⁵.

Виленский-Сибиряков обвиняет «Народовольческий кружок» в том, что он выступает как самостоятельная организация и угрожает, что это возымеет тяжелые последствия. Описанные события имеют, по его словам, политический характер и доказывают необходимость проводить жесткую коммунистическую линию¹⁶.

При руководстве Виленского-Сибирякова все, однако, ограничилось словесными угрозами. Проблему пытались решить обычным образом: к коммунистам обращали многочисленные настоятельные призывы в большей степени войти в руководящие органы землячеств и исторических комиссий¹⁷. Но параллельно с этим коммунистическая фракция приняла решение и об «усилени[и] самостоятельности в работе Комиссии и увеличении ответственности за их работу»¹⁸.

За решительные меры в отношении землячеств и исторических комиссий взялись только в ходе лишения властных полномочий Виленского-Сибирякова.

2. Анкета французских анархистов-коммунистов

После смещения Виленского-Сибирякова Ярославский, Львов, Кон и Корочкин своим первым шагом привели к эскалации снова нараставшего вокруг землячеств конфликта, порожденного обращением с политическими заключенными. Возможность для этого представилась благодаря анкете, которую центральный орган французских анархистов «LeLibertaire», предложил в августе 1927 г. ОПК и некоторым его членам¹⁹.

В анкетных листах четыре вопроса касались темы о роли ОГПУ в Советском Союзе. Петиция народников от декабря 1925 г. при этом не упоминается.

«1. Вопрос: Известно ли вам, что в России тайная полиция (ГПУ) имеет право административного суда, т. е. без защитников, без свидетелей, не предавая гласности ни обвинение, ни приговор анархистам, революционным рабочим, борющимся за осуществление идей, провозглашенных Октябрьской революцией?

2. Вопрос: Думаете ли вы, что это административное и тайное судилище, ускользающее от контроля рабочих, полезно для революции?

3. Вопрос: Известно ли вам, что назначенные таким путем наказания являются по существу бессрочными, ибо по окончании официального срока они автоматически возобновляются простым постановлением ГПУ?

4. Вопрос: Что думаете вы об этих мероприятиях, применяемых через 6 лет после окончания гражданской войны? Одобряете ли вы их? Почему? Считаете ли необходимым бороться? Каким путем?»²⁰.

Непосредственным поводом для предложения анкеты в ОПК считалось официальное сообщение печати о 20 расстрелах, осуществленных ОГПУ²¹. Тем не менее, напрашивается понимание анкеты как попытки побудить советское правительство объявить к предстоящему юбилею Октябрьской революции амнистию политическим заключенным и переосмыслить роль ОГПУ.

ОПК предложило себя в качестве адресата. При поддержке ветеранов революционного движения, имевших хорошие контакты с Обществом, здесь существовал очевидный интерес к тому, чтобы начать в Обществе новую дискуссию об отношении советского

правительства и его органов к политическим заключенным. Не было ошибочным ожидать, что ОПК выступит рупором широкой амнистии. К тому же было известно, что немало его членов по-прежнему поддерживали хорошие контакты с границей. Поэтому в Париже должна была наличествовать информация о критическом отношении некоторых членов Общества к ОГПУ и его действиям против нелояльно настроенных социалистических и анархистских группировок. Могло быть также известно, что летом 1927 г. группа примерно из 15 ветеранов революционного движения, во главе которой снова стояла В.Н. Фигнер, вместе с членами ОПК, ветеранами Н.А. Морозовым и М.П. Сажиним, направила советскому правительству петицию с призывом прекратить политические репрессии и освободить политических заключенных²².

И действительно, обсуждение вопроса о политических заключенных имело место, но только после того, как Ярославский, Корочкин и Львов в № 7 «Каторги и ссылки», вышедшем лишь в сентябре 1927 г., опубликовали письмо с ответами на вопросы «LeLibertaire»²³.

С одной стороны, авторы подчеркивают, что «[...] сотни бывших анархистов и членов других социалистических организаций вместе с сотнями тысяч передовых рабочих страны работают в Коммунистической партии и борются “за осуществление идей, провозглашенных Октябрьской революцией”». С другой стороны, они создают впечатление, что все остальные, не абсолютно лояльные политические силы, автоматически оказываются в поле зрения ГПУ. Их описывают как бандитов и «злейших врагов» социалистического государства и «врагов рабочих и крестьян», как тех, кто планирует заговоры, восстания и покушения на вождей СССР. Хотя они иногда [ловко] прятались за революционными и социалистическими или анархистскими лозунгами, их очевидная цель – восстановление буржуазно-помещичьей и царской власти. Речь идет о закоренелых контрреволюционерах, которые не могут принять завоевания Октябрьской революции.

Затем Ярославский, Корочкин и Львов даже открыто признали себя сторонниками самых жестких методов ГПУ, поставленных под вопрос «LeLibertaire». Русские рабочие и крестьяне и все советские общественные организации, включая ОПК, стоят, по их словам, на точке зрения, согласно которой не может быть пощады врагам системы. В интересах рабочих и крестьян следует

«по-плебейски» рассчитаться с классовым врагом пролетариата. Оправдана и политика ГПУ, заключающаяся в продлении тюремного заключения лиц, отбывших срок наказания, относительно которых использовался аргумент об их опасности для государства. Авторы оспаривают утверждение о том, что ГПУ негласно выносит приговоры и приводит их в исполнение. Обычно, по их словам, приговоры публикуются в соответствующих органах печати.

Очевидно, что это публичное заявление было написано почерком Ярославского. Дискуссии по вопросам, поставленным анархо-коммунистами, не было. Из текста просто извлекались части предложений и вставлялись в специально для этого созданный фиктивный политический контекст угрозы советской власти со стороны нелояльных и «псевдосоциалистических» сил. А потом в этих рамках легитимировались жесткие действия против политических заключенных.

Заявление было признанием в безусловной лояльности советскому государству и его внесудебному карательному органу – ГПУ. Особенно же бросалось в глаза то обстоятельство, что документ формулировался в агрессивном стиле, до тех пор неизвестном журналу Общества, а в аргументации доминировало дихотомическое деление на противников и лояльных приверженцев советской власти. Такая аргументация не оставляла пространства для дифференцированного рассмотрения проблемы политических заключенных.

Протест против ответного письма последовал примерно через шесть недель после его публикации. Не упоминая заявление Ярославского, Корочкина и Львова, 18 ноября ветеран-народник Е.Н. Ковальская отмежевалась в своем письме, опубликованном в «Правде», от всего номера журнала «Каторга и ссылка», в котором появилось письмо. Как соредактор, она уточняет, что из-за тяжелого заболевания не была проинформирована о содержании номера, хотя ее имя упоминается среди ответственных редакторов. То же касается и решений, принимавшихся Обществом в соответствующий промежуток времени²⁴. Одновременно со своей заметкой Ковальская послала заявление в редколлегию «Каторги и ссылки» и связала свою критику с извещением о выходе из Общества²⁵. Вскоре после этого в редакцию пришло письмо протеста народника М.Ф. Фроленко. Вслед за ним Л.Г. Дейч и народник М.Н. Дигамма-Васильев в письменной форме солидаризировались с заявлением Ковальской. Наконец, 3 декабря 1927 г. в Президиум Центрального Совета ОПК пришло письмо протеста

большой группы народников. Ответственными были, как сказал Корочкин перед коммунистической фракцией, 22 «старика», т. е. снова народники преклонного возраста²⁶. Во главе их были Е.Н. Фигнер-Сажина, А.В. Якимова-Диковская, М.П. Сажин, Н.О. Коган-Бернштейн, М.П. Шебалин и Ф.А. Морейнис-Муратова²⁷.

Они упрекают редколлегию «Каторги и ссылки» и Президиум Центрального Совета ОПК в превышении данных им полномочий из-за одобрения мнения Корочкина и Ярославского от имени всего Общества. В содержательном отношении авторы оценивают как неверную, содержащуюся в письме Ярославского и Корочкина [огульную] оценку отдельных групп и лиц, преследуемых ГПУ²⁸.

В конце декабря 1927 г. вопрос был подробно обсужден на пленуме Центрального Совета ОПК, и критики еще раз разъяснили свою позицию.

Диковская, исходя из неполитического характера Общества, сочла в принципе неправильным, что от имени ОПК были даны ответы на анкету французских анархистов-коммунистов. Речь шла о политическом вопросе. [Напротив], Общество характеризуется тем, что у него есть определенные цели, и что на основании этих целей в нем объединились лица из различных партий и с разными позициями. Заявление представляет собой попытку, подобно тому, как это уже было с формированием коммунистической фракции, надеть на Общество единую маску и всех «собрать в кучу».

«Мы, старые революционеры, не привыкли никому навязывать своих мнений, и не желаем, чтобы нам навязывали и говорили за нас»²⁹.

Не понравилось и М.А. Морейнису (земледелец, «Народная воля», беспартийный), что Президиум говорил от его имени и тем самым ложно приписывал им [народникам] мнение, которого они не разделяли.

«Мне сколько раз приходилось слышать и от Ярославского и от других, что они нас считают своими отцами, а они наши дети. Они дети, но они нас оскорбили»³⁰.

Он призывает Президиум признать свой перегиб. Тем самым проблема была бы решена. Вместо этого Президиум попытался осудить теперь народников.

А.В. Прибылев («Народная воля», эсер, беспартийный) из Ленинграда сообщает, что он обсуждал проблему с беспартийными и несколькими коммунистами. Они также указывали на беспартийность Общества и его разнородную членскую ориентацию.

Невозможно с помощью ответа в такой форме сделать Общество однородным. По поводу выступления Кона (см. ниже) Прибылев замечает:

«Я не сомневаюсь, если бы я поднял не только голос, но и руку, он поставил бы меня к стенке»³¹.

Общеизвестно, что ОГПУ привлекало к ответу и совершенно невиновных, т. е. и таких людей, которые противоречили *власти* только на словах. Как раз о них и идет речь. При этом дело вовсе не о товарищах, бросавших бомбы, а о молодых женщинах и мужчинах, сосланных на 5 лет за то, что их образ мыслей незначительно отличался от «нашего».

Как сообщал затем М.П. Шебалин, их, как старых революционеров, особенно «шокировало» то обстоятельство, что в заявлении были названы бандитами все те без исключения, кого арестовало ОГПУ. Они [старые революционеры] знали, что дело обстоит не так. Даже ОГПУ не характеризует политических заключенных как бандитов и проводит точное различие между теми, кто активно выступает против советской власти и теми, кто ведет против нее только пропаганду. В качестве доказательства своего тезиса Шебалин приводит меру наказания: одни идут в тюрьмы, других расстреливают, а еще кого-то ссылают. Странники публичного заявления Ярославского и Корочкина в «Каторге и ссылке» отклоняют, однако, любую критику.

Только Я.Д. Баум (бундовец, беспартийный) взял более умеренный тон. Он признает, что тактическая ошибка Президиума заключалась в том, что ответ не согласовали со всеми. Он не сомневается в принципиальной лояльности Диковской и даже М.А. Веденяпина, сурово наказанного советской властью³². Он убежден в том, что в случае внешней угрозы или войны оба они будут твердо стоять на стороне советской власти.

Правда, Баум, сам бывший сотрудник ЧК, считал тайную полицию необходимой для любого государства. Кроме того, никто из упомянутых товарищей, – имелись в виду народники – не утверждал всерьез, что можно обойтись без репрессий до тех пор, пока государственная власть [в Советском Союзе] не усилится в достаточной степени и ее враги не будут уничтожены³³.

Бреслав, даже напрямую характеризовавший себя как чекист, не ставит задачи найти компромисс с ветеранами. Он считает справедливым, что на политическую анкету французских анархистов-коммунистов был дан точно так же политический ответ. С высказыванием Диковской, согласно которому тем самым на Общество

надевается единообразная маска, он не соглашается. Указывая на закрепленный в уставе Общества пункт, согласно которому лица, осужденные советскими органами, не принимаются в члены ОПК, он настаивает на необходимости в определенных случаях придавать Обществу единообразное лицо³⁴. Заявление в «Каторге и ссылке», на его взгляд, еще слишком умеренно и он удивлен тем, что ветераны воспринимают его как клевету. Он считает неправильным и высказывание ветеранов о том, что в тюрьмах сидят товарищи, которые не маскировались понятием социализма и отнюдь не требовали возвращения фабрик и земли их бывшим собственникам. Кроме того, речь шла, скорее, об ответе специфически политическим группировкам с определенной политической физиономией. В соответствии с этим Бреслав объединяет французских анархистов-коммунистов и политических заключенных с двумя следующими политическими течениями: во-первых, он сравнивает их с социал-демократическими группировками, утверждающими, что для России еще слишком рано восстанавливать свою экономику на социалистическом пути и, во-вторых, объединяет с эсерами, которые во время Гражданской войны поддерживали различных генералов белой армии, боровшихся против большевиков. Оказывается, наконец, что для Бреслава программа социал-демократов фактически сводится к требованию возвращения фабрик. Со своей стороны, эсеры при Колчаке даже уже вернули фабрики их старым владельцам и приказывали расстреливать крестьян, захватывавших землю. Все они, по оценке Бреслава, стоят «с другой стороны баррикады» и ему не товарищи. Солидаризируются ли в действительности ветераны с этими группами и хотят ли взять на себя политическую ответственность за свои действия на Юге в Сибири? Таков был его риторический вопрос³⁵.

Бреслав защищает действия даже против тех, кто выражает свою критику только в вербальной форме. Вот какова его позиция:

«Тут я скажу: языком говори сколько угодно, но рукам воли не давай»³⁶.

Заключение в цепи его аргументации образует требование к ветеранам принести извинение за упрек в клевете.

Но только с речью Кона поляризация между ветеранами и членами Президиума-коммунистами достигла кульминации³⁷.

Он упрекает ветеранов в том, что их протест – в действительности протест против кадровых изменений в редакции «Каторги и ссылки», особенно против замены Виленского-Сибирякова Коном и Я.Б. Шумяцким. Его единственным доказательством была, правда,

лишь поздняя реакция со стороны ветеранов. Кону было важно таким образом изобразить ветеранов как инструмент Виленского-Сибирякова, толкавшего их к этому шагу, чтобы открыть внутри Общества новые фронты против Кона и Шумяцкого.

Если рассматривать только формальную сторону дела, то интерпретация Кона оказывается вполне в рамках возможного. При более точном анализе обращает на себя внимание, что Виленский-Сибиряков тем самым искусственно изображается вопреки всей предшествовавшей информации о его роли в ОПК как представитель той группы в Обществе, которая склонялась к решению проблемы обращения с политическими заключенными. Кроме того, Кон утаивает при этом свою собственную активную роль в публикации заявления на своем новом посту руководителя редакции «Каторги и ссылки», а также и члена Президиума ЦК ОПК. Напротив, следует заметить, что дело проходило с формальной точки зрения некорректно, подобно смещению Виленского-Сибирякова. Президиум принял 12 августа только формальное решение об ответе на анкету французских анархистов-коммунистов. Но сам ответ или его содержание больше не утверждались Президиумом³⁸, а были опубликованы прямо, т. е. примерно через 6 недель. Это произошло с помощью Кона, который в конце сентября перенял редакцию «Каторги и ссылки» от Виленского-Сибирякова³⁹. Жалоба Ковальской также поступила не столь поздно, как внушает Кон. Она появилась в «Правде» уже через 6 недель после публикации заявления.

В своей речи Кон также критически отмечал, что конфликт не был урегулирован внутри Общества, а оказался вынесен Ковальской на суд общественности. В конце концов, полемика с коллективным заявлением 20 ветеранов в Президиум от 3 декабря приняла даже характер кампании. Кроме того, он почувствовал себя лично обвиненным.

Как до него уже сделал Бреслав, так теперь и Кон политизирует коллективное заявление ветеранов. Совершенно не соответствует действительности, что «наши товарищи сидят в тюрьмах». Тот, кто это утверждает, должен быть готов к политической и моральной ответственности за покушение на Ленина и бомбы, всего лишь пять месяцев назад подложенные в партийном клубе в Ленинграде. Среди арестованных были также бывшие анархисты и социалисты.

«Поэтому, товарищи, мы должны заявить одно, когда выступают с политическим актом в тот момент, когда против нас готовится война, в тот момент, когда провокационные французские коммуни-

сты ставят анкету, не зная, что они творят и кому служат, когда есть эта совокупность явлений, и сопровождается это взрывами, бомбами, поджогами и даже бомбами в самом центре – в Москве и на Украине, когда это происходит, то нужно дать ответ [...], этот ответ должен был бы быть в 10 раз сильнее»⁴⁰.

Вслед за тем пленум Президиума Центрального Совета ОПК большинством голосов решил задним числом одобрить заявление, опубликованное в «Каторге и ссылке»⁴¹.

Как ни трагично, но, хотя Бреслав и реализовал механизмы, с помощью которых Ярославский, Львов и Кон сместили Виленского-Сибирякова, он, когда речь зашла о вопросах французских анархистов-коммунистов, не принял во внимание простейшие правила честности в обхождении внутри Общества. Напротив, Бреслав помог действующим лицам, составлявшим большинство пленума Центрального Совета завуалировать новое качество манипулирования и вмешательства. Он не настаивал на том, чтобы исправить очевидные процедурные ошибки, – отсутствие информации всего Президиума и даже коммунистической фракции о содержании заявления – но бок о бок с Коном впадал в преувеличенную риторику по-прежнему значимой политической угрозы. Тем самым он сдвигался в сторону практиковавшейся Ярославским комбинации процедурных трюков, политических и содержательных поляризаций и преувеличений, и компрометировал свою силу, проявленную в деле Виленского-Сибирякова. Тогда он смог показать эти механизмы и воспрепятствовать превращению ОПК в инструмент борьбы за власть внутри ВКП(б).

Линия народников, заключающаяся в том, чтобы в ходе стабилизации советской власти подумать о проведении другой политики в отношении политических заключенных и о широкой амнистии, казалась неосуществимой исходя из политических интересов. Проведенная скрепя сердце амнистия к десятой годовщине Октябрьской революции показала впоследствии, что письмо с ответами Ярославского и Корочкина на вопросы французских анархистов-коммунистов в принципе соответствовало политической линии советского правительства. Всем осужденным по ст. 58 (политические преступления) была снята лишь треть срока, еще не отбытого к моменту амнистии [sic!]⁴².

Ярославский все же подвергся критике в «Правде» за публикацию ответного письма. Это произошло окольными путями, а именно посредством критики в адрес Кона. Заметка Ковальской, появившаяся в «Правде», которая должна была остаться непонятной

для не информированного читателя, т. к. в ней не упоминалось заявление против анархистов-коммунистов, для информированных кругов представляла собой, тем не менее, однозначный сигнал, заключающийся в том, что публикация заявления в «Каторге и ссылке» оценивалась верхушкой партии как пропагандистская ошибка, вызвавшая немалую сумятицу в соответствующих кругах внутри страны и за ее пределами. В соответствии с этим Кон счел себя вынужденным опубликовать в «Правде» письменное объяснение от имени редакции «Каторги и ссылки» по поводу событий⁴³. И напрасная попытка Кона представить на пленуме Центрального Совета в декабре 1927 г. критику ответа на вопросы французских коммунистов-анархистов как акцию, закулисно руководившую Виленским-Сибиряковым, а тем самым троцкистами, свидетельствует о его стремлении отреагировать на напряженную внутрипартийную ситуацию в этом вопросе. Но ему, очевидно, не удалось связать два данных обстоятельства и тем самым использовать для своего оправдания антитроцкистское настроение в партии.

С позиций ОПК в целом можно согласиться с оценкой, которую дала Диковская и которая заключалась в том, что публикация заявления по вопросам анархистов-коммунистов представляет собой разрыв с первоначальной идеей ОПК, подобный тому, которым явилось учреждение коммунистической фракции при Центральном Совете ОПК в 1923 г.

3. Введение коммунистических фракций в землячествах

В начале 1928 г. последовал второй шаг, непосредственно направленный против землячеств. И снова Ярославский только из-за кулис направлял развитие событий.

3 марта 1928 г. на собрании пятидесяти членов коммунистической фракции, состоявшемся в ходе Общего собрания всех членов Московской организации ОПК и вернувшимся к обсуждениям, прозвучало требование о создании коммунистических фракций внутри землячеств⁴⁴. День спустя произошел скандал. На Общем собрании не был принят выработанный коммунистической фрак-

цией список тех, кто должен был участвовать в III Всесоюзном съезде ОПК, запланированном на 12 марта 1928 г. Вместо этого Центральное бюро землячеств подготовило собственный список, в котором для голосования предлагались и коммунисты⁴⁵.

Созванное самым срочным образом с участием 60 человек заседание коммунистической фракции приняло следующую контрмеру:

«Предложить всем членам ВКП снять свои кандидатуры из списка, предложенного Бюро Землячеств. Объявить об этом на Общем Собрании и предложить последнему принять за основу при голосовании кандидатов на Съезде список Фракции. В случае отклонения такого предложения настаивать на отсрочке выборов вплоть до ухода с собрания членов ВКП»⁴⁶.

Проводя свою линию, коммунистическая фракция, очевидно, достигла успеха, т. к. по этому пункту не было найдено дальнейших дискуссий.

Во время III Всесоюзного съезда последовало сведение счетов с Центральным бюро землячеств. Я. Люкс (РСДРП, беспартийный) резюмировал настроение, преобладавшее на съезде, ход которого определяла коммунистическая фракция: Бюро землячеств с его точки зрения представляется символом превращения ОПК в «придаток землячеств»⁴⁷. В соответствии с этим на собрании коммунистической фракции 13 марта, в котором участвовал 41 человек, было принято решение рекомендовать Всесоюзному съезду снова непосредственно подчинить землячества Организационной комиссии Общества⁴⁸. Решение было реализовано. Одновременно было снова отменено созданное в декабре 1925 г. Центральное бюро землячеств⁴⁹.

Но этой мерой дело не ограничилось. Уже месяц спустя, 8 апреля 1928 г., заседание коммунистической фракции Московской организации ОПК приняло решение о следующем обширном каталоге мер в отношении землячеств:

«1. Во всех Землячествах Московского Отделения создаются объединения коммунистов, работающих под руководством Фракции Ц. Совета. Каждое объединение З[емлячест]ва избирает одного представителя для связи с Бюро Фракции Ц.С.

2. Бюро Фракции Ц.С. созывает в целях информации о важнейших вопросах в жизни Об[щест]ва или Ц.С. представителей земляческих объединений коммунистов.

3. Представители земляческих объединений коммунистов обязаны сообщать Бюро Фракции Ц.С. о важнейших вопросах в жизни своих З[емлячест]в.

4. Перевыборы Бюро Землячеств производятся по плану, утвержденному Бюро Фракции Ц.С.

5. Объединения коммунистов по Землячествам добиваются введения в состав Бюро своих Землячеств коммунистов, но при этом не обязательно стремиться к тому, чтобы коммунисты составляли в бюро каждого З[емлячест]ва большинство.

6. На собраниях Землячеств выступления и заявления от имени земляческих объединений коммунистов допускаются в особо важных случаях.

7. Все коммунисты – члены Землячеств обязаны входить в земляческие объединения коммунистов.

8. О действиях отдельных коммунистов, нарушающих линию земляческих объединений коммунистов, сообщается в Бюро Фракции Ц. Совета»⁵⁰.

С помощью этой отлаженной вертикальной контрольной структуры землячества должны были быть полностью поставлены под наблюдение коммунистической фракции. За этим скрывалось намерение воспрепятствовать проведению ими самостоятельной кадровой политики и подчинить коммунистов, участвовавших в их деятельности, строгому групповому принуждению. Таким образом, следовало существенно ослабить горизонтальные связи из личных контактов и дружеских отношений, существовавшие между коммунистами и беспартийными членами Общества.

В ходе осуществления предложенных мер Общество оказалось снова, как уже было в 1923–1924 гг., на грани раскола, ибо заседание коммунистической фракции 8 апреля проходило куда менее мирно, чем можно предположить, исходя из протокола. Напротив, имели место жесткие столкновения вокруг приведенных пунктов. Интересно, что противниками введения коммунистической фракции в землячества выступали как раз Корочкин и Львов, которые еще усилили конфликт из-за анкеты французских анархистов-коммунистов и отмены центрального бюро землячеств. После Всесоюзного съезда они стремились снова смягчить свой конфронтационный курс. При этом ключевую закулисную роль играл Теодорович, который после своего смещения в Наркомземе снова начинал в это время играть активную роль в Обществе. Именно он пытался на основе своих хороших контактов с народниками и сторонниками «Народной воли» найти компромисс в вопросах статуса землячеств.

Как уже упоминалось в одной из предшествующих глав⁵¹, конфликт развивался между Корочкиным и Львовым, с одной стороны, и С.И. Назаровым и его сторонниками – с другой. В соответствии с письменной жалобой Назарова коммунистической фракции, о чем был уведомлен и Ярославский, заседание 8 апреля проходило следующим образом.

Сначала Корочкин по поручению секретариата коммунистической фракции информировал о положении членов коммунистической фракции в землячествах. При этом стало ясно, что данные фракции не выступали открыто как коммунистические. Было выражено желание сохранить в качестве принципа и эту позицию. Как противоположная была представлена позиция, в соответствии с которой коммунистические фракции должны были бы не скрывать свое лицо, но проводить свою линию с помощью особой тактики, иначе они оказались бы «не фракцией, а фикцией»⁵².

Из письма Назарова становится видным также и принципиальное различие позиций. Так, он сообщает, что Корочкин аттестовал его «раскольником» Общества после того, как был проинформирован Теодоровичем об отрицательной реакции народников на его (Назарова) требование придать официальный статус коммунистическим фракциям в землячествах. Народники в дополнение к его жалобе Теодоровичу угрожали еще и выходом из ОПК без большого шума.

Напротив, для Назарова в центре восприятия им происходящего – не Общество, а благо ВКП(б). Он аргументирует в соответствии со своим положением сотрудника ЦКК ВКП(б). Подвешенное состояние, в котором оказалась коммунистическая фракция в землячествах, представляет собой нарушение *положения* Устава партии о ведущей роли фракций в общественных организациях⁵³.

Тот факт, что Назаров написал свое письмо уже после заседания коммунистической фракции 8 апреля, хотя именно там было принято именно то решение, которого он требовал, указывает на следующее: Корочкин, назвавший Назарова раскольником ОПК, должен теперь со своей стороны стать объектом доноса Назарова как выступавший в поддержку интересов землячеств за счет коммунистической фракции⁵⁴.

Теодоровичу, Корочкину и Львову лишь с трудом удалось свести дело к личному спору между Корочкиным, Львовым и Назаровым. Правда, благоприятно воздействовало на ситуацию то

обстоятельство, что и Ярославский не был заинтересован в расширении конфликта⁵⁵. Если же говорить о деле как таковом, то здесь Ярославский не уступил, а, напротив, заявил даже о намерении лично урегулировать введение коммунистических фракций в землячествах. В письме Теодоровичу, Львову и Корочкину он высказал следующую просьбу:

«[...] что касается принципиальной стороны вопроса (о фракциях в землячествах), то я прошу отложить этот вопрос, чтобы я мог принять участие в обсуждении его»⁵⁶.

Но, в конечном счете, введения коммунистических фракций в землячествах не последовало. Три фактора можно рассматривать как имеющие решающее значение для такого развития событий. Во-первых, следовало воспрепятствовать массовым выходам ветеранов из ОПК. Во-вторых, Теодорович снова принял на себя руководство ОПК, но он не был заинтересован в расширении конфликта между землячествами и коммунистической фракцией. В то же время с помощью партии влияние Кона было даже оттеснено. В третьих, и Ярославский, похоже, получил по внутривнутрипартийным каналам указание снова успокоить ситуацию в ОПК. В конце концов, снова было применено известное средство – повысить влияние коммунистов в землячествах⁵⁷.

4. Борьба против тенденций к унификации и инструментов политического контроля

Ответ на вопросы анархистов-коммунистов в сентябре 1927 г. и планировавшееся введение коммунистических фракций в землячествах весной 1928 г. был воспринят сильной группой членов Общества, как и создание коммунистической фракции в 1924 г., в качестве его недопустимой унификации и политизации. Протест против этого следующего шага к отказу от политического нейтралитета ОПК возглавили символические фигуры народнического революционного движения из окружения Общества. Применительно к ответу на вопросы анархистов-коммунистов этим людям удалось охарактеризовать несогласованную публикацию ответа как грубое процедурное нарушение и возложить ответствен-

ность за это на Кона. Протест внутри Общества против дальнейшей политизации ОПК, поддержанный и его членами-коммунистами, достиг кульминации с попыткой избавить Всесоюзный съезд, запланированный на март 1928 г., от руководства коммунистической фракции. Формально существовавшая, а теперь и реально обретенная возможность выдвижения собственных списков делегатов Центральным бюро землячеств, сформировала основу для такого действия.

Особенно же показательно, что до связывания событий вокруг ответов на вопросы анархистов-коммунистов и имевшей место практически в то же время интриги против сторонников Троцкого, Виленского-Сибирякова и Грюнштейн дело не дошло. Это тем более удивительно, что «нечистый» процесс смещения Виленского-Сибирякова так же, как и скандал вокруг вопросов анархистов-коммунистов, означал прямое нарушение независимости Общества. В обоих случаях граница между ОПК и партией была размыта. Солидаризация со стороны символических фигур революционного движения воспрепятствовала возникновению диаметрально противоположной ситуации и в деле Виленского-Сибирякова. Среди беспартийных членов ОПК Виленский-Сибиряков был по-прежнему не популярен. Его имя ассоциировалось, как и ранее, с не преодоленным опытом создания коммунистической фракции в ОПК в 1924 г. Можно также исходить из того, что беспартийные члены Общества не были информированы о полном объеме лишения Виленского-Сибирякова и Грюнштейн их постов с помощью описанной процедуры. Виленского-Сибирякова связывало с Ярославским то обстоятельство, что и он понимал коммунистическую фракцию как замкнутый орган, внутренние столкновения в котором не следовало, насколько возможно, выносить «наружу». Даже когда он с опозданием решился сделать свою проблему темой обсуждения и в органах ОПК, состоявших из беспартийных, его аргументация не была умной в тактическом отношении. Виленский-Сибиряков едва ли мог ожидать поддержки от беспартийных членов Общества, если он на соответствующих собраниях органов ОПК упрекал Ярославского и Кона в том, что не *он*, а *они* знакомили беспартийных членов Общества с проблемами, касавшимися только партии. Нарушение Устава ОПК глубоко ошибочным поведением Ярославского, Львова, Шумяцкого и Кона отступило в результате этого далеко назад. В соответствии с этим вмешательство беспартийных во внутренние дела ОПК не было воспринято соответствующим образом.

Союз между Виленским-Сибиряковым, Грюнштейн и Бреславом и беспартийными символическими фигурами и по другой причине едва ли имел шанс на осуществление. Ввиду поведения Бреслава можно было доказать, что он в данный момент снова объединился с Коном, Львовым и Баумом, когда речь шла о дискредитации выступления народников в пользу политических заключенных. В интересах партии он теперь вдруг перестал воспринимать действия, со структурной точки зрения сравнимые с отстранением Виленского-Сибирякова и Грюнштейн, как нарушение табу. Эту же позицию занял и Корочкин, державшийся в деле Виленского-Сибирякова и Грюнштейн на заднем плане.

Для беспартийных в ОПК, в особенности народников, имеет силу то, что они были готовы сплоченно идти на риск конфликта в чувствительных для себя пунктах. Такая ситуация и наступила при демонстрации ОПК вне или в связи с жалобой ветеранов против несогласованного в содержательном отношении ответа на вопросы анархистов-коммунистов. Внутри, как казалось, ответственные коммунисты уступили настолько, что Ковальская не вышла из ОПК и даже продолжала работать в редакции «Каторги и ссылки». Вовне, однако, ошибки не допускались. В качестве причины отсутствия договоренности Президиум ОПК назвал летнее отпускное время, в которое землячества не работали и не проводились Общие собрания⁵⁸.

Но прежде всего недопущение появления коммунистической фракции в землячествах было хорошо скоординированной акцией. Народники и народовольцы в Обществе объединились с частью коммунистической фракции (Львов, Корочкин, Теодорович). Теодорович, обратившись к стилю руководства, который он пестовал в ОПК в начале 20-х гг., снова создал мост к беспартийным. Преимущество заключалось и в том, что Ярославский на сей раз, в отличие от выдворения Виленского-Сибирякова и Грюнштейн, не был «мотором», а занимал позицию третейского судьи. Тем не менее, и он проявлял значительную тенденцию к сближению со сторонниками введения коммунистических фракций в землячествах. Но затем он перешел на сторону противников этого. Вероятно, с одной стороны, партия сочла контрпродуктивным конфронтационный курс, который стал бы следствием коллективного выхода из ОПК ветеранов революционного движения, пользовавшихся известностью, как в стране, так и за ее пределами. С другой стороны, Ярославский доказал, сменив курс, вполне присущее ему чувство реальности. Возможность землячеств и исторических комиссий принимать решения, за которыми не наблю-

дала и которые не санкционировала коммунистическая фракция, в значительной части основывалась на слабости самой фракции в процессе реализации принятых решений, т. е. прежде всего на ставшей хронической проблеме недостатка сотрудничества членов ВКП(б) в этих институтах ОПК. «Галопирующий шаг» коммунистической фракции, чему способствовали структуры, создания которых требовал Назаров и решение о создании которых приняла коммунистическая фракция, не помогла бы здесь, а, напротив, в результате повышения регламентации еще более воспрепятствовала бы и без того умеренной активности. Существовала также и реальная опасность, что те, кого все в большей степени намеревались контролировать, в значительных масштабах выходили из землячеств и исторических секций.

Несмотря на значительную пробивную силу определенных групп в ОПК следует, однако, заметить в заключении, что среди их членов не было всеобщей впечатлительности в отношении способов правильного принятия определенных решений. Напротив, в особенности землячества и исторические секции и представлялись конгломератом индивидуально выраженных интересов. Соответственно, в зависимости от тем и восприимчивости к ним возникали непостоянные союзы с различной силой действия. Символические фигуры революционного движения разработали даже особый способ, напоминающий об анархистских представлениях об идеалах. Без иерархических или институционализированных структур по определенным темам и проблемам, возникавшим внутри Общества, составлялись совместные и сообщавшиеся друг другу резолюции, которые затем подписывались каждым в индивидуальном порядке. Землячества исторические секции формировали, выходя за пределы существующих личных контактов, площадку, на которой и встречались эти горизонтальные структуры. В случае выдвижения собственных списков делегатов на Всесоюзный съезд землячествами организационная степень тех сил, которые были готовы оттеснить преобладание коммунистической фракции, принимала даже опасный для нее характер. Высокой, реализовавшейся индивидами культуре дискуссии и протеста, сопряженной с по-прежнему сильными представлениями об автономии в отношении партии, с конца 1927 г. до середины 1928 гг. противостояла линия коммунистической фракции, в соответствии с которой ставка делалась на конфронтацию и создание фиктивных политических сценариев угрозы, как и безусловное осуществление обязательного голосования членов фракции. Ситуация внутри Общества была, вероятно, запутана до такой

степени, что причастный к этому Ярославский в марте 1928 просил Теодоровича снова усилить свое участие в работе ОПК.

Теодоровичу действительно удалось сделать баланс интересов менее конфликтным и тем самым стабилизировать Общество, хотя и ценой отказа от введения коммунистических фракций в землячествах, что не могло понравиться Ярославскому и большей части коммунистической фракции.

Подоплекой введения коммунистических фракций в землячествах ОПК было, начиная с 1928 г., общее увеличение давления на общественные организации. НКВД получил в 1928 г. поручение подвергнуть проверке все общественные организации⁵⁹. Это произошло под предлогом фильтрования всех обществ, существовавших только «на бумаге». В действительности же проверялась их лояльность советской власти, т. е. в рамках борьбы против «объединенной оппозиции» в 1928 г. лояльность сталинской фракции в ВКП(б)⁶⁰. 27 мая 1929 г. Оргбюро ВКП(б) еще раз приняло решение о решительных мерах по проверке «политической полезности» общественных организаций. Пересечения их задач с задачами государственных учреждений должны были быть ликвидированы с помощью запрета соответствующего общества, а по-прежнему разрешенные общественные организации подвергнуты усиленному контролю с помощью повышенного влияния партии⁶¹.

Хотя ОПК без возражений прошло контроль, массовые закрытия общественных организаций, последовавшие по результатам проверки, являются знаком того, под каким давлением относительно легитимации находилось теперь и должно было находиться впредь ОПК. Численность обществ, существовавших в 1928 г., равная 227, сократилась на 76, составив 151. Особенно жесткий удар пришелся по 40 гуманитарным обществам, к которым относилось и ОПК. Между 1929 и 1931 гг. были закрыты 17, т. е. почти половина важнейших гуманитарных обществ⁶².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Протокол 9 заседания Фракции РКП(б) I-ого Всесоюзного съезда ОПК от 14.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 17об.

² Протокол 9/ 23 Общего собрания Фракции ВКП(б) Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 6.12.1925 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 58об.

³ Ратнер А.В. Указ. соч. С. 64.

⁴ Протокол заседания Фракции ВКП(б) Московского Отделения ОПК от 6.3.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 83об.

⁵ «Народовольческий кружок» был организован по типу землячества. Ср. главу IV.1 «НОВЫЕ ФОРМЫ РАСКРЫТИЯ ПРОШЛОГО».

⁶ Заявление старых революционеров в Президиум ЦИК СССР. Декабрь 1925 г. // Память (1978) 3. С. 399–402.

⁷ *Белинский В.Г.* (1811–1848) – наиболее значительный радикально-демократический литературный критик и публицист первой половины XIX в.

⁸ Добролюбов Н.А. (1836–1861) – ученик Белинского. Литературный критик и публицист.

⁹ Чернышевский Н.Г. (1828–1889) – писатель и литературный критик. Ученик Белинского.

¹⁰ М.А. Бакунин (1814–1876) – теоретик анархизма. Один из идеологов революционного народничества. В 30-е гг. член кружка Н.В. Станкевича. С 1840 г. за границей. Участник революции 1848–1849 гг. (Париж, Дерзден, Прага). В 1851 г. выдан Австрией в Россию. Заключение в Петропавловской крепости, затем в Шлиссельбурге. С 1857 г. в ссылке. 1861 – побег за границу. Ср. Памяти М.А. Бакунина / Ред. Н.К. Фигуровская. – М., 2000.

¹¹ П.А. Кропоткин (1842–1921) – теоретик анархизма, географ и геолог. 1872–1874 – член кружка «чайковцев». 1876–1917 – в эмиграции. Ср. *Kropotkin P.A. Memoireneines Revolutionärs.* – Frankfurt a.M., 1973.

¹² Протокол 36 заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 27.4.1926 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 26об.

¹³ Протокол 36 заседания Бюро [коммунистической] Фракции ЦС ОПК от 27.4.1926 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 25об.

¹⁴ Протокол расширенного заседания Фракции ВКП(б) Президиума ЦС и активных работников ОПК от 14.2.1927 г. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 76.

¹⁵ ППР. С. 222. Этот конфликт был в 1926 г. отражен в протоколах коммунистической фракции: Ср. Протокол 36 заседания Фракции ВКП(б)(1926) – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 26об.

¹⁶ Протокол расширенного заседания Фракции ВКП(б) Президиума ЦС и активных работников ОПК от 14.2.1927 г. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 76.

¹⁷ Обсуждался также вопрос о том, чтобы сделать устав ОПК менее строгим, что позволило бы принимать в Общество больше коммунистов. Протокол 3 заседания Фракции ВКП(б) 3-го Plenuma ЦС ОПК от 11.3.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 94–95

¹⁸ Протокол заседания Фракции ВКП(б) Московского Отделения ОПК от 6.3.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 84; Протокол 3 заседания Фракции ВКП(б) 3-го Plenuma ЦС ОПК от 11.3.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 94–96.

¹⁹ 12 августа в Президиуме ЦС ОПК было принято решение подготовить ответ. Протоколы заседаний IV Plenuma ЦС ОПК от 29. – 31.12.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 301. Анкета была прислана и другим организациям, органам и советским политикам.

²⁰ Ярославский Е. (староста ОПК), Корочкин С. (Зам. старосты) и [Львов А.П.] Секретарь ЦС: Ответ на анкету органа анархистов-коммунистов во Франции «LeLiberter» // КиС. 1927. 36, № 7. С. 234–235. Ср. также выдержки в книге: Быковский С. Указ. соч. С. 93–95.

²¹ Там же.

²² Гарелин И. В.Н. Фигнер и ОПК // Память (1978) 3. С. 398, ссылка 4. Авторы петиции, по словам Гарелина [подобно петиции 1925 г., о которой ужк шла речь], проводили параллель между обращением советского правительства и царского режима с политическими заключенными.

²³ Ярославский Е.М. Указ. соч. С. 234–236. В разработке текста участвовал и Львов. Ср. Протоколы заседаний IV Пленума ЦС ОПК (29. – 31.12.1927) ГАРФ. Л. 306.

²⁴ Ковальская Е.Н. Письмо в редакцию. – Правда, 1927, 18.11. С. 5.

²⁵ Протоколы заседаний IV Пленума ЦС ОПК (29. – 31.12.1927) ГАРФ. Л. 306.

²⁶ Протокол 19 заседания [коммунистической] Фракции (1927) ГАРФ. Л. 207; Протоколы заседаний IV Пленума ЦС ОПК (29. – 31.12.1927) ГАРФ. Л. 241.

²⁷ Протоколы заседаний IV Пленума ЦС ОПК (29. – 31.12.1927) ГАРФ. Л. 301. Так как письмо протеста до сих пор не удалось найти, нельзя было и установить, кто его подписал.

²⁸ Протокол 19 заседания [коммунистической] Фракции (1927) ГАРФ. Л. 207; Протоколы заседаний IV Пленума ЦС ОПК от 29. – 31.12.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 241.

²⁹ Протоколы заседаний IV Пленума ЦС (29. – 31.12. 1927) ГАРФ. Л. 301об.

³⁰ Там же. Л. 303об.

³¹ Там же. Л. 305.

³² Об М.А. Веденяпине ср. главу I «ОСНОВАНИЕ (1921 г.)» и главу II «УГРОЗА ЗАКРЫТИЯ (1922 г.)».

³³ Протоколы заседаний IV Пленума ЦС (1927) ГАРФ. Л. 302.

³⁴ Там же. Л. 302об. Корочкин аргументировал подобным образом уже в начале Пленума. Ср. там же. Л. 241–241об

³⁵ Я.Я. Дубровский-Винокуров (РСДРП, бундовец, КП(б) Украины) подержал позицию Бреслава. Ср. там же. Л. 305.

³⁶ Там же. Л. 303.

³⁷ Там же. Л. 304об. – 305.

³⁸ Между августом и концом сентября ни в протоколах Президиума, ни его коммунистической фракции на повестке дня не было содержания ответа.

³⁹ Только 26 сентября было принято решение коммунистической фракции сместить Виленского-Сибирякова с руководства редакцией; 30 сентября это решение было подтверждено коммунистической фракцией совместно с членами президиума. Ср. Протокол 9 заседания [коммунистической] Фракции Президиума ЦС ОПК от 26.9.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 109; Протокол 10 заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК и наличных членов ЦС – москвичей с участием членов ОПК коммунистов от 30.9.1927 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 133–133об.

⁴⁰ Протоколы заседаний IV Пленума ЦС (1927) ГАРФ. Л. 304об.

- ⁴¹ Там же. Л. 306об.
- ⁴² Гарелин (1978) С. 398, ссылка 4.
- ⁴³ Протоколы заседаний IV Пленума ЦС (1927) Л. 301.
- ⁴⁴ Протокол заседания Бюро [коммунистической] Фракции при Центральном Совете ОПК от 3.3.1928 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 25.
- ⁴⁵ Протокол заседания Бюро [коммунистической] Фракции при ЦС ОПК от 4.3.1928 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 28.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Ср. Третий съезд Всесоюзного ОПК. Март 1928 г. Отчет. – М., 1928.
- ⁴⁸ Протокол заседания Бюро [коммунистической] Фракции при ЦС ОПК от 13.3.1928 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 35.
- ⁴⁹ Информационное письмо № 1 – КиС, 45–46 (1928). С. 270.
- ⁵⁰ Протокол 2 заседания Фракции РКП(б) Московского Отделения ОПК от 8.4.1928 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 46.
- ⁵¹ См. главу III «ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ (1922–1925 гг.)».
- ⁵² Назаров С.И. в Фракцию ЦС. [Написано между 8 и 13.4.1928] – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 51.
- ⁵³ Там же. Л. 51–51об.
- ⁵⁴ Назаров также информировал Ярославского.
- ⁵⁵ Протокол 2 заседания Фракции РКП(б) Московского Отделения ОПК от 8.4.1928 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 46; Протокол 10 заседания Бюро Фракции РКП(б) при ЦС ОПК от 13.4.1928 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 52об.
- ⁵⁶ Ярославский Е. тт. Теодоровичу, Корочкину, Львову от 12. IV. 1928 (Копия т. Назарову) – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 50. Л. 11
- ⁵⁷ 8 февраля 1929 г. Львов сообщает на заседании бюро коммунистической фракции о встрече с Ярославским. Речь шла, среди прочего, об укреплении землячеств следующими членами ВКП(б): Г.И. Шпилев (РСДРП, ВКП(б)), Е.Х. Румба[-Перенсон] (РСДРП(б), ВКП(б)), А. Кузьмина⁵⁷, Старр, Д.С. Надельштейн (бундовец, эсер-максималист, ВКП(б)), Н.Я. Деркач (революционное рабочее движение, ВКП(б)), В.Я. Бердичевская (эсерка, беспартийная, ВКП(б)), П.А. Федорович (РСДРП (м), ВКП(б)), К.И. Трофимов (РСДРП, ВКП(б)), А.А. Богун (Калинин) (РСДРП(б), ВКП(б)), Б.Я. Фрейдсон (РСДРП(б), ВКП(б)), А.В. Кучанов (РСДРП, ВКП(б)) и Е.Я. Вейс (Литовская СДРП, ВКП(б)). Протокол заседания Бюро [коммунистической] Фракции при ЦС ОПК от 8.2. 1929 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 124. В заседании бюро участвовали: Корочкин (председатель), Львов, К. Миронов (секретарь), А. Скобенников, Шумяцкий, Н.И. Мелков[-Кочурихин], Г.И. Шпилев, Я.С. Венгер, Н.Я. Деркач, В.Я. Бердичевская, Я.К. Кохберг (староста Омского филиала ОПК).
- ⁵⁸ Общее собрание Московского отделения. 29.1.1929 // КиС. 40 (1928). С. 203.
- ⁵⁹ Перерегистрация состоялась в рамках принятия нового закона об организациях и объединениях. *Ильина И.Н.* Указ. соч. С. 83.
- ⁶⁰ Там же. С. 148.
- ⁶¹ Там же. С. 84–85.
- ⁶² Ср. таблицы 1 и 9 настоящей работы.

Глава VII

МЕСТО В ИСТОРИОГРАФИИ ОТНОСИТЕЛЬНО «НАРОДНОЙ ВОЛИ» (1929–1930 гг.)

Хотя Виленский-Сибиряков и оказался выдворен Ярославским, его историография революционного движения, находившаяся под влиянием буржуазных концепций истории и опиравшаяся на факты и свидетельства вместо однозначной ориентации на ВКП(б), не была предметом критики ни в партии, ни в ОПК. Напротив, Ярославский избегал детально останавливаться на этом. Его важнейшая цель заключалась в том, чтобы устранить Виленского-Сибирякова как сторонника Троцкого с влиятельных постов в ОПК, назначив на них лиц, которым он доверял и которые представляли его собственный политический лагерь.

Представлявшаяся Виленским-Сибиряковым линия по исследованию истории революционного движения не находилась поначалу под угрозой внутри Общества особенно потому, что с апреля 1928 г. И.А. Теодорович снова набрал влияние в ОПК и, наконец, фактически принял на себя руководство Обществом¹. Ни сам Ярославский, ни поставленные им на место Виленского-Сибирякова Ф.Я. Кон и Я.Б. Шумяцкий не обладали внутри Общества репутацией, а, если говорить о Шумяцком, то еще и личностными свойствами, необходимыми для руководства ОПК. Хотя на III Всесоюзном съезде ОПК в марте 1928 г. Ярославский и был снова утвержден в качестве старосты ОПК, посты обоих его заместителей заняли Теодорович и Корочкин. По указанию коммунистической фракции они были избраны на следующем пленуме Центрального Совета². После объявленной уже в феврале 1929 г. и последовавшей в конце сентября оставки Кона с поста главного редактора «Каторги и ссылки» Теодорович возглавил с октября 1929 г. и редакцию журнала³.

Подобно тому, как это было в 1925 г., когда речь шла о юбилее восстания декабристов, ОПК удалось с августовским номером

«Каторги и ссылки» за 1929 г. дать толчок ведшейся с большой интенсивностью почти три года дискуссии о значении народничества в целом и его радикального крыла – «Народной воли» в особенности для развития русского марксизма и большевизма. Главным инициатором и в то же время главным действующим лицом этой дискуссии был Теодорович.

Даже если дискуссия уже была освещена, в частности, историком Джоном Барбером, ввиду наличия новых архивных материалов представляется целесообразным подробно изложить ниже соответствующее выступление Теодоровича и последовавшие за ним диспуты, со всей очевидностью рассматривая их с точки зрения ОПК⁴. Это происходит по четырем направлениям:

1. В содержательно-исторографическом отношении, причем дискуссии рассматривались с точки зрения характера изображения «Народной воли» ОПК и изменения этого с 1921 по 1931 гг. в ее журнале «Каторга и ссылка».

2. На организационно-структурном уровне. Здесь привлекается информация о поддержке Теодоровича с помощью институциональных ресурсов и возможностей ОПК.

3. Исследуется вопрос о том, какую роль Ярославский отводит ОПК в своих стратегических соображениях, чтобы победить соперников в историческом цехе. При этом на переднем плане его союз с Теодоровичем, о чем говорят исследователи и

4. Далее должны быть исследованы воздействия на линию ОПК перелома 1929–1931 гг., связанного с осуществлением господства партии и над прошлым.

1. 50-летний юбилей основания «Народной воли»

На съезде революционного общества «Земля и воля», состоявшемся с 17 по 21 июня 1879 г. в Липецке, одиннадцать его членов, отколовшись от прежней организации, основали «Народную волю». В 1929 г. предстоял 50-летний юбилей этой организации, наложившей на русское революционное движение свой радикальный отпечаток. Особенно восемь организованных ею покушений и, в конце концов, покушение на царя Александра II 1 марта 1881 г., закончившееся его смертью, сделало группу,

несмотря на всего четыре года ее деятельности, известной далеко за границами России и придало ей высокое уважение также среди умеренных сил революционного движения. Миф, в соответствии с которым «Народная воля» нанесла царизму первый важный удар, пережил и Октябрьскую революцию, придав еще жившим членам группы долговременный авторитет.

Правда, в вопросе о том, следовало ли отмечать 50-летнюю годовщину основания «Народной воли», и как, руководящие органы ВКП(б) проявили удивительную сдержанность. Только 30 августа 1929 г., после того, как в июне была определена собственно юбилейная дата, Оргбюро ЦК приняло по указанию Политбюро от 22 августа решение о создании центральной юбилейной комиссии⁵. Председателем юбилейной комиссии, созданной при Коммунистической академии, стал Ярославский. Другими ее видными членами были Крупская, историки М.Н. Покровский⁶, Д.Б. Рязанов и ученики Покровского П.О. Горин⁷ и В.Ф. Малаховский. Ярославский позаботился 7 сентября о том, чтобы в официальном сообщении создалось впечатление о формировании комитета на основе совместной инициативы общественных организаций, а именно Коммунистической академии, Института Ленина и ОПК. Он рекомендовал ОПК предложить в состав комитета бывшего народника А.Н. Баха⁸ и несомненно беспартийного народника М.П. Шебалина. Все члены комитета должны были быть дополнительно утверждены ЦК ВКП(б)⁹.

Вопреки поначалу медленной подготовке ВКП(б) к юбилею ОПК с вовлечением своих высших органов и «Кружка народо-вольцев» подготовились к нему заблаговременно¹⁰. Коммунистическая фракция ОПК добивалась даже согласия внутри Общества по этой проблеме. К тому же 7 декабря 1928 г. к Кону обратились с просьбой выступить в «Кружке», членом которого он был, в поддержку решений президиума коммунистической фракции и добиться поддержки этих решений¹¹. Готовились юбилейный номер журнала «Каторга и ссылка»¹² и два комментированных сборника документов, где в соответствии с тематическими аспектами должны были повторно публиковаться воспоминания и избранные тексты из прессы «Народной воли» и приложения к ним¹³. Оба комментированных сборника документов вышли при участии ветеранов «Народной воли» в 1930 г.¹⁴

Одновременно с официальным созданием юбилейной комиссии летом 1929 г. Теодорович поместил в упомянутом юбилейном номере «Каторги и ссылки», а именно в августовском номере

1929 г. уже упоминавшуюся выше обстоятельную программную статью «Историческое значение партии “Народной воли”»¹⁵.

2. Те, кто пролагали путь большевикам и Октябрьской революции

При недвусмысленной поддержке со стороны редакции «Каторги и ссылки» Теодорович написал полемическое сочинение под названием «Историческое значение партии “Народной воли”», в которой он с до сих пор неизвестной «боевитостью» (Джонатан Франкель) защищал русских якобинцев. Полемика обращалась в первую очередь против М.Н. Покровского, который в 1929–1930 гг. нпходился на пике влияния. С помощью партии он сыграл решающую роль в устранении буржуазных историков с их властных позиций и исключении из научного сообщества, а также в идеологическом и содержательном отношении обеспечивал фланговое прикрытие этого процесса¹⁶. Теперь же он намеревался и внутри разнородных марксистских течений среди советских историков обеспечить гегемонистскую позицию своей школы, т. е. занять «положение третейского судьи» (Джон Барбер) в деле «правильной» интерпретации революционной истории¹⁷. Наряду с Покровским Теодорович атаковал в своей статье и Н.А. Морозова, который как бывший член Исполнительного комитета «Народной воли» участвовал еще в ее учредительном съезде в Липецке и был членом редакции одноименной газеты¹⁸.

Чтобы усилить впечатление непосредственной дискуссии или полемики, Теодорович широко применяет «декорации», формирующие представление о воображаемом диалоге. Он, например, осведомляется о том, обдумали ли уже Морозов и Покровский тот или иной из только что выдвинутых аргументов, обратили ли на себя их внимание определенные фрагменты программных текстов «Народной воли». Нередко выдвигается призыв, прежде всего к Покровскому, точнее присмотреться к цитатам К. Маркса, Ф. Энгельса и Ленина о «Народной воле»¹⁹. Кроме того, для автора характерно виртуозное применение именно этих идеологических авторитетов большевиков.

На содержательном уровне Теодорович ставит вопрос об определенных оценках «Народной воли» Покровским и Морозовым

и в качестве первого шага систематически опровергает эти оценки. В качестве второго шага следует его собственная интерпретация исторического значения «Народной воли».

И.А. Теодорович против М.Н. Покровского и Н.А. Морозова

Теодорович рассматривает спорную проблему того, кто был в революционном движении 1870–1880-х годов, при этом в особенности у «Народной воли», *субъектом* планировавшейся революции. Здесь он сталкивается с упреком в том, что «Народная воля» игнорировала народные массы, делала ставку только на интеллигенцию и побуждала ее к насильственным атакам на царский режим для того лишь, чтобы осуществить политический «переворот». Напротив, основываясь на подробных цитатах программных текстов «Народной воли», Теодорович доказывает, что она считала свои акции, в том числе террор, «инициирующим воспламенением» для широкого народного восстания или самостоятельной социалистической революции, осуществляемой народными массами²⁰. Чтобы в этих рамках выступить против критики, согласно которой под «народными массами» подразумеваются исключительно крестьяне, Теодорович приводит различные высказывания из публикаций «Народной воли» о направленности их пропаганды и на рабочих. Провозглашенная цель группы заключалась в поддержке кооперативов, товариществ, организаций самопомощи, стачечных комитетов до достижения революционного общества²¹. По мнению Теодоровича, «Народная воля» только недооценивала «удельный вес» рабочих для достижения успеха революции²².

Вслед за вопросом о «субъекте» революции Теодорович обращается к позиции Морозова и Покровского в связи с вопросом о том, что было для «Народной воли» *объектом* революции. По мнению Теодоровича, Морозов и Покровский создавали впечатление о том, что «Народная воля» на пути политического заговора (Морозов, Покровский) в конечном счете добивалась только «уступок» от царского режима (Морозов). Пренебрегая земельной реформой, она требовала лишь политической свободы, соответствующей традиции либерализма, как то конституционной фор-

мы правления, свободы слова и печати (Морозов) или свержения царского режима, а затем созыва Учредительного собрания (Покровский). Но Покровский и Морозов оставляют в своей аргументации без внимания, что члены «Народной воли» называли себя в своей программе «социалистами» и «народниками». Для подтверждения своего тезиса Теодорович привлекает известную цитату Ленина, в которой деятельность народников характеризуется как попытка прыгнуть из самодержавия в социализм, сопровождаемая верой в возможность крестьянской социалистической революции.

Касательно упрека в либерализме Теодорович при поверхностном взгляде присоединяется к узкой интерпретации Ленина, согласно которой «Народная воля» должна была потерпеть поражение *объективно*, т. е. на основе «известных условий». В России, следовательно, даже если бы «Народная воля» победила царизм, итогом было бы не введение социализма, а сопровождавшееся дальнейшим усилением «буржуазных влияний» введение «фермерского капитализма». Затем, однако, Теодорович решительно выступает против Морозова, Покровского и историка Б.Б. Богучанского²³, согласно изображению которых «Народная воля» и *субъективно* не выступила бы против буржуазии и эксплуатации²⁴. Прибегая к смешению из программных цитат «Народной воли» и цитат Ленина о специфическом развитии России, он указывает на то, что «Народная воля» видела в царском режиме гаранта буржуазного преобразования русского общества (несправедливое распределение земли, фабричный труд, монополия, аренда) и, как это уже делал Ленин, исходила из того, что буржуазия или городской капитализм (в России) вырос из деревенской «мелкой буржуазии», т. е. из кулаков²⁵. Стратегия «Народной воли» заключалась в том, чтобы с устранением царского режима воспрепятствовать начавшемуся буржуазному развитию русского общества. С помощью желаемого политического переворота, который Морозов и Покровский осуждали как ограниченный, «Народная воля», по мнению Теодоровича, делала только первый необходимый шаг к реализации планировавшихся радикальных экономических реформ, рассматривавшихся, разумеется, как способ социалистического переустройства в понимаемой тогда форме – против капиталистических и за кооперативные структуры. Тем самым «Народная воля» находилась на высоте своего времени, т. е. вровень с другими пользовавшимися меж-

дународной известностью социалистам, например, Луи Бланом²⁶ и Ф. Лассалем²⁷.

По мнению Теодоровича, выдающаяся заслуга «Народной воли» заключается по-прежнему в осознании ею с ясным «политическим реализмом» того, что эксплуататорский строй в русских условиях мог быть осуществлен только при поддержке государства. «Народная воля» вовсе не впала в реформизм. Напротив, в своих теоретических концепциях она всегда связывала политический переворот с экономическими и социальными преобразованиями. Поэтому нельзя давать целям «Народной воли», подобно Морозову, Богучанскому и Покровскому отрицательную оценку как чистому «освобожденчеству»²⁸.

Теодорович замечает, кроме того, что оценки Покровского изменились между 1924 и 1929 г. Еще в 1924 г. он признал за «Народной волей», что она после эпизодического «курса в направлении буржуазии» в конце концов с А.И. Желябовым во главе обратилась к рабочим массам. Здесь можно в соответствии с Покровским осознать уже идею самостоятельной революционной рабочей партии и тем самым «подлинную социал-демократическую тактику» (в соответствии с принципами позднейшей РСДРП. – М.Ю.)²⁹. Но Теодорович сомневался и в этой более ранней (1924 г.) концепции Покровского. Следовать этой концепции означает переусердствовать, что Теодорович характеризовал позже как «модернизацию» «Народной воли» (см. ниже). Желябов и его соратники, – Теодорович может снова указать на цитату из программы «Народной воли» – рассматривали как важнейший революционный субъект не рабочие, а со всей очевидностью крестьянские массы. Таким образом Теодорович снова замыкает круг, двигаясь от народовольчества к Ленину.

В качестве еще одного контраргумента по поводу того, что народничество отнюдь не взяло «курс на буржуазию», Теодорович приводит высказывания Маркса (и Энгельса): в предисловии к вышедшему в 1882 г. второму русскому изданию «Манифеста» Маркс характеризует Россию как «передовой отряд революционного движения в Европе»³⁰. Таким образом, он признавал за революцией на основе крестьянских общин (как планировали русские утописты. – М.Ю.) значение сигнала для революции пролетариата на Западе. Если даже наступал случай, когда обе революции дополняли друг друга, то оказывалось возможным, что «современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»³¹.

Концепция значения «Народной воли»

И.А. Теодоровича

Главная задача Теодоровича заключается в том, чтобы поставить под сомнение многократно дискутировавшуюся главную «ошибку» «Народной воли», заключающуюся в представлении о возможности по пути к социалистическому обществу перескочить капиталистическое развитие и в превращении в революционный субъект тех, кто проигрывает от капиталистического развития в России – деревенского мелкого производителя (кустарей, ремесленников и крестьян).

Для начала он показывает, ссылаясь на Ленина, что для русских революционеров XIX в. ввиду специфических русских условий было невозможно определить корни капитализма в деятельности мелкого товаропроизводителя. Именно в России вытеснение мелкого товаропроизводителя протекало особенно жестоко, и эти люди в то же время особенно резко сопротивлялись своему вытеснению. Кроме того, многие представители «Народной воли» выросли именно в этой среде. Не в последнюю очередь Теодорович приводит доказательства того, что и для многих западных теоретиков и практиков социализма мелкий товаропроизводитель являются важнейшим революционным общественным слоем.

Чтобы оправдать ошибочно предполагаемый ложный путь, Теодорович формирует для времени возникновения и действия «Народной воли» в какой-то степени различие между русским рабочим, пролетарием и русским мелким товаропроизводителем: пролетариат той эпохи (ранней индустриализации) объявляется «пролетарием-отцом», пролетариат (эпохи индустриализации) – «пролетарием-сыном». Первый рассматривает свою работу на разного рода предприятиях как нечто случайное и преходящее, всегда с намерением вернуться в самостоятельное мелкое хозяйство. В соответствии с этим Теодорович оценивает прежде всего социально-психологическое различие между «пролетарием-отцом» и пауперизированным мелким товаропроизводителем как незначительное. «Пролетарий-отец» имел (только) некоторый дополнительный жизненный и производственный опыт. Он находился в переходной стадии. Только «пролетарий-сын» и понял, что он должен более или менее долго жить в «капиталистическом доме» и на этой основе формирует другое отношение к предпри-

ятиям³². Далее прозвучит лишь последовательно, что среди общественных слоев, на которые опиралась «Народная воля», «пролетарий-отец» играет постоянно растущую роль. В свою очередь, «пролетарий-отец» постепенно приближался между тем к «пролетарию-сыну». Таким образом, «Народная воля» становится в глазах Теодоровича со своей революционной практикой силой, пролагающей путь революционному марксизму³³.

Следующим шагом Теодорович проводит параллель между теорией Маркса о возможном плодотворном, если даже не необходимом, синтезе русского революционного движения, зафиксированного на мелком товаропроизводителе и западноевропейским рабочим движением, с одной стороны, и событиями Октябрьской революции 1917 г. – с другой. Октябрьская революция предстает как перемещенная во времени, ограниченная Россией реализация тезиса Маркса, а Ленин оказывается «гениальным мастером синтеза», использовавшим в России в условиях прогрессирующего капиталистического развития и существования уже развитого пролетариата необходимый крестьянский «резерв», чтобы добиться победы пролетариата³⁴.

В промежуточном итоге Теодорович приходит к *своей* оценке исторического значения «Народной воли». Основываясь на своих предшествующих рассуждениях, он считает, «Народная воля» «нашупывала» типичные идеи и стратегии большевиков, в особенности Ленина – отчасти в большей, отчасти в меньшей степени. По мнению Теодоровича, задача «Народной воли», точно так же, как и большевиков в 1917 г. 1. Заклучалась в разрушении старого государственного аппарата, 2. В создании на его развалинах новой формы государственности на основе Советов, 3. В использовании нового государства для содействия социалистическим элементам экономики и 4. учитывала, что построение новой экономики требует существования более или менее длительного переходного периода³⁵.

Теодорович должен был предпринять некоторые усилия прежде всего касательно второго пункта для подтверждения своих тезисов: в качестве доказательства ему служат цитаты из программы пролетарских членов организации «Народной воли». Здесь можно прочесть, что государство должно быть построено на совместном договоре общин. В то же время Теодорович может доказать, что под «общиной» подразумевались не только крестьянские общины, но что это понятие вовлекало и производствен-

ные ассоциации и пробуждало ассоциацию со структурами Парижской Коммуны (равенство, свобода, братство). Именно представление о том, что «общины» на собраниях должны решать свои дела и реализовать принятые решения через избранных лиц, является для него прямым «предчувствием» позднейших Советов³⁶. И идея избранного народного представительства, которое должно быть избрано после перехода земли и предприятий в руки народа (крестьян и рабочих), уже напоминает Теодоровичу о Советах рабочих и крестьянских депутатов. Теодорович утверждает в этой связи, что и народники распустили бы Учредительное собрание, так как они были заинтересованы во взятии власти народом.

Вот каков итог Теодоровича:

«Не менее, чем в области идеологии, ценным оказывается наследие народовольчества и в сфере тактики и организации»³⁷.

Ошибочные оценки «Народной воли» Покровским, Богучанским и Морозовым Теодорович объясняет только их «недифференцированной» фиксацией на правом крыле народовольчества, не игравшем, однако, доминирующей роли³⁸.

Важнейший тезис статьи заключается в изображении «Народной воли» как предшественника большевиков, причем не только в их революционной практике, но и в их теории. В соответствии с изображенным синтезом и теорией дополнения Маркса «Народная воля» является для Теодоровича даже силой, проложившей путь успеху революции в России. С помощью своей искусной комбинацией исторических аргументов и теоретических соображений на основе Маркса, Энгельса и Ленина Теодорович, однако, отказывается от проведения грубой линии преемственности между «Народной волей и марксизмом».

Кроме того, у статьи были и явные противники. Профессиональному историку Покровскому и очевидцу событий, о которых шла речь, Морозову, адресовались упреки в неточностях их исторических оценок, пренебрежении определенными моментами исторического развития и недостаточном знании высказываний идеологических авторитетов «Народной воли». Напротив, собственная линия аргументации Теодоровича как в историческом отношении, так и с точки зрения флангового прикрытия Марксом, Энгельсом и Лениным стоит на фундаменте, прочно обоснованном в идеологическом отношении.

Платформа интерпретации «Народной воли»

Позиция Теодоровича не была единичным явлением внутри ОПК, а представляла общую линию, которую Общество приняло особенно с момента своей концентрации на революционной истории. Об этом свидетельствует характер изображения «Народной воли» в журнала «Каторга и ссылка» между 1921 и 1931 гг. и изменение этого изображения, причем на фоне дискуссии о корнях марксизма и большевиков в России.

«Каторга и ссылка» занималась в своих первых номерах преимущественно уголовной политикой царизма и положением политических заключенных при царизме³⁹. История народничества, включая «Народную волю», играла определенную роль лишь постольку-поскольку⁴⁰. Картина изменилась с № 5 «Каторги и ссылки» за 1923 г. Во вновь созданной рубрике⁴¹ «К истории революционного движения» печаталось все больше статей по истории народничества, включая «Народную волю», пока в конце концов в 1924 г. они не возобладали во внешнем виде журнала⁴². Акцент делался на предоставлении биографического и документального материала⁴³. Тем не менее уже в конце 1923 г. имело место вхождение в дискуссию о корнях большевизма и марксистского движения в России, продолжавшую тлеть после Октябрьской революции⁴⁴. Вклад «Каторги и ссылки» в это обсуждение состоял в публикациях об отношении плехановского «Черного передела» к «Народной воле» после того, как «Земля и воля» в 1879 г. распалась на эти две организации. Интересно, что в это время в журнале еще не подчеркивалось большое значение «Народной воли» для революционного движения. Вместо этого один из основателей «Черного передела» Л.Г. Дейч повторно подтвердил ее отрицательную оценку Плехановым⁴⁵. Дейч упрекал участников основания «Народной воли» в том, что, сконцентрировавшись на индивидуальном терроре, они погрешили против центральных принципов своей народнической основы, согласно которым трудящееся население должно было принимать решающее участие в перевороте. Этому противоречила исключительная ставка на индивидуальный террор⁴⁶. Обращаясь к Плеханову, Дейч рассматривал жесткую ориентацию «Народной воли» на террор и при этом особенно на убийство Александра II, а также сомнение некоторых основателей «Народной воли» в целесообразности работы среди «трудящегося населения» как главную причину раскола «Земли и воли». С этой ошибочной стратегией

было также утрачено доброе имя «Земли и воли». Кроме того, Плеханов оказался прав в том, что после убийства царя до переворота так и не дошло – напротив, в результате его реакция усилилась. Наконец, концепции, разработанные Марксом, недвусмысленно противопоставляются стратегиям и идеям народников П.Н. Ткачева⁴⁷ и С.Г. Нечаева⁴⁸. В качестве единственного положительного импульса, исходящего от «Народной воли», для Плеханова остается только ее выступление за политические свободы⁴⁹. Эта статья Дейча примыкала к публикации в журнале «Пролетарская революция», в которой он описывал кратковременное сближение «Черного передела» с «Народной волей» после успешного покушения на Александра II. Уже в этой статье он подчеркивал «расплывчатый, утопический и эклектический» характер программы «Народной воли». Кроме того, он сообщал здесь о якобы полученном осенью 1882 г. от членов исполнительного комитета «Народной воли» письме, посланном живущим в эмиграции членам руководства «Черного передела», в котором шла речь о твердо запланированном восстании, хотя в это время организация уже находилась в состоянии быстрого распада. Далее Дейч перепечатал на том же месте письмо С.М. Кравчинского (член исполнительного комитета «Народной воли»), в котором тот писал о членах руководства «Народной воли», что они не были ни социалистами, ни политиками, ни радикалами, а только «народовольцами» (членами «Народной воли»)⁵⁰. Цель Дейча заключалась в том, чтобы низвести «Народную волю» до уровня партии чистых авантюристов и мятежников, лишенных чувства реальности и не имевших действительно прочной социалистической программы. В то же время он представлял свою собственную организацию как тот институт, который открыл для России новый дух времени в форме марксизма и в соответствии с этим уже достаточно давно придавал большое значение русским рабочим. Взгляд Дейча подчеркивался несколькими статьями в «Каторге и ссылке», создававшими впечатление, что «Черный передел» был особенно сильно укоренен среди рабочих⁵¹.

Провокативные декларации Дейча не остались без реакции. Движение в противоположном направлении началось сразу же с № 8 журнала «Каторга и ссылка», вышедшего в начале 1924 г. Член исполнительного комитета «Народной воли» А. Якимова-Диковская представляет в нем решение убить Александра II в противоположность упрекам Дейча не как акт мести за репрессии режима, а как средство наряду с другими для того, чтобы достичь

политических свобод и тем самым проложить массе «широкий путь для развития её и выявления ею своей воли»⁵². Было напечатано также заявление Реввоенсовета СССР от 21 декабря 1923 г., в котором член ОПК М.Ю. Ашенбреннер чувствовался как руководитель боевой организации «Народной воли»⁵³.

Боевая организация предстает «одной из первых боевых организаций рабочего класса и крестьянства» и «является, таким образом, предшественницей нашей нынешней Красной армии»⁵⁴. В том же номере были помещены воспоминания, призванные доказать, что и «Народная воля» продолжала традицию «Земли и воли» – поддерживать тесный контакт с рабочими⁵⁵. Лишь немногими номерами позже была подробно описана социалистическая пропагандистская работа бакуниста и приверженца «Народной воли» М.П. Овчинникова среди рабочих в Петербурге и Одессе, продолжавшаяся параллельно с террористической деятельностью⁵⁶.

Но только в 1925 г. «Каторга и ссылка» стала подлинным рупором противников клеветы на «Народную волю». Была напечатана программная статья руководителя Музея революции С.И. Мицкевича, явно направленная против стремлений больше не рассматривать «Народную волю», а с ней и важных теоретиков всего народничества, как предшественников большевиков⁵⁷. В своей статье Мицкевич категорически выступил против тезисов Дейча и одновременно против Батурина⁵⁸. Точно так же, как и Дейч, Батурин утверждал в острой критической работе по адресу ранней статьи Мицкевича, опубликованной в 1923 г. в «Пролетарской революции», что для формирования большевизма существенны единственно контакт русских интеллигентов с русскими рабочими, а также идеи марксизма⁵⁹. Все остальное представляло в интерпретации Батурина незначительным. В соответствии с этим выдающееся значение «Черного передела» было для Батурина несомненным, а формирование партии «Народная воля» был для него ничем иным, как прыжком от анархизма к либерализму с бомбой⁶⁰.

Теперь, в 1925 г., Мицкевич ответил на упреки Батурина статьей под характерным названием «К вопросу о корнях большевизма». В качестве прежнего сторонника русских якобинцев и бланкистов, как то П.Г. Заичневского⁶¹ и П.Н. Ткачева, затем члена РСДРП, а позже большевика, Мицкевич выдвинул следующий смелый контртезис:

«Старое якобинство связывается с рабочим классом – получается большевизм»⁶².

Рассматриваемая с этой позиции, «Народная воля» предстает важнейшим катализатором такого развития событий. Это особенно касается групп, поддерживавших тесный контакт с рабочими. Напротив, организация «Черный передел» содействовала скорее переходу к «мелкобуржуазному радикализму»⁶³. Чтобы в методическом и содержательном отношении укрепить свою позицию, Мицкевич создает иерархию влияний, важных для возникновения большевизма. При этом высшую позицию занимает, несомненно и для него, марксизм, но сразу же затем следует якобинская традиция народничества и только за тем размещается «архи-мелкобуржуазная анархистская аполитическая группа» «Черного передела»⁶⁴.

Хотя большевики переняли определенные элементы из программы «Черного передела», например, тесный контакт с массаами и необходимость их участия в революционной работе, их идейная близость к «Народной воле» была гораздо больше. Влияние «Народной воли» на большевиков прослеживается особенно в принципе политической борьбы и идее построения строго централизованной и дисциплинированной партии, которая должна взять власть и осуществить революцию, используя недовольство народных масс. Сюда же относится и намерение реализовать без промедления социалистические меры в экономике и обществе. Мицкевич придает выдающееся влияние на большевиков идеям якобинского крыла «Народной воли», а также планам рабочих организаций «Народной воли» создать правительство из рабочих⁶⁵. Большевизм перегруппировал и дополнил впоследствии лишь некоторые элементы идеологии и революционной практики «Народной воли». Русский марксизм и в особенности большевизм в целом представляют собой с точки зрения Мицкевича «синтез» из ряда предшествовавших революционных течений и марксистских идей⁶⁶. В этой связи Мицкевич регулярно использует лозунги, разъясняющие его концепцию значения «Народной воли» и якобинских идей, которым она продолжала следовать, для возникновения большевизма: «предшественник», «предчувствия», «этап перехода» и «зародыши»⁶⁷.

Само возникновение якобинских идей Мицкевич приписывает специфическим русским условиям и особенно крайне острым в европейском сопоставлении противоречиям между господствующим классом и народными массами. Бесправие и бедность масс и

интеллигенции, не относившейся к дворянству (разночинцев), запрет всякой оппозиции и позднее развитие и укоренение капитализма в обществе, а также форсированное и искусственное содействие капитализму со стороны государства – вот причины такого развития⁶⁸. Применяя цитату Ленина, он заключает:

«[...] они и обуславливали якобинские идеи, они и вызывали предчувствия, что России “первой выпадет на долю осуществить великое дело социализма”»⁶⁹.

«Каторга и ссылка» предоставила Мицкевичу в противоположность журналу «Пролетарская революция», отказавшемуся публиковать его точку зрения, подходящий форум⁷⁰. Последствие заключалось в том, что Мицкевич в ходе диспута потерял свой пост в Истпарте.

Публикация статьи Мицкевича в «Каторге и ссылке» не была случайностью, а имела прямую поддержку со стороны главного редактора Виленского-Сибирякова. Виленский-Сибиряков благодаря возможному доступу в архивы диагностировал привилегированное положение для советских историков по отношению к прежним авторитетам и в 1925 г. классифицировал народничество в целом как предшественника большевиков⁷¹.

№ 24 «Каторги и ссылки» за 1926 г. представлял собой выпуск, целиком посвященный партии «Народной воли». Поводом, казавшимся несколько искусственным, стал сорокапятилетний юбилей убийства Александра II. Том был украшен групповой фотографией 27 сторонников «Народной воли». Некоторые из изображенных на ней сами брали слово в журнале.

Общее для обоих первых авторов и бывших членов исполнительного комитета «Народной воли» А.В. Якимовой-Диковской и М.Ф. Фроленко заключается в том, что они описывают свое «духовное родство» с «Землей и волей» и в соответствии с этим подчеркивают преемственность с идеологией, стратегией и тактикой «Народной воли». Якимова-Диковская подчеркивает развивавшуюся еще до раскола идею необходимой политической борьбы в сочетании с террористической стратегией, возникшей в результате репрессий царского режима⁷². Для Фроленко террористическая стратегия и сближение с рабочими в городах развивались после того, как народники в значительной степени были вытеснены из деревень. Он видит однозначную преемственность с «Землей и волей» и в экономической программе, например, в социализации земли, а также фабрик⁷³. Не в последнюю очередь он

относит к духовному багажу «Народной воли» агитацию и образовательную работу среди всего населения⁷⁴. Тем не менее, «Народная воля» остается для него той партией, которая, первой опираясь на политическую программу, начала политическую борьбу против правительства⁷⁵.

Вслед за тем еще один член Исполнительного комитета – А.П. Корба-Прибылева – полемизирует с упреком в том, что революционная интеллигенция в целом и руководство «Народной воли» в особенности недооценивали значение народных масс. Она возражает против этого:

«Движущей силой их деятельности и их направления была глубокая и неисчерпаемая любовь к ближним, особенно к трудовым классам русского народа»⁷⁶.

Они прибегли к оружию только потому, что хотели защитить интересы народа. Исполнительному комитету потому лишь было трудно создавать контакт с массами, что царское правительство пыталось всеми силами воспрепятствовать «инfiltrации»⁷⁷.

Затем в юбилейном номере 1926 г. последовали еще три статьи, снова подчеркивавшие тесную связь и сотрудничество «Народной воли» с рабочими. Она сохранилась даже в бесчеловечных условиях усиленных преследований партии после царевубийства⁷⁸. Л.С. Залкинд жалуется, что часто приходится слышать о малом внимании, которое «народовольцы» уделяли агитации среди рабочих. Это, по его словам, «глубоко неверно»⁷⁹.

Несмотря на преобладание положительных оценок отношения «Народной воли» к рабочим, проявляются и критические тона. Это особенно касается критики в адрес идеализации рабочих. В.И. Сухамилин сообщает о преувеличенном удивлении ведущего члена партии Я. Бердичевского по поводу коммунистических кооперативов портовых рабочих Одессы и «многого» отсутствия «инстинктов, стремящихся к собственности». Напротив, в качестве важнейших партнеров «Народной воли» Сухамилин указывает на студенческую среду. Разумеется, некоторые студенты пользовались и для пропаганды среди рабочих⁸⁰. В свою очередь, Залкинд критически замечает, что среди агитировавшихся рабочих было много предателей, так как рабочие в это время еще не были столь стойкими и непоколебимыми⁸¹. А.В. Геденовский мог сообщить, что в провинции, в Ярославле едва ли были восприимчивые всерьез контакты с рабочими. Правда, в программу главной целевой группы, студенческих кружков, наряду с Лассалем был включен и Маркс⁸².

Но задача редакции «Каторги и ссылки» заключалась в конечном счете не в формировании явной противоположной позиции. То, к чему она стремилась, было многообразной и свободной от табу, т. е. насколько возможно не подвергавшейся влиянию политических предпосылок дискуссией. Редакция следовала данному принципу, публикуя в этом томе и два явно противоположных мнения. С одной стороны, было напечатано заключение «отпавшего» члена Исполнительного комитета «Народной воли» Л. Тихомирова о возникновении и расколе революционного движения, которое он, вероятно, написал по инициативе тайной полиции в 1888 г. и которое царь Александр III прочитал в 1889 г.⁸³ С другой стороны, появилось выдержанное в критических тонах методическое замечание историка Д. Кузьмина о методе работы тех историков, которые всеми средствами пытались связать народничество с российской социал-демократией и марксизмом⁸⁴. Кузьмин обнаружил тенденцию некоторых историков, в соответствии с которой у революционных мыслителей от Чернышевского до Бакунина и Ткачева выявлялись якобы марксистские позиции. К числу таких историков он относил не только Мицкевича, но и члена редколлегии «Каторги и ссылки» Б.П. Козьмина⁸⁵.

В спор о значении «Народной воли» и возможных точках ее соприкосновения с большевиками вмешался в 1926 г. и староста ОПК Ем. Ярославский. При этом его тогдашняя позиция очевидно отличалась от его же будущей позиции, которую он должен был занять после появления в 1929 г. статьи Теодоровича. Ярославский критикует историка В. Ваганяна за то, что он, оставляя за скобками «Народную волю», проводит линию преемственности от организации «Черный передел» к марксизму. Ваганян ни словом не упоминает «о тысячах нитей, связывающих народовольцев с рабочими». Ее борьба была «основным необходимым звеном» и этапом революционного развития рабочего класса. Ярославский задается в соответствии с этим вопросом, как так Плеханов, чью историческую интерпретацию революционного движения и представляет Ваганян, выковал «в значительной мере не на основе принятия народовольческого наследия, а в общем и целом борясь с “Народной Волей”, в противовес ей». Но, по мнению Ярославского, Плеханов не без основания воспринимал веру большевиков в массы как возрождение старого «народовольчества». Ярославский видит свою собственную задачу в том, чтобы осветить роль как «Черного передела», так и «Народной воли» в качестве «предвестников» марксизма⁸⁶.

После выхода юбилейного тома, посвященного «Народной воле», дискуссия в «Каторге и ссылке» пошла на убыль. Уже из вступительной статьи к этому тому стало ясно, что главный редактор Виленский-Сибиряков был лишь условно заинтересован в продолжении дебатов с той же интенсивностью⁸⁷. Здесь он явно модифицирует свою положительную позицию, выраженную в 1925 г., замечая, что «Народная воля» уделяла мало сил своему политическому позиционированию и политической работе. Со вступлением в конце 1927 г. Ф. Кона в должность главного редактора тенденция к сдержанному ведению дискуссии еще усилилась⁸⁸. Тем не менее по-прежнему появлялись некрологи о членах «Народной воли»⁸⁹, как и материалы по ее истории⁹⁰ и отдельные статьи об усиленной пропаганде поздней «Народной воли» среди рабочих⁹¹. Единственную аналитическую статью опубликовал историк С.Н. Валк, который снова упрекнул «Народную волю» в ее чисто мятежном характере⁹².

Однозначный поворот тенденции наступил только в начале 1929 г. Это было непосредственно связано с усилением работы Теодоровича в ОПК⁹³. Во время «торжественного акта», посвященного 80-летию со дня рождения известного народновольца М.Ф. Фроленко, на который собрались многие из еще живших знаменитых народников, с речью выступал Теодорович⁹⁴. В самом ее начале оратор более чем четко подчеркивает дорогое для большевиков наследие «Народной воли»:

«Наоборот, мы, в Союзе ССР, от мала до велика, считаем поколение народновольцев благословенным поколением, поколением, основные идеи которого в конце концов восторжествовали и осуществились, правда, в иных формах, иным путем, в ином аспекте, в иной установке, но в основном и целом те идеи, которыми мучились и болели люди этого поколения, воплотились в жизнь»⁹⁵.

В соответствии с этим его выступление заканчивается словами: «[...] слава народновольцам, подготовившим нашу победу [...]»⁹⁶.

Фроленко появляется в аргументации Теодоровича как «Геркулес», всегда самоотверженно выступавший за дело революции.

Теодорович, однако, этим не ограничивается, но аргументирует и содержательно, излагая со своей точки зрения цели поколения «Народной воли». В ответ на часто звучавший упрек в адрес «Народной воли» по поводу ее частого утверждения о том, что капитализм в России насаждается «сверху», т. е. правительством, он приводит цитату из № 2 одноименного журнала «Народной

воли». В ней кулаки, т. е. богатые крестьяне, описываются как важный опорный слой для возникновения и развития буржуазии и капитализма в России. В аргументации Теодоровича это должно доказать полное осознание идеологами «Народной воли» возможности развития буржуазии и капитализма «снизу», т. е. определенными слоями общества⁹⁷.

Теодорович не упустил возможности рассмотреть и важнейший по общему признанию плюс «Народной воли», а именно ее решение в пользу политической борьбы. Он использовал эту позицию в то же время и для дискредитации Плеханова. Тот только на теоретическом уровне признавал необходимость завоевания политической власти революционным путем и ликвидации капитализма, чтобы затем иметь возможность развивать социалистические элементы экономики. В политической же практике он, в особенности в 1917 г., когда пролетариат взял власть, колебался и не давал своего «благословения». Напротив, у народовольцев слово не расходилось с делом⁹⁸.

В речи на торжественном заседании Теодорович проявил и готовность изложить различия между «Народной волей» и большевиками. Его позиция очень ясно отличается от уже известного тем, что он признает только объективные основы того, что «Народная воля» не всегда осознавала знаки времени. Так, Теодорович соглашается с тем, что «Народная воля» хотя и не осознала «выдающегося» значения рабочих для революции в России, но вполне понимала их значение в целом. Согласно его интерпретации, приверженцы «Народной воли» были подлинными «пионерами пропаганды» среди рабочих, свидетельством чему именно пример Фроленко, агитировавшего среди московских рабочих⁹⁹.

Крах «Народной воли», нанесшей царизму первые тяжелые удары, объясняется, по мнению Теодоровича, недостаточным развитием капитализма и, следовательно, существованием только-только формировавшегося рабочего класса. Тем самым отсутствовал класс, который мог повести на революцию массы мелких товаропроизводителей. Но и мелкие товаропроизводители не последовали за народниками в 70-е гг. в конечном счете потому, что у русских землевладельцев ввиду дешевизны американской пшеницы отсутствовали экспортные рынки, и некоторые из них из-за этого добровольно передавали свою землю крестьянам [sic!]. В 70–80-е годы бурно развивавшийся капитализм вытянул из деревни излишнюю рабочую силу, создал новые внутрироссийские рынки сбыта и снова породил среди крестьян иллюзию улучшения их положения¹⁰⁰.

В том же номере «Каторги и ссылки», в котором была опубликована торжественная речь, Теодорович еще раз взял слово. Здесь, исходя из тематики, только первично связанной в содержательном и временном отношении с «Народной волей», он внезапно излагает доминирующую роль якобинского течения в «Народной воле». На этот раз он прямо опирается на тезисы Мицкевича 1925 г.:

«Старая “Народная Воля”, благодаря неполной дифференцированности общественных отношений, представляла собой смесь трех, ясно различимых, течений: во-первых, крыла “якобинского”, самого мощного из крыльев “Народной Воли”, постулировавшего политический переворот, как предпосылку непосредственного социалистического переворота; во-вторых, крыла, довольно близкого к социал-демократам, для которого между политическим переворотом и социалистической революцией предполагался определенный, более или менее длинный промежуток времени, и в-третьих, крыла политического радикализма, отодвигающего совсем из поля своего зрения социалистическую революцию, очень напоминавшего собой то, что Плеханов позднее характеризовал, как либерализм плюс бомба»¹⁰¹.

Уже с начала 1929 г. Теодорович с растущей интенсивностью пытался доказать, каким образом большевики с точки зрения истории идей и в своей революционной практике нерасторжимо связаны с русским революционным движением и при этом в особенности с «Народной волей». Он вновь и вновь давал понять, что уже у учителей «Народной воли» имелись идеи, сравнимые с марксизмом¹⁰².

Наряду со статьями будущего главного редактора «Каторги и ссылки» в журнале в то же время имела место достойная внимания концентрация имевшихся сил¹⁰³. Одновременно с публикациями Теодоровича в следующих номерах журнала дополнительно появлялись многочисленные другие статьи, систематически доказывавшие с помощью документальных и биографических материалов укоренение приверженцев «Народной воли» и в рабочей среде, а также описывавшие их большой авторитет и доверие к ним со стороны народных масс¹⁰⁴. Кроме того, печатались биографии, разъяснявшие эклектический характер теории и практики «Народной воли», а с ней и народничества в целом и таким образом показывавшие искусственный характер четкого различения между народничеством и марксизмом. Так, несмотря на бес-

спорно высокое влияние, которым пользовались бланкистские идеи, как и теории Лаврова, Бакунина или Лассалья, вновь и вновь подчеркивается, что во многочисленных кружках «Народной воли» отвержение и игнорирование теорий Маркса имели место в той же мере, как и их заимствование и усвоение¹⁰⁵. Марксизм часто представлялся при этом теорией не исключительной, а одной из многих. Путь революционных активистов к социал-демократии также в соответствии с мемуарами, опубликованными в журнале, вовсе не вел неизбежно через кружки «Черный передел» и «Освобождение труда», в которых доминировал Плеханов¹⁰⁶, но также и через «Народную волю»¹⁰⁷.

Изображение «Народной воли» в журнале «Каторга и ссылка» испытало явное изменение. За безучастной позицией последовала фаза обсуждения различных, диаметрально противоположных друг другу позиций (1923 г.), затем имело место усиление позиции «Народной воли», позиция, которая в то же время включала отражение политически суженного, приспособленного к каждодневным политическим потребностям отношения к «Народной воле» (1925–1926 гг.), пока, наконец, между 1929 и началом 1931 г. русскому марксизму не была подчеркнута научно-дифференцированно засвидетельствована нераздельная связь с наследием революционного народничества. В отличие от стратегии ОПК в дискуссии о значении декабристов для революционного наследия 1925–1926 гг. на сей раз для фланговой поддержки привлекались не «буржуазные» историки, а концентрированный потенциал очевидцев, которым располагало Общество.

ОПК со своим наступлением внесло специфический вклад в дискуссии, толчок которой дали уже в начале века социал-демократические, а потом большевистские историки Ю.М. Стеклов¹⁰⁸ и Д. Рязанов, и позже при содействии историка Н.Л. Сергиевского¹⁰⁹ продолженная со всей интенсивностью вне ОПК и опирающаяся на широкомасштабные архивные исследования¹¹⁰. Характерно, что Сергиевский в начале 30-х гг. смог только в «Каторге и ссылке» продолжать выдвигать и публиковать свои тезисы, согласно которым элементы марксизма в русском революционном движении развивались уже за десятилетие до основания «Черного передела», причем этот эволюционный процесс среди всей народнической интеллигенции мог стабилизироваться помимо организаций «Народная воля» и «Черный передел»¹¹¹.

Но мобилизовалось не только ОПК, а и лагерь марксистских историков вокруг Покровского, хорошо позиционированный в

идеологическом, институциональном и политическом отношении.

3. Политизация дискуссии

Дискуссии и столкновения вокруг программной статьи Теодоровича «Историческое значение партии “Народная воля”» начались только в декабре 1929 г., когда подготовка к празднованию юбилея основания «Народной воли» шла в рамках юбилейной комиссии полным ходом. Сначала она проходила в весьма академической форме без прямых политических атак, чтобы потом превратиться в противоположность.

Упомянутый ученик Покровского, член юбилейной комиссии Малаховский опубликовал 20 декабря в «Правде» рецензию на статью Теодоровича¹¹².

Для автора интерпретация значения «Народной воли» Теодоровичем не является правильной марксистской интерпретацией. «Бланкистский» (Луи Огюст Бланки)¹¹³ характер «Народной воли», т. е. террористический акционизм в отрыве от народа доказан уже давно. Теодорович игнорирует соответствующие цитаты в текстах «Народной воли». Малаховский считает совершенно ошибочным утверждение Теодоровича об определяемой в теории и на практике близости «Народной воли» к большевикам. Как для обоснования, он утверждает, что Теодорович не понял, сколь огромную роль сыграл Ленин в борьбе первых русских марксистов с идеологией народничества. Роль в большевиков аргументации Теодоровича преуменьшается недопустимым образом. Наконец, рецензент подчеркивает, что статья Теодоровича ни в коем случае не может быть «передовой статьей», посвященной общественным событиям в рамках юбилея «Народной воли».

Неделей позже также в «Правде» появился ответ Теодоровича¹¹⁴. Он развивает здесь свою аргументацию из «Каторги и ссылки» в направлении противоположности между «правильной» интерпретацией «Народной воли» Лениным и «неправильной» – Покровским. Малаховский уклоняется, по словам Теодоровича, от высказывания мнения о том, кто же прав – Ленин или Покровский. Свою же собственную концепцию Теодорович характеризует не более и не менее как «попытку реставрации ленинских

взглядов в области истории революционного движения». Чтобы опровергнуть критические позиции Малаховского, Теодорович неоднократно указывает на применявшееся им понятие «зародышевой форме» состояния идей большевиков, наличествовавших уже у «Народной воли».

Днем позже отреагировал, в свою очередь, Малаховский¹¹⁵. Здесь становится ясным, что Теодорович по меньшей мере на первый взгляд добился частичного успеха. Присовокупленный к статье Малаховского комментарий редакции «Правды», официального органа ВКП(б), подчеркивает как «заслугу» тезисов Теодоровича критическую позицию в отношении оценки «Народной воли» Плехановым. Подобно комментарию «Правды» и Малаховский признает, что Покровский действительно стоит «на плечах Плеханова» и его интерпретация отличается в различных пунктах от той, которую дал Ленин.

Малаховский, однако, вместе с более нейтрально сформулированным редакционным комментарием «Правды» резко осуждает намерение Теодоровича «реставрировать» ленинскую оценку «Народной воли»:

«Тов. Теодорович под видом реставрации взглядов Ленина, на деле приходит к непозволительной апологии “Народной Воли”, утверждая, что они будто бы предвосхитили ряд основных моментов ленинизма»¹¹⁶.

Приведенные Теодоровичем точки соприкосновения между «Народной волей» и большевиками основываются, по мнению Малаховского, на поспешные обобщения. Подчеркивание того, что определенные позднейшие моменты развития большевизма наличествовали уже в зародышевой форме у «Народной воли», скрывает то обстоятельство, что идеи Ленина являются дальнейшим развитием взглядов Маркса и Энгельса и основываются на изучении русской действительности.

В противоположность своей рецензии, в которой Малаховский оспаривал всякий существенный результат деятельности «Народной воли», теперь следующим образом устанавливается граница исторического значения «Народной воли»: Малаховский превозносит ее «героическую борьбу» и выступление за интересы крестьян, но в то же время предостерегает Теодоровича от впадения в другую крайность и замалчивания мелкобуржуазных сторон «Народной воли». Хотя «Народная воля» и является предшественницей пролетарских революционеров, ее теория несовместима с [с марксизмом] даже в «зародышевом состоянии». Например,

Теодорович стирает различие между «Землей и волей» «Народной волей», хотя «Народная воля» временами совершенно оставляла народ без внимания. Игнорируется, например, ее фактически заговорщический характер. Итог Малаховского таков:

«Обнаружение предвосхищений ленинизма в “Н.В.” покоится на неправильной методологии, одобренной предвзятым подходом к оценке “Народной Воли”, неисторичности трактовки отдельных, вырванных из контекста фраз и словечек и “осовременивания” их»¹¹⁷.

Согласно данным Горина Покровский, находившийся в Берлине по поводу лечения рака и подготовивший письменный ответ Теодоровичу, был рассержен сдержанностью Малаховского, который не защищал его, а вместо этого даже сделал уступки Теодоровичу¹¹⁸. Другой ученик Покровского, И.Л. Татаров¹¹⁹, был в противоположность Малаховскому менее готов на компромисс. В один день с Малаховским, а потом и еще раз в начале января 1930 г. Татаров проводит в «Известиях» прямую параллель между историческими и политическими взглядами Теодоровича¹²⁰. Он обращается к инциденту, когда Ленин характеризовал Теодоровича (товарища Демьяна) как меньшевика¹²¹. Кроме того, Татаров связывает исторические взгляды Теодоровича, не выходя существенным образом за пределы аргументов, выдвинутых Малаховским, с политическим доносом на Теодоровича, появившимся уже месяц назад в «Правде» в связи с его прошлым как заместителя наркома земледелия¹²².

Здесь Теодорович в рамках рецензии на книгу специалиста по экономике сельского хозяйства Н.Д. Кондратьева был публично охарактеризован как его «укрыватель», так как он якобы должен был нести ответственность за новое издание этой «буржуазной идеологии в сфере сельскохозяйственной науки» для заочного обучения в издательстве «Финиздат» наркомата финансов с положительным письменным отзывом¹²³. Рецензия заканчивалась беспокоящими словами:

«Нужно крепко бить как по самим буржуазным “теоретикам”, так и по тем, кто смыкается с этими “теоретиками”»¹²⁴.

Теодорович, в начале 1928 г. вместе с Кондратьевым уволенный из наркомзема, сразу же распознал за этим намерение обвинить его в уклоне от генеральной линии партии. Правда, ему удалось в значительной степени опровергнуть конкретные обвинения после того, как он смог, наконец, доказать даже использование автором сфальсифицированных фактов. Тем не менее редакция

«Правды» настаивала в комментарии к его опровержению на упреке в недостаточном отмежевании от буржуазных идей Кондратьева и идеализации мелкого товаропроизводителя в спорном отзыве Теодоровича¹²⁵.

Татаров снова подхватил оба эти пункта, конечно же, зная, что биография Теодоровича в 20-е гг. была тесно связана с биографией Кондратьева. До Октябрьской революции Кондратьев недолго работал товарищем министра продовольствия во Временном правительстве во главе с Керенским. После Октябрьской революции он был профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве, а с 1920 по 1928 гг. – директором Конъюнктурного института при Наркомате финансов. Кроме того, он возглавлял управление экономики и планирования сельского хозяйства Наркомата земледелия (Наркомзема). Под руководством Кондратьева был разработан первый перспективный план развития сельского и лесного хозяйства на 1923–1928 гг. Теодорович на своем посту заместителя наркома сельского хозяйства выступал уже в 1922 г. за освобождение бывшего эсера, а впоследствии беспартийного Кондратьева, который оказывал решающее воздействие на формирование профессиональной линии Наркомзема, и хвалил его как выдающегося специалиста по аграрным проблемам. Точно также Теодорович неоднократно публично защищал Кондратьева и других своих сотрудников от обвинений левой оппозиции в том, что он практикует «мелкобуржуазную аграрную науку» и распространяет «неонародничество» в планировании сельского хозяйства¹²⁶.

В 1927 г. Кондратьев был одним из самых резких критиков «деформированной» и «несбалансированной» индустриализации за счет сельского хозяйства. Он рассматривал начатую правительством антикулацкую политику как большую ошибку, а коллективному хозяйству придавал в обозримом будущем только подчиненное значение. Со своими концепциями усиленных вложений в сельское хозяйство за счет промышленности, допущения образования капитала в сельском хозяйстве и содействия сильным крестьянским хозяйствам, чего он придерживался и после поворота к форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, он был объединен председателем аграрной комиссии XV съезда Молотовым с «народническими», в действительности же кулацкими идеологами¹²⁷.

Уже в 1927 г. понятие «кондратьевщины» было впервые применено, а теории Кондратьева вместе с теориями других специа-

листов по сельскому хозяйству охарактеризованы как как «буржуазные искажения»¹²⁸. В том же году ОГПУ установило наблюдение над Кондратьевым, а с середины 1928 г. его работы больше не публиковались¹²⁹.

В январском номере «Каторги и ссылки» немедленно появился ответ Теодоровича Татарову¹³⁰. И он, как Татаров, во многих частях своего материала отходит от академического стиля диспута.

С помощью литературного сравнения Теодорович констатирует в начале, что Татаров критикует его лишь для того, чтобы обрести свое лицо за его счет. Правда, для Теодоровича Татаров – «слепой филистер», который «визжит», что он, Теодорович, умалчивает о заслугах Ленина. Татаров «не захотел затратить даже малейшего умственного напряжения [...]»¹³¹.

Теодорович детально останавливается в 25 пунктах на обвинениях, содержащихся в обеих статьях Татарова в «Известиях». Он не делает уступок относительно своих тезисов об историческом значению «Народной воли», даже если теперь и представляет их менее восторженно. Он защищает их в особенности многочисленными другими цитатами Ленина. Новое по сравнению со статьёй в «Каторге и ссылке» августа 1929 г. заключается в том, что Теодорович пытается теперь защитить свою исторически ориентированную линию аргументации от политически заряженной критики, которая намерена оттеснить его в определенный политический угол «правого уклона»¹³².

Сначала он излагает спектр обвинений: от упрека в возрождении народничества («Известия», 1929, № 307) через переоценку народничества к оживлению неонародничества («Известия», 1930, № 9) до неточного размежевания с «буржуазными идеями» Кондратьева. Ему в особенности вменяется в вину неправильный ответ на вопрос об отношении мелкого товаропроизводителя к капитализму, включая вопрос социалистического первоспитания мелкого товаропроизводителя пролетариатом. Точно так же, как и народники, он впадает в ошибку, идеализируя мелкого товаропроизводителя.

По мнению Теодоровича, Татаров преднамеренно затушевывает границы между народничеством и неонародничеством или эпигонами народничества, а затем подобным же образом различия между неонародничеством и буржуазными идеями. По мнению Теодоровича, такой образ действий недифференцирован и не соответствует ленинскому мышлению¹³³. Теодорович использует в особенности упрек в идеализации мелкого товаропроизводителя,

чтобы разъяснить, что он в комментарии «Правды» («Правда», 1929, № 272), на который, как упоминалось, в этом пункте ссылался Татаров, только предостерегал от идентификации мелкого товаропроизводителя с капитализмом как таковым. «Правда» выражает в его отношении упрек, по мнению Теодоровича, разумеется, несправедливый, в том, что он своими тезисами о «Народной воле» идеализирует капиталистические формы экономики¹³⁴.

Теодорович стремится отразить постоянно слышащуюся в рецензии Татарова (а также и Малаховского) интерпретацию, в соответствии с которой он не оценил в достаточной степени заслуги Ленина, а, напротив, преувеличил первопродходческую функцию «Народной воли» за счет Ленина. Теодорович может, однако, показать, что Татаров с этой целью неполно, преувеличенно, а отчасти даже неверно воспроизводит его высказывания, скрывая избранные им дифференцирующие и ограничивающие понятия и различия. Как и от Малаховского, от него уходит мотив имеющих только в «зародыше» представлений и идей, которые затем были преобразованы «в свете гениальных синтезов ленинизма»:

«Люди разумные из констатирования подобных фактов предвосхищения другими классами в зародыше таких положений, которые входят потом в великий синтез идеологов пролетариата, — не делают “сокрушительного” вывода об умалении заслуг марксизма-ленинизма»¹³⁵.

Вслед за тем Теодорович показывает, что задача его статьи в «Каторге и ссылке» заключалась только в том, чтобы показать, что было время, когда демиургом революционной истории была масса мелких товаропроизводителей и что их идеологами была революционная интеллигенция утопистов. Упрек в идеализации или переоценке народовольчества Теодорович отвергает и в то же время делает вывод, что Татаров подчеркивал в особенности различия и несовместимость между крестьянским социализмом и анархизмом, с одной стороны, и научным социализмом, создаваемым пролетариатом, и в этой связи вновь и вновь акцентировал исключительность научного социализма. С помощью Ленина Теодорович решительно аргументирует против этой точки зрения, чтобы упрекнуть Татарова, в конце концов, в недостаточном знании Ленина, а также одностороннем и неполном применении его работ¹³⁶. Приведенной Татаровым цитате Ленина о том, что «во всем народничестве, в том числе и в “Народной Воле”, нет социализма», Теодорович противопоставляет мнение, согласно которому Ленин тем самым имел в виду только, что в на-

родничестве не было «ни грана социализма, но социализма *научного*». Теодорович проявляет себя в этой связи мастером в обращении с нюансами и оттенками ленинской аргументации и их применением, чтобы *argumentativ* подвести базу под своей собственное различие между наличествовавшим у народников (пригодным) крестьянским и (непригодным) мелкобуржуазным социализмом.

Напротив, Теодорович ассоциирует Татарова с Плехановым, «закосневшим» в своей позиции, согласно которой «дегенерация народничества была закономерной» и больше не видевшего поэтому констатировавшейся Лениным вслед за Марксом возможности того, что, хотя мелкий товаропроизводитель и должен в капиталистическом обществе выродиться, превращаясь в мелкого буржуа, в случае победы пролетарской революции вполне возможна некапиталистическая эволюция сельского хозяйства и мелкого товаропроизводителя. По мнению Теодоровича, позиция Татарова тождественна «регрессу» и «соскальзыванию» в «плехановско-троцкистскую», не соответствующую Ленину постановку вопроса¹³⁷.

Очевидно, чтобы не попасть, наоборот, под напрашивавшееся подозрение в намерении с помощью такой интерпретации сохранять приверженность НЭПу, Теодорович использует в этом месте возможность перехода к новой аграрной политике партийного руководства, т. е. к коллективизации сельского хозяйства. В соответствии с этим он интерпретирует только что появившиеся в «Правде» сообщения о массовом вступлении середняка и индивидуального мелкого товаропроизводителя в колхозы как доказательство вполне возможной эволюции мелкого товаропроизводителя к социализму ленинского образца¹³⁸. По мнению Теодоровича, исключительно враги советской власти утверждают, что крестьянство в целом отбивается от вступления в колхозы и его приходится загонять в коммуны¹³⁹.

Вслед за тем Теодорович детально останавливается на том обстоятельстве, что Татаров хотел бы ограничить всю дискуссию о «Народной воле» следующими вопросами: входят ли в качестве ее наследства в арсенал большевизма социалистические принципы партии или скорее ее революционно-демократическая борьба против самодержавия. Теодорович, однако, отвергает ограничение двумя этими вопросами. Его цель заключалась в том, чтобы вслед за Лениным не хранить всякое наследие, подобно архивариусу, подшивающего документы к делу, а сбросить его в перера-

ботанной форме. В качестве примера Теодорович приводит формы организации и тактики. Кроме того, он не хотел просто копировать социалистические принципы «Народной воли» – ведь социализм «Народной воли» не идентичен пролетарскому социализму. Задача Теодоровича заключалась не более и не менее как в критическом усвоении источников, свидетельствующих об опыте борьбы других классов, особенно тех, кто генетически так же близки к пролетариату, как мелкие товаропроизводители¹⁴⁰.

В заключение Теодорович подводит итог своей полемики против Покровского, характеризуя его концепцию историографии революционного движения как недопустимую «модернизацию истории». Таким образом он искусно применяет упрек, первоначально обращенный против него в связи с «Народной волей», против самого Покровского. Свою же собственную линию Теодорович непосредственно снова демонстративно характеризует как «прямую реставрацию подлинно-ленинских взглядов на народность». Только аргументируя против Ленина, можно сохранить «затемненные концепции» Покровского¹⁴¹.

С середины января 1930 г. дискуссия о «Народной воле» переместилась в секцию «История ВКП(б) и ленинизма» Общества историков-марксистов при Коммунистической академии наук¹⁴². Первоначально Покровский не участвовал в дискуссии. Он вернулся из Берлина только в середине февраля.

Среди марксистки ориентированных историков доходило до нескольких горячих дискуссий, в ходе которых развивались и подкреплялись взаимными личными нападками на оппонентов уже приведенные позиции. Противники Теодоровича, в особенности ученики Покровского Горин и Татаров, следовали стратегии, заключавшейся в политической дискредитации Теодоровича его прошлым. Напротив, Теодорович сомневался в их компетенции как историков, так как у них не было политического прошлого¹⁴³. На сей раз Теодорович сделал содержательный акцент на показе того обстоятельства, что оценка Лениным значения «Народной воли» была подвергнута живому процессу изменений, который учитывал исторические условия¹⁴⁴. При этом он снова стремился показать относительность оценки, выраженной Лениным в 1894 г., согласно которой во всем народничестве, включая «Народную волю», нет ни [искры] социализма, в пользу позднейших, более дифференцированных взглядов. Сверх того он пытался и далее подкрепить свои уже высказанные тезисы по поводу размежевания Ленина с Плехановым и с Покровским.

Покровский снова был охарактеризован как «модернизатор»; правда, упрек в троцкизме Теодорович при этом больше не применял.

4. «Правый оппортунизм» в оценке «Народной воли»

Историк Джон Барбер утверждает, что борьба вокруг «Народной воли» не была решена в пользу какой-либо партии¹⁴⁵, хотя Покровский, напротив, был убежден, что руководство партии поддерживает позицию Общества историков-марксистов¹⁴⁶. Но прежде всего за кулисами ВКП(б) имело серьезное перемещение интерпретационных рамок, на которые Покровский оказывал крайне важное влияние с помощью искусной тактики. Это проявилось именно в ходе последовавшего в начале февраля 1930 г. вмешательства «старосты» ОПК, Ярославского, в борьбу вокруг «Народной воли».

Сам поднаторевший в использовании прошлого в качестве оружия политической клеветы против неприемлемых для него лиц, теперь в деле Теодоровича он пытался воспрепятствовать именно этому. Для этого Ярославский избрал путь посредника¹⁴⁷.

На заседании Общества историков-марксистов 4 февраля 1930 г. он взял на вооружение линию, заданную в редакции «Правды» и Малаховским линию умеренной критики Теодоровича. Ярославский при определенно отрицательном упоминании Невского, защищал размежевание Ленина с Плехановым и в то же время характеризовал теоретические совпадения между «Народной волей» и большевиками как ошибочные¹⁴⁸. Лишь немногим отличаясь от Малаховского и комментаторов «Правды», Ярославский признает правоту Теодоровича в других пунктах. Как было уже в 1926 г., он высказывается за проверку линии эволюции Плеханова от «Земли и воли» через «Черный передел» к социал-демократии, так как многие рабочие кружки, имевшие контакты с «Народной волей», выпадали из этой схемы. В согласии с Теодоровичем он осуждает недостаточное использование историками как молодыми, так и старшего поколения, ленинской оценки «Народной воли». Даже различие, проведенное Теодоро-

вичем между ранней и более поздней оценкой «Народной воли» Лениным, вызвало согласие Ярославского.

Историк имеет право делать умозаключения по аналогии¹⁴⁹. Так и Ленин видел совпадения между отдельными требованиями большевиков и «Народной воли». Но в полном согласии с комментаторами «Правды» Ярославский продолжает, что умозаключения по аналогии не могут все же идти слишком уж далеко, придавая новое значение идеям «Народной воли» в условиях диктатуры пролетариата.

Это высказывание Ярославского следует понимать как намек на типичный тезис Теодоровича о НЭПе. Согласно этому тезису вполне возможна некапиталистическая эволюция сельского хозяйства и, соответственно, мелкого товаропроизводителя в социалистическом обществе. Ярославский вполне отдавал себе отчет в том, что это больше не соответствовало ориентированной на коллективизацию политике партии.

Ярославский не мог, однако, несмотря на все усилия, воспрепятствовать осуждению Теодоровича за его тезисы Обществом историков-марксистов, заседавшим между 9 и 13 февраля, а также 20 февраля, теперь и с участием Покровского¹⁵⁰. Воспрепятствовать же этому было важно потому, что коллективно подготовленные резолюции могли через Отдел культуры и пропаганды ЦК попасть в ЦК ВКП(б).

В конце концов 25 февраля Ярославский обратился с письмом к Покровскому¹⁵¹. Он подчеркивает в качестве заслуги Теодоровича, что тот «изложи[л] объективно взгляды Маркса, Энгельса и взгляды Ленина на “Народную Волю”». Тем самым он сделал лишь то, чем до сих пор коллективно пренебрегали историки. В качестве недостатка Теодоровича снова называются его «ошибочные формулировки» о существовавших у «Народной воли» воли в зародыше идеях необходимой гегемонии пролетариата и Советов, а также создания Союза Советских Социалистических Республик. Ярославский спрашивает, однако, уместно ли характеризовать тезисы Теодоровича, а также С.И. Мицкевича как ревизионистские. Он просит Покровского не допустить, чтобы Теодоровича необоснованно «изуродовали». Кроме того, Теодорович годится «не в меньшей степени» чем Татаров, Г.С. Фридлянд¹⁵² или Горин для «сегодняшнего дня». В качестве председателя Крестинтерна он ведет большую общественно-политическую работу. Затем Ярославский ставит вопрос:

И.А. Теодорович с женой Г.И. Окуловой в политической ссылке в г. Тайшете в 1914–1916 гг.

«Правильно ли шельмовать его как правого оппортуниста за те ошибки, которые у него были?»¹⁵³

Всего через несколько дней Покровский отреагировал на письмо Ярославского. Он отвечает, что Теодорович вовсе не «изуродован». Его критиковали лишь с той же остротой, которую он применял к другим¹⁵⁴. Кроме того, Покровский сообщает о разговоре с Теодоровичем, в ходе которого тот безуспешно пытался убедить его в теоретической правильности своей позиции. В то же время Покровский отрицает за Теодоровичем всякую способность к самокритике, так как он в качестве «старого большевика» запрещал себе подвергаться критике со стороны таких «необразованных мальчишек», как Татаров, Горин и Фридлянд. Вместо этого он придерживается мнения, что Теодорович должен признать свои ошибки и отказаться от своих высказываний. Правда, «общее настроение» было другим, так что он не поставил эту позицию на голосование. Ему было трудно «защитить» Теодоровича, так как ошибочность его позиции слишком очевидна и он, к тому же, не проявил готовности сделать уступки и продолжает настойчиво представлять свою «эсеровскую концепцию». Ярославский может обратиться в ЦК, если считает ошибочным осуждение Теодоровича как автора, теоретически близкого к народничеству. В резолюции против Теодоровича как таковой не было ни слова о «правом уклоне».

Но затем не Ярославский, а сам Покровский обратился с письмом в верхушку партии, а именно к секретарю ЦК В.М. Молотову. В качестве обоснования он приводит свое намерение согласовать с Молотовым для журнала «Историк-марксист»¹⁵⁵ свое мнение по поводу выдвинутых против него упреков в связи с «Народной волей»¹⁵⁶.

Так же, как в письме Ярославскому, Покровский описывал в письме Молотову позицию Теодоровича как идентичную с той, которую выражали эсеры в 1905 г., а именно, что народовольцы были преимущественно социалистами и в этом смысле их можно рассматривать как предшественников партии большевиков. Он хочет в самой дружественной форме объяснить, как дело обстоит в действительности. Вторым шагом Покровский осторожно жалуется Молотову, что «Правда» как центральный орган партии заняла во всей полемике «буферную позицию» между Теодоровичем и его противниками. Хотя «Правда» и подчеркивала, что Теодорович в деталях (по поводу Советов и т. д.) ошибается, но затем делала акцент на том, что народовольцы, тем не менее, были

прежде всего социалистами, а не революционными демократами. В соответствии с «Правдой», эту позицию представлял и Ленин, и так же эту проблему рассматривают и сегодня. Покровский обращает внимание Молотова в особенности на политическую значимость буферной позиции как «Правды», так и Ярославского на фоне проводимой партией политики коллективизации:

«Нет надобности говорить о том, до чего это все “скользко” на фоне происходящей сейчас классово-борьбы в деревне (особенно, как это сделано в статье тов. Ярославского, без всякой расшифровки термина “крестьянские социалисты”»¹⁵⁷.

Покровский просит Молотова дать ЦК в этом деле указание об обсуждении тезисов к «Народной воле» и последующем опубликовании их в «Правде».

«Не найдет ли возможным ЦК дать по этому поводу какие-нибудь указания? Если у секретарей ЦК есть какие-нибудь сомнения по этому вопросу, можно поставить его (в порядке обсуждения тезисов Культпропа) на одном из заседаний. Если сомнений, как я надеюсь, нет – надо эти тезисы как можно скорее напечатать в ЦО»¹⁵⁸.

Общая тактика Покровского была следующей: по отношению к Ярославскому он изображал Теодоровича как не готового к компромиссам. Напротив, он, что уже было доказано в прошлом¹⁵⁹, вполне способен согласиться с содержательной критикой. Он утверждал, далее, что по форме был всегда корректен и заинтересован в выяснении теоретических вопросов.

В письме Молотову Покровский, на первый взгляд, избегал использования политических ярлыков, но по-прежнему оставлял этот выбор открытым, классифицируя Теодоровича как автора, теоретически близкого народничеству, представляющего эсеровские концепции оценки «Народной воли». Тем самым Покровский целеустремленно действовал против Ярославского, используя дискуссии вокруг «Народной воли» в политическом отношении, но затем сделал именно то, чему пытался воспрепятствовать Ярославский. Своим письмом Молотову он информировал высший политический уровень о полемике и изложил их политические переплетения. Тем самым он соединил свою содержательную критику с указанием на то, что позиция Теодоровича с его определением народовольцев как крестьянских социалистов может быть контрпродуктивной ввиду проведения нового курса в аграрной политике партии. Интересно, что Покровский не упоминал Плеханова ни словом и избегал также высказывания аргументов

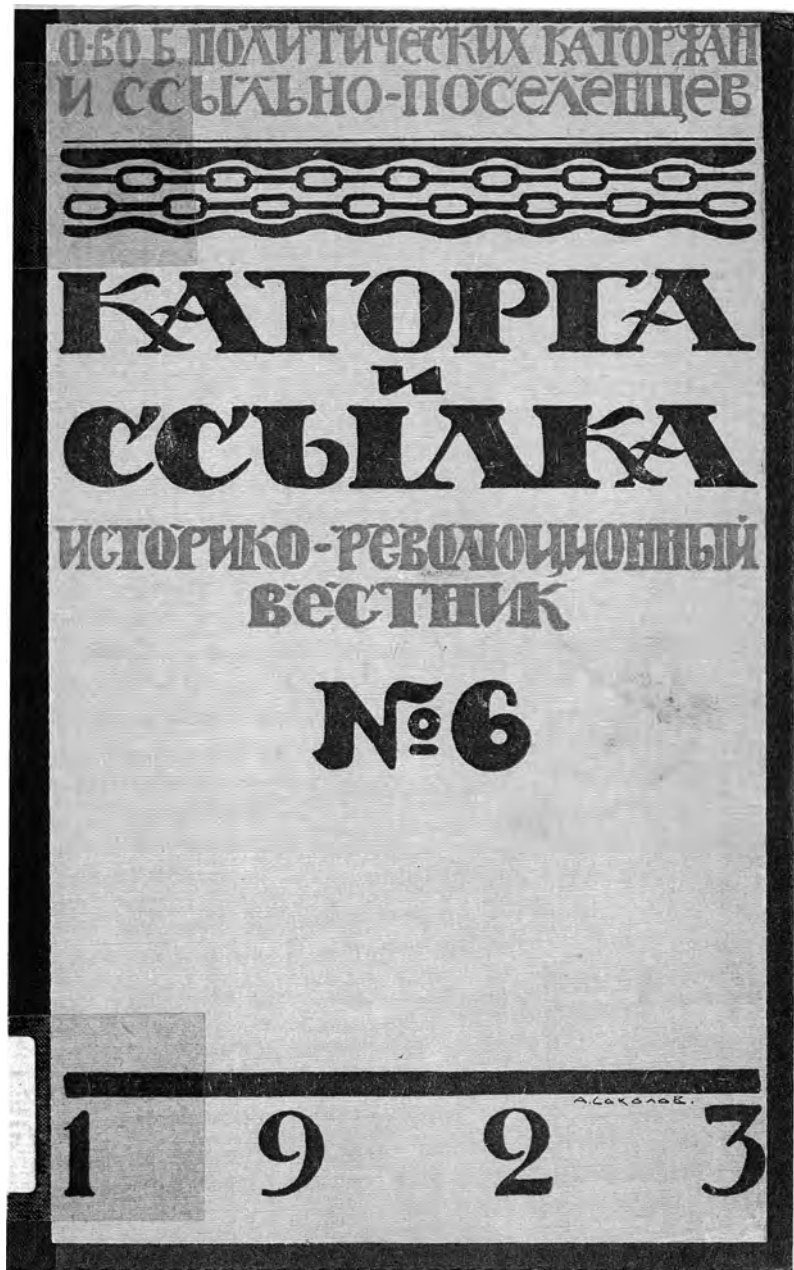
Невского, считавшего, что между позициями Ленина и Плеханова существуют только второстепенные различия. Покровский молчал, хотя он точно установил это, о том, что Невский точно осмыслил теоретическую слабость Теодоровича¹⁶⁰. Он сделал тактическую ставку на то, что верхушке партии в коенчном счете ближе ее актуальные проблемы, нежели «академический» вопрос о том, существовало ли принципиальное различие между оценкой «Народной воли» Лениным и Плехановым. Дополнительно к этому он представился особенно лояльным и низкопоклонническим, утверждая, что намерен обсудить свои содержательные позиции с ЦК или не оказаться в оппозиции к имеющимся политическим установкам. В заключение он потребовал публичной политической оценки ЦК по поводу текущей дискуссии, которая и последовала месяцем позже (см. ниже).

Напротив, действия Ярославского заключались в том, чтобы сослаться на преобладавший до сих пор консенсус во мнениях, отделявший Плеханова от Ленина. Он попытался и стабилизировать его потому, чтобы таким способом защитить от критики собственные позиции, высказанные в прошлом и оказавшиеся теперь под угрозой. Дискуссия вокруг «Народной воли» должна была быть выведена за пределы текущей политической дискуссии и оставаться внутренним спором между историками. В соответствии с этим следовало осудить любые отношения сторон к политике или политическому прошлому действующих лиц.

Несмотря на усилия Ярославского, стратегия Покровского была более успешной. Благодаря политизации полемики вокруг оценки «Народной воли» ему удалось отстоять основные черты своей позиции и на этом пути отразить атаки против себя и своей школы¹⁶¹. В противоположность Ярославскому он не был принужден уступать шаг за шагом, а смог еще ужесточить свои атаки на Теодоровича. Кроме того, из руководства партии, казалось, были посланы сигналы о его склонности к политизации вопроса. Не случайно Покровский через добрых две недели после своего письма Молотову смог провозгласить на общем собрании Общества историков-марксистов 19 марта 1930 г.:

«Если нам нужно ликвидировать кулаков как класс, тогда нужна и ликвидация кулацкой, т. е. народнической идеологии»¹⁶².

Далее он описывает «возрождение народнической идеологии» как рефлекс на «искоренение последних остатков буржуазии» в обостряющейся классовой борьбе. Актуальность публикаций о «Народной воле» заключается в том, что там собраны идеи как троцкистов, так и правых уклонистов¹⁶³.

Обложка 6-го выпуска журнала «Каторга и ссылка» в 1923 г.

Уже 9 апреля 1930 г. «Правда» опубликовала тезисы Отдела культуры и пропаганды ЦК к 50-летию юбилею «Народной воли». Почти целую полосу занимал подробный исторический очерк¹⁶⁴. История возникновения этих тезисов была прямо связана с описанным столкновением. Проект тезисов подготовил Татаров¹⁶⁵. До опубликования они были обсуждены в «Отделе культпропа» ЦК в присутствии Ярославского. Он безуспешно пытался добиться цитирования «ошибок» Покровского, Татарова и Горина при упоминании их имен¹⁶⁶. И Теодорович имел возможность бросить взгляд на тезисы. Позже он даже характеризовал себя как их соавтор, так как включил в документ поправки¹⁶⁷.

Тезисы были сформулированы так, что они показывали: Покровский и его ученики уже повлияли в центральных пунктах на официальную позицию партии.

С прямым соотношением с современностью выясняется, что при поступательном развитии коллективизации должно иметь место ясное понимание ведущей роли пролетариата. Пролетариат намеревается реализовать свою диктатуру на практике, руководя социалистической индустриализацией страны и устраняя корни капитализма. Но попытка Теодоровича повысить значимость народничества ведет к возрождению старой народнической идеи, в соответствии с которой крестьяне смогут самостоятельно прийти к социализму. В тезисах подчеркивается и принципиальная разница между идеологией марксизма и народничества. Это идеологии различных классов, т. е. с одной стороны – идеология рабочих, а с другой крестьян.

«Рассматривая большевизм как продолжение социалистических воззрений народолюбцев, модернизируя идеи народолюбцев, т. Теодорович пересматривает ленинское понимание революционного “наследства”, вошедшего в арсенал ВКП(б)»¹⁶⁸.

Что в конечном счете осталось от значения «Народной воли», было хвалой ее «революционному духу». В тезисах не обратили внимания и на выдвинутую Теодоровичем на передний план критику концепции Плеханова оценки «Народной воли». Даже не упоминая Покровского, «тезисы Культпропа» ограничились осуждением оценки Плехановым отношения между пролетарским и мелкобуржуазным крестьянским социализмом.

Напротив, в редакционной комментарии «Правды» к «тезисам Культпропа» Теодоровича официально характеризуют теперь как «неонародника», который пытается доказать, что ленинизм происходит от народничества. Это, однако, неверно, ибо ленинизм

де-факто, – и здесь «Правда» цитирует Сталина – является «международным пролетарским учением», восходящим к Марксу¹⁶⁹.

В ходе публикации тезисов Отдела культуры и пропаганды ЦК к 50-летию юбилею «Народной воли» Ярославский в том же апреле 1930 г. публично представил свою уже измененную позицию в журнале «Большевик»¹⁷⁰.

Несмотря на свое многословное изложение проблематики Ярославский хвалит Теодоровича только за одно – за то, что он поставил определенные вопросы. В остальном же Ярославский скорее еще расширяет спектр своей критики в адрес «Народной воли». Теперь эта критика простирается от осуждения утопических теорий и «мелкобуржуазных» идей «Народной воли» до ее тактики и организации. При этом «Народной воле» отказано в какой бы то ни было близости к пролетарской партии большевиков. Задача Ярославского заключалась в это время разве только в том, чтобы подчеркнуть неуместность классификации Теодоровича как ревизиониста в отношении марксизма-ленинизма и приверженца правого оппортунизма.

Напротив, Покровский и его ученики могли до конца 1930 г. беспрепятственно углублять свою линию, в том числе и публично. На XVI съезде партии летом 1930 г. Покровский осудил идеализацию «народовольчества» представителями правого уклона¹⁷¹. Затем он опубликовал в «Историке-марксисте» статью, в которой повторял свои тезисы от 19 марта¹⁷². Татаров, занимавший пост главного редактора «Историка-марксиста», охарактеризовал изданное Теодоровичем в издательстве ОПК в 1930 г. обобщение дискуссии о «Народной воле» как «право-оппортунистическую апологию “Народной воли”»¹⁷³.

В письме Молотову и Стецкому Покровский следующим образом подводил итоги своей победе над Теодоровичем:

«[...] тов. Теодоровичу было доказано вне всякого спора, что он или не понимает Ленина или сознательно извращает его. Теперь доказывать, что выступление тов. Теодоровича было одним из ярчайших выражений правого уклона в плоскости истории, в плоскости понимания и истолкования прошлого, – значило бы ломиться в открытую дверь»¹⁷⁴.

В конечном счете ЦК односторонне пресек дальнейшую полемику. Сначала он определенно приветствовал публикацию подведенных Теодоровичем итогов дискуссии вокруг «Народной воли», в которой, в частности, вновь воспроизводились тезисы

ЦК, но затем, ссылаясь на то, что «время еще не пришло», больше не позволил публиковать в журнале «Историк-марксист» новое заявление, хотя Покровский призывал его к этому¹⁷⁵.

5. Содержательная автономия под угрозой

Рассмотрение столкновения вокруг «Народной воли» с позиций ОПК дает более дифференцированную картину взглядов, преобладавших среди исследователей. Среди исследователей имеется мнение, согласно которому столкновения вокруг революционной истории проходили поперек границ институтов, но сформировались две основные группы – так называемая группа Ярославского (Теодорович, И.И. Минц¹⁷⁶, Мицкевич и др.) и группа, сложившаяся вокруг Покровского (Горин, Татаров, Г.С. Фридлянд и др.). Последнее считается даже «твердой аксиомой»¹⁷⁷.

Не было, однако, ни признаков того, что Теодорович начал свою полемику против Покровского в одиночку, без ведома Ярославского, нет и документов, указывающих на Ярославского как ее инициатора по прямому соглашению с Теодоровичем¹⁷⁸. В соответствии с этим не могло быть доказано также, что Ярославский использовал ОПК и, соответственно, Теодоровича как «острие» в борьбе против Покровского и его школы. Ярославский играет в данном случае подчиненную роль. Следует, напротив, подчеркнуть ключевую позицию, которую в этой ситуации занимал ОПК. Общество было платформой, с которой и действовал Теодорович.

Статья о «Народной воле» в августе 1929 г. была дебютом Теодоровича в качестве новой сильной личности в ОПК, и напрашивается предположение, что он видел в статье возможность обретения профиля¹⁷⁹. Но, кроме того, он с помощью своей статьи публично позиционировал ОПК в вопросе исторического значения «Народной воли», так как при этом речь шла об одном из редких текстов в «Каторге и ссылке», не написанном в форме мемуаров или документально окрашенном. На этом фоне следует сначала подчеркнуть основополагающее различие в исторической концепции главных действующих лиц – Теодоровича и Мицкевича с одной сторон и Покровского, Горина и Малаховского – с

другой. Как показало предшествующее изложение, Теодорович при решительной поддержке Мицкевича стремился к включению народничества, в особенности «Народной воли», в линию революционной традиции, в смысле как теоретический и практически-революционный фундамент для большевизма¹⁸⁰. Народничество, а с ним и крестьяне играли роль главных союзников пролетариата, при поддержке которых смогла в конце концов увенчаться успехом Октябрьская революция – разумеется, под неприкосновенным руководством пролетариата. В соответствии с этим Теодорович и Мицкевич рассматривали моменты схождения, точки соприкосновения и преемственность. Покровский, Татаров, Горин и Малаховский были, напротив, заинтересованы в различиях вплоть до исключительности марксизма-ленинизма по отношению к различным линиям развития революционного движения. Народничество играло в последнем случае малозначительную роль по сравнению с превосходившими все деяниями большевиков, в особенности Ленина. Теодорович устанавливает контрапункт к взглядам этих «внешних марксистов» (R. Daniels), в соответствии с которыми марксизм и, соответственно, ленинизм, должны были исправить другие социалистические течения и выстоять *против* них¹⁸¹. Со своей противоположной позицией Теодорович соответствовал руководящему посту в ОПК. Многие члены ОПК не могли, вероятно, симпатизировать тенденции изложения революционного прошлого в понятиях неповторимости и непогрешимости большевиков¹⁸². Кроме того, историческая концепция Теодоровича обретала свою достоверность благодаря его многолетней работе в ОПК прежде всего на фазе основания Общества и постоянным усилиям по интеграции его членов как (бывших) приверженцев самых различных социалистических и анархистских течений как внутри Общества, так и в советском обществе¹⁸³. Явная преемственность обнаруживается в этом смысле и при его работе в Наркомземе, где он использовал профессиональные знания немарксистских и не связанных с большевиками специалистов.

В методическом отношении концепция Теодоровича совпадала с подчеркнуто документально-исторической ориентацией ОПК. На переднем плане стояли анализ программных текстов «Народной воли» и их включение в специфические исторические условия России. Избранное Теодоровичем направление исторической интерпретации значения «Народной воли» также прочно укоренилось в ОПК. Оно учитывало возросшую в 20-е гг. значимость

журнала в дискуссии об интерпретация истории революционного движения в качестве дополнения партийной историографии.

Стало ясно, что Теодорович в 1929–1930 гг. в теоретическом и концептуальном, а кроме того в институциональном и структурном отношении был в состоянии только с помощью ОПК и его издательства, журнала и рабочих кружков, а также секций и землячеств вести свой конфронтационный диспут. В восприятии лиц, принимавших политические решения, дискуссия о «Народной воле» приняла такие масштабы, что Отдел «культпропа» ЦК увидел себя вынужденным 9 апреля 1930 г. в своих тезисах даже высказаться, наконец, об особом грехе, заключавшемся в том, что «Народной Воли» и народничеству уделяется столь большое внимание. Иначе здесь своего рода повисание¹⁸⁴. С помощью ОПК была действительно инициирована дискуссия, а в определенных пунктах с помощью публикаций точки зрения Теодоровича и других материалов в издательстве и в журнале ОПК дискуссии был придан дополнительный размах. Сверх этого Теодорович опирался на дискуссии о русском революционном наследии которые на протяжении всех 20-х годов те, кто держались более или менее особняком, вели против историков, тесно связанных с партией и ее учреждениями, занимавшимися историей. С этими союзниками Теодоровича и ОПК связывало то обстоятельство, что их исследования подчеркнуто опирались на источники. Такая характеристика и по сей день составляет их историческое качество. С середины 50-х гг. исследователи снова обсуждали именно вопросы, поставленные, в частности, Теодоровичем, Сергиевским, Стекловым, а также в мемуарах, публиковавшихся в «Каторге и ссылке»¹⁸⁵. В числе этих вопросов повышение исторического значения «Народной воли», которое Плеханов и Ленин умаляли по причинам политической конкуренции и которое явно намного превосходило значимость «Черного передела»¹⁸⁶. Перемещение акцента в деятельности «Народной воли» с крестьян на рабочих, военнослужащих и студентов ввиду вытеснения революционного движения и деревень в города также было темой, уже затронутой в «Каторге и ссылке»¹⁸⁷. Среди современных исследователей, в числе которых саратовский историк Н.А. Троицкий может считаться лучшим знатоком народничества, критического отношения заслуживает отсутствующее до сих пор систематическое использование журнала «Каторга и ссылка». В результате этого недооценивалось историческое значение программных статей Теодоровича, Мицкевича, Дейча и Сергиевского

и воспоминаний очевидцев о «Народной воле», написанных по прошествии немалого времени. Характерно, что Троицкий ни строчкой не упоминает историка Сергиевского. Традиционной остается и интерпретация его отношения Ленина к «Народной воле»¹⁸⁸. Барбер и Франкель не осознают интегрирующего значения ОПК с его «полным собранием художественных произведений» под названием «Каторга и ссылка» для исторического исследования революционного движения.

Сильные и слабые стороны теоретической позиции И.А. Теодоровича

С прежней литией и традицией ОПК была несовместима все чаще проявлявшаяся в ходе дискуссии стилизация Теодоровичем самого себя в качестве верного ученика Ленина¹⁸⁹, неотступно следовавшего ленинской концепции оценки «Народной воли». Поступая таким образом, он задавал определенный масштаб до анализа источников. Тем самым и Теодорович содействовал безусловному признанию авторитета Ленина и его нарастающей канонизации. Такое развитие событий не могло соответствовать интересам всех членов Общества. Эта линия должна была оказаться особенно не по сердцу ветеранам революционного движения, которые в качестве членов ОПК не были связаны с большевиками. Но ссылка Теодоровича на Ленина могла найти, тем не менее, определенное одобрение и в ОПК, так как имелось отношение к Обществу. Эта ссылка была центральным элементом в стратегии Теодоровича, имевшей целью доказать, что «противник» следовал враждебной ленинизму, приверженной «троцкизму» плехановской концепции интерпретации значения «Народной воли». На этом пути могла быть поставлена под сомнение и исключительная легитимность представленного Плехановым генезиса марксистски ориентированной части революционного движения. Как уже упоминалось, путь развития Плеханова вел от «Черного передела» через группу «Освобождение труда» к российской социал-демократии (РСДРП). При этом значение народничества, в особенности «Народной воли», отрицалось¹⁹⁰. Политическая сила стратегии Теодоровича заключалась в том, что он пытался косвенным образом использовать «открытый» в политическом отношении фланг Покровского и его школы. Их теорети-

ческая концепция оценки «Народной воли» восходила к Плеханову и находила многочисленных приверженцев среди историков, занимавших важные позиции. Правда, общая официальная оценка Плеханова, как показала положительная часть комментария «Правды» по Теодоровичу, была отрицательной. Это имело свою причину в сближении Плеханова с меньшевиками в ходе его политической карьеры и в отклонении им Октябрьской революции в 1917 г. Он, в частности, считал Россию еще незрелой для социалистической революции и решительно выступал против стремлений большевиков и в особенности Ленина захватить политическую власть.

Несмотря на все стратегически-политические преимущества действий Теодоровича следует, однако, сказать, что его линия аргументации в научном отношении несостоятельна. Она обнаруживает тенденцию с помощью Ленина «отделиться» от Ленина и больше не полемизировать открыто, как это делал Виленский-Сибиряков еще в 1925 г., против интерпретации истории, ориентированной на авторитеты. Это касается тезиса Теодоровича о том, что высказывания Плеханова о «Народной воле» существенно отличаются от высказываний Ленина. В. Невский как историк и автор работ по революционному движению и ВКП(б) обоснованно поставил эту позицию под сомнение¹⁹¹. Невский обсуждал теоретические концепции Плеханова в сравнении с концепциями Ленина и Покровского и не смог констатировать существенных различий¹⁹². На фоне его близкого сотрудничества с ОПК¹⁹³ а также его метода исторического анализа, основанного на интенсивных архивных исследованиях ему нельзя приписать тенденциозные намерения¹⁹⁴. Тезисы Невского, косвенно направленные против Ленина, не могли, однако, проявить в уже сильно политизированной дискуссии свое влияние, так как защитники Покровского со своей стороны по политическим соображениям стремились оторвать Покровского от Плеханова¹⁹⁵. И наоборот, это означает, что анализ источников и их независимая оценка давно уже отошли с обеих сторон за постановку революционной истории на службу соответствующим интересам¹⁹⁶. В ходе дискуссии даже при ознакомлении с мнениями Теодоровича все более возникает впечатление борьбы между догматиками. Деловая аргументация прямо связывается с борьбой за самоутверждение и за власть¹⁹⁷.

В отношении концепции ОПК следует констатировать, что здесь Теодорович в существенных пунктах нарушил линию Об-

щества. Эта тенденция, присущая Теодоровичу, усилилась в ходе дискуссии и выразилась в самой отчетливой форме в оценке концепции Покровского как «троцкистской». Переход к ученикам Покровского Татарову и Горину был здесь плавным, вот только они со своей стороны упрекали Теодоровича в его мнимой близости к только что потерпевшему поражение правому крылу партии¹⁹⁸. Их главным рычагом был упрек в повышении значимости мелкого товаропроизводителя. Таким образом они устанавливали отношение к экономической политике партии. Такое развитие событий нашло свое самое очевидное выражение в осуждавшем Теодоровича тексте решения Общества историков-марксистов, принятого между 9 и 13 февраля 1930 г.¹⁹⁹ Теодоровича порицают здесь за его «стремление к идеализации роли народничества», так как это в «современных условиях» должно привести к «идеализации мелкого товаропроизводителя»²⁰⁰. Последняя часть высказывания – доказательство направления главного удара противников Теодоровича, обозначающее в то же время их стратегическое преимущество. При ссылке на «современные условия» однозначно имелся в виду только что совершенный поворот к коллективизации сельского хозяйства с ее насильственным устранением «капиталистических элементов» и структур в деревне, направленный прежде всего против «идеализированного» Теодоровичем крестьянского мелкого товаропроизводителя («мелких крестьян», мелких торговцев и ремесленников). Тем самым научный противник становился в то же время противником политическим²⁰¹.

В действительности нельзя полностью отмахнуться от политико-идеологической критики Гориним и Татаровым попытки Теодоровича установить линию преемственности между «Народной волей» и марксизмом. Есть некоторые свидетельства в пользу того, что Теодорович наряду со своим научно-историческим интересом черпал мотивацию для своих выступлений также и из намерения косвенно критиковать под историческим знаком коллективизацию и насильственные действия против кулаков и намеревался спасти таким образом некоторые элементы НЭПа. Его теории могут быть интерпретированы как (запоздалая) попытка повлиять на политические события²⁰². Бывший специалист по аграрной политике не случайно именно в 1929 г.²⁰³, опираясь на историю революционного движения и классиков, выявил на абстрактно-теоретическом уровне модифицированный стереотип мышления в отношении классической марксистской оценки, рассматривавшей «миллионное войско мелких товаропроизводителей»

как класс, сплошь проникнутый капиталистическими умонастроениями²⁰⁴. Сильным аргументом против этого было поставить на позиции в качестве союзника именно Маркса. Под впечатлением своих занятий русским революционным движением он совершил процесс обучения, который привел его от определенного неприятия революций в аграрных обществах с только периферийными элементами капитализма через постепенное сближение с русским революционным движением до дополняющего тезиса, примененного Теодоровичем²⁰⁵. В сочетании с высказываниями позднего Ленина и его собственным (Теодоровича) вполне обоснованным взглядом, согласно которому «Народная воля» не находилась во враждебном противостоянии с марксизмом и способствовала распространению социалистических идей также среди рабочих, Теодорович довел эту позицию до крайности, «открыв» у левого крыла «Народной воли», так сказать, марксистские или большевистские принципы²⁰⁶.

Проблематична с теоретической точки зрения здесь только скрыто, а в другом месте тем очевиднее сохранившаяся тенденция интерпретировать историю как необходимость, проявляющуюся наподобие законов природы. Так, Теодорович в одном из докладов, прочитанных после описанного выступления в «Каторге и ссылке», в Ленинградском филиале ОПК представлял позицию, в соответствии с которой в России марксизм и большевизм могли развиваться и без знания Маркса – из русского утопического социализма или «крестьянского социализма». По мнению Теодоровича, «одинаковое бытие порождает одинаковое сознание»²⁰⁷.

Ни этот большевизм, понимаемый как исконно русский продукт и содержащий даже аспекты, характеризующиеся как патристические, ни смягченный тезис о преемственности между «Народной волей» и марксизмом не могли соответствовать интересам партии, марксизм которой давно уже находился на пути абсолютизации и превращения в застывшую идеологию. Классификация Ленина как русского «крестьянского социалиста» подорвала бы международные претензии партии на руководство, в особенности в Коминтерне. Партия не видела себя вписанной в русскую социалистическую традицию, а считала себя наследницей марксовской теории, рассматриваемой как новая и уникальная. Но и здесь было, в свою очередь, молодое, поддерживавшееся партией, радикальное поколение историков, обращавшее внимание партии на этот аспект²⁰⁸.

Двойственная роль Е.М. Ярославского

Особенно двойственной была с позиций ОПК роль Ярославского. Он был его «старостой» и автоматически получал информацию о важнейших событиях. Кроме того, пост в комиссии по празднованию юбилея «Народной воли», занятый им в конце 1929 г., делал невероятным, что он не читал и не одобрил статью Теодоровича, также вышедшую в августе, до ее публикации. В пользу одобрения без каких бы то ни было проблем говорят констатировавшиеся содержательные и слвпадения между Ярославским и Теодоровичем. Они оба отвергали только лишь критическую оценку «Народной воли» Плехановым. Поддержку Ярославского находило до последнего времени и сочетание отклонения Плеханова со ссылкой на Ленина, Маркса и Энгельса²⁰⁹. Даже преувеличенный в некоторых пунктах энтузиазм Теодоровича при раскрытии преемственности в теории и практике «Народной воли» и большевиков не был столь уж далек от первоначальной позиции Ярославского (тысячи нитей!), как он впоследствии хотел уверить. В пользу этой оценки говорит и производящий впечатление сентиментального способ обращения к Ярославскому на торжествах ветеранов «Народной воли» как «отцов» и большевиков как их «сыновей»²¹⁰. Именно здесь Ярославский и Теодорович встречались как «политики-историки». Центральным аспектом их деятельности в ОПК была стратегия «объятия», т. е. управляемого использования потенциала лояльных небольшевицких сил, в особенности символических фигур «Народной воли». Многолетняя революционная традиция имела в их глазах слишком большую ценность, чтобы можно было уступить ее политическим соперникам (эсерам, меньшевикам, социал-демократам и анархистам)²¹¹. Прежде всего в данном пункте они отличались от подхода как Плеханова, так и раннего Ленина. Но принципиальная солидарность с интегративным проектом ОПК, в отличие от Теодоровича, у Ярославского не обнаруживается.

Несмотря на совпадения между Ярославским и Теодоровичем, следует со всей определенностью подчеркнуть, что этот факт сделал возможным только появление статьи Теодоровича, но не означал автоматически прочного союза между ними. По ту сторону личных интересов Ярославский не выступал в поддержку Теодоровича. Таким образом, констатировавшиеся совпадения оказались чрезвычайно непрочными. Ярославский немного позже подчинился приспособлению оценки «Народной воли» новой

политической конъюнктуре, чего добился Покровский. Сразу же с началом своего вмешательства в полемику Ярославский постепенно отмежевался от Теодоровича, а тем самым и от его собственных позиций по отношению к «Народной воле», так что Теодорович увидел себя в конце концов вынужденным защищать свою концепцию в журнале «Большевик» и от Ярославского.

Сохранившаяся в виде минимального консунсуса между Теодоровичем и Ярославским, критка в адрес Плеханова больше не играла в конечном счете существенной роли. При желаемом сдерживании влияния Покровского и его школы наинтерпретацию революционной истории оно оказалось затупившимся оружием. Напротив, клеймение Теодоровича как теоретика с народническими взглядами, которые в условиях «классовой борьбы» в деревне могли проявить свое вредное воздействие, не осталось без последствий.

Ярославский проявил стойкость только там, где развитие событий в направлении, противоположном желаемому для него, грозило ему личным политическим ущербом – когда он воспрепятствовал включению Теодоровича в ряды «правых оппортунистов». В конце концов именно Ярославский после увольнения Теодоровича из Наркомзема в марте 1928 г. добивался его трудоустройства в ОПК, а в мае 1929 г. ходатайствовал перед Енукидзе за включение Теодоровича в ЦИК²¹².

В действительности вызванная Теодоровичем и ОПК дискуссия о значении «Народной воли» для большевизма и далее оставалась важным арсеналом для новых нападок на Ярославского. В наброске доклада Покровского, который он послал в декабре 1930 г. директору Института Ленина М.А. Савельеву, Ярославский предстает покровителем, с одной стороны, «правого уклона», а с другой – троцкистских тенденций на «историческом фронте». В качестве первого примера поддержки «правого уклона» Ярославским автор снова упоминает о столкновении вокруг «Народной воли» и о Теодоровиче²¹³. В апреле 1931 г. Горин в письме в ЦК ставил ему в вину «оппортунистические» тенденции:

«От полного идейного разгрома т. Теодоровича спасла лишь защита т. Ярославского и, как выяснилось на заседании редакции “Большевика” в апреле с. г., т. Ярославский продолжает защищать тов. Теодоровича и по сей день»²¹⁴.

Нападки снова ослабли лишь после того, как Ярославскому снова было официально высказано политическое доверие в резолюции ЦКК от 20 декабря 1931 г., опубликованной в «Правде»²¹⁵.

За полгода до этого Ярославский уже добился опровержения от Ольминского, так как Горин ссылаясь на этот документ при своих напаках на Ярославского:

«По поводу слов т. Горина о “покровительстве т. Ярославского оппортунистическим элементам в редакции “КиС”» заявляю, что я не писал об этом в “Пролетарской Революции”»²¹⁶.

Подводя итог, можно было бы сказать, что Теодоровичу удалось с помощью ОПК встать во главе исторической и идеологической дискуссии о значении «Народной воли». ОПК поддерживало Теодоровича всеми своими ресурсами в его попытке вопреки новой политической конъюнктуре воспрепятствовать сужению взгляда на революционную историю. Если оценивать по достигнутому до сих пор состоянию исследования, это произошло, несмотря на формальное руководство ОПК Ярославским, так как он слишком поздно заметил политическую взрывчатость проблемы. Мобилизация сил ОПК зашла столь далеко, что не приходилось почувствовать ничего более даже из прежних глубоких личных и структурных столкновений.

Теодорович, однако, в конечном счете не достиг успеха, защищая содержательную автономию ОПК. Его путь использования официального дискурса (негативная оценка Плеханова) и приспособления к идеологическому развитию (превращение Ленина в икону) потерпел неудачу. Оказалось невозможным воспрепятствовать политизации оценки «Народной воли» с помощью привлечения позднего Ленина, с уважением относившегося к приверженцам «Народной воли» только с временной дистанции или с учетом уменьшающегося значения их идеологии и политического влияния.

Напротив, стратегия историков школы Покровского, намеревавшихся побудить партию к изменению ее позиции посредством связывания дискуссии с коллективизацией сельского хозяйства. Тем самым они воспользовались партийной структурой, восходившей к Ленину – ведь и ранний Ленин, исходя из политического расчета, опаривал значение «Народной воли» для развития русского марксизма.

Но последствия дискуссии для ОПК снова заставляли себя ждать. Они представлялись ползучим процессом, обойти который ОПК под руководством Теодоровича пыталось с достойной вниманием последовательностью. Партия еще оставила ситуацию в историческом секторе по-старому, в зависимости от политической целесообразности, вставая более или менее на сторону оп-

ределенного течения среди историков-марксистов и даже позволяя спорящим партиям совместно разрабатывать изменившиеся нормы. Хотя каталога мер по реализации этих норм не было, во вред ОПК оказалось то обстоятельство, что среди историков смогли взять верх те, кто ради гарантирования своих научных позиций и своего влияния на учреждения, занимавшиеся историей, продолжали прокладывать путь политическому применению истории революционного движения, т. е. ее приспособлению к политическим и идеологическим потребностям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ярославский просил Теодоровича в марте 1928 г. снова принять участие в работе ОПК. Ср. Протокол 10 заседания Бюро фракции РКП(б) при ЦС ОПК от 13.4.1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 50.

² Протокол 10 заседания Бюро фракции РКП(б) при ЦС ОПК от 13.4.1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 38об.

³ 18 февраля 1929 г. Кон объявил о своем уходе с поста главного редактора ОПК и тем самым «Каторги и ссылки». Ср. Протокол 8 Бюро [коммунистической] Фракции ЦС ОПК от 8.2.1929. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 130. Тем не менее Кон вплоть до № 9 (том 59) называется на титульном листе «Каторги и ссылки» «общий издатель».

⁴ Ср. *Barber*. Op. cit. S. 86–99. См. также: *Venturi F.* Il populismo russo, Turin 1952; *Venturi F.* Les intellectuels, le peuple et la révolution. Histoire du populisme russe au XIX siècle. – Paris, 1972. С. 17–19; *Frankel J.* Op. cit. С. 590–592. С советской точки зрения ср. *Алаторцева А.И.* Журнал «Историк-марксист». 1926–1941. – М., 1979. С. 124–127.

⁵ Ср. Заседание Политбюро от 22.8.1929 г. П[ротокол] 94 / П[ункт] 25 «О пятидесятилетия партии <Народной воли>». – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 772. Ср. также: Секретариат ЦК ВКП(б) от 26.11.1929, Протокол 166/Пункт 8 «О сроке празднования 50-летия юбилея <Народной воли>». – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 798.

⁶ Покровский руководил, в частности, основанным им Институтом истории при Коммунистической академии наук. Кроме того, он был председателем Президиума Коммунистической академии наук (в 1919–1924 гг. Социалистическая академия), научного учреждения партии. (В 1936 г. Коммунистическая академия была ликвидирована и включена в Академию Наук СССР). О высокому институциональном и теоретическом значении Покровского в советской исторической науке ср. *Barber*. Op. cit. S. 21 ff.

⁷ Горин О.П. (1900–1938) – историк, ученый секретарь Общества историков-марксистов. Был также членом Президиума Совета этого Общества. Ср. Чернобаев А.А. (Сост.) «Я себя считаю лично уже ушедшим». Письма М.Н. Покровского 1929–1931 // Исторический архив. 1993, № 4. С. 212.

⁸ А.Н. Бах (1857–1946) – известный химик, который в 80-е гг. XIX в. был сторонником «Народной воли», а затем вступил в партию эсеров. В 1917 г.

вышел из партии эсеров. В политическом отношении проявил себя наиболее готовым к сотрудничеству. Ср. *Veurau* (1998) S. 75; ППР. С. 57; Автобиография в «Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь». – М., 1989 (Репринт).

⁹ Ярославский Е.М. Письма в Секретариат ЦК ВКП(б), Корочкину, Покровскому и Савельеву о проведении 50-летнего юбилея «Народной воли» от 7.9.1929. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 55. Л. 2.

¹⁰ Ср. Материалы о подготовке к 50-летию юбилею «Народной воли» апрель 1924 – декабрь 1929. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 92. Л. 1–26. О «Кружке народовольцев» ср. гл. IV.1 «Новые формы раскрытия прошлого».

¹¹ Протокол заседания Бюро Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 7.12. 1928. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 86.

¹² Юбилейный том вышел под текущим номером 57 (1929) «Каторги и ссылки». Под названием «К 50-летию юбилею <Народной воли>» он содержал многочисленные статьи по данной теме, в том числе программную статью Теодоровича (См. ниже).

¹³ «Кружок народовольцев» по сравнению с другими историческими секциями и землячествами ОПК особенно активно курировал издание материалов и мемуаров. Ср. об этом *Константинов М.* От прошлого – к настоящему и будущему. Научно-исследовательская работа ОПК // Десять лет. С. 77.

¹⁴ «Народная воля» в документах и воспоминаниях / Под редакцией А.В. Акимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко, И.И. Поповой, Н.И. Ракитниковой и Б.В. Леоновича-Ангарского. – М., 1930; «Народная воля» перед царским судом / Под редакцией А.В. Акимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко, И.И. Поповой, Н.И. Ракитниковой, Б.В. Леоновича-Ангарского и М.И. Дрей. – М., 1930. Кроме того, первый том содержит обширную библиографию.

¹⁵ *Теодорович И.А.* Историческое значение партии «Народной воли» // КиС. 1929. 57–58, № 8, С. 7–53. Текст вышел также в виде монографии в начале 1930 г. в издательстве ОПК. Ср. *Теодорович И.А.* Историческое значение партии «Народной воли». – М., 1930.

¹⁶ *Шмидт С.О.* Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков. – Археографический ежегодник за 1992 г. – М., 1994; *Артизов А.Н.* М.Н. Покровский. Финал карьеры – успех или поражение? – Отечественная история, 1998, № 1. С. 77–94; № 2. С. 124–125.

¹⁷ Ср. теорию трех фаз Р. Даниэльса в связи с идейной историей Советского Союза в 1917–1953 гг. и оценки Покровского Г. Энтиным. *Daniels R.V.* Soviet Thought in the Nineteen-Thirties. An Interpretive Sketch // *Ginzburg M., Shaw J.T.* Indiana Slavic Studies. – Bloomington, 1956. С. 100–106; *Enteen G.M.* The Soviet scholar-bureaucrat. M.H. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians. – London, 1978. С. 118–132; О Покровском ср. также *Barber*. Op. cit.

¹⁸ Редакция «Каторги и ссылки» выражает в своем примечании к названию статьи надежду на то, что товарищи Покровский, Морозов и другие не откажутся отреагировать на вопросы, поставленные Теодоровичем. Там же (Теодорович) С. 7; Морозов участвовал и в основании ОПК.

¹⁹ Там же. С. 9, 20, 43 и сл.

²⁰ См. наряду со стр. 8–10 также С. 14 (Теодорович), на которой приводятся цитаты Исполкома «Народной воли» об ориентации политического

переворота с целью передачи власти народу в соответствии с социалистическими принципами.

²¹ Там же. С. 8–10, 11 (здесь еще раз идет речь о перевороте).

²² Эта критика проходит через всю статью Теодоровича. Ср. в особенности в связи с Марксом Там же. С. 20.

²³ Б.Б. Богучанский (настоящее имя В.Я. Яковлев, 1861–1915) – историк, издатель и сотрудник журнала «Былое». Труды в том числе о революционном движении. Первоначально сторонник народников, затем в тесном контакте с Плехановым становится представителем марксистских идей. В конце концов обращается к либерально-демократическим концепциям истории. Ср. СИЭ, ст. 512; *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet history* / Ed. by J.L. Wiczynski. Bd. 5, USA, 1977. С. 45–46; *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 9. Теодорович видит в Морозове и Покровском приверженцев традиции Богучанского.

²⁴ Там же (Теодорович). С. 13.

²⁵ Там же. С. 13–14.

²⁶ Луи Блан (1811–1882) – французский социалист. Выступал за создание поддерживавшихся государством рабочих производственных кооперативов. После Февральской революции 1848 г. член Временного правительства и созданной им Люксембургской комиссии.

²⁷ Ф. Лассаль (1825–1864) – публицист и политик. В 1849 г. сотрудник «Новой Рейнской газеты» К. Маркса. Программные тексты по рабочему вопросу (1863). Президент «Всеобщего германского рабочего союза» (1863).

²⁸ Там же (Теодорович) С. 16–18.

²⁹ Там же, с 12. Теодорович цитирует немного переработанное новое издание «Очерков» 1923 г.: *Покровский М.Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. – М., 1924. С. 95.

³⁰ Русское предисловие вышло впервые в: *Маркс К.* Предисловие к «Народная воля. – Социально-революционное обозрение» (1882) 8–9, 5.2. С. 558–559. Немецкий оригинал см. в *Marx K., Engels F.* *Ausgewählte Schriften in zwei Bänden*, Bd. I. – Berlin, 1958. С. 17–18.

³¹ Там же (Теодорович) С. 20. Ср. также С. 29–30; *Marx/Engels* (1958) S. 18.

³² Но утописты, прежде всего их левое крыло, к которым Теодорович относит и «Народную волю», сделали в целом шаг вперед, предпочтя производственные кооперативы индивидуальному хозяйству. Там же. С. 23–24.

³³ Там же. С. 44.

³⁴ Там же. С. 31–35.

³⁵ Там же. С. 36–42.

³⁶ Там же. С. 37–38.

³⁷ Там же. С. 46.

³⁸ Там же. С. 50.

³⁹ Ср. №№ 1–4; См. также диаграмму 2: Динамика главных тем мемуарного раздела журнала «Каторга и ссылка». Число публикаций в гг. 1921–1935.

⁴⁰ Это касается и явно научного ответвления «Каторги и ссылки», журнала «Историко-революционный бюллетень» (позже переименован в «Исто-

рико-революционный вестник»), выходявшего с января 1922. Здесь только в первом номере (январь 1922 г.) была напечатана короткая статья, посвященная невыясненной причине смерти члена «Народной воли» А.Д. Михайлова. Ср. *Мицкевич С.* Смерть народовольца А.Д. Михайлова // Историко-революционный бюллетень. 1922, № 1. С. 24–26.

⁴¹ Журнал был с этого номера структурирован заново. Теперь он включал рубрики: 1. К истории революционного движения, 2. Каторга, ссылка и тюрьма, 3. Материалы для биографической энциклопедии, 4. Библиография и 5. Хроника.

⁴² Ср. Диаграмма 2. Наряду с этим появились также статьи о декабристах и анархистах и более поздних этапах революционного движения.

⁴³ В отношении «Народной воли» рассматривались в особенности биографии ее интеллектуальных вождей и организаторов и подчеркивались их «героические подвиги». Ср. К характеристике Заславского, Желябова, Железняк и др. // КиС. 1923, № 5. С. 27–41; *Сидоренко Е.* Из воспоминаний о 1 марте 1881 // КиС. 1923, № 5. С. 50–52; *Кантор Р.* Покушение на В.Н. Муравьева. Эпизод из истории «Народной воли» // КиС. № 10, 1926. С. 133–138; *Дейч Л.* Смерть Аарона Зунделевича // КиС. 1924, № 8. С. 213–118; *Фроленко М.Ф.* А.И. Зундеелвич // КиС. 1924, № 8. С. 219–220; *Фигнер В.* Евгения Николаевна Фигнер // КиС. 1924, № 9. С. 20–27; *Дрей М.* Стрельниковский процесс в Одессе в 1883 г. По личным воспоминаниям // КиС. 1924, № 9. С. 46–57.

⁴⁴ По поводу дискуссии до 1917 г. ср. *Frankel J.* Party Genealogy and the Soviet Historians. 1920–1938 // *SlavicReview* (1966) 4. С. 563–369. Здесь представлены, в частности, позиции Ленин, Плеханова, Ю. Стеклова, В. Акимова, Д. Рязанова.

⁴⁵ *Дейч Л.Г.* Из отношений Г.В. Плеханова к народникам // КиС. 1923, № 7. С. 9–20.

⁴⁶ Там же. С. 10.

⁴⁷ П.Н. Ткачев (1844–1885/86) – идеолог бланкистского направления в революционном народничестве. Публицист. Участник революционного движения 1860-х гг. Сотрудник журналов «Русское слово» и «Дело». С 1873 г. в эмиграции. В 1875–1881 гг. издатель журнала «Набат». Ср. *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 90–94.

⁴⁸ С.Г. Нечаев (1847–1882) – основатель тайного общества «Народная расправа». Автор «Катехизиса революционера» (1869). Убил в 1869 г. студента, заподозренного в предательстве, и бежал за границу. В 1872 г. выдан швейцарскими властями России и приговорен к 20 годам каторжных работ. О влиянии Нечаева на народничество Ср. *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 109 и сл.

⁴⁹ Там же. С. 12–19.

⁵⁰ Ср. *Дейч Л.Г.* О сближении и разрыве с народовольцами. К истории возникновения группы «Освобождение Труда» // Пролетарская революция. 20. 1923. 8. С. 6–19; Вслед затем Вера Фигнер и другие члены Исполнительного комитета опубликовали в журнале «Былое» обстоятельное возражение. Ср. *Фигнер В., Прибылева-Корба А.П., Чернявская-Бохановская, Прибылев А.Л. Г.* Дейч и «Народная воля» // Былое, 1924, № 25. С. 280–288.

⁵¹ *Сквери М.* Южно-Российский союз рабочих в Одессе в 1879 г. // КиС. 1923, № 5. С. 17–25; *Кантор Р.* Прокламация Южно-Русского рабочего

союза об убийстве Александра II // КиС. № 5. С. 53–55; Попов М. Революционная роль петербургских рабочих // КиС. 1923, № 6. С. 39–43. См. также статью М. Дрея, опубликованную в 1924 г., в которой также шла речь о Южно-Российском союзе рабочих, контролировавшемся «Черным переделом». Дрей М. Заметка о рабочем движении в Одессе в 1880–1881 // КиС. 1924, № 12. С. 73–77.

⁵² Якимова А. Из далекого прошлого. Из воспоминаний о покушениях на Александра II // КиС. 1924, № 8. С. 9.

⁵³ Ср. Честование М.Ю. Ашенбреннера // КиС. 1924, № 8. С. 290–291.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Макаревский М. Рабочий народоволец Р.Л. Антонов. Воспоминания // КиС. 1924, № 12. С. 272–281.

⁵⁶ Кубалов Б.Г. Ветеран Народной воли. М.П. Овчинников // КиС. 1924, № 12. С. 78–105.

⁵⁷ Мицкевич С.И. К вопросу о корнях большевизма. Ответ Н. Батурина // КиС. 1925. 16, № 3. С. 97–101.

⁵⁸ Батурин Н.Н. О наследствии русских якобинцев // Пролетарская революция. 1924, № 7. С. 82–89.

⁵⁹ Там же. С. 89; Статья Мицкевича, которую критиковал Батурин, вышла уже в 1923 г. Ср. Мицкевич С.И. Русские Якобинцы // Пролетарская революция. 1923, № 6–7. С. 3–26.

⁶⁰ Мицкевич С.И. К вопросу о корнях большевизма. С. 97.

⁶¹ П.Г. Заичневский (1842–1896) считался одним из первых русских якобинцев. С 1859 г. член группы «Библиотека казанских студентов». В 1861 г. организовывал в Московском университете кружки и студенческое движение. В 1862 г. в тюрьме написал прокламацию «Молодая Россия». По процессу 27 приговорен к каторжным работам. Провел 20 лет в тюрьме и ссылке. В 1874 г. организовал рабочий кружок «Орлят». Ср. Козьмин Б. О П.Г. Заичневском // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 22–23; Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 91, 93, 96, 131, 195.

⁶² «Старое якобинство связывается с рабочим классом – получается большевизм». Ср. Мицкевич С.И. К вопросу о корнях большевизма. С. 100.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 99. Тем самым Мицкевич присоединяется к оценке «Черного передела» Марксом

⁶⁵ Для этого он цитирует из их программы: «восставший народ [...] должен избрать свое Временное Правительство из рабочих или лиц, известных своей преданностью народному делу». Там же. С. 98. Мицкевич придавал этому аспекту большое внимание уже в своей статье 1923 г. Ср. Мицкевич (1923). С. 3–26. Положительно оценивая «Народную волю», Мицкевич, точно так же, как позже и Теодорович, опирается на Маркса. – Там же. С. 98.

⁶⁶ Мицкевич С.И. К вопросу о корнях большевизма. С. 100, 101.

⁶⁷ Там же. С. 92, 97, 98, 99.

⁶⁸ Там же. С. 96.

⁶⁹ Там же. С. 97. Мицкевич опирается при этом на цитату Ленина в «Что делать?».

⁷⁰ Ср. там же.

- ⁷¹ *Виленский-Сибиряков*. Указ. соч. С. 50.
- ⁷² *Якимова А.В.* Группа «Свобода и смерть» // КиС. 1926, № 24. С. 14.
- ⁷³ *Фроленко М.* Начало «Народовольчества» // КиС. 1926, № 24. С. 17.
- ⁷⁴ Там же. С. 18, 20, 26. Присутствие (отдельных) рабочих в ранних кружках народников подчеркивалось и до этого. Ср. *Викторова-Вальтер С.А.* Из жизни революционной молодежи 2-й половины 1870-х годов // КиС. 1924, № 1 1. С. 71.
- ⁷⁵ *Фроленко* (1926) С. 17, 25.
- ⁷⁶ *Корба-Прибылева А.* Исполнительный комитет 1879–1881 гг // КиС. 1926, 24. С. 27.
- ⁷⁷ Там же. С. 27, 29.
- ⁷⁸ *Ивановская П.С.* Первые типографии «Народной воли» // КиС. 1926, № 24. С. 50; *Сухомлин В.И.* Из эпохи упадка партии «Народная воля» // КиС. 1926, № 24. С. 83–84; *Залкинд Л.С.* Воспоминания народовольца // КиС. 1926, № 24. С. 90–94.
- ⁷⁹ *Залкинд Л.С.* Указ. соч. С. 92.
- ⁸⁰ *Сухомлин*. Указ. соч. С. 83.
- ⁸¹ *Залкинд Л.С.* Указ. соч. С. 93–94.
- ⁸² *Гедеоновский А.В.* Ярославский революционный кружок 1881–1886 // КиС. 1926, № 24. С. 97.
- ⁸³ *Тихомиров Л.* Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений. – *Кантор Р.М.* К истории революционного движения 1870–1880-х годов. Неизданная записка Льва Тихомирова // КиС. 1926, № 24. С. 112–122. Тихомиров вышел в 1880 из «Народной воли» и затем все более приближался к либерльно-консервативному лагерю, пока в конце концов не возглавил журнал «Московские ведомости». *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 288.
- ⁸⁴ *Кузьмин Д. (Колосов Е.Е.).* Как не надо изучать историю. Библиографическая заметка // КиС. 1926, № 24. С. 251–262. Редакционный комментарий к данному автором провокационному названию «Как не надо изучать историю», означает, что эта статья была напечатана, чтобы показать некоторые постановки волпросов. – Там же. С. 251.
- ⁸⁵ Там же. С. 255. Ср. книгу Козьмина о Ткачеве. *Козьмин Б.П.* П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. – М., 1922.
- ⁸⁶ Ярославский Ем.: Ответ тов. Ваганяну // *Большевик*, 1926, № 18. С. 94–95. Ср. также вышедшую в 1926 г. под общей редакцией Ярославского «Историю ВКП(б)»: *История ВКП(б)* / Сост. Ем. Ярославский, Г. Крамольников, Н. Эльвов, О. Римский. Под общей редакцией Ем. Ярославского. Том 1. Вып. 1. – М., 1926. С. 96, 173. Книга Ваганяна вышла в 1924 г.: *Ваганян В. Г.В.* Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воззрений. – М., 1924.
- ⁸⁷ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Народовольцы // КиС. 1926, № 24. С. 13.
- ⁸⁸ О дезинтегрирующей роли Кона ср. предыдущую главу (VI) «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)».
- ⁸⁹ *Фигнер В.* Памяти Михаила Юльевича Ашенбреннера // КиС. 1927, № 33. С. 192–202; *Брагинский М.* Н.О. Коган-Бернштейн. 1861–1927 // КиС. 1928, № 40. С. 151–153; *Попов И.* Александр Васильевич Гедеоновский // КиС. 1928, № 45–46. С. 242–247.

⁹⁰ Кантор Р.М. Письма к А.М. Эпштейн, народовольцам и С.М. Гинцбург // КиС. 1929, № 39. С. 37–39; Лившин С. Подпольные типографии 80-х годов // КиС. 1929, № 51. С. 57–74.

⁹¹ Геденовский А. Тимофей Маркович Романченко // КиС. 1927, № 37. С. 208.

⁹² Валк С. Г.Г. Романенко. Из истории «Народной воли» // КиС. 1928, № 48. С. 36–59.

⁹³ Ср. наряду со следующими статьями также его работу в комитете по установке памятника Желябову. Ср. Памяти Желябова // КиС. 1929, № 55. С. 201.

⁹⁴ Теодорович И.А. М.Ф. Фроленко // КиС. 1929, № 52. С. 126–133.

⁹⁵ Там же. С. 126.

⁹⁶ Там же. С. 130, 133.

⁹⁷ Там же. С. 127.

⁹⁸ Там же. С. 127–128.

⁹⁹ Там же. С. 129.

¹⁰⁰ Там же. С. 129–130.

¹⁰¹ Ср. Теодорович И.А. Якутские протесты 1889 и 1904 годов // КиС. 1929, № 52. С. 18. Эта оценка доказывается и после серии статей Теодоровича перепечатанными студенческими прокламациями, отмеченными воздействием народничества, в которых постоянно присутствуют революционная риторика и требования политического переворота. Ср. Бухбиндер Н. Студенческие волнения в Киеве в 1884 году // КиС. 1930, № 66. С. 91–103.

¹⁰² Особенно отчетливо это проявляется в речи на торжественном заседании, посвященном Фроленко: Теодорович характеризует в ней Чернышевского как подлинного учителя народовольцев, чтобы таким образом противодействовать исключительному причислению этого «светлого образа» революционного движения к генеалогии марксистских идей только через «Черный передел». Теодорович И.А. М.Ф. Фроленко // КиС. 1929, № 52. С. 126.

¹⁰³ Сходный феномен констатируется только при рассмотрении в «Ка-торге и ссылке» значения декабристов для революционного движения. Ср. главу IV «УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.)». В дальнейшем больше не приводились статьи, проникнутые сочувствием, цитирующиеся в связи с приведенной затем дискуссией вокруг текста Теодоровича «Историческое значение партии “Народная воля”».

¹⁰⁴ Ср. некролог члена ОПК и сторонника «Народной воли» умершему в 1927 г. члену «Народной воли» Е.С. Гуревичу: Залкин Л. Евгений Самойлович Гуревич // КиС. 1929, № 5. С. 176–177; Пешекеров Р.: Рабочий-народовец Г.Г. Рудометов // КиС. 1929, № 60. С. 164–171. См. также воспоминания: Аксельрод-Ортодокс Л. Из моих воспоминаний [Виленский народовольческий кружок 1886–1887] // КиС. 1930, № 2. С. 31–32; Березин М.Е., Бородин Ю.О., Печоркин Е.Ф., Гауэништейн М.В. Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани. 1875–1892 гг // КиС. 1930, № 10. С. 111–136; Валк С. Малоизвестная страница народвольческой «Рабочей газеты» // КиС. 1929, № 53. С. 87–94; Литература партии «Народная воля» / Сост. А.В. Якимова-Диковская. – М., 1930. С. 285, 287, 295.

¹⁰⁵ Аксельрод-Ортодокс подводит итог, заключающийся в том, что она, как и многие другие, через народофильский кружок в Вильно вступила в контакт с марксизмом и что там началась эволюция ее взглядов в направлении социал-демократии. Ср. *Аксельрод-Ортодокс*. Указ. соч. С. 26 и сл., 31–33, 36–39, 42. Подобное описывает и Березин на примере Казанского кружка. Ср. *Березин*. Указ. соч. С. 111–136. Член «Народной воли» П.П. Викторov сообщает, что в 1881 г. во время одного научного диспута по экономическим вопросам он отказался на первое в России выступление с позиций революционного марксизма. Ср. Автобиографическая записка П.П. Викторова (1853–1929) // *КиС*. 1930. 66, № 5. С. 206–209.

¹⁰⁶ Считается первой русской социал-демократической организацией. Основана в 1883 в Женеве (Члены – Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.Н. Засулич, В.Н. Игнатов и С.М. Ингерман). Возникла из организации «Черный передел».

¹⁰⁷ Ср. об этом *Аксельрод-Ортодокс*. Указ. соч.. С. 33, 37–39.

¹⁰⁸ Ю.М. Стеклоv (1873–1941) – историк и публицист. Член РСДРП с 1893 г. Член социал-демократической группы «Борьба», существовавшей с 1901 по 1903 гг. в Париже. С 1917 г. член ВКП(б). С 1917 по 1925 г. работа в редакции газеты «Известия». Член Президиума ВЦИК, член ЦИК СССР. Труды к истории марксизма и революционного движения. Специалист по Бакунину и издатель его трудов. В 1941 г. подвергнут преследованиям и расстрелян Ср. *Barber*. Op. cit. S. 84, 140.

¹⁰⁹ Н.Л. Сергиевский возглавлял в середине 20-х гг. Ленинградский историко-революционный архив. Ср. *Frankel J*. Op. cit. С. 373.

¹¹⁰ *Невзоров Ю.* (Ю. Стеклоv). Отказываемся ли мы от наследства? – Женева, 1902. С. 2; *Frankel J*. Op. cit. С. 367, 369. Стеклоv был несомненным сторонником тезиса, согласно которому Чернышевский уже полувеком ранее предвидел многое из того, чему впоследствии учил Ленин. Кроме того, Чернышевский был для него тем, кто ближе всего подошел к научному социализму Маркса. За свои тезисы он в 1928 г. подвергся резкой критике именно со стороны Покровского. Ср. *Barber*. Op. cit. С. 84. Ср. также *Стеклоv Ю.* Еще о Чернышевском. – М.–Л., 1930.

¹¹¹ *Сергиевский Н.Л.* «Черный передел» и народники 80-х годов // *КиС*. 74 (1931) 1. С. 34. Ср. также его более ранние работы: *Сергиевский Н.Л.* Группа «Освобождение Труда» и марксистские кружки // Историко-революционный сборник / Сост. В.И. Невский. Том 2. – Л., 1924. С. 86–167; *Сергиевский Н.Л.* Дмитрий Благоев в Петербурге // Красная летопись, 11 (1924) 2. С. 42–52; *Сергиевский Н.Л.* Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. – М., 1929.

¹¹² *Малаховский В.* О юбилейном славословии // *Правда* (1929) 300, 20.12. С. 6.

¹¹³ Бланки Луи Огюст (1805–1881) – французский социалист и революционер. Он участвовал в восстаниях 1830–1848 гг., был членом Парижской Коммуны. Провел в тюрьме в целом 36 лет. Бланки ассоциируется с идеей захвата власти группой заговорщиков без участия масс.

¹¹⁴ *Теодорович И.А.* Побольше исторической объективности. В порядке обсуждения // *Правда* (1929) 306, 26.12. С. 5.

¹¹⁵ Малаховский В. Реставрация Ленина? Ответ т. И. Теодоровичу // Правда (1929) № 307, 27.12. С. 5. Малаховский доработал свою концепцию в статье для «Каторги и ссылки»: Малаховский В. Правда ли, что Народничество превдосхитило ленинизм? // КиС (1930) № 3. С. 45–105.

¹¹⁶ Малаховский В. Реставрация Ленина? С. 5.

¹¹⁷ Там же

¹¹⁸ Горин П. М.Н. Покровский. Большевик-историк. – Минск, 1933. С. 102. Ср. также Артизов А.Н. Указ. соч., № 2. С. 124–125.

¹¹⁹ И.Л. Татаров (1901–1938). С 1917 г. в комсомоле. С 1919 г. член РКП(б). В 1920–1921 гг. был секретарем ЦК РКСМ. Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. В 1922–1924 гг. обучался в Петроградском университете. Преподавательская работа в Военно-политической академии им. Толмачева, затем в Коммунистическом университете трудящихся Китая в Москве. С 1926 г. работа в Истпарте. Член Общества историков-марксистов. В 1930–1931 г. ответственный секретарь журнала «Историк-марксист». Секретарь секции методологии истории при Историческом институте Коммунистической академии. Делегат конференции историков-марксистов. Преподавал в рамках курсов марксизма при ЦК ВКП(б) и в Институте красной профессуры. Многочисленные публикации по истории партии. Участвовал в подготовке 2-го и 3-го изданий собрания сочинений Ленина. В 1938 г. Был подвергнут преследованиям и казнен. Посмертно реабилитирован. Ср. Чернобаев (1993) С. 217; Кестлер (1982) С. 341.

¹²⁰ Татаров И. Попытка воскресить народничество // Известия (1929) № 307, 27.12. С. 5. В начале января 1930 г. Татаров развил свою критику. Ср. Татаров И. Несуществующий ответ на вопрос по существу // Известия (1930) № 9, 9.1. С. 5.

¹²¹ Ср. обзор: *Lenin V.I. Die Agrarfrage // Lenin V.I. Werke, 1. Auflage, Bd. 10. November 1905 – Juni 1906. – Berlin, 1958. С. 333–334.*

¹²² Мы отказываемся от содержательного изложения статей Татарова, т. к. Теодорович очень детально документирует и обсуждает аргументацию Татарова в подробно излагаемой ниже статье в «Каторге и ссылке» (1930, № 1). См. об этом ниже.

¹²³ Боярский Г. Против буржуазной идеологии. Против укрывательства Кондратевицина // Правда, 1929 271, 21.11. С. 5; Кондратьев Н.Д. Народное хозяйство СССР. – М., 1927.

¹²⁴ Боярский Г. Указ. соч. С. 5.

¹²⁵ Теодорович И.А. [Письмо в редакцию «Правды» от 22.11.1929]. – Правда (1929) 272, 22.11. С. 6; Теодорович И.А. [Письмо в редакцию «Правды» от 28.11.1929]. – Правда (1929) 278, 28.11. С. 6.

¹²⁶ Эти политически мотивированные обвинения появлялись в 1924, 1925 и в возросшем масштабе в 1927 г. Ср. Венер (1998) S. 94, 102, 238, 241–42, 324.

¹²⁷ Wehner (1998) S. 327, 328, 330, 332, 335, 346, 350, 352.

¹²⁸ Понятия, применявшиеся поначалу только левой оппозицией, были в 1928 г. целиком восприняты сталинской фракцией.

¹²⁹ Wehner (1998) S. 328, 374–375, 378. В конце 1929 г. последовало его исключение из Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

¹³⁰ *Теодорович И.А.* Тартарэн на Альпах ленинизма // КиС (1930) № 1. С. 108–127. До этого он уже написал небольшое письмо-жалобу в редакцию «Известий». Ср. *Теодорович И.А.* Письмо в редакцию «Известий» от 14.1.1930 в *Теодорович И.А.* Тартарэн на Альпах ленинизма // КиС (1930) № 1. С. 126.

¹³¹ *Теодорович И.А.* Тартарэн на Альпах, С. 114, 121.

¹³² В процессе следующего анализа основное внимание уделяется этому аспекту.

¹³³ *Теодорович И.А.* Тартарэн на Альпах, С. 109–110.

¹³⁴ Там же. С. 110–111.

¹³⁵ Там же. С. 113.

¹³⁶ Там же. С. 114–116.

¹³⁷ Там же. С. 116, 118. Напротив, Теодорович подчеркивает, что именно он защищал Ленина от Плеханова еще до Октябрьской революции. – Указ. соч. С. 122–123, 126.

¹³⁸ Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня // Правда (1930) 11, 11.1. С. 1.

¹³⁹ *Теодорович И.А.* Указ. соч. С. 118–119.

¹⁴⁰ Там же. С. 124–125.

¹⁴¹ Там же. С. 126–127.

¹⁴² Здесь 16 и 25 января, а также 4 и 9–13 февраля 1930 г. состоялись дискуссии об интерпретации истории революционного движения. Ср. *Артизов А.Н.* Указ. соч., № 2. С. 124–125; Дискуссия о Народной воле в обществе Историков-марксистов // Историк-марксист, 1930, № 15. С. 86–143.

¹⁴³ *Теодорович И.А.* О «Народной воле» // Каторга и ссылка, 1930, № 3. С. 7–44; Дискуссия о Народной воле... С. 119 сл., 137.

¹⁴⁴ *Теодорович И.А.* О «Народной воле» // Каторга и ссылка, 1930, № 3. С. 7–44. Здесь напечатаны его речи от 16.1. и 4.2.1930 г. Теодоровича в этом пункте поддержал Мицкевич // Дискуссия о Народной воле... С. 133.

¹⁴⁵ *Barber.* Op. cit. S. 99.

¹⁴⁶ *Покровский М.Н.* – в Президиум Коммунистической Академии от 16.1.1931 // *Чернобаев* (1993) С. 203.

¹⁴⁷ В 1931 г. он определил свою позицию в полемике как «борьбу на два фронта». Ср. Ярославский Е. в Секретариат ЦК ВКП(б), Президиум ЦК ВКП(б), тт. Сталину, Кагановичу, Постышеву и Андрееву от 25.6.1931. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 12. Л. 197.

¹⁴⁸ Дискуссия о Народной воле... С. 138–139. Этим объясняется также, почему Малаховский смог опубликовать свою статью в «Каторге и ссылке».

¹⁴⁹ См. также: *Ярославский Е.* Маркс, Энгельс и Ленин о «Народной воле». К пятидесятилетию «Народной воли» // Правда (1930) 30.1. С. 5.

¹⁵⁰ *Артизов А.Н.* Указ. соч., № 2. С. 125.

¹⁵¹ Ярославский Е. Покровскому М. От 25.2.1930. – *Чернобаев А.А.* (Сост.): «Я себя считаю лично уже ушедшим». Письма М.Н. Покровского. 1929–1931 // Исторический архив (1993) 4. С. 213.

¹⁵² *Фридланд Г.С.* (*Фридланд С.*) (1896–1937) – историк, специалист по всеобщей истории и Западной Европе. С 1929 г. член директората Института истории Коммунистической академии. С 1930 г. член Президиума марксистов

тов-историков. Член секции методологии истории при историческом институте Коммунистической академии. Делегат конференции историков-марксистов. После письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г.) смещен с поста директорв исторического института Университета им. Свердлова. Обвинялся вместе с Каменевым, Зиновьевым и И. Смирновым. 20.3.1937 охарактеризован в «Правде» как троцкист. 1937 подвержен преследованиям и казнен. Посмертно реабилитирован. Ср. Чернобаев (1993) С. 212; Kössler R. Op. cit. С. 330.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Покровский М.Н. Ярославскому Е.М. от 27.2.1930 г. – Чернобаев (1993) С. 194.

¹⁵⁵ Журнал «Историк-марксист» издавался в Москве в 1926–1941 гг. В 1926–1931 гг. орган Общества историков-марксистов при Коммунистической академии наук и Института истории Коммунистической академии наук. Ведущим редактором был М.Н. Покровский. Ср. Чернобаев (1993). С. 114.

¹⁵⁶ Покровский М.Н. Молотову В.М. от 3.3.1930 г. – Чернобаев (1993). С. 195.

¹⁵⁷ Там же. Покровский ссылается на статью Ярославского «Маркс, Энгельс и Ленин о “Народной воле”. К пятидесятилетию “Народной воли”» // Правда (1930) 30.1. С. 5.

¹⁵⁸ Покровский М.Н. Молотову В.М. от 3.3.1930 г. – Чернобаев (1993) С. 195.

¹⁵⁹ Ср. об этом начало письма Ярославскому, в котором он отмечает, что пересмотрел свою позицию по Чернышевскому, которую занимал в 1920 г. Здесь он «модернизировал» Чернышевского, т. е. увидел в нем российского марксиста.

¹⁶⁰ 3 февраля, прочитав стенограмму выступлений Теодоровича 16 и 25 января Покровский написал Татарову: «Провал Ивана Адольфовича совершенно ясен. Уж если человеку пришлось 40 минут доказывать существование утопического социализма(!), обойдя молчанием всю решительно аргументацию В.И. Невского, – то это даже не капитуляция, а просто бегство с поля битвы». Цит. по: Артизов А.Н. Указ. соч., № 2. С. 124.

¹⁶¹ В пользу этого говорят и тезисы Культпропа о «Народной воле», с которым запозданием опубликованные в «Правде» 9 апреля 1930 г.: Тезисы к 50-летию «Народной воли» // Правда, 1930, 9.4. С. 4. Зеленов дает убедительное описание обращения Покровского с партийными инстанциями и его тесные связи с партийным аппаратом. Зеленов М.А. Указ. соч.. С. 407–419.

¹⁶² Цит. по Barber. Op. cit. С. 97.

¹⁶³ Покровский М.Н. Очередные задачи историков-марксистов. Доклад на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.3.1930 // Историк-марксист, 1930, № 16. С. 13.

¹⁶⁴ Тезисы к 50-летию «Народной воли» // Правда (1930) 98, 9.4. С. 4.

¹⁶⁵ Артизов А.Н. Указ. соч., № 2. С. 126.

¹⁶⁶ Горин П. В Секретариат ЦК ВКП(б). Копия в Культпроп и ЦК ВКП(б) и М.Н. Покровскому. 21.4.1931. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 2. Л. 188–192. Ярославский сообщает, что оно потребовал назвать имена и тех, – из контекста явствует, что речь идет о Покровском, Татарове и Горине. М.Ю. – кто

совершил ошибки в вопросе «Народной воли». Поэтому он был против того, чтобы в резолюции (имеются в виду тезисы ЦК от 9 апреля 1930 г. М.Ю.) заклеили позором одного лишь Теодоровича. Ср. Ярославский Е. в Секретариат ЦК ВКП(б), Президиум ЦКК ВКП(б), тт. Сталину, Кагановичу, Постышеву и Андрееву от 25 июня 1931 г. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 12. Л. 197. Ярославский редактировал прежде всего тезис V, в котором народо-вольцы характеризовались и как демократы, и как утопические социалисты. По данным Теодоровича, Ярославский не оказал прямого влияния на тезис IV, в котором сторонники «Народной воли» выступают исключительно как демократы. Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции 3-го Пленума ЦС ОПК от 16.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 137.

¹⁶⁷ Ср. Протокол 6 партгруппы Президиума ЦС ОПК от 1.2.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 25–26; Протокол 2 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 23.1.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 10.

¹⁶⁸ Тезисы к 50-летию «Народной воли» // Правда (1930) 98, 9.4. С. 4.

¹⁶⁹ Там же; Дискуссия о «Народной воле». – М., 1930. С. 1.

¹⁷⁰ *Ярославский Е.* Недоразумение ли? Ответ тов. Теодоровичу // Большевик, 1930, № 3–4. С. 121–126. Мнение Ярославского было ответом на письмо Теодоровича в журнал «Большевик» (см. об этом ниже), в котором он остановился на выступлениях Ярославского якобы в его защиту. Ср. *Теодорович И.А.* Надо расеять недоразумение // Большевик, 1930, № 3–4. С. 116–121.

¹⁷¹ *Frankel J.* Op. cit. С. 593 f.

¹⁷² *Покровский М.Н.* По поводу юбилея «Народной воли» // Историк-марксист, 1930, № 15. С. 74–143.

¹⁷³ *Татаров И.* Право-оппортунистическая апология «Народной воли». По поводу книги И.А. Теодоровича – Историческое значение партии «Народной воли», 1930, из-во Политкаторжан // Историк-марксист, 1930, № 18/19. С. 185–200.

¹⁷⁴ Записка М.Н. Покровского – в Секретариат ЦК ВКП(б) от 5.2.1931. – *Чернобаев* (1993) С. 206.

¹⁷⁵ *Теодорович И.А.* Историческое значение партии «Народной воли». – М., 1930. О «запрете» Ср. Протокол / Стенограмма заседания коммунистической Фракции ОПК от 20.11.1930. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 263.

¹⁷⁶ Минц И.И. (1896–1992) – член партии с 1917 г. Во время Гражданской войны политработник в Красной Армии. В 1926 г. закончил Институт красной профессуры. Автор работ по истории партии, истории дипломатии, международной истории, Октябрьской революции и Гражданской войны. Член Общества историков-марксистов. С 1946 г. академик. Один из наиболее авторитетных историков Советского Союза. Ср. *Чернобаев* (1993) С. 215; *Kössler* (1981) S. 336.?

¹⁷⁷ Ср. *Артюзов А.Н.* Указ. соч., № 2. С. 125, 133; *Вейрау* (1993) S. 46.

¹⁷⁸ Это показали исследования в его личном фонде в РГАСПИ.

¹⁷⁹ Только в октябрьском номере он впервые был назван и ответственным редактором «Каторги и ссылки». Ср. КиС, 1929, № 10.

¹⁸⁰ По поводу поддержки со стороны Мицкевича ср. Дискуссия о Народной воле. С. 133.

¹⁸¹ *Enteen G.M.* Op. cit. С. 118 f; *Venturi F.* Le intellectuels, le peuple et la révolution. Histoire du populisme russe au XIX siècle. – Paris, 1972. С. 17.

¹⁸² *Barber J.* Soviet Historians in Crisis. 1928–1931. – London, 1981. 89ff.

¹⁸³ См. об этом также главу II «УГРОЗА ЗАКРЫТИЯ (1922 г.)».

¹⁸⁴ Тезисы к 50-летию «Народной воли». – Правда (1930) 9.4. С. 4. Покровский даже начал свое заявление по поводу «Народной воли» с выражения своего непонимания тем, что именно 50-я годовщина «Народной воли» вызвала столь большое внимание. По мнению Покровского были и другие, куда более важные юбилеи, непосредственно связанные с историей партии большевиков. Ср. *Покровский М.* По поводу юбилея... С. 74.

¹⁸⁵ Ср. обзор в: *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 1–29.

¹⁸⁶ В особенности о значении «Народной воли» ср. там же. С. 291–334; *Валк С.Н.* Революционное народничество. Сборник документов и материалов 70-х годов 19 века. Том 1–2, 1964–1965. Ср. в особенности Т. 2. См. также *Naimark N.M.* Terrorists and social democrats. The Russian revolutionary movement and Alexander III. – Cambridge, 1983.

¹⁸⁷ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 296 и сл. Дальнейшие темы, уже затрагивавшиеся в «Каторге и ссылке» – привлекательность «Народной воли» для молодежи ввиду романтически преображенной притягательной силы террора или вопрос о том, можно ли действительно рассматривать террор только как реакцию на репрессию со стороны царской власти (*Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 309) или как основную программу.

¹⁸⁸ *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 12.

¹⁸⁹ См. в этой связи автобиографию Теодоровича, которую он написал в середине 20-х гг.: «И в практической работе, и в литературной деятельности я служил одной цели – пропаганде идей великого революционера, моего учителя. И если чем я горжусь, так только тем, что одним из первых я почувствовал гений Ленина и встал под развернутое им знамя». Ср. Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь. – М., 1989 (Репринт). С. 716.

¹⁹⁰ Мицкевич поддепживал Теодоровича и в связи с этой критикой. Ср. Дискуссия о Народной воле. С. 133.

¹⁹¹ Среди исследователей господствует согласие о том, что оценка «Народной воли» Лениным и Плехановым несущественно отличались друг от друга. Теоретический контекст и корни полемики вокруг значения народничества для марксизма лучше всего представлены у *Frankel J.*: Party Genealogy and the Soviet Historians. 1920–1938 // *SlavicReview* (1966) 4. С. 563–603. Ср. также *Троцкий Н.А.* Указ. соч. С. 12.

¹⁹² В противовес Теодоровичу он характеризовал сторонников «Народной воли» и как буржуазных демократов. Ср. Дискуссия о Народной воле (1930) С. 103.

¹⁹³ Ср. об этом главу IV «УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.)».

¹⁹⁴ Дискуссия о «Народной воле». С. 86–103.

¹⁹⁵ Ср. выступления Татарова, В. Малаховского, Горина и М. Савельева: Дискуссия о «Народной воле». С. 124, 128 и сл., 137, 143.

¹⁹⁶ Скепсис Теодоровича в отношении Плеханова был обоснован политическими, а не теоретическими соображениями.

¹⁹⁷ *Beyrau* (2000) S. 19.

¹⁹⁸ Покровский характеризовал критику в адрес своей исторической концепции в декабре 1929 г. как «атака с правого фланга». Цит. по: *Армизов А.Н.* Указ. соч., № 1. С. 94.

¹⁹⁹ *Армизов А.Н.* Указ. соч. № 2. С. 125.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ *Kössler R.* Op. cit. С. 285.

²⁰² Тем самым отнюдь не должна быть преуменьшена ценность оригинальной интерпретации марксизма, предложенной Теодоровичем, тем более ее критиковали Покровский и его ученики, а также партия только по политическим и идеологическим причинам. По поводу политических и идеологических причин пренебрежения большевиками теоретическими предложениями Маркса по решению крестьянского вопроса ср. *Kössler R.* Op. cit. С. 149.

²⁰³ В середине 1929 г. в отличие от первоначально планировавшейся 20%-ной коллективизации было принято решение о сплошной коллективизации. Ср. *Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivisation. – London, 1968. С. 353ff.

²⁰⁴ По поводу оценки мелкотоварных производителей ср. *Negt O.* Marxismus als Legitimationswissenschaft. Zur Genese der stalinistischen Philosophie, in: Nikolai Bucharin, Abram Deborin. Kontroversen über dialektischen und mechanistischen Materialismus. Eingeleitet von Oskar Negt. – Frankfurt a.M., 1974. С. 17.

²⁰⁵ *Kössler R.* Op. cit. С. 142ff; *Алексеева Г.Д.* Народничество в России в XX в. Идеинная эволюция. – М., 1990. С. 18–47.

²⁰⁶ В его тексте 1933 г. о Карле Марксе об этом, правда, больше не было речи. Ср. *Теодорович И.А.* Карл Маркс и революционное движение в России // *КиС.* 100 (1933) 3. С. 7–81.

²⁰⁷ *Теодорович И.А.* Историческая заслуга народофильства [Речь 30 декабря 1929 г. в Ленинграде]. – XXX (1929) S. 112.

²⁰⁸ См. статьи Е. Газганова и С. Фридлянда. Ср. Дискуссия о Народной воле в обществе Историков-марксистов. – Историк-марксист (1930) 15. С. 130–133, 136–137. Ср. также: *Генкина Э.В.*: Ленин о революционном народничестве // Пролетарская революция, 97–98 (1930) 2–3. С. 29–61; *Генкина Э.В.* Товарищ Теодорович в плену у народнической методологии // Пролетарская революция, 104 (1930) 9. С. 157–168. Это молодое поколение историков было менее заинтересовано в открытых дебатах как единственной возможности взаимного контроля и корректировки на зыбкой почве истории, стремясь скорее заставить замолчать Теодоровича. Здесь нельзя не увидеть большого влияния Батурина.

²⁰⁹ Необходимо, правда, дополнить, что Ярославский в согласии с учениками Покровского отверг изображение концепций Ленина Теодоровичем как конгломерат идей, развивавшихся или рассматривавшихся уже ранее.

²¹⁰ Ср. жалобу М.А. Морейнис: Протоколы заседаний IV Пленума ЦС ОПК от (29. – 31.12.1927) Л. 303об. Ср. также главу VI «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)».

²¹¹ В статье в «Каторге и ссылке» в начале 1929 г. Теодорович пишет: «[...]», что истинными наследниками лучших сторон народофильства были

мы, революционные марксисты, а не социалисты-революционеры». Ср. *Теодорович И.А.* Якутские протесты 1889 и 1904 годов // КиС. 52 (1929) С. 18.

²¹² Ярославский Е.М. Письмо Енукидзе о включении Теодоровича в список членов и кандидатов ЦИК СССР (автограф) 23.5.1929. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 3. Д. 233. Л. 1–2. С принятием в ЦИК, согласно объяснению Ярославского, должен был быть повышен авторитет Теодоровича в Крестинтерне.

²¹³ Докладная записка М.Н. Покровского в ЦК ВКП(б). Проект. Декабрь 1930. – Чернобаев (1993) 201–202.

²¹⁴ Горин П. В Секретариат ЦК ВКП(б). Копия в Культпроп и ЦК ВКП(б) и М.Н. Покровскому. 21.4.1931. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 2. Л. 188–192. Ср. также рекацию Ярославского на это письмо. Ярославский Е. в Секретариат ЦК, в т. Сталина. Копия Постышеву и Президиуму ЦКК в т. Андреева [написано после 23.5.1931]. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 2. Л. 177–178. В данном случае становится очевидно, что Ярославский так понимает критику в адрес Горина, что он является «покровителем оппортунистических элементов» в ОПК. Но Ярославский признает также, что его деятельность в качестве «старосты» ОПК должна была вызвать критику со стороны любого члена партии. Со своей стороны, однако, он упрекает Горина в «групповщине» с Фридляндом, который до 1921 г. был сионистом, и с Татаровым, который, в свою очередь, до 1927 г. был троцкистом и зиновьевцем. Он просит создать комиссию ЦК и ЦКК по этому делу. Там же.

²¹⁵ Ср. об этом *Артизов А.Н.* Указ. соч., № 2. С. 129–139.

²¹⁶ *Ольминский М.С.* Ярославскому Ем. М. от 6.6.1931. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 27. Л. 6. Ср. также сопроводительное письмо Ярославского: Ярославский Ем.М. Ольминскому М.С. от 5.6.1931. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 27. Л. 3. Горин ссыался на следующую рецензию Ольминского: *Ольминский М.С.* Ответ т. Ярославскому // Пролетарская революция, 1930, № 11. С. 188.

Глава VIII

ПОПЫТКА СПАСТИ ИДЕНТИЧНОСТЬ (1931 г.)

С дискуссией о «Народной воле» ОПК, несомненно, проявило свой многие годы непрерывно формировавшийся потенциал. Оно служило платформой для широкой дискуссии среди марксистских историков о методе и содержании изучения революционного движения. Партия ограничилась при этом позицией третейского судьи, позволив оппонентам под наблюдением только что созданного в 1930 г. Культпропотдела ЦК разработать официальное заявление о «Народной воле»¹.

Как же реагировало ОПК на нараставшие усилия партии, имевшие целью уже не один только контроль в порядке реагирования над советскими историками, результатами их деятельности и соответствующими учреждениями, но и надежное активное управление ими посредством установления жестких идеологических и содержательных директив на пользу партии и государству и тем самым принципиальное воспрепятствование дискуссиям со спорными точками зрения вокруг революционного прошлого?² Могло ли оно что-либо противопоставить развитию, шедшему от цензуры запретов к цензуре заповедей и огосударствлению истории с помощью двойного пакета директивной и дополнительной цензуры?³

1. Политическое давление на И.А. Теодоровича

Уже до письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»⁴ усилилось политическое давление на ОПК и его руководство, в особенности на Теодоровича. В ноябре 1930 г. в

коммунистической фракции Центрального совета ОПК был осуществлен его вывод из Президиума Центрального совета. Ярославского проинформировали о происходившем⁵. Отправной точкой стал арест многих бывших сотрудников Наркомзема, прежде всего Кондратьева, 19 июня 1930 г.⁶ В августе 1930 г. председатель ОГПУ В.Р. Менжинский проинформировал секретаря ЦК Молотова о раскрытии и ликвидации контрреволюционной «Трудовой крестьянской партии»⁷. Кондратьев фигурировал в качестве председателя ЦК этой партии. Но его бывшему «патрону» Теодоровичу Сталин в начале августа в письме Молотову отвел роль связующего звена между этой партией и правым уклоном (Бухарин, Рыков и Томский).

«Я думаю, что следствие по делу Кондратьева–Громана–Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК. Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бух[арин], Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»⁸.

Месяцем позже Сталин прямо атаковал Теодоровича:

«Насчет привлечения к ответу коммунистов, помогавших громанам-кондратьевым, согласен, но как быть тогда с Рыковым (который бесспорно помогал им) и Калининым (которого явным образом впутал в это “дело” подлец-Теодорович)? Надо подумать об этом»⁹.

Трудности для Теодоровича, вытекавшие отсюда, должны были между тем обостриться настолько, что уже в ноябре его место в Президиуме ОПК было в обсуждении¹⁰. 12 ноября 1930 г. он в свое оправдание направил двухстраничное заявление коммунистической фракции Центрального совета ОПК, в котором главным образом говорил о деле Кондратьева¹¹.

В этом документе Теодорович показывает себя ошеломленным материалами по Трудовой крестьянской партии и Промпартии, опубликованными советскими органами¹², говорит о «яростной ненависти» специалистов (инженеров, техников, агрономов и экономистов) к пролетариату, который победоносно борется за свое окончательное освобождение. Специалисты мечтают о том, что подготовленная ими в стране и за ее пределами «империалистическая интервенция» «прольет кровь нашей страны» и восстановит господство помещиков и капиталистов. При этом они использовали свои знания и дарования ради «вредительской дея-

тельности» и употребляли их на пользу империалистов, «нэпманов» и кулаков:

«Ныне их каинова работа разоблачена, они сознательны в своих преступлениях и преданы пролетарскому суду»¹³.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Теодорович, занимая такую позицию, схематически следует стилю распространявшихся в «Правде» обвинений против как буржуазных, так и социалистических, но не связанных с большевиками, специалистов.

Напротив, Теодорович действует очень дифференцированно в том, что касается его осуществлявшегося к тому времени уже три года назад сотрудничества как раз с этими специалистами и в особенности с Кондратьевым в его бытность между 1923 и 1927 гг. начальником управления сельскохозяйственной экономии и политики Наркомзема РСФСР. Он в принципе разъясняет, что поддержание тесного контакта со специалистами соответствовало сущности ведомства сельскохозяйственного планирования. Правда, сотрудничая со специалистами, он следовал указанию Ленина о соблюдении величайшей осторожности, о необходимости учиться у них и помогать им расширять свой горизонт. Им двигала надежда на то, что многие из этих людей раньше или позже перейдут в лагерь пролетариата. Разумеется, он изо дня в день наблюдал их колебания между сомнениями и примирением, но при этом всегда надеялся, что в конце концов сами о себе скажут такие факты, как успехи нашего социалистического строительства и нашей политики и стратегии¹⁴.

Особую осторожность Теодорович проявляет, если речь идет о признании ошибок. Он признает, что слишком широко истолковал границы нэпа и идею Ленина «об использовании капитализма как звена цепи между мелким производством и социализмом». Иными словами, Теодорович подчеркивает, что он вступил на верный путь, но не включил с необходимой осторожностью в рассмотрение констатировавшиеся уже Лениным опасности нэпа. Эту ошибку использовал впоследствии «классовый враг».

Таким образом Теодорович защищается от утверждения о своих принципиальных ошибках или отклонения от генеральной линии партии. Кроме того, его аргументация дает ему возможность исключить сознательное допущение теоретических и практических ошибок. Он констатирует, что *субъективно* делал для партии максимум возможного, *объективно* же против своей воли и своего намерения давал «врагу» возможность «попытаться» начать его маневры.

«Субъективно я смотрел на подъем индивидуального крестьянского хозяйства, как на средство, только средство для развития социалистической индустрии, о чем и писал всегда в своих брошюрах; объективно я давал возможность классовому врагу смотреть на этот подъем, как на самоцель со всеми вытекающими отсюда выводами о крестьянской партии, о ее борьбе с коммунистической партией и т. д.»¹⁵.

Смягчающие формулировки и особенно указание на то, что он дал классовому врагу «возможность» переосмыслить содействие индивидуальному крестьянскому хозяйству, восприняв его не как средство, а как цель, хотя и подчеркивают опасности нэпа, но оставляют открытым вопрос о том, действовали ли специалисты действительно в 1923–1927 г. описанным образом.

Затем Теодорович описывает указанные опасности как уже устраненные и представляет себя как честного коммуниста, который в 1928 г. был своевременно наказан партией, но давно уже усвоил ее урок. Он подчеркивает, что партия благодаря правильной интерпретации нэпа разгромила «маневры врага» и предотвратила «величайшую опасность», которая угрожает диктатуре пролетариата. В январе 1928 г. он был смещен с поста начальника Земплана (Наркомзема РСФСР), назначен генеральным секретарем Крестинтерна и оставлен в должности директора Международного аграрного института. Он сообщает также, что прекратил всякий контакт с указанными специалистами и всеми силами выступал за генеральную линию партии, будь то в форме созыва европейского крестьянского конгресса, посредством публикации статей в журнале «Аграрные проблемы» и в речах в Коминтерне и на пленумах ИКК.

Единственную ссылку на ОПК можно найти в следующем разделе. Речь идет о 17 годах, которые Теодорович провел в накаторге, в тюрьме и ссылке. Они должны были служить доказательством его безусловной тесной связи с большевиками, от которой он не отрекался и в этих трудных обстоятельствах. Только вслед за тем Теодорович упоминает о сложении с себя обязанностей народного комиссара продовольствия в октябре 1917 г. как о первой ошибке на своем 35-летнем пути в рядах большевиков: он полагал тогда, что страна еще не созрела для социалистического переворота. Но и здесь Теодорович настаивает на том, что его вина только относительна. Он не боролся за свои тогдашние взгляды, а «беспрекословно» подчинился партийной дисциплине.

Окончание заявления еще раз подытоживает в патетической форме стратегию его аргументации:

«Признавая эти обе ошибки, я надеюсь, что имею моральное право сказать, что ни о чем другом не думаю, как о возможности отдать все мои знания, силы и способности для торжества родной партии над полчищами ее врагов в труднейшую пору ее жизни и для победы в деле строительства социализма»¹⁶.

Признание обеих ошибок превращается в дополнительное заявление о лояльности своей «родине», партии большевиков.

Письмо Теодоровича – это, однако, нечто большее, нежели только попытка спасти за счет специалистов-аграрников свои и без того уже весьма ослабленные позиции в Крестинтерне и в ОПК. Оно предназначалось и не только для того, чтобы убедить коммунистическую фракцию ОПК в том, что в Президиуме Общества видное место занимает надежный в политическом отношении и верный линии большевик. Письмо – это и политическое выступление в пользу нового экономического и политического курса партии. Он без проверки воспринимает опубликованные материалы против специалистов как факт и формирует на этой основе идеологическое обоснование необходимости ликвидации нэпа. Тем самым он поддерживает и затушевывает цель генеральных проектировщиков линии партии – использовать арест специалистов-аграрников в качестве байпаса для второго толчка приостановившейся весной-летом 1930 г. коллективизации сельского хозяйства. Таким образом Теодорович приспосабливается к новым политическим условиям.

Тем не менее структура его заявления дает повод предположить, что он разглядел политическую тактику партийной верхушки: критики начатого курса должны были быть исключены, тем более что их прогнозы более чем оправдались и накапливались первые признаки кризиса снабжения, которые нельзя было не заметить¹⁷.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Теодорович не оснащает свои обвинения в адрес специалистов-аграрников личными данными и доносами¹⁸. Он применяет исключительно материалы о возросшей активности классового врага, предоставленные руководством партии¹⁹. Только это руководство он и считал вправе говорить ему об ошибках во время его работы в Наркомземе²⁰. На той же аргументации основано его идеологическое обоснование отхода от нэпа. Тем самым остается открытой в теоретическом отношении возможность восприни-

мать «преступления» специалистов как конструкт, созданный руководством партии или ОГПУ.

Факт, равным образом снимающий обвинения с Теодоровича, заключается в том, что он ставит под сомнение преступления, совершенные специалистами, подчеркивая, что партия полностью контролирует ситуацию благодаря своевременному реагированию. Это следует истолковать как намек партийному руководству – обращаться со специалистами-аграрниками, проявляя надлежащее милосердие.

Заявление Теодоровича показывает, далее, что для него принципиальная линия ОПК, выразившаяся, например, в оценке «Народной воли», не ставилась под сомнение.

Теодоровича не сняли со своих руководящих постов в ОПК. Правда, это уже не было непосредственным правом на принятие решений коммунистической фракции ОПК. Напротив, Ярославский, после того, как ему в качестве старосты Общества было представлено письмо Теодоровича, сразу же принял на себя дальнейший сценарий. Он на свой лад помог Теодоровичу. Заявление Теодоровича дало ему повод и далее повысить цену своего сохранения на руководящем посту в ОПК. Ярославский вставил в заявление обстоятельные исправления и посоветовал Теодоровичу существенно улучшить «использование этого документа в интересах партии»²¹. В предлагаемой редакции он не соответствовал мнению коммунистической фракции ОПК.

В четырех пунктах Ярославский требует существенных уступок. Теодорович должен, во-первых, признать прямые ошибки, допущенные во время его работы в Наркомземе, а именно «недостаточную бдительность», так что сторонники Кондратьева объективно могли использовать аппарат Наркомзема в своих «вредительских целях» и для своей «буржуазно-реставраторской пропаганды». Теодорович должен, однако, не только самого себя обвинить в этих ошибках, но и уличить в них «других сотрудников Наркомзема». Особенно опасным было желание Ярославского, согласно которому Теодоровичу надлежало признать, что во время его работы в Наркомземе сторонникам Кондратьева удалось вести «пропаганду», т. е. открыто агитировать за свои цели. Во-вторых, Ярославский хочет видеть вышеупомянутый пункт связанным с выражением мнения по поводу последовавшей в ноябре 1929 г. критики редакции «Правды» в адрес нейтральности его отзыва о переиздании книги Кондратьева²².

Ф. Кон, М. Горький, Ем. Ярославский начало 30-х годов. О Емельяне Ярославском. Воспоминания, очерки, статьи (Сост. П.С. Фатеев, В.В. Королев). Москва 1988. Иллюстрации

В третьем пункте речь идет об общем признании того, что обе большие ошибки, упомянутые Теодоровичем, были своевременно классифицированы партией как «правооппортунистические» и он видит теперь свою обязанность в том, чтобы «активно и решительно бороться против оппортунизма всякого рода, в том числе против главной опасности – правого оппортунизма [...]»²³.

В четвертом пункте Ярославский полностью отклоняется от линии аргументации Теодоровича, дополнительно требуя от него полной капитуляции в дискуссии об историческом значении «Народной воли», а именно в точном соответствии с позицией, сформированной Ярославским в журнале «Большевик» в апреле 1930 г.²⁴ При этом он вкладывает в уста Теодоровичу следующие слова:

«[...] а также правильными ряд указаний, делавшихся мне в период дискуссии “О Народной Воле”, – именно указания на то, что я делал слишком далеко идущие аналогии народовольчества с большевизмом, тем самым давая повод к обвинениям меня, что я смазываю принципиальную разницу между народничеством и большевизмом, представляющими идеологии разных классов»²⁵.

Теодорович не позволил, однако, Ярославскому заставить себя существенным образом отказаться от своей стратегии. В отношении первого пункта, упомянутого Ярославским, он исключает понятие «пропаганда», заменяя его «программой». В виде ошибки больше не появляется его личная «недостаточная бдительность» – речь идет о «доверии специалистам». Он полностью вычеркивает отсутствующее управление, а «недостаточная бдительность» смягчается, превращаясь в общую формулировку об «ослаблении большевистской бдительности». Обвинение в адрес «других сотрудников Наркомзема» он полностью удаляет²⁶.

Точно также Теодорович не принимает связи двух первых пунктов критики, которой требует Ярославский. Он перемещает второй пункт критики в конец письма, а именно вслед за перечислением примеров своей неутомимой работы ради осуществления новой линии партии после 1928 г. В результате этого существенно, хотя и косвенным образом, ставится под сомнение его уступка, в соответствии с которой осуждение в «Правде» было оправданным²⁷.

К классификации обоих своих ошибок как «правого оппортунизма», чего Ярославский требовал в пункте третьем, Теодорович придает смягчающее дополнение, в соответствии с которым это были ошибки, касавшиеся «характера» правого оппортунизма.

Вместе с ограничительной оговоркой о том, что он «никогда» не разделял главнейших положений правого уклонизма» и благодаря полному принятию заключительной формулировки Ярославского, в соответствии с которой он считал своей обязанностью активно и решительно бороться против любого вида оппортунизма, включая и «правый оппортунизм», его заявление и в этом пункте снова оказывается на линии, избранной им с самого начала²⁸.

Особенно же интересным представляется, что Теодорович полностью игнорировал четвертый и последний пункт. Он не был намерен признавать ошибки в ходе полемики вокруг «Народной воли». Такое признание не только формально помешало бы его концепции защиты, но и подвергало бы опасности его позицию в Обществе как избранное им место ухода из политики. Можно было бы предположить, что Теодорович был в состоянии позволить это себе, так как этот пункт не являлся целью Сталина. Только идея Ярославского заключалась в том, чтобы и здесь потребовать от Теодоровича заявления о лояльности.

Представляется, что одновременно с «улучшением» заявления Теодоровича Ярославским появилась и идея опубликовать его в «Правде» в виде официального документа. Не поддается установлению, произошло ли это по инициативе Ярославского, во всяком случае, Теодорович послал этот текст уже 14 ноября 1930 г. Л.З. Мехлису, редактору «Правды», а 18 ноября «товарищу Сталину»²⁹. Экземпляр получил и Ярославский³⁰. Официальным адресатом по-прежнему оставалась, однако, коммунистическая фракция ОПК. Со своей стороны, Ярославский в тот же день обсудил со Сталиным заявление Теодоровича и 18 ноября послал Теодоровичу краткую записку³¹. Отсюда можно усмотреть, что Сталин придавал особое значение внешнему воздействию авторитарного характера руководящих органов ВКП(б) и, соответственно, маскировке этого воздействия. Теодорович должен был отказаться писать, что ЦК «назначил» его генеральным секретарем международной организации, Крестинтерна, и «созывает» международные конгрессы³². Ярославский, в свою очередь, настаивает на том, что Теодорович встречается с коммунистической фракцией и не должен ограничиваться публикацией заявления в «Правде».

В заключение Ярославский разъясняет в письме руководителю коммунистической фракции ОПК, Я. Шумяцкому, что Сталин

лично занимался этим делом и считает правильным публикацию заявления Теодоровича в «Правде». Ярославский подчеркивает, что, на его взгляд, ввиду написания заявления нет больше необходимости выводить Теодоровича из Президиума ОПК³³. 22 ноября в «Правде» появилось заявление Теодоровича, правда, без какой бы то ни было ссылки на ОПК³⁴.

Уже 20 ноября Теодоровичу пришлось лично отвечать на вопросы коммунистической фракции ОПК³⁵. Заседание превратилось в перекрестный допрос.

Сначала Теодорович зачитал свое заявление коммунистической фракции, затем дал другие дополнительные справки.

Теодорович сообщает, что ему приходится оправдываться перед ЦК, ЦКК и ГПУ в том, что он поддерживал тесное знакомство с Кондратьевым, а также защищал его в печати.

Теодорович убежден в том, что Кондратьев до 1929 г. был лояльно настроен к советской власти. Только в 1928 г. Кондратьева посетили сомнения в нашей прочности, и он счел, что большевики потерпят крах.

Ему самому стало ясно только в 1929 г., что он ошибался в Кондратьеве. Вслед за тем он прекратил свои отношения с Кондратьевым. Кроме того, он не принял на работу в Международном аграрном институте и в Крестинтерне ни одного буржуазного специалиста, хотя они настойчиво просили его об этом³⁶.

Теодорович не дал сбить себя с толку и когда зашла речь о его позиции в вопросе «Народной воли»:

«Это вопрос не политический, это вопрос исторический, научный. [...] Поскольку этот вопрос соприкасается с политикой – я признаю все теоретические выводы верными. Но поскольку это научный вопрос, постольку мы имеем право сказать с гордостью, что наша Партия дает для научного исследования полный простор»³⁷.

Тем не менее он подчеркивает, что поначалу отсрочил полемику по совету ЦК ВКП(б), так как «вокруг этого спора разгорелись политические страсти»³⁸.

Обвинения отдельных членов коммунистической фракции в адрес Теодоровича были разнообразны и многогранны.

Шумяцкий сообщает, что Кондратьев в своих показаниях характеризовал Теодоровича как своего единомышленника и утверждал, что он знал о его деятельности. Кроме того, он конста-

тировал, что и ЦК включил дискуссию о «Народной воле» в свою критику Теодоровича³⁹.

Среди присутствующих был поставлен вопрос, как это Теодорович не передал дальше письмо, в котором он был предупрежден по поводу Кондратьева⁴⁰.

Я.С. Лесневский (СДП и Литовская партия большевиков, ВКП(б)) хотел бы иметь доказательства того, что Кондратьев был лоялен до 1928 г.⁴¹ Другой располагает информацией о том, что Кондратьев уже с 1926 г. руководил «Трудовой крестьянской партией»⁴².

Г.А. Мучник (РСДРП(б), ВКП(б)) спрашивает, почему Теодорович был в 1918 г. в Сибири за освобождение от наказания колчаковского судьи Лаппо⁴³.

Крамаров договаривается до утверждения о том, что Теодорович свернул на буржуазную линию Кондратьева. Он виновен в умышленном разглашении информации о внутривнутрипартийных делах, так как информировал Кондратьева о работе в определенных партийных органах.

А. Кузьмина⁴⁴ находит недостаток в том, что Теодорович хотя и признает ошибки, но все время защищается в конкретных случаях⁴⁵.

Кон требует «прекратить демобилизацию и приступить к бою». Как и другие ораторы до него и вслед за ним, он напоминает о простом, понятном массам подходе: признание ошибок без деления на субъективное и объективное⁴⁶.

Шумяцкий дополняет сказанное Коном, упрекая Теодоровича в отрыве от масс. Как показывает образование Теодоровича и развитие его интеллекта, он принадлежит к ясно думающей аристократии и с полным основанием был охарактеризован «Ильичом» [Лениным] как «любимый ученик». Но в практической работе ему следовало бы быть ближе к массам⁴⁷.

Следуя Ярославскому, Мицкевич приступает теперь к критике линии аргументации Теодоровича. Он упрекает Теодоровича в том, что тот в идеологическом отношении попал под влияние специалистов и тем самым совершил политическую ошибку. Тем самым он не формально, а объективно был приверженцем «правой оппозиции»:

«Нужна гораздо большая самокритика. Сейчас мы находимся в таком периоде, когда такими заявлениями Партия удовлетвориться не может»⁴⁸.

Кроме того, Мицкевич и здесь взывал к сценарию, конечно, представлявшему собой искусственную конструкцию, созданную

советским государством, внешней угрозы, которую создавали специалисты и которую не распознал Теодорович. Принцип, в соответствии с которым техническая интеллигенция лояльна и так же, как и при царизме, неспособна к активной контрреволюционной работе, оказался ошибочным. Интеллигенция, по словам Мицкевича, переродилась и начала борьбу против нас, так как мы ставим под сомнение ее существование как класса. Мицкевич признает, однако, что это оказалось неожиданностью и для него, став ясным только с «Шахтинским делом»^{49 50}.

Хотя Теодорович и смог в каждом отдельном случае опровергнуть выдвигавшиеся против него обвинения, он все же увидел себя принужденным вновь доказывать свою правдивость подробным признанием своих политических ошибок⁵¹. Такова была цена, которую коммунистическая фракция требовала за дело, и без того уже решенное на высоком политическом уровне.

Вслед за тем подготовленная резолюция была отложена и назначена комиссия, которой надлежало разработать новую.

Было бы, однако, ошибочно утверждать, что Теодорович смог сохранить свое место в ОПК только благодаря заявлению в «Правде» и выступлению в коммунистической фракции ОПК. Положительное воздействие оказал отказ Сталина в конце сентября 1930 г. от его намерения расстрелять для «укрепления советской власти» Кондратьева и других экономических и финансовых экспертов. Он счел опасным даже организацию процесса. Вместо этого арестованные специалисты просто исчезли в тюрьмах, лагерях и местах ссылки⁵². Сталин «рекомендовал» предоставлять для опубликования в печати только специально обработанные протоколы допросов⁵³. Кроме того, сопротивление партии второму и решающему усилию по осуществлению коллективизации очень быстро потерпело крах⁵⁴.

К тому же во время допросов ОГПУ Кондратьев не изобличал Теодоровича в соответствии с функцией посредника между специалистами и правой оппозицией, как утверждал Сталин, а, напротив, поддерживал версию, сформулированную Теодоровичем в заявлении в адрес коммунистической фракции. Согласно Кондратьеву, Теодорович считал позицию правых беспринципной, а линию бесперспективной. Руководители «правой оппозиции», по его мнению, лично неспособны направлять большие события. Наряду с этим Теодорович утверждал, «что он психологически не заинтересован в нынешней борьбе, он куда охотнее посвящает

себя научно-исторической работе в области истории революционного движения, которая его особенно интересует»⁵⁵.

2. Исправление содержания, метода и направленности исторической исследовательской работы

Теодорович оставался на жестких позициях в отношении Ярославского и коммунистической фракции ОПК, не отказываясь и в трудной для себя политической ситуации осени 1930 г. от своих тезисов о «Народной воле». В самом же ОПК он мог всецело посвятить себя работе редактора и руководителя Общества, тем более что в начале 1931 с утратой позиции в Крестинтерне он лишился и последней маргинальной политической опоры⁵⁶. Хотя он и не мог воспрепятствовать начавшемуся в 1931 г. переустройству ОПК в пропагандистский институт партии, но был в состоянии, находясь на заднем плане, участвовать в формировании Общества и тем самым тормозить этот процесс.

Серьезные структурные преобразования линии ОПК начались в 1931 г. как следствие усилившейся с 1929 г. и на этот раз подкрепленной общим политическим климатом критики исследовательской работы ОПК в области истории. При этом особенно выделялись не школа Покровского, сконцентрировавшаяся на личности Теодоровича, а поддерживавшиеся Ольминским историки из окружения журнала «Пролетарская революция», а именно А. Бур и И.О. Розенталь⁵⁷. Но и в этом случае снова именно Теодорович разрабатывал реакцию ОПК на нападки.

Так, после доклада, с которым Теодорович выступил на IV Всесоюзном съезде⁵⁸ ОПК (15–20 апреля 1931 г.) на тему «О задачах и перспективах исторической исследовательской работы ОПК», было принято решение о следующих основных положениях, отмеченных стремлением, несмотря на напряженную политическую и экономическую ситуацию, сохранить идентичность ОПК⁵⁹.

Исследование истории революционного движения недвусмысленно объявляется мероприятием флангового прикрытия для политики партии, направленной на коллективизацию и индустриализацию. Исторический опыт должен стать материалом, который служит «воспитанию» и «ориентации масс» и «их актива»

и «закаляет» их для преодоления трудной нынешней ситуации. Следует пояснить, как были достигнуты революционные идеи и начата революционная классовая борьба, определяющие современный этап⁶⁰. Соответственно этому с помощью «Культпропотдела» ОПК общие политические кампании партии и правительства должны связываться с опытом революционного прошлого. Со своей стороны, содержание программы «Культпропотдела» ОПК должно было развиваться прямо на основе планов ВКП(б) и в непосредственном контакте с профсоюзами⁶¹.

Наряду с усиленной популяризацией результатов своей работы ОПК планировало еще два существенных изменения своей прежней линии. Первое изменение касалось метода исследовательской работы Общества. Необходимым считалось ориентировать исторические секции на «коллективную работу» и продвинуть на вторую позицию работы отдельных лиц, т. е. мемуары⁶². Под коллективной работой или «коллективными мемуарами» в соответствии с заявлением М.М. Константинова (РСДРП, кандидат в члены ВКП(б)) подразумевалось, что члены ОПК, а отчасти и не члены Общества, участвовавшие в определенных событиях, должны были коллективно высказываться на специальных встречах исторических секций, комиссий и землячеств и в ходе этого процесса совместно реконструировать и выяснять фактическую сторону событий⁶³.

Обоснование этих изменений было следующим образом представлено в резолюции IV Всесоюзного съезда:

«[...] при чем такое перемещение центров тяжести дает возможность подвергнуть более блестящему отбору сохраняющуюся личную продукцию»⁶⁴.

По мнению Константинова, возможно таким способом устранить стихийность и самотек, т. е. ограничить работы отдельных авторов, ученых и политиков, поступающие в журнал «Каторга и ссылка» и другие издания ОПК⁶⁵.

Второе изменение заключалось в централизации и укреплении исторической исследовательской работы. В резолюции всесоюзного съезда речь шла о «генеральном плане», расчлененном по конкретным темам с фиксированными задачами для филиалов ОПК. Исторические секции, землячества и группы следует организовать по принципу бригад и звеньев с конкретными задачами. В возможно более широком объеме следовало при этом развивать принципы движения ударников и социалистического соревнования⁶⁶.

Попытки такого рода централизации исторической исследовательской работы доказуемы уже с 1929 г. Тогда было создано «Бюро научно-исследовательских секций» (НИС), председателем которого стал Константинов. В этом проекте участвовали в основном давно зарекомендовавшие себя большевики. Основание бюро и определение его компетенции длилось, однако, до 1931 г.⁶⁷ Бюро было под несколько измененным обозначением («Бюро научно-историко-исследовательских секций», НИИС) утверждено 8 августа 1931 г. Оргбюро Центрального совета, а затем 31 ноября Президиумом ОПК⁶⁸. Оно было подчинено непосредственно Центральному совету ОПК. Его члены подчинялись Президиуму Центрального совета. Бюро имело задачей «организовывать» как исторические секции, так и исследовательские группы землячеств центральной московской организации и филиалов⁶⁹. Для этого бюро было наделено широкими полномочиями. Оно имело право утверждать персональный состав исторических секций и их президиумов⁷⁰. Далее, оно было уполномочено расширять, изменять и утверждать планы секций и исследовательских групп землячеств и распределять средства, оцениваемые Центральным советом на исследовательскую работу. В деталях Бюро имело право знакомиться с отчетными докладами секций и исследовательских групп землячеств, делать конкретные и общие предложения и через своих членов осуществлять контроль на местах. Оно координировало архивную работу и могло влиять на то, какие лица и по каким темам получали разрешение на работу в архивах. Задачей бюро было также установление связи с другими марксистскими историческими и исторически ориентированными организациями партии.

Исторические секции и исследовательские группы в землячествах имели, напротив, возможность позволить членам своих Президиумов участвовать в работе бюро. У них, однако, был только совещательный голос. Наконец, секциям и группам не разрешалось публиковать в посторонних издательствах результаты своей работы без согласия бюро.

Создание бюро было административным средством для централизации содержательной работы ОПК. Бюро должно было служить координации, управлению и контролю, а тем самым политической цензуре научно-исследовательской и издательской деятельности ОПК и публичных выступлений его членов⁷¹. Таким способом была создана опора, де факто целенаправленно

ориентированная на содержание исторической исследовательской работы в коммунистической фракции в ОПК.

3. Защита концепции

Разработанную на основе доклада Теодоровича резолюция IV Всесоюзного съезда 1931 г. о задачах и перспективах исторической исследовательской работы следует рассматривать как политическое заявление о лояльности. В трех пунктах ОПК сделало существенные уступки: во-первых, с подчеркиванием необходимости «популяризации» исторической исследовательской работы агитационная и пропагандистская деятельность формально выдвигалась на первую позицию в работе Общества. Во-вторых, был введен контроль Центра над содержанием исторической исследовательской работы и, наконец, в-третьих, модифицирован благодаря «дополнению» «контролируемой групповой работой» мемуаров метод исторического исследования ОПК, покоящийся в сердцевине на индивидуальном создании.

Следует, тем не менее, подчеркнуть, что в то же время была предпринята попытка компенсировать эти уступки с помощью решительного признания важных качественных признаков исследовательской работы. Согласно описанной резолюции воспитание масс и «их актива» с помощью исторического прошлого покоится на фактах, которые посредством марксистско-ленинского метода надлежит отфильтровать из «научного, проверенного и взвешенного материала»⁷². Поэтому должно иметь место углубление и улучшение работы ОПК, идущее рука об руку с усиленной координацией архивной работы. Увеличение бюджета научной работы рассматривалось как настоятельно необходимое. Ограничение спектра исследований также не рассматривалось. Как говорилось в резолюции, следует продолжать исследование всей истории революционного движения от декабристов и народников до революции 1905 г. и Октябрьской революции. В качестве заслуги ОПК недвусмысленно подчеркивается, что оно опубликовало архивные материалы и мемуары различных очевидцев всех политических направлений революционного движения. Именно с их помощью можно выяснить определенные ключевые вопросы и важные детали революционной истории.

Эти позиции были углублены в появившемся вскоре после революции комментарии редакции «Каторги и ссылки» к отрицательной рецензии на публикацию журнала ОПК. Конкретно комментарий относился к критическим замечаниям историка и ученика Ольминского И.О. Розенталя по поводу мемуаров А. Локермана о революции 1905 г., которые, правда, были напечатаны в «Каторге и ссылке» уже в 1925 г.⁷³

Здесь обсуждались упреки Розенталя в том, что в исторических журналах, т. е. и в «Каторге и ссылке», укореняется «либеральная традиция» терпимости к «классово вредным мнениям», и эти журналы являются «коллекционерами» «объективных материалов». По мнению Розенталя, либерализм нового господствующего класса был использован как раз теми, кто принципиально хотел сохранить объективность исторического материала во имя сохранения объективности в исторической науке. Недвусмысленно упоминая «Каторгу и ссылку», он порицает напечатание мемуаров контрреволюционеров, даже если в них содержатся факты, полезные для партии, и характеризует это как «склонность к объективизму»⁷⁴.

Нельзя не увидеть параллели с линией, которую уже с середины 20-х гг. проводил Ольминский, которую он снова подхватил в 1929 г. и в рецензии прямо обратил против «Каторги и ссылки»⁷⁵. В 1931 г. редакция «Каторги и ссылки», возглавлявшаяся Теодоровичем, реагировала следующим образом: она выдвигает против позиции Розенталя утверждение, согласно которому исследование истории является частью политики, обращенной в прошлое. История как наука не может поэтому служить партийно-политическим задачам *современности* [курсив М.Ю.]. В этом отношении нельзя, — здесь стоило бы добавить «с точки зрения соображений политической полезности» — проводить различие при исследовании партии, против которой в данном случае ведется борьба. Советских историков по отношению к классовым врагам характеризует как раз то, что им нет необходимости, как буржуазным идеологам, фальсифицировать историю. История, по мнению редакции, на «нашей стороне», т. е. на стороне большевиков. Напротив, задача заключается в поиске действительных, а не фальсифицированных фактов, в особых исторических условиях способствующих победе революционного пролетариата⁷⁶. Действительное знание прошлого должно обострить зрение широких масс и ведущей их партии большевиков, позволяя разглядеть современных нытиков, паникеров, скептиков, ликвидаторов и от-

ступников от генеральной линии, агентов классового врага и контрреволюционной части меньшевизма и эсеров. Выдвигая претензию всемирного масштаба, редакция продолжает развивать идею, согласно которой опыт и уроки победоносной революции не могут более игнорироваться пролетариатом капиталистических стран и колоний, в которых классовая борьба ежедневно обостряется.

Как пример явной партийности «Каторги и ссылки» заявлено, что выдающийся урок для пролетариата заключается в описании в статьях и воспоминаниях краха меньшевизма в рабочем движении и его развития в сторону мелкобуржуазной идеологии или от оппортунизма к контрреволюции, тем более что пролетариат в других странах в настоящее время находится под влиянием социал-демократии, превращающейся в социал-фашизм⁷⁷.

Вооружившись удобным сознанием своего подтверждения историей, а тем самым пребывания в любом случае на правильной стороне, редакция видит тем самым главную задачу ОПК в проверке «фактической» стороны событий⁷⁸.

Таким образом, до осени 1931 г. Общество пыталось с помощью значительных уступок смягчить критику своих концепций и, используя искусную формулировку будущих руководящих начал, сохранить свою идентичность как особого института по исследованию революционного движения. С одной стороны, руководящие органы ОПК одобрили политическую регламентацию Общества и контроль над ним. С другой – ОПК не дало превратить себя в институт, полностью подчиняющий содержание и результаты, а также методы своей исследовательской работы сегодняшним политическим потребностям. Оно могло сохранить свою сплоченность, так как ему удалось в коллективных решениях объединить оба противоположных течения, одно из которых хотело осуществлять пропагандистскую работу для партии и советского государства, а другое – высококачественную историческую исследовательскую работу на основе мемуаров и дополняющих документов. Пропагандистская работа должна была при сохранении ее широкого исследовательского спектра подкрепляться серьезными фактами и непрерывной исследовательской работой.

На резкую критику Ольминского в адрес ОПК, согласно которой понимание «революционного» относительно, т. е. то, что вчера было революционным, «сегодня» может получить другой смысл, в Обществе отвечали, будучи уверенными в себе:

«То, что сегодня не революционно, даже реакционно, то вчера могло быть революционным»⁷⁹.

В качестве руководителя ОПК Теодорович видел свою задачу в том, чтобы «обойти» политические трудности, сориентироваться в обостряющейся политической ситуации и при этом использовать еще имеющиеся ниши и пробелы для упорядоченного отступления и сохранения приемлемого рабочего места. Он искусно аргументировал, отчасти на словах соглашался со «сторонниками жесткого курса» и пытался побить их с помощью их же собственных идеологических ориентиров. Он воспользовался идеологическим оружием, но при этом отстаивал интересы Общества. Несмотря на подчеркнуто лояльное поведение, Теодоровичу были чужды послушание «на опережение» и ритуальное самообусловливание.

Из принципа Теодорович реагировал подобно тому, как до него это уже делал Виленский-Сибиряков. Тот пошел с введением коммунистической фракции в 1924 г. на большие политические уступки, чтобы воспрепятствовать закрытию ОПК. Но при этом ему удалось сохранить большую степень частичной автономии ОПК, а затем и расширить ее. В отличие от менее однозначной позиции Теодоровича в данной сфере введение коммунистических фракций соответствовало политическому убеждению Виленского-Сибирякова в гегемонии большевиков.

Функционировало ли средство уступок и в изменившихся политических условиях или оно давно уже превратилось в затупившийся инструмент, должно было стать очевидным поздней осенью 1931 г. с опубликованием известного письма Сталина в журнал «Пролетарская революция».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О создании Культпропотдела ЦК ср. *Fainsod M. How Russia is Ruled.* – Cambridge, 1963. С. 193.

² *Barber J. The Establishment of Intellectual Orthodoxy in the U.S.S.R. 1928–1934 // Past and Present, 1979, N 84 S. 155–157.*

³ *Beyrau D. Intelligenz und Dissens.* С. 80. Главлит был в июне 1931 г. благодаря наделению дальнейшими полномочиями подготовлен к проведению этой линии. *Barber. The Establishment.* С. 157; *Beyrau D. Im Dschungel.* С. 21.

⁴ Ср. главу IX «ОПК И ПИСЬМО СТАЛИНА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” (1931–32 гг.)».

⁵ Участие Ярославского явствует из письма Шумяцкого от 17 ноября 1930 г. Ср. Шумяцкий Я. Ярославскому Ем. от 17.11.1930. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 3–4об.

⁶ Между 1930 и 1932 гг. в целом было арестовано более 1000 «буржуазных специалистов». – *Wehner M.* Op. cit.. С. S. 380.

⁷ *Wehner M.* Op. cit.. С. S. 378ff.

⁸ Stalin I.V. an Molotov [nicht vor dem 6.8.1930], in: Stalin. Briefe an Molotow. 1925–1936 / Hrg. L.T. Lih, O. Naumow und O. Chlewnjuk. – Berlin, 1996. С. 217.

⁹ Stalin I.V. an Molotov V.M. [2.9.1930]. – Ibid. С. 228.

¹⁰ Ср. письмо Шумяцкого Ярославскому. Шумяцкий (1930) РГАСПИ. Л. 3–4об.

¹¹ *Теодорович И.А.* В комфракцию ЦС ОПК от 12.11.1930. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 1–2.

¹² Процесс против «Промпартии» проходил с 25.11 по 7.12.1930 г. Ср. *Ziehr W.* Die Entwicklung des «Schauprozesses» in der Sowjetunion. Ein Beispiel zur sowjetischen Innenpolitik 1928–1938. – Berlin, 1969.

¹³ Теодорович (12.11.1930) РГАСПИ. Л. 1.

¹⁴ Там же

¹⁵ Там же. Подчеркнуто Теодоровичем.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ В соответствии с показаниями, данными Кондратьевым на допросах в 1930 г., Теодорович осенью 1927 г. ясно высказался против планировавшейся коллективизации. Ср. *Wehner M.* Op. cit.. С. S. 378ff.

¹⁸ Как представляется, Теодорович не давал конкретных показаний против специалистов. Ibid.

¹⁹ По поводу конструкции дела ср.: Stalin. Briefe an Molotow. 1925–1936 / Hrg. L.T. Lih, O. Naumow und O. Chlewnjuk. – Berlin, 1996. С. 209–210.

²⁰ С учетом этой перспективы аргументация Теодоровича, согласно которой соответствующие лица стали всерьез опасными лишь после того, как он работал с ними, не является одной лишь чистой самозащитой.

²¹ Ср. Документальное приложение, документ 11.

²² По поводу критики со стороны «Правды» в ноябре 1929 г. ср. главу VII «МЕСТО В ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ (1929–1930 гг.)»

²³ Ср. Документальное приложение, документ 11.

²⁴ Там же

²⁵ Там же

²⁶ Там же

²⁷ Ср. Документальное приложение, документ 12.

²⁸ Там же

²⁹ В телефонном разговоре Теодорович уже 16 ноября уведомил Шумяцкого, что его заявление появится в «Правде». Ср. Шумяцкий (1930) РГАСПИ. Л. 3об.

³⁰ Ср. Документальное приложение, документ 12.

³¹ Ср. Документальное приложение, документ 13.

³² Ср. Документальное приложение, документ 13. В оригинале выделено подчеркиванием.

³³ Ср. Документальное приложение, документ 14.

³⁴ *Теодорович И.А.* в редакцию «Правды». – Правда, 1930, 22.11. С. 7. Десятью днями раньше поддержка Теодоровичем Кондратьева еще раз стала темой материала «Правды». Ср. Кондратьевщина в оценке тт. Смирнова и Теодоровича // Правда, 1930, 12.11. С. 4.

³⁵ Протокол / Стенограмма заседания Комфракции ОПК от 20.11.1930. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 202–264.

³⁶ Теодорович сообщает, что Кондратьев время от времени приходил к нему и просил оказать поддержку: Протокол / Стенограмма заседания Комфракции (20.11.1930) – ГАРФ. Л. 210.

³⁷ Там же. Л. 220.

³⁸ Там же. Л. 263.

³⁹ Там же. Л. 204.

⁴⁰ Там же. Л. 210.

⁴¹ Там же. Л. 211.

⁴² Там же. Л. 213.

⁴³ Там же. Л. 211.

⁴⁴ Секретарь Организационной комиссии ОПК.

⁴⁵ Протокол / Стенограмма заседания Комфракции (20.11.1930) ГАРФ. Л. 236.

⁴⁶ Там же. Л. 234 и сл.

⁴⁷ Там же. Л. 237 и сл.

⁴⁸ Там же. Л. 241.

⁴⁹ Состоявшийся в мае-июне 1928 г. в Москве процесс против группы инженеров и техников, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности на шахтах Донбасса. Пятеро из них были приговорены к смертной казни, остальные к долгим срокам заключения.

⁵⁰ Протокол / Стенограмма заседания Комфракции (20.11.1930). – ГАРФ. Л. 241, 246.

⁵¹ Там же. Л. 256 и сл.

⁵² В ходе закрытого процесса Кондратьев и другие специалисты-аграрники были приговорены 26.1. 1931 к 8 годам тюремного заключения. 17 сентября 1938 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Кондратьева и других к смертной казни. В тот же день они были расстреляны. Ср. *Ефимкин А.П.* Дважды реабилитированные. Н.Д.Кондратьев, Л.Н. Юровский. – М., 1991. С. 205.

⁵³ Этому решению, вероятно, способствовал международный протест. Ср. *Галас М.Л.* Разгром аграрно-экономической оппозиции в начале 1930-х годов. Дело ЦК трудовой крестьянской партии (по материалам следствия) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 101.

⁵⁴ *Merl St.* Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems 1930–41. – Berlin, 1990.

⁵⁵ Цит. по *Wehner M.* Op. cit. С. 378, Anmerkung 41.

⁵⁶ *Wehner M.* Op. cit.. С. 378. Теодорович принял на себя в дополнение к этому другую редакционную работу в Обществе старых большевиков. Там же.

⁵⁷ Бур А.: Рецензия на «Каторга и ссылка» // Пролетарская революция, 104 (1930) 9. С. 168–173. См. об этом ниже в главе VIII.3. «Защита концепции».

⁵⁸ Ср. Резолюции и постановления IV Всесоюзного съезда О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 15–20.4.1931 г. // КиС. 1931, 79. № 6, Приложение. С. 1–44.

⁵⁹ Ср. Резолюция по докладу И.А. Теодоровича о задачах и перспективах историко-исследовательской работы ОПК // КиС. 1931, 79. № 6, Приложение. С. 19–22. Доклад Теодоровича найти в архивах не удалось.

⁶⁰ Резолюция по докладу И.А. Теодоровича. С. 20.

⁶¹ Ср. Резолюция по докладу тов. Шпилева о деятельности Культпропа // КиС. 80 (1931). С. 23.

⁶² Там же. С. 22.

⁶³ Константинов М. Указ. соч. С. 73.

⁶⁴ Резолюция по докладу И.А. Теодоровича. С. 22.

⁶⁵ Константинов М. Указ. соч. С. 77.

⁶⁶ Резолюция по докладу И.А. Теодоровича. С. 22.

⁶⁷ Константинов сообщает, что работа бюро сначала шла медленно. Ср. Константинов М. Указ. соч. С. 80.

⁶⁸ Положение о бюро научно-историческо-исследовательских секций при Президиуме ЦС ОПК. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 84. Л. 22–22об.

⁶⁹ В 1931 г. существовало восемь исследовательских секций, занимавшихся следующими темами: 1. Общественные движения XIX в., начиная с декабристов (секция домарксистского периода); 2. Революционное движение 1905 г.; 3. Еврейское рабочее движение; 4. Революционное движение в Сибири; 5. Музейная секция; 6. Военная секция; 7. Архивная секция и 8. Литературная группа. Кроме того, в рамках каждого из десяти землячеств (Нерчинское, Александровское землячество, Иркутское землячество, Якутское землячество, землячество Центральных тюрем, Орловское землячество, Енисейское землячество, Псковское землячество, Тобольское землячество и [№ 10 неразборчив]) имелись исследовательские группы. Там же.

⁷⁰ Если те, кто не входили в Общество, предусматривались в качестве членов Президиума для секции или исследовательской группы, то их кандидатуры должны были представляться на утверждение Бюро.

⁷¹ Материалы пленумов ЦС научно-историческо-исследовательских секций [ОПК]. Постановления, тезисы доклада о работе бюро НИС, декларация беспартийных членов ОПК и др. 1929–1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–82.

⁷² Резолюция по докладу И.А. Теодоровича. С. 20, 22.

⁷³ По поводу статьи тов. Розенталя. От редакции // КиС. 1931, № 83. С. 124–129; Розенталь И.О. Царские тюремщики и их современные защитники // КиС. 1931, № 83. С. 130–166. Розенталь критиковал мемуары: Локерман А. По киевским тюрьмам в 1904–1905 // КиС. 1925, 20. № 7. С. 211–235.

⁷⁴ Ср. Ольминский М. Письмо в редакцию // Пролетарская революция, 1929, № 95. С. 223. См. также сравнимую дискуссию вокруг написанной А. Буром и отредактированной Ольминским Рецензии номеров «Каторги и

ссылки», вышедших под редакцией Теодоровича (с № 10 за 1929 по № 5 за 1930 гг.). *Бур А.* Рецензия на «Каторга и ссылка» // Пролетарская революция, 1930, № 9. С. 168–173; *Ярославский Е.* Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка» // Пролетарская революция, 1930, № 11. С. 183–187. *Ольминский М.* Ответ т. Ярославскому // Пролетарская революция, 1930, № 11. С. 188; Наш ответ. От ЦС ОПК и редакции журнала «Каторга и ссылка» // КиС. 1931, № 76. С. 7–15.

⁷⁵ Ср. об этом главу IV «УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.)».

⁷⁶ По поводу статьи тов. Розенталя. С. 126.

⁷⁷ Там же. С. 126 и сл.

⁷⁸ Там же. С. 129.

⁷⁹ Наш ответ... С. 10.

Глава IX

ОПК И ПИСЬМО СТАЛИНА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» (1931–1932 гг.)

В конце октября 1931 г. Сталин направил в редакцию журнала «Пролетарская революция» свое открытое письмо «О некоторых вопросах истории большевизма»¹. Речь в письме шла об отношении Ленина к германским социал-демократам перед Первой мировой войной. Более чем за год до публикации письма историк-марксист молодого поколения, А.Г. Слущкий², упрекнул Ленина в том, что он лишил себя важных возможностей влияния, недооценивая готовность социал-демократов приспособиться к ситуации в Германии, в том числе и ценой утраты своей политической идентичности³.

Сталин шельмует статью Слущкого как пример проникновения «троцкистских контрабандистов» в партийную историографию, а журнал «Пролетарская революция» как их платформу или дискуссионный форум. По словам Сталина, в статье Слущкого косвенно утверждается, что Ленин недооценивал опасности примиренчества с оппортунизмом. Тем самым, по мнению Сталина, Ленину ставится в упрек, что он не был еще настоящим большевиком. Ленин же характеризовался именно тем, что всегда и везде боролся против любых форм оппортунизма⁴.

Непосредственные последствия письма имели для историков решающее значение. Журналу «Пролетарская революция» пришлось прекратить выход более чем на год. Только в 1933 г. его издание продолжил новый коллектив⁵. Заменены были и редакции многих других журналов. Почти вся редакция журнала советских марксистских историков «Историк-марксист» оказалась жертвой репрессий. Он не мог выходить на протяжении нескольких месяцев. Кроме того, не только Слущкий, но и многие прежде

влиятельные историки утратили свои посты в партийных учреждениях исторической направленности или были вынуждены публично признавать свои «ошибки»⁶.

По мнению Джона Барбера, особенное в письме Сталина и его последствиях заключается в том, что отныне определять линию партии в оценке истории должно было само партийное руководство, а не как прежде – ведущие представители марксистской интеллигенции или марксистские научные учреждения и теоретические журналы. В то же время линия партии объявлялась обязательной и любое отклонение от нее характеризовалось как знак нелояльности или предательства⁷. В соответствии с этим письмо является для Барбера, что связывает его со многими другими историками, решающим поворотным пунктом в политике партии по отношению к историкам и другим представителям интеллигенции⁸.

Напротив, Джордж Энтин считает, что значение вмешательства Сталина в исторические дискуссии 1931 г. переоценивается. У историков и интеллигенции вообще *ощущение* поворота было сильнее, чем это оправдывалось действительными изменениям⁹. С появлением письма, по мнению Энтина, «не были установлены никакие новые правила, кроме разве что осуждения исследований на базе архивных материалов»¹⁰. Письмо подчеркивает только уже существовавший запрет критиковать Ленина. Кроме того, новые условия создавались с участием самих же историков, а Сталин и партаппарат уже до 1931 г. осуществляли настойчивое вмешательство. Средствами такого вмешательства были, в частности, программные высказывания по истории партии (речь Сталина на XV съезде партии в 1927 г. и его выступление на конференции аграрников-марксистов в 1929 г.), особая кадровая политика, манипулировавшееся издание документов по истории партии под руководством ЦК, изоляция буржуазных историков с 1928 г. и подчинение в 1930 г. Академии Наук коммунистической партии¹¹.

Дискуссию, начало которой положили Барбер и Энтин, следует рассмотреть с точки зрения ОПК и проверить тезисы на этом конкретном примере. *Почувствовали* ли письмо Сталина в ОПК только как поворот или все же поняли как сигнал, начавший радикальные изменения правил в Обществе, призванные в значительной степени изменить его линию? Не были ли, что возможно, только объявлены изменения линии, но не проведены конкретные меры, или начались изменения, впоследствии, однако, замедлен-

ные? Имели ли место впоследствии серьезные кадровые изменения в руководящих органах ОПК или среди авторов «Каторги и ссылки»?

Письмо Сталина рассматривало в первую очередь обращение историков с прошлым партии большевиков. Уже из-за этого оно косвенным образом затрагивало и ОПК, так как история партии представляла собой интегральную составную часть истории революционного движения. Общество было даже и непосредственно затронуто письмом, на видном месте которого высказывалась критика в адрес его старосты – Ярославского. Сталин завершает свое послание следующим замечанием:

«[...] даже некоторые наши историки, – я говорю об историках без кавычек, о *большевистских* историках нашей партии, – не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких и Волосевичей¹². Исключения не составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б)¹³, несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера»¹⁴.

И действительно, Ярославский воспользовался письмом как поводом для того, чтобы лично позаботиться о линии ОПК. Он избрал для этого необычный путь. Под названием «О фальсификации истории нашей партии» он подверг критике журнальную статью, которая еще не была опубликована и не должна была публиковаться впредь. Раскритикованная статья принадлежала перу члена ОПК и сотрудника редакции «Каторги и ссылки», Н.Ф. Чужака-Насимовича. Ее темой был «Военный вопрос перед судом V Лондонского съезда в 1907 г.»¹⁵. Но содержание и название статьи удалось раскрыть только на основе краткой реплики Ярославского. Она появилась в № 22 журнала «Большевик», центрального теоретического органа ВКП(б), за 1931 г., а затем в феврале 1932 г. была перепечатана в «Каторге и ссылке»¹⁶. Первоначально планировалось опубликовать статью Чужака-Насимовича в № 10 «Каторги и ссылки» за 1931 г. Соответствующий номер журнала был уже полностью напечатан и готов к распространению. В ходе появления письма Сталина Ярославский подверг его, однако, новой проверке.

В своем ответе на статью Чужака-Насимовича Ярославский продемонстрировал, что он с точки зрения как содержания, так и выразительных средств уже приспособился к письму Сталина. В начале он констатирует, что еще не каждый член партии среди входящих в ОПК отдает себе отчет в необходимости перестройки

всей деятельности на «историческом фронте». Явления «гнилого либерализма» в отношении антипартийного обращения с историей партии возможны даже теперь, после появления письма Сталина. В качестве отрицательного примера он приводит запланированную публикацию упомянутой статьи Чужака-Насимовича. В соответствии с изображением Ярославского главный тезис Чужака-Насимовича заключался в том, что до V съезда партии большевики пренебрегали вопросом о вооруженном восстании. В качестве доказательства Чужак-Насимович, как представляется, приводит умеренную пропаганду партии в армии, военных учреждениях и на флоте. При взгляде «со стороны» оказывается, что большевики были заняты вместо этого своей борьбой против меньшевиков¹⁷. Ярославский приводит против такой позиции несколько примеров «обширного» рассмотрения этого вопроса большевиками уже с III съезда 1905 г. и в принципе возражает против рассмотрения партии со стороны и рисования с этой перспективы подобного рода карикатуры на большевиков¹⁸. Кроме того, в статье Чужака-Насимовича почти не появляется Ленин, хотя именно с ним и было согласовано вопреки меньшевикам участие в Лондонском съезде тех делегатов, которые вели политическую работу в армии и на флоте. Кроме того, Ярославский выступает против данной Чужаком-Насимовичем оценки его собственного (Ярославского) выступления на Лондонском съезде¹⁹. Он изображен у Чужака-Насимовича так, будто в вопросе грозившего исключения делегатов соответствующих учреждений он действовал без мандата ЦК. Но все было согласовано с фракцией большевиков. В заключение Ярославский дает Чужаку-Насимовичу отрицательную оценку как грубому фальсификатору истории. Его общий итог заключается в выводе о необходимости переструктурировать всю работу журнала «Каторга и ссылка», чтобы такая статья больше не могла появиться здесь в будущем²⁰.

1. Внутренняя борьба

В ОПК 26 декабря 1931 г. специально по поводу статьи Чужака-Насимовича состоялось заседание коммунистической фракции Центрального Совета. Чужак-Насимович присутствовал, Яро-

славского же не было. Он лишь попросил Теодоровича зачитать *свое* заявление²¹. Главной темой документа была статья Чужака-Насимовича. Он подвергался критике на содержательном, методическом и стилистическом уровне. Кроме того, в поле зрения оказались обстоятельства, при которых статья смогла попасть в журнал. Обращает на себя внимание, что члены коммунистической фракции не занимали единой позиции, отчасти существенно различаясь в направлении главного удара и степени осуждения. Можно отметить два основных течения: Я.Б. Шумяцкий, И.И. Шейн и Е.А. Трифонов стараются всеми силами политизировать дело. Напротив, Теодорович насколько возможно избегает этого.

Все ораторы, участвовавшие в заседании, согласились в оценке статьи как стилистически неадекватной, так как тема была рассмотрена с использованием ненаучного, популяризированного языка²². На содержательном уровне статью критиковал прежде всего Теодорович. При этом обращает на себя внимание, что он почти дословно повторял обвинения, выраженные в статье Ярославского. И он подчеркивает, что не соответствует фактам утверждение о пренебрежении большевиков вопросом о вооруженном восстании. Он также приводит различные примеры осуждения этого вопроса на III и IV съездах, состоявшихся в 1905 и 1906 гг.²³. К тому же в статье выступление Ярославского на V съезде было изложено так, будто в вопросе грозившего исключения делегатов соответствующих учреждений он действовал без мандата ЦК. Большевики в целом изображены карикатурно. По мнению Теодоровича, возникает впечатление, что меньшевики призвали большевиков к порядку²⁴. Теодорович – главный критик и на методическом уровне. Направленность статьи для него абсолютно «небольшевистская». Подход к теме недиалектический, немарксистский и не соответствует ленинской позиции. Возникает впечатление, что Чужак-Насимович понял ситуацию лучше, чем все большевики вместе взятые. Подобно Теодоровичу, и у Трифонова сложилось впечатление, что Чужак-Насимович становится над партией. Шумяцкому показалось даже, что о съездах партии писал «посторонний» наблюдатель²⁵.

Касательно вопроса о том, как статья могла попасть в «Каторгу и ссылку», Теодорович не берет на себя никакой ответственности за происшедшее. Он не видел статью и не читал ее, так как был два месяца в отпуске. То же касается и Константинова. Шумяцкий был болен²⁶. Чужак-Насимович просто использовал его, Константинова и Шумяцкого отсутствие, тем самым дискредитировав редакцию²⁷.

Теодорович решительно защищается против попытки Трифонова и Шейна взвалить на него политическую ответственность за статью Чужака-Насимовича, так как он никогда не присутствовал, не организовал свое замещение и вообще выбор сотрудников редакции был плох²⁸. Теодорович отвергает и свое формальное привлечение к делу в качестве ответственного редактора: членов редакции отбирал не он, а Центральный Совет ОПК или фактически, – как знали все в коммунистической фракции – фракция²⁹. В конечном счете он предлагает освободить свой пост.

Ответственным за напечатание статьи Теодорович видит однозначно члена редколлегии Б.П. Козьмина и уполномоченного Главлита в редакции и издательстве ОПК В.С. Цветкова-Просвещенского. Оба действительно читали статью и рекомендовали ее к печати. Ни Козьмин, ни Цветков-Просвещенский не входили, однако, в ОПК. Они были работниками технического аппарата редакции «Каторги и ссылки» и издательства Общества. Козьмин работал в редакции уже 10 лет. В Главлите получил «образование» в качестве цензора. Он был беспартийным и опытным сотрудником, полностью поддерживавшим проект ОПК³⁰. Он поддерживал тесный контакт с Теодоровичем, его очень ценили благодаря обширным знаниям революционного движения, в особенности народничества³¹. В свою очередь, Цветков-Просвещенский сначала работал по поручению Главлита редактором и цензором в Обществе старых большевиков, но затем, как отмечал Теодорович, [в 1930 г.] был специально «откомандирован» [Главлитом] в ОПК³². Он был членом редакции «Каторги и ссылки» и работал в издательстве ОПК. Дополнительный авторитет он обрел благодаря членству в московской парторганизации³³.

Козьмин и Цветков-Просвещенский до известной степени придерживались сопоставимой стратегии, чтобы обосновать, как это они позволили статье «пройти». Оба утверждают, что у них были сомнения в стилистическом и содержательном отношении, но статью они одобрили по следующим соображениям. Цветков-Просвещенский приводит факт членства Чужака-Насимовича в редакции и упоминает его статус уполномоченного Главлита. Точно также Козьмин описывает Чужака-Насимовича как опытного политического цензора, который «в Главлите он нас учил, что печатать и что нет»³⁴.

В отличие от Цветкова-Просвещенского Козьмин приводит и другие характеристики Чужака-Насимовича. Он характеризует его как искреннего «во всех политических вопросах» и заслуженного

большевика, а также специалиста по военным вопросам большевиков в РСДРП. К тому же, как сообщает Теодорович, Козьмин рассказал ему в личной беседе о том, что им лишь двигала заинтересованность в том, чтобы в журнале было больше статей большевиков³⁵. Напротив, Цветков-Просвещенский пытается дополнительно оправдаться перегруженностью работой. Но в конечном счете он видит главную причину вкравшейся ошибки не в себе, а в организационной структуре редакции:

«Нет человека, который бы сказал: “вы ошибаетесь”, или «правильно, давай черти к чертям все» [...] Мое желание, чтобы в редакции постоянно сидели партийные товарищи, с которыми можно было бы поговорить, чтобы они могли разрешить самостоятельно вопросы и т.д.»³⁶.

Цветков-Просвещенский хотел бы тем самым пресечь и постоянные дискуссии на заседаниях редакции:

«А будь там авторитетные товарищи, сразу пришел, сказал, давай черти ее [статью], а тут целая дискуссия затеялась»³⁷.

Цветков-Просвещенский получил в данном вопросе поддержку от влиятельных кругов, выражением которой стали письмо Ярославского и доклад Шумяцкого. В них фракцию призывают назначить на работу в редакции двух-трех молодых «красных профессоров» или члена Общества старых большевиков³⁸.

Теодорович, однако, решительно выступает против такого варианта и снова предлагает свою отставку:

«Мне в таком неопределенном положении работать абсолютно невозможно. Я не могу, не в силах.[...] Зачем тянут неопределенное положение. Если вы считаете, что я не работоспособен, скажите это, я уйду в интересах дела, партии, я уйду»³⁹.

Обстоятельную критику формулирует Шейн. В принципе он опирается на пункты, названные его предшественниками, но идет на шаг дальше. Он считает статью Чужака-Насимовича не соответствующей политическим требованиям момента. ЦК выдвинул вслед за письмом Сталина лозунг перестройки на «историческом фронте». По мнению Шейна, теперь нельзя больше заниматься «историей ради истории». Историография должна преследовать определенную цель. На аргумент Чужака-Насимовича, в соответствии с которым Ленин прочитал и счел хорошей его статью подобного содержания, Шейн отвечает, что это неправильная аналогия:

«Задача, которая была тогда – это одно, а задача и целевая установка, с которой вы писали статью сегодня – это другое дело»⁴⁰.

Теперь речь идет о том, чтобы с помощью прошлого партии воспитывать молодое поколение, новых членов партии и международное коммунистическое движение. В будущем следует сконцентрироваться на том, чтобы в немногословной форме «правильным» и «здоровым» образом рассматривать исторические темы⁴¹.

Шейн категорически осуждает аргументацию Цветкова-Провсвенского, заключающуюся в том, чтобы, принимая решение о допуске статьи к печати, сослаться на общий авторитет Чужака-Насимовича. Это «гнилой либерализм» – формулировка, которую Шейн прямо позаимствовал из письма Сталина. Вот его комментарий:

«Кто бы ни был автор, какое бы положение он не занимал, каким бы авторитетом он в редакции или в данном вопросе не пользовался, нельзя было без просмотра и решительной переделки эту статью помещать»⁴².

Не следует, по мнению оратора, умалять значение происшедшего. Содержание статьи опасно, даже направлено против партии. Статья демобилизует партийные массы⁴³.

В своей защитительной речи Чужак-Насимович безуспешно пытается свести «ошибки» к стилистическим неточностям, невольно исказившим содержание. Касаясь содержательного аспекта своей критики Ленина, он утверждает, что даже Ленин признавал отсутствие должного рассмотрения в партии в целом вопроса об агитации в войсках. Именно поэтому Ленин и хвалил Ярославского за его решительное выступление на V съезде партии. Чужак-Насимович сообщает далее, что он уже высказал основные положения своих тезисов в ряде статей и что подобные тезисы были представлены также в статье в «Каторге и ссылке»⁴⁴. Его оценка ситуации такова:

«[...] по-видимому, бывают такие острые темы, трактовка которых вчера была совершенно законной, а сегодня совершенно незаконна»⁴⁵.

В заключительной резолюции коммунистическая фракция характеризует статью Чужака-Насимовича как неправильную в политическом и содержательном отношении. Печатание статьи было вменено в вину редакции как ошибка. Фракция распорядилась, далее, устранить статью из № 10 «Каторги и ссылки»⁴⁶, уволить Чужака-Насимовича и подвергнуть работу редакции проверке со стороны коммунистической фракции. Кроме того, в будущем должны были быть привлечены для укрепления редакции не ме-

нее трех профессоров – как историков, так и членов партии⁴⁷. Затем резолюция была передана в ЦК партии.

2. Меры

Чтобы можно было определить действительные последствия предшествующей дискуссии о письме Сталина для структуры и линии ОПК, следует теперь показать, какие конкретные меры были приняты в Обществе⁴⁸.

Когда в начале января 1932 г. снова собрались коммунистическая фракция Центрального Совета Общества и партийная фракция, именно Теодорович внес предложения по «практическим» мерам, вытекавшим из письма Сталина для редакции и всей издательской деятельности ОПК⁴⁹. Вступительный доклад Теодоровича не удалось, однако, до сих пор найти в архивах. Главное в позиции Теодоровича, как и тех, кто его критиковал и поддерживал, можно, тем не менее, реконструировать на основе высказываний других участников заседания о его докладе и дальнейших выступлениях Теодоровича на двух заседаниях – 8 и 12 января 1932 г.⁵⁰ Заседания документированы полными стенограммами. Здесь они будут рассмотрены более обстоятельно, ибо эти материалы выявляют различные стратегии реагирования в ОПК на письмо Сталина.

На обоих заседаниях выступали многочисленные ораторы, которых можно разделить на три группы. Первая группа рассматривает ситуацию с чисто политической точки зрения. Вторая аргументирует с точки зрения или в поддержку редакции издательства ОПК и третья нерешительна в своих высказываниях⁵¹.

На первом заседании 8 января 1932 г. присутствовали как минимум 58 человек⁵². В качестве первого оратора Шейн изложил свою интерпретацию письма Сталина. Чтобы выполнить директивы, по его мнению, следовавшие из письма Сталина, в будущем на взгляд оратора необходимы следующие узловые моменты. В центре стоит воспитательная функция текстов, выходявших в ОПК, о которой он говорил уже на декабрьском заседании. Следует отказаться прежде всего от имевшего силу до тех пор, представленного прежде всего Чужаком-Насимовичем притязания на максимальное сохранение документального содержания публи-

куемых текстов. Шейн больше не считает достаточным публикацию текстов в неприкосновенном виде, но комментированными. Журнал «Каторга и ссылка» не может, по его мнению, служить простой платформой. Редакционному коллективу надлежит со всей силой бороться против «искажений» истории. Кроме того, все члены руководящих органов Общества должны были совместно показать свою ответственность за то, что проявляется под крышей ОПК. Новые критерии оценки должны прежде всего задаваться критическим вопросом о политической целеустановке публикуемых текстов. К примеру, о том, служат ли эти тексты мобилизации ударнического движения и привлечению новых кадров и «масс ударников» для социалистического строительства. Наконец, Шейн констатирует, что ни одна из осуществленных до сих пор работ ОПК не соответствовала этим критериям⁵³:

«Сплошь и рядом наши работы являются скучными, бессодержательными, отвлеченными, простыми воспоминаниями, которые по своей целевой установке ничего для нашего времени, для мобилизации масс не дают»⁵⁴.

Вслед за тем Крамаров поначалу критикует предложения Теодоровича как недостаточно далеко идущие. Теодорович сказал лишь следующее:

«[...] раньше статьи помещались самотеком⁵⁵. Потом статьи стали помещаться с примечаниями. Теперь мы будим некоторые помещать, некоторые не помещать»⁵⁶.

Вместо этого Крамаров требует плана, в центральных пунктах которого следует сослаться на письмо Сталина. Этими пунктами должны быть: борьба против центризма, троцкизма и «люксембургизма», а также роль Ленина в пролетарском движении⁵⁷.

С другой стороны, для Г.А. Мучника (РСДРП(б), ВКП(б)) главное следствие письма Сталина заключается в том, что «везде и всюду идет коренной просмотр программ» и планов работы⁵⁸. В ОПК, однако, до сих пор ничего не происходило, хотя письмо коммунистической фракции и партийной ячейки ОПК обязывает к строжайшей критике и самокритике всех работ и, как подразумевается, призывает к исправлению совершенных ошибок и требует создания плана, который в будущем должен не допустить совершения ошибок⁵⁹. Чтобы воспрепятствовать «самотеку», который критиковал уже Шумяцкий, необходимо вовлечь всех авторов в исследовательские секции ОПК и таким образом подготовить. Обращаясь к Теодоровичу, Мучник критикует его за то, что он ставит беспартийных членов редакции на одну ступень с коммунистами. В качестве примера он привел В.М. Коробкова.

Коробков – бывший меньшевик, в рассматриваемое время беспартийный, при поддержке члена ОПК В.А. Деготя безуспешно пытался добиться принятия в ВКП(б)⁶⁰. Коробков был также членом ОПК⁶¹.

Мучник задается вопросом, как это в ОПК существуют кадры беспартийных и почему вместо них не «обучают» молодых большевистских литераторов:

«Может быть, их учить труднее, потому, что они литературно менее грамотны, чем беспартийные, но эти большевики были бы действительно крепкими революционными работниками»⁶².

В будущем следует и авторов выбирать из рядов большевиков, работающих в печати. Их можно дополнять старыми членами партии, которых также надлежит вводить в курс дела. Только так можно не допустить, чтобы вновь и вновь предпринималась попытка написать «подлинную историю» революционного движения. Целью этого является такая историография, которая, напротив, показывает революционное движение как классовую борьбу и при этом определяет ведущую роль большевиков. Нигде в журнале «Каторга и ссылка» не рассматривается роль большевиков в революционном движении⁶³. В музее представлены в выгодном свете только приверженцы «Народной воли». Рабочие кружки в качестве первых предвестников революционного движения вообще не присутствуют. Кроме того, Мучник критикует взгляд, выраженный во вступительной речи Теодоровича, согласно которому троцкизм был фракцией коммунизма, и оценивает его как контрреволюционный⁶⁴. Он, напротив, полагает, что троцкизм всегда был частью контрреволюции⁶⁵.

В качестве члена «Культпропкомиссии» ОПК Дубинский размышляет о том, какие задачи стоят перед его комиссией теперь, после письма Сталина⁶⁶.

«Мы ставим себе задачу подходить к определенным политическим кампаниям таким образом, чтобы увязывать историю революции прошлого с настоящим»⁶⁷.

Говоря конкретно о работе ОПК, он сетует, что не удалось воплотить в жизнь принятое на IV Всесоюзном съезде в апреле 1931 г. решение о связи пропагандистской работы с научной⁶⁸. Книги, предоставлявшиеся до сих пор издательством ОПК, он охарактеризовал как непригодные для «движения в массы». Не удалось, к примеру, осуществить выставку, планировавшуюся на электростанции «Электросвет», так как Общество не располагало в достаточном количестве литературой по истории партии⁶⁹. До

письма Сталина еще было можно использовать некоторые книги ОПК. Теперь стало важно, принимая решение о том, какую литературу можно передать электростанции и широким массам, запросить «помощь извне», т. е. помощь партии. На вопрос Теодоровича о том, почему не избрали, например, энциклопедию революционного движения, Дубинский отвечает, что там можно встретить несколько неоткомментированных формулировок.

Полезность издаваемой ОПК литературы для современности определяет Г.И. Шпилев (РСДРП, ВКП(б)), который, как и Дубинский, был членом «Культпропкомиссии». Он приводит цитату из брошюры В.Г. Георгиевского «Мечты Степана Разина»⁷⁰, вышедшей в серии «Недорогая литература» и констатирует, что ее содержание направлено против Москвы. Оно дает новую пищу злонамеренным слухам, утверждающим, что Москве хорошо живется за счет провинции. В ответ на замечание, что речь идет о тексте, посвященном Москве XVII в., Шпилев дает понять, что такие книги все же могут «заразить» Советскую власть.

Затем он обращается против тезиса Теодоровича о необходимом исследовании предистории большевиков. Его контраргумент заключается в том, что в Обществе выходят книги, не имеющие никакой ценности для предистории большевиков. Они обращают внимание не на существенное, а на провокаторов и представляют их интересы. Он осуждает общеупотребительную практику, не создавая соответствующий партийный комментарий о революционном прошлом определенных лиц, которые впоследствии даже обратились против большевиков. Он считает контрапродуктивной также публикацию списков⁷¹ революционеров, участвовавших в террористической деятельности и являвшихся членами боевых организаций:

«Целый ряд меньшевиков дается в списке причастных к террору. Зачем такой список нужен? Зачем надо печатать этот хлам?»⁷²

Наконец, он высказывается за роспуск редакции, так как, будучи коммунистом, не хочет нести ответственности за печатание «контрреволюционного хлама».

Критика выступления Теодоровича П.Н. Львовым, как и некоторыми другими ораторами, заключается в том, что не видны конкретные меры, вытекающие из письма Сталина. Тем не менее Львов характеризует оценки, данные Дубинским и Шейном, как преувеличенные. Он, как и Деготь (см. ниже), призывает всех искать общее решение⁷³.

Руководитель ревизионной комиссии ОПК М.И. Бублеев (РСДРП(б), ВКП(б)), работа которого в этой комиссии началась уже в 1928 г., занимает четкую политическую позицию⁷⁴. Он, правда, ведет себя при этом существенно дипломатичнее, чем Шейн и Дубинский. Он замечает отсутствие у Теодоровича поворота в «политическом вопросе» о цели дальнейшей работы, причем в отношении конкретного политического и организационного положения. Не становится ясным, в каком направлении идет его работа. В свою очередь, он требует от коммунистической фракции принятия резолюции, в которой определяется, какими темами и сферами деятельности должна заниматься редакция. По его мнению, в документе должно быть сказано, что редакция 1. под углом зрения задач Общества и тех больших вопросов, которые были затронуты в письме Сталина, должна проверить «багаж» Общества и 2. разработать план, в котором изложены выводы из письма. В качестве разъяснения к пункту первому Бублеев добавляет, что редакция может продемонстрировать неоспоримые успехи. Правда, наряду с этим имелись и некоторые грубые политические ошибки, которые нельзя больше характеризовать как всего лишь исключения. Бублеев замечает также, что уже в 1930 г. были приняты хорошие резолюции по идеологическому формированию редакции. Недостает, однако, реализации этих положений. Обращаясь к пункту второму, он хотел бы в соответствии с этим обязать коммунистическую фракцию учитывать осуществление запланированной резолюции. Также в отношении пункта второго Бублеев подчеркивает: он не считает, что следует разрушить все сделанное и начать снова. Тем не менее, он настаивает на дополнении редакции новыми членами. Его цель состоит и в том, чтобы обязать членов редакции регулярно участвовать в заседаниях коммунистической фракции, чтобы гарантировать достаточную коммуникацию.

Заканчивая свое выступление, Бублеев детально останавливается на энциклопедии. Здесь он не хотел бы задерживаться на мелочах:

«Основное главное в Словаре – это беззубые политические характеристики, это накопление материала, не объединенного одной политической устремленностью»⁷⁵.

От ОПК требуют не создания сборников, наполняемых любыми фактами, а перенесения на энциклопедию диалектического метода.

В качестве принципиальной задачи Бублеев формулирует необходимость не отставать от общего темпа, не «разъединяться с

жизнью". Применительно к издательской деятельности это означает для него осознать: то, что издательство еще вчера считало необходимым, уже сегодня не может быть удовлетворительным.

В заседании коммунистической фракции участвовал также «революционер старой гвардии»⁷⁶, член Общества старых большевиков и сотрудник Института Ленина Г.И. Крамольников. Он только с апреля 1931 г. был членом ОПК и самое позднее с мая 1933 г. работал в редакции «Каторги и ссылки»⁷⁷. Он требовал занять «подлинно большевистские позиции в отношении истории большевиков». Первый шаг заключается для него в том, чтобы проверить прежнюю издательскую деятельность ОПК с точки зрения «примиренческих» работ. К их числу он относит, например, публикацию мемуаров Бутовича в «Каторге и ссылке», которые, на его взгляд, размывали границу между меньшевиками и большевиками. Он считает сомнительным также «Альбом революционных деятелей», начинающийся с декабристов, так как в нем монархист П.И. Пестель⁷⁸ представлен героем. К тому же Крамольников рекомендует в будущем печатать работы Л.Г. Дейча только после эффективной проверки. В заключение Крамольников еще раз обращается к делу Чужака-Насимовича. Он пригласил его в Институт Ленина перед напечатанием упомянутой статьи. Там он ознакомил автора с позицией Ленина, согласно которой «работу в войске», т. е. агитационную работу в институтах армии, следует рассматривать как интегральную составную часть создания революционной армии. Познакомившись с другими документами из времен Русско-японской войны, Чужак-Насимович пообещал ему переработать свою статью, но не сделал этого. Его статью Крамольников характеризует как антибольшевистскую и направленную против партии.

В целом в практике многочисленных издательств было немало «ненормальных» явлений. Отмечались даже времена, когда Давид Борисович Рязанов, в прошлом влиятельный профсоюзный работник, до 1931 г. руководитель Института Маркса и Энгельса, считался преемником Карла Маркса⁷⁹.

Речь Константинова, участвовавшего в заседании в качестве члена редакции и ответственного за выпуск «недорогой литературы», посвящена прежней работе редакционной и издательской коллегии ОПК. Он хотел бы проверить, «в какой мере» коллегия была «бдительной» в отношении исторического материала и не играла ли она на руку шпионам и троцкистам.

Сначала он оспаривает, что при отборе авторов по-прежнему имеет место «самотек». Так было раньше. Теперь же разрабатывается тематический план и на его основе ищут соответствующих авторов:

«[...] в течение ближайших 2-х лет имеется организованный автор, т. к. у нас целый ряд договоров с авторами [...]»⁸⁰.

Редколлегия несет теперь вместо авторов полную ответственность, причем избранные редакторы всегда лично отвечают за определенные книжные издания. Дело Чужака-Насимовича он характеризует в согласии с Теодоровичем как исключение. Тем не менее, следует точно проверить всю редколлегию⁸¹.

На фоне критики Сталиным «гнилого либерализма» его самокритичный итог заключается в признании необходимости большей бдительности по отношению к некоторым авторам. Константинов сомневается в этой связи также в эффективности комментариев и предисловий. Обычно их не читают. Кроме того, с позиций сегодняшнего дня нельзя было бы издавать некоторые книги, например, работу И.С. Книжника-Ветрова⁸², описывавшего Лаврова как предшественника Ленина. Такое рассмотрение исторических событий, очевидно, неправильно⁸³.

Как Константинов, так и В.А. Деготь (РСДРП(б), ВКП(б)), лишь нерегулярно участвовавший в заседаниях коммунистической фракции член ОПК, встал на сторону Теодоровича и Константинова⁸⁴. Он характеризует высказывание Дубинского и Шейна о том, что все, изданное Обществом ранее, не годится для предложения фабричным рабочим, как «завершенную карикатуру» и «паническую реакцию» на письмо Сталина. Напротив, следует перейти к критике недостатков редакции. Кроме того, в ситуации виноваты все, в особенности коммунистическая фракция. В качестве примера он приводит статью Чужака-Насимовича и вышедшую в 1931 г. книгу «Женщина на каторге»⁸⁵. В этой книге дан подробный портрет Ф. Каплан с хвалебным отзывом о ней, хотя именно она совершила покушение на Ленина. Тем не менее, Деготь считает, что редакция в целом на верном пути. Ее смена на его взгляд излишня.

А.П. Станчинский (РСДРП, ВКП(б)), член ОПК, того же мнения. Он призывает товарищей не рисовать карикатуру на письмо Сталина. Хотя в высшей степени и необходимо раскрыть ошибки, но одно преувеличение следует за другим, в том числе и мнение о том, что ни одна книга ОПК не годится для коллектива фабрики.

В отношении ошибок редакции Станчинский утверждает, что был период, когда оказалось возможно только с большими труд-

ностями поместить в «Каторге и ссылке» марксистскую статью. Теперь, однако, наступила другая эра. Кроме того, Теодорович в надлежащей мере признал свои ошибки. Содержательные акценты ОПК Станчинский считает по-прежнему необходимыми. Сам Ленин подчеркивал значение «Народной воли». Очень полезным было также издание работ Веры Фигнер в 1928 г., так как оно дало важную информацию. Станчинский полностью соглашается лишь с критикой в адрес музея ОПК. Здесь действительно не подчеркивается ведущая роль партии большевиков и геегмония пролетариата. Издательство ОПК также ни в коем случае не в достаточной степени предоставляет материал⁸⁶.

Гостем заседания коммунистической фракции был историк В.И. Невский. Хотя он и не состоял в ОПК, не выполняя его стогие критерии приема, здесь он выступал в качестве одного из научных руководителей издания библиографической энциклопедии. Он был ответственным за тома энциклопедии, посвященные социал-демократам.

Причина его выступления заключалась в том, что он, вероятно, был информирован Теодоровичем о том, что Ярославский в заметке для коммунистической фракции отрицательно оценивает энциклопедию и что Крамольников также планирует критиковать ее⁸⁷. Напротив, Крамольников в своем выступлении не упоминает энциклопедию. По свидетельству Невского, Ярославский в своей заметке действительно утверждает, что редакция энциклопедии с учетом различных ошибок показала себя неспособной гарантировать безупречное качество публикаций. Поэтому Ярославский требует отстранения ответственных от работы.

В своем заявлении Невский в принципе хвалит издательскую деятельность Общества. Он особенно подчеркивает литературу о «Народной воле», которую наверняка приветствовал бы даже «Владимир Ильич». Большое значение имеют для него тома библиографической энциклопедии, содержащие биографии членов «Народной воли» и окружения партии. Ошибки же, сделанные в этих томах, и это касается также курировавшихся им томов о социал-демократах, объясняются только лишь огромным объемом поставленной задачи. Намекая на форму критики издательской деятельности ОПК, выражавшуюся до сих пор на заседании коммунистической фракции, он аргументирует следующим образом:

«Если вообще мне бы дали возможность критиковать не так, как это требуется партией в силу обстоятельств и времени, я бы

дал уничтожающую критику. Партия мне не дает возможности такой критики. Я бы сказал, что нет ни одной книжки, нет 3 строчек, которые нельзя приговорить к смертной казни»⁸⁸.

Лишь косвенно обратившись против Ярославского, Невский возражает прежде всего против выступления Львова. Тот попытался, выступая вслед за Ярославским, возложить ответственность за ошибки, вкравшиеся в энциклопедию, на Е.Д. Никитину, которая работала ответственным секретарем и членом редакции проекта. Он потребовал даже ее увольнения⁸⁹. Выступление Львова оказалось, однако, подготовлено дилетантски. Он не был ни точно информирован о личности Никитиной, ни обладал конкретными материалами против нее. Невский разясняет теперь, что партия не требует увольнения таких специалистов, даже если они и не члены партии. В то же время он объявил себя ответственным за все ошибки, так как читал каждую биографию, предлагавшуюся для энциклопедии⁹⁰. Никитину можно сместить лишь в том случае, если будет доказана ее деятельность, направленная против партии, которая сверх того отразится в энциклопедии. Только на этом фоне Невский категорически протестует против требования Ярославского поставить вопрос об увольнениях перед сотрудниками энциклопедии. В конце концов Невский предлагает даже отставку со своего поста ведущего редактора энциклопедии – ведь так обращаться с ним нельзя. Невский интерпретирует письмо Сталина как призыв исправлять ошибки, печатать документы и книги только с комментариями⁹¹ и подвергнуть подход к истории партии основательному пересмотру⁹².

Член Центрального Совета ОПК С.И. Мицкевич начинает свой доклад с жалобы на то, что он не был официально проинформирован о заседании, а узнал о дате его проведения только от Невского. Его мнение о происходившей дискуссии заключается в том, что, несмотря на все ошибки, большинство книг, изданных ОПК, в особенности же библиографическая энциклопедия, высококачественны⁹³.

Наконец, в качестве заключительного оратора заседания выступает Теодорович. Он защищает свою вводную речь как попытку дать дифференцированную картину ошибок и достижений редакции, упрекая, напротив, Мучника и Шпилева в односторонности⁹⁴. Наряду с этим он останавливается на отдельных пунктах критики. В качестве аргумента против упрека в «самотеке» при отборе авторов редакцией Теодорович указывает на то, что чис-

ленность большевистских авторов с того времени, как он взял на себя руководство редакцией, возросла с 13 до 31 %. Это более чем «американский» – это настоящий «советский» темп⁹⁵.

Теодорович не считает сколько-нибудь серьезным и выдвинутое Крамаровым требование «большевизации» журнала «Каторга и ссылка», означающее коренную тематическую переориентацию. Он сообщает, что редакция специально по данному вопросу направила заявление в ЦК, из которого он сейчас цитирует следующие предложения в качестве ответа Крамарову:

«[...] Ясно, что дать верную и точную историю партии нельзя, если не дать верной и точной предистории партии и подготавливая материал для такой истории, нужно помнить предостережение т. Сталина насчет возможности фальсификации [...]»⁹⁶.

По мнению Теодоровича, Ярославский обсудил декларацию с инстанцией, обладающей высоким авторитетом⁹⁷. Было сделано следующее дополнение:

«[...] Ясно, что дать верную и точную историю партии нельзя, если не дать верной и точной предистории партии и подготавливая материал для такой истории, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ НАШЕГО ЖУРНАЛА, нужно помнить предостережение т. Сталина насчет возможности фальсификации»⁹⁸.

Отсюда очевидно, продолжает Теодорович, что статьи о троцкизме, центризме, примиренчестве и аппарате [в рамках «Каторги и ссылки»] неинтересны. Он принимает это как директиву⁹⁹.

На заседании фракции Центрального Совета и коммунистической части редакции 12 января 1932 г. Теодорович следующим образом конкретизирует новую концентрацию ОПК на предистории большевиков:

«Мне всегда казалось, что для того, чтобы понять большевизм, этот венец революции, ее высшую форму, ее синтез, нельзя не изучить тех предшествовавших стадий развития [...] из которых вырос большевизм»¹⁰⁰.

В соответствии с этим Теодорович предписывает в качестве первоочередной задачи редакции и журналу исследование и осмысление исторической подготовки большевизма – такое, чтобы стало возможным глубокое воздействие на массы¹⁰¹. Но в этих рамках следует уделять большее, чем прежде, внимание массовым движениям марксистской ориентации¹⁰².

Подлинную потребность в «большевизации» Теодорович усматривает 8 января 1932 г. прежде всего на методическом и ди-

дактико-педагогическом уровне. К истории следует подходить последовательно с критическим ленинско-диалектическим методом марксизма¹⁰³. Следует также соответствующим образом подготовить для воспитания масс предысторию большевиков и материал этой предыстории, чтобы побудить их идти с величайшим энтузиазмом путем социалистического строительства и вооружить на тот случай, если они столкнутся с испытанием своей веры в дело¹⁰⁴. Задача Общества заключается при этом в использовании материалов предыстории. Одна из величайших ошибок редакции как раз в том и заключается, что это еще не происходит в полном объеме¹⁰⁵. Теодорович в принципе против того, чтобы интерпретировать письмо Сталина в ложно понятом диалектическом смысле и излагать его так, что на прошедшей фазе было необходимо публиковать материалы в комментированной форме, теперь же Сталин высказал общий запрет на работу таким способом. Теодорович распространяет свою критику даже на упрек Шейна в том, что «Каторга и ссылка» была платформой – критике, касающейся публикации некомментированных материалов¹⁰⁶. На заседании 12 января 1932 г. Теодорович, дополняя, говорит о двух фазах исследовании истории партии и истории революции, предшествовавших письму Сталина. Во время первой, которую Теодорович датировал 1921–1922 гг., платформа предоставлялась в распоряжение «Бог знает кому»¹⁰⁷. Статьи печатались совсем без редакционного комментария. Затем в ходе успехов социалистического строительства классовая борьба все более усиливалась. На этой второй фазе по-прежнему предлагалась платформа, но был и совершен переход к публикации текстов с комментариями¹⁰⁸. 8 января 1932 г. Теодорович, обращаясь против Шейна, продолжает, что он воспринимает письмо Сталина скорее как призыв взять на себя личную ответственность за решение – предоставлять платформу в данной конкретной ситуации или нет¹⁰⁹. Как Теодорович сформулировал точнее 12 января 1932 г., речь идет о том, чтобы задаться вопросом, можно ли предоставить платформу, не является ли это «головотяпством», примиренчеством или «государственной изменой» в отношении рабочего класса¹¹⁰. Чтобы придать авторитет своей интерпретации письма Сталина или третьей фазе, которую охарактеризовал Теодорович, он сообщает аудитории о принятом летом 1931 г. решении выпустить новое издание работ Веры Фигнер, правда, в комментированной форме¹¹¹. После того, однако, как Вера Фигнер отказалась принять комментарии, через Ярославского был в кон-

це концов установлен контакт со Сталиным. Он выдал директиву о печатании текстов без комментария. В свою очередь, последовал совет редакции при необходимости опубликовать отдельную статью о работах Фигнер. Теодорович делает отсюда вывод, что Сталин предоставил Фигнер платформу¹¹². Напротив, заявления Шейна и Дубинского он характеризует как преувеличения, от которых Сталин предостерегал в своей статье «Головокружение от успехов»¹¹³. Но к доказательству того, что редакция «в высшей степени честно» восприняла письмо Сталина, Теодорович прибегает, обращая пристальное внимание на предупреждение Крамольникова печатать в будущем статьи Л.Г. Дейча только после точной проверки. Уже во время выступления Крамольникова Теодорович возразил, что редакция не печатает Дейча на протяжении двух лет. Теперь он дополнительно сообщает о попытках Дейча разместить свои труды в ОПК. Но редакция, следуя письму Сталина, решила больше не предоставлять Дейчу платформы.

После своей интерпретации письма Сталина Теодорович останавливается на конкретных мерах перестройки в редакции. Он обращается при этом прямо к Н.Н. Накорякову, старому большевику и видному работнику государственной издательской системы, с 1922 г. работавшему в Госиздате¹¹⁴. Накоряков был членом ОПК и, очевидно, внимательно следил за требовавшимися мерами по реструктуризации¹¹⁵.

Теодорович показывает, как редакция хочет работать в будущем. До сих пор применялась «система двух рецензентов». Теперь эти двух рецензентов будет дополнять редактор, который с начала до конца несет ответственность за издание книги или текста, а также за соответствующие комментарии¹¹⁶. В качестве следующего шага Теодорович хотел бы дополнить редакцию специалистами, располагающими конкретными знаниями. Он надеется, что так удастся устранить несомненно имеющиеся количественные и качественные недостатки редакции¹¹⁷. 12 января 1932 г. он продолжает, что коммунистическая фракция редакции¹¹⁸ и «совет старейшин» (старостат)¹¹⁹ прежде всего решили привлечь редакторов, хорошо разбирающихся в истории партии большевиков. Имеется намерение позаботиться о том, чтобы вовлечь в редакцию членов Общества старых большевиков (например, Г.И. Крамольникова, А.П. Голубкова¹²⁰ и С.И. Черномордика¹²¹) и молодых сотрудников (например, Э. Генкину¹²²)¹²³. Несмотря на необходимое повышение доли марксистских авторов, Теодорович дает понять, что и коммунистические авторы могут совершать

ошибки. В качестве примера он снова приводит дело Чужака-Насимовича. Ввиду острой нехватки способных и испытанных¹²⁴ коммунистических редакторов Теодорович обращается, однако, к фракции с призывом безусловно оставить беспартийных специалистов Б.П. Козьмина и В.М. Коробкова в редакции. Без этого технического аппарата редакция «провалиться может»¹²⁵. В конце концов Теодорович снова предлагает освободить свое место, но на этот раз для недопущения роспуска редакции¹²⁶.

Кроме того, как говорил Теодорович 8 января 1932 г., план работы редакции и «нагрузка» проверяются, например, на авторах. Разумеется, все это происходит только на основе письма Сталина. Ибо Сталин, вождь нашей партии, подчеркивал, что партия на идеологическом фронте и особенно на «историческом фронте» по всем направлениям окружена врагами. Враги со всех сторон проскальзывают в публикации ОПК, чтобы тайно обрести там платформу¹²⁷.

В конце своей речи Теодорович помещает комментарий к библиографической энциклопедии. Она задумывалась как вспомогательное средство для научного исследования и не предназначалась для рабочих. Но Теодорович согласен с Бублеевым в том, что концепцию следует изменить. Вместо того, чтобы изображать деятельность упомянутых лиц только в революционном движении, теперь следует учитывать и поведение в послереволюционный период. В качестве примера он приводит А.М. Гинцбурга¹²⁸, которого и Ленин ценил как выдающегося революционера и организатора революционной типографии. О его дореволюционных заслугах нельзя умалчивать, даже если он и стал позже «вредителем» и «предателем рабочего класса»¹²⁹. Вот какова однозначная позиция Теодоровича:

«Я настаиваю на этой точке зрения – мы скрывать этого не можем и т. Ярославский, которому я эту точку излагал, целиком со мной согласен»¹³⁰.

После выступления Теодоровича председательствующий на заседании Шумяцкий предлагает применить упомянутую Теодоровичем декларацию редакции в адрес ЦК, позже опубликованную в «Каторге и ссылке», как основу для новой резолюции¹³¹. Шейн высказывается против ее принятия и требует, чтобы резолюцию разработали вместо этого бюро «совета старейшин» (старостата), коммунистической фракции или созданная специально для этого комиссия из пяти членов.

В качестве члена редакции Шумяцкий требует выяснить, как собрание относится к роспуску редакции, которого требует Шпи-

лев. По его мнению, в этом вопросе должно последовать указание Ярославского. Наконец, требование Шпилева отвергается и вместо его удовлетворения создается комиссия в составе: Теодорович, Шумяцкий, Крамольников, Шейн, Бублеев, Шпилев, Мучник, Мицкевич, Невский, Константинов, В.Н. Соколов (РСДРП(б), ВКП(б) и член ОПК, а также редакции «Каторги и ссылки») Григорьев. Она должна была разработать резолюцию¹³².

Тем не менее, дело не ограничилось избранием комиссии. Через четыре дня после описанного заседания, 12 января 1932 г., состоялось второе большое заседание. На этот раз присутствовали фракция Центрального Совета и партийная фракция редакции издательства ОПК¹³³. С основным докладом снова выступал Теодорович. Речь вновь шла о том, чтобы показать, какие конкретные меры планировала редакция в ходе письма Сталина¹³⁴.

Новым по сравнению с заседанием 8 января 1932 г. являются ясные идеологические рамки, в которые Теодорович включил дискуссию. В согласии с письмом Сталина он объявляет главным врагом официально побжденный троцкизм. Тот вновь и вновь пытается, замаскировавшись, проникнуть в науку. При этом оратор сводит Троцкого к его меньшевистскому прошлому. В то же время другие ведущие социалисты и меньшевики, например, П.Б. Аксельрод¹³⁵, объявляются неисправимыми утопистами. Статью Чужака-Насимовича он, наконец, характеризует как левый перегиб без ленинско-диалектического подхода¹³⁶.

Дополнительно Теодорович объявляет другие изменения в методическом отношении, о которых он до сих пор не говорил. Он формулирует в качестве цели большее содействие книгам и статьям с аналитическим подходом и публикацию меньшего объема мемуаров¹³⁷. Проблема, однако, в том, чтобы найти для этого достаточное количество свободных авторов и редакторов¹³⁸. Поэтому в целом трудно поднять долю текстов с аналитическим подходом до 90 %, а долю мемуаров снизить до 10 %¹³⁹. Но со Всесоюзного съезда в апреле 1931 г. долю исследовательских работ увеличили с 43 % до 49 %, а мемуаров и документов снизили с 37 % до 31 %¹⁴⁰. При этом количество мемуаров должно быть еще сокращено благодаря увеличению публикации различных документов¹⁴¹. С перемещением акцентов с мемуаров на документы сочетается и представленное Теодоровичем также 12 января 1932 г. решение редакции, говорящее о намерении издавать труды классиков революционного движения Бакунина, Ткачева и Кропоткина – разумеется, снова с комментариями, введе-

ниями и сопроводительными статьями. Это вызвало похвалу редакции А.С. Бубновым, который до 1937 г. был Наркомом просвещения РСФСР и, занимаясь историей партии, вновь и вновь сталкивался с необходимостью иметь в своем распоряжении труды Бакунина, Ткачева и других классиков¹⁴².

В ответ Теодоровичу руководитель ревизионной комиссии Бублеев берет более умеренный тон. От имени коммунистической фракции ревизионной комиссии он утверждает, что никогда не имел намерения «разогнать» редакцию. Партийная фракция ревизионной комиссии лишь чувствовала себя обязанной в рамках своих задач проверить отдельных членов редакции и определенные сферы ее деятельности. Это произошло с намерением преследовать эффективные политические, партийные и большевистские цели и достичь реальных результатов.

Хотя Теодорович это уже обещал, он еще раз увещевает по поводу проведения «чистки» авторского коллектива ОПК и утверждает, что в этой области нет никаких результатов. По поводу контроля над публикациями Бублеев требует ввести проверочную инстанцию, которая должна еще раз проверять книги и статьи, уже прошедшие процедуру, описанную Теодоровичем. Новому контролю должны подвергаться также уже одобренные, но еще не напечатанные книги и статьи. Повторного критического рассмотрения требуют и уже опубликованные книги и статьи¹⁴³.

3. Публичное выступление редакции «Каторги и ссылки»

В 1932 г. с двухмесячным опозданием вышел двойной номер (№ 11–12) «Каторги и ссылки» за 1931 г. В нем, как и во многих других журналах, на видном месте можно было найти в виде перепечатки письмо Сталина в «Пролетарскую революцию»¹⁴⁴. За письмом прямо следовал упоминавшийся ответ Ярославского Чужаку-Насимовичу¹⁴⁵. Единственное, но, тем не менее, важное различие с публикацией ответа Ярославского в журнале «Большевик», образовывали два примечания редакции «Каторги и ссылки» к ответу в виде сносок. В этом месте редакция только могла публично оправдаться в том, что статья Чужака-Наси-

мовича лишь потому сумела попасть в № 10 «Каторги и ссылки», что большая часть редакции находилась в отпуске. После того, как статья, тем не менее, была «открыта», редакция решилась удалить ее из номера. В дополнение редакция оправдывает ответ Ярославского, подчеркивая, что № 10 «Каторги и ссылки» пошел в набор уже в начале сентября, т. е. почти за два месяца до появления письма Сталина¹⁴⁶. Тем самым она лишает силы косвенный упрек Ярославского в том, что и после появления письма Сталина в ОПК господствует «гнилой либерализм» в отношении рассмотрения истории партии с антипартийных позиций.

Но особенно важно было то, что к письму Сталина и ответу Ярославского присоединялось пятистраничное заявление редакции «Каторги и ссылки» по поводу письма Сталина¹⁴⁷. Редакция открыто излагала свою дальнейшую линию. При этом оказалось, что Теодорович по меньшей мере временно победил во внутренних дискуссиях.

На основе письма Сталина редакция начинает ритуальное осуждение троцкизма. Его давно уже следует оценивать не как фракцию коммунизма – он представляется собой отряд контрреволюции, дающий теперь буржуазии духовное оружие против большевизма. Ввиду колоссальных успехов социалистического строительства буржуазия ведет «бешеную атаку» против Советского Союза.

Редакция чувствует себя особенно затронутой призывом Сталина усилить свое внимание в отношении не только троцкистских, но и любых других «фальсификаторов истории партии».

Выходя за рамки, поставленные письмом Сталина, но вовлекая дискуссии, идущие внутри ОПК, редакция подчеркивает, что Сталин обратился не только к историкам, занимающимся историей коммунизма и большевизма, но и к тем, кто изучает их революционную предысторию. В обоснование такой позиции редакция указывает, что революционный марксизм-ленинизм не упал «с неба», а был исторически подготовлен. Он формируется и укрепляется все еще в непрерывной борьбе против мелкобуржуазного утопизма и реформизма.

В согласии с концепцией Теодоровича как задача ОПК определяется исследование предыстории марксизма-ленинизма. Кроме того, в этой области должна быть представлена прочная основа материала. Теодорович смог добиться своего и в оценке предшествовавшей работы ОПК. Она не подвергается принципиальному осуждению, но признаются отдельные, хотя и тяжелые

ошибки. К этим ошибкам причисляется и то, что ОПК в некоторых случаях не было достаточно внимательным и предоставило платформу ряду лиц, не имевших на это ни малейшего права. Примером тому служит статья Чужака-Насимовича.

Наконец, признается необходимость проверки как журнала «Каторга и ссылка», так и всей издательской деятельности ОПК. Именно коммунистическая фракция редакции и Центрального Совета несет ввиду обострившейся классовой борьбы ответственность за сколь угодно малую фальсификацию марксизма-ленинизма¹⁴⁸.

4. Поляризация

Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» однозначно *воспринималось* в ОПК как поворот. Следствие заключалось в том, что в Обществе в качестве реакции на письмо был преподан наглядный урок. С кампанией против Чужака-Насимовича впервые развернулась атака против видного члена и автора ОПК. Чужак-Насимович был многолетним членом партии и ни в прошлом, ни в настоящем не входил в «критические» внутривнутрипартийные группы. За ним не числилась и антипартийная деятельность. Только содержание его статьи вызвало вмешательство Ярославского, а с ним и коммунистической фракции. Учитывая направления главного удара критики, можно охарактеризовать Чужака-Насимовича как «Слуцкого» ОПК. Критика в его адрес касалась прежде всего роли и значения Ленина до 1917 г. Было доказано совершенное автором содержательных и методических ошибок, которые оценивались как вредные в политическом отношении. Такие понятия, как «немарксистский», «небольшевистский», «недиалектический» и «не соответствующий Ленину», использовавшиеся в критике по адресу Чужака-Насимовича, имеют соответствие в аргументации Сталина против Слуцкого. Явление, до тех пор неизвестное ОПК, заключалось в том, что Чужак-Насимович потерял работу только из-за содержательных отклонений от официальных оценок роли Ленина и партии, хотя издание «Каторги и ссылки» еще не дошло до подписчиков и читателей. Новым оказалось также и то, что все до сих пор опубликованные статьи и книги Чужака-Насимовича, которые он писал сам, курировал или ком-

ментировал, были собраны и задним числом подвергнуты острой критике¹⁴⁹. Чувство поворота усиливалось еще и тем, что статья Чужака-Насимовича не представлялась более, в отличие от обычной до тех пор практики, в комментированной форме на обсуждение. Напротив, она должна была быть изъята из уже полностью готового номера «Каторги и ссылки». Точно так же, как и в письме Сталина, в данной связи против тех, кто позволил статье выйти, было выдвинуто обвинение в «гнилом либерализме».

Как подлинный поворот письмо Сталина предстало в особенности перед такими сильно ориентированными в политико-идеологическом отношении членами коммунистической фракции Центрального Совета ОПК, как Трифонов, Шейн, Г.И. Шпилев, Дубинский, Мучник и Крамаров. Они воспользовались им как поводом, чтобы потребовать в ОПК далеко идущих изменений, в том числе роспуска редакции. Особенно показательно, что, с одной стороны, «политическая совесть» коммунистической фракции, Шейн, а с другой – ее «жертва», Чужак-Насимович, считали, каждый по-своему, скрытым политическим посланием письма. Они, если даже и с противоположных позиций и с обратными друг другу знаками пришли к результату, в высшей степени сходному. Шейн полагал необходимым подчинение историографии политическим потребностям дня сегодняшнего, а Чужак-Насимович констатировал, что теперь определенные темы не могут рассматриваться и что, следовательно, с письмом Сталина были высказаны запреты на мышление и обсуждение или табу. Крамаров и Дубинский считали, что теперь от ОПК требуют исследовать только историю партии. Шейн еще дополнил самую важную дидактико-педагогическую функцию в мобилизационных целях. Мучник, а также Львов полагали, что пришло время непреклонного вытеснения беспартийных членов Общества из влиятельных постов в редакции, из издательства и центральных проектов ОПК. В результате этого в будущем следует избегать ошибок.

Если на вопрос, воспринималось ли письмо Сталина как поворот, можно ответить однозначным «да», то ответом на вопрос, означало ли письмо Сталина и *действительно* поворот, будет столь же однозначное «нет». Приверженцы радикального поворота не смогли поставить на своем. Важнейшая причина этого заключается как раз в том, что с делом Чужака-Насимовича был дан лишь пример в качестве предупреждения. Сверх того, Теодорович сумел убедительно свести дело к единичному случаю, ис-

ключению. Он демонстративно подчеркивал вместе с Дегтем, Станчинским и Константиновым, что редакция в общем и целом находится на правильном пути. В других редакциях, по словам Теодоровича, гораздо худшая ситуация¹⁵⁰.

Кроме того, в выступлениях отсутствовало обвинение Чужака-Насимовича в троцкизме. Правда, Теодорович заходил столь далеко, что характеризовал статью как левый перегиб без ленинско-диалектического подхода. Против поворота говорит и то обстоятельство, что редакция не была смещена, а лишь подвергнута проверке. Наряду с этим Теодорович смог отвести попытки взвалить на себя как на главного редактора личную ответственность за статью Чужака-Насимовича. Ему пошло на пользу также, что он и не знал статью Чужака-Насимовича, и не был в редакции. Он не хотел брать на себя общую ответственность еще и потому, что не он, а коммунистическая фракция выбирала редакторов, ответственных за публикацию. Но Теодорович мог спасти свои собственные позиции и позиции редакции прежде всего потому, что ни ему, ни сотрудникам редакции не было альтернативы. Так, очень быстро оказалось, что ЦК ВКП(б) ни в коем случае не откомандирует лицо, которое теперь укажет редакции верный путь. Желание найти двух-трех «красных профессоров» для работы в редколлегии издательства журнала ОПК, не осуществимо из-за нехватки кадров и недостатка интереса. ОПК удалось только в лице Крамольникова привлечь в редакцию члена Общества старых большевиков, который работал в Институте Ленина. Его позиция не была, однако, особенно сильной, так как обсуждению подлежало его увольнение из Института Ленина по обвинению в троцкизме. Следовательно, общая ситуация давала необходимое содержание угрозе Теодоровича уйти в отставку. В результате и редакция осталась способной к действию, и «Каторга и ссылка» продолжала регулярно выходить, если даже поначалу с некоторой задержкой.

Политически ориентированные члены коммунистической фракции и потому не могли добиться поворота, что у них не было необходимой поддержки не только в ОПК, но и в партии. Они совершали грубые тактические ошибки и не имели вообще никаких или только приближительные представления о том, как следовало осуществлять на практике меры, которых они требовали.

Их самая большая тактическая ошибка заключалась в том, что требовавшийся поворот связывался с огульным осуждением прежней линии ОПК и требованием резкой переориентации Общества с превращением в исключительно обслуживающее учре-

ждение. Для Теодоровича, стоявшего во главе их противников в коммунистической фракции, это было удобным проектом в целях применения своих риторических и тактических способностей. Тем самым он автоматически оказался в роли защитника интересов ОПК. При этом он выглядел защитником профессиональной компетентности, содержательной серьезности и марксистско-диалектического метода. Это оказывалось не только правдоподобным средством избежать дальнейших ошибок, но и открывало Теодоровичу возможность по меньшей мере уже с 1930 г. поставить в Обществе под сомнение эффективные структуры влияния со стороны партии и советского государства. Он использовал в качестве преимущества то обстоятельство, что именно важнейший внешний цензор и контролер в ОПК позволил пройти статье Чужака-Насимовича. Это дало Теодоровичу возможность объявить цензора Главлита Цветкова-Просвещенского некомпетентным в содержательных вопросах. Он углубляется в детальную критику и применяет к тому же сомнительные критерии отбора для статьи – такие, как авторитет и позиция автора. Говоря о Козьмине, Теодорович позволял увидеть, что он считает контрапродуктивным любой ценой увеличивать численность большевистских авторов¹⁵¹. Таким образом Теодоровичу удалось изобразить в негативном свете обычную в ОПК цензурную практику и критерии отбора статьи для печатания и, напротив, подчеркнуть безусловную необходимость профессиональных знаний на содержательном уровне. С помощью этого обоснования Теодорович, а с ним и Невский, смогли и далее сохранить беспартийных членов общества на ответственных постах. Это было подкреплено демонстративным принятием на себя Теодоровичем и Невским ответственности за беспартийных в редакции и в проекте энциклопедии¹⁵². Одновременно тем самым могло быть сорвано даже и намерение Ярославского посредством увольнения Никитиной преподать еще один наглядный урок и таким образом уменьшено внешнее давление на Общество.

В свою очередь, демонстративное подчеркивание Теодоровичем марксистско-диалектического метода было теоретическим ответом на обвинение в том, что ОПК занимается объективной историографией и увиливает от партийности, которая диктовалась бы интересами ВКП(б). Такая позиция была для Теодоровича также способом интерпретировать письмо Сталина не как поворот, а понимать его в качестве призыва к большей собственной ответственности руководящих кадров ОПК при публикации статей и книг.

Диаграмма 2

Динамика главных тем раздела мемуаров «Каторги и ссылки». Численность публикаций по году издания 1921–1935 гг.¹⁵³

Важнейшей причиной для неудачи поворота были, однако, сигналы из самой партии. Она, с одной стороны, не поддерживала поворота, которого требовали политически сильно ориентированные члены коммунистической фракции, а с другой – Теодорович сумел придать другую функцию сигналам из партии, используя их для своих интересов и интересов ОПК: аргументация Крамарова и Дубинского лишилась почвы, так как секретарь ЦК Каганович показал, что Общество должно сконцентрироваться именно на предыстории большевиков. Кроме того, от ВКП(б) не было конкретной поддержки при ответе на вопрос о том, должна ли быть историография подчинена теперь повседневному

политическим потребностям. Партия оставалась в этом вопросе поначалу безразличной. Вопрос о первоочередной дидактико-педагогической функции истории в соответствии с мобилизационными целями был лишен остроты уже благодаря согласию Теодоровича. Он не нуждался в разъяснении со стороны партии. Кроме того, партия не требовала лишить беспартийных в ОПК их постов.

Преимущество для линии Теодоровича заключалось и в его близких отношениях с Ярославским. При этом Теодорович помогал Ярославскому аргументировать его критику в адрес Чужака-Насимовича, тем самым придав его полемическому стилю больше серьезности. Таким образом Ярославский не сталкивался снова с опасностью споткнуться при движении по все более узкой тропинке между постоянно подчеркивавшимся профессионализмом и верностью идеологической линии и тем самым стать объектом публичного нападения. Напротив, это способствовало стратегии Теодоровича – настаивать на том, что все дело в профессионализме и что в ОПК следует исправить лишь немногие ошибки.

Даже если не приходится говорить о том, что письмо Сталина привело к повороту в ОПК или начало «квантовый переход», невозможно также говорить после этого о сохранении линии ОПК в неизменности. Обращаясь к общей оценке письма Сталина Джорджем Энтиным, можно констатировать, что письмо скорее принудило ОПК к тому, чтобы сделать еще один шаг в направлении подчинения партии. Обществу, однако, удалось в значительной степени самому совершить этот шаг. Таким образом возобладали прагматический путь преобразования Общества. Так, с одной стороны анализ публичного заявления редакции в «Каторге и ссылке» показал, что ОПК вполне могло сохранить свой предмет исследования, а именно исследование истории революционного движения. Ограничение наступало лишь в той мере, в какой Общество намеревалось удовлетворяться исследованием предыстории возникновения научного марксизма в России, т. е. не хотело и не должно было более охватывать весь период истории *революционного движения* до Октябрьской революции. Так как, однако, существовавший до сих пор исследовательский интерес уже структурировался подобным образом, и это не может быть охарактеризовано как отклонение от реальной линии Общества. Но с другой стороны явно ограничен был угол зрения на эту сферу истории. Он должен был быть теперь определенно партийным, т. е.

исходный пункт исследований ОПК должна была со всей отчетливостью формировать ВКП(б). «Предыстория» партии должна была рассматриваться определенно для лучшего понимания истории ВКП(б).

К тому же ОПК начало меры по новому усовершенствованию и без того существовавшей предварительной цензуры. Наряду с этим предпринимались и тематические корректировки, проверялись также списки авторов. Кроме того, повышались коллективный контроль и «улучшение» мемуаров и резко уменьшалась их доля в публикациях. При публикации мемуаров в журнале «Каторга и ссылка» народничество и «Народная воля» как темы воспоминаний полностью отошли на задний план. После 1932 г. этих мемуаров не было совсем. Утратили значение и мемуары, посвященные истории меньшевиков и эсеров. Больше нельзя было также заниматься поиском корней социал-демократии и марксизма. Вместо этого главными темами стали теперь революция 1905–1907 гг., пролетарский этап освободительного движения и большевики¹⁵⁴.

Следует снова подчеркнуть, что, тем не менее, не произошло принципиальной тематической переориентации. Речь шла о тематическом ограничении. Как и прежде, ОПК не принуждалось к решению «чуждых задач» (Ирина Ильина). «Многоголосие» в направлении усиленной цензуры создавала его тактика, заключающаяся в размывании существовавшей регламентации посредством усиленной публикации документов и трудов классиков революционного движения. При этом речь шла о механизме самозащиты, так как только в очень ограниченной степени были возможны корректировки со стороны цензурных ведомств, и ОПК могло ограничиваться комментариями. Был сохранен также вовлеченный в работу и компетентный контингент сотрудников редакции и издательства. Беспартийные продолжали вносить результаты своей профессиональной деятельности. Также продолжалась и работа над энциклопедией.

Нерешенным оставался вопрос о фиксации на диалектическом методе, представленной особенно Теодоровичем, а именно в форме отмежевания от (буржуазной) историографии, настаивавшей на объективных фактах. В публичном заявлении редакции в «Каторге и ссылке», одобренном ЦК, эта проблема вовсе не ставилась. Можно предположить, что партия находилась здесь в дилемме. Диалектический метод можно было пропагандировать только с большими трудностями и наряду с этим одновременно

что есть силы канонизировать Ленина и «объективировать» историю большевиков¹⁵⁵. Поэтому неопределенные формулировки вроде «марксистско-ленинского» метода все более предпочитались понятию диалектики¹⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская революция, 113 (1931) № 6. С. 3–12. Шестой номер журнала вышел 28.10.1931. Vgl. *Barber J.* Stalin's Letter to the Editors of Proletarskaya Revolyutsiya // Soviet Studies, 28 (1976) № 1. С. 21.

² *Слуцкий А.Г.* (1894–?) – специалист по всеобщей истории. Сотрудник Института истории Коммунистической академии наук. С 15 июля 1930 г. кандидат в члены ВКП(б). После письма Сталина Слуцкому было отказано в приеме в партию. Ср. *Чернобаев А.А.* (Сост.) «Я себя считаю лично уже ушедшим». С. 217.

³ *Слуцкий А.Г.* Большевики о германской с[оциал]-д[емократии] в период ее предвоенного кризиса // Пролетарская революция, 101 (1930) № 6. С. 38–73.

⁴ Сталин. О некоторых вопросах истории большевизма.

⁵ *Алаторцева А.И.* Советская историческая периодика. 1917 – середина 30-х годов. – М., 1989, с. 216 и сл.

⁶ *Barber J.* Stalin's Letter to the Editors of Proletarskaya Revolyutsiya // Soviet Studies, 28 (1976) № 1. С. 22–23. Это, однако, касалось не только историков, но и многих представителей других специальностей, даже естественно-научных. Там же.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ *Алаторцева А.И.* Советская историческая периодика. С. 195 и сл.; *Бабиченко Л.Г.* Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и его последствия // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 95 и сл.; *Сухарев С.В.* Письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» 1931 г. Его политические и исторические последствия. – Историко-партийная наука на современном этапе. – М., 1989; *Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой», или три жизни историка М.Н. Покровского. – М., 1992; *Fitzpatrick Sh.*: Everyday Stalinism. Ordinary Live in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. – New York–Oxford 1999. С. 26.

⁹ *Энтин Г.М.* Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 152.

¹¹ Там же. С. 149.

¹² Сталин критиковал также как вредный для партии сборник текстов историка В. Волоевича. Ср. Курс истории ВКП(б). Часть 2 и 3. – М., 1930–1931.

¹³ История ВКП(б) / Сост. Е. Ярославский. Т. 1–4. – М., 1926–1930.

¹⁴ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // КиС. 84–85 (1931) № 11–12. С. 18.

¹⁵ Чужак Н.Ф. Военный вопрос перед судом Лондонского съезда в 1907 г. Эту статью не удалось найти в архивах, она упоминается только в статье Ярославского.

¹⁶ Ярославский Е. Об одной фальсификации истории нашей партии // Большевик (1931) № 22. С. 66–68; Ярославский Е. Об одной фальсификации истории нашей партии // КиС. 84/85 (1931) № 11–12. С. 19–22. Не удалось установить, не пришлось ли журналу «Большевик», как и многим другим журналам, выйти с задержкой вследствие письма Сталина. Так как в месяц выходило два номера, то № 22 был ноябрьским за 1931 г. № 10 (октябрь 1931 г.) «Каторги и ссылки» вышел наверняка с большим опозданием. Это становится очевидным благодаря тому, что редакционный комментарий, опубликованный в том же номере, что и ответ Ярославского, был утвержден только 12.01.1932 на собрании «старостата» (Ярославский, Кон, Теодорович, Шумяцкий и Григорьев) ОПК. Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 57; От редакции журнала «Каторга и ссылка» // КиС. 84/85. (1931) № 11–12. С. 23–28.

¹⁷ Ярославский Е. Об одной фальсификации истории нашей партии // Большевик (1931) № 22. С. 66. В своей статье Ярославский приводит длинную цитату из статьи Чужака-Насимовича. Цитата рассматривается как аутентичная, так как Чужак-Насимович в своем заявлении не высказал мнений в противоположность упрекам в свой адрес (см. ниже).

¹⁸ Там же. С. 67.

¹⁹ Ярославский выступал на съезде как специалист большевиков по установлению контактов в армии, ее учреждениях и с флотом.

²⁰ Там же. С. 68.

²¹ Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 26.12.1931. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 113. Найти заявление не удалось. Мы исходим, тем не менее, из того, что оно в значительной степени идентично опубликованной критике Ярославского в адрес Чужака-Насимовича.

²² Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 26.12.1931. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 109 (Теодорович, Шумяцкий); Л. 121–121об (Соколов, Л.М. Брагинский, член ВЧК, сотрудник Наркомата транспорта, член ВКП(б)); Л. 122 (Шейн)

²³ Позже М.И. Бублеев, руководитель Ревизионной комиссии, доказывал с помощью цитаты из заявления ЦК, что и на IV съезде фракция большевиков ставила вопрос о боевой организации. Там же. Л. 123.

²⁴ Там же. Л. 114.

²⁵ Там же. Л. 109, 113, 128.

²⁶ Там же. Л. 111.

²⁷ Там же. Л. 111, 130.

²⁸ Там же. Л. 124об, 125.

²⁹ Там же. Л. 111.

³⁰ Ср. его отчет об издательской деятельности ОПК: Козьмин Б.П. Историко-революционную книгу в массы. Литературно-издательская деятель-

ность Общества // Десять лет. С. 82–88. См. также *Твардовская В.А.* Б.П. Козьмин. Историк и современность. – М., 2003.

³¹ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 78; Козьмин издал в 1933 г. книгу под названием «От «девятнадцатого» февраля к «первому» марта. Очерки по истории народничества. – М., 1933. В ней он изложил различные нюансы народнических идей. Ср. также его многочисленные статьи в журнале «Каторга и ссылка»; *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 91.

³² Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 26.12.1931. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 114. Сотрудничество Цветкова-Просвещенского в ОПК можно доказать с 1930 г. Теодорович сообщает, что Цветков-Просвещенский выступил против публикации его книги по дискуссии о «Народной воле». Книга вышла в 1930 г. (*Теодорович И.А.* Историческое значение партии «Народной воли». – М., 1930). Ср. там же. Л. 114. О роли Цветкова-Просвещенского в Обществе старых большевиков ср. Протокол 6 [заседания] Партигруппы Президиума ЦС ОПК от 1.2.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 70об-71.

³³ О членстве Цветкова-Просвещенского в московской парторганизации ср. Протокол [1] заседания Партигруппы Президиума ЦС от 2.1.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 1.

³⁴ Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 26.12.1931. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 112, 117.

³⁵ Там же. Л. 112.

³⁶ Там же. Л. 117.

³⁷ Там же. Л. 117, 117об.

³⁸ Там же. Л. 131, 131об, 135, 137. Также и Соколов полагает, что проблемы можно решить с помощью реорганизации редакции, причем он со всей определенностью характеризует Теодоровича как способного редактора. Там же. Л. 129.

³⁹ Там же. Л. 135.

⁴⁰ Там же. Л. 122об.

⁴¹ Там же. Л. 122об.

⁴² Там же. Л. 122.

⁴³ Там же. Л. 122об.

⁴⁴ Ср. его следующую статью: *Чужак Н.* Большевицкая работа в армии. По документам и по памяти участника // КиС (1928) № 49. С. 7–37; Ср. также *Чужак Н.* Ленин и «техника» восстания. Два момента в истории партии // КиС. 73 (1930) № 12. С. 69–115.

⁴⁵ Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 26.12.1931. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 119.

⁴⁶ Соответствующий номер «Каторги и ссылки» был изъят по по договоренности с Ярославским. Первоначально статья должна была быть заменена статьей Ярославского, но в конце концов ее только вырезали. Ср. там же; Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 76. См. также соответствующий том журнала.

⁴⁷ В выступлениях речь шла также о «красных» профессорах, т. е. со-трудниках Институты красной профессуры. Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 26.12.1931. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 131, 134об, 135, 137.

⁴⁸ Здесь не рассматривается выступление секретаря ЦК Л.М. Кагановича как члена Политбюро, ответственного в качестве такового за науку и культуру на юбилейном мероприятии в честь 10-летия Института красной профессуры, в ходе которого он снова напал на Слуцкого, а также упрекал Ярославского и других в недостаточной оценке роли Ленина во время революции и гегемонии пролетариата. Его речь не нашла отклика в ОПК. Она была напечатана в «Правде». Ср. За большевистское изучение истории партии. Речь тов. Кагановича Л.М., произнесенная 1 декабря на собрании, посвященном 10-летию Института красной профессуры // Правда, 1931, 12.12. С. 2–3.

⁴⁹ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 1–55; Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 56–108.

⁵⁰ Статья Чужака-Насимовича играла при этом лишь незначительную роль.

⁵¹ Чтобы облегчить причисление к отдельным группам, выступления отдельных ораторов в дальнейшем не всегда воспроизводятся в их хронологической последовательности. Но, так как речи частично соотносятся друг с другом, их сплошное урегулирование заново было невозможно.

⁵² Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 55.

⁵³ Там же. Л. 3–5. При анализе этого заседания использована, во избежание повторений, и информация по заседанию 12.1.1932, но она всякий раз проводится с указанием на заседание 12.1.1932.

⁵⁴ Там же. Л. 4.

⁵⁵ Тем самым подразумевается, что публиковалась в принципе каждая статья, вписывавшаяся в тематику журнала «Каторга и ссылка».

⁵⁶ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Л. 6–7.

⁵⁸ Там же. Л. 7.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 7, 20. По поводу выступления В.А. Деготя см. ниже. О Коробкове ср. *Должанская Л.* Репрессии 1937–1938 гг. в московских артелях ОПК // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (2004). С. 288.

⁶¹ Он участвовал в 1935 г. в деятельности Президиума ОПК. Ср. Протокол 15/ 523 заседания Президиума ЦС ОПК (1935) ГАРФ. Л. 3. Коробков был наборщиком. В соответствии с отчетом ОГПУ он в конце 1926 г. безуспешно пытался найти работу и жил в очевидной бедности. Ср. *Павлов Д.Б.* Указ. соч. С. 94.

⁶² Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 8.

⁶³ Мучник подробно варьирует тему. В данном случае речь идет о кратком резюме. Там же. Л. 8–9.

⁶⁴ Там же. Сталин констатировал в своем письме, что троцкизм – не фракция коммунистического движения, а лакей буржуазии. Ср. *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма // КиС. 84/85 (1931) № 11–12. С. 18. Эта дословная цитата из письма Сталина вызвала некоторое замешательство. Для разъяснения своей позиции в этом вопросе Сталин опубликовал еще два письма. Ср. Ответ тов. Сталина тт. Олехновичу и Аристову // КиС. 95 (1932) № 10. С. 1–11.

⁶⁵ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 85–86.

⁶⁶ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 10.

⁶⁷ Там же. Л. 12.

⁶⁸ Ср. главу VIII настоящей работы – «ПОПЫТКА СПАСТИ ИДЕНТИЧНОСТЬ (1931 г.)».

⁶⁹ ОПК взяло на себя шефство над заводом. Оно организовывало там выступления своих членов и выставки. Кроме того, Общество передавало книги в так называемые «ленинские уголки». Там же. (Протокол) Л. 10–11.

⁷⁰ Существование этой брошюрки более не поддается библиографическому доказательству.

⁷¹ При этом речь шла о списках, созданных царской политической полицией. Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 25.

⁷² Там же. Л. 17.

⁷³ Там же. Л. 20–21.

⁷⁴ Там же. Л. 32–37.

⁷⁵ Там же. Л. 35. При этом Бублеев ссылается на письмо Ярославского, которое, очевидно, было зачитано присутствовавшим. В нем Ярославский, по словам Бублеева, представил изложение нескольких биографий участников революционного движения в «Словаре» (= библиографической энциклопедии) как нечто недостаточное. Там же.

⁷⁶ Эту характеристику дает Алаторцева А.И. Советская историческая периодика. С. 224.

⁷⁷ По поводу принятия Крамольникова ср. Резолюции и постановления IV Всесоюзного съезда ОПК. 15–20.4.1931 // КиС. 79 (1931) № 6, приложение. С. 38. Его работа в редакции определенно доказуема с 1933 г.: Протокол 8 заседания Фракции ЦС ОПК от 22.5.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 74–80.

⁷⁸ П.И. Пестель (1793–1826) – декабрист, полковник. Участвовал в войне 1812 г. против Наполеона. Основатель и руководитель Южного общества декабристов. Арестован по доносу в 1825 г. и 13 июля 1826 г. казнен через повешение. – БЭС, том 2. С. 137.

⁷⁹ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 22–25.

⁸⁰ Там же. Л. 13.

⁸¹ Там же. Л. 15–16.

⁸² Книжник-Ветров был старым историком поколения, отмеченного воздействием буржуазной исторической школы. *Твардовская В.А.* Указ. соч. С. 92.

⁸³ Там же. Л. 14. Ср. *Книжник-Ветров И.* Петр Лаврович Лавров. 2-е изд. – М., 1930.

⁸⁴ Деготь был одним из немногих членов ОПК, публиковавших статьи о послереволюционной эре и, соответственно, Гражданской войне. Ср. *Деготь В.* Большевик и белогвардейщина во время Гражданской войны // *КиС.* 80 (1931) № 7. С. 26–39.

⁸⁵ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. Л. 18–20.

⁸⁶ Там же. Л. 31–32.

⁸⁷ Невский был убежден, что Крамольников в своей речи будет пристально рассматривать энциклопедию. Это видно из его действий. Там же. Л. 21–25, 28. Записка Ярославского была зачитана на заседании. Там же.

⁸⁸ Там же. Л. 26.

⁸⁹ О Львове ср. там же. Л. 20. Никитина не могла решиться на вступление в ОПК. Там же. Правда, в 1934 г. ее имя приводилось в списке членов.

⁹⁰ Невский ссылается здесь на тома, которые он курировал.

⁹¹ Это требование направляется преимущественно против Шпилева. Даже если документ и содержит на 98% ложные факты, возможно, что с помощью имеющегося остатка удастся, например, доказать, что определенное лицо было шпионом. Константинова (здесь ошибочно назван Крамольников), который сообщал, что его ученики не будут читать введения и комментарии, он упрекает в том, что тот не воспитывал их правильным образом. Там же. С. 25, 30.

⁹² Там же. С. 25–30

⁹³ Там же. Л. 31.

⁹⁴ Там же. Л. 57–58.

⁹⁵ Там же. Л. 41.

⁹⁶ Там же. Л. 40.

⁹⁷ Годом позже Ярославский сообщал, что он в связи с этим делом обратился прямо к секретарю ЦК Кагановичу и что затем в его присутствии в ЦК обсуждался вопрос о разграничении в содержании журналов. Были установлены следующие основные задачи: «Историк-марксист» – вопросы методологии истории, общие вопросы истории, западноевропейская история (история Запада), история России и принципиальные вопросы и др., «Пролетарская революция» – история партии, «Борьба классов» – более широкие темы, в том числе и с исторической точки зрения, «Каторга и ссылка» – главным образом история каторжного труда и ссылки и история революционного движения до возникновения партии. Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции пленума ЦС ОПК от 16.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 150.

⁹⁸ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК (8.1.1932) ГАРФ. Л. 40. Выделено в тексте.

⁹⁹ Там же. Л. 40.

¹⁰⁰ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 62.

¹⁰¹ Там же. Л. 62–63.

¹⁰² Там же. Л. 64.

¹⁰³ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 42.

¹⁰⁴ Там же. Л. 44; Ср. также Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 61.

¹⁰⁵ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 44.

¹⁰⁶ Шейн прямо ссылается здесь на Сталина, который в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» обвинил ее в предоставлении «платформы» для троцкистских и антипартийных взглядов.

¹⁰⁷ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 60. В качестве примера он приводит буржуазных и социалистических экономистов Н.Д. Кондратьева, А.В. Чайнова, В.Г. Громана и Н. Суханова. Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 45.

¹¹⁰ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 61, 70.

¹¹¹ Первое издание трудов В. Фигнер вышло в 1929 г.

¹¹² Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 45.

¹¹³ *Сталин И.В.* Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения. – *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. – М., 1949. С. 191–199. (*Сталин И.В.* Головокружение от успехов // Правда, 1931, 2.3. С. 1–3). Теодорович выступает 12.1.1932 с подобными аргументами также против Трифонова и Львова. Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 66–69.

¹¹⁴ Н.Н. Накоряков (1881–1970) был среди создателей издательства «Советская энциклопедия».

¹¹⁵ Накоряков присутствовал и на других важных заседаниях. Ср. Протокол 6 заседания Фракции Президиума ОПК от 11.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 45.

¹¹⁶ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 47. Ср. также выступления от 12.1.1932, включенные здесь в изложение: Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 72.

¹¹⁷ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 50.

¹¹⁸ Почему именно коммунистическая фракция была создана в редакции, установить не удалось.

¹¹⁹ Не удалось установить, когда этот «совет старост» (старостат) начал свою работу. Впервые этот институт, не названный ни в одном уставе ОПК, упомянут Теодоровичем в апреле 1928 г. (Ср. Протокол 10 заседания Бюро Фракции РКП(б) при ЦС (13.4.1928) ГАРФ. Л. 50). В 1933 г. в него входили Ярославский, оба заместителя «старосты» Теодорович и Корочкин, а также Коп, Шумяцкий, секретарь ОПК Григорьев и в качестве представителя беспартийных Шебалин (Ср. Материалы III Пленума ЦС ОПК от 5–19.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 4. Л. 28). Со времени основания ОПК секретарь Общества был и секретарем «старост». Можно предположить, что при растущей величине ОПК и прежде всего ввиду перегруженности работой Ярославского как бюро «совета старост», так и сам этот совет выступали в качестве посредника между Ярославским и органами ОПК. «Совет старост» заседал, как правило, прямо в бюро Ярославского.

¹²⁰ А.П. Голубков (1880–?) – член РСДРП с 1902 г., в 1909 г. арестован и в 1910 г. осужден. 2,5 г. находился в тюрьме и 6,5 лет в ссылке. Член ВКП(б), ОПК и ОСБ. Ср. Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. Биографический указатель членов Всесоюзного Об-ва политических каторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1927. С. 66.

¹²¹ ОПК смогло привлечь Черномордика к сотрудничеству в качестве как автора, так и члена редакции. Ср. *Черномордик С.И.* К 50-летию Группы «Освобождение труда» // КиС. 109 (1932) № 12. С. 5–36. С выходом № 9 за 1933 г. он впервые выступил как редактор «Каторги и ссылки».

¹²² Э. Генкина – советский историк, выступившая в 1930 г. как критик предложенную Теодоровичем концепцию интерпретации значения «Народной воли». Ср. Дискуссия о «Народной воле» в Обществе историков-марксистов // Историк-марксист (1930) № 15. С. 126–128.

¹²³ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 73, 75.

¹²⁴ Конкретно Теодорович имеет в виду дилетантскую работу Д.С. Надельштейна. Там же. Л. 82.

¹²⁵ Там же, 78–81, 81.

¹²⁶ Там же. Л. 84.

¹²⁷ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 50.

¹²⁸ А.М. Гинцбург (1878–?) – с 1897 г. первый тесный контакт с революционным движением в Витебске, Харькове и Двинске, прежде всего с Бундом. После прекращения занятий в Екатеринославском университете агитация среди рабочих. Вступление в Екатеринославский комитет РСДРП. Затем член редакции газеты «Южный рабочий». Благодаря основанию многочисленных редакций решающим образом способствовал распространению этой газеты. В 1902 г. арестован, приговорен к 8 годам ссылки. В 1905 г. побег и работа у меньшевиков. В 1910 г. новый арест и освобождение. В 1911 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В Киеве нелегальная работа для меньшевиков. С октября 1917 г. член Киевского коми-

тета меньшевиков. После взятия власти большевиками в 1918 г. в Киеве работает в различных учреждениях. В 1922 г. переезжает в Москву и работает на руководящих должностях в ВСНХ. В 1930 г. арестован ОГПУ и в 1931 г. осужден на 10 лет по делу «Союзного бюро меньшевиков». Ср. *Гинцбург А.М.* Деятели революционного движения. Том 5. Социал-демократы. Выпуск второй: В-Г. – М., 1933. С. 1254–58.

¹²⁹ А.М. Гинцбург был в 1931 г. осужден за «вредительство». Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК от 12.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 107.

¹³⁰ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК (8.1.1932) ГАРФ. Л. 50.

¹³¹ Декларация была опубликована в «Каторга и ссылка» в виде мнения редакции по делу Чужака-Насимовича. Ср. От редакции журнала «Каторга и ссылка» // КиС. 84–85 (1931) № 11–12. С. 23–28. Номер вышел с некоторой задержкой только в феврале 1932 г.

¹³² Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК (8.1.1932) ГАРФ. Л. 22–54. Крамольников предлагает приостановить его работу в комиссии до тех пор, пока не будут выяснены выдвинутые против него в печати обвинения в отстаивании троцкистских позиций. Невский отклоняет свое участие в комиссии, так как он не является членом ОПК. Кроме того, Бублеев обвинил его в примиренчестве. Там же. Л. 55.

¹³³ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью Редакции Издательства ОПК (12.1.1932) ГАРФ. Л. 56.

¹³⁴ Снова было зачитано письмо Сталина. Там же. Л. 57.

¹³⁵ Аксельрод П.Б. (1850–1928) – народник. Член кружка «чайковцев». Один из основателей группы «Освобождение труда». С 1900 г. член редакции газеты «Искра». С 1903 г. ведущий меньшевик. К Октябрьской революции отнесся отрицательно. Ср. Аксельрод П.Б. // Деятели революционного движения. Том 5. Социал-демократы. Выпуск первый: А-Б. – М., 1931, ст. 1850–1858.

¹³⁶ Там же. Л. 58–60.

¹³⁷ Там же. Л. 66.

¹³⁸ Там же. Л. 67.

¹³⁹ Там же. Л. 66.

¹⁴⁰ Там же. Л. 67.

¹⁴¹ Там же. Л. 64–65.

¹⁴² Там же. Л. 79.

¹⁴³ Там же, 89–91.

¹⁴⁴ *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма // КиС. 84/85 (1931) № 11–12. С. 7–18.

¹⁴⁵ *Ярославский Е.* Об одной фальсификации истории нашей партии // КиС. 84/85 (1931) № 11–12. С. 19–22.

¹⁴⁶ Там же. С. 19.

¹⁴⁷ От редакции журнала «Каторга и ссылка» // КиС. 84/85 (1931) № 11–12. С. 23–28.

¹⁴⁸ Там же, 27–28.

¹⁴⁹ Ср. Резолюция заседаний коммунистической Фракции ЦС и Ревизионной комиссии ОПК по докладу Ответственного редактора Издательства ОПК и заключению председателя Ревизионной Комиссии [Бублеева] о ходе проверки членов ОПК от 12.11.1932. Машинописный текст с пометкой Е.М. Ярославского. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 60. Л. 1об.

¹⁵⁰ Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 26.12.1931. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 127.

¹⁵¹ Там же. Л. 114.

¹⁵² Кроме того, Мучник явно пошел на попятный относительно Коробкова: «Не было бы необходимости говорить [о Коробкове]». Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 49.

¹⁵³ Динамика ведущих тем мемуарного комплекса журнала «Каторга и ссылка». Количество публикаций по годам издания. – *Колесникова Л.А.* Народническая мемуаристика. По материалам исторического комплекса журнала «Каторга и ссылка». – Нижний Новгород, 1999. С. 57.

¹⁵⁴ Ср. диаграмму 2 на С. 415 данной работы.

¹⁵⁵ Именно в этом пункте даже Покровский занял жесткую позицию против Минца, подчеркивая, что объективность истории партии невозможна. Ср. *Энтин Г.М.* Указ. соч. С. 154.

¹⁵⁶ Но понятие диалектики и далее использовалось в виде пустой фразы. Ср. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) и задачи историков партии // Красная летопись (1933) № 2. С. 14–15.

Глава X

ПРЕВРАЩЕНИЕ В ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ИНСТИТУТ ПАРТИИ (1933–1934 гг.)

Уже с IV Всесоюзного съезда ОПК в апреле 1931 г. агитационная и пропагандистская работа стала важнейшей сферой деятельности Общества¹. Это означало, что историографическая деятельность ОПК измерялась теперь прежде всего тем, какую пользу она приносила советскому государству и партии большевиков. Спорным, однако, оставался вопрос о том, при каких содержательных и методических предпосылках должна была осуществляться историческая исследовательская работа. Самое позднее после письма Сталина в «Пролетарскую революцию» на переднем плане находился, однако, вопрос не о том, *следует ли* подчинять историческую исследовательскую работу политическим потребностям, а все более отчетливо о том, *как* это должно произойти.

В данной главе следует рассмотрены реальные механизмы управления Обществом со стороны ЦК ВКП(б) и при этом особенно его «Культпропотделом». С методической точки зрения это происходит путем исследования структур, которые разрабатывало ОПК, чтобы реагировать на попытки управления и влиять на них. Далее в поле зрения остаются также дискуссии внутри Общества.

1. Работа в усложненных условиях

Условия, при которых продолжало работать ОПК, по-прежнему оставались трудными. Коммунистическая фракция Общества более года была занята обеспечением своей модифицированной

линии, т. е. прежде всего получением от «Культпропотдела» ЦК подтверждения будущей направленности своего журнала «Каторга и ссылка».

Со времени публикации редакционного комментария в «Каторге и ссылке» в феврале 1932 г. прошло лишь несколько месяцев внешнего покоя. Затем многочисленные нападения на «Каторгу и ссылку» продолжались. Главной мишенью атаки снова, как и в прошлом, был Теодорович. Это подтверждается и восприятием Ярославского: «[...] я должен сказать, что полемика вокруг “Каторги и ссылки” ведется действительно очень давно и ведется она, главным образом, по линии критики т. Теодоровича, как ответственного редактора»².

Уже в июне 1932 г. на видном месте, а именно в журнале «Большевик», снова появилась отрицательная рецензия на «Каторгу и ссылку». Ее автором был ответственный секретарь журнала «Большевик» К. Костко, а называлась статья «Об “ахиллесовой пяте” тов[арища] Теодоровича и гнилом либерализме»³.

Костко начинает с «доказательства» того, что Троцкий и его сторонники продолжают вооружаться против Советский Союза и в особенности фальсифицируют историю большевиков. Хотя Сталин в правильный момент и указал на эти процессы в своем письме в «Пролетарскую революцию», некоторые исторические журналы еще не осознали серьезность ситуации. Со своим «гнилым либерализмом» по отношению к всевозможному меньшевистскому «барахлу» они лишь недостаточно доказали свою готовность «правильно» рассматривать историю большевизма. В доказательство Костко приводит № 10 и двойной (№ 11–12) номер «Каторги и ссылки» за 1931 г. В дополнение он критикует статью Теодоровича из двойного (№ 2–3) номера журнала за 1932 г., в которой тот под названием «От диктатуры помещиков к диктатуре пролетариата» дал краткий очерк истории революционного движения⁴.

Просмотр редакционных комментариев⁵ №№ 10 и 11–12 журнала «Каторга и ссылка» за 1931 г. приводит Костко к заключению о том, что редакция в № 10 сформулировала в качестве своей задачи рассмотрение всей истории революционного движения до Октябрьской революции, чтобы затем номером позже (№ 11–12) вдруг вознамериться представить одну лишь предысторию революционного марксизма. Журнал, очевидно, не в состоянии найти правильное место на «историческом фронте»⁶. Костко игнорирует при этом, однако, что редакционный комментарий в № 10 был написан еще до письма Сталина⁷.

В качестве введения к своей критике статьи Теодоровича Костко иронически изображает автора как личность, известную своими «новаторскими» выступлениями о «Народной воле». За эти ошибки Теодорович получил «взбучку». После таких «безуспешных» экскурсов в предысторию Теодорович, написав статью, в центре которой стоит важное высказывание о революции 1905 г., продвинулся в «суть» истории⁸. Костко упрекает Теодоровича в том, что он занимается только руководящей ролью рабочего класса по отношению к крестьянству и при этом полностью пренебрегает тезисом Ленина и партии большевиков о переходе от буржуазной революции к социалистической. Но такое поведение – «оппортунистическое». Напоследок Костко еще клеймит Теодоровича как «фальсификатора» истории большевиков, отрицающего их ведущую роль в революции 1905 г. Теодорович писал, что большевики и меньшевики в 1905 г. *формально* были единой партией, но различались в вопросах тактики и организации. В своей интерпретации этой статьи Костко затем опускает слово «формальный», в результате чего высказывание превращается в «доказательство» тезиса, согласно которому Теодорович утверждал, что большевики в 1905 г. не существовали в виде самостоятельной партии. Итог рассуждений Костко сводится в соответствии с его позицией к тому, что Теодорович однозначно выступает здесь против Ленина, датировавшего существование большевизма как политического течения и как политической партии 1903 г.⁹ Теодорович превращается в интерпретации Костко в человека, отрицающего руководящую роль большевиков в результате того, что он объясняет в своей статье поражение революции 1905 г. отсутствием единого политического руководства и охватывающей революционной партии¹⁰.

В заключение Костко нападает еще и на Я. Шумяцкого, который, несмотря на установленные грубые политические ошибки, утверждал в последнем номере «Каторги и ссылки», что активная команда ОПК даже до появления письма Сталина располагала достаточным политическим чутьем¹¹. Напротив, Костко ставит под сомнение качество журнала «Каторга и ссылка» в целом и заканчивает следующим тезисом:

«Надо покончить с попытками ревизовать основные положения ленинизма, с попытками принизить роль большевистской партии в революции 1905 г. Одной из таких попыток является и статья т. Теодоровича»¹².

В начале 1933 г. из-за статьи Костко возникли серьезные разногласия между филиалами ОПК. Коммунистическая фракция совета второго по величине филиала ОПК в Ленинграде¹³ приняла в конце декабря – начале января резолюцию, в которой она критиковала московскую головную организацию и в особенности коммунистическую фракцию Центрального Совета за их ошибочную публикаторскую политику. Эта политика привела в конце концов к плохой оценке «Каторги и ссылки» в журнале «Большевик» со стороны Костко и дискредитировала журнал в глазах партии и комсомола¹⁴.

Попытки дисциплинировать Теодоровича переместились уже в ноябре 1932 г. и в «Культпропотдел» ЦК. На заседании «Культпропотдела», на которое были приглашены редакторы исторических журналов и несколько историков, речь снова шла о «Народной воле»¹⁵. В присутствии Теодоровича обсуждалась, в частности, его статья о бывшем члене Исполнительного комитета «Народной воли», Н.А. Морозове¹⁶. Прежде всего заведующий Отделом партийной пропаганды и агитации (Культпропотделом) ЦК А.И. Стецкий¹⁷ и его заместитель Я.С. Хавинсон воспользовались этим как поводом для резкой атаки на позицию Теодоровича в отношении «Народной воли». При этом Стецкий назвал Теодоровича «крестьянским философом»¹⁸.

23 января 1933 г. Хавинсон в качестве так называемого «политредактора» (Ф. Кон) «Каторги и ссылки» по приглашению Кона даже лично выступил на заседании коммунистической фракции Президиума Центрального Совета Общества¹⁹. Наряду с членами фракции²⁰ и некоторыми членами ОПК²¹ присутствовали также члены редколлегии В.Н. Соколов и В.С. Цветков-Просвещенский²².

На переднем плане в речи Хавинсона, посвященной дальнейшей направленности журнала «Каторга и ссылка» – обнаружение ряда ошибок в годовых комплектах 1931 и 1932 гг. Особенно интенсивно Хавинсон снова обсуждает некоторые статьи Теодоровича, в которых рассматривается «Народная воля», и открыто угрожает ему последствиями. Если он и далее не будет придерживаться тезисов «Культпропотдела» о «Народной воле» от 9 апреля 1930 г., такую позицию сочтут грубой политической ошибкой²³. Наряду с этим Хавинсон цитирует выписки из многих других статей журнала, в которых при описании революционной истории до Октябрьской революции имелись нарушения линии партии. В качестве примера такого заблуждения он приводит статью

Н. Святицкого о главе созданного в феврале 1917 Временного правительства А.Ф. Керенском. Это – не что иное как «апология» Керенского²⁴.

Теодорович подвергался критке и из рядов Общества. Так, Шумяцкий сделал Теодоровичу выговор за его «рискованные сравнения и параллели». Он, по мнению Шумяцкого, часто добивается противоположного тому, чего намеревался достичь. Вместе с Вольнским он призывает Теодоровича не прибегать постоянно к угрозам о прекращении публикаций о «Народной воле» или даже уходе из редакции. Напротив, он должен писать так, как подобает члену партии и, руководствуясь директивами ЦК ВКП(б), проводить в ОПК генеральную линию партии²⁵. Сотрудник издательства ОПК Бреслав осуждает исключительное занятие журнала «Народной волей». Временами возникает впечатление, будто остального революционного движения не существовало. Необходимо исследовать также дальнейшие периоды и «заставить» приверженцев ВКП(б) писать для журнала²⁶. В заключение Бреслав просит «Культпропотдел» и коммунистическую фракцию ОПК поддержать его в осуществлении намерения побудить редакцию «Каторги и ссылки» особо бдительно проверять материалы, предусмотренные к публикации. «Культпропотдел» должен вмешиваться непосредственно на уровне редакции. Преимущество заключалось бы также и в том, что таким образом извне, например, через «Культпропотдел» ЦК, в редакцию вносились бы критические идеи. Это необходимо, так как редакция представляет собой слишком сыгранную команду. Поэтому она часто упускает из виду ошибки того или другого товарища. Шейн еще раз дополняет свою идею о повышении доли большевистских авторов в «Каторге и ссылке». Список авторов «перегружен» беспартийными. В журнале можно даже найти контрреволюционные статьи.

Летом 1933 г. снова последовала обстоятельная публичная критика «Каторги и ссылки» и издательства ОПК. На сей раз это произошло в журнале «Борьба классов»²⁷, выпускавшемся в издательстве «Правда»²⁸. В отличие от статьи Костко оценки, данные авторами обеих этих статей (П. Казанским²⁹ и Г. Аркадьевым), основываются на детальном анализе продукции ОПК. Рассматриваются две категории ошибок. Сначала даются примеры «гнилого либерализма», приходящиеся еще на время до письма Сталина, а затем авторы приводят доказательства недостаточной перестройки

редакции «Каторги и ссылки» и издательства после письма Сталина. С помощью конкретного анализа ошибок преследуется цель фиксирования определенных руководящих указаний. Ни журнал, ни издательство не должны в будущем предоставлять платформу бывшим приверженцам других социалистических партий и движений, после революции действовавших против большевиков. В соответствии с аргументацией в обеих статьях такие авторы выражали бы более или менее открыто свое враждебное отношение к большевикам, игнорировали бы значение большевиков и тем самым фальсифицировали историю революционного движения³⁰.

Казанский и Аркадьев посвящают больше всего места крайне медленной перестройке журнала и издательства, в особенности изменению руководящего персонала. Результат, если говорить о «Каторге и ссылке» и ее главном редакторе на содержательном уровне, таков:

«Тов. Теодорович со страниц журнала “Каторга и ссылка” продолжает отстаивать свои прежние антипартийные утверждения, осужденные прошедшей дискуссией о “Народной Воле” и тезисами Культпропа ЦК ВКП(б). [...] Подобные взгляды в исторической литературе являются по существу правооппортунистическими»³¹.

Руководитель издательства Шумяцкий подвергается критике за многочисленные неточности – на основании его собственных трудов и тех работ, которыми он руководил. Предметами критики являются, например, недостаточное принятие им во внимание интерпретаций, данных Лениным, отсутствие различия между большевиками и меньшевиками и, наконец, недостаточная бдительность в редактировании статей, авторы которых – беспартийные и в которых «преувеличивается» значение меньшевиков и эсеров, а также анархистов или идеализируются каторга и ссылка³².

Оба автора требуют повысить бдительность, а тем самым и качество результатов. Кроме того, следует, по их мнению, больше заниматься историей рабочего движения (Казанский) и, соответственно, историей большевистского подполья (Аркадьев)³³.

Зимой 1933 г. старый большевик С.И. Черномордик, который был также членом редакции, опубликовал в «Каторге и ссылке» статью о группе Плеханова «Освобождение труда». В статье он ложно приписывает всей народнической революционной интеллигенции отвержение применимости идей Маркса к России.

«(...) что в среде народнической революционной интеллигенции укоренилось мнение, что учение Маркса, по существу правильное, неприменимо к России»³⁴.

Отрицается также влияние «Народной воли» на группу «Освобождение труда» и, напротив, подчеркивается исключительно поток идей II Интернационала, Маркса и немецких коммунистов³⁵.

Давление на ОПК не осталось без последствий для его микроструктуры. Имело место наведение порядка изнутри. ОПК развивало внутри себя инструментарий для регламентации своей историографической работы и модифицировало ее содержательный профиль. Так Центральное бюро Научно-историко-исследовательских секций (НИИС)³⁶ превратилось в важнейший центр принятия решений по содержательным и организационным вопросам, касавшихся исторического исследования, историографической продукции и выступлений членов Общества на общественных мероприятиях, на предприятиях и в организациях. При этом Центральное бюро НИИС все более использовалось для того, чтобы «сплавить» область историографической работы со сферой агитации и пропаганды. Был разработан «генеральный план» с ведущими темами, придерживаться которого надлежало историческим секциям, землячествам и в соответствии с этим структурам филиалов³⁷. В то же время Центральное бюро НИИС служило инструментом управления для того, чтобы справиться со стремительным нарастанием табу в историографии. Указания на сильную ориентацию Бюро в сторону пропагандистской работы дает личный состав и развитие этого органа. До начала 1933 Константинов работал в Центральном бюро НИИС. С февраля 1926 г. он постоянно выступал в коммунистической фракции ОПК. С 1928 г. он работал редактором в «Каторге и ссылке», затем в начале 30-х гг. принял на себя должность председателя Комиссии по агитации и пропаганде ОПК. Константинов считал, что «культурно-педагогической работе» и «агитации и пропаганде» следует дать преимущество перед исследовательской деятельностью³⁸. В НИИС входил также Н.М. Козубенко (в прошлом эсер-максималист, теперь член ВКП(б)). Он был многолетним членом Общества и его коммунистической фракции. Его основной интерес уже много лет был обращен к культурной и агитационной работе³⁹. Он поддерживал также контакты с МОПР⁴⁰. Г.И. Шпилев (РСДРП, ВКП(б)) также входил в НИИС. В 1928 г. он начал работать в коммунистической фракции. В начале 1933 г. он принял от Константинова

пост председателя Комиссии по агитации и пропаганде ОПК⁴¹. Другими членами НИИС были Н.Ф. Чужак-Нисимович (до 1931 г.) и Б.П. Козьмин. Константинов, Козьмин и Н.Ф. Чужак-Нисимович были очень квалифицированными профессионалами. Других интересовали преимущественно политико-идеологические вопросы.

Наконец, большинство членов Общества, занимавших важные позиции, работали в Центральном бюро НИИС. В мае 1935 г. коммунистическая фракция утвердила следующих членов созданной тем временем в Центральном бюро НИИС «Редколлегии по редактированию и разработке программы относительно историко-революционного материала»: Ярославский, Бреслав, Максак, Константинов, Шпилев, Крамольников, Теодорович, Мицкевич, Кон, Виленский-Сибиряков, В.Н. Соколов, Козьмин, Горев, И.Н. Мошинский, А.Т. Водолазский (РСДРП, в настоящее время беспартийный), Г.Г. Сушкин (РСДРП, в настоящее время беспартийный) и Диманштейн. В качестве опоры коммунистической фракции в землячествах и исторических секциях Центральному бюро НИИС удалось и на практике осуществить свои цели. Благодаря его влиянию совершилось ощутимое перемещение к общим темам, таким, например, как «Культурное влияние ссылки на Сибирь» или «Условия жизни в отдельных лагерях». За ними отступал на задний план и индивидуальный взгляд на прошлое. Столкновения между отдельными политическими лагерями революционного движения или больше совсем не рассматривались или подвергались манипулированию в пользу большевиков. Все более усиливалась тенденция к одностороннему подчеркиванию заслуг последних⁴². Центральное бюро НИИС заботилось также и о том, чтобы члены Общества в документах ОПК дополняли свои биографии информацией за 1917–1934 гг.⁴³ Речь не шла более о повышении контроля над членами ОПК. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что таким образом деятельность после революции обрела ту же значимость, что и деятельность в революционном движении до 1917 г. В соответствии с растущим значением социальной и политической активности после революции членов ОПК, как явствует из речи Корочкина на собрании коммунистической фракции московской головной организации 22 марта 1933 г., с помощью экономического и психологического давления принуждали к участию в пропагандистской работе и историографической деятельности. В качестве подобающей реакции на «обостряющуюся классовую борьбу» в капиталистическом мире и в Советском Союзе следовало не только дать недвусмыс-

ленную отповедь антисоветским высказываниям, но и вести решительную борьбу против «обывательщины» среди членов ОПК. Это означало, что нельзя было более мириться с тем, что члены Общества вели себя политически нейтрально и в остальном рассматривали ОПК как организацию по оказанию помощи. Теперь под угрозой исключения их обязывали при содействии ОПК участвовать в жизни советского общества. Те, чье неучастие длилось год, исключались из ОПК. Возможными сферами активности были шефство, работа в музее ОПК, участие в работе НИИС и решении их задач, в издательстве и других сферах деятельности ОПК⁴⁴. Корочкин недвусмысленно осуждает:

«[...] когда приходит время выдачи книжек, карточек и т. д., здесь бывает очень большой наплыв, собирается громадное количество народа, а когда надо послать докладчика, когда надо осуществлять план нашей культпропработы, когда надо проводить нашу шефскую работу, тогда мы очень и очень многих не видим»⁴⁵.

Корочкин призывал членов Общества (членов партии и беспартийных) участвовать в историографической работе и воспитывать трудящиеся массы с помощью своего опыта «прежней классово-борьбы».

«Мы (я говорю не только о настоящем собрании, а об Обществе в целом) должны заявить твердо, что мы на стороне борющегося пролетариата, что мы вместе с ним хотим строить социалистическое общество. Мы должны от лица Общества сказать, что не должно быть места шатающимся в нашей среде. Мы должны прямо сказать, что тем, кто стыкается с классовым врагом, кто поддерживает антисоветские группировки, не должно быть места в рядах нашего общества»⁴⁶.

О том, сколь высока была активность и в соответствии с этим потребность в сотрудничестве, свидетельствует, например, шефство ОПК над московским предприятием «Электрозавод». По данным Дубинского, с принятия шефства в ноябре 1930 по 1933 г. на заводе было проведено 1026 докладов, 84 дискуссии и организовано 24 круглых стола с 831 заседаниями, а также напечатано 25 статей в заводской многотиражной газете «Электрозавод». Кроме того, была проведена проверка снабжения рабочих продовольствием и промтоварами, правильной выдачи продуктовых карточек рабочим-передовикам, а также плановых и контрольных цифр⁴⁷.

2. Механизмы защиты

Хотя давление на ОПК изнутри и извне и было велико, его руководящие кадры формировали наряду с описанными механизмами управления историографической работой и контроля над ней (Центральное бюро НИИС) другие механизмы защиты. До письма Сталина можно было публично и подробно отреагировать на нападки в «Каторге и ссылке». Теперь же использовались преимущественно неформальные или административные каналы. Жалобы направлялись прямо в редакции журналов, публиковавших критику. Наряду с этим имели место возражения, направлявшиеся в ЦК, его «Культпропотдел» и даже обращения в Политбюро. Большую активность здесь развили прежде всего Теодорович и Ярославский.

Например, Теодорович выступил против отрицательной рецензии на воспоминания бывшего члена «Народной воли» Н.С. Русанова. Он был ответствен за эти воспоминания. Рецензия появилась в журнале «Книга и революция», непосредственно подчиненном ЦК ВКП(б). Журнал контролировался «Культпропотделом» ЦК, т. е. статьи, помещавшиеся в нем, должны были оцениваться и редактироваться и здесь⁴⁸. Итог рецензии заключался в том, что Теодорович не сумел провести в своих комментариях четкую границу с эсерами. Вслед за тем Теодорович обратился к ответственному редактору «Книги и революции» Керженцеву, одобрявшему издание соответствующего номера. Тот признал, что книга Русанова ему незнакома, и пообещал ее прочитать. В следующем номере «Книги и революции» появилась поправка рецензии редакцией журнала⁴⁹. Теперь Теодоровича хвалили за то, что комментарии к Русанову были абсолютно верными и достаточными⁵⁰.

Теодорович снова вступил в бой, когда в издававшемся Коммунистической академией журнале «Историк-марксист» в октябре 1932 г. был нанесен сильный и неожиданный удар по «Каторге и ссылке»⁵¹. В этом материале утверждалось, что журнал ОПК игнорирует большевистскую историю каторги и ссылки. В качестве примера журнал привел ряд статей из «Каторги и ссылки», в том числе статью В.М. Колосова, в котором тот утверждал, что народник Н.К. Михайловский⁵² был марксистом⁵³. По данным Теодоровича редакция «Каторги и ссылки» сразу же написала ответ, в котором доказывала, что Колосов никоим образом не характеризовал Михайловского как марксиста. Дело было пред-

ставлено отделу печати ЦК. Затем инструктор отдела признал, что он (Теодорович) имеет все причины представить редакция «Историк-марксист» на «суд ЦК»⁵⁴. После этого Теодорович сообщил о письме редакции «Каторги и ссылки» в адрес редакции «Историка-марксиста». В письме указано на то, что критики, очевидно, никогда не держали в руках «Каторгу и ссылку»⁵⁵. Ответственный секретарь журнала Гребенкин признался в конце концов даже в следующем:

«[...] потому что действительно автора, который писал эту статью мы все хорошо знаем, я не хочу называть его фамилии, но он руководствовался только групповыми целями, он не знал журнала [“Каторга и ссылка”] и никогда его не читал»⁵⁶.

Наконец, Теодорович получил и разрешение публично отреагировать на проблему в форме письма читателя в «Каторгу и ссылку»⁵⁷. В дополнение Теодорович воспользовался возможностью указать на то, что ОПК уже исправила многие ошибки, совершенные в прошлом. В качестве примера он приводит дело Чужака-Нисимовича и критику в «Каторге и ссылке» публикации книги Книжника-Ветрова о Лаврове⁵⁸.

В другой раз Теодорович передал статью Святицкого, раскритикованную Хавинсоном как «Апология Керенского», заведующему Отделом печати С.И. Гусеву. Тот в присутствии Теодоровича и Хавинсона согласился с мнением Теодоровича о некорректности комментария Хавинсона⁵⁹. На это Теодорович ответил следующим комментарием:

«[...] Значит не так велика моя вина, когда два редактора [...] выразили разные точки зрения»⁶⁰.

Еще одной стратегией защиты ОПК и ее продукции было недопущение публикаций рецензий. Здесь многое мог сделать для Общества прежде всего Ярославский, так как он входил в редколлегия ряда других журналов. Так, Теодорович сообщал, что Ярославский лично не допустил две рецензии о «Каторге и ссылке» и о книжной продукции издательства ОПК, которые, с одной стороны, должны были быть опубликованы в журнале «Пролетарская революция», а с другой – в «Историке-марксисте». Обе рецензии не были напечатаны, так как Ярославский сумел доказать рецензентам многочисленные объективные ошибки⁶¹.

Тем же способом Ярославский попытался не допустить печатания статьи Костко, о которой речь шла выше. Как член редколлегия журнала «Большевик» он имел право читать гранки. Он

вместе с Теодоровичем обсудил статью. По словам Теодоровича, они нашли не менее «14 фальсификаций». Вслед за тем Ярославский пригрозил редакции «Большевика» жалобой в Политбюро ЦК ВКП(б). Ему возразили с указанием, что Ярославский не имел права показывать гранки Теодоровичу и все-таки опубликовали статью. Правда, редакция смягчила ее содержание, учтя 8 из 14 претензий Ярославского и Теодоровича⁶².

Статья Костко не смогла еще и потому проявить свое воздействие в полном объеме, что как члены «старостата» ОПК и редакция «Каторги и ссылки», так и руководитель издательства Общества Шумяцкий сплоченно поддержали своего главного редактора, подвергнувшегося атаке по столь важному делу⁶³. К тому же интерпретация Теодоровича полностью совпадала с ленинской, а Костко с помощью пропусков сфальсифицировал тезисы Теодоровича. Теодорович изложил это со всей обстоятельностью в письме-жалобе в ЦК ВКП(б). Ярославский взял на себя задачу лично поговорить с Костко. Планы же Теодоровича дать в «Каторге и ссылке» ответ на статью Костко не были реализованы. ЦК ВКП(б) счел целесообразным больше не возвращаться к делу⁶⁴.

С помощью этих аргументов Теодоровичу и Ярославскому удалось заставить прекратить и критику внутри Общества – из филиала ОПК в Ленинграде, усилившуюся благодаря статье Костко. В Ленинградском филиале была создана комиссия по расследованию. От критики там полностью отказались⁶⁵.

В качестве успеха Теодоровича можно охарактеризовать и заявление «Культпропотдела» ЦК ВКП(б) о желаемой ориентации «Каторги и ссылки» на заседании коммунистической фракции 23 января 1933 г. Такой результат проявился уже в том, что Хавинсон в своем докладе «О дальнейшей ориентации журнала “Каторга и ссылка”» в точности следовал линии Теодоровича. Она же заключалась в том, чтобы в целом оценить положительно работу ОПК, в особенности достижения редакции «Каторги и ссылки» и издательства и допустить критику только относительно деталей⁶⁶. Так, ошибки, описанные выше, которые Хавинсон нашел в годовых комплектах «Каторги и ссылки», следует охарактеризовать именно как критику относительно деталей. Действительно решительных изменений или даже «нового» курса Хавинсон не требовал⁶⁷.

Напротив, он подчеркивает в своей речи, что ОПК – действующая структура и имеет много преимуществ, хотя хотя лишь немногие

его члены входят в партию и работают в ней. Кадры, занятые в журнале, «очень специфичны», и при оценке журнала это следует также принимать во внимание. О необходимости организационных изменений не может быть и речи⁶⁸. Коллектив сотрудников должен сохраниться и впредь. Но он призывает редакционную коллегию руководить кадрами журнала «по-большевистски». Следует еще более привлекать ветеранов революционного движения и умело использовать их статьи⁶⁹. Хавинсон не прибегает также к тематическому ограничению. Журнал должен и далее заниматься историей революционного движения до Октябрьской революции. Он недвусмысленно подчеркивает необходимость вовлекать в анализ и XX столетие⁷⁰.

Теодорович не мог быть в этом чем бы то ни было недоволен. Он концентрируется в своем ответе Хавинсону скорее на опровержении ошибок, констатированных в его статьях. Он вполне признает, что делал ошибки. Утверждать, однако, что все в его статьях неверно и ничего не является марксистско-ленинским – необоснованно и несправедливо. Кроме того, в тезисах «Культпропа» о «Народной воле» необоснованно утверждается, что он смешал утопический социализм с научным. Он всегда подчеркивал, что крестьяне могут прийти к социализму только под руководством рабочего класса. За исключением этих трех строк из тезисов «Культпропа» он согласен со всем остальным и постарается наполнить сказанное жизнью⁷¹.

Хотя Хавинсон и настаивал в конечном счете на своей критике, он все же признал, что Теодорович, наряду с ошибками в оценке «досоциал-демократической» фазы революционного движения предоставил очень ценный материал⁷².

После доклада Хавинсона была создана комиссия⁷³, имевшая поручение принять по докладу резолюцию, правомочную для ОПК⁷⁴. Комиссия представила ее только тремя месяцами позже, в апреле 1933 г., на голосование фракции Президиума Центрального Совета ОПК, а затем фракции пленума Центрального Совета⁷⁵. Окончательная редакция резолюции была согласована с Хавинсоном⁷⁶. В данном случае оказалось, что Теодорович смог застраховать свою стратегию.

Резолюция комиссии в значительной степени следовала высказываниям Хавинсона, отклоняясь от них только в одном пункте. Теперь «Каторга и ссылка» сосредоточивалась все же на «домарксистском» периоде революционного движения, что, как уже упоминалось, не обязательно шло вразрез с интересами Теodoro-

вича⁷⁷. Кроме того, несмотря на это «указание», в «Каторге и ссылке», а также в издательстве ОПК публиковались работы, рассматривавшие период до 1917 г., который выходил за установленные временные рамки.

По другим пунктам, упомянутым Хавинсоном, было принято решение вполне в понимании Теодоровича. Так, при формировании «авторского актива» должны были быть в состоянии со всей очевидностью вовлекаться и беспартийные сотрудники. Теодорович как член комиссии сумел также смягчить самую серьезную критику своих статей. В резолюции говорилось только:

«Надо заметить, что некоторые неточные формулировки в статьях Теодоровича о “Народной Воле” дают повод на констатацию, что эти формулировки не соответствуют тезисам культпропотдела ЦК ВКП(б)»⁷⁸.

В целом резолюция комиссии снова перечислила ошибки журнала и объяснила их недостаточной бдительностью редакции. Но, кроме этого, резолюция ограничилась общими призывами. Редакция была призвана усиливать на широком фронте «классовую пролетарскую бдительность» при оценке статей. В отношении обработки темы «Народная воля» следовало, как говорилось в резолюции далее, исходить из директив «Культпропотдела» и вразумительно отделить утопический социализм от научного, а также решительно разоблачать как неверную старую народническую теорию, в соответствии с которой крестьянство могло самостоятельно прийти к социализму⁷⁹.

В своей защите ОПК Ярославский и Теодорович большей частью действовали единодушно и с применением всех средств, имевшихся в их распоряжении. Их преимущество заключалось в том, что оба как нельзя лучше ориентировались в системе, сохраняли спокойствие и не делали ненужных уступок. В 1933 г. Ярославский четко сформулировал эту психологию с помощью следующей лаконичной фразы:

«Нельзя же так трагически реагировать на каждую статью, которая появляется»⁸⁰.

Ярославский и Теодорович защищали, однако, не только ОПК, но стремились повысить и свою репутацию и авторитет. Для этого они снова активизировали свое совместное начинание по регулируемому использованию потенциала лояльных небольшевистских сил в Обществе. Именно в начале 1933 г. Теодоровичу и Ярославскому удалось в этом отношении эффективная акция.

Они добились вступления в ОПК Веры Фигнер, как и того, что она сразу же начала участвовать в работе Президиума Центрального Совета Общества⁸¹. Им пришлось, правда, применить для этого весь свой авторитет и все умение вести переговоры, ибо поначалу эта акция грозила завершиться крушением. Так, летом 1932 г. Ярославский обратился в ЦК, чтобы выяснить, как отметить 80-летие⁸² Веры Фигнер. ЦК решил, что речи не может быть о чествовании большого масштаба, но что день рождения следует, тем не менее, отметить. Вслед за тем день рождения был отмечен поздравительным письмом, небольшим упоминанием юбилея в двух газетах и вручением Фигнер членского билета ОПК. Поздравительное письмо написал сам Ярославский. Ему же принадлежала и идея вручить Фигнер членский билет⁸³. Фигнер, однако, отклонила членство в Обществе. Обосновывая свою позицию, она, обращаясь к прежним подписанным ею петициям⁸⁴, указывала, что ОПК поддерживала смертную казнь и одобряла незаконные методы ОГПУ. Кроме того, Фигнер осуждала руководство Обществом его коммунистической фракцией. Точно также она высказывалась против периодических чисток в ОПК и, соответственно, «просвечивания» его членов, так как это нарушало революционную этику⁸⁵. После следующего письма Фигнер, в котором она просила извинения за свою категорическую позицию, в остальном сохраняя ее, и после ряда неудавшихся попыток посредничества со стороны Шумяцкого и беспартийного члена ОПК Баума, делом занялся ЦК ВКП(б)⁸⁶. Теодорович и Ярославский написали каждый по жесткому ответу на письмо Фигнер, которые они представили Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву (секретарь ЦК)⁸⁷. Чтобы избежать скандала, они не вовлекли в дело Президиум ОПК⁸⁸. По словам Теодоровича, Каганович в конце концов по поручению ЦК отсоветовал передавать Фигнер эти письма. Обоснование заключалось в том, что Фигнер – личность, с которой следует «считаться». Договорились, что лучшим решением было бы уговорить Фигнер отозвать письмо. Вслед за тем Ярославский поручил Теодоровичу, исходя из его хороших отношений с Фигнер соответствующим образом убедить ее, что ему в конце концов и удалось⁸⁹.

Несмотря на хорошее сотрудничество между Теодоровичем и Ярославским, которое они использовали для защиты ОПК, можно констатировать и большие различия в их отношении к Обществу. Эти различия заключаются в степени последовательности, проявленной в защите ими линии и особенностей ОПК.

В качестве «мерила» служит прежде всего обращение со звучащей уже в связи с отношением к Фигнер проблемой позиции Общества относительно ОГПУ. Именно в начале 30-х гг. вновь и вновь имели место аресты членов Общества, вызывавшие большое возмущение как раз его беспартийных членов. 10 апреля 1933 г. Е.Н. Ковальская-Солнцева написала письмо в Президиум Центрального Совета ОПК, в котором она жаловалась на противоречившее Уставу Общества исключение из него арестованных членов ОПК, еще не осужденных в законном порядке⁹⁰. И в Ленинградском филиале также защищались в форме пассивного сопротивления против исключения Центральным Советом 11 арестованных членов филиала. 60 членов Ленинградского филиала отказались подписаться под резолюцией, подготовленной коммунистической фракцией Совета, в которой санкционировался арест⁹¹.

Теодорович вел себя в отношении этих событий нейтрально. Напротив, Ярославский, прямо ссылаясь на аресты в Ленинграде, защищал исключения. Его ответ таков:

«Общество никому не позволяет использовать себя как легальную возможность для работы против коммунистической партии, для работы против советской власти. [...] а за таких людей мы ответственности нести не можем»⁹².

Это, по его мнению, не преследование ОПК. Борьба против таких лиц абсолютно справедлива. Кроме того, Ярославский обосновывает действия против членов Общества международным положением и внутривнутриполитической ситуацией, отпечаток на которую наложили проблемы коллективизации:

«Мне вам нечего рассказывать о том, в какой обстановке напряженной классовой борьбы не только у нас, но и во всем мире мы сейчас живем. Даже выступление гитлеровцев – нельзя так просто изолированно взять, а они связаны со всем тем, что у нас делается»⁹³.

За границей только и ждут обострения трудностей в Советском Союзе, чтобы нанести удар. Недаром, указывает Ярославский, «такие расчеты» составляются как раз тогда, когда мы оказались вынужденными на Северном Кавказе особенно жестко действовать против кулаков. В тот же момент снова активизировались эсеры и белогвардейцы и создали свою организационную структуру.

«Вот этим объясняется то, что за последнее время пришлось прибегнуть к арестам даже среди членов общества Политкаторжан. Часть членов общества Политкаторжан оказалось прямо за-

мешаной в участии подпольной эсэровской организации. Среди них оказался даже один из членов нашей партии, некий Михайлов [...] и, по-видимому, принимал участие даже в самом создании этой организации»⁹⁴.

Наконец, Ярославский связывает усиленную активность эсэров и белогвардейцев еще и с документом Рютина⁹⁵. Этот документ, точно так же, как и эсэровская подпольная организация, был нацелен на фазе обостренной классовой борьбы на то, чтобы отвести партию от генеральной линии, что равнозначно попытке реставрации капитализма⁹⁶.

Особая трудность состояла для Ярославского в том, чтобы неограниченно поддерживать главного редактора «Каторги и ссылки». Его позиция заключалась в том, что Теодоровича критиковали не всегда правильно. Напротив, Теодорович считал, что его *всегда* [курсив мой. – М.Ю.] критикуют неверно⁹⁷. Предметом разногласий между Ярославским и Теодоровичем была главным образом дискуссия о значении «Народной воли» для возникновения русского марксизма, которую Теодорович продолжал с большим упорством и при каждой представлявшейся возможности. Внешне Теодорович в своих статьях и комментариях к мемуарам, касавшимся истории «Народной воли», стремился пробудить впечатление, что следует директивам, высказанным в «Тезисах Культпропа» апреля 1930 г.⁹⁸ В деталях он, однако, постоянно переходил установленные границы, варьировал свои аргументы, выраженные в 1929–31 гг. и прибавлял к ним новые факты. Тем самым он вновь и вновь превращал себя и Общество в объект критики. Наряду с этим он даже пытался побудить ЦК и его «Культпропотдел» к отмене тезисов о «Народной воле». В письмах Стецкому и речах на пленуме коммунистической фракции ОПК в апреле 1933 г. он указывал на то, что все четыре автора «Тезисов культпропа» были разоблачены как троцкисты. Татаров исключен из партии, Горин обвинялся в плагиате у Троцкого, Фридлянду и Тинни также вменялся в вину троцкизм⁹⁹. Стецкий, однако, по словам Теодоровича, не отреагировал на эти упреки. Он ответил только:

«Они троцкисты, это верно, но как Культпроп я утвердил эти тезисы»¹⁰⁰.

Теодорович полагает, напротив, что это правильно только с формальной точки зрения, и в заключение делает еще мужественное дополнение:

«Я должен сказать, что, конечно, мною делались ошибки, но не надо трубить о них, не надо так полемизировать с моими ошибками, как полемизировал царизм с Чернышевским, поставив его к позорному столбу и сломав его шпагу»¹⁰¹.

Такая позиция позволяет понять, что Теодорович и в 1934 г. не прекратил попыток добиться реабилитации своих взглядов на «Народную волю» и тем самым освободиться в то же время от позорного пятна склонности к «правой оппозиции». С этой целью он подготовил большой сборник своих статей о «Народной воле», написанных в 1929–1933 гг. В кратком описании проекта Теодорович указывает, что все статьи могли появиться без разногласий с Главлитом, хотя бдительность в Главлите после выступления Сталина крайне обострилась¹⁰². Треть статей, предусмотренных для тома, прошла не только Главлит, но и аппарат «Культпропотдела» ЦК¹⁰³. Качество следующей трети специалисты сочли хорошим. В другой связи Теодорович сообщает, что вопрос публикаций сборника передан «Главлитом» Культпропотделу ЦК. Там Хавинсон был в конце концов готов пропустить книгу при условии, что три статьи будут удалены. Он, однако, отказался принять данное предложение и вместо этого с согласия Ярославского посетил Кагановича (секретаря ЦК и представитель Политбюро по вопросам науки и культуры). При беседе, состоявшейся 25 ноября 1934 г., присутствовал и Стецкий. Каганович, по словам Теодоровича, предствлял точку зрения, в соответствии с которой книгу следует издать, но дал Стецкому еще время, чтобы прочитать ее и вместе с ним [Теодоровичем] внести правку. Но Стецкий, несмотря на это указание, все же отказался согласиться с публикацией сборника и вместо этого показал ему соответствующее письменное обоснование своего отказа, предназначенное для секретариата ЦК и Каганович¹⁰⁴.

Тем не менее Теодорович все еще не сдался¹⁰⁵. Сначала он несколько раз обратился к Кагановичу, а затем к Сталину и Жданову¹⁰⁶. Затем он раздал опровержение всем членам Политбюро и позвонил 1 декабря 1934 г. всем по очереди членам Политбюро. Как К.Е. Ворошилов, так и Каганович, с которым он говорил около 2 час. [14 час.], сочли его аргументы правильными¹⁰⁷.

3. Проверка редакции и снятие И.А. Теодоровича с поста главного редактора

11 июня 1933 г. Коммунистическая фракция Центрального Совета ОПК неожиданно единогласно приняла на собрании 905 членов решение сместить Теодоровича с поста главного редактора «Каторги и ссылки» и руководителя издательства ОПК. Кроме того, бюро фракции и «Старостату» было поручено проверить коллектив сотрудников редакции и руководства редакции¹⁰⁸.

Главными инициаторами решения были Я.Б. Шумяцкий¹⁰⁹ и Ф.Я. Кон. Его корни уходили в 1930 г. Шумяцкий в дискуссии, возглавлявшейся Теодоровичем и ОПК, о значении «Народной воли» для возникновения и развития русского марксизма занимал внутри ОПК отрицательную позицию. Уже тогда он требовал одобрить публикацию первого сборника Теодоровича по этой дискуссии только в том случае, если там будут представлены «тезисы Культпропа»¹¹⁰. Шумяцкий, поддержанный В.Н. Соколовым, а до конца 1931 г. и Чужаком-Нисимовичем, занимал также в следующие годы в редакции «Каторги и ссылки» критическую позицию в отношении интерпретации Теодоровичем исторического значения «Народной воли» и вновь и вновь открыто заводил об этом речь на заседаниях редакции¹¹¹. Там, однако, по его собственным данным у него не было широкой поддержки. Поэтому он обратился в ЦК¹¹². В ноябре 1932 г. отношения между ним и Теодоровичем обострились. Шумяцкий был, без уведомления Теодоровича, приглашен на уже упоминавшееся ноябрьское заседание «Культпропотдела», на котором подвергалась критике позиция Теодоровича в отношении «Народной воли»¹¹³. На следующем заседании редколлегии «Каторги и ссылки» с отчетом выступали как Теодорович, так и Шумяцкий. По словам Шумяцкого, Теодорович сообщал, что редакцию только хвалили, а нападки Стецкого на него имели только «личные» причины¹¹⁴. Вопреки ожиданиям Шумяцкого, член редколлегии и второй уполномоченный Главлита А.П. Голубков (РСДРП(б), ВКП(б)), вместе с Шумяцким участвовавший в ноябрьском заседании Культпропотдела поддержал эту интерпретацию¹¹⁵. В соответствии с этим критика Шумяцкого, согласно которой Теодорович со своей оценкой «Народной воли» по-прежнему не соблюдает линию партии, не нашла поддержки¹¹⁶.

Контрмеры Теодоровича заключались в следующем: он позаботился о принятии осенью 1932 г. на заседании редакции решения рекомендовать Центральному Совету ОПК снять Шумяцкого с поста руководителя серии «Недорогая литература»¹¹⁷. В обоснование приводилась «полная некомпетентность» Шумяцкого в исторических вопросах, вызывавшая серьезные ошибки¹¹⁸. Эти ошибки были подтверждены и уполномоченным «Главлита» Цветковым-Просвещенским¹¹⁹. Несколько попыток примирения провалились. Шумяцкий не согласился с условием Теодоровича подписать *обязательство о том*, что в будущем он не станет по делам редакции «Каторги и ссылки» обращаться ни в Президиум ОПК, ни в ЦК ВКП(б) без предварительного согласования этого с редакцией¹²⁰. Кроме того, Шумяцкий и далее критиковал статьи Теодоровича. Наряду с этим именно ему принадлежала инициатива убедить коммунистическую фракцию Ленинградского филиала в том, чтобы вслед за упомянутой негативной рецензией Костко на журнал «Каторга и ссылка» и статью Теодоровича подать в коммунистической фракции Центрального Совета в Москве жалобу на невыносимые условия. В качестве ответного хода Теодорович добился 11 марта 1933 г. единодушно принятого решения редакции об исключении Шумяцкого также и из этого органа¹²¹. Затем 11 апреля 1933 г. коммунистическая фракция Президиума Центрального Совета создала специальную комиссию, которая заседала в мае 1933 г.¹²² Комиссия нашла компромисс. Шумяцкий должен был и далее работать руководителем издательства и в этом качестве иметь право участвовать в заседаниях редколлегии. То же имело силу и для Теодоровича как руководителя редакции. Кроме того, комиссия установила, что о политической или общественной дискредитации Шумяцкого со стороны редакции не может быть и речи. Правда, в будущем редакция должна позаботиться о своевременном устранении бесспорных ошибок Шумяцкого. Вслед за тем «старостат» письменно призвал Теодоровича снова сотрудничать с Шумяцким¹²³. Ссоры, однако, не прекращались. В конце концов Теодорович снова написал два письма – одно в коммунистическую фракцию Центрального Совета ОПК и одно в коммунистическую фракцию редакции, в которых он повторял свои обвинения и угрожал отставкой с поста руководителя редакции, если и дальше будет должен сотрудничать с Шумяцким¹²⁴. Эти письма стали поводом снова «раскрыть» все дело на заседании фракции Центрального Совета 11 июня 1933 г.

Кон критикует письмо Теодоровича в редакцию коммунистической фракции прежде всего потому, что Теодорович, характеризующий сам себя как старый большевик и каторжанин, позволяет себе называть в официальном заявлении члена «старостата», т. е. Шумяцкого, «гражданином», а не «товарищем». Кона поддерживает Скобенников, характеризующий эти действия как «политический акт». Трилиссер сразу же требует немедленного освобождения Теодоровича от его постов¹²⁵. Напротив, Крамаров, Накоряков и Бублеев требуют узнать сначала мнение «старостата»¹²⁶.

Вслед за тем Шумяцкий, поддерживая Кона, снова излагает причины своей критики Теодоровича. Наряду с уже неоднократно выдвигавшимся аргументом, согласно которому Теодорович проявил недостаточную готовность подчиниться линии партии в вопросе «Народной воли», он дополняет, что Теодорович упрекает его в намерении с помощью своих атак получить материально более выгодную позицию в редакции¹²⁷.

Итог подводит, однако, не Шумяцкий, а Скобенников:

«Мы долго терпели. Думали, что его письмо в ЦК, где он клялся 35-летней деятельностью, клялся, что будет выполнять генеральную линию партии, думали, что оно искреннее, но очевидно оно было не искреннее, потому что за всей его работы в Редакции, видно было что он принимает генеральную линию партии с поправками в его сторону [...], что не смотря на его эрудицию, наш вывод должен быть такой, чтобы не только принять к сведению, а вывести его из состава Редакции»¹²⁸.

Новые нападки на Теодоровича были, однако, только предпосылкой, а не самим рычагом, с помощью которого Кону, Шумяцкому, Трифонову, Трилиссеру, Скобенникову и Фрейдзону в дальнейшем удалось побудить собрание коммунистической фракции к принятию решения об увольнении. Кроме того, Бублеев, Бустрем, Константинов и в определенной степени также Накоряков защищали Теодоровича с помощью аргумента, согласно которому «те теоретические ошибки Теодоровича, которые всем известны [...] организованным порядком при участии ЦК разрешались»¹²⁹. Бублеев охарактеризовал как «чепуху», что плохие отношения между Шумяцким и Теодоровичем можно объяснить «исключительно его выступлением по вопросу неправильной партийной и политической линии Теодоровича в вопросе народо-вольчества»¹³⁰.

Напротив, Теодоровичу и редакции дополнительно вменялось в вину, что коммунистическая фракция редакции «Каторги и ссылки» выступила 26 марта 1933 г. против решения «староста-

та» вовлечь в редакцию Я.Д. Янсона¹³¹ и С.М. Диманштейна¹³². Редакция отвергла обоих, так как в данном случае речь не шла об обещанном пополнении редакции компетентными редакторами и историками¹³³. Прежде всего назначение Диманштейна, до сих пор не работавшего редактором, она восприняла как политический и идеологический контроль¹³⁴. О том, что оно было в данном случае правильным, свидетельствует доклад Кона:

«[...] когда Вам Старостат предложил Диманштейна и Янсона, что он хотел этим сказать? Очень простую вещь: политический контроль у вас ребята недостаточный. Нам нужно крепких большевиков туда дать, чтобы они контролировали то, что у Вас делается. [...] И именно их выставили, несмотря на то, что Вы сами заявляете; организация у нас такая, что каждый отвечает за разный отдел и т. д. А кто за политическую линию отвечает? Вот тут и есть обезличка и это надо было исправить»¹³⁵.

А против аргумента редакции, согласно которому в особенности нужны квалифицированные редакторы, он высказался следующим образом:

«Надо кончить с замкнутым кругом Редакции, не допускающим ставить большевиков для участия в работе. Надо кончить с той квалификацией, которая дается здесь о грамотности и неграмотности людей, работающих больше 10 лет. Надо пробить Совет на эту штуку и ту гниль, которая есть, надо искоренить»¹³⁶.

Смещения Теодоровича, однако, не последовало. ЦК воспользовался своим правом вето, и решения комиссии Центрального Совета ОПК остались в силе, так что и Шумяцкий оставался представленным в редколлегии в качестве представителя издательства. Очевидно, Теодоровичу не было кадровой альтернативы. В конце 1933 г. Шумяцкий был даже смещен со своего поста в издательстве. Руководство так называемого директората приняли на себя Бреслав (директор), Сокольников (заместитель директора) и Теодорович в качестве главного редактора «Каторги и ссылки»¹³⁷.

4. Явления износа

С наступлением 1934 г. все усиливалось давление на Общество, имевшее целью заставить его приспособляться к нормам¹³⁸. Постепенно оно доходило до самой основы. Важным показателем

нарастающего давления должна служить информация о распределении бумаги. Ответственный за это в конечном счете Культпропотдел ЦК предоставил ОПК на 1934 г. 31 т¹³⁹, что было третью его минимальной потребности. В конце концов Обществу было предоставлено 44 т. С помощью дальнейших закупок «по благу», т. е. благодаря хорошим личным контактам, оно смогло, наконец, располагать в целом 93 тоннами и тем самым всем требовавшимся ему количеством бумаги¹⁴⁰.

Хотя поначалу представляется, будто приобретение бумаги происходило до некоторой степени успешно, в сочетании с другими трудностями, с которыми Общество сталкивалось при издании книг, на 1934 г. вырисовалась другая общая картина. Цензурные условия становились все более непредсказуемыми. Они не только обострялись, но к тому же и постоянно изменялись. Прежние механизмы ОПК, заключавшиеся в том, чтобы с помощью настойчивости и искусного использования личных контактов с различными параллельно существовавшими цензурными учреждениями получать разрешение на публикацию соответствующих книг и текстов с насколько возможно малыми изменениями, срабатывали лишь условно и были связаны с огромной затратой сил¹⁴¹. Издательская деятельность ОПК столкнулась с угрозой быть растертой между Главлитом, Культпропотделом ЦК, секретариатом ЦК и все сильнее предпочитавшимися партийными институтами и издательствами историко-политической ориентации¹⁴².

В 1934 г. некоторые книги, подготовленные к печати издательством ОПК, не прошли цензуру. Финансовые потери составили 35 тыс. рублей¹⁴³. Так, не удалось реализовать запланированную на 1934 г. публикацию воспоминаний М.А. Сильвина¹⁴⁴, который прежде всего в 90-е гг. поддерживал тесные контакты с Лениным. По данным И.И. Кириевского, сотрудника редакции ОПК, Главлит хотел принудить ОПК из Сильвина, уже в 1908 г. отошедшего от всякой партийной работы, «сделать большевика»¹⁴⁵. Главлит потребовал рецензии Института Ленина, которая, со своей стороны, появилась только под давлением Культпропотдела ЦК и то лишь после того, как Кириевский лично беседовал там пять раз. Хотя ОПК благодаря мнению ЦК в конце концов получило разрешение на печать, Главлит, тем не менее, не отошел от своих первоначальных требований¹⁴⁶. Кириевский жалуется на то, что в Главлите ему, – не предложив ничего по улучшению – «злобно» заявили:

«[...] вы переделайте, а потом покажите, посмотрим, что из этого выйдет»¹⁴⁷.

Его «категорический» комментарий гласит, что Сильвин «умер» из-за Главлита. Там господствует головоупяцтво.

Затем сотрудник издательства сообщает о судьбе запланированной также на 1934 г. книги «Возникновение партии большевиков», написанной «сведущим» коммунистом по фамилии Кизлин. Изданию этой книги воспрепятствовали с мотивировкой, согласно которой Обществу лучше обратиться только к кругу идей народников¹⁴⁸. Но в то же время член редакции «Каторги и ссылки» И.И. Кириевский¹⁴⁹ указал, что Главлит воспрепятствовал и деятельности ОПК в области народнической тематики. С таким препятствием столкнулся сборник с «блестящими историческими исследованиями» Теодоровича, в которых речь шла о продолжении дискуссии об историческом значении «Народной воли» (см. выше).

Еще одна проблема в связи с издательской деятельностью ОПК заключалась в 1934 г. в том, что все больше членов Общества и внешних авторов оказывались в политически бедственном положении¹⁵⁰. Это касалось как их активного сотрудничества, так и применения их биографий в энциклопедии революционного движения. Закончилось провалом, например, издание мемуаров народника М.М. Чернавского¹⁵¹ в конечном счете из-за того, что коллектив сотрудников издательства ОПК поручил написать введение В.И. Невскому¹⁵². Но уже в феврале 1934 г. Ярославский за «антипартийную деятельность» исключил Невского из Общества старых большевиков¹⁵³. Годом позже, в феврале 1935 г., он был арестован¹⁵⁴.

В ЦК, Главлите и Культпропотделе ЦК подверглось жесткой критике планировавшееся также на 1934 г. издание третьей и четвертой частей пятого тома биографической энциклопедии революционного движения, которые должны были включать следующие биографии социал-демократов. Запланированный также на 1934 г. и уже полностью подготовленный четвертый том энциклопедии о народниках не мог быть реализован ввиду постоянных ссор¹⁵⁵. Не в последнюю очередь выдвигалось требование изменить название энциклопедии, которая внутри Общества считалась одним из «величайших памятников» ОПК¹⁵⁶. Вот каков был комментарий Кириевского к непрерывным желаниям Главлита внести изменения в энциклопедию:

«[...] можно поломать раз, но если будем ломать через каждую пару месяцев – эти капризы по словарю это исключительные капризы Главлита»¹⁵⁷.

В списке членов ОПК, вышедшем в 1934 г., забыли, к тому же, привести имена некоторых большевиков, принятых в партию в рамках ее 30-летнего юбилея, как то Г. Димитров¹⁵⁸ и Н.Н. Попов (один из издателей «Правды») и даже С.М. Киров. Кроме того, не был особенно подчеркнут Сталин¹⁵⁹.

Воздействие цензуры на ОПК имело следствием, что Общество больше не могло затрагивать определенные темы особой политической значимости. В 1934 г. редакции «Каторги и ссылки» больше не удалось найти авторов для предстоявшего в 1935 г. юбилея революции 1905 г.¹⁶⁰

5. Повышение «пролетарской классовой бдительности»

В 1932–1933 гг. подтвердилась тенденция, установленная уже в связи с письмом Сталина и заключающаяся в том, что в ОПК не произошло радикального политического и идеологического поворота. Вместо этого тем интенсивнее продолжалась ползучая перестройка ОПК, имевшая целью его превращение в чисто идеологический институт партии. Что касалось воспрепятствования серьезным изменениям в ОПК, то, как ни удивительно, имело место пересечение интересов Теодоровича и Ярославского, с одной стороны, и Культпропотдела и секретариата ЦК ВКП(б) – с другой. Существовало единство относительно того, что важные основные линии ОПК были по-прежнему приемлемыми. Имелся консенсус по поводу использования потенциала беспартийных членов Общества под наблюдением большевиков. Это касалось как эффективного с пропагандистской точки зрения вовлечения в Общество символических фигур революционного движения, так и компетентного исследования истории революционного движения с помощью ОПК. Единство имелось и относительно настоятельной необходимости исправления некоторых ошибок. Правда, представления об этой точке, имевшей центральное значение для времени после письма Сталина, далеко расходились. Даже Яро-

славский и Теодорович не были едины в том, что следовало оценивать как ошибку и как следовало ее искоренять.

Тем временем уже вскоре стало ясно, что Культпропотдел и секретариат ЦК, поддерживаемые Главлитом и близкими к партии исследовательскими институтами, подразумевали под исправлением ошибок: они придали акцент содержательным и методическим установкам, которые, на их взгляд, «сигнализировались» ОПК уже задолго до письма Сталина. Кроме того, воздействие на ОПК в целом должно было быть усовершенствовано, чтобы таким образом еще теснее привязать Общество к партии. При этом высокую значимость обрело исправление ошибок, совершенных в прошлом. Таким образом следовало показать, что вновь сформулированные нормы не являются, к примеру, разрывом с предшествующими директивами, а означают их последовательное дальнейшее развитие при одновременном устранении интерпретационных и практических ршибок. В дополнение к этому «Культпропотдел» и секретариат ЦК прилагали большие усилия к реализации установлений и в деталях. Правда, тем временем были осуществлены дальнейшие перемещения или ужесточения норм. Их механизмами управления и средствами давления были дозированное одобрение или дозированное «попустительство» критическим статьям, посвященным издательству ОПК или Теодоровичу¹⁶¹. Кроме того, Теодорович был прямо атакован Культпропотделом наполовину публичном заседании в присутствии редкторов исторических журналов и историков¹⁶². Выступления Хавинсона в ОПК на пленуме коммунистической фракции были предназначены для того, чтобы поставить на линию партии как Теодоровича, так и саму коммунистическую фракцию ОПК. К тому же Теодорович был определенным образом изолирован. Наконец, он больше не мог от имени редакции «Каторги и ссылки» реагировать на нападки, затрагивавшие всю редакцию, а должен был в индивидуальном порядке с помощью писем читателя опровергать обвинения в адрес журнала, главным редактором которого все еще оставался.

С помощью только что описанных механизмов были переданы следующие содержательные и методические установки: безусловная значимость ленинских интерпретаций истории революционного движения, предпочтение исследования большевистской истории каторги и ссылки и в связи с этим безусловное подчеркивание ведущей роли большевиков, особенно в революции 1905 г. Кроме того, не должно было больше быть затушевывания

границ между большевикам и другими субъектами революционного движения, т. е. и «модернизации» или превращения народников, включая приверженцев «Народной воли», в марксистов. Обращаясь к «тезисам Культпропа» 1930 г., настаивали на точном разделении между утопическим и научным социализмом. Это включало также то обстоятельство, что и далее было нежелательно представлять сторонников «Народной воли» пролагавшими путь большевикам. Особенно тяжелое новшество заключалось в том, что мемуары и тексты авторов, после 1917 г. на длительный срок отвернувшихся от большевиков, исключались из публикации в «Каторге и ссылке» и в издательстве ОПК. Особенно однозначной оказалась попытка дисциплинирования Теодоровича в содержательном отношении. Культпропотдел угрожал даже политизацией дела, если Теодорович в своем отношении к «Народной воле» не приспособится полностью к тезисам Культпропа. Это могло означать лишь вполне вероятную постановку вопроса о том, чтобы выдвинутое Покровским и его сторонниками в 1930–1931 гг. обвинение в правом уклоне воспринять теперь на официальном уровне, если Теодорович и впредь проявит себя неразумным. Статья Казанского, появившаяся в одном из номеров журнала «Борьба классов» за 1933 г., была следующие большим шагом в этом направлении. После двух лет относительного покоя здесь впервые снова публично употреблялось понятие «правого оппортунизма» в связи с ОПК, пусть даже еще с оговорками и не будучи прямо обращенным против Теодоровича.

Так как в связи с «исправлением ошибок» в понимании Культпропотдела и секретариата ЦК не шла речь ни об официальных изданиях, ни о жестких директивах, Ярославский и Теодорович смогли действовать против этого неформальным и административным путем. При этом их интересы различались коренным образом. Ярославский прилагал все усилия к тому, чтобы критика не выскользнула производству ОПК, а ошибки классифицировались в виде безвредных промахов. Нападки на «Каторгу и ссылку», при которых речь шла и о групповых интересах, власти и влиянии, не должны были неожиданно оказаться направленными против него самого. Он не присоединился к стратегии Теодоровича, в соответствии с которой лишь немногие уступки (превращение Ленина в икону и подчеркивание ведущей роли большевиков) должны были воспрепятствовать ограничению сферы деятельности ОПК, тем более что он де фа-кто давно уже перенял нормы, которые представляли Культпропотдел и секретариат ЦК.

Теодорович не прекратил бороться против того, чего от него добивались – жесткого разделения между утопическим и научным социализмом и в ходе этого требовать отмены «тезисов Культпропа» 1930 г. Он вновь и вновь приводил факты, пригодные для доказательства того, что левое крыло «Народной воли» имело функцию первопроходца научного социализма¹⁶³. Он осмелился даже сравнивать полемическую реакцию на свою оценку «Народной воли» с преувеличенно жесткими реакциями царского режима на публикации и деятельность Чернышевского. Теодорович не принял также и новую норму, в соответствии с которой померкли революционные заслуги тех, кто после 1917 г. отвернулся от большевиков. Важнейшее указание на это заключалось в том, что он неоднократно (в 1931 и 1933 гг.) возвращался к книге Русанова, которую курировал в начале 1931 г. и опубликовал. Но как раз Русанов и представляет собой классический случай революционера, который сначала был приверженцем «Народной воли», а затем присоединился к «мелкобуржуазному реформизму» (Теодорович) эсеров, работал против большевиков в руководящих органах этой партии и, наконец, эмигрировал. Хотя по установленному порядку вслед за письмом Сталина больше не было возможности напечатать такую работу, Теодорович вновь и вновь подчеркивал теперь, что ему удалось оправдать публикацию этой книги. Книга же была особенно дорога ему потому, что в своем обширном аппарате примечаний, охватывавшем более 60 тесно запечатанных страниц, он продолжал начатую им в 1930 г. дискуссию о значении «Народной воли» для революционного движения¹⁶⁴.

Не только давление извне, но и структуры, имевшиеся внутри самого Общества, заставили ОПК реализовать новые нормы. Сужение все еще высококачественной исследовательской работы и издательской деятельности ОПК происходило через Центральное бюро НИИС. Оно приспособляло также ниши ОПК и землячества с историческими секциями к нормам партии и вовлекало их в общую пропагандистскую работу ради советского государства. Бюро позаботилось и о том, чтобы не была напечатана ни одна статья нелояльных лиц или об этих лицах, как и о том, чтобы их биографии не включались в биобиблиографическую энциклопедию.

Приверженцы радикального поворота в ОПК увлеклись в качестве компенсации за свое поражение оказанием поддержки аппарату ЦК в действительной реализации требовавшихся норм.

Они воспользовались своим влиянием с помощью Культпропотдела ОПК, ревизионной комиссии или комиссии по перерегистрации и НИИС. Правда, попытка смещения Теодоровича пленумом коммунистической фракции в июне 1933 г. показала, что потенциал поддержки радикальных мер в Обществе между тем продолжал увеличиваться.

Эскалации столкновений между приверженцами все более убывающей содержательной автономии, укрепившимися в редакции и в землячествах и исторических секциях, с одной стороны, и сторонниками перевыполнения партийных норм – с другой удалось воспрепятствовать потому, что секретариат ЦК и Культпропотдел ЦК в целом скрыто авторитарно осуществляли эти нормы. Так с оставлением Теодоровича на посту ответственного редактора были даже приняты меры противодействия поляризации, нараставшей внутри ОПК, и снова остановлены радикальные силы в Обществе. Хотя Теодорович вновь и вновь переходил границы, установленные государством и партией, в это время его нельзя было заменить как интегрирующую фигуру, профессионального редактора и идеолога. Можно предположить даже, что в данном случае и «старостат» воспользовался своей сильной позицией в ОПК.

По ту сторону столкновений вокруг содержательной автономии ОПК было еще три поля проблем. С одной стороны, принуждение к постоянным публичным демонстрациям лояльности, сильно возросшее количество арестов прежде всего беспартийных членов ОПК, состоявших прежде в других, нежели большевики, социалистических партиях или группировках, и закрытие общепользных общественных организаций.

Критически развивались протесты в связи со смертью Бобровой-Тарасовой, умершей, вероятно, во время опроса о ее социальной и общественной активности после революции, проводившегося «проверочной бригадой», которая была послана перерегистрационной или контрольной комиссией. Но, как представляется, ситуация в ОПК снова успокоилась благодаря обстоятельной информации общего собрания московской головной организации и Нерчинского землячества¹⁶⁵.

Ярославский оправдывал аресты членов ОПК, с одной стороны, внутренним и международным положением. Тактически искусно оказалось, что он, с другой стороны, не полемизировал против активности внутри Общества в защиту арестованных. Кроме того, протест внутри Общества против арестов воздейст-

вовал на органы советской власти. Некоторые арестованные члены ОПК были освобождены и снова приняты в Общество¹⁶⁶.

Давление на ОПК ради его узаконения повысилось и посредством закрытий общественных организаций на длительное время – процесса, принявшего тем временем драматические черты. Из 338 общественных организаций в 1934 г. была закрыта 241, причем численность гуманитарных обществ с 1932 г. на протяжении всего лишь двух лет еще раз уменьшилась с 23 до 11. Были закрыты почти все организации художественных профессиональных групп. Их численность сократилась с 93 до 10, причем из них 8 обществ остались в перечислении только ввиду отсутствия данных. Среди закрытых были такие известные организации, как Общество эсперантистов (1908–1932 гг.), Пролеткульт (1918–1932 гг.) и Российская ассоциация пролетарских художников (1931–1932 гг.)¹⁶⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. об этом главу VIII «ПОПЫТКА СПАСТИ ИДЕНТИЧНОСТЬ (1931 г.)».

² Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК от 16.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 147.

³ *Костко К.* Об «ахиллесовой пяте» тов[арища] Теодоровича и гнилом либерализме // *Большевик*, 1932, № 11–12. С. 120–128. О деятельности Костко ср. *Алаторцева А.И.* Советская историческая периодика. С. 222.

⁴ *Теодорович И.А.* От диктатуры помещиков к диктатуре пролетариата // *КиС*. 1932. 88. № 3. С. 7–13.

⁵ По поводу статьи тов[арища] Розенталя. От редакции // *КиС*. 1931. 83. № 10. С. 124–129; От редакции журнала «Каторга и ссылка» // *КиС*. 1931. 84–85, № 11–12. С. 23–28.

⁶ *Костко К.* Об «ахиллесовой пяте». С. 122.

⁷ Поэтому редакционный комментарий был в настоящей работе соподчинен с периодом полемики 1931 до появления письма Сталина. Ср. главу VIII «ПОПЫТКА СПАСТИ ИДЕНТИЧНОСТЬ (1931 г.)».

⁸ *Костко К.* Об «ахиллесовой пяте». С. 123.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Там же. С. 127; *Теодорович И.А.* От диктатуры помещиков... С. 10.

¹¹ *Костко К.* Об «ахиллесовой пяте». С. 128; Ср. *Шумяцкий Я.* Пятнадцатилетие Февральской революции и пленум Центрального Совета Всесоюзного Общества политкаторжан // *КиС*. 1932. 88. № 3. С. 34.

¹² *Костко К.* Об «ахиллесовой пяте». С. 128.

¹³ По поводу Ленинградского филиала ср., в частности *Шкаровский М.* Правозащитная, научная, социальная и правозащитная деятельность ленин-

градского Отделения ОПК 1923–1935 гг. – Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 135–163.

¹⁴ Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК(16.4.1933) – ГАРФ. Л. 141–147, 152–154.

¹⁵ Шумяцкий Я. в комм[унистическую] Фракцию ОПК(15.5.1933) – ГАРФ. Л. 110.

¹⁶ *Теодорович И.А.* Роль Н.А. Морозова в революционном прошлом // КиС. 1932, 92. № 7. С. 7–69.

¹⁷ *Стецкий А.И.* (1896–1938) – член РСДРП с 1915 г.

¹⁸ *Шумяцкий Я.* В комм[унистическую] Фракцию ОПК(15.5.1933) – ГАРФ. Л. 110–112.

¹⁹ По поводу характеристики Коном Хавинсона как «политредактора» «Каторги и ссылки» ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 11.6.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 255.

²⁰ Присутствовали: Ф.Я. Кон, С.Ф. Корочкин, И.А. Теодорович, Я.Б. Шумяцкий, И.М. Шер, С.А. Григорьев, И.И. Шейн, Г.И. Шпилев, Б.А. Бреслав, Л.А. Старр, Соколинский, М.И. Бублеев, Л.М. Брагинский, Г.М. Крамаров и А. Кузьмина. Ср. Протокол 2 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 23.1.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 9.

²¹ В.В. Бустрем (член редколлегии «Каторги и ссылки»), М.П. Черток, И.П. Дубинский, И.В. Имас, Филиппов, Надельштейн, Э.Х. Румба, В.Д. Виленский-Сибиряков и др. Ср. там же.

²² Там же. Л. 9–11. Председательствовал на заседании Корочкин. Секретарем был М.П. Черток (беспартийный член революционной боевой организации, после 1917 г. по-прежнему беспартийный, позже член ВКП(б)).

²³ Хавинсон и здесь снова оценивал статью Чужака-Насимовича как «совершенно неверную». – Там же. Л. 9. Ср. также Тезисы к 50-летию «Народной воли» // Правда, 1930, 9.4. С. 4.

²⁴ Протокол 2 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК (23.1.1933) – ГАРФ. Л. 9; *Святский Н.* Война и предфевралье // КиС. 1931, 75. № 2. С. 7–50. См. в особенности С. 18 и сл.

²⁵ Протокол 2 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК (23.1.1933) – ГАРФ. Л. 10.

²⁶ Там же.

²⁷ «Борьба классов» – историко-научный журнал, издававшийся в Москве в 1931–1936 гг. Его первым главным редактором был М.Н. Покровский. Ср. *Чернобаев А.А.* Я себя считаю лично уже ушедшим. С. 217.

²⁸ *Казанский П.* Больше большевистской бдительности. О журнале издательства политкаторжан «Каторга и ссылка» №№ 2, 11–12 за 1931 г., №№ 1, 3, 5, 7, 10, 11–12 за 1932 г., №№ 2, 3 за 1933 г. – «Борьба классов», 1933, № 5. С. 122–128; *Аркадьев Г.*: За большевистскую перестройку. К вопросу издательства бывш. политкаторжан // *Борьба классов*, 1933, № 6. С. 126–135.

²⁹ П. Казанский – сотрудник Главлита. Ср. *Теодорович И.А. Казановичу Л.М.* от 18.11.1934. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 7.

³⁰ *Казанский П.* Указ. соч. С. 122–124, 128; *Аркадьев Г.* Указ. соч.. С. 126–127.

³¹ *Казанский П.* Указ. соч. С. 127.

³² *Аркадьев Г.* Указ. соч. С. 127–129

³³ Казанский П. Указ. соч. С. 128; Аркадьев Г. Указ. соч.. С. 135.

³⁴ Черномордик С.И.: К 50-летию группы «Освобождение труда» // КиС. 1933. 109. № 12. С. 6.

³⁵ Там же. С. 10, 22.

³⁶ О возникновении НИИС ср. главу VIII.2. «Исправление содержания, метода и направленности исторической исследовательской работы».

³⁷ Организационная структура научно-исследовательской работы. [Центральное бюро НИИС] // КиС. 1933. 109. № 12. С. 173–174.

³⁸ Ср. Константинов. Указ. соч. С. 79.

³⁹ Протокол 121 заседания Президиума Совета ОПК от 27.3.1924. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 4. Л. 4. До 1933 г. Козубенко работал председателем Отдела агитации и пропаганды в Центральном Совете ОПК. Ср.: Об изменении в составе агитпрокомиссии, о переименовании агитпрокомиссии в культпрокомиссию и календарный план Культпропа на 1-й квартал 1933 г. [ОПК]. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁴⁰ Протокол 23 заседания Бюро[коммунистической] Фракции ЦС ОПК от 19.11.1925. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 16.

⁴¹ Об изменении в составе агитпрокомиссии, о переименовании агитпрокомиссии в культпрокомиссию и календарный план Культпропа на 1-й квартал 1933 г. [ОПК]. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 7. Л. 1. Это было чувствительным поражением для Теодоровича, так как таким образом его влияние на агитпрокомиссию оказалось ослабленным. Константинов вел себя по отношению к Теодоровичу лояльно.

⁴² Протоколы заседаний Бюро НИИС [ОПК] и материалы к ним 1933–1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 83. Л. 1–54; Организационная структура... С. 173–174.

⁴³ Анкета, созданная с этой целью, требовала предоставления следующей информации: «1. Партийность после 1917; а.) Работа в партии, исключение, причины восстановления; 2. Аресты за контрреволюционную деятельность, осуждения, ссылка и т. д., место и время; 3. Участие в Гражданской войне; а) Красная гвардия; б) Партизаны/Отряд, место и время, Деятельность; в) Красная Армия / Указать часть, время службы, назначение; г) Награждение оружием и орденами/ причина; г) Арест белыми / Место и время; д) Заложничество; 4. Служба в белой армии / Место и время, должность; 5. Деятельность в подотрядах; 6. Какова профессиональная деятельность /должность, место и время; 7. Социалистическое строительство /Движение ударников, премирование, ордена/где, когда, за какую работу; 8. Переквалификация / в сравнении с профессией до ареста [?]; 9. Участие в создании ОПК». Ср. Протокол 3/19 заседания Пленума НИИС ОПК от 26. 2. 1934. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 83. Л. 7.

⁴⁴ Ср. Протокол / Стенограмма собрания коммунистов – членов Московского Отделения ОПК от 22.3.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 6–12.

⁴⁵ Протокол / Стенограмма собрания коммунистов – членов Московского Отделения ОПК(22.3.1933) – ГАРФ. Л. 10.

⁴⁶ Там же. Л. 8.

⁴⁷ Постановление по докладу т. Дубинского о работе на Электрозаводе Бюро Фракции ЦС от 11.6.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 85; Дубинский И. Шефство и культпропработа // Десять лет. С. 110 и сл.

⁴⁸ *Мильштейн А.* Примечания к Русанову // Книга и революция (1931) № 2. С. 86. Воспоминания Русанова вышли в 1931 г. Ср. *Русанов Н.С.* На родине. 1859–1882. – М., 1931. Книга основывается на записках Русанова о 1859–1882 гг., созданных им в эмиграции в Берлине с октября 1922 по март 1923 гг. Там же. С. 283.

⁴⁹ От редакции // Книга и революция (1931) № 4. С. 5.

⁵⁰ Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 39; Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) ГАРФ. Л. 129.

⁵¹ За решительную перестройку исторического фронта // Историк-марксист, 1932, № 1–2. С. 10. Теодорович сообщает, что соответствующий номер появился только в октябре 1932 г. Ср. *Теодорович И.А.* Письмо в редакцию [журнала «Каторга и ссылка»] // КиС. 95 (1932) S. 247.

⁵² Н.К. Михайловский (1842–1904) – социолог и публицист, литературный критик. Был одним из ведущих теоретиков народничества. Ср. *Малинин В.А.* Философия революционного народничества. – М., 1972.

⁵³ За решительную перестройку... С. 10.

⁵⁴ Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 130. Под «судом ЦК» подразумевается, вероятно, возможность подачи жалобы в ЦК.

⁵⁵ Там же. Л. 130.

⁵⁶ Там же. Л. 131.

⁵⁷ Он реагировал в качестве главного редактора «Каторги и ссылки»: *Теодорович И.А.* Письмо в редакцию [журнала «Каторга и ссылка»]. С. 247–250, в особенности С. 250.

⁵⁸ *Острогорский М.* Перлы современного «лавризма» // КиС. 86 (1932) № 1. С. 175–219; Письмо М. Острогорского // КиС. 1933. 106. № 9. С. 163. В этой рецензии книга Книжника-Ветрова классифицируется как попытка «модернизировать» «лавровизм», т. е. изобразить Лаврова как пролагавшего путь большевикам. Лаврова же следует в действительности причислить к правому, мелкобуржуазному крылу народничества. Там же. Л. 219; *Книжник-Ветров И.* Петр Лаврович Лавров, 2 изд. – М., 1930. Ярославский также признавал, что критика Культпротоптдела ЦК в адрес статьи Святицкого (упрек в «апологии Керенского») и книги Книжника-Ветрова справедлива. Правда, он охарактеризовал их напичтание лишь как «недосмотр» редакции «Каторги и ссылки». Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 148.

⁵⁹ Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 137.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 131.

⁶² Там же. Л. 134.

⁶³ *Шумяцкий Я.* в комм[унистическую] Фракцию ОПК (копия тов. Ярославскому) от 15.5.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 197. Л. 109; Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК от 16.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 133.

⁶⁴ См. об этом отчет Ярославского: Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 152.

⁶⁵ Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК(16.4.1933) – ГАРФ. Л. 141–147, 152–154.

⁶⁶ Протокол 2 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК(23.1.1933) – ГАРФ. Л. 9–11.

⁶⁷ Этим был в особенности рассержен Кон. Ср. несколькими месяцами позже его комментарий на сей счет, в котором он высказывается о некомпетентности Хавинсона: Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК (11.6.1933) – ГАРФ. Л. 255.

⁶⁸ Теодорович сообщал в апреле 1933 г., что это в особенности касалось его. Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 153.

⁶⁹ Протокол 2 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК (23.1.1933) – ГАРФ. Л. 9–11.

⁷⁰ Там же. Л. 9, 10.

⁷¹ Там же. Л. 9об.

⁷² Там же. Л. 10.

⁷³ Членами комиссии были: Корочкин, Теодорович, Соколов, Бреслав, Бублеев, Кон и Шпилев.

⁷⁴ Протокол 2 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК(23.1.1933) – ГАРФ. Л. 10.

⁷⁵ Протокол 6 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 11.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 45–46; Протокол заседания Фракции Пленума ЦС ОПК от 16.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 71–71об.

⁷⁶ Протокол / Стенограмма заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 11.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 84об.

⁷⁷ Это сосредоточение, по словам Теодоровича, объясняется «директивной» Стецкого, которую он зачитал на заседании Культпропотдела ЦК 13 декабря 1932 г. Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 136, 140.

⁷⁸ Протокол 6 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК(11.4.1933) – ГАРФ. Л. 46 об. Речь идет снова о тезисах Культпропотдела о «Народной воле» от апреля 1930 г.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 154. Это предложение относится в узком смысле к критике коммунистической фракции Ленинградского филиала в адрес коммунистической фракции Центрального Совета в Москве в связи со статьей Костко (см. выше).

⁸¹ 16 апреля 1933 г. прием Фигнер в Президиум было подтверждено пленумом коммунистической фракции Центрального Совета ОПК. – Там же. Л. 173.

⁸² Вера Фигнер родилась 7.7.1852, умерла 15.6.1942 г.

⁸³ Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 169–172.

⁸⁴ Ср. главу VI «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)».

⁸⁵ Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 170; Фигнер (1980) S. 395.

⁸⁶ Там же. Л. 171.

⁸⁷ Там же. Л. 172; Протокол / Стенограмма [6] заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 11.4.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193, 112–112об.

⁸⁸ Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 172.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Ковальская-Солнцева Е.Н. В Президиум ОПК от 10.4.1933. – Ковальская-Солнцева Е.Н. Личное дело. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 900. Л. 57. Арестована была также руководящая сотрудница Московского музея ОПК В.Н. Светлова (эсерка, беспартийная). Ср. Протокол / Стенограмма собрания коммунистов – членов Московского Отделения ОПК от 22.3.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 6.

⁹¹ *Шкаровский М.* Указ. соч. С. 155.

⁹² Протокол / Стенограмма собрания коммунистов – членов Московского Отделения ОПК (22.3.1933) – ГАРФ. Л. 3.

⁹³ Там же. Л. 1об.

⁹⁴ Там же. Л. 1об-2.

⁹⁵ Документ, составленный М.Н. Рютиным (1890–1937) в 1932 г. по поручению группы большевиков «Союза марксистов-ленинцев». В нем на Сталина возлагалась ответственность за экономические проблемы, разрыв с социалистической законностью и бюрократизацию. Документ назван «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». Ср. *Рютин М.Н.* Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990, № 8. С. 200–207; № 9. С. 165–183; № 10. С. 191–206; № 11. С. 161–187; № 12. С. 180–199. Ср. также вводную статью: *Маслов Н.* Потрясающий документ эпохи сталинизма. К публикации платформы «Союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС, 1990, № 8. С. 200–202.

⁹⁶ Протокол / Стенограмма собрания коммунистов – членов Московского Отделения ОПК (22.3.1933) – ГАРФ. Л. 3.

⁹⁷ Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 148, 153.

⁹⁸ Ср. по поводу содержания этой полемики главу VII «МЕСТО В ИСТОРИОГРАФИИ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ» (1929–1930 гг.)

⁹⁹ Протокол / Стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК (16.4.1933) – ГАРФ. Л. 157.

¹⁰⁰ Там же. Л. 158.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² *Теодорович И.А.* Справка [о сборнике о «Народной воли»] [после 27.11.1934]. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 417. Л. 13об.

¹⁰³ Теодорович относит это к следующим статьям: *Теодорович И.А.* Карл Маркс и революционное движение в России // КиС. 1933. 100. № 3. С. 7–81; *Теодорович И.А.* До-марксистский период революционного движения в России в оценках В.И. Ленина // КиС. 1934. 110. №. С. 5–21; Теодорович. Роль Н.А. Морозова. С. 7–69.

¹⁰⁴ Ср. Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 56об, 60–60об.

¹⁰⁵ Правда, психические и физические последствия постоянных конфликтов давали себя знать. Так, он писал Кагановичу: «Я устал и удручен и моя старая гипертония [...] снова так ухудшилась, что я упал без сознания». Ср. *Теодорович И.А. Кагановичу Л.М.* От 27.11.1934. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 8об.

¹⁰⁶ Теодорович И.А. Кагановичу Л.М. от 18.11.1934. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 3–7об; Теодорович И.А. Кагановичу Л.М. От 27.11.1934. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 8–8об; Теодорович И.А. Кагановичу Л.М. [написано после 27.11.1934]. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 9–13; Теодорович И.А. Сталину, И.В., Кагановичу Л.М., Жданову, А.А. [написано после 27.11.1934]. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 14–20.

¹⁰⁷ До Молотова, Г.К. (Серго) Орджоникидзе и других членов Политбюро дозвониться не удалось, Теодорович смог убедить и секретаря ЦК А.А. Жданова. Ср. Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 56об, 60–60об.

¹⁰⁸ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 11.6.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 255. Численность присутствующих отмечена на Л. 258.

¹⁰⁹ Я.Б. Шумяцкий (1887–1962). С 1904 г в РСДРП. Член Бунда, с 1908 г. большевик. Между 1908 и 1917 гг. неоднократно арестовывался и затем ссылался. После Октябрьской революции комиссар по труду Иркутской области. Редактор газеты «Власть труда». Председатель Иркутского горисполкома. С середины 20-х гг. работал в различных органах печати и издательствах. С апреля 1930 г. наряду с Теодоровичем заместитель старосты ОПК. Член коммунистической фракции ОПК. В конце 30-х гг. арестован и осужден на заключение в лагере. В 1954 г. освобожден из лагеря. Ср. Фигнер Вера и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 397.

¹¹⁰ Шумяцкий Я. в комм[унистическую] Фракцию ОПК (копия тов. Ярославскому) от 15.5.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 197. Л. 107–108. Ср. также *Теодорович И.А.* Историческое значение партии «Народной воли». – М., 1930.

¹¹¹ Протокол заседания Комиссии по вопросу взаимоотношений Редакции и Издательства ОПК, совместно с Фракциями Редакции и Издательства от 19.5.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 197. Л. 67.

¹¹² Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 11.6.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 246.

¹¹³ Шумяцкий Я. в комм[унистическую] Фракцию ОПК (15.5.1933) – ГАРФ. Л. 110–112.

¹¹⁴ Там же. Л. 112.

¹¹⁵ Там же. Л. 113.

¹¹⁶ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК (11.6.1933) – ГАРФ. Л. 246об.

¹¹⁷ Решение было утверждено «старостатом». – Там же.

¹¹⁸ Как Теодорович, так и другие сотрудники редакции в деталях привели многочисленные ошибки Шумяцкого. Ср. Протокол заседания Комиссии по вопросу взаимоотношений Редакции и Издательства ОПК, совместно с Фракциями Редакции и Издательства от 10.5.1933. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 197. Л. 14–17, 26–28.

- ¹¹⁹ Там же. Л. 7.
- ¹²⁰ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК (11.6.1933) – ГАРФ. Л. 246об-247.
- ¹²¹ Шумяцкий Я. в комм[унистическую] Фракцию ОПК(15.5.1933) – ГАРФ. Л. 13.
- ¹²² Протокол заседания Комиссии (10.5.1933) – ГАРФ. Л. 2. Комиссия состояла из Бублеева, Бреслава, Корочкина, Мицкевича и Накорякова. – Там же.
- ¹²³ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК (11.6.1933) – ГАРФ. Л. 243, 243об. Л. 248.
- ¹²⁴ Письмо не удалось обнаружить в архивах. Содержание можно, однако, раскрыть на основании заседания коммунистической фракции Центрального Совета. Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК (11.6.1933) – ГАРФ. Л. 243об.
- ¹²⁵ Того же наряду с ним требует и Коротков. – Там же. Л. 249об.
- ¹²⁶ Там же. Л. 244об-245об, 254.
- ¹²⁷ Теодорович заработал на протяжении трех лет 12000 рублей, Константинов 8000 и Шумяцкий 2000 рублей. – Там же. Л. 247об.
- ¹²⁸ Там же. Л. 248об. Скобенников намекает на следующее письмо Теодоровича: Ср. Документальное приложение, документ 11; Теодорович И.А. в редакцию «Правды» // Правда, 1930, 22.11. С. 7.
- ¹²⁹ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК (11.6.1933) – ГАРФ. Л. 250об (Накоряков). Подобным образом выступал и Константинов. Ср. 252–252об.
- ¹³⁰ Тем самым Бублеев намекает на ошибки Шумяцкого во время его издательской работы. Несколько позже он говорит и о «многочисленных ошибочных выступлениях» Шумяцкого. Ср. Бублеев. Л. 254об.
- ¹³¹ Как упоминалось выше, Ярославский пытался уже в 1927 г. вовлечь в издательство ОПК Я.Д. Янсона (Литовская СДРП, теперь ВКП(б)), работавшего в Государственном издательстве (Госиздате). Ср. главу VIII.2. «СМЕЩЕНИЕ В.Д. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА».
- ¹³² См. выступления Кона, Скобенникова и Накорякова. Ср. Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК(11.6.1933) – ГАРФ. Л. 242об, 245, 245об, 253об-254.
- ¹³³ Там же. Л. 253.
- ¹³⁴ По поводу Янсона у редакции не было сомнений. Ср. Протокол заседания Комиссии по вопросу взаимоотношений Редакции и Издательства ОПК (10.5.1933) – ГАРФ. Л. 8.
- ¹³⁵ Протокол / Стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК (11.6.1933) – ГАРФ. Л. 253об.
- ¹³⁶ Там же. Л. 255–255об. Кона поддерживал в этом высказывании Трифонов, дополнивший: «[...] необходимы люди со знаниями марксистско-ленинского мировоззрения и идеологического устройства». – Там же. Л. 256.
- ¹³⁷ Это произошло по решению Президиума Центрального Совета ОПК от 3.12.1933. Ср. Реорганизация издательства Политкаторжан // КиС. 1934. 111 С. 167.
- ¹³⁸ Имеющаяся информация о 1934 г. основывается, правда, только на протоколах различных органов ОПК из 1935 г. Все протоколы коммунисти-

ческой фракции ОПК 1934 г. отсутствуют. Причины этого не удалось установить. Возможно, они были конфискованы в связи со следственными действиями по убийству Кирова.

¹³⁹ О ключевой роли Культпропотдела в распределении бумаги ср. комментарий С.М. Диманштейна (РСДРП(б), ВКП(б)): «Это факт, что бумагу распределяет Культпропотдел». Бреслав подтверждает эту оценку и называет Стецкого важнейшей инстанцией. Ср. Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2. 1935) – ГАРФ. Л. 52об, 77.

¹⁴⁰ Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2. 1935) – ГАРФ. Л. 52об. По поводу ходячей практики получения большего количества бумаги благодаря связям ср. там же. Л. 79об. На 9 миллионов запечатанных страниц (оборотная сторона не включается при счете с указанием количества «9 миллионов л[истов]/отт[исков]») по словам Бреслава требуются до 200 т бумаги. – Там же. Л. 52об.

¹⁴¹ Ср. заявление Диманштейна. – Там же. Л. 77.

¹⁴² Тем временем в редакции издательства и журнала работали два уполномоченных «Главлита» – Цветков-Просвещенский и Голубков.

¹⁴³ Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 52об.

¹⁴⁴ М.А. Сильвин (1874–1955) – один из основателей и руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1891 г. социал-демократ. Агент «Искры». В 1904 г. кооптирован в ЦК РСДРП. После 1917 член «Общества изучения истории освободительного и революционногодвижения в России». Автор статей об истории Петербургского «Союза борьбы». Ср. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания М.А. Сильвина. – Л., 1958.

¹⁴⁵ Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2. 1935) – ГАРФ. Л. 77. Теодорович также сообщает о прямых призывах к фальсификации со стороны цензуры. – Там же. Л. 69об.

¹⁴⁶ Сотрудник «Главлита» Цветков-Просвещенский утверждает, напротив, в другом месте, что текст Сильвина не смог появиться только потому, что книга должна была выйти без вводной статьи и комментариев. – Там же. Л. 70. С.С. Кривцов, редактор «Каторги и ссылки», сообщает, в свою очередь, что текст Сильвина ушел в набор без «улучшений», которых требовал цензор «Главлита» А.П. Голубков (член редакции «Каторги и ссылки»). – Там же. Л. 73. Книга появилась только в конце 50-х гг. под названием «Ленин в период зарождения партии. Воспоминания М.А.Сильвина». – Л., 1958.

¹⁴⁷ Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума(1.2. 1935) – ГАРФ. Л. 56.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Кириевский назван редактором с № 2 (1934 г.).

¹⁵⁰ Статья М.П. Жакова (ВКП(б), члена Общества старых большевиков) не могла, например, появиться в «Каторге и ссылке», так как он был исключен из партии как троцкист. Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 68.

¹⁵¹ М.М. Чернавский (1855–1943) – сын священнослужителя. Религиозное воспитание в Смоленском духовном училище, затем поступление в Смоленском духовном училище. Чтение трудов Д.И. Писарева отдалило его

от религии. Знакомство с социалистическими пропагандистами. Оставил семинарию и работал народным учителем. Затем устанавливает тесный контакт с революционным движением. Читает в революционных кружках литературу народников и анархистов. Осенью 1875 г. начинает изучение медицины в Петербурге. Чтобы установить более близкий контакт с простым народом, он работает с 1876 г. в сапожной мастерской. Лето он проводит в деревне с группой будущих сторонников и стоионниц «Земли и воли». Возвращается разочарованным и в декабре 1876 г. участвует в организованной Натансоном и Плехановым первой рабочей демонстрации на площади перед Казанским собором в Петербурге. Арестован и приговорен в январе 1877 г. к 15 годам каторжных работ. В тюрьме под влиянием выдающихся революционеров сформировался в народника. В 1884 г. освобожден и живет в ссылке в Чите. В 1886 г. переселяется в Нерчинск и работает фотографом, затем библиотекарем в музее. В 1900 г. возвращается в Москву; симпатизировал эсерам. Неоднократно был арестован. Работает в 1905–1906 г. в нелегальной типографии эсеров. С 1907 г. состоит в нелегальной боевой группе эсеров. Обучение обращению с динамитом и бомбами. Тесное сотрудничество с Азефом. После разоблачения последнего бежит во Францию. В 1909 г. присоединяется к террористической группе Б. Савинкова, который по поручению ЦК эсеров готовит покушения. Боевая группа распадается из-за предательства. После начала войны возвращается в Россию и живет под чужим именем. В мае 1917 г. переселяется в Петербург работает в Министерстве сельского хозяйства, присоединяется к эсеровской группе вокруг газеты «Воля народа». До октября 1917 г. работает в городской управе Астрахани. В 1919 г. переселяется в Саратов. Работал в губернском отделе народного образования (библиотечное дело). С 1922 г. пенсионер, жил в Москве. Ср. *Чернавский М.М.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь. – М., 1989. С. 563–577.

¹⁵² Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 55об. О Невском ср. также Теодорович: Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 59об.

¹⁵³ *Ярославский Е.* Письма Ленгнику об антипартийном поведении *Невского В.И.* об исключении его из членов Об-ва Большевиков от 10.2.1934. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 37. Л. 1.

¹⁵⁴ *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество... (Дипломная работа...). С. 97.

¹⁵⁵ Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОПК (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 56об. См. об этом главу IV «УХОД В ПРОШЛОЕ (1923–1926 гг.)». Материалы нереализованных или только частично реализованных томов находятся в различных архивах как в Москве (в том числе в архиве Государственной библиотеки), так и в Санкт-Петербурге. Ср. *Ратнер* (1980) С. 59 и сл.

¹⁵⁶ Ср. оценку члена ОПК Д.П. Васильченко (РСДРП, ВКП(б)). Предложения о том, как изменить название, не последовало.

¹⁵⁷ Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОПК (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 56об.

¹⁵⁸ Г. Димитров (1882–1949) – один из основателей в 1919 Болгарской коммунистической партии. Эмигрировал в 1923 г. после восстания. В 1933 г. оправдан Имперским судом в Лейпциге по обвинению в связи с поджогом

рейхстага. С 1934 по 1945 гг. в СССР. В 1935–1943 гг. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна. В 1946–1949 гг. премьер-министр Болгарии и в 1948–1949 гг. Генеральный секретарь Коммунистической партии Болгарии. Принятие Димитрова в ОПК было пропагандистской акцией и обосновывалось его «героическим» поведением во время Лейпцигского процесса. Ср. *Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943* / Hrsg. von Bayerlein B.N. – Berlin, 2000; *Dimitroff G. Kommentare und Materialien zu den Tagebüchern 1933–1943* / Hrsg. von Bayerlein B.N. und Hedeler W. unter Mitarbeit von Schliewenz B. und Martschuk M. – Berlin, 2000.

¹⁵⁹ Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОПК (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 52об, 66об; Протокол [1] заседания Партгруппы Президиума ЦС от 2.1.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 1об; Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1934. Принятие Сталина в ОПК последовало в апреле 1931 г. Ср. Резолюции и постановления IV Всесоюзного съезда О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 15–20.4. 1931 // КиС. 1931. 79. № 6, приложение. С. 38.

¹⁶⁰ В соответствии с этим первый номер «Каторги и ссылки» за 1935 г. едва содержит статьи о революции 1905 г. Ср. комментарий Корочкина // Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОПК (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 81об. В протоколе заседания коммунистической фракции еще идет речь о статье о революции 1905 г., но эта статья впоследствии, по-видимому, оказалась жертвой цензуры. Ср. Протокол [1] заседания Партгруппы Президиума ЦС От 2.1.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 1об.

¹⁶¹ После письма Сталина можно исходить из того, что, как Культпропотдел, так и секретариат ЦК располагали важнейшими рецензиями еще до их опубликования. Аппарат ЦК располагал необходимой информацией благодаря тому, что редакции журналов должны были информировать его о каждом тексте, который они намеревались печатать. Журналы «Большевик», «Книга и революция» и «Борьба классов» прямо контролировались Культпропотделом, который одобрял или отвергал их статьи. Кроме того, аппарат ЦК информировал о важных процессах также Главлит или непосредственно уполномоченный Главлита в редакциях.

¹⁶² Это может быть дополнительно интерпретировано и как урок присутствовавшим редакторам и историкам.

¹⁶³ *Теодорович И.А.* Карл Маркс... С. 7–81; *Теодорович И.А.* До-марксистский период... С. 5–21; *Теодорович И.А.* Роль Н.А. Морозова... С. 7–69.

¹⁶⁴ Ср. *Русанов Н.С.* Указ. соч. С. 283–238. Соответствующие примечания часто печатаются на нескольких страницах.

¹⁶⁵ В Комиссии по перерегистрации и, соответственно, Контрольной комиссии, председательствовал Шейн. По поволду отчета о происходившем ср. Резолюция Фракции ЦС ОПК. Машинописный текст с пометкой Ем. М. Ярославского. [После 11.12.1932]. – РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 60. Л. 3.

¹⁶⁶ *Шкаровский М.* Указ. соч. С. 155.

¹⁶⁷ Ср. таблицы 1 и 9 настоящей работы.

Глава XI

ЛИКВИДАЦИЯ (1935 г.)

С 1931 по 1934 гг. ОПК последовательно централизовалось, коллектив сотрудников сжался и превращался в представительный пропагандистский институт партии. Оно зарекомендовало себя, кроме того, как катализатор для вступления многих бывших «враждебных сестер и братьев» большевиков в ВКП(б). Его экономическая и социальная деятельность постоянно нарастала.

А затем около 16 часов 30 минут 1 декабря 1934 г. жертвой покушения пал первый секретарь Ленинградского обкома партии С.М. Киров. С большой вероятностью речь шла об индивидуальном террористическом акте Леонида Васильевича Николаева¹. Условия работы ОПК сразу же крайне ухудшились. Наконец, 27 июня 1935 г. газета «Известия» опубликовала решение Центрального Совета ОПК, в котором он обращался к Центральному Исполнительному Комитету (ЦИК) СССР с просьбой разрешить роспуск Общества². Практически одновременно с этой просьбой было напечатано соответствующее подтверждение со стороны ЦИК³. На конфиденциальном же уровне Политбюро ЦК ВКП(б) уже 26 июня 1935 г. удовлетворило желание ликвидации Общества⁴.

1. Последствия убийства Кирова

После угрозы закрытия ОПК в 1922 г. убийство С.М. Кирова представляло собой событие величайшей важности в истории Общества. Отдельные случаи принятия не вполне лояльных или даже «контрреволюционно» мыслящих членов и другие совершенные в прошлом «ошибки» ОПК разрослись теперь в угрожающую

проблему. Какое бы то ни было тактическое лавирование стало невозможным. Тем не менее предпринимались попытки обеспечить дальнейшее существование Общества с помощью многочисленных срочных мер.

После 1 декабря 1934 г. определяющий момент в работе коммунистической фракции, своего рода коммутационного центра ОПК, заключался в нахождении пути для подобающего реагирования на убийство Кирова. Следовало найти стратегию, с помощью которой ОПК могло соответствовать хотя и расплывчато сформулированному партией, но с тем большей настойчивостью требуемому «повышению бдительности»⁵.

2 января 1935 г. фракция Президиума Центрального Совета посвятила этому вопросу целое заседание. В нем участвовали не только члены партгруппы, но и другие члены Общества. В лице В.С. Цветкова-Просвещенского присутствовал также член редакции («Каторги и ссылки» и издательства ОПК) и уполномоченный Главлита. Он был к тому же членом [Московской] парторганизации⁶.

Корочкин, председатель коммунистической фракции и заместитель старосты ОПК, раскрыл целый спектр мероприятий. Прежде всего он требует поставить вопрос бдительности во «вполне конкретном смысле» и указывает на то, что в связи с убийством Кирова были арестованы четыре члена ОПК: [Н.М. или Н.Н.] Жуков, И.Ф. Дембский (эсер, беспартийный), а также члены-учредители Общества Новомирский и Сандомирский⁷. Дополнительно он отмечает, что еще один член Общества, [Я.] Васильев, уже расстрелян. Он был одним из первых в списке приговоренных к смерти⁸.

Задача Корочкина заключается в том, чтобы установить, как ОПК должно относиться к арестам и расстрелу. Для этого он сообщает, что и товарищ Ярославский считает правильным исключение Жукова и Дембского. Из Общества следует удалить также Новомирского и Сандомирского.

«[...] показав этим всем членам О[бществ]а, что мы не берем под защиту тех, кого арестовывает Соввласть. Это необходимо, ибо у некоторых беспартийных товарищей есть такая тенденция думать, что О[бществ]о обязано защищать членов О[бществ]а арестуемых Соввластью»⁹.

В свое время было допущено восстановление Васильева в ОПК без учета его прошлого, т. е. его службы в белой армии и эмиграции вместе с белой армией. Это свидетельствует об ос-

лаблении бдительности. Л.А. Старр дополняет, что Васильев был на основе решения Президиума только на 6 месяцев исключен из ОПК. За его восстановление высказалась и «Культпропкомиссия»¹⁰. В свою очередь, Конобращает внимание на то, что ОПК не располагало соответствующей информацией.

Дальнейшим обострением является выдвинутое Корочкиным требование о том, чтобы члены ОПК, дававшие рекомендацию по принятию нового члена Общества, последовательно отвечали за это лицо своим членством.

Восстановление в ОПК бывших членов, осужденных советской властью, также должно было стать более трудным. Если ранее дело обстояло так, что восстановлению ничего не препятствовало, коль скоро человек, о котором идет речь, отбыл наказание, то теперь Корочкин требует сначала увеличить и без того высокий, хотя не особенно строго соблюдавшийся, двухлетний срок отказа в приеме и строже контролировать заявителей. Отрицательные же примеры из прошлой практики приема показывают, что при решении по поводу возможных ходатайств на восстановление в ОПК в будущем причины осуждения соответствующего лица должны играть более значительную роль: Р.Л. Гончаров (социал-демократ, эсер, в данное время беспартийный) провел 10 лет в советской ссылке, [А.М.] Типунков сравнил ОГПУ с царской полицией в Киеве¹¹, а Н.В. Дрикера (анархист-коммунист, беспартийный), хотя он и был выслан органами советской власти, соответствующий филиал ОПК не исключил.

Чтобы в будущем воспрепятствовать ошибкам при восстановлении членства, Кон предлагает получать заключение и в НКВД¹². Напротив, руководитель ревизионной комиссии М.И. Бублеев хотел бы полностью не допустить восстановления тех, кто оказался в конфликте с советской властью¹³. Чтобы обосновать необходимость повышенного контроля, Крамаров, И.И. Шейн, М.И. Рябинин и А.И. Скобенников перечисляют несколько случаев лиц, работавших в ОПК и его филиалах и оказавшихся «антисоветски» или «троцкистски настроенными», «наказанными органами советской власти», «провокаторами» или «уголовниками»¹⁴.

Корочкин требует изменений также в сфере пропагандистской деятельности ОПК. Наряду со ставшей уже общеупотребительной практикой, которая заключалась в подготовке выступавших с публичными докладами в кружках с помощью специальных лекций, консультаций инструктивных докладов, теперь в качестве дополнения выступления как таковые уже заранее должны были

проверяться на их «политико-идеологическое содержание». До тех пор от докладчиков не требовали подготовки [письменных] проектов и тезисов. В будущем с инструктивными докладами более не должны были выступать беспартийные, – можно было бы добавить: люди с другим партийным прошлым, нежели большевистское. Беспартийные члены ОПК, например, В.М. Коробков (член редакции «Каторги и ссылки») едва ли были в состоянии определить «правильную линию партии».

Это не означало, однако, необходимости игнорирования беспартийных. Напротив, Корочкин представляет себе их насколько возможно «далеко идущее использование», разумеется, после соответствующей «обработки» или «отбора»:

«Вот по шефской работе можно хорошо проверять и партийцев и беспартийных. Если нужно воспитывать, надо этим заниматься. Если видим, что безнадежен, надо отсеивать»¹⁵.

Выходя за эти пределы, Кон требует проверки докладов членов Общества с помощью установления контакта с секретарями местных парторганизаций, обычно участвующих в докладах¹⁶.

Музей каторги и ссылки в Москве, и без того уже в 1933 г. подвергшийся основательной ревизии, в ходе которой сменили его руководство, должен был теперь по мнению Корочкина стать объектом новой проверки¹⁷. Планировалось проверить особенно в архиве, не осталось ли чего-то из собранного бывшим руководством¹⁸. По словам Виленского-Сибирякова, в архиве были собраны почти исключительно материалы о народничестве, народниках и эсерах. Критическое отношение некоторых руководителей музея¹⁹ к новой концепции выставки следовало, по мнению Корочкина, «переломить» или уволить соответствующих лиц. В дополнение к этому Виленский-Сибиряков требует создания «секретного отдела», т. е. закрытого фонда (спецхрана)²⁰.

В дальнейшем Корочкин требует усилить аппарат Центрального бюро НИИС партийцами из числа членов ОПК, так как аппарат не полностью находится в руках партии. Филиалы также должны быть теснее связаны с центром в Москве и благодаря этому лучше контролироваться. В данный момент проблема заключается в том, что исполнение директив задерживается в филиалах. Не в последнюю очередь он снова выдвигает зарекомендовавшее себя предложение усилить коммунистами все ведущие органы, секции и землячества²¹.

Можно установить, что язык заявлений сильно изменился. Он достиг невиданной до сих пор резкости, которая отчасти дошла

до настоящей дискриминационной риторики по отношению к беспартийным. Кроме того, коммунистическая фракция или, точнее, фракция членов ВКП(б) больше не боялась откровенной легитимации нарушения Устава ОПК. «Повышение бдительности» имело следствием, что Корочкин и Ярославский снова выступили за немедленное исключение из ОПК не только его членов, *осужденных* органами советской власти, но и, в однозначном противоречии с Уставом, *арестованных* органами. Практиковавшийся до сих пор принцип применения вплоть до осуждения презумпции невиновности, нарушенный лишь в случаях немногих исключений и при резких протестах, был тем самым окончательно лишен силы. Членам ОПК, в особенности беспартийным, должен был быть, очевидно, дан четкий сигнал, что Общество больше не будет вступаться за них уже на фазе следствия и не готово даже сохранять их членство на этой фазе. Кроме того, речь всегда шла об «ошибках», которых Общество просто не могло избежать. ОПК не располагало материалами секретных служб о лицах, намеренных быть (повторно) принятыми или уже принятыми в свои ряды. Так, Бреслав подчеркивает, что даже Фрейдсон, активный член Общества и сотрудник НКВД, не располагал информацией о прошлом Я. Васильева, и ставит вслед за тем вопрос о том, как можно требовать лучшего информирования Президиума ОПК²².

Если рассмотреть фракцию членов ВКП(б) только под этим углом зрения, могло бы возникнуть впечатление, что она в своем услужливом приспособлении к новой ситуации сопержающим повиновением без каких бы то ни было угрызений совести сделала себя адвокатом партии, не соблюдая интересы и безупречность *имени* ОПК. С этой позиции итог, подведенный Корочкиным и заключающийся в том, что обращение к чрезвычайным мерам не является необходимым, предстает попыткой поверхностного успокоения, причем в соответствии с переданным Ярославским в письменной форме и повторенным несколькими ораторами призывом не впадать в «панику»²³. Отношение Корочкина к арестованным и его требование существенного ужесточения контроля во всех сферах можно, особенно если учесть его радикализированный язык, вполне характеризовать как чрезвычайные меры или прямое содействие им.

Тем не менее в выступлениях Корочкина и других влиятельных членов ОПК можно найти знаки, указывающие на большой «шпагат» между поддержкой болезненных изменений и усилиями по ненарушаемому сохранению центральных основных принци-

пов Общества. С одной стороны, Корочкин выступает за более жесткий контроль вплоть до «отбора», с другой – отмежевывается от Виленского-Сибирякова. Последний с помощью цитаты Ленинадва ли в духе генеалогии марксизма огульно поставил беспартийныхчленов ОПК, активно работавших в секции революции 1905 г., на одну ступень с «адвокатами» буржуазного общества и характеризовал их как «профессиональных болтунов» и «защитников буржуазных прав»²⁴. Напротив, Корочкин требует в соответствии с хорошо известной линией ОПК, как раз не отмежевываться от беспартийных, а «вести» их²⁵. Также и Бреслав хотел бы использовать «адвокатов», так как они собрали выдающиеся материалы²⁶. Григорьев замечает, что живут не в стране безбеспартийных и что не имеет смысла отмежевываться от них²⁷. Дубинский доказывает, что работа ОПК, в особенности требуемый содержательный контроль, неосуществима без беспартийных. По его данным, «культпропотдел» ОПК в 1932 г. курировал в общей сложности 201 докладчика, в 1933–173, а в 1934 г. уже 150²⁸. При этом большинство работы выполнялось беспартийными²⁹. А.В. Кацнельсон-[Аникиева] (РСДРП(б), ВКП(б)) также обращает внимание на то, что без докладов беспартийных обойтись нельзя. Но наряду с этим она сообщает о случае на московском электропредприятии «Электросвет», где выступать разрешается только членам партии³⁰.

Прилагая активные усилия по защите интегративной модели ОПК, Корочкин затронул мнение большинства коммунистической фракции. В конце концов он зашел так далеко, что не только подчеркнул невозможность справиться с работой без участия беспартийных, но и заявил, что они иногда даже лучше членов партии понимают, о чем идет речь³¹. Следовательно, Корочкин считал, что беспартийные отчасти добросовестнее членов партии выполняли директивы.

Что касается требования Корочкина о большем контроле, то сильная группа коммунистической фракции проявляла даже склонность к лишь несущественно усиленному контролю. Некоторые ораторы сомневались в практической возможности их проведения и даже в необходимости усиления контроля в целом. Как Дубинский, так и И.И. Кириевский и Биценко не могут понять готовности «стариков» сначала подать тезисы своих докладов или рассмотреть их на основе стенограммы, как и подвергнуть редактированию. Кириевский и без того не считал это рациональным, так как никто из «стариков» не отказался бы от своего

прошлого. Скорее следовало бы активизировать процесс комментирования³².

В конечном счете задачей сильной группы в коммунистической фракции ОПК было вполне прагматически спасение продуктивной кооперации между бывшими политическими каторжанами в ОПК, представлявшейся на практике как сотрудничество между членами Общества, параллельно организованными в ВКП(б), и входившими в него беспартийными. Заседание коммунистической фракции Президиума ОПК служило в первую очередь быстрой очистке ОПК от его уже арестованных или ставших подозрительными членов. Это подчеркивалось в решениях об исключении Новомирского, Сандомирского и членов украинского филиала Поддубного и А.М. Толмачева, а также передаче дела А.Д. Цветкова (эсер, член ВКП(б)) КПК (Комиссия партийного контроля)³³ и создании комиссии по проверке членов Общества. На этом уровне коммунистическая фракция больше не создавала себе проблем. Напротив, она стремилась с помощью этих жестких мер исключения и своей радикальной риторики отвлечь от других направлений, в особенности от издательской деятельности ОПК. Особенно тревожными знаками нападения на эту основную сферу ОПК были постоянное присутствие и доклады Цветкова-Просвещенского. Оснащенный авторитетом Главлита и партии, он, очевидно, имел задачу усилить контроль над центральным ведущим органом ОПК. Это касалось в особенности дискуссий о дальнейшей издательской деятельности Общества³⁴. Так, Цветков-Просвещенский подчеркивает в своем докладе сначала выдающееся значение издательства в деятельности ОПК, а затем переходит к общему указанию на центральную роль печатного слова для современности и будущего и для масс и заканчивает критикой, в соответствии с которой в 1934 г. ОПК опубликовало только тонкую «прослойку» текстов и книг, написанных большевиками. Остальные авторы были народниками, приверженцами «Народной воли» эсеров. Из 41 автора 30 были беспартийными. В публикациях особенно чувствуется, что некоторые авторы не в состоянии критически рассмотреть свое прошлое. Из 143 рукописей 18 было подвергнуто цензуре, а 3–4 издания книг отклонены как идеологически неприемлемые³⁵. Кроме того, он считает недостатком слишком низкий процент – 25% – активных сторонников партии Обществе. Главный принцип ОПК, – интенсивное участие беспартийных как в издательской деятельности, так и в

качестве авторов под наблюдением коммунистов – тем самым оказался в целом подвергнутым испытанию.

Бесплановая издательская деятельность

Затем в феврале 1935 г. действительно становилось все яснее, что на первом месте среди тем, внимание к которым слабело, стояла издательская деятельность ОПК. Не удалось получить подтверждение бюджета со стороны ЦК для этой важной сферы, хотя Общество уже в сентябре 1934 г. представило Культпропотделу ЦК детальный тематический план с акцентом на 30-ю годовщину революции 1905 г. Для реализации плана были необходимы 200 т бумаги. 17 января 1935 г. ОПК были, однако, из запланированных 9 млн запечатанных страниц одобрены только 5 млн. Но, чтобы запечатать 5 млн страниц, Общество получило только 25 тонн бумаги, т. е. лишь четверть необходимого количества. Кроме того, едва существовала перспектива достигнуть в ЦК повышения верхней границы для распределения бумаги. По мнению важнейшего теперь сотрудника издательства, Бреслава, никто не хотел рисковать своим партбилетом ради дополнительных тонн бумаги.

В дополнение к этому серия «Недорогая литература» была совершенно удалена из издательской программы³⁶. Кроме того, в результате серьезных желаний изменить уже набранные и отчасти даже уже напечатанные тома энциклопедии и журнала «Каторга и ссылка» для ОПК возникли дополнительные расходы в сумме 340 тыс. руб.³⁷ Так, двойной номер 5–6 (1934 г.) «Каторги и ссылки» был уже полностью напечатан, когда произошло убийство Кирова. Редакции пришлось теперь не только дополнительно включить некролог и послание с выражением соболезнования в адрес ЦК и Ленинградского обкома партии, но еще и изъять статью, в которой подробно излагалось сотрудничество Г.Е. Зиновьева в редакции «Большевика». Зиновьев же в декабре 1934 г. был обвинен в духовном соучастии в убийстве Кирова³⁸.

Положение представляется Бреславу столь драматическим, что 1 февраля 1935 г. на заседании коммунистической фракции Президиума³⁹ ОПК он требует написать письмо в секретариат ЦК партии или лично Сталину, чтобы изложить, каково отношение Культпропотдела ЦК к издательству ОПК. В противном случае следует поставить вопрос о дальнейшем существовании или за-

крытии издательства⁴⁰. Годом раньше можно было еще подумать о том, что это лишь проходящее развитие событий. Но в этом году все повторяется в гораздо худшей мере. Это не случайно. Бреслав сообщает, что он как в ЦК, так и в Культпропотделе ЦК был только оставлен в неведении. Его общее впечатление в том, что ему говорят одно, а делают другое. Другим издательствам дают тысячи тонн бумаги, а «нам нужно только 100 тонн»⁴¹.

Его итог таков:

«[...] если считают [в ЦК], что наше издательство не нужно, или по своему содержанию, или по другим причинам, нужно прямо нам сказать [...]»⁴².

«может быть, из этого ктонибудь сделает другой вывод, а наше решение, что нас прихлопнут»⁴³.

Кириевский на том же заседании считает оценку, данную Бреславом, «совершенно правильной». Он оценивает свои и Бреслава возможности получить необходимое количество бумаги как исчерпанные. Выход он видит в том, чтобы вместе с Теодоровичем, Корочкиными Ярославским мобилизовать авторитет Общества, применив его для получения достаточного количества бумаги. Теодорович имеет возможность добраться до Кагановича – лица в партийном руководстве, в чьей компетенции находилось данное дело⁴⁴.

Шумяцкий присоединяется скорее к мнению Бреслава, считающего, что речь идет не об отдельных книгах или о томах «Каторги и ссылки», а о вопросе, желательны ли еще такой журнал и издательство ОПК. Поэтому он поднимает вопрос о том, чтобы наступательно «доказать» еще сохраняющуюся необходимость издательства⁴⁵. Шумяцкий даже отклоняет в принципе любое соображение о том, чтобы подумать относительно закрытия издательства. Тем не менее он считает ошибочным оценку Бреслава, предполагавшего за недостатком предоставляемого количества бумаги политический мотив. Напротив, Шумяцкий указывает на общую ограниченность количества бумаги, тем более что прекратили закупку бумаги из Финляндии и Швеции⁴⁶.

Резкое замечание Бреслава было реакцией на оценку, данную Корочкиным, руководителем созванного заседания. Тот искал прежде вину за трудности не в Главлитеи Культпропе, а исключительно в издательстве и редакции⁴⁷. В то же время он стремился отвергнуть все обвинения.

Проблема бумаги, на его взгляд, была лишь временной и она разрешится сама собой, если изменится отношение [ЦК и его Культпропотдела] к издательству ОПК⁴⁸.

Чтобы преодолеть предполагаемые разногласия в ЦК и Культпропотделе, Корочкин предложил ликвидировать директорат в издательстве и заменить принцип коллективного руководства издательством ответственным руководителем издательства⁴⁹. В качестве следующей меры следовало усилить контакт между издательством и редакцией и покончить с «беспорядочностью» редакции. Корочкин сетовал на то, что Теодорович из-за болезни, а Кириевский из-за другой важной работы лишь редко присутствовали на заседаниях⁵⁰. Также и в связи с описанными трудностями 1934 г. издания определенных книг, он, следуя за Ярославским, возложил ответственность за это на неструктурированную работу редакции⁵¹. Вместе с меньшинством коммунистической фракции Корочкин отстаивал формирование позиции постояннодоступного контактами полномочного принимать решения заместителя Теодоровича в редакции⁵².

В дополнение относительно новый сотрудник редакции, С.С. Кривцов⁵³, который, однако, не был членом Общества, требует одновременно с централизацией также и расширения задач деятельности редактора. Следует не ограничиваться оценкой того или иного издания [книги или статьи] как «подходящей». Вместо этого необходимы «особые исправления». Кроме того, он критикует публикацию [книг и статей] без достаточных примечаний и вводных статей⁵⁴.

Корочкина и Кривцова поддерживает делегат Московской парторганизации Цветков-Просвещенский, который присутствовал и на этом заседании. Он открыто констатирует наличие «железной» связи между «вопросом бумаги» и качеством литературы, выпускаемой издательством⁵⁵.

И.И. Шейн видит в «катастрофической» ситуации с бумагой даже нечто положительное, так как по этой причине редакция и издательство обратились к коммунистической фракции. Таким образом можно, наконец, по его словам, обсудить и устранить несомненно существующие недостатки в издательской и редакционной работе⁵⁶. Он «убежден самым глубоким образом» в том, что не слишком поздно решить проблему бумаги и что есть еще резервы бумаги. Шейн особенно подчеркивает связь между правильным оформлением празднования юбилея революции 1905 г. в плане ОПК и предоставлением бумаги⁵⁷. Шейн хочет даже узнать от «довольно влиятельных товарищей», что увеличение предоставления бумаги должно быть еще раз проверено в середине года⁵⁸.

Для решения острых бюджетных проблем, которые наряду с недостаточным предоставлением бумаги представляли собой вторую серьезную проблему Общества, как Шейн, так и Корочкин выступали за резкое ограничение аппарата издательства и редакции⁵⁹. Шейн сообщает в данной связи об общей тенденции. Ряду издательств уже пришлось сократить свой аппарат. В армейском издательстве (Государственное военное издательство, Воениз) из 18 журналов осталось только 6⁶⁰.

Тем не менее в целом Корочкин, Шейн и даже Цветков-Просвещенский и Шумяцкий в противоположность Бреславу оценивают ситуацию как решаемую и «преходящую». Наконец, Корочкин дает следующую общую оценку положения:

«[...] потому что действительно каких-нибудь катастрофических случаев отсутствия бдительности не констатировано»⁶¹.

Один лишь Теодорович и показал себя в этой дискуссии вообще неготовым уступчиво реагировать на напряженную ситуацию. Он не видит причины для преувеличенного опасения и выступает за наступательное объединение всех сил. Хотя он и сообщает, что непосредственно после убийства Кирова по совету Ярославского прекратил сначала телефонные разговоры с членами Политбюро об издании своего сборника о «Народной воле», но затем подчеркивает, что только что по собственной инициативе послал обращение в ЦК, которое очень хвалил Ярославский⁶².

Теодорович считал также совершенно ошибочной критику в адрес издательской деятельности ОПК⁶³. Он хвалит, вдаваясь в детали, всемирное признание издания трудов классиков революционного движения Бакунина⁶⁴, Ткачева⁶⁵ и Лаврова⁶⁶ и цитирующиеся повсюду среди специалистов статьи из «Каторги и ссылки»⁶⁷. Теодорович требует от коммунистической фракции признания этих достижений и большей поддержки в столкновении редакции с Главлитом и Культпропом. В особенности это имеет силу применительно к его борьбе против цензурной практики, которую он описывает как «фальсификацию», т. е. сокрытие фактов⁶⁸. Его альтернативная концепция такова: сохранение модифицированных после 1932 г. принципов ОПК, с помощью изложения фактов «раскрытие» истины или публикация соответствующих книг и текстов с [вводным] комментарием⁶⁹.

В соответствии с описанием Теодоровича «исправления», читай цензурные меры, заходили столь далеко, что даже идеи Маркса и Ленина вычеркивались как «немарксистские» или неленинские.

Теодорович отвергает также позицию заместителя руководителя редакции или предложенную Бублеевым чисто контрольную функцию главного редактора в отношении других редакторов⁷⁰. Он выступает за сохранение системы ответственности сотрудников редакции за определенные темы, в которых они компетентны. Кроме того, по-иному, как он считает, не справиться с массой материала⁷¹.

В целом Теодорович создает впечатление, что с помощью разъяснительной работы, доказательства правильности содержания и применявшихся цитат, а также использования противоречий в Главлите и Культпропе и, наконец, с помощью полной поддержки коммунистической фракции вполне можно будет продолжать продуктивную работу.

С.Ф. Васильченко и Диманштейн предлагают, расширяя подход Теодоровича, обратиться к ряду научных учреждений и библиотек, *чтобы* подготовить заявления о значении и необходимости работы ОПК⁷². Бублеев полагает, что следует использовать в целом хорошие отношения ОПК, чтобы добиваться «предупредительных» рецензий⁷³.

В заключительном комментарии Корочкин настаивает на том, чтобы сделать весь редакционный коллектив, а не отдельные лица, редактирующие определенные книги и тексты, ответственным за то, что выходит⁷⁴. Чтобы справиться с быстрыми изменениями и непредвиденными моментами, он считает необходимым созывать заседание редакции каждые 20 дней.

В заключительной резолюции коммунистической фракции Президиума Центрального Совета от 1 февраля 1935 г. дается поручение обратиться в ЦК и указать на то, что количество бумаги слишком мало, чтобы выполнить издательский план. Теодорович, Бреслав и Диманштейн должны по согласованию с Ярославским в течение 5 дней разработать соответствующую резолюцию. Кроме того, Теодоровича призвали также на протяжении 5 дней представить на рассмотрение предложение по кандидатуре заместителя в редакции.

Другие конкретные решения по структуре редакции и издательства, а также вопрос о том, как дальше поступать с библиографической энциклопедией, перенесены, но к коммунистическим фракциям редакции, Центрального Совета и Президиума была обращена просьба вместе с Бреславом и Теодоровичем разработать конкретные предложения⁷⁵.

Эмблема издательства Всесоюзного Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. КиС (1931) 10

Сведение до роли
организации, занимавшейся снабжением,
и клуба «бывших»

После февраля 1935 г. в Обществе было на удивление спокойно. Большие проблемы не обсуждались ни на заседаниях партийной фракции Президиума, ни на заседаниях самого Президиума. Коммунистическая фракция приняла в конце марта лишь решение о закрытии связанного с ОПК театра революционной истории⁷⁶. В середине апреля Президиум Центрального Совета потребовал

повышения качества и дальнейшего развития «общественно-массовой работы». Это означало необходимость улучшения эффективной работы ОПК и интенсификации общей пропаганды Общества для советского государства. Следовательно, речь шла о сфере деятельности Общества, после 1932 г. выросшей в непропорционально высоких масштабах⁷⁷. При этом имелись в виду курировавшиеся Культпропотделом ОПК и хорошо оплаченные выступления, в ходе которых бывшие каторжане и ссыльные вспоминали на фабриках, в колхозах, домах культуры и т. д. о своем прошлом. Но в то же время подразумевалась и поддержка общих (экономико-политических) кампаний и помощь их проведению, шефство над колхозами, заводами, детскими домами и военными учреждениями, а также музеев ОПК и выставочных павильонов в Московском парке культуры им. Горького⁷⁸.

Только 17 июня, т. е. за шесть дней до решения о полной ликвидации Общества, состоялось решающее заседание Президиума Центрального Совета ОПК⁷⁹. Важность заседания подчеркивается тем, что здесь собрались не только Президиум, но и в целом 200 членов ОПК и тем самым почти вся Московская головная организация. В нем участвовал и Ярославский. Формально заседание объяснялось предложением партгруппы Президиума⁸⁰.

Здесь были приняты радикальные решения, сводившиеся к превращению Общества бывших каторжан и ссыльных в организацию по снабжению и пункт сбора бывших политкаторжан и ссыльных. Особенно задеты оказались три основные сферы, две из которых в значительной степени пересекались: 1. Пропагандистская деятельность, 2. Научная работа и, наконец, 3. Экономическая деятельность.

Прекращение пропагандистской работы

Главной темой заседания 17 июня была, как уже в апреле 1935 г., «общественно-массовая работа». На сей раз речь шла, правда, не об ее улучшении, а об ее значительном ограничении, фактически равнозначной прекращению.

Так, Корочкин в качестве председателя заседания и представителя партгруппы Президиума требует обдумать эту сферу деятельности ОПК. При этом он ссылается на решение ЦК ВКП(б) «О пропагандистской работе в ближайшее время», появившееся в «Правде» 14 июня, т. е. за 5 дней до заседания⁸¹. Решение ЦК

подчеркивало выдающееся значение пропагандистской деятельности и одновременно критиковало «некоторые парторганизации» за ограничение их пропагандистской работы в летние месяцы. Воспитательная политическая работа не сезонная и должна будет проводиться круглый год с помощью рабочих кружков и т. д.

Корочкин делает из новых директив вывод о том, что в вопросе пропагандистской деятельности ЦК больше не допустит «параллелизма» и «кустарщины». Напротив, эта работа стала «ответственной» частью задач парторганизаций. Но так как ОПК не является партийным органом и насчитывает всего 3000 членов, оно не может в большом масштабе заниматься «общественно-массовой работой». В качестве следующей причины он приводит закрытие Общества старых большевиков. Хотя у ОПК свой собственный профиль, именно в связи с ликвидацией «общественно-массовой работы» оно должно следовать примеру Общества старых большевиков⁸².

Корочкин, однако, приводит в неопределенных формулировках не только «изменение различных обстоятельств» и внешние причины как факторы, способствующие ликвидации, но и сообщает столь же неопределенно, что товарищ Петерс в ходе «на днях» проведенной проверки ОПК установил в работе Общества «ряд недочетов», которые «по-иному» открыли взгляд на «некоторые обстоятельства» работы Общества, особенно его «общественно-массовой работы». От секретариата *группы* членов партии в ОПК поступило предложение ограничить работу Культпропкомиссии ОПК членами Общества и членами их семей. «Актив Культпропа» должен быть в зависимости от направленности работы частью ориентирован на МОПР, частью на другие организации, например, обком партии, для поддержки экономико-политических кампаний⁸³. Шефскую работу также следует ограничить детскими домами и военными учреждениями. Следует сильнее контролировать музейную работу, экскурсоводов следует лучше обучать и обстоятельнее проверять экспозиции музеев, особенно местных⁸⁴.

Ярославский подтверждает в своем выступлении, что выдвинутые предложения были согласованы с ним. Он хотел бы лишь уточнить, «чего, собственно говоря, от нас требуют». В качестве примера он избирает Общество старых большевиков. Оно, вопреки высказываниям Корочкина, не прекратило свою «общественно-массовую работу», а, напротив, будет продолжать ее с еще большей энергией, точностью и в тесном сотрудничестве с пар-

тийным комитетом. Изменение заключается лишь в том, что Общество старых большевиков не имеет более собственного плана, больше не организует параллельно парторганизации собственные доклады и больше не устраивает выступлений только для своей небольшой элиты⁸⁵.

Точно также Ярославский советует и ОПК ближе примыкать к [Московскому] комитету партии. Члены Общества, так же, как и члены Общества старых большевиков, должны предоставлять свои возможности комитету партии для пропагандистской работы. Связанное с этим ограничение, заключающееся в том, чтобы не организовывать более доклады самостоятельно, а предоставлять это полностью в компетенцию парткома, обосновывается отрицательным примером. Так, М.П. Сажин, уже умерший, иногда даже «доказывал» в выступлениях, что прав был не Маркс, а Бакунин. Поэтому и в будущем следует обращать внимание на предоставление партийному комитету для массовой пропагандистской работы только лиц, отобранных в соответствии со строгими критериями⁸⁶.

Шейн также соглашается с предложенной Ярославским формулой, согласно которой работа Общества продолжается, только не под названием ОПК. Он подчеркивает, что таким образом в политическую работу по-прежнему вовлекаются и беспартийные. Таким же способом следует продолжать и работу в рамках МОПР⁸⁷.

В отношении музеев ОПК Ярославский многословно, но по содержанию соглашаясь с Корочкиным, выступает за повышение качества, а также лучшие отбор и обучение персонала⁸⁸.

Наконец, в своих решениях собрание следует рекомендациям Корочкина о прекращении пропагандистской работы и отказе от шефства. Этот отказ не затронул, однако, со всей категоричностью шефства над детскими домами и школами, пропагандистской работы внутри ОПК и как важнейшего пункта – продолжения деятельности музеев, принадлежащих Обществу, в крупных центрах, включая их работу с посетителями⁸⁹.

«Замораживание» научной работы

На расширенном заседании Президиума 17 июня 1935 г. речь шла, однако, не только о почти полной передаче пропагандистской работы под руководство партийных учреждений, но и о еле-еле

замаскированной ликвидации научной деятельности Общества в области истории революционного движения, не охарактеризованной прямо как эффективная. Это в особенности коснулось работы центрального бюро НИИС, издательства и редакции «Каторги и ссылки». Собрание приняло дополнительное решение о «замораживании» на возможно более низком уровне деятельности НИИС и работы над энциклопедией по революционному движению и выделении книжного магазина и склада «Маяк». И в этом случае именно Корочкин снова выразил рекомендации коммунистической фракции.

В отношении НИИС Корочкин рекомендует сократить работу на 90% или временно отложить все проекты. С одной стороны, он приводит финансовые причины, а с другой опасается именно для запланированной пятитомной «Истории репрессий – тюрьмы, каторга и ссылка» дублирования с другими организациями вплоть до возникновения противоречий и ошибок. Корочкин видит под серьезной угрозой также издательскую работу из-за все еще невыясненного вопроса о предоставлении бумаги или предоставлении ее крайне малого количества. В 1935 г. не вышел ни один номер «Каторги и ссылки». Из-за недостатка финансовых средств приходится «временно» остановить также работы, рассчитанные на долгосрочную перспективу, например, энциклопедию. Книжный магазин «Маяк» должен быть отделен от Общества, так как оно больше не издает достаточно книг. Вот каков был итог рассуждений Корочкина:

«Одним словом, мы должны будем поставить перед собой задачу как можно более упростить нашу организационную структуру, сократить всякого рода посредствующие звенья, побольше сократить наш обслуживающий аппарат»⁹⁰.

Какие реальные последствия имело крайнее ограничение научной деятельности ОПК, разъясняют цифры, приведенные Шейном. В Центральном бюро НИИС в настоящее время работают на договорной основе 400 человек, и ежемесячно в качестве заработной платы выплачивается 9 тыс. руб.⁹¹ Речь шла, однако, не только о членах Общества, но и, как можно было заключить из доклада Корочкина, о лицах, не имевших прямого отношения к ОПК⁹².

Ярославский также присоединяется к требованиям Корочкина об ограничении работы, но в противоположность ему подчеркивает как решающую причину этих мер не отсутствие средств и недостаток бумаги. Вместо этого он ложно утверждает, что уста-

новил проблему тех, кто ответствен за решение этого вопроса, и заключается она не в недостатке бумаги, а в качестве книг. При этом Ярославский называет камнем преткновения именно предмет гордости ОПК – биобиблиографическую энциклопедию:

«Если бы сейчас по-серьезному взялись бы за это дело, мы не выпустили бы тех томов, которые мы выпустили»⁹³.

Не называя точно, кого он имеет в виду, оратор сетует, что в энциклопедии можно найти много биографий «провокаторов» и ставит вопрос, для чего это надо. Разве мы «академики», таков следующий риторический вопрос Ярославского, которые желают заполучить в историю даже и биографии провокаторов? Следует быть осторожнее и не заниматься такого рода «уравниловкой», не собирать все, что можно собрать, а давать политическую оценку этим лицам⁹⁴. Шейн поддерживает Ярославского в той мере, в какой он усматривает описанную им опасность в кадровом составе научных секций. Он сообщает, что коллектив сотрудников ЦНИИС подвергается контролю. В секции по исследованию революции 1905 г. восьми членам партии де факто противостоят 58 беспартийных, и среди них лишь немногие члены ОПК. Вслед за тем Ярославский ставит вопрос о том, может ли и хочет ли Общество действительно взять политическую ответственность за этих лиц⁹⁵.

Кажется, что здесь снова Бреслав был единственным из тех, кто сказал, о чем, собственно, шла речь в дискуссии – об окончательном прекращении научной работы ОПК⁹⁶, которое в принципе уже совершилось⁹⁷. Но в то же время он пытается представить контраргументы и добиться более дифференцированного подхода, а также создания комиссии. По мнению Бреслава, можно говорить о проверке программы центрального бюро НИИС, которая включает внешние обстоятельства, как то недостаток бумаги и финансовых средств. Относительно планировавшихся пяти томов по истории революционного движения он рекомендует ограничиться эпохой между двумя революциями – 1905 и 1917 гг. и ни в коем случае не прекращать всю работу [над томами]. Создана большая команда, сгруппированная вокруг научно-исследовательской работы. Команда состоит в целом из активных участников революции 1905 г. Может существовать максимум того, что необходимо, чтобы исследовать эту эпоху. Ограничивать эту работу – «преступление для истории революционного движения»⁹⁸. НИИС же провела большую работу не только при издании сборников, но также и упорядочил архив III Отделения Главного тю-

ремного управления (ГТУ) Департамента полиции царского правительства и ряд других архивов. Бреслав признает, что при составлении биобиблиографического словаря были сделаны ошибки, но это не должно вести к роспуску сработавшейся команды. Следует продолжать работу, правда, применяя более строгие критерии. В целом Бреслав хотел бы передачи НИИС средств, высвободившихся из-за прекращения пропагандистской работы⁹⁹.

Согласно решению собрания, Бреслав действительно получает задание проверить работу НИИС и добиться участия в ней только членов ОПК. Это решение ничего, однако, не может изменить в том, что было также решено «временно» ограничить работу НИИС по финансовым причинам¹⁰⁰.

Заседание показывает, кроме того, что отказ от экономической деятельности ОПК, а также выделение многочисленных предприятий были в это время уже совершившимся фактом¹⁰¹.

2. Поэтапная ликвидация

Уже до убийства Кирова ОПК демонстрировало внушавшие опасение явления паралича. Ядро его активности, издательская деятельность, сужалось все новыми, все скорее сменявшимися друг друга требованиями со стороны государственных и партийных цензурных учреждений. Нормальная работа для еще имевшейся динамичной структуры Общества была возможна лишь в ограниченной степени. Бреслав заявил даже, правда, уже после убийства Кирова, что еще в 1934 г. у него возникло впечатление о том, что центральные части Общества более нежелательны. Расходы, связанные с продолжением линии, представлявшейся прежде, были столь высоки в 1934 г. потому, что цензурная система все более фиксировалась на определенной линии, становясь при этом в то же время все более непредвидимой. Структуры, прежде сравнительно регулировавшиеся, становились все более непрочными и все сильнее перекрывались личной лояльностью или отношениями с определенными влиятельными лицами. Правда, последнее все с бóльшим трудом поддавалось расчету.

После убийства Кирова имел место полный крах разработанных в ОПК стратегий, заключавшихся в том, чтобы сориентироваться пусть даже в условиях трудностей. Стратегия Общества

состояла в реагировании на повышенное политическое и административное давление с помощью словесных заверений в абсолютной лояльности и периодически повторявшихся заявлениях о все более строгом контроле всех сфер деятельности ОПК, а затем на практике в подчеркнуто либеральном обращении с этими мерами и отчасти даже явном затягивании их реализации. Оказалось невозможным продолжать решение проблем с помощью личных контактов. Никто не хотел в данной ситуации быть ходатаем в пользу Общества или тесно связанных с ним членов.

Кроме того, за исключением денег для обеспечения членов ОПК пенсиями, Обществу не поступали другие государственные средства. Предоставление бумаги было недостаточным. Точно также, что было обусловлено убийством Кирова, от ЦК нельзя было получить согласия на планировавшийся на март 1935 г. V Всесоюзный съезд ОПК, хотя Ярославский еще пытался «зондировать почву в известных кругах» на проведение съезда. Уже продвинувшиеся приготовления были в конце января прекращены с обоснованием, предназначавшимся для органов вне партгруппы ОПК, согласно которому подготовка «замолкла»¹⁰².

Несмотря на это неустойчивое состояние, именно в начале февраля 1935 в руководящих органах ОПК распространилась надежда на то, что после успокоения ситуации Общество удастся в значительной степени сохранить без ущерба для него, если только последовательно ужесточать структуру Общества, действовать против его нелегальных членов и систематически применять существующие контакты.

О следующем промежутке времени до июня едва ли имеется значительная информация относительно жизни ОПК. Это касается и возможных реакций на самороспуск Общества старых большевиков, решение о котором было принято 15 мая Пленумом его Центрального Совета. Влияние закрытия ОСБ на ОПК недоказуемо. Тем не менее при анализе ОПК стало очевидно, что между февралем и июнем 1935 г. во мнении руководства Общества политический климат чрезвычайно ухудшился. Надежда на возможность в значительной степени сохранить ОПК уступила место усилиям, имевшим целью всеми силами воспрепятствовать его закрытию. По этой причине 17 июня 1935 г. было самостоятельно предложено минимальное решение, идентичное сведению ОПК до роли организации, занимавшейся снабжением, и места встречи ветеранов революционного движения. Следует, тем не менее, подчеркнуть, что и это решение и впредь имело перспек-

тиву будущего. Здесь было выражено намерение законсервировать на самом низком уровне научную ветвь для будущего нового начала. Даже в области пропаганды наблюдалось стремление в особенности не выпускать из рук полностью курирование музеев, тем более что двумя неделями ранее было достигнуто соглашение с парткомом о совместном с этого момента руководстве музеями¹⁰³. При прекращении экономической деятельности, как представляется, речь шла о том, чтобы получить обещание, согласно которому предприятия, принадлежащие Обществу, не будут ликвидированы, а должны вместе с их кадрами перейти в ведение государственных учреждений¹⁰⁴.

Важнейшие компоненты минимального решения, фактически прекращение работы таких сфер деятельности Общества, формировавших идентичность, как землячества, научные секции, курирующие органы, например, центральное бюро НИИС, издательство, журнал «Каторга и ссылка», а также работы над биобиблиографической энциклопедией и другими книжными проектами, не объясняются лишь ясными директивами партии или советского государства. Однозначным было лишь, что предоставление соответствующих средств не санкционировалось на протяжении более чем полугода. Решения представляли результатом проведенной, вероятно, в начале июня Петерсом широкомасштабной проверки ОПК. Результаты ревизии были сообщены внутри Общества только через членов партийной фракции Президиума, причем именно Ярославский вставил в свое выступление и оценки ОПК со стороны оставшихся анонимными руководящих функционеров, ответственных за распределение бумаги.

Подводя итоги, можно назвать следующие критерии и обоснования для ограничения работы ОПК: Важнейшее изменение заключалось в том, что именно пропагандистская работа, которая с 1931 г. под мощным давлением партии стала центральным полем деятельности Общества, оказалась вдруг заклеянной как нежелательный «параллелизм». Она должна была полностью перейти под управление партии. Но ясно становилось также, что требовавшееся прекращение пропагандистской работы не наталкивалось на решительное коллективное сопротивление членов Общества. Здесь лишний раз подтвердилось, что пропагандистская работа в прошлом и без того была столь сильно развита только по настоянию партии, хотя партия вновь и вновь сталкивалась с исторической концепцией ОПК, которая делала ставку на серьезно исследованные факты и свидетельства очевидцев. Кроме того,

Ярославский нашел именно здесь с планировавшейся передачей пропагандистского коллектива Общества парткому и посредничеством тех его членов, которые по-прежнему намеревались выступать с докладами о своемреволюционном прошлом, механизм, до некоторой степени удовлетворявший руководящие органы и членов ОПК. Гораздо труднее для ОПК оказался, однако, отказ от своей научной работы по истории революционного движения. Хотя Корочкин и здесь пытался по поводу пятитомной истории революционного движения воспользоваться аргументом о параллелизме с работами других, в особенности близких партии, научно-исследовательских учреждений, это было не осуществимо, например, в отношении биобиблиографической энциклопедии, которая высоким профессионализмом была создана исключительно ОПК. В конечном счете ОПК приходилось косвенно признать, что терпимое восприятие коренного структурного признака Общества, а именно сотрудничества между членами ВКП(б) и беспартийными с другим партийным прошлым не было больше приемлемым для партии. Поэтому ведущие функционеры Общества вновь и вновь подчеркивали, что в научных секциях, Центральном бюро НИИС, коллективах, курировавших и создававших энциклопедию и другие книжные проекты, были заняты неподходящие лица. Это высказывание относилось прежде всего к беспартийным и не-членам Общества. Критики, несвязанные с Обществом, и без того давно уже стилизовали участие беспартийных в решающий фактор идеологических и концептуальных ошибок в печатной продукции ОПК.

Не поддается выяснению, было ли закрытие ОПК 17 июня 1935 г. уже установлено и был ли к тому времени информирован уже и Ярославский¹⁰⁵. Может, однако, считаться несомненным, что возможное закрытие намечалось и что предпринимались попытки противопоставить альтернативу этой серьезнейшей угрозе для ОПК посредством максимально возможных уступок партии.

3. Решение о роспуске и его обоснование

За четыре дня до опубликования в «Известиях» решения о роспуске, 23 июня 1935 г. состоялось чрезвычайное заседание Пленума Центрального Совета ОПК. На этом заседании присутство-

вали члены Президиума и Центрального Совета, ревизионной комиссии и активные члены Московской головной организации¹⁰⁶. С одной стороны, Пленум решил ходатайствовать перед ЦИК о роспуске ОПК, которому Общество было формально подчинено после своего превращения во всесоюзное и просить о том, чтобы государство взяло на себя «материальное попечение» о его членах¹⁰⁷. С другой стороны, ЦИК должен создать комиссию, которая должна решить вопрос о регулировании ликвидации ОПК и передаче его имущества, а также о характере дальнейшей поддержки бывших членов Общества.

Кроме того, Пленум Центрального Совета дал и обоснование роспуску Общества. В нем говорится, что ОПК, основанное в 1921 г., чтобы гарантировать материальную помощь бывшим политкаторжанам, осознало, что большую часть своих средств оно и без того получает от государства. Дальнейшее существование Общества более нецелесообразно, так как государство теперь само в состоянии полностью удовлетворять «материальные потребности» членов ОПК¹⁰⁸. Решению о роспуске и обоснованию предшествовал краткий обмен мнениями, в ходе которого, судя по протоколу, слово брали только Ярославский, Кони Баум. Из вводных слов Ярославского явствует, что его следует рассматривать как инициатора основных пунктов решения и его обоснования, но что весь текст решения внесен в Центральный Совет коммунистической фракцией. По словам Ярославского, среди «нескольких руководящих товарищей» [ОПК] был поставлен вопрос, является ли вообще и далее необходимым существование ОПК ввиду наличия пролетарского государства, полностью способного удовлетворить «наши» потребности, тем более что оно иногда для получения средств пользовалось компрометирующими способами, как происходило на Кавказе, в Закавказье и ряде других мест. Поэтому возникло даже впечатление, что там, как раз потому, что пролетарское государство якобы не в состоянии снабжать в достаточной мере бывших политкаторжан, прибегли к соответствующим мерам.

Но затем, вероятно, для того, чтобы успокоить членов Общества, староста ОПК сообщает о беседах с «некоторыми» членами партии, в ходе которых шла речь даже о об увеличении помощи бывшим политкаторжанам и ссыльным. Ярославский обещает, наконец, по аналогии с регулированием последовавшего в мае 1935 г. роспуска Общества старых большевиков (ОСБ)¹⁰⁹ специальный законодательный акт, который обеспечит сохранение

привилегий его членов, как то пользование домами отдыха и получение жилищных кооперативов и столовых.

Баум был единственным, кто разглядел критику в адрес обоснования, предложенного Ярославским, не ставя, однако, принципиально под сомнение необходимость роспуска. Для него было важно подчеркнуть функцию катализатора, свойственную ОПК, а также то обстоятельство, что многие из его членов порвали с партиями, в которые входили раньше, и активно действовали в Обществе. Благодаря ОПК, в партию пришло и вступило в контакт с советским обществом много таких людей. В качестве примера ему служит коллективное ходатайство о приеме в партию, направленное в адрес XVII съезда (1934 г.) 600 членами Общества¹¹⁰. Сокращение роли ОПК до учреждения, главным образом заботящегося о материальном обеспечении своих членов, он считает неоправданным. В соответствии с этим Баум вносит предложение уполномочить запланированную правительственную комиссию учесть рассматривавшиеся аспекты и дать бывшим политкаторжанам возможность интегрироваться в советское общество.

Напротив, Кон ставит под сомнение подчеркнутую Баумом интегрирующую роль Общества. Он вполне признает, что ОПК способствовало переосмыслению бывшими политкаторжанами своих взглядов, но оспаривает, что они вступили бы в партию и без Общества:

«Мы утверждаем, что люди, которые раньше боролись за революцию, убедившись в ложности своего пути, не могли поступить иначе»¹¹¹.

Кроме того, Баум, по мнению Кона, забыл о том, что они живут в советской стране и те, «желающие работать, всегда найдут для себя возможность принять участие в общественной жизни страны»¹¹². Тем не менее, Кон демонстрирует полное понимание выступления Баума. Членам Общества трудно «распыляться». Но в то же время он требует «политический подход». Нельзя ставить пролетарское государство в ложное положение, продолжая требовать от него предоставить распределение помощи ветеранам революции «кому-нибудь», т. е. ОПК.

Президиум ЦИК 25 июня 1935 г. в соответствующем решении удовлетворил в полном объеме просьбы Пленума Центрального Совета ОПК и принял решение о персональном составе требовавшейся комиссии¹¹³.

В свою очередь, Политбюро подтвердило 26 июня 1935 г. текст решения и предложение Президиума ЦИК и назначило ко-

миссию под председательством И.А. Акулова¹¹⁴ (член Президиума, Секретарь ЦИК и член КПК), в составе Н.И. Ежова (Секретарь ЦК и председатель КПК), Я.Х. Петерса¹¹⁵ (Член Президиума ЦИК Член КПК), И.А. Наговицына¹¹⁶ (член ВЦИК) и членов ОПК Корочкин и Ярославского (также член ЦИК)¹¹⁷. Комиссия должна была заседать 15 дней.

4. Закрытие, предписанное в соответствии с политическими мотивами

На Пленуме ОПК, посвященном роспуску, Ярославский не проявил никаких сомнений в необходимости закрытия Общества. Напротив, он продемонстрировал свое «полное» согласие и утверждал это равным образом от имени коммунистической фракции. Коммунистическая же фракция выступила даже инициатором закрытия.

Тем не менее особое сомнение вызывается преувеличенно гармонизирующим обоснованием, настроенным на советское государство. Представляется малоубедительным, что Общество без дальнейшей полемики полностью отказалось от своих собственных интересов в пользу усилившегося «пролетарского государства» и должно скромно удалиться, понимая, что его дальнейшее существование стало излишним. На фоне этого крайнего заявления о лояльности, граничащего с самоотречением, утрачивает значение даже обвинение в случайных криминальных махинациях в кавказских филиалах, тем более что оно не конкретизировалось, а было коренным образом ослаблено с помощью применения слова «иногда»¹¹⁸.

В действительности ни демонстративная сплоченность, ни якобы добровольное желание закрытия Общества не соответствовало процессам, происходившим за кулисами. Напротив, решение о прекращении работы ОПК было, с одной стороны, принято через их голову, а с другой – ОПК, да и сам Ярославский, оказывали этому решению существенное сопротивление, если оно отнюдь не было открытым вопнем.

Решение было принято в высших органах партии и государства. В качестве движущих сил выступали будущий шеф секретных

служб, тогда еще секретарь ЦК и председатель контрольной комиссии партии, Н.И. Ежов и член Президиума ЦИК и КПК, Я.Х. Петерс¹¹⁹. Так как Ежов в письме, касающемся закрытия ОПК, явно указан как член КПК, напрашивается предположение, что решение о закрытии там и принималось¹²⁰. Возможно было также, что принципиальное решение объясняется решением созданной 11 февраля 1935 г. под председательством Ежова комиссии Политбюро по расследованию персонала ЦИК, так как Общество входило в структуру ЦИК¹²¹. Конечно, можно сказать, что Ярославский не участвовал в принятии решения. Так, Ежов писал Сталину в письме от 23 июня 1935 г., что «продолжает “сомневаться” Ярославский, которого, кстати сказать, к решению этого вопроса мы не привлекали»¹²². Тем не менее Ежов передал практическую реализацию решения Ярославскому. Он должен был выяснить формальности процесса и подготовить проект решения о роспуске, а также его обоснование и предложить его на одобрение Пленуму Центрального Совета ОПК. В июне Ярославский послал свой проект на ознакомление Ежову. Он предлагал создание комиссии с участием членов ОПК Кона, Корочкина и С.А. Григорьева (бывший эсер, ВКП(б), секретарь ОПК). В дополнение в комиссию должны были быть включены любой член ЦИК, например, Акулов, и член ЦК ВКП(б)¹²³. Далее Ярославский обращал внимание на то, что ЦИК ответствен за роспуск. Проект Ярославского обнаруживает явные отличия от решения, принятого в конце концов на Пленуме Центрального Совета Общества: иначе, нежели в окончательном решении, Ярославский подчеркивает собирание материалов по истории революционного движения, еще прежде чем речь заходит о роли Общества как института, занятого материальным снабжением, в качестве заслуги ОПК. Ярославский с похвалой упоминает и музей «Каторга и ссылка».

Проект Ярославского был, однако, изменен не Пленумом Центрального Совета ОПК, а уже до этого сокращен в окружении Ежова, после чего еще раз исправлен лично Ежовым. В особенности в результате «исправлений» Ежова ОПК было превращено в общество по материальному вспомоществованию бывшим политкаторжанам и ссыльным. Исключительные смысл и цель деятельности Общества заключались якобы в удовлетворении материальных потребностей советским государством¹²⁴. Именно эта редакция, которую Пленум ОПК принял полностью, была приложена к упоминавшемуся письму Ежова Сталину. Отсюда можно заключить, что Сталин не предпринимал изменений, оставив дело полностью в ведении Ежова.

Из письма Ежова становится также ясно, что Ярославский, несмотря на его роль исполнителя указаний Ежова, выступал за сохранение Общества. Так, Ежов сообщает Сталину, что Ярославский по-прежнему «сомневается» и играет в деле «двусмысленную» роль. Петерс и другие товарищи передают, что Ярославский ведет «везде пропаганду для сохранения Общества». Этому соответствуют поиски Ярославским даже после формального решения о роспуске возможностей сохранить сплоченность и структуры ОПК, причем в форме комитета при ЦИК. Петерс сообщает 7 июля 1935 г. в оцененном как секретное письме Ежову, председателю контрольной комиссии партии, и Акулову, члену Президиума ЦИК, о разногласиях между ним и Ярославским, проявившихся на первом же заседании комиссии по ликвидации ОПК. Ярославский настаивает на создании специального комитета при ЦИК для обслуживания ученых, которые хотят продолжать свое изучение каторжан [в царской России]¹²⁵. Письмо показывает также, что со стороны ОПК имелись стремления объединить в этом комитете свои предприятия и координацию материальной помощи бывшим каторжанам и ссыльным. Петерс со всей определенностью выступает против этих предложений, подчеркивая, что наркоматы социального обеспечения союзных и автономных республик, наркомсобесы должны заботиться о дальнейшей поддержке бывших членов Общества¹²⁶. Так как Петерс не видел возможности договориться с Ярославским и Григорьевым, он, не поставив об этом в известность Ярославского, вместе со своим письмом послал проект соответствующего решения о роспуске Ежову и Акулову.

Со своей стороны, Ярославский также испытал все возможности, чтобы осуществить свои представления о создании специального комитета. Для этого он заблаговременно активизировал Веру Фигнер, о чем свидетельствует письмо Фигнер Максиму Горькому от 27 июня 1935 г. В согласии с концепцией Ярославского по спасению Общества она просит Горького походатайствовать перед Сталиным за основание соответствующего комитета¹²⁷. Согласно ее представлениям, в этот комитет должны входить также «нескольк[о] лиц из каторжан по выбору правительства»¹²⁸.

Усилия Ярославского, стремившегося вместе с Григорьевым и Фигнер не допустить полного разрушения структур ОПК, были, однако, безуспешными. Об этом свидетельствует решение Президиума ЦИК от 17 августа 1935¹²⁹. Именно так, как того требо-

вал Петерс, руководство снабжением бывших политкаторжан и ссыльных и наблюдение за этим было передано Наркомсобесу РСФСР и его филиалам в краях и областях. Этому же наркомату передавались предприятия и учреждения (санатории, дома отдыха и столовые)¹³⁰ Общества.

Полностью ликвидирована была также возможность занятия историей революционного движения, которая формировала ядро Общества, обеспечивавшее идентичность¹³¹. Это символически закрепляло и судьбу многочисленных музеев, созданных Обществом. Часть материалов поступала в центральный музей «Каторга и ссылка» ОПК в Москве. Другие части попадали в фотоотдел или в общий распределительный фонд для архивных материалов Архивного управления. Музей в Москве был переименован и получил название «Большевики на царской каторге и в ссылке». Руководство им принял на себя Крамаров, один из величайших «ястребов» ОПК. Главной темой выставки был теперь «Побег Сталина»¹³².

Неприкосновенными оставались, однако, обширные привилегии бывших членов Общества: Право на персональную пенсию, предоставление лечения и специального медицинского обслуживания, льготы по квартирной плате, право на предметы потребления, удешевленный обед, разовые специальные выплаты и скидки по оплате проезда, далее, право на обеспечение специальными товарами, предоставление пособия на похороны и т. д. Кроме того, дети бывших каторжан и далее получали преимущества, т. е. принимались на тех же условиях, что и дети рабочих, в высшую школу (ВУЗ), в том числе техническую (ВТУЗ), а также технические школы (техникумы)¹³³.

5. Причины закрытия

В качестве причины закрытия ОПК английский историк Роберт Конквест называет то обстоятельство, что Общество старых большевиков «и столь же почетное Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев занимались сбором подписей во влиятельных кругах под петицией в Политбюро против казни участников оппозиции»¹³⁴.

Партия оценивала это как фракционность. При этом Конквест ссылается на знаменитое «Письмо старого большевика»¹³⁵. Там, правда, сказано лишь, что Ежов в середине 1935 г. требовал смертной казни в процессе против Каменева, против чего выступали многие старые большевики.

«Некоторые влиятельные члены партии передали Сталину петиции против наложения смертной казни. “Общество старых большевиков” открыто собирало подписи для петиции в Политбюро, которая ссылаясь на завещание Ленина: “Не допускайте кровопролития между вами”»¹³⁶.

Следовательно, ОПК здесь не упоминается вопреки данным Конквеста. Кроме того, исследования, проводившиеся до настоящего времени, не дали доказательств сбора подписей.

Если рассмотреть рассуждения Конквеста по поводу ОПК, а также на основе данного исследования дополнительно информацию из письма старого большевика, то представится к тому же в высшей степени невероятным, что ОПК, – а это касается и ОСБ – как организация высказывалась против применения смертной казни в отношении членов партии и организовывала сбор подписей. История ОПК показала, напротив, что Общество как организация с 1922 г., когда оно едва не было закрыто из-за вмешательства в дискуссию об обращении с политическими заключенными в советском государстве, держалось особняком от политических дел. Если создавались сравнимые петиции, например, за отмену смертной казни в середине 20-х гг., то среди подписавших были члены как ОПК, так и ОСБ, но они выступали не от имени своих Обществ, а в личном качестве¹³⁷.

Тем не менее связь, проведенная Конквестом между «самороспуском» ОСБ, решение о котором принял 15 мая 1935 г. Пленум Центрального Совета Общества и последовавшим 23 июня закрытием ОПК напрашивается сама собой. Между закрытием двух Обществ прошло всего 5 недель. О том, что существует и фактическая связь, свидетельствует уже доклад (бывшего) руководителя обоих Обществ, Ярославского, на расширенном Пленуме Центрального Совета ОПК 17 июня 1935 г. Ярославский недаром видел себя побужденным изложить перед членами ОПК причины закрытия ОСБ. В своей речи он перенес с ОСБ на ОПК сначала способ (принятие ветеранов революции под опеку партикома) а затем и обоснование (параллелизм) прекращения пропагандистской работы. Хотя он затем недвусмысленно подчеркнул, что ОСБ несравнимо с ОПК, названные мотивы закрытия ОСБ, –

оно выполнило свои задачи, уже произошла смена поколений и советское государство усилилось – могут рассматриваться как верные и для ОПК. Шесть дней спустя первый и последний мотив даже прямо влились в официальное обоснование закрытия ОПК, появившееся в «Известиях».

17 июня Ярославский уделил особое внимание смене поколений. Так, он заявляет (правда, снова только в связи с ОСБ!), что около 1922 г. – года основания ОСБ – авторитет партии в значительной мере опирался на тонкий «слой» старой большевистской гвардии. Теперь же роль старых большевиков изменилась. Решение важнейших вопросов современности зависит уже не от них одних, а от «огромного нового слоя» партийных, комсомольских, профсоюзных и хозяйственных кадров. Между тем выросли «совершенно новые люди», и многие из «старых» неравноценны этим новым кадрам в том, что касается знаний, энергии и многого другого¹³⁸. Для старых большевиков, по словам Ярославского, университетами были тюрьмы. Сами присутствовавшие знали, что люди около 1922 г. «духом опускались». В этой ситуации было необходимо улучшать и повышать теоретический уровень. Это и сделало Общество старых большевиков.

Ярославский дополнительно подчеркивает: «Мы выполняли большую задачу помощи партии по борьбе с разного рода антипартийными группировками»¹³⁹.

Историк Татьяна Коржихина, ссылающаяся в своей работе на письмо, написанное Ярославским 16 июня 1935 г. секретарю ЦК А.А. Андрееву, в котором он применяет те же аргументы, но при этом рассматривает только ОСБ, не видит причины не верить Ярославскому. Она полагает, тем не менее, что здесь была сказана «не вся правда»¹⁴⁰. В качестве решающих для закрытия ОСБ она приводит две причины: «соскальзывание» Общества, превращавшее его в учреждение по обеспечению привилегиями, и вытекавшие отсюда трудности в соответствии с уставом Общества воздействовать на партию «в духе традиции большевиков», тем более что эти традиции уже «растоптаны, утрачены»¹⁴¹. Кроме того, для этого были нужны основанный на двух главных принципах, а именно на страхе и личной зависимости, «административно-командной системе», созданной партийной верхушкой, новые, молодые исполнители без «лишнего теперь груза памяти о традициях большевизма, об идеалах, надеждах и теориях»¹⁴².

По мнению Коржихиной, однако, не только с изменившимися историческими условиями было связано то обстоятельство, что

ОСБ и представленные в нем «стариками» стали излишними. Она приводит также «поведение определенных лиц» из ОСБ, которые, в частности, оправдывали необходимость «чего-либо (и зла в том числе)». В конечном счете среди старой партийной гвардии было слишком много функционеров, клонившихся к компромиссу¹⁴³. Понятие «компромисс» несет в данном случае негативную нагрузку и характеризует у Коржихиной Сталина и созданную им политическую систему. В свою очередь, с помощью аргументации, типичной для времени перестройки, когда она писала свою статью, Сталин отделяется от идеализированного Ленина, который в определенных ситуациях, несмотря на опасность возможного раскола партии, бескомпромиссно боролся за «правильную» большевистскую линию¹⁴⁴. Проблематично в тезисах Коржихиной, что она не доказывает их на основе документов. Кроме того, она перемешивает структурные аргументы с моральными.

Если же с помощью искусного приема перенести тезисы Коржихиной на ОПК и таким образом придать им более широкую источниковедческую опору, можно констатировать следующее. Ярославскому, а также Корочкину, Кону, Бауму и Шейну можно было «не верить» (Коржихина) постольку, поскольку их обоснования служили тому, чтобы завуалировать или легитимировать авторитарный характер решений о закрытии ОПК, принятых в окружении Петерса и Ежова. Руководящие кадры ОПК всеми средствами соблюдали видимость добровольного решения Общества. Если под этим углом зрения рассмотреть их аргументы, то они дают детальную информацию об изменениях, затронувших ОПК после убийства Кирова¹⁴⁵: пропагандистскую работу должны были теперь организовывать и проводить чисто партийные учреждения. То же касалось научного исследования истории революционного движения. Косвенным образом это стало очевидно в результате прекращения предоставления финансовых средств аппарату, издательству и журналу ОПК, а также прерванного предоставления бумаги. Следствие в виде закрытия обеих сфер (наука и пропаганда) находилось в совершившемся с начала 30-х гг. непрерывном выравнивании границ между пропагандистским поддержанием традиций и научным исследованием истории революционного движения.

Другая важнейшая причина закрытия касалась одновременно структуры Общества и сообщавшейся им содержательной информации вплоть до его концепции истории и метода научной

работы ОПК. Так, вынужденное прекращение исследования революционного движения показало, что задача партии заключалась в том, чтобы покончить теперь со всяким, даже косвенным влиянием в этой сфере беспартийных, имевших иное, нежели большевистское, партийное или групповое прошлое, даже если они и находились под наблюдением членов партии. ОПК не должно было более быть в состоянии служить местом для ухода или нишей нескольким сотням компетентных, но не интегрированных в партии лиц¹⁴⁶. Тем самым многие специалисты теряли свою отчасти единственную возможность заработка, так как они ввиду политического прошлого или отказа прямо сотрудничать с партией испытывали трудности в поисках средств к жизни. Высшим приоритетом стала верность линии, а не профессиональная компетентность. Тем самым применительно к пропагандистской деятельности обещание Ярославского о том, что беспартийные члены ОПК, которые с помощью своих публичных выступлений обеспечивали подработку к небольшим пенсиям, снова найдут место в партийных структурах и после прекращения пропагандистской работы Общества, не соответствовало изменившимся условиям.

По поводу содержания информации, сообщавшейся Обществу, 14 июня 1935 г. в форме инструкций ЦК по пропагандистской работе последовало даже однозначное заявление партии:

«Необходимо особенно разъяснить, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчество и т. п.), как злейшим врагом марксизма, и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключаяющий организацию массовой партии)»¹⁴⁷.

Затем, применяя те же формулировки, инструкции подчеркивают, что эта борьба велась не только на идейном уровне, но и, что очевидно, с приверженцами подобных воззрений. Члены партии должны понять, что марксизм-ленинизм возник и укрепился главным образом в борьбе против старых народников, а вслед за тем и в борьбе против меньшевиков и эсеров.

С помощью этого определения народничества как смертельного врага партия переняла в радикализованной форме позиции, выдвигавшиеся против ОПК, в особенности против Теодоровича, уже в начале 30-х гг. Покровским, П.О. Гориным, И. Татаровым и Г.С. Фридляндом, причем Татаров, Горин и Фридлянд, тем временем осужденные как троцкисты, утратили всякое влия-

ние¹⁴⁸. Линии ОПК и Теодоровича, представлявшей до 1934 г., хотя и все менее четко, и заключающейся в изображении «Народной воли» как тех, кто пролагал путь большевикам и революции, теперь официально и бескомпромиссно противостояла идеология исключительности марксизма. Фактический запрет поисков сходства, точек соприкосновения и моментов преемственности между народничеством и марксизмом был к тому же дополнен атакой без разбору на всех народников и эсеров, а также и на другие социалистические течения, например, меньшевиков, которые не могли ассоциироваться с народничеством. Они считались сплошь врагами марксизма-ленинизма. Официальной ведущей линией была теперь не интеграция, а конфронтация. Ярославский полностью включил эту линию в свою историю ВКП(б), вышедшую в 1936 г.¹⁴⁹

Теперь надлежало только, как было сформулировано в пропагандистском руководстве, «описать условия и средства победы нашей партии». С такой целью не согласовывалась историческая концепция ОПК – позволить из полифонии голосов всех тех, кто десятилетиями нес на своих плечах революционное движение, возникнуть истории революционного движения. Ярославский ясно показал это в своей критике в адрес биобиблиографической энциклопедии, представлявшей ему более не соответствовавшей духу времени, так как она не содержала «правильной» подборки биографий. То же касалось и тома биобиблиографической энциклопедии, который должен был быть полностью посвящен борцам «Народной воли» и сочувствовавшим ей, но не смог выйти, хотя уже и был готов. Уход в другие, нежели «Народная воля», темы, как то предлагал Бреслав 17 июня 1935 г. с учетом резкого осуждения народнического движения ЦК партии, не имел поэтому реальных шансов¹⁵⁰.

Осуждение индивидуального террора «Народной воли» как недопустимого средства политической борьбы, также включенное в пропагандистское руководство, было в первую очередь реакцией на убийство Кирова, которое с учетом сегодняшнего состояния исследования было индивидуальным террористическим актом. Для ОПК это имело серьезные последствия. Уже до выхода пропагандистского руководства ЦК чрезвычайная мера, принятая после убийства Кирова, состояла в том, чтобы изъять из издательской программы ОПК предназначенную для широких масс «Недорогую библиотеку», в которой большим тиржом в маленьких дешевых брошюрках описывались также героические истории

о терактах. Напрашивавшейся причиной было опасение, выраженное в опубликованной уже в 1930 г. критике в адрес брошюр в том, что в широких массах это может вызвать недифференцированную идеализацию индивидуального террора, которая, если доводить критику до ее логического конца, уже вскоре может обернуться против представителей советской власти¹⁵¹. Прекращение пропагандистской работы ОПК в июне 1935 г. было лишь последовательным продолжением и обострением этой «антитеррористической меры». Публичные выступления представителей революционной этики и героев, с риском для жизни сопротивлявшихся государственному произволу и при этом не останавливавшихся перед террористическими актами, рассматривались теперь как контрапродуктивные. Как утверждается, Сталин заявил в начале 1935 г. в кругу доверенных лиц:

«Если мы на народовольцах будем воспитывать наших людей, то воспитаем террористов»¹⁵².

Каганович следующим образом критиковал в 1937 г. на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) статью народовольца Н. Морозова в «Известиях» от 7 ноября 1935 г.:

«К чему это в номере 7 ноября приводить статью Николая Морозова? [...] Это сигнал террористам, троцкистам и зиновьевцам. Это не случайно»¹⁵³.

Мифы, которые чего доброго могли зажить собственной жизнью и тем самым таили в себе опасность потенциального обращения и против господства большевиков, были теперь нежелательны. Журнал «Каторга и ссылка» исчез отныне в спецотделах библиотек и стал недоступен среднему читателю¹⁵⁴.

Прекращение экономической деятельности ОПК следовало, в свою очередь, уже упомянутой логике абсолютного превосходства партии. Надлежало пресечь проведение собственной кадровой политики, на которую государство и партия воздействовали лишь косвенно и которая, к тому же, поддерживала клиентелу, не полностью ассоциировавшуюся с партией. Это полностью включилось в общую политику советского государства, имевшую в 1935 г. целью огосударствление всей хорошо функционировавшей сети кооперативов¹⁵⁵.

Петерс и Ежов не пошли, как о том свидетельствует окончательное закрытие ОПК, на минимальное решение в виде прекращения деятельности важнейших с точки зрения идентичности сфер Общества. Они целились на все ОПК, которое рассматрива-

ли как организованный союз с частичной автономией по отношению к структурам государства и партии. О том, сколь далеко шли критерии, имевшие целью разрушение всякой формы представительства интересов, свидетельствует в свою очередь осуществленное параллельно закрытие ОСБ. В отличие от утверждений Ярославского, важной причиной закрытия Общества была не смена поколений, а коллективная забота о «грузе памяти» (Т. Коржихина) относительно однородной группы с общим опытом в организационной форме, которая хотя и являлась частью партии, но, тем не менее, обладала частичной организационной самостоятельностью. Бывшие ветераны революционного движения должны были участвовать теперь в деятельности партии только на индивидуальной основе и индивидуально через государственные учреждения обеспечиваться привилегиями. Институциональные и организационные свободные пространства более не были желательными. Чтобы остаться в стиле Ярославского, скажем, что ОПК, таким образом, не выполнило свою задачу. Ее функция катализатора отслужила свое.

Если же в заключение рассмотреть общий политический климат и соотношение сил в июне 1935 г. с точки зрения информации, важной для закрытия ОПК, то можно констатировать следующее:

Ежов, лично отвечавший за закрытие, уже в 1934 г. был продвинут Сталиным на высокие партийные посты и введен в комиссии, занимавшиеся чистками партии, реформой юстиции и структурными изменениями ОГПУ-НКВД. Он играл центральную роль и в расследовании убийства Кирова. Вместе с А.В. Косаревым, Ягодой и Я.С. Аграновым (заместитель Ягоды) он наблюдал за следственными действиями¹⁵⁶. Но имя Ежова в особенности символизирует тех, кто после убийства поддерживал по мере сил Сталина в том, чтобы извлечь из события максимальный политический капитал. Он оказался мастером инсценировки мнимых заговоров¹⁵⁷.

В струе, образованной волной арестов и процессов после убийства Кирова и охватившей в особенности сторонников различных так называемых внутривнутрипартийных оппозиционных групп, которым приписывалось духовное руководство убийством, оказались и многие члены ОПК. Каждого, кто не полностью прекратил контакт с «оппозиционными» силами внутри и вне партии, а также за границей или только находился под подозрением в поддержке таких контактов, арестовывали, расстреливали или

приговаривали к заключению в лагере или тюрьме. В первой половине 1935 г. Обществу приходилось постоянно ходатайствовать об исключении таких членов¹⁵⁸. Дело Сандомирского и дело Новомирского дают представление о том, что вслед за убийством были сведены счёты не только с внутривластной оппозицией, но и со «старой оппозицией», т. е. с (бывшими) сторонниками социалистических и анархистских течений¹⁵⁹.

Именно в мае и июне 1935 г., т. е. на той фазе, когда были закрыты и ОСБ, и ОПК, Ежов начал новый, снова ужесточенный раунд использования убийства Кирова. В его брошюре «*От фракционности к открытой контрреволюции*», датированной 17 мая 1935 г., Каменев, Зиновьев, а также Троцкий оцениваются уже не только в качестве только духовных подстрекателей, но и как прямые организаторы убийства Кирова. На основе этой работы, прочитанной Сталиным, но не разрешённой к публикации, Ежов выступил затем на пленуме ЦК 6 июня с речью, также предварительно одобренной Сталиным. В ней он тесно связал названных лиц с другими заговорами, в том числе против Сталина¹⁶⁰, и требовал для них смертной казни¹⁶¹.

Другое направление развития событий, неблагоприятное для ОПК, заключалось в том, что Ежов на Пленуме ЦК атаковал также многолетнего Секретаря ВЦИК, а затем ЦИК, А. Енукидзе. Как уже упоминалось, ОПК было подчинено ЦИК и с момента своего основания пользовалось поддержкой Енукидзе. Нападки начала возглавлявшаяся Ежовым созданная 11 февраля 1935 г. комиссия Политбюро по расследованию персонала ЦИК¹⁶². Уже 3 марта Енукидзе, вероятно, из-за своей мнимой вовлечённости в так называемое «Кремлевское дело», был снят с поста, переведён на периферию, а затем на июньском пленуме ЦК обвинён Ежовым в том, что из-за недостатка бдительности подготовил почву для террористических групп¹⁶³. Здесь на фоне деятельности вокруг закрытия ОПК и ОСБ представляется мнение, что «Кремлевское дело» служило и тому, чтобы освободить ЦИК в лице Енукидзе от того, кто выступал за непрерывный, прагматический и скорее аполитичный подход к возникавшим проблемам¹⁶⁴. Это противоречит доказательству, привести которое стремился российский историк Ю.А. Жуков. В соответствии с его аргументацией в 1935 г. в Кремле действительно существовал сначала искусно скрытый Ягодой, но в 1937 г. все же раскрытый в ходе допросов арестованных Ягоды, Енукидзе и Р.А. Петерсона заговор против Сталина.

Как далеко Енукидзе в 1935 г. стоял вне измененного Сталиным и его верными последователями, а вслед за убийством Кирова окончательно возобладавшего радикального понимания политики, показывают два примера. Первый касается упреков Енукидзе против поддерживавшейся Сталиным отмены классового избирательного права в пользу всеобщих и тайных выборов с несколькими кандидатами в рамках обсуждения новой конституции¹⁶⁵. Второй – высказанный на июньском (1935 г.) пленуме ЦК Ежовым упрек по адресу Енукидзе в том, что он «типичный представитель коррумпированных и самодовольных коммунистов, которые играют “либерального” джентельмена за счет партии и государства»¹⁶⁶. Как бы ни различались друг с другом эти примеры, в них имеется общее консервативное ядро: Енукидзе рекомендовал, учитывая общее настроение элит по отношению к Сталину, сохранить проверенное (антидемократическое) классовое избирательное право и не *сделал этого* особенно при использовании убийства Кирова для радикального обособления всякой оппозиции¹⁶⁷. Смещение лояльного сталиниста Енукидзе, последовавшее на пленуме, показывает, что прежняя практика умеренного отношения к внутривластной оппозиции и «старой оппозиции» (т. е. бывшим эсерам, меньшевикам, анархистам и т. д.) или, как практиковалось до тех пор, ограничиваться наказанием и высылкой из крупных городов Центра, а в ряде случаев содействовать даже (ре)интеграции, наказывалась теперь исключением из партии¹⁶⁸. Ежов приводит несколько примеров поддержки лиц, заклейменных отныне контрреволюционерами, или их родственников, в том числе жены Н.Д. Кондратьева, которые и далее получали от Енукидзе, т. е. от аппарата ЦИК, пенсии или другие финансовые пособия. Тем самым, если снова возвратиться к ОПК, дальнейшее существование Общества при ЦИК стало невозможным. Уже готовность выступить в пользу такого Общества с его членским профилем и тематической направленностью автоматически считалась теперь проявлением недостаточной бдительности. С Енукидзе ОПК утратило своего ходатая в ЦИК, а в лице Петерса обрело в Президиуме ЦИК ликвидатора.

Последняя причина закрытия Общества заключалась в том, что Сталин с 10 марта обратил особое внимание на Культпропотдел ЦК¹⁶⁹. Поэтому можно с уверенностью предположить, что инструкции ЦК о пропагандистской работе от 14 июня 1935 г., более не оставлявшие ОПК содержательного и концептуального пространства для маневра, были им одобрены. Но интенсивное

занятие Сталина новой историографией, начавшееся в 1931 г. с его письма в редакцию журнала «Пролетарская революция» и достигшее в 1938 г. временной кульминации с изданием «Краткого курса», диаметрально противостояло исторической концепции Общества, несомой ветеранами революционного движения и поддержанной специалистами, из которых не все были связаны с партией¹⁷⁰. На первом месте стояли теперь не свидетельства очевидцев, факты и профессионализм, а соответствующим образом профессионально манипулируемая интерпретация истории, понимаемая как инсценирование прошлого исключительно в партийных и государственных целях¹⁷¹.

Таблица 9

Заккрытие общепользных общественных организаций с 1917 по 1939 гг.

Общества	¹⁷² 1917–39	1917–19	1920–28	1929–31	1932–34	1935–39	¹⁷³ 1940-
Естественные науки, техника, медицина	103	1	8	15	32	8	¹⁷⁴ 25
Гуманитарные науки	48	1	7	17	12	4	¹⁷⁵ 1
Военно-спортивные	16	–	10	–	2	2	2
Культурно-просветительные	46	2	8	15	8	5	¹⁷⁶ 3
Социальные	32	3	10	4	3	1	¹⁷⁷ 7
Искусство, культура	93	7	21	25	30	1	¹⁷⁸ 1
Нет данных	37						
Сумма	338	14	64	76	87	21	39

Заккрытие ОПК является целостной частью в общей государственной политики в отношении общепользных общественных организаций. Из 338 существовавших между 1917 и 1939 гг. обществ, объединений и фондов в 1940 г. оставались только 39, причем по поводу 37 организаций нет более подробных данных и тем самым количество закрытий может оказаться гораздо более

высоким. В целом между 1917 и 1939 гг. были закрыты 262 общества. В сравнении с другими обществами естественно-технические и медицинские объединения, численность которых сократилась со 103 до 25, оказались затронуты еще сравнительно мало. Количество военных и спортивных объединений уменьшилось с 16 до двух, культурно-просветительных с 46 до трех, социально ориентированных организаций с 32 до семи, а художественных объединений, пользовавшихся особой поддержкой во времена НЭПа – с 93 до одного общества. Из 48 гуманитарных обществ, в число которых входили также ОПК и ОСБ, равным образом осталось лишь одно общество.

Численность наиболее важных обществ, существовавших с 1917 по 1939 гг.: 338.

Численность наиболее важных обществ, закрытых с 1917 по 1939 гг.: 262.

Нет данных по 37 обществам.

Общества, существовавшие после 1939 г.: 39.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кирилина А.А.* Неизвестный Киров. – СПб, 2001; *Knight A.* Who killed Kirov? The Kremlin's great mystery. – New York, 1999; *Lenoe M.*: Did Stalin kill Kirov and does it matter? // The journal of modern history (2002) № 74. С. 352–380.

² Постановление Пленума совета Общества быв[ших] политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 23.6.1935 // Известия (1935) 27.6. С. 3.

³ О ликвидации Общества быв[ших] политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Постановление Президиума ЦИК СССР [от 25.6.1935] // Известия (1935) 27.6. С. 3.

⁴ Решение Политбюро принималось голосованием вкруговую, т. е. без собрания членов Политбюро. Они лишь принимали проект к сведению, о чем свидетельствовали их подписи. То же имело силу и для Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР). Ср. Заседание Политбюро от 26 июня 1935 г. Протокол 28 / Пункт 52 «О ликвидации Общества быв[ших] политкаторжан и ссыльнопоселенцев». – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 966. Л. 11. Ср. также: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. Т. 2. 1930–1939. – М., 2001. С. 666.

⁵ Исходным пунктом для этого было секретное письмо ЦК от 18 января 1935 г. по поводу убийства Кирова. Ср. Die Lehren der Ereignisse im Zusammenhang mit dem Meuchelmord an Genossen Kirow [18. Januar 1935] // Schau-

prozesse unter Stalin: 1932–1952. Zustandekommen, Hintergründe, Opfer. – Berlin, 1990. С. 210–122.

⁶ Члены коммунистической фракции, участвовавшие в заседании: Корочкин, Скобенников, Шумяцкий, Бублеев, Шейн, Соколинский, Старр, М.И. Рябинин, Кузьмина, Шер, Григорьев, Дубинский, Бреслав, Кон, Биценко, Шпилев, Андреева. Члены Общества: Филиппов, Садина, Виленский[Сибиряков], Крамаров, Васильченко, Богданов, Кацнельсон, Надельштейн, Гельман, Маршев, Бакин, Кириевский. Член [Московской] парторганизации [ВКП(б)]: [В.С.] Цветков-Просвещенский. Ср. Протокол [1] заседания Партгруппы Президиума ЦС от 2.1.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 1–5об.

⁷ По каким причинам они были арестованы, установить не удалось.

⁸ Имя Васильева не удалось, однако, обнаружить в списке «белогвардейцев», имена которых были опубликованы в «Правде» от 6 декабря 1934 г.

⁹ Протокол [1] Партгруппы Президиума (1935) – ГАРФ. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Ср. подробно о деле Типункова: *Кан Г. Александр Типунков. Судьба политкаторжанина // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. С. 197–205, особенно С. 201* исл.

¹² Протокол [1] Партгруппы Президиума (1935) – ГАРФ. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 3–3об.

¹⁴ Там же. Л. 3об.

¹⁵ Там же. Л. 1об.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ В 1933 г. была создана комиссия под руководством Кона, которая должна была реструктурировать музей. В этой связи была уволена и арестована многолетняя руководительница В.Н. Светлова, бывшая эсерка. Виленский-Сибиряков, как уже упоминалось, был назначен директором музея. Ср. *Ратнер А.В. Всесоюзное общество...* (Дипломная работа...). С. 112.

¹⁸ Протокол [1] Партгруппы Президиума (1935) ГАРФ. Л. 2об.

¹⁹ Речь шла главным образом о бывших политкаторжанах и ссыльных.

²⁰ Там же. Л. 2 об. Виленский-Сибиряков был директором музея с 1933 г. Ср. *Ратнер А.В. Всесоюзное общество...* (Дипломная работа...). С. 112.

²¹ Протокол [1] заседания партгруппы Президиума ЦС от 2.1.1935 – ГАРФ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 3об.

²² Там же. Л. 3.

²³ Кон также соглашается с тем, что неуместно «впадать в панику». Подобную позицию занимал и Шейн. См. также одобрительный комментарий Григорьева к призыву Ярославского. Ср. там же. Л. 2, 3об, 4.

²⁴ Там же. Л. 2об.

²⁵ Там же. Л. 1об.

²⁶ Там же. Л. 3.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Дубинский продолжал работать в Культпропотделе ОПК. Под «докладчиками» подразумеваются выступления членов ОПК на фабриках, в колхозах и на различных пропагандистских мероприятиях.

²⁹ Протокол [1] заседания партгруппы Президиума ЦС от 2.1.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ Там же. Л. 5.

³² Там же. Л. 4об.

³³ Цветков допустил неосторожность, громко спросив при взгляде на портрет Кагановича, «когда, наконец, будет снят этот националист?». Ср. сообщение Шейна. – Там же. Л. 3об.

³⁴ О роли Цветкова-Просвещенского в ОПК ср. также главу IX «ОПК И ПИСЬМО СТАЛИНА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА “ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ” (1931–32 гг.)».

³⁵ Протокол [1] заседания партгруппы Президиума ЦС от 2.1.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 4об.

³⁶ Кривцов объясняет это очевидной отрицательной рецензией на серию в журнале «Борьба классов» (Ср. статью Аркадьева «За большевистскую перестройку». 1933, № 6. С. 126–135. Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОРК (1.2.1935) ГАРФ. Л. 73.

³⁷ Там же. Л. 52об–53. Отчасти книги приходилось набирать заново или оказывалось необходимым вырывать листы из уже напечатанных книг.

³⁸ Там же. Л. 54об–55.

³⁹ На заседании присутствовали также коммунистические фракции редакции и Центрального Совета. Но так как точный личный состав фракций не удается установить и, кроме того, было некоторое личное дублирование между фракциями редакции, Центрального Совета и Президиума, дифференцированное рассмотрение не считается необходимым.

⁴⁰ Там же. Л. 53. 25 января 1935 г. Шумяцкому, Диманштейну и Виленскому[-Сибирякову] поручено составить отчет ЦК ВКП(б) и товарищу Сталину. Ср. Протокол 5 заседания партгруппы Президиума ЦС от 25.1.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 49.

⁴¹ Например, Н.Н. Накоряков (издательство «Советская Энциклопедия») получил 6000 т бумаги. Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОРК (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 54. Накоряков был также членом ОПК.

⁴² Там же. Л. 53.

⁴³ Там же. Л. 54об.

⁴⁴ Там же. Л. 57.

⁴⁵ Там же. Л. 72–77об.

⁴⁶ Там же. Л. 68об–69, 71об.

⁴⁷ А.И. Скобенников в своей критике и предложениях решения полностью согласился с Корочкиным. Ср. Л. 65 и сл.

⁴⁸ Н.И. Шейн также придерживался «глубочайшего убеждения» в том, что не слишком поздно решить проблему бумаги и думал, что еще есть ее запасы. Он особенно подчеркивает связь с правильным оформлением юбилея революции 1905 г. – Там же. Л. 74. (Стоит учесть, что в этом месте нумерация листов документов ошибочна и помогает ориентация на нумерацию страниц протокола).

⁴⁹ С подобными предложениями выступает и Кривцов. – Там же. Л. 73.

⁵⁰ С.М. Диманштейн как член редакции также находит недостатки в том, что в редакции фактически не было редакционного коллектива [в значении тесного сотрудничества]. Кроме того, он заявил о своем уходе из редакции. – Там же. Л. 76об.

⁵¹ Там же. Л. 52–52об, 57об. Соответствующее обозначение – самотек. Ср. Кривцов и Корочкин. – Там же Л. 73об, 81об.

⁵² Там же. Л. 57об.

⁵³ С № 2 (1934 г.) Кривцов указан в качестве редактора «Каторги и ссылки», но членом ОПК он не был.

⁵⁴ Там же. Л. 73об. В этом смысле Кислицын также выступает в пользу публикации комментированного издания воспоминаний Сильвина. Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 70об–71.

⁵⁶ Там же. Л. 75об.

⁵⁷ Там же. Л. 74.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л. 56, 76.

⁶⁰ Там же. Л. 76.

⁶¹ Там же. Л. 57об.

⁶² Там же. Л. 60об. Теодорович не позволил, очевидно, запугать себя и появившейся в январе 1935 г. в журнале «Историк-марксист» статье Малаховского, который охарактеризовал его тексты как «карикатуры на марксизм». Ср. *Малаховский В.* «Наши разногласия». Плеханов и народничество // *Историк-марксист*, 1935. 51. № 1. С. 58–77.

⁶³ Рогов поддерживает Теодоровича в той мере, что и он считает недобросовестным взваливать вину за трудности только на редакцию и издательство. Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОПК (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 76об.

⁶⁴ *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем / Под ред. и с примеч. Ю.М. Стеклова. – М., 1934.

⁶⁵ *Ткачев П.Н.* Избранные сочинения. Том 1–6. – М., 1932–1937.

⁶⁶ *Лавров П.Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. Вступительная статья и ред. И.А. Теодоровича. – М., 1934–1935.

⁶⁷ Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОПК (1.2.1935) – ГАРФ. Л. 59–59об. Теодорович сообщает, что он добился издания Бакунина вопреки сопротивлению Шумяцкого и Стеклова. – Там же.

⁶⁸ Там же. Л. 63, 65об.

⁶⁹ И Кривцов выступает за расширение объема комментирования, в том числе вводных комментариев. – Там же. Л. 73об.

⁷⁰ По словам Бублеева, Теодорович должен был проверять и исправлять работу других редакторов. – Там же. Л. 80.

⁷¹ Там же. Л. 81.

⁷² Там же. Л. 67–67об, 76об. Но в то же время Васильченко поддерживает назначение руководителя издательства.

⁷³ Там же. Л. 80.

⁷⁴ Там же. Л. 82.

⁷⁵ Там же. Л. 84об, 85.

⁷⁶ Протокол 12 заседания партгруппы Президиума ЦС ОПК от 27.3.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 107. В конечном счете театр был выведен из состава ОПК. Ср. Протокол 15/ 523 заседания Президиума ЦС ОПК от 17.6.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 17.

⁷⁷ Ср. главу X «ПРЕВРАЩЕНИЕ В ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ИНСТИТУТ ПАРТИИ (1933–1934 гг.)».

⁷⁸ Протокол 10/ 518 заседания Президиума ЦС ОПК от 17.4.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 157. Ср. по поводу кампаний и шефства: Протокол 15 / 523 заседания Президиума ЦС ОПК от 17.6.1935. – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 12–14.

⁷⁹ Протокол 15/ 523 заседания Президиума ЦС ОПК (1935) ГАРФ. Л. 3–29. Участвовали члены Президиума: Ярославский, Корочкин, Кон, Шумяцкий, Вельман, Биценко, Григорьев, Скобенников, Шебалин, Бреслав, Диманштейн, Воронин, Певзнер (Ленинград), Старр, Фрейдсон, Соколинский, Шпилев, Шейн, Сушкин, Дубинский, Кузьмина члены ОПК: Румба, Садина, Теслер, Пигит, Гельман, Виноградов, А.К. Имас, Акумов, Пузанов, Протопопов, Сизекин, Поплавской, Вайнштейн, Добромыслова, Опарин, Коробков, Зильберлат, Никитина, Юхневич, Радзивиловская, Бердичевская и другие. Члены ревизионной комиссии: Бублеев, Шер. Всего 200 человек. Председателем был Корочкин, секретарем Теслер. – Там же. Л. 3.

⁸⁰ Там же. Л. 3, 10.

⁸¹ О пропагандистской работе в ближайшее время. Постановление ЦК ВКП(б) // Правда, 1935, 14.06. С. 1.

⁸² Протокол 15/ 523 заседания Президиума ЦС ОПК (1935) – ГАРФ. Л. 3, 11.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Корочкин упоминает в этой связи также катастрофическую финансовую ситуацию Общества, обсуждение которой, однако, не стояло на повестке дня. – Там же. Л. 14–15.

⁸⁵ Так как ОСБ было уже ликвидировано, здесь должно было бы быть сказано точнее, что бывшие члены ОСБ могли действовать не по планам своего бывшего общества.

⁸⁶ Там же. Л. 21.

⁸⁷ Там же. Л. 8.

⁸⁸ Там же. Л. 22.

⁸⁹ Там же. Л. 9.

⁹⁰ Там же. Л. 17.

⁹¹ Там же. Л. 8.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. Л. 24.

⁹⁴ Там же. Л. 15. Уже в феврале 1935 г. в лице Невского и вступившей тем временем в ОПК Е.Д. Никитиной (секретарь проекта) были арестованы самые компетентные сотрудники энциклопедии. – *Ратнер А.В.* Всесоюзное общество... (Дипломная работа...). С. 97.

⁹⁵ Протокол 15 / 523 заседания Президиума ЦС ОПК (1935). – ГАРФ. Л. 8.

⁹⁶ Речь Бреслава, имеющаяся не в виде стенограммы, а только как резюме, не является в этом пункте однозначной. Только из критики Кона в адрес выступления Бреслава можно сделать вывод о том, что Бреслав адекватно оценивал положение. – Ср. стенограмму речи Кона. – Там же. Л. 25.

⁹⁷ Бреслав явно упоминает фактическое прекращение работы НИИС. – Там же. Л. 5.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰⁰ Там же. Л. 9.

¹⁰¹ Там же. Л. 6.

¹⁰² Ср. Протокол 4 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС от 23.1.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 48–49об.

¹⁰³ Протокол 15 / 523 заседания Президиума ЦС ОПК (1935) – ГАРФ. Л. 8.

¹⁰⁴ Там же. Л. 6.

¹⁰⁵ Источников здесь недостаточно. Единственная до сих пор опорная точка, письмо Ярославского Ежову, в котором он излагает формальности в связи с закрытием Общества, не поддается точной датировке. Ср. Ярославский Е. Ежову Н.И. [июнь 1935 г.] // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 1. С. 341–342.

¹⁰⁶ По имени названы: Ярославский, Кон, Корочкин (председатель), Шейн, С.А. Григорьев, Шейн, А.И. Скобенников, Старр, Шпилев, Бищенко, С.И. Мицкевич, М.М. Константинов, Г.Г. Сушкин, Фрейдсон, К.В. Мионов, Л.Я. Соколинский, Шумяцкий, И.М. Шер (РСДРП(б), КП(б)У), М.И. Бублев, Крамаров, Баум, Г.М. Тур (эсер, ВКП(б)), Э.Х. Румба и «активные члены» [Московской головной организации] Общества. Секретарем был Л.В. Теслер (член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», РСДРП, беспартийный). Ср. Протокол 16/524 Пленума ЦС ОПК в составе членов Президиума ЦС ОПК, наличных членов ЦС и ревкомиссии от 23.6.1935 // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 5. С. 345–348.

¹⁰⁷ Формально решение о роспуске могли принять 2/3 членов ОПК на общем собрании, а также ВЦИК или впоследствии ЦИК.

¹⁰⁸ Протокол 16 / 524 Пленума ЦС (1935) // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 5. С. 345–348.

¹⁰⁹ *Коржихина Т.П.* Общество старых большевиков. С. 63. 29 января 1931 г. Ярославский принял на себя также руководство Обществом старых большевиков. – Там же. С. 61.

¹¹⁰ Ср. XVII съезду ВКП(б) // КиС. 111 (1934). С. 166–167.

¹¹¹ Протокол 16 / 524 Пленума ЦС (1935) // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 5. С. 45–48.

¹¹² Ярославский поддержал Кона в этом пункте в заключительном заявлении, не добавляя новые аспекты. – Там же.

¹¹³ О ликвидации общества быв[ших] политкаторжан (1935). С. 3.

¹¹⁴ И.А. Акулов (1888–1937) – член партии с 1907 г. В 1917–1922 гг. секретарь (затем председатель) губернских (позже областных) комитетов РСДРП(б)/РКП(б) на Урале, в Вятке, Оренбурге, Киргизии, в Крыму. В 1929 г. секретарь ВЦСПС. С 1930 г. заместитель народного комиссара РКИ, с 1931–1932 гг. первый заместитель председателя ОГПУ. С 1932 г. секретарь ЦК КП(б)Украины. В 1933–1935 гг. прокурор СССР. С 1935 г. секретарь ЦИК

СССР. Член ЦК в 1927–1930 гг. В 1923–1925 и 1930–1934 гг. член ЦКК. Член КПК с 1934 г. Член Оргбюро в 1930–1932 гг. Член ВЦИК. Член Президиума и секретарь ЦИК СССР. Репрессирован и реабилитирован. Ср. Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. Справочник / Сост. А. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 1997. С. 825.

¹¹⁵ Я.Х. Петерс (1886–1938) – член партии с 1904 г. С 1917 г. член ВЧК, 1918 заместитель председателя ВЧК, председатель революционного трибунала. В 1920–1922 гг. председатель ВЧК в Туркмении. С 1922 г. член коллегии ГПУ – ОГПУ. В 1930–1934 гг. председатель МКК. С 1923 член ЦИК (член Президиума с 1930 г.). Член ВЦИК. Репрессирован и реабилитирован. БСЭ, том 19. – М., 1975, ст. 1399.

¹¹⁶ И.А. Наговицын (1888–1937) – член партии с 1905 г. Родившись на севере Удмуртии, пройдя через сибирскую ссылку и эмиграцию, И.А. Наговицын в 1919 г. возглавил Комиссариат по делам удмуртов в Сарапуле. Удмуртский комиссариат провел разностороннюю подготовительную работу по созданию Удмуртской автономии, организовал типографию, наладил издательское дело на удмуртском языке. Начал издавать газеты «Гудыри» («Гром»), открыл партийную школу по подготовке партийно-советских работников для удмуртской автономии. С 1919 г. заведующий отделом Наркомата по делам национальностей в Вотске. С 1921 член Ревкома в Удмуртии. С 1925 член коллегии Наркомпроса РСФСР. Председатель Совета по просвещению нацменьшинств. С 1926 г. народный комиссар социального обеспечения РСФСР. Член ВЦИК. Репрессирован и реабилитирован. Ср. БСЭ, Том 17. – М., 1974, ст. 581.

¹¹⁷ В предложении ЦИК по замещению членов комиссии Корочкин отсутствовал. В качестве кандидата вместо Наговицына был назван Васильев. Ср. Постановление Президиума ЦИК. Проект // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 2. С. 344–345.

¹¹⁸ Во всех протоколах заседаний коммунистических фракций в органах ОПК в 1935 г. финансовые злоупотребления в кавказском филиале не играли какой бы то ни было роли.

¹¹⁹ 1 февраля 1935 г. решением Политбюро Ежов был назначен секретарем ЦК, а 27 февраля также председателем КПК. Ср. *Jansen M./ Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940.* – Stanford, 2002. С. 25.

¹²⁰ Ср. Письмо Я.Х. Петерса Н.И. Ежову и И.А. Акулову, 7.7.1935 // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 9. С. 341–342.

¹²¹ Другими членами комиссии были функционеры КПК П.М. Бельский и М.Ф. Шкирятов. Ср. *Jansen/Petrov.* Op. cit. С. 31.

¹²² Письмо Н.И. Ежова И.В. Сталину. 23.6.1935 // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 2. С. 342–343. Ярославский более не располагал с 1934 г., когда он утратил членство в Президиуме ЦИК, соответствующей конфиденциальной информацией.

¹²³ Письмо не поддается точной датировке. Ср. Письмо Е. Ярославского Н.И. Ежову, [июнь 1935] // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-

поселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 1. С. 351–352.

¹²⁴ Ср. Проект постановления Пленума ОПК, [до 23.6.1935] // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 3. С. 344.

¹²⁵ Письмо Я.Х. Петерса // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 9. С. 351–352.

¹²⁶ В письме Ежову бывший секретарь ОПК Григорьев подтверждает наличие разногласий. Ср. Письмо С.А. Григорьева Н.И. Ежову на бланке ЦС ОПК, 7 июля 1935 // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 10. С. 351–352.

¹²⁷ Письмо В.Н. Фигнер А.М. Горькому, 27.6.1935 // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 6. С. 348–349. Горького звали в действительности Алексеем Максимовичем Пешковым. Поэтому Вера Фигнер обращается к нему в письме «Алексей Максимович».

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Выписка из протокола 15 Президиума ЦИК СССР от 17.8.1935 – РГАСПИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 157. Л. 19–19об.

¹³⁰ Ср. Письмо С.А. Григорьева Н.И. Ежову (2004) С. 352–353.

¹³¹ В феврале 1934 г. Шумяцкий характеризовал издательство как «лицо» ОПК и констатировал: «Издательство – это все, это большое дело, вокруг которого вращается все мышление Общества». Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума ЦС ОПК от 1.2.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 72.

¹³² Музей «Каторга и ссылка» – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 112. Л. 50.

¹³³ По поводу отдельных привилегий ср. также: Письмо С.А. Григорьева Н.И. Ежову (2004). С. 352–353.

¹³⁴ *Конквест* Р. Большой террор, М., 1991.

¹³⁵ Первоначально опубликовано под названием «Как подготовлялся московский процесс. Из письма старого большевика» // Социалистический вестник, 1936, № 23–24. С. 20–23; 1937, № 1–2. С. 17–24.

¹³⁶ Там же. С. 64.

¹³⁷ Ср. об этом главу VI «КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ФРАКЦИИ ДЛЯ ЗЕМЛЯЧЕСТВ (1928 г.)». О вмешательстве разных членов ОСБ Ср. *Коржихина Т.П., Степанский А.Д.* Указ. соч. С. 426.

¹³⁸ С 1934 г. Сталин часто прибегал к сходной аргументации, например, на февральско-мартовском Пленуме 1937 г.: по сравнению с десятками тысяч технически образованных новых большевистских кадров, выросших со времен Шахтинского дела 1928 г. старые, представленные Г.Л. Пятаковым, Я.А. Лившицем, А.И. Мураловым и Я.Н. Дробнисом и т. д. «пустыми болтунами и приготовишками с точки зрения технической подготовки». Ср. Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 8.

¹³⁹ Протокол 15 / 523 заседания Президиума ЦС ОПК (17.6.1935) – ГАРФ. Л. 20.

¹⁴⁰ Там же. Л. 64

¹⁴¹ Поистине идеализируя большевиков, Коржихина утверждает, что они в ходе десятилетий борьбы против царизма сформировали этику, состоящую из следующих принципов: демократия, гласность, правда, единство слова и дела, целеустремленность, уважение чужого мнения, способность вести честную полемику без дискредитации, терпеливое воспитание людей, заблуждающихся по незнанию или из-за недостатка опыта и право на свободное выражение мнения и критику. – Ср. *Коржихина Т.П., Степанский А.Д.* Указ. соч. С. 425.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Протокол 15/ 523 заседания Президиума ЦС ОПК (17.6.1935) – ГАРФ. Л. 20.

¹⁴⁴ Неприемлемо также утверждение Коржихиной, что возвышенные, по ее мнению, идеалы большевиков были просто загублены Сталиным.

¹⁴⁵ Правда, эти изменения часто означали только усиление тенденций, имевшихся уже до убийства Кирова.

¹⁴⁶ Яркий пример этого – издание П.Л. Лаврова, над которым работал Ф.И. Седенко-Вятцев. Вятцев был видным специалистом в этой области, но из-за своего отстраненного отношения к советской власти постоянно переживал финансовые и политические трудности, пока в 1930 или 1931 гг. он не был, наконец, приговорен даже к трехлетнему заключению. Его обширная библиотека и архив были конфискованы. В 1937 г. он был снова арестован и приговорен к 10 годам. Из лагеря он не вернулся. Ср. переписку Веры Фигнер с Вятцевым: *Фигнер В.* Переписка с Вятцевым / Публикация Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева // Звенья. Выпуск 2. – М.–СПб., 1992. С. 442–473. ОПК подверглось критике за издание Лаврова под руководством Вятцев. Ср. Протокол 6 [заседания] Партгруппы Президиума (1.2. 1935) – ГАРФ. Л. 57об. Теодорович в конце концов взял на себя продолжение издания Лаврова: Ср. *Лавров П.Л.* Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. Вступительная статья и ред. И.А. Теодоровича. – М., 1934–1935.

¹⁴⁷ О пропагандистской работе в ближайшее время. Постановление ЦК ВКП(б) // Правда, 1935, 14.06. С. 1.

¹⁴⁸ О том, что речь идет о полном и к тому же более радикализированном восприятии этих позиций, свидетельствует статья К. Костко. Разгром народничества марксизмом // *Большевик* (1935) № 15. С. 10–25, особенно стр. 21–23. Подхватывая дискуссию начала 30-х гг., статья в крайне резкой тоне осуждает особенно Теодоровича.

¹⁴⁹ *Ярославский Ем.* Очерки по истории ВКП(б). – М., 1936. С. 26.

¹⁵⁰ Ср. Протокол 15 / 523 заседания Президиума ЦС ОПК (17.6.1935) – ГАРФ. Л. 6.

¹⁵¹ *Бур А.* Рецензия на «КиС» // *Пролетарская революция*, 104 (1930) № 9. С. 168–173. См также *Костко К.* Разгром... С. 21 и сл.

¹⁵² *История и историки.* Историография истории СССР. – М., 1965. С. 257; *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 15.

¹⁵³ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // *Вопросы истории.* 1992. № 5. С. 34.

¹⁵⁴ Ср. Колесникова Л.А. Указ. соч. С. 47. Автор сообщает также, что уже с начала 30-х гг. отдельные номера «Каторги и ссылки» были в списке запрещенных книг. – Там же.

¹⁵⁵ Коржухина Т.П., Степанский А.Д. Указ. соч. С. 418.0

¹⁵⁶ Jansen M., Petrov N. Op. cit. С. 21–23; Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М., 1996. С. 161–162.

¹⁵⁷ О ведущей закулисной роли Сталина ср. Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 141–159.

¹⁵⁸ Протокол [1] заседания партгруппы Президиума ЦС ОПК от 2.1.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 1–2об; Протокол заседания Президиума ЦС ОПК от 23.3.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 180; Протокол заседания Президиума ЦС ОПК от 3.4.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 170; Протокол заседания Президиума ЦС ОПК от 7.5.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 129; Протокол 15/ 523 заседания Президиума ЦС ОПК от 17.6.1935 – ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 3.

¹⁵⁹ Это совпадает с ролью Ежова, нацеленного на то, чтобы сделать партию более жесткой в организационном отношении посредством исключения не только троцкистов и правых уклонистов, но и меньшевиков, эсеров, бундовцев и т. д. Последние подозревались в склонности к союзам с троцкистами и правыми уклонистами. Ср. также: Getty J.A. Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered. 1933–1938. – Cambridge, 1994. С. 86, 96.

¹⁶⁰ Это обвинение восходит к так называемому «Кремлевскому делу». В первые месяцы 1935 г. была арестована большая группа сотрудников кремлевского персонала, включая брата Каменева. Их обвиняли, в частности, в планировании покушения на Сталина. «Кремлевское дело» было сконструировано втайне и также не стало достоянием гласности. Ср. Жуков Ю.Н. Тайны «Кремлевского дела» 1935 года и судьба Авеля Енукидзе // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 83–112.

¹⁶¹ Jansen M., Petrov N. Op. cit. С. 31; Жуков Ю.Н. Указ. соч.. С. 99.

¹⁶² Другими членами комиссии были функционеры КПК П.М. Беленький и М.Ф. Шкирятов. Ср. Jansen M., Petrov N. Op. cit. С. 31.

¹⁶³ Жуков Ю.Н. Указ. соч.. С. 94.

¹⁶⁴ О характеристике Енукидзе ср. статью Ю.Н. Жукова.

¹⁶⁵ В принципе должен был быть в состоянии выдвигаться каждый кандидат, поддержанный какой-либо организацией, т. е., например, и представители церкви. Эта возможность была действительно введена, но в октябре 1937 г. втайне снова отменена, так что все осталось по-старому. Ср. Vgl. Getty J.A.: «Excesses are not permitted». Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // Russian Review, 61 (2002) 1. С. 113–139. О дискуссии вокруг конституции и роли Енукидзе ср. также Жуков Ю.Н. Указ. соч.. С. 107.

¹⁶⁶ Ср. Jansen, Petrov. Op. cit. С. 34f; Материалы Пленума опубликованы в английском переводе в выдержках: Getty J.A., Naumov O.V. The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. – New Haven–London, 1999. S. 160–176.

¹⁶⁷ По поводу радикальной риторики, направленной на «отлучение», см. не только речь Ежова, но также Ягоды и Кагановича. Ср. Getty, Naumov. Op. cit. С. 162ff, 172, 173.

¹⁶⁸ *Jansen M., Petrov N.* Op. cit. С. 34; *Getty, Naumov.* Op. cit. С. 166, 170f.

¹⁶⁹ Постановление Политбюро о распределении обязанностей между секретарями ЦК от 10.3.1935 // Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / Сост. Хлевнюк О.В., Квашонкин А.В., Кошелева Л.П., Роговая Л.А. – М., 1995. С. 143.

¹⁷⁰ *Сталин И., Жданов А., Киров С.* Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // *Сталин И.В.* Сочинения. Том 1 (XIV). – Stanford, 1967. С. 37–40; *Сталин И.* Об учебнике Истории ВКП(б) // *Большевик*, 1937, № 9. С. 8–10. История Всесоюзной Коммунистической Партии (Большевиков). Краткий курс. – М., 1938.

¹⁷¹ Американский историк Роберт Такер обоснованно указывает на то, что закрытие ОСБ и, как можно прибавить, также ОПК, объясняется намерением заставить замолчать тех, кто активно участвовал в революционных событиях и точно знал о подчиненной роли Сталина. Ср. *Tucker R.S.* Stalin in Power. The Revolution from above. 1928–1941. – New York, 1990. С. 308.

¹⁷² Данные по общепольным общественным организациям, существовавшим с 1917 по 1939 гг.

¹⁷³ Данные по общепольным общественным организациям, продолжавшим существовать с 1940 г.

¹⁷⁴ Нет данных по 14 обществам.

¹⁷⁵ Нет данных по 6 обществам.

¹⁷⁶ Нет данных по 5 обществам.

¹⁷⁷ Нет данных по 4 обществам.

¹⁷⁸ Нет данных по 8 обществам.

ИТОГИ

Инициаторы основания Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев достигли многого: с момента основания Общества 12 марта 1921 г. до его первого Всесоюзного съезда 12–15 марта 1924 г. ОПК было общественной организацией, основанной на началах базисной демократии. Общее собрание простым большинством регулировало его судьбу. Инициаторы создания ОПК в большинстве своем не были большевиками, а большевики, также организованные в Обществе, до 1924 г. формально не располагали привилегированными позициями в его органах. (Бывшие) сторонники социалистических партий и группировок и коммунисты равноправно сотрудничали друг с другом. Члены-учредители добились к тому же, что при приеме членов в ОПК формально имело значение только сделанное ими в борьбе против царизма. Благодаря Обществу было возможно систематически собирать и публиковать документы, материалы и воспоминания о борьбе против царизма. В Уставе не было явных ограничений того, каким образом это должно было происходить. Хотя программа Общества и заключалась в том, чтобы подчеркивать общности его членов, (прежде) организованных в различных социалистических партиях и анархистских группировках, плюрализм мнений при оценке прошлого был на этой фазе возможен и в практике. Достижения большевиков в революционном движении не должны были особо подчеркиваться. Темой было революционное движение в целом.

Основание ОПК может считаться успехом и в экономическом отношении. Удалось получить существенные средства от государственных учреждений для финансирования аппарата и печатания журнала «Каторга и ссылка». ОПК была предоставлена проверка права на пенсию и выплата пенсий его членам. Кроме того, ОПК были предоставлены многие большие и малые привилегии. Именно благодаря своей дистанции от РКП(б) оно сумело таким способом предоставить участникам революционного движения, которые по политическим причинам хотели сохранить дистанцию от большевиков, возможность претендовать на финансовую помощь.

Но основание ОПК следует рассматривать также и как успех большевиков и молодого советского государства. Разрешение ОПК было следующим шагом на пути, начатом с революции 1917 г. и заключавшемся в претворении в практику притязания партии на пресечение всякой *политической* деятельности вне РКП(б), характеризуемого как тоталитарное. ОПК было указано на чисто *общественные* задачи, которые в это время рассматривались большевиками как менее опасные. Основание было, кроме того, пропагандистским успехом. Можно было представить себя внутри страны и за границей как партию, способную к компромиссу, и показать, что научная, социальная и общественная деятельность вполне разрешалась вне структур РКП(б) и советского государства. Серьезность этой возможности подчеркивалась вступлением в ОПК видных символических фигур революционного движения. Важное пропагандистское значение имело и то обстоятельство, что Обществу, как уже говорилось, была передана задача проверки права на пенсию и распределения пенсий среди членов ОПК. В целом допустить основание Общества означало пойти лишь на очень ограниченный риск. Все члены-учредители были лояльны системе, и Общество представляло собой фактически лишь резервуар для кадров среднего звена социалистических партий, конкурировавших с *большевиками*. Все согласилось с главным условием – отказом внутри ОПК от какой бы то ни было политической деятельности и концентрацией вместо этого на общем революционном прошлом. Таким образом было искусно осуществлено отвлечение от главного вопроса участия во власти других социалистических партий и группировок. Тем самым члены ОПК способствовали политической нейтрализации как собственной, так и небольшевистских партий и группировок и косвенным образом содействовали осуществлению однопартийной системы.

ОПК не подходило, однако, в качестве массовой организации и для всех в *политическом отношении* оттесненных большевиками на обочину (средних и низших) кадров революционного движения, которые могли легально участвовать в политической жизни только посредством вступления в РКП(б). ОПК, как известно, охранялось вонне строгими критериями вступления. В дополнение к этому тематическое ограничение революционным прошлым затрудняло превращение ОПК в общественный форум, с помощью которого могли бы быть инициированы многообразные интеллектуальные дискуссии. Кроме того, терпевшийся плюрализм мнений ограничивался оценкой политического значения революционного движения *до 1917 г.*

С претензией на власть большевиков и советского государства сталкивалось то обстоятельство, что ОПК, принимая от них финансовые дотации и привилегии, попадало в зависимость. Общество может служить очень ранним примером целенаправленного применения этой формы государственного влияния¹. Не следует недооценивать и моральную зависимость. Хотя в соответствии с Уставом ОПК из приема в него не могли быть исключены даже противники большевиков, уже в момент основания Общества имелось неформальное индивидуальное обязательство исключать из числа принимаемых людей, нелояльно относившихся к партии, даже если они проявили себя в революционном движении. Хотя членам ОПК в соответствии с его Уставом не было категорически отказано в политической деятельности вне РКП(б), такой отказ фактически подспудно вводился. Неформальный консенсус между партией и ОПК существовал также и относительно того, что уместное количество ведущих постов в Обществе должно было замещаться большевиками. Центральную позицию старосты с момента основания до закрытия Общества занимали исключительно большевики.

Следовательно, ОПК – пример того, что социалистические конкуренты в борьбе за власть делились на лояльных и противников и с этой целью советская власть была готова делать предложения интеграции и адаптации, рассчитанные на ограниченное время. Следовало не обнаружить врага с тем, чтобы он оставался видимым, а отделить «плевелы от пшеницы».

Причинной связи между основанием ОПК и поворотом к новой экономической политике нет, так как не удалось установить общего расширения возможностей основания общественных организаций подобного профиля. Введение НЭПа не создало для этого принципиально новых общих условий². Напротив, бросается в глаза прямая преемственность с концепциями успокоения конфликтов в ходе Гражданской войны после 1917 г., выразившаяся в усилиях по разумной нейтрализации политических конкурентов, которые предприняли руководство профсоюзов и ВЦИК. ОПК удалось, со своей стороны, использовать институциональные и содержательные конфликты критической переломной фазы на исходе Гражданской войны и во время резкого поворота к НЭПу, чтобы добиться от господствующих большевиков подлинных уступок. Таким образом небольшевистский проект был создан с использованием разнородной структуры партии при поддержке более либерального профсоюзного крыла РКП(б) и с помощью руководства государственного аппарата (ВЦИК).

Общество действовало в свободном пространстве, прикрытом более либеральными течениями в РКП(б) и дававшим немногим организациям, которые не преследовали политических целей, найти свое выражение в организованной форме. В число этих организаций входил, если говорить о правах человека, прежде всего Политический Красный Крест, не получавший государственной дотации³. В секторе научного исследования революционного движения имелись организации, более или менее ориентированные на партийные или научные учреждения, например, Общество старых большевиков, Истпарт и Общество по исследованию освободительного и революционного движения, историческая секция Дома печати и Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина. На социальном уровне речь шла в особенности о Всероссийском комитете помощи голодающим и неформально действовавших ветеранских организациях и кассах. Особенность ОПК заключалась в том, что оно, в противоположность вышеуказанным организациям, было активно равным образом на всех трех уровнях. Правда, в целом речь шла о крайне хрупкой сетевой структуре немногочисленных организаций, в которую сразу же следовало вмешательство в случае нарушения политических интересов большевиков. Свидетельством тому – дело Всероссийского комитета помощи голодающим. Он смог быть основан 21 июля 1921 г., но уже месяцем позже, 27 августа 1921 г., был снова распущен решением Политбюро ЦК РКП(б) и ВЦИК. Комитет был закрыт именно потому, что грозил превратиться в притягательный с политической точки зрения центр. Он не удовлетворялся статусом «маленького островка» в борьбе против голода, в которой в остальном доминировали большевики. Вместо этого он представлял собой широкий, только лишь находящийся под контролем большевиков союз очень известных лиц. Их отношение к большевикам характеризовалось разными оттенками – от скептического до полного неприятия. В комитет входили видные представители буржуазно-либеральных и социалистических политических сил и интеллигенции (например, Максим Горький), намеревавшиеся начать борьбу против голода, ответственность за который в большой степени несли большевики⁴. Инициатива закрытия исходила от руководящего ядра РКП(б) вокруг В.И. Ленина и была осуществлена вопреки протесту более либерального крыла партии, представленного, в частности, А.В. Луначарским (нарком просвещения), А.И. Емшановым и И.А. Теодоровичем (заместители наркомов транспорта

и земледелия). Последнее собрание комитета было распущено, а его ведущие члены арестованы и частично отправлены в ссылку⁵. Кроме того, ВЦИК уже 18 июля 1921 г. создал конкурировавший Комитет помощи голодающим, к которому присоединился очень успешный, но осуществлявший только сопроводительную деятельность Комитет помощи голодающим ОПК.

Исследования показали, что уже немногие месяцы спустя после основания ОПК увеличился потенциал конфликта между ним и советской властью. Разделение между политикой и общественной активностью не реализовалось. Советская власть подвергла ОПК трудному испытанию, и Общество в качестве реакции не осталось в пределах поставленных ему границ. Это в особенности касалось стратегии правительства в 1921–1922 гг., состоявшей в систематическом заключении в тюрьму представителей оппозиционных политических сил при невозможности такого действия с точки зрения уголовного права. В этой ситуации ОПК при поддержке своих членов-большевиков демонстративно воспользовалось возможностью интегрировать в свои ряды революционеров, не прекративших свою деятельность после революции. В их числе были и однозначно оппозиционные, а значит, нелояльные с партийной точки зрения лица. Так, ОПК приняло в конце 1921 – начале 1922 гг. в качестве защитной меры пятерых членов ЦК партии эсеров, хотя они уже находились в тюрьме. Наряду с этим, с помощью своих органов оно в случае ареста членов Общества расследовало каждый случай и выступало, кроме того, за более гуманное обращение со всеми политическими заключенными в советских тюрьмах. Руководящие члены ОПК ссылались при этом на «политический нейтралитет» Общества и представлявшуюся им революционную этику, стоявшую над государством и партией. В рамках своего общего наступления против социалистических и анархистских конкурентов в борьбе за политическую власть в начале 1922 г. большевики отреагировали на эти тенденции в ОПК сначала административным давлением, затем сторнированием финансов и, наконец, даже применением политической полиции. При этом речь шла о вытеснении из руководящих органов ОПК представителей активного нейтралитета и революционной этики. Когда такие действия не принесли желаемого результата, пригрозили решением Оргбюро ЦК о закрытии ОПК. Обществу пришлось прекратить свои выступления в пользу политических заключенных. Вслед за тем прямое давление на ОПК ослабло.

Несмотря на снижение напряженности в ситуации, внутри ОПК группа большевиков вокруг В.Д. Виленского-Сибирякова использовала пошатнувшуюся репутацию Общества. Концепция И.А. Теодоровича, старосты ОПК, заключавшаяся в управлении Обществом из-за кулис с помощью активного участия большевиков, казалась им более недостаточной. Они считали, что вместо этого большевикам подобает видное организаторское положение в Обществе. Вслед за тем имели место самые радикальные структурные изменения в истории ОПК: обосновываясь официально всесоюзным распространением и численным ростом членов, 12 марта 1924 г. Всесоюзный съезд принял на себя полномочия Общего собрания. Сначала складывалось впечатление, что тем самым еще не была отменена первоначально базисно-демократическая структура ОПК: делегаты Всесоюзного съезда по-прежнему посылались в соответствии с определенным ключом Общим собранием головной организации в Москве и Общими собраниями филиалов. Фактически же демократическая структура была отменена. Их решающее ослабление произошло при *отборе* делегатов на Всесоюзный съезд. Они «избирались» на Общих собраниях на основе единственного списка. В дополнение этот список был закрытым, т. е. мог утверждаться только как целое. В результате этого те, кто составляли списки, получали ключевую позицию. Именно в этом пункте проявилось следующее важное структурное изменение: на первом Всесоюзном съезде в 1924 г. руководящие органы ОПК были дополнены коммунистическими фракциями, хотя это формально и не предусматривалось Уставом Общества. При этом речь шла о закрытых группах членов ОПК, которые в то же время были и членами ВКП(б). Коммунистическую фракцию получили вновь введенный Центральный совет, Президиум Центрального совета и Ревизионная комиссия и Организация комиссия Центрального совета. То же имело силу для филиалов, созданных согласно аналогичной схеме. Даже Всесоюзный съезд и Общие собрания филиалов были «усилены» коммунистическими фракциями. Наконец, редакция и издательство ОПК также получили коммунистическую фракцию. Таким образом, внутри ОПК возникла параллельная структура с отдельно протоколировавшимися, а с 1932 г. стенографировавшимися заседаниями. Они координировались бюро на центральном уровне и бюро на уровне каждого филиала. Напротив, ни сторонникам других социалистических партий и анархистских группировок, ни беспартийным теперь членам ОПК не было позволено органи-

зовываться в Обществе в отдельные фракции. Коммунистическая фракция Центрального совета и ее бюро заботились отныне не только о составлении списков делегатов на Всесоюзный съезд, но и сформировали центр власти в ОПК. С 1924 г. в соответствии с этим все руководящие органы возглавлялись большевиками. Таким образом ОПК было пронизано иерархическими структурами и контрольными механизмами, и его беспартийный статус действительно подрывался. Приниматься могли лишь люди, которые вели себя в отношении советской власти лояльно или нейтрально и прекратили всякую политическую деятельность вне РКП(б) или с декабря 1925 г. ВКП(б). Те большевики, которые защищались против введения коммунистической фракции, теряли свои посты. Формальное подчинение Общества господству большевиков было тем самым осуществлено.

Это развитие событий внутри ОПК следовало общей политической тенденции. С 1922 г. советское государство, направляемое партией большевиков, до 1924 г. последовательно осуществляло притязание на то, чтобы не терпеть более общественную организацию (или партию), независимую от РКП(б)⁶. Общественные организации в зависимости от их значения прямо включались в структуры государства и партии или были реорганизованы так, чтобы сильная коммунистическая фракция гарантировала влияние РКП(б)⁷. Другие, также политически лояльные, но неудобные и слишком независимые общественные организации, например, Пролеткульт, были уже в 1920 г. лишены важных руководящих фигур и крепко привязаны к партии в кадровом и структурном отношении⁸. И без того связанные с партией учреждения, например, Истпарт, теперь были открыто присоединены к партии. Вновь созданные объединения, как то Общество старых большевиков с самого начала автоматически определялись как организации, подчинявшиеся ВКП(б). Желательными вновь созданными структурами были исторические общества под жестким руководством большевиков, например, Общество историков-марксистов (1925–1933) и Общество по исследованию Московской губернии (1925–1937).

На примере ОПК стало, однако, ясно, что более тесная привязка к партии не была чисто административным делом, обеспечивавшимся с флангов ЧК, а затем ОГПУ⁹, – напротив, советская власть располагала сильным лобби внутри ОПК.

Введение коммунистической фракции в ОПК и других общественных организациях следовало стереотипу коммунистических

партий при создании коалиций с социалистическими и буржуазными партиями. Коммунисты настаивали на своей руководящей роли. Только они одни хотели задавать правильный политический курс и вести других на этот путь. Планировавшееся в 1924 г. Новомирским, Плесковым, Андреевым и другими использование ОПК как революционной и моральной совести, претендовавшей на гуманизацию отношений советской власти к ее социалистическим и анархистским политическим конкурентам и ее побуждение к равноправному обращению потерпело тем самым неудачу.

Другой вариант государственного действия в отношении общественных организаций заключался в их полном запрете. Уже в августе 1922 г. государство воспрепятствовало регистрации Политического Красного Креста. Это означало фактически окончательный запрет, тем более что эта организация, основанная 11 ноября 1922 г. Е.П. Пешковой и существовавшая до 1938 г. под названием «Помощь политическим заключенным» («Помполита») не может рассматриваться как организация-преемник Политического Красного Креста. Она была как в кадровом отношении, так и с точки зрения сферы влияния и профессиональности лишь тенью бывшего Политического Красного Креста¹⁰. Политике оказывала значительную финансовую и политическую помощь прежде всего созданная осенью 1922 г. МОПР. Она ориентировалась исключительно на политических заключенных в тюрьмах капиталистической заграницы. Закрытие угрожало также почти всем исторически или археологически ориентированным обществам с буржуазными корнями, основание которых уходило отчасти далеко в XIX в.¹¹

С этой точки зрения только начало НЭПа самое позднее до 1924 г. представляется временем, в которое в общественных организациях ввиду их неполитического статуса было обеспечено и в структурном отношении определенное свободное пространство. По мере ослабления экономического давления следствия последовательно продолжавшейся политики «укрепления политической монополии РКП(б)» в виде компенсации за отступление в экономическом секторе¹² очень быстро охватили и общественную жизнь страны. Непартийные и общепользные организации теперь сильнее привязывались к партии и государству. И в этом секторе больше не должно было быть «беспартийности». Тем самым началась явная политизация общественной жизни на службе партии.

Тем не менее, не говоря о некоторых выходах из ОПК, Общество оставалось притягательным центром для взятой на прицел

целевой группы. Это стало возможным потому, что параллельно подчинению господству большевиков имел место новый баланс интересов между партией и советским государством, с одной стороны, и ОПК – с другой. Государство «подсластило» Обществу введение коммунистических фракций повторным расширением уже предоставленных ему привилегий. С данным на Всесоюзном съезде 15 марта 1924 г. разрешением основывать предприятия и кооперативы, принадлежащие ОПК, Общество могло теперь целенаправленно экономически поддержать своих сторонников. По мере роста экономического успеха оно располагало, кроме того, значительными суммами для своей издательской и пропагандистской деятельности.

Самое важно, однако, заключалось в том, что у ОПК сохранялась на содержательном уровне свобода, предоставленная ему в момент основания. Хотя о свободной от господства дискуссии о революционном прошлом в рамках ОПК можно говорить только до введения коммунистических фракций, Общество и после этого отнюдь не выродилось, превратившись в контролировавшийся и успокоенный привилегиями союз для поддержания традиций по поручению государства и партии.

Причиной данной ситуации было то обстоятельство, что те большевики, в руках которых формально находилась абсолютная власть в ОПК, даже не считали себя исполнителями линии партии. Как показывали анализы, вместо этого они преследовали собственные интересы, по сути заключавшиеся в том, чтобы и далее поддерживать и хранить плюрализм мнений по поводу истории революционного движения. Согласно принципу «доминирования с помощью терпимости» они заключили неформальный союз с беспартийными членами Общества, не входившими в него буржуазными и марксистскими историками и специалистами и другими советскими учреждениями. Это объединение опиралось на хорошие контакты с правительством и партией. Таким образом совместно защищали автономию в содержательной сфере и максимально использовали еще имеющиеся свободные пространства или даже расширяли их.

Высокая динамика, гибкость и продуктивность ОПК в области истории революционного движения имели и концептуальные причины. Общество объединяло в своих структурах три возможности заниматься историей. Оно было местом, где ветераны революционного движения на многочисленных годовщинах, в том числе юбилеях, и в землячествах могли договориться о своих

личных воспоминаниях или первичных опытах. В Обществе воздавалось должно истории их преследований. Ветеранов призывали рассказывать или записывать свои воспоминания. Кроме того, ОПК с его институционализированными формами отображения истории, воздействовавшего на массы, как то сериями докладов на предприятиях, юбилейными мероприятиями, выставками в музеях и центрах досуга и популярными сериями, частью общественной культуры воспоминания было очень кстати Советскому Союзу и государству как инстанция, способствующая легитимации и как дополнение пропагандистской деятельности государства. Значение, подбавшее ОПК в официальной и общественной жизни, было сравнительно высоко с учетом численности его членов, все время составлявшей менее 3 тыс. человек. Причинами этого были многочисленные хорошо скоординированные действия. Кроме того, помимо Общества старых большевиков наряду с ОПК не было сравнимой с ним организации, в той же мере реально удовлетворявшей потребность в революционном прошлом¹³.

Не в последнюю очередь ОПК занималось историей как наукой. Прочной составной частью его работы были исследование и критика источников, комплексное историческое формирование контекстов и участие в научных спорах. ОПК проявило свой потенциал особенно в случае полемики вокруг значения декабристов и «Народной воли» для революционного движения. Так, в 1925 г., а затем снова в 1929–1930 гг. оно встало во главе научной дискуссии и с помощью своей великолепной инфраструктуры и высококачественной, высокоценной работы установило собственные акценты памяти, отчасти противоречащие позиции партии и выразившиеся в усиленном рассмотрении небольшевистских традиций революционного движения. При этом ОПК всеми силами придерживалось позиции, согласно которой российские марксисты и, соответственно, большевики неразрывно связаны в своем идеологическом развитии и своей революционной практике с русским революционным движением. Кроме того, оно, публикуя многочисленные мемуары и документы и организуя выступления ветеранов революции обращивалось против исторических стереотипов и исторических легенд, *служивших* исключительно благо господствующей партии. Официальная партийная историография, все более посвящавшая себя макрокосмическим теориям ради удовлетворения политических потребностей, должна была, таким образом, вновь и вновь испытываться первичным опытом и документальным (архивным) материалом. В целом ОПК способ-

ствовало обретению новой конъюнктуры принципами политического нейтралитета исторического исследования, продолжавшими ориентироваться на буржуазные научные стандарты. Это отчетливо противоречило поддерживавшимся партией усилиям историков вокруг М. Покровского, стремившихся в конце 20-х гг. систематически изгнать из науки буржуазных историков.

Несмотря на установленное отчетливое различие между советской властью и ОПК с 1924 г., имелись и коренные сферы сотрудничества для того, чтобы Общество разработало широкую историческую основу легитимации нового режима и представляло интегративную линию, способствовавшую и приближению участников революционного движения к партии.

Свободное пространство, допущенное на содержательном уровне партией и после 1924 г., отразилось даже в организационной структуре ОПК, а именно в существовании землячеств и исторических секций. Они образовывали сферу отступления для «высланных» из руководящих органов представителей революционной этики и политической нейтральности. Характерно, что было упущено из виду намерение пронизать землячества и исторические секции коммунистическими фракциями. С введения в 1923 г. они все более брали на себя функцию представительства интересов беспартийных с другим, нежели у большевиков, политическим прошлым. То, что они образовали некоторый противовес коммунистической фракции, проявилось на переходной фазе в 1924, а затем в 1928 гг., когда была предпринята попытка ввести коммунистические фракции также в землячествах и исторических секциях. Например, вокруг землячеств и исторических секций выдвигались списки, альтернативные тем, которые выдвигала коммунистическая фракция на Всесоюзный съезд, и это нельзя понимать иначе как демонстрацию протеста против партийно-политического вмешательства. Даже если эти списки и не имели шансов, в 1928 г. с помощью такой формы протеста удалось воспрепятствовать введению коммунистических фракций в данной сфере ОПК и тем самым содействовать новому принятию фактического руководства Обществом либеральным большевиком И.А. Теодоровичем. Сплоченно осуществлявшаяся защита этого свободного пространства по отношению к стремлениям внутри Общества, стимулировавшимся в особенности его старостой Е.М. Ярославским и Ф.Я. Коном и имевшая целью ввести коммунистическую фракцию также в землячествах, была доказательством того, что беспартийные рассматривали землячества и

исторические секции как общую компенсацию за последовавшее в 1924 г. введение коммунистических фракций во всех руководящих органах ОПК. В 1928 г. сама советская власть в решающий момент отказала Ярославскому и Кону в необходимой поддержке в их намерениях, так как ОПК грозила из-за этого развалиться. Кон, проявивший себя в ОПК прототипом беспощадного большевика, действовал тактически неразумно и спровоцировал возражения, но в конце концов ему пришлось отступить. К тому же в землячествах и исторических секциях вновь и вновь формировались критические настроения в адрес жесткой политики большевиков в отношении политических заключенных.

В целом можно констатировать, что именно «осадок» отчасти отлично образованных и не отвлекавшихся на другие задачи беспартийных членов Общества существенным образом способствовал тому, что ОПК (несмотря на такие фигуры, как Ф.Я. Кон и Е.М. Ярославский) не подавалась какому угодно манипулированию и более либерально настроенные большевики могли бесперебойно играть в нем доминирующую роль. ОПК привлекало, очевидно, именно таких большевиков, которые выступали за участие лояльных социалистических и анархистских сил в работе ОПК. Таким образом была смягчена растущая иерархизация в ОПК и непропорционально высокое значение руководящего слоя в практике.

Второе после угрозы закрытия ОПК в 1922 г. чисто политически мотивированное авторитарное покушение на Общество осуществлял в 1927 г. Е.М. Ярославский. Он действовал как представитель сталинской фракции ВКП(б), которая на пике ее борьбы против «новой оппозиции» стремилась пресечь всякое влияние Л.Д. Троцкого, в том числе и в ОПК. Ярославский в качестве старосты ОПК использовал иерархическую со времени введения коммунистических фракций структуру Общества, чтобы изгнать В.Д. Виленского-Сибирякова, самую влиятельную фигуру ОПК, с постов, которые тот занимал. В соответствии с политической культурой своего лагеря Ярославский применил политическое давление, процессуальные трюки, сомнительную информацию, пущенную в ход ОГПУ, фальсификации истории и клевету¹⁴. Причина вмешательства Ярославского заключалась в том, что Виленский-Сибиряков поддерживал Троцкого в его борьбе против сталинской фракции. У Виленского-Сибирякова не было шансов прежде всего потому, что он, сам полностью приверженный иерархическому мышлению большевиков, не моби-

лизовал беспартийных членов ОПК и не представил вмешательство Ярославского как принципиальное нарушение суверенитета Общества. В свою очередь, очень осторожные поначалу действия Ярославского указывают на боязнь партийной верхушки перед атакой против ОПК в этом направлении. Кроме того, тактическая сдержанность Ярославского свидетельствовала о том, что сталинская фракция, неомненно, хотела избежать любых волнений и до ноября 1927 г., т. е. до исключения Троцкого из партии, вовсе не была полностью уверена в своей победе.

Чтобы в будущем обеспечить на своем посту старосты ОПК достаточно широкое воздействие на коммунистическую фракцию и ОПК в целом, Ярославский настаивал на создании еще одной влиятельной параллельной коммунистическим фракциям структуры. Поэтому в начале 1928 г. старосте был придан совет старейшин (старостат). В него входили секретарь, руководители издательства и редакции, а также Кон¹⁵ и представитель беспартийных. Без этого Совета коммунистическая фракция больше не могла принять ни одного важного решения. В целом Ярославский занял в ОПК двойственную позицию, имевшую для Общества как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, он был представителем ЦК ВКП(б) и выполнял тем самым партийно-политическую контрольную функцию, с другой – играл роль политически влиятельного патрона, защищавшего от нападков ОПК и тем самым самого себя.

ОПК не было далее, если не считать немногих арестов и предостережений так называемым троцкистам, затронуто политическими смутами в борьбе против Троцкого и его сторонников. Проведенную в 1928 г. ОГПУ проверку всех общественных организаций, в ходе которой полностью исчезли общества, не оказавшиеся однозначно лояльными, она прошла затем в отличие от многих других объединений, без дальнейших претензий.

Автономия ОПК в содержательном отношении сначала не касалась вовлечения во внутрипартийные столкновения с «объединенной оппозицией». Это можно отнести на счет индивидуальных достижений Теодоровича, которому, опираясь на Виленского-Сибирякова, удалось до осени 1931 г. продолжать линию ОПК, в соответствии с которой история как наука должна не служить партийно-политическим задачам современности, а предоставлять исторические факты и знания, обостряющие взгляд на настоящее. Вопреки общей линии в исторической науке, редакция «Каторга и ссылки» еще в № 10 за 1931 г. настаивала на нежелании прово-

дить различие при исследовании партий, боровшихся друг с другом после революции 1917 г.

Потеря автономии в содержательном и методическом отношении представляла собой ползучий процесс, который с 1929 г. затянулся на ряд лет и определялся различными факторами. Первая большая атака последовала не прямо из партии и не из государственных цензурных структур, а со стороны историков из окружения М.Н. Покровского и была направлена против исторического профиля ОПК. Историки переместили направленный против них в 1929 г. упрек Теодоровича в том, что их интерпретация «Народной воли» не соответствует ленинской, из академической сферы в политическую и тем самым оттеснили партию на роль арбитра. Чтобы обеспечить себе стратегическое преимущество, эти историки обратили внимание партийного руководства в особенности на политическую и идеологическую значимость предложенного Теодоровичем толкования «Народной воли» как силы, пролагавшей путь большевикам: в национальных рамках они указывали на возможный отрицательный эффект этой интерпретации для поворота к коллективизации, так как тем с этим была автоматически связано повышение значимости мелкого товаропроизводителя-крестьянина. Рассматривая ситуацию в международных рамках, они говорили об отрицательных последствиях для притязания большевиков на единоличное представительство, если, как Теодорович, сводить политическую доктрину большевиков к русскому, крестьянскому, а значит утопическому социализму, а не со всей ясностью к Марксу. Они пытались использовать в своих целях политическое выступление против «правой оппозиции», наклеивая этот ярлык в особенности на Теодоровича.

Партия и, соответственно, вновь созданный в 1930 г. Культпропотдел ее ЦК урегулировали конфликт, издав официальные нормы в форме тезисов об историческом значении «Народной воли». Создавая впечатление множественности, она позволила спорящим сторонам самим разработать нормы. Меры же по их осуществлению пока не последовали.

Весной 1931 г. ОПК на фоне общего политического климата коллективизации и форсированной индустриализации оказалось принужденным четче подчеркнуть общественную полезность его исторической исследовательской работы. Тем самым оно реагировало в особенности на нарастание критики со стороны группировавшихся вокруг М.С. Ольминского специалистов по истории партии. ОПК делало различные уступки; так, оно согласилось

больше ориентировать свою исследовательскую работу на пропагандистскую деятельность и сильнее контролировать публикацию мемуаров, в целом сокращая их объем и дополняя «коллективными мемуарами». В связи с этим коммунистическая фракция ОПК расширила свое организационное влияние на землячества и исторические секции, создавая Центральное бюро и региональные бюро «Научно-исторических исследовательских секций» (НИИС). Эти бюро служили содержательному и организационному контролю над секциями.

Но до письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» действительно проведенные изменения в ОПК оставались еще в пределах определенных границ. Ни в самом ОПК не было сильной группы членов Общества, обращавших внимание на реализацию уступок, ни аппарат ЦК или другие инстанции, например, Главлит или историографические институты партии не настаивали на их последовательной реализации.

Это изменилось только с появлением письма Сталина в октябре 1931 г. Оно создало необходимое давление в целях конкретного осуществления содержательных и идеологических директив, не начиная, однако, радикального поворота. Теперь ОПК, управляемое Культпропотделом и секретариатом ЦК, трансформировалось с помощью многочисленных отдельных шагов в пропагандистский институт партии. Цензурное ведомство Главлит и с 1933 г. увеличенное до двух человек количество уполномоченных Главлита в редакции ОПК, а также близких к партии исследовательских институтах, сопровождали этот процесс. Имело место обязательство соблюдать определенные табу. Руководящая роль большевиков в революционном движении стала прочной составной частью канона Общества. Больше не печатались работы участников революционного движения, отвернувшихся от большевиков. Публикация мемуаров была в целом ограничена. ОПК смогло сохранить предмет своих исследований. Оно имело право и далее осуществлять профессиональную историческую работу и использовать потенциал своих беспартийных членов. В то же время письмо Сталина способствовало поляризации внутри ОПК. Группа вокруг Теодоровича пыталась подорвать осуществление норм и противопоставить им публикацию классиков революционного движения. Группа «солдат партии» вокруг И.И. Шейна и Я.Б. Шумяцкого стремилась, напротив, сконцентрировать работу Общества на истории большевиков и тем самым в особенности преследовать пропагандистские цели партии. Кроме того, она по-

требовала, хотя и безуспешно, увольнения или понижения в должности представителей беспартийных кадров, которые должны были быть освобождены от своих активных задач.

До убийства Кирова в декабре 1934 г. ОПК продолжало свою работу в усложнившихся условиях. Даже если с продолжавшейся бюрократизацией контроля готовность Общества к участию и активной деятельности явно снизилась, вновь и вновь обнаруживались лакуны, позволявшие по меньшей мере обходить цензуру. Оно сталкивало друг с другом отдельные цензурные инстанции и использовало личные контакты с партией и государством. Применялось также средство инструментализации идеологических ориентиров в собственных интересах. Прежде всего показала свою действенность резко защищавшаяся позиция Теодоровича, в соответствии с которой не может быть приверженности идеологической линии без профессиональной компетентности. На пользу ОПК пошла также продолжавшая существовать слабость исполнительных структур режима, увеличивавшаяся пропорционально росшим усилиям, имевшим целью самим и формировать нормы, а также ставить индивидов под контроль. Ограниченная значимость партии особенно проявилась в недостатке кадров. Имела место зависимость от сотрудничества с компетентными, но самостоятельно думающими и действующими идеологами, например, Теодоровичем. Тем самым сила ОПК была слабостью партии и государственных структур. Осуществлявшееся на Обществе в целом и на отдельные личности давление в сторону приспособления было, тем не менее, столь велико, что в ОПК заметно увеличилась напряженность. Правда, проявлениям эскалации вроде массовых выходов и смещения Теодоровича удалось воспрепятствовать, тем более что аппарат ЦК и далее оставался заинтересованным в функционировании ОПК.

В ходе политической инструментализации убийства Кирова затем немного позже последовал поворот. Модель, в соответствии с которой члены партии могли сотрудничать с беспартийными под наблюдением большевиков в общественной организации вне пределов партийных структур, отжила свой век. Исследование и разработка истории революционного движения определялась точно так же, как и пропагандистская работа, в качестве единственной задачи партии и ее институтов. Основная тема ОПК, «Народная воля», отныне была по идеологическим причинам и с точки зрения интересов безопасности строго табуирована. Крайнее ухудшение политического климата имело следствием

утрату влияния и теми в правительстве и партии или невозможность воспользоваться этим влиянием, кто до сих пор поддерживал ОПК. Общественная организация, рассматривавшая чувствительные исторические темы, располагавшая частичной автономией и создававшая защитное пространство для лояльных беспартийных, не была более желательной. Она была закрыта. Подчинение ОПК посредством его закрытия было, однако, не началом, а конечным пунктом нескольких, начавшихся уже во время НЭПа волн закрытия общепользованных общественных организаций, пока, наконец, в 1939 г. из важнейших 338 общественных организаций не осталось только 39¹⁶. Как правило, имел силу принцип, в соответствии с которым если партия и государство могли взять на себя функцию общества, оно закрывалось. Постольку ОПК оказалось исключением, будучи закрыто относительно поздно.

История ОПК показала, что только с помощью детального анализа можно дифференцировать картину общественной организации, казавшейся поначалу лишенной всяких «но» и «если», и уже в 1924 г. превращенной в филиал партии. Так принятие господства большевиков в ОПК не может быть отождествлено с ее подчинением партии. Большевики, занимавшие руководящие позиции в ОПК, были только членами и представителями одной партии, поначалу остававшейся неоднородным сообществом в большей или меньшей степени единомышленников, не представлявших единую линию. Но и позже, когда как в партии, так и в органах государственной власти сформировался аппарат, структурированный бюрократически и иерархически, он по прагматическим причинам проводил в отношении ОПК гибкую и взвешенную политику, правда, с целью его контроля и проникновения в Общество. Механизмами влияния были материальные привилегии, контролировавшееся участие, предоставление свободных пространств, осуществление норм на протяжении длительные временных перспектив, политическое давление *извне* с помощью партийных учреждений и *изнутри* с помощью лояльных «агентов», а также отбор и изоляция отдельных членов Общества. Контрмеры со стороны ОПК заключались в солидарном поведении, личной поддержке членами Общества их коллегам, оказавшихся в опасности, затягивании выполнения объявленных мер, применении официального дискурса и интенсивном использовании неформальных каналов в отношении партии и личных связей. Тезисы Никулина и Ильиной, говорящие уже применительно к концу 20-х гг. об общественной «пассивности» (Никулин В.В.

Власть и общество. Санкт Петербург, 1997. С. 172), в котором общественные организации служили исключительно «социальной мобилизации населения для выполнения политических и идеологических задач» применительно к ОПК до 1934 г. в значительной мере неверны¹⁷. Автономия жизни внутри Советского Союза и функция общественных организаций могла быть только ограничена и со все большим успехом подчинена руководящей роли партии.

До 1931 г. ОПК оставалось относительно независимой общественной организацией, которая могла противопоставлять прежде всего сложившейся в 20-е гг. партийной историографии нечто существенное в теоретическом и содержательном отношении, даже если Виленский-Сибиряков и Теодорович наряду с новаторскими теоретическими подходами отчасти впадали в типичный для советского марксизма сверхисторический исторический материализм с авторитарными и патриотическими чертами.

ОПК не было «опорой сопротивления» и не могло полностью быть инструментализировано. Напротив, после обстоятельного анализа оно оказалось общественной организацией, служившей одной из опор системы и с помощью стратегий присвоения и преобразования в рамках правил системы использовавшей всякую возможность для того, чтобы измерить поставленные ей границы и отчасти оппонировать им. Бросающейся в глаза «самоунификации» или «самоприобщения» (Дитрих Байрау) не было. Заслуга Общества состояла в том, что оно смогло сохранить нишу, в которой продолжали существовать интеллектуальные ценностные представления о независимой науке, о революционной этике, политическом нейтралитете и, если говорить о гуманном обращении с политическими заключенными в советских тюрьмах, также о правах человека. ОПК было реальным убежищем для многих членов и нечленов Общества с небольшевистским политическим прошлым, которое предлагало определенную степень безопасности с учетом их положения в советском обществе. Положение же это было положением отверженных. Кроме того, оно сохранило для будущих поколений ценный материал обо всем революционном движении. В соответствии с этим Общество было не только целью или жертвой господства большевиков, но в то же время и активным субъектом создания нового общества. Формирование асимметричных отношений господства не помешало ОПК, но, что очень вероятно, затормозило его развитие. С другой стороны, благодаря своей готовности к сотрудничеству

она способствовала тому, что стал возможным скользящий переход к тоталитарной общественной системе.

С позиции ОПК и широкой информации о других общественных организаций НЭП в такой мере представляет собой подготовительную фазу к сталинистской системе, в какой здесь уже структурировалось подчинение организованной части советской общественной жизни государству и партии. Но эти структурные признаки не проявились только ввиду «сопротивлявшейся реальности», т. е. неутешительной экономической ситуации, институциональной недоразвитости государственного аппарата, отсутствия персонала и недостаточных концепций, сильного поначалу влияния более либеральных и более компетентных сил внутри ВКП(б), а также неоднородности партии и необычной динамики общественного сектора и его способности к приспособлению. Напротив, можно было отметить подъем советской общественной жизни. В продолжение же НЭПа и параллельно усиливавшейся политической гомогенизации партии, а также форсированной коллективизации и индустриализации давление на общественные организации продолжало после 1928 г. последовательно нарастать. Наряду с этим система показала с учетом своих реальных возможностей достаточно гибкости, чтобы сохранять пропасть между претензией на подчинение и лишь медленным осуществлением этой претензии. Наконец, в середине 30-х гг. была совершенно ликвидирована политически контролируемая, но, тем не менее, организованная вне государства и партии общественная жизнь. Вероятно, критерии сталинизма, его стремление к однородности¹⁸ посредством обособления и поляризации¹⁹ и прогрессирующее угнетение им «автономии и спонтанности мышления»²⁰ в наибольшей степени возобладали, наконец, в отношении зародышевых эманципаторных попыток самоорганизации советского общества без эксцессов в тягучем и длительном процессе, который до 1934 г. сохранял черты системы консенсуса. Советское общество сознательно поддерживалось в состоянии недееспособности и становилось именно из-за этого все более восприимчивым для умственного изменения координат²¹ сталинизма, который в 30-е гг. сделал возможным сначала стигматизировать целые группы населения, затем обособить и, наконец, в пору большого террора убить или осудить их, включая большую часть бывших членов ОПК, на многолетнее заключение в лагере²². Примером связанных с этим неопикуемых страданий должна быть следующая тюремная фотография Теодоровича (1937 год).

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42.

В отличие от его одиссеи в царских тюрьмах и лагерях принудительного труда теперь ему было не суждено выйти живым за пределы сталинской карательной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Более поздние примеры применения привилегий в общественном секторе приведены в монографии *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М., 1998.

² Регламентация общественных организаций во время нэпа в сравнении с Гражданской войной еще возросла. Ср. *Коржихина Т.П., Степанский А.Д.* Указ. соч., 419.

³ Правда, Политический Красный Крест получил разрешение проводить для своего финансирования благотворительные концерты.

⁴ По словам Маркуса Венера, в эмигрантских кругах на комитет уже смотрели как на будущее правительство. *Wehner M.* Op. cit. С. 64.

⁵ *Ibid.* С. 65; Ликвидация ВСЕРОПОМГОЛа. Письма Е.Д. Кусковой к В.Н. Фигнер 1921–1922 гг. (Вводная статья, подготовка текста и коммента-

рии Я.В. Леонтьева). – «Русское прошлое», 1993, № 4. С. 330–342, в особенности С. 331–334; *Павлюченков С.А.* Экономический либерализм в пределах политического монополизма. – Россия нэповская / Сост. С.А. Павлюченков. – М., 2002. С. 39, 44–45.

⁶ В отношении профсоюзов, стоявших в центре внимания большевиков, этот процесс к данному моменту был в значительной степени уже завершен. Ср. *Yun Y.-S.* Die Gewerkschaften in Sowjetrussland 1918–1920. Zu innergesellschaftlichen Problemen zu Beginn der Institutionalisierung der Gewerkschaften unter sowjetischer Herrschaft. – Berlin 1997. С. 133–168, 238–241; *Sorenson J.B.* The Life and Death of Soviet Trade Unionism. 1917–1928. – New York, 1969.

⁷ *Ильина И.Н.* Указ. соч.. – М., 2000. Обычной практикой стало также «вовлечение» представителей государственных органов в руководящие органы общественных организаций. *Коржихина Т.П.* К вопросу... С. 58.

⁸ *Mally L.* Culture of the Future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. – Berkley, 1990. С. 193–221.

⁹ Именно во второй половине 1922 г. общественные организации должны были с помощью различных декретов и решений оказаться обязанными регистрироваться. Рука об руку с этим шла проверка уставов, структуры и прежде всего членов уже зарегистрированных общественных организаций. Ср. *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! – М., 1997. С. 109.

¹⁰ Ср. *Голотик С.П.* Указ. соч. С. 161. 11 ноября 1922 г. заместитель председателя ГПУ РСФСР И.С. Уншлихт выдал бывшему члену Правления Политического Красного Креста Е.П. Пешковой специальное разрешение на создание этой организации помощи заключенным. Научное исследование Политического Красного Креста и его организации-преемника до сих пор отсутствует, хотя фонд Политического Красного Креста стал тем временем доступным в ГАРФ. Кроме того, многочисленные дополнительные материалы имеются и в правозащитной организации «Мемориал» в Москве.

¹¹ В их числе были «Русское историческое общество» (1865–1923), «Русское археологическое общество» (1865–1923) и «Московское археологическое общество» (1865–1923). Ср. *Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны!. С. 350. Исключение составило «Общество истории и древностей российских» (1804–1929), которое, однако, как и ОПК, было поставлено под наблюдение большевиков. – Там же.

¹² Ср. *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 34.

¹³ *Твардовская В.А.* Б.П. Козьмин. Историк и современность. – М., 2003. С. 86.

¹⁴ О политической культуре большевиков ср. *Бровкин В.Н.* Культура новой элиты 1921–1925 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 83–98.

¹⁵ На каком посту Кон входил в совет старейшин, установить не удалось.

¹⁶ Официальными причинами закрытия были, в частности, недостаточная активность, слишком малая численность, налоговые нарушения и обвинение в превращении в гнездо «врагов народа». Ср. *Коржихина Т.П., Степанский А.Д.* Указ. соч. С. 419–420.

¹⁷ Ср. *Нукулин В.В.* Указ. соч. С. 172; *Ильина И.Н.* Указ. соч. С. 149.

¹⁸ *Neutatz D.* Stalinismus // Bohn Th., Neutatz D. (Hg.): Studienhandbuch Östliches Europa, Bd. 2. – Köln, 2002. С. 274–281; *Kössler* (1982) S. 135–137.

Ханс-Ульрих Тамер, сравнивая национал-социализм со сталинизмом, говорит о типичном для него «противодействии дифференциации общества». – *Thamer H.-U. Der Nationalsozialismus.* – Stuttgart, 2002. С. 465.

¹⁹ *Beyrau* (2003) S. 38.

²⁰ *Negt* (1974) S. 42.

²¹ Ср. об этом в целом: *Welzer H. Täter.* – Frankfurt a. M., 2005.

²² *Binner R., Junge M.* «S etoj publikoj ceremonit'sja ne sleduet» [Mit diesem Publikum kann man kurzen Prozeß machen]. «Die Zielgruppen des Befehls 00447» und «Der "Große Terror" aus der Sicht des Befehls 00447 // Cahiers du Monde russe, 43 (2002) 1. С. 200–204.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документация

№ 1

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК П 93/12 б
«О положении заключенных (Постановление т. Сталина)»
2 февраля 1922 г.

12. б) О положении заключенных (Постановление т. Сталина)

12. б) Постановили

1. Предложить Госполитуправлению принять скорейшие меры к переводу в специально приспособленные места заключения в провинции наиболее активных и крупных представителей анти-советских партий, приняв также меры к тому, чтобы как этот перевод, так и условия заключения, не вызвали новых осложнений в местах заключения.

2. Поручить Госполитуправление продолжать держать в заключении меньшевиков, эсеров и анархистов, находящихся в настоящее время в распоряжении ВЧК. Просить ВЦИК принять это постановление как специальное поручение ГПУ.

РГАНИ Ф. 89. Оп. 73. Д. 26. Л. 1

№ 2

Заявление бюро коммунистической фракции ОПК в ЦК РКП(б)
14 июня 1922 г.

Членам Ц.К. Р.К.П.

Т. Куйбышеву

Сообщение об Обществе бывших политических каторжан
и ссыльнопоселенцев.

Официальной датой существования Общества следует считать 12 марта 1921 года, когда, в ознаменование 4-й годовщины освобождения из царских тюрем, в доме Союзов были созданы быв-

шие политические каторжане и ссыльнопоселенцы, проживающие в Москве, которых собралось около 150 человек.

Так как этот день совпал с моментом 9-го съезда РПК, то среди участников собрания и организаторов Общества было несколько делегатов на съезд и из провинции.

Попытки к организации Общества впрочем, делались значительно ранее.

По существу, эта идея возникла со дня освобождения из тюрем, когда по всей России были созданы Комитеты по оказанию помощи политическим амнистированным, и вокруг них стали группироваться б. политические каторжане и сс.поселенцы.

В 1918, 1919 и 1920 г.г. в день 12 марта устраивались обычно во многих городах общие собрания бывших политических заключенных, причем в 1920 году в Москве на Спиридоновке уг. Большого Патриаршего пер. состоялось собрание, на котором присутствовало 50–60 товарищей и было избрано в Москве особое бюро бывших политических каторжан для превращения таких спорадических собраний в постоянно действующее общество.

В это бюро вошли т.т. Томский (ком. «мунист»), Корочкин (ком. «мунист»), Сеньюшкин (ком. «мунист»), Лейзеров (ком. «мунист»), Маслов (анарх. «ист»), Новомирский (анарх. «ист»), Ягодзинский (беспарт. «ийный») и другие. Близкое отношение к этому бюро имел и т. Дзержинский.

На Бюро была возложена обязанность выработать устав Общества, принять меры к изданию сборника воспоминаний о каторге и ссылке и организовать празднование 12 марта в Москве в 1921 году.

Бюро это не развивало особой деятельности до той поры, когда ему на помощь не пришла так называемая группа нерчинцев (сидевших на Нерчинской каторге).

Входившие в эту группу т.т. Биценко (ком. «мунист»), Крамаров (ком. «мунист»), В. Плесков (беспартийный бывш. «ий» меньшевик), Боброва (беспартийная бывш. «ая» с.р.), Рудзиловская (беспарт. «ийная», бывш. «ая» большевичка), Горовиц (беспарт. «ийная», бывш. «ая» меньшевичка), Стар (беспарт. «ийная», бывш. «ая» с.р.) и Пигит (беспарт. «ийная», бывш. «ая» с.р.) постановили своей задачей двинуть вперед дело объединения быв. Политических каторжан и сс.поселенцев. К ним примкнули также Веденяпин (с.р.), впоследствии т.т. Темкин (ком. «мунист»), Врублевский (ком. «мунист»), Бернштейн (бундовец) и др.

Общими силами бюро и группы был составлен проект устава, выработана форма анкеты, для приема в члены Общества и издан

1-й сборник под названием «Каторга и ссылка» (в 500 экземплярах).

Таким образом, было создано ядро работников будущего общества. На общем собрании 12 марта 1921 года деятельность инициативной группы была одобрена, и был принят в основе проект устава. Следующее собрание, состоявшееся в конце марта того же года, окончательно утвердило устав, наметило задачи общества и избрало совет и старосту.

С этого момента начинается формальное существование Общества, объединившие вначале значительную группу бывш. Политических каторжан и ссыльнопоселенцев в Москве, а затем и в других городах Советской России.

Задачи общества заключались, прежде всего, в том, чтобы сделать достоянием гласности материалы и воспоминания, связанные с историей каторги и ссылки путем издания сборников, историко-революционного словаря и т. д., организации музея и т. д. далее идет стремление оказать материальную и духовную поддержку бывш. Политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам путем организации собственных предприятий, библиотеки, читальни, клуба и т. д., наконец, увековечение памяти погибших на каторге товарищей и помощь их семьям.

В Общество решено принимать всех не скомпрометировавших себя б. политических каторжан и сс.поселенцев, а также лиц, оказавших особые услуги каторге и ссылке, без различия политических взглядов и убеждений.

Однако, тогда же молчаливо признавалось, что не могут вступать в Общество такие политические «деятели» (Савинков, Бурцев и проч.), общение с которыми неприемлемо для бывш. политических каторжан и ссыльнопоселенцев коммунистов.

Заранее исключалась определенная партийная окраска Общества. Но для организаторов Общества было ясно, что это ни в какой мере не мешало проявлению единой воли членов Общества в таких политических вопросах, на которых могут сойтись все члены Общества без различия партий. Таковыми считались вопросы об интервенции, борьбы с голодом, празднование 1-го мая и т. д. Избранным в Совет оказалось большинство коммунистов, коммунисты избраны и в старосты (вначале был т. Томский, а впоследствии т. Теодорович). Первое время существование Общества протекало в крайне неблагоприятных условиях. Не было ни средств, ни собственного помещения, ни специально работающего платного секретаря. Только благодаря исключительной пре-

данности затеянному делу со стороны некоторых товарищей, особенно, тов. Стар удалось Обществу продержаться.

Летом 1921 года при содействии ВЦСПС Общество получило помещение (Угол Садовой Черногрязкой и Б. Харитоньевского) и обмоблировало его при содействии МЧК. Тогда же была организована библиотека, насчитывающая теперь более 2000 книг, главным образом историко-революционного содержания.

При помощи Наркомзема удалось получить распоряжение Общества приписной Совхоз «Хорошевку» (в Каширском уезде Тульской губернии), работа в котором производилась главным образом членами Общества. Осенью по постановлению президиума ВЦИК была получена ссуда в 110 миллионов, а Наркомпрод стал выдавать по 100 сокращенных пайков в месяц, каковые шли наиболее нуждающимся членам Общества, а также на оплату сотрудникам Общества.

Принявши большое участие в борьбе с голодом, Общество издало 2-й сборник «Каторга и ссылка» (10000 экз.), весь доход от продажи которого назначен был в пользу голодающих, послан за границу по радио от имени Общества призыв о помощи голодающим и был организован эвакуационный поезд для вызова детей из голодающих районов.

Этот поезд теперь отправился в 4-й рейс и общее количество вывезенных детей уже достигает 3000. Во главе поезда, а также в числе сотрудников находятся члены Общества, в числе которых несколько коммунистов.

Организация поезда, начиная с ремонта и оборудования вагонов, снабжение всеми принадлежностями санитарии и продовольствием, одеждой, посудой и другими хозяйственными предметами, а также содержание персонала все это явилось результатом работы Совета Общества и его комиссии Помгол.

Но при этом, конечно, нельзя не упомянуть о крупной поддержке денежной и материальной, которая для этой цели оказана была рядом государственных органов, а особенно Центросоюзом. Только при их помощи удалось организовать дело, которое стоило миллиарды.

12 марта 1922 года вышел 3-й сборник «Каторга и ссылка» (в 24000 экз.), а затем Общество предприняло совместно с Исторической Секцией Дома Печати издание «Историко-Революционного Бюллетеня», переименованного в настоящее время в И.<сторико->Р.<еволюционный> Вестник (в настоящее время вышло 3 номера).

В январе сего года приступлено к организации своего книжного склада и магазина. Последнее вполне удалось и теперь на Петровке функционирует наш книжный магазин и склад, занимающий одно из первых мест в ряду других книжных предприятий в Москве.

Наконец, в самое последнее время приобретен катер с двигателем, снабжен достаточным количеством топлива и отправлен из Москвы в Каширу, где он будет обслуживать как наш, так и другие совхозы, расположенные по реке Оке, находящиеся в ведении районного управления Совхозами Наркомзема, а также Каширстройку. Помощь от государства, кроме указанных ранее 110 миллионов, выразилась еще и в выдаче по постановлению президиума ВЦИК в апреле сего года ссуды в размере одного миллиарда.

Нельзя не отметить значительной работы, проделанной по оказанию помощи бывш. политическ. Каторжанам и сс. Поселенцам как членам, так и не членам Общества.

Пособия оказывались как деньгами, так и продуктами и вещами, а также предоставлением помещения в общежитии, которое устроено при Обществе.

Особенное внимание было обращено на помощь ветеранам русской революции членам партии Земли и Воли и Народной Воли, часть которых (Сажин, Диковская-Кобозева, Морозов, Новорусский, Шебалин, Чернавский, Борейша, Ковальская и др.) входят в состав Общества.

Президиум ВЦИК обычно отсылает в Общество тех бывш. политических каторжан и сс. поселенцев, которые обращаются к нему за помощью.

По существу эта работа имеет общегосударственное значение. Советская власть, определенно признавая свою обязанность прийти на помощь всем тем, кто в борьбе с самодержавием потерял за долгое пребывание в тюрьмах и ссылке свои силы и здоровье, не имеет специальных органов, [которые] смогли бы с одной стороны устанавливать правдивость заявлений нуждающихся в помощи, а с другой оказывать ее в товарищеской форме, не оскорбляющей самолюбие просителей.

В последнее время ведутся переговоры с Наркомздравом об отводе санатории, в которых могли бы быть помещены нуждающиеся в лечении быв. Политические каторжане и ссыл. Поселенцы, об организации своего рода убежища «ветеранов революции», а в совхозе Хорошевка уже устроен «дом отдыха» для членов Общества.

Вся эта работа проделана была Советом Общества и его президиумом, где в большинстве находятся коммунисты, а также различными комиссиями Общества (литературной, организационной, помощи голодающим и хозяйственной).

Поскольку в Общество может входить каждый, не скомпрометированный бывш. политический каторжанин и сс. Поселенец без отношения к месту его жительства, члены Общества в настоящие время разбросаны по всей территории РСФСР, а также за границей. Было несколько попыток организовать отделение Общества в разных городах (Петроград, Вологда, Харьков, Курск, Ставрополь, Ростов н/Д. и т. д.), но по тем или иным причинам эти отделения не успели окрепнуть и начать развиваться.

Исключением является Тифлис, Запорожье (бывш. г. Александровск Екатеринославской губ.) и Чита.

В этих городах существуют правильно функционирующие отделения, причем Тифлисское предпринимает шаги к превращению в Закавказское, издало свой № 1 сборника Каторга и Ссылка (2000 экз.) и имеет ряд хозяйственных предприятий.

Обращаясь теперь к политической линии Общества, следует отметить, что внутри его все время чувствовалась борьба разных течений.

В самом начале организации Общества сразу же определилось, что меньшевистко-эсеровские элементы при поддержке коекого из анархистов пытаются под флагом отсутствия партийности придать Обществу такое направление, которое по существу шло бы в унисон с линией оппозиционных Советской Власти партий.

В этом смысле делались попытки вовлечь Общество в помощь политическим заключенным новой формации, сидящим по распоряжению советских органов, предлагалось протестовать против всякого ухудшения режима в тюрьмах, где бы таковое не происходило, наконец, вменялось в обязанность Совету Общества ходатайствовать об освобождении всех его членов, если таковые привлекались по политическим делам.

Все эти попытки постоянно отвергались. Исключение было сделано лишь по поводу Бутырской истории (весной 1921 г.), когда постановлением Московского Совета Р. и КД. была образована комиссия для собирания всех сведений о происшедшем. Совет Общества передал в образованную Московским Советом комиссию для расследования этих событий все поступившие к нему материалы по этому делу.

Впоследствии энергия у антисоветских элементов в Обществе, видящих, что значительная масса членов не идет за ними, умень-

шила и наиболее активные из них, если они ранее не были по тому или иному случаю арестованы органами Советской Власти, перестали принимать какое-либо участие в делах Общества.

За это время постепенно стало увеличиваться в Обществе число коммунистов. Дело начало налаживаться. Но среди самих коммунистов возникли трения. Нашлось несколько товарищей, не могущих примириться с тем, чтобы, говоря их словами, «в России, где фактически проводится диктатура Коммунистической партии, существовало бы Общество, где коммунисты сидели на равных основаниях с беспартийными и даже меньшевиками и эсерами». Их мнение было таковое – следует или закрыть Общество или поставить такие препоны при приеме в него, которые фактически превратили бы Общество в коммунистическое.

По этому поводу несколько раз собиралась фракция коммунистов из членов Общества, которая постановила: «Общества не закрывать, а попытаться провести перерегистрацию членов на основании положения, что “все, принимающие активное участие в борьбе с Советской Властью, исключаются из Общества”».

В дальнейшем эта формула видоизменилась. Вот несколько вариантов ее: «Ведущие борьбу с Советской Властью», «принимающие участие в вооруженной борьбе против Советской Власти», «ведущие вооруженную борьбу с Советской Властью», наконец, «лица, против которых органы Советской власти возбудили преследование».

На общем собрании коммунисты пытались провести одну из этих формул.

Но оказывалось, что по совершенно различным мотивам все некоммунисты (в числе которых были народолюбцы, далекие от современной политики и даже те, кто явно сочувствовал коммунистам) высказались против внесения в Общество какого-либо политического момента.

В конце концов, сошлись на такой формуле «исключаются из Общества лица, запятнавшие себя поступками, не допустимыми с революционно-социалистической точки зрения». Мы учитывали важность самого факта признания, что допускается принцип исключения по политическому признаку.

Поскольку командные должности находятся в руках коммунистов и наше влияние в Обществе обеспечено, мы при поддержке беспартийных имеем полную возможность бороться со всякими сколько-нибудь активными антисоветскими элементами в Обществе.

Теперь же эта возможность значительно увеличивается. В настоящее время имеются все шансы на благополучное развитие нашего Общества.

Выкристаллизовалось ядро работников, которым дорого дело Общества, развиваются хозяйственные предприятия, которые в ближайшее время при помощи средств, собираемых с членов Общества, дадут возможность существования на свой собственный счет, не прибегая к помощи государства. Имеется аппарат, обслуживающий Общество, намечена общая линия поведения.

Дело теперь за идейной поддержкой Коммунистической Партии, Советской Власти и особенно тех тысяч бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев коммунистов, которые отчасти по незнакомству с Обществом, отчасти от неверно понимаемых принципов о возможности совместной работы и взаимопомощи, отчасти от пассивности, не входят в члены Общества, не организуют его отделений и вообще не принимают ни какого участия в деле развития Общества.

Наше Общество, не претендуя на сколько-нибудь значительную роль в революционном движении, помогая лишь ему в смысле изучения прошлых этапов борьбы трудящихся масс за свое освобождение, тем не менее при активной работе коммунистов, может быть весьма полезно Советской власти. Имеет значение уже тот факт, что доказавшие на практике свою преданность делу освобождения рабочего класса в глухие дни царизма без различия партийности имеют возможность создавать свою организацию того строя, который соглашатели разных мастей считают диктаторским, полицейским, палочным, не допускающим ни малейшей свободы объединения для кого бы то ни было, кроме коммунистов. Затем наглядно устанавливается кровная связь борцов за свободу в дни царизма и борцов за социализм в настоящее время тем фактом, что очень значительное число бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев принадлежат к РКП (более 1/3 нашего Общества) и тем самым выбивается из под ног соглашателей монополия на всю предыдущую революционную борьбу. Наконец, при небольшой работе удастся организовать общее выступление огромного большинства бывших политических каторжан и сс. Поселенцев по тем политическим вопросам, которые являются и в будущем явятся животрепещущими для Российской Революции.

Было бы неосновательно не использовать организованным путем те несколько тысяч товарищей, которые в силу своей преж-

ней революционной деятельности несомненно являются самыми решительными противниками малейшего намека на реставрацию монархизма или попытки интервенции, которые готовы все силы отдать делу восстановления народного хозяйства, и нельзя недооценивать их значения, так как они имеют известный удельный моральный вес в глазах трудящихся в России и в Западной Европе.

Здесь кстати отметить, что всякие сведения о деятельности нашего Общества постоянно отмечаются во всей заграничной белой печати. «Воля Народа», «Голос России», «Последние новости», даже «Руль» и «Общее дело» в разное время обычно в своих сообщениях не пропускают ни одного момента из жизни нашего Общества, но они определенно не замалчивают его.

Когда же Савинковская «Свобода» как-то заявила, что это проделки коммунистов, которые под флагом внепартийности подобрали исключительно свою братью, «Воля народа» ответила, что по ее сведениям «в состав Общества входят представители разных партий».

К этому следует еще прибавить, что, втягивая в Общество сотни и тысячи товарищей, бывших когда-то серьезными общественными и политическими работниками, и в настоящее время, когда обострились классовые противоречия и далеко еще не изжита гражданская война, отошли совершенно от всякой общественной деятельности, имеется возможность утилизировать в Обществе зря пропадающие подчас крупные силы.

Достоинство их увеличивается, если принять во внимание, что все безупречное прошлое их, прошедшее на глазах у сотни тысяч людей, уже само по себе предохраняет их от того, чтобы пойти на совершение каких-либо недопустимых с моральной точки зрения поступков.

В начале существования Общества наряду с другими заданиями мыслилось, что Советские Органы могут черпать из него нужных им честных (хотя бы с элементарной точки зрения) работников. До сих пор это выполнялось в весьма небольшой степени. Но нет ни каких оснований сомневаться в осуществимости этой идеи.

Затем издания Общества, поскольку коммунисты станут принимать в них участие, помогут послужить делу воспитания подрастающего поколения, ознакомляя их по первоисточникам с обстановкой и условиями борьбы за освобождение пролетариата, которая велась давно, давно при царизме. При тщательной разработке, отдельные издания могли бы стать настоящими учебника-

ми и пособиями в школах для изучения отдельных моментов истории революционного движения в России.

Кстати отметить, что в последнее время Общество при содействии Историко-Революционного Архива в Петрограде приступило к подготовке к изданию полного историко-революционного биографического словаря всех привлекавшихся Царизмом по политическим делам.

Эта грандиозная работа (до конца 1880 годов имеется 100 тысяч фамилий) очевидно может быть выполнена лишь в виде краткой сводки о каждом лице.

Тем не менее она явится основой для действительно серьезного изучения революционного движения в России.

В заключение следует отметить, что за все время существования Общества работающие в нем коммунисты всячески стремились поддерживать связь с партией. Помимо того, что в составе Общества имеется ряд виднейших коммунистов (Томский, Ярославский, Теодорович, Иоффе, Мицкевич, Пестковский и др.) неоднократно велись переговоры об Обществе с секретарями ЦК т.т. Ярославским, Михайловым и Куйбышевым. В Оргбюро было по нашей просьбе постановлено откомандировать для постоянной работы в Обществе тов. Померанцеву. Мы вступили в переговоры с Истпартом для согласования работы в своей издательской части.

Дело остается за более активным участием коммунистов в работе Общества и за большой идейной поддержкой нашей работы со стороны ЦК РКП.

Нам мыслится, что было бы крайне полезно, если бы ЦК в одном из своих циркуляров по губкомам (не подлежащим опубликованию) предложил бы всем товарищам коммунистам бывшим политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам вступить в наше Общество и откомандировал бы для постоянной работы в Обществе двух-трех ответственных работников коммунистов.

Этим самым был бы положен конец всяким кривотолкам о нашем Обществе и представилась бы полная возможность для преуспеяния и развития нашего Общества.

Бюро Фракции коммунистов членов Общества

14 июня 1922 г.

Москва

№ 3

Заявление члена бюро комфракции ОПК Г.М. Крамарова
в ЦК РКП(б)

24 августа 1922 г.

В Ц.К. Р.К.П.

Настоящим сообщая, что при обсуждении в Президиуме О-ва бывш. политкаторжан вопроса о чистке члены Комиссии т.т. Дубинский и Мухин, стоящие на точке зрения оставления в О-ве эсеров, осужденных Верхтрибом (Гоц, Тимофеев, Морозов, Иванов, Иванова и Веденяпин), заявили о своем выходе из Комиссии, а также из О-ва.

За ними последует часть членов О-ва – сторонников их взглядов.

Таким образом, состав О-ва сильно изменяется и представляется полная возможность усиления в О-ве коммунистического влияния.

Однако, все же деятельность О-ва может развиваться лишь при условии циркулярного обращения Ц.К. Р.К.П. к Губкомам о желательности, чтобы коммунисты бывш. политкаторжане входили в Общество.

Член Бюро Фракции Коммунистов Общества Г. Крамаров
«24» августа 1922 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 24–24об. – Машинопись, подпись – автограф, число поставлено от руки.

№ 4

Докладная записка В.Н. Залежского,

После 24 августа 1922 г.

Докладная записка об Обществе б. политических
ссылных и каторжан.

12 марта 1920 года на собрании б. политических каторжан и ссылных поселенцев зародилась мысль об организации общества, было образовано Бюро, в которое вошли 4 коммуниста (тов. тов. Томский, Корочкин, Сенюшкин, Лейзеров), 2 анархиста (Маслов и Новомирский) и 2–3 беспартийных.

Это Бюро оказалось мало деятельным до тех пор, пока ему на помощь не пришла «инициативная группа» – Нерчинцев в составе: 2-х коммунистов, 3-х меньшевиков и 3-х эсеров.

12 марта 1921 года Бюро совместно с инициативной группой созвали вновь общее собрание, на вторичном в конце марта был принят устав, избран Совет и общество начало функционировать. В Совет вошло большинство коммунистов.

Общество объявило себя чуждым всякой партийной окраски, объединяя лиц всех направлений и партий от народовольцев, эсер, анархистов и меньшевиков до коммунистов, но не отказывалось от политических выступлений в вопросах, «на которых могут сойтись все члены общества без различия партий».

Вначале такими вопросами считались вопросы об интервенции, борьбы с голодом, празднование 1-го мая и т. д., но скоро же внутри общества начала заметно чувствоваться борьба разных политических течений. С самых первых же шагов жизни общества членами коммунистами был констатирован тот факт, что меньшевистско-эсеровские элементы, при поддержке части анархистов пытаются дать деятельности общества определенное политическое направление, «оппозиционное Советской Власти» старались вовлечь общество в помощь политическим заключенным, членам антисоветских партий, вносились протестовать против «ухудшения режима в тюрьмах» и настаивалось на необходимости «ходатайствовать» об освобождении членов его, арестованных за активную борьбу с Советской властью.

Члены общества – коммунисты все такие предложения отвергали, однако весной 1921 года общество все же вмешалось в дело расследования «бутырских событий».

В связи с подобными попытками навязать обществу определенную политическую физиономию во фракции коммунистов наматилось и все более и более крепло течение, считающее недопустимым существование подобного «разнопартийного общества» с флагом беспартийности, в стенах которого объединяются коммунисты и их враги-меньшевики и эс-эры. Поднимались голоса о необходимости Общества закрыть, или превратить его в Общество каторжан коммунистов.

Большинство фракции, однако, приняло постановление общество не закрывать, а провести на общем собрании постановление, что «все принимающие активное участие в борьбе с Советской Властью исключаются из общества». В дальнейшем эта формула была смягчена в нескольких вариантах: исключаются 1) «Ведущие борьбу с Советской Властью». 2) «Принимающие вооруженное участие в борьбе против Советской Власти». 3) «Ведущие вооруженную борьбу с Советской Властью» и, наконец, 4) «Лица,

против которых органы Советской Власти возбудили преследование».

Однако, на общем собрании, где коммунисты являются в меньшинстве, все эти формулы были отвергнуты под тем предлогом, что в общество не надо вносить «какого-либо политического момента». Как уступка коммунистам, в конце концов, было принято постановление, что из общества «исключаются лица, запятнавшие себя поступками не допустимыми с революционно-социалистической точки зрения».

Как победу коммунистов надо отметить признание общим собранием возможности перерегистрации членов Общества с точки зрения принятого положения, причем, в перерегистрационную комиссию, образованную в мае с. г., в большинстве вошли коммунисты.

Однако, до последнего времени комиссия к своей работе фактически не приступала.

На собрании активных работников коммунистической фракции общества, происходившее 22 августа, эта бездеятельность комиссии была констатирована.

После обсуждения вопроса о физиономии Общества были приняты такие постановления:

Существование Общества в том виде, в каком оно было до сих пор (в смысле общего состава его членов), признать в дальнейшем нежелательным. Задачей настоящего дня для коммунистов является через проверочную комиссию оздоровить его личный состав, исключить все политически вредные элементы.

С целью прекратить доступ подобных элементов в дальнейшем, изменить радикально устав общества, введя пункт, что последнее объединяет всех политических ссыльных и каторжан, стоящих на Советской платформе.

Вокруг коммунистического ядра Общества постараться объединить широкие слои каторжан, хотя и не коммунистов, но относящихся положительно к Советской власти.

Название Общества менять в настоящее время не целесообразно. В целях оживления деятельности общества и возможности постоянного направления и контролирования его работы, держать в курсе дел Общества как ЦК, так и МК.

Просить ЦК откомандировать для работы в Обществе двух-трех активных работников из каторжан, причем, работу в Обществе считать для них партийной работой.

Ввиду недостатка в настоящее время в Обществе коммунистов, не только активно работающих, но даже и численно, про-

силь ЦК обратиться во все организации партии с особым циркуляром о необходимости коммунистам-каторжанам входить в общество и активно работать в нем.

Основной задачей общества наряду с помощью политическим каторжанам, что Советская власть должна делать исключительно через Общество, является собирание тех материалов и воспоминаний революционного движения в России, которые в Истпарт, учреждение в глазах многих чисто партийное, попасть не могут. Что же касается опубликования поступающих материалов, то здесь необходимо вложить больше коммунистического содержания, чем это имело место до сих пор в сборниках Общества.

Через два дня после указанного собрания фракции вопрос о чистке был поднят в Президиуме Общества. Члены проверочной Комиссии Дубинский и Мухин (эс-эртвующие) заявили о своем выходе не только из комиссии, но и из Общества. За ними последуют также все те из членов Общества, которые не согласны с намечаемыми изменениями устава и с характером чистки Общества.

Таким образом, состав Общества уже сам собою начал очищаться.

Приложение: Доклад Общества. 2) Заявление в ЦК РКП члена Бюро фракции коммунистов Общества КРАМАРОВА. 3) Циркулярное письмо Комиссии по перерегистрации ко всем членам О-ва.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 9–11. – Машинописная копия.

№ 5

Заключение Я.Э. Рудзутака и М.П. Томского

31 августа 1922 г.

Общество б. ссыльных и каторжан следует закрыть по следующим соображениям:

1) Культурно-историческая работа о-ва крайне слаба. Весь ценный материал, даваемый б. каторжанами, может быть использован Истпартом или напечатан в изданиях Истпарта.

2) Материальную помощь б. каторжанам можно оказывать или в партийном, через Ц.К. Р.К.П., или в советском, через В.Ц.И.К., порядке.

3) Все мало-мальски дельные, стоящие по платформе Сов. Власти б. каторжане нашли и идейное и практическое приложение своих сил или в партии, или в гос.органах, общество катор-

жан нужно, как убежище, или никуда негодного, или явно анти-советского элемента.

4) Пользуясь занятостью деловой работой работоспособных коммунистов б. каторжан, антисоветские элементы фактически руководят делами общества и часто расходуют государственные средства для явно контрреволюционных целей (поддержка арестованных с.р. и меньшевиков).

5) Усилить правление коммунистами, как предлагает т. Залежский, было «бы» неразумной тратой партийных сил на совершенно ненужное дело.

Я. Рудзутак
М. Томский

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 8–8об. – Рукопись, подписи – автографы.

№ 6

А.Н. Андреев в Общество бывших политических каторжан
16 марта 1924 г.

15 марта 1924 г. является не только для меня, но и для истории революционного движения всех стран, днем величайшего падения этической мысли, мысли, бившейся на протяжении всех эпох человечества в лучших умах, мысли, подкреплявшей революционеров в самые тяжелые минуты неволи, мысли, что заключение человека человеком в тюрьму есть величайшая подлость, которую необходимо искоренить.

Первый в мире съезд, о котором я мечтал на каторге, с одним моим товарищем, тот «кандальный» съезд, говоря и думая о котором румянец выступал на мертвых лицах наших, этот съезд, где должна была воплотиться идея чаяний всех поколений революционеров, – спроституировался.

Он плюнул в лицо тем, пнул ногой тех, кто был носителем великой идеи – освобождение человека от насилия друг над другом.

Как гнусна и подла идея: пусть живут тюрьмы! Как мерзка мысль, что статья закона есть выразительница этики и судья над ней. Это сказано и это подкреплено десятками подписей тех, кто сам пробыл тысячи лет в каторжной неволе.

Членом Общества политкаторжан не может быть тот, кто осужден судом советской юстиции, кто получил приговор на основании кодекса законов СССР – говорит утвержденный новый устав, а впереди есть другой пункт – карающий за нарушение каторжнореволюционной этики.

Как совместить эти два исключających одно другим положения? – Ведь в каре судейской никогда не может быть этического оправдания. Кодекс законов не может быть мерилom этических идеалов! Закон, каков бы он ни был, это игрушка в руках судьи и законодателя. Речь Крыленко на последнем «показательном» процессе служит ярким к тому примером. В своем обвинительном слове Крыленко подчеркнул, что если инкриминируемая статья покажется слабой для судей, то в их распоряжении другая – смертная. Такой растяжимостью отличались законы самодержавные, и мы никогда не допускали этой возможности для нас, для новой эпохи.

Кодекс законов, который каждый день видоизменяется... каучуковый... кодекс стал регулятором этики.

С меня требуют, чтобы я санкционировал право тюрем пожирать свои жертвы. С меня требуют, чтобы я признал от всегда изменяющегося – от своего несовершенства – кодекса законов совершенства абсолютной истины и этичности. И этот жалкий критерий хотят провозгласить от имени членов общества политкаторжан; хотят как проститутку изнасиловать всех несогласных, но порозно молчащих. И это уже сделано. Да будет проклят тот, кто под статьей закона видит высшую справедливость! Пусть имена авторов такой идеи в уставе общества останутся позорными и язык их да онемееет как хвост издохшего пса.

12 марта 1917 года с меня сбили кандалы; 12 марта 1924 года на меня их вновь одели мои бывшие товарищи. Требую, чтобы мое имя было окончательно вычеркнуто из списка членов Общества.

Москва 16 марта 1924 г.

ГА РФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 1–2

№ 7

Ем. Ярославский тов. Корочкину

1 июня 1927 г.

Прошу заявить президиуму ОГПК о следующем:

ОПК выпустило брошюру тов. Виленского-Сибирякова «Где корни предательства Чан-Кай-Ши. О китайской революции».

Но как издательство могло допустить выпуска этой брошюры?

По моему, ни в какой степени нельзя позволять такой бестактности, как издание такой брошюры.

Конечно, китайская революция должна интересовать всех нас, и мы все должны оказывать ей содействие. Однако, именно вопрос о тактике китайской компартии и тактике Коминтерна в китайской революции и нашей партии в этой революции есть настолько острый вопрос, что всякое произведение, касающееся китайской революции, должно пройти самую серьезную цензуру. Обеспечена ли такая цензура, обеспечена ли выдержанная партийная линия в нашем издательстве? Оказали ли мы изданием этой брошюры помощь нашей партии?

Насколько мне известно, во главе издательства, председателем его правления стоит сам т. В. Виленский – троцкист, подписавший недавно платформу 82-х, – платформу, целиком враждебную нашей партии, в которой он, бывший яркий меньшевик, – я знал его в Идутской ссылке как непримиримо враждебного большевикам социал-демократа, как оборонца, выступающего резко в 1917 г., в июльские дни против нашей партии и только в 1919–20 году пришедшего в наши ряды – именуется, как старый большевик с 1903.

Мы не должны допускать, чтобы издательство нашего О-ва прикрывало издание фракционных брошюр, направленных против линии нашей партии, против линии Коминтерна, особенно в таком вопросе, как китайская революция.

А между тем достаточно внимательно прочесть эту брошюру, чтобы видеть, что она не является брошюрой, защищающей линию нашей партии и линию Коминтерна в вопросе о китайской революции.

Единый фронт всех сил революции, – а настоящий период борьбы рассчитан на поддержку единого фронта рабочих и крестьян (ремесленники и часть революционной интеллигенции Китая), – т. Виленский в конце своей брошюры называет *иллюзией*, которую китайские коммунисты должны возможно скорее изжить.

Значит, тактика единого фронта сил революции в Китае есть не революционная тактика, а иллюзия от которой надо отказаться, которую надо изжить!

Я считаю необходимым еще указать на саморекламный характер издания: на обложке перечислены только издания автора по

китайскому вопросу, как будто это самое ценное, что издано в нашей литературе по этому вопросу.

Я считаю, что мы должны самым резким образом осудить такое использование нашего издательства и не допускать впредь подобных явлений.

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 7. Л. 52–53

№ 8

В.Д. Виленский-Сибиряков во Фракцию
центрального Совета ОПК

Между 6 и 10 октября 1927 г.

Копию: Всем Фракциям Советов местных отделений и группам О-ва, куда был разослан протокол Президиума Ц.С. от 3 сентября 1927 г.

Товарищи!

6-го октября с.г. мною был получен протокол заседания Президиума Ц.С. от 3 октября 1927 г. за № 31 весьма странного содержания. Из этого протокола я узнал, что в мое отсутствие, Президиум Ц.С. (орган беспартийный) обсуждал мое партийное «преступление» об издании «оппозиционной брошюры» «Где корни предательства Чан-Кай-Ши» и вынес ряд решений вроде «отстранения» меня от обязанностей Ц.С., члена Президиума Ц.С., замстаросты О-ва и т. п. – т. е. принял ряд решений, которых не имел право принимать, так уставом членов О-ва означенных прав Президиуму не представлено.

Насколько мне известно означенные действия Президиума Ц.С. явились следствием директивы старосты О-ва Емельяна Ярославского-Губельмана, который в письме от 1 октября с.г. на имя фракции через Львова и других своих единомышленников предложил создать «дело» об издании мною «оппозиционной» брошюры и на этом основании провести в О-ве меры к устранению меня от работы в последнем.

Т.к. «план» Емельяна Ярославского-Губельмана, судя по прот. Заседания Президиума от 3 октября с.г. осуществлен и означенный протокол разослан по всем отделениям О-ва по всему СССР я вынужден перед фракцией Ц.С., а равно перед всеми партийца-

ми, членами О-ва политкаторжан поставить нижеследующие вопросы:

1) Обязательно ли для членов партии Емельяна Ярославского-Губельмана, Львова и других считаться с уставом партии ВКП(б) и прежде чем проводить тот или иной желательный для них вопрос, считать обязательным обсуждение его в подлежащих фракциях с участием при этом обсуждении лиц, прямо в этом деле заинтересованных.

Я заявляю протест против того, что вопрос, касающийся меня, как выборного лица партийца, не обсуждался на законно-созванном пленуме Ц.С.

2) Допустимо ли вынесение обсуждения оппозиционно-фракционных вопросов на беспартийные собрания, прежде чем они получили надлежащую санкцию в партийных органах.

Я заявляю протест против действий Емельяна Ярославского-Губельмана, Львова и других, которые допустили постановку на беспартийном собрании вопроса об «оппозиционной брошюре» Виленского-Сибирякова.

3) Допустимо ли преследование товарища-партийца за брошюру, которое является легальным изданием, вышедшим в свет с разрешением Главлита и не осужденным какими-либо постановлениями ЦК ВКП(б).

Я заявляю протест против усердия перечисленных выше товарищей, которые в личных карьеристических целях не остановились перед нарушением устава О-ва политкаторжан.

Так как поименованными выше товарищами сделан ряд грубейших нарушений уставного порядка «как партийного, так и устава О-ва», что подрывает возможность нормальной работы в О-ве, я ставлю перед фракцией Ц. Совета вопрос о съезде политических каторжан и сс-поселенцев, фракция которого должна обсудить создавшееся в О-ве положение.

Созыв 3-го Всесоюзного съезда я считаю необходимым еще и потому, что срок полномочного Ц. Совета истекает.

Член Центрального Совета Всесоюзного О-ва политкаторжан
Виленский-Сибиряков

Октября 1927 г.

№ 9

Ем. М. Ярославский в МКК тов. Морозу

14 октября 1927 г.

Срочно

В МКК – т. Морозу

Я считаю, что т. Виленский в этом заявлении, поданном через беспартийную Пирогову, не только извращает факты, но становится еще и на путь совершенно недостойный – подчеркивание еврейской фамилии: это пахнет тем, что белогвардейцы подчеркивали рядом с фамилией Троцкого фамилию Бронштейн, рядом с фамилией Каменева – Розенфельд и т. д. Это фашистский прием.

Я ни в малейшей степени не считаю для себя оскорбительной фамилию Губельман, так как это мое имя, которое я оправдал годами каторги, ссылки за революционную работу в рядах партии с 1898 г.

(Ем. Ярославский)

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 7. Л. 55

№ 10

Ем. Ярославский в МКК

25 октября 1927 г.

Секретно. В МКК.

Ознакомившись с выступлением тов. В.Д. Виленского на беспартийном собрании членов О-ва политкаторжан, я считаю необходимым протестовать против гнуснейших клеветнических выдумок т.В.Д. Виленского о том, будто бы я питаю зоологическую ненависть к Л.Д. Троцкому и будто бы я где-либо и кому-либо поручал изъять портрет Л.Д. Троцкого из «Альбома революционных деятелей», изд. О-вом политкаторжан. По поводу этих утверждений я заявляю:

Я осуждаю всячески вредную, антипартийную политическую деятельность Л.Д. Троцкого, я выступаю резко против этой деятельности. Травля, которой занимается Троцкий по отношению ко мне, известна всей партии.

Но ничего общего мое отношение к Л.Д. Троцкому не имеет с зоологической ненавистью. Такую характеристику я считаю дос-

тойной только обозленного обывателя, каким в данном случае выступил В.Д. Виленский на беспартийном собрании.

Что касается портрета Л.Д. Троцкого, то я заявляю, что даже не видел о котором говорит В.Д. Виленский: ни Р. Грюнштейн, ни В.Д. Виленский, ни кто либо другой мне ни слова до сих пор не говорил об этом альбоме, и я не знал о его издании, хотя, вероятно, в каких-нибудь решениях и имеется такое роствановление об издании. Протоколов редколлегии мне Виленский ни разу не посылал. Я и сейчас не знаю, о коком альбоме идет речь. Поэтому я считаю заявление Виленского об этом на собрании беспартийных грубейшей ложю, недостойной выходкой потерявшего голову человека.

Ем. Ярославский (ЛИГ/3 экз)

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 7. Л. 56

№ 11

Ем. Ярославский И.А. Теодоровичу

12–16 ноября 1930 г.

Посылаю Вам мои замечания к В[ашему] письму. Если бы они были для Вас приемлемы, – это значительно могло бы улучшить использование этого документа в интересах партии. Без этой четкости и заостренности получается документ, который вряд ли удовлетворит партийное общественное мнение.

С коммунистическим приветом
(Ем. Ярославский)

Поправки тов. Ярославского

После слов:...[объективно же я давал возможность классовому врагу смотреть на этот подъем как на самоцель со всеми вытекающими отсюда выводами о крестьянской партии, и ее борьбе] с коммунистической партией и т. д.

Благодаря недостаточно большой бдительности и выдержке моей и др. членов НКЗ объективно Кондратьевы использовали аппарат НКЗ во вредительских целях, в целях провидения своей бурж.реставрац. пропаганды. С этой точки зрения я должен признать бесспорно правильным и те упреки, которые делались по моему адресу «Правдой» в связи с тем, что я дал неблагоприят-

ный отзыв о книге Кондратьева, а также правильным ряд указаний, делавшихся мне в период дискуссии о «Народной Воле». – именно указания на то, что я делал, слишком далеко идущие аналогии народовольчества с большевизмом, тем самым давая повод к обвинениям меня, что я смазываю принцип. Разницу между народничеством и большевизмом, представляющими идеологии разных классов.

После слов... [В годы 1923–1927 я сделал вторую ошибку] о чем писал выше.

Несомненно, что обе мои ошибки – и в 1917 г., и в период моей работы в НКЗ, партия вправе квалифицировать, как правооппортунистические.

В конце, после слов... [Признавая эти обе ошибки, я надеюсь, что имею моральное право сказать, что ни о чем другом не думаю, как о возможности отдать все мои знания, силы и способности для торжества родной партии над полчищами ее врагов в труднейшую пору ее жизни и для победы] в деле строительства социализма.

Само собой разумеется, что я считаю своей обязанностью активно и решительно бороться против оппортунизма всякого рода, в том числе против главной опасности – правого оппортунизма, и хочу это доказать не на словах, а на деле.

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 7–8.

№ 12

И.А. Теодорович в Комфракцию Центрального Совета ОПК

16 ноября 1930 г.

Опубликованные Советской Властью за последние время материалы по делам Трудовой Крестьянской партии и промышленной партии рисуют ужасную картину гнуснейшей измены делу рабочего класса со стороны известной части специалистов: инженеров, техников, агрономов, экономистов и т. д. В яростной ненависти к пролетариату, победоносного борющегося за свое окончательное освобождение, эти люди мечтали о том, как под-

готоввяемая ими империалистическая интервенция зальет кровью нашу страну и восстановит господство помещиков и капиталистов; эти люди отдавали свои знания и дарования делу подлейшего вредительства, отражая интересы империалистов, нэпманов, кулачества и т. п. Ныне их каинова работа разоблачена, они сознались в своих преступлениях и преданы пролетарскому суду.

В годы с 1923 по 1927 включительно я стоял председателем Земплана Наркомзема РСФСР. На этом посту мне приходилось по самой сути работы этого учреждения иметь дело с квалифицированными специалистами, – агрономами, землеустроителями, экономистами с пресловутым Кондратьевым во главе. В основу своего отношения к ним я положил указания Ленина: «задача коммунистов подходить к специалистам науки и техники чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор» (XVIII, 88). В своем сотрудничестве со специалистами я всегда руководился надеждой, что многих из них рано или поздно увижу в лагере пролетариата. Конечно, я изо дня в день наблюдал их колебания от сомнений к примирению, но я надеялся, что в конце концов факты возьмут свое, – такие факты, как успехи нашего социалистического строительства, нашей политики и стратегии.

Жизнь показала, что в этом отношении я ошибся самым жестоким, самым роковым образом. Те специалисты, которых я считал добросовестными, на деле оказались тягчайшими преступниками, врагами рабочего класса и беднейших крестьян.

Когда партия вводила новую экономическую политику, Ленин предостерегал всех нас насчет опасностей НЭПа. Его знаменитые слова: «кто кого!» уже указывали на то, что классовый враг будет стараться использовать наш маневр в своих интересах. С теоретической точки зрения весь вопрос, таким образом, заострился на проблеме толкования сущности НЭПа, на определении границ НЭПа. Теперь я ясно вижу, что во время своего руководства Земпланом я допустил в этом направлении ошибку, толкуя расширительно, а, следовательно, неправильно идею Ленина об «использовании капитализма, как посредствующего звена между мелким производством и социализмом» («О продналоге» стр.21).

Этой моей ошибкой и воспользовался классовый враг. Конечно, субъективно я хотел максимальной степени успеха для нашего маневра, но объективно я давал возможность врагу попытаться начать свой маневр. Субъективно я смотрел на подъем индивидуального крестьянского хозяйства, как на средство, только средство для развития социалистической индустрии, о чем и писал все-

гда в своих брошюрах; объективно я давал возможность классовому врагу смотреть на этот подъем, как на самоцель со всеми вытекающими отсюда выводами о крестьянской партии, о ее борьбе с коммунистической партией и т. д.

Правильным истолкованием НЭПа партия разбила маневр врага, предотвратила страшнейшую опасность, угрожавшую диктатуре. Лично я предостережение от партии получил в январе 1928 г., когда был снят с поста председателя Земплана, а назначен генеральным секретарем Крестинтерна с оставлением в должности директора Международного Аграрного Института. Разумеется, я понял урок, данный мне партией. В течении трех последних лет я, с одной стороны, не привлек к работе в руководимых мною учреждениях никого из специалистов, ранее работавших со мною совместно, ибо учел указанную мне партией невозможность безоговорочного к ним доверия, – а с другой стороны, я увидел глубочайшую правильность генеральной линии партии и все три последних года активнейшим образом боролся за победу этой линии (Созыв Европейского крестьянского конгресса, платформа его, основанная на базе генеральной линии партии, статьи в «Аграрных проблемах», речи в Коминтерне, на пленумах ИККИ и т. д. и т. п.)

Я отдал партии 35 лет жизни; 17 лет в общей сложности я провел на каторге, в тюрьме и ссылке за то, что был членом партии. Субъективно я всегда служил делу партии. Но с большой горестью должен констатировать, что иногда мои взгляды не совпадали с линией партии. Так, в октябре 1917 года, я ошибочно находил, что наша страна не подготовлена к тому, чтоб стать застрельщиком социалистического переворота. Правда я не боролся за торжество своего тогдашнего взгляда, ибо я, как большевик, беспрекословно привык подчиняться партийной дисциплине. Но я понимаю, что в такие моменты недопустимо даже расхождение лишь во взглядах, а уж, конечно, не в действиях. В годы 1923–1927 я сделал вторую крупную ошибку, я надеюсь, что имею моральное право сказать, что ни о чем другом не думаю, как о возможности отдать все мои знания, силы и способности для торжества родной партии над полчищами ее врагов в труднейшую пору ее жизни и для победы в деле строительства социализма.

16.XI.1930 И. Теодорович

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 2–2об.

№ 13

Ем. М. Ярославский И.А. Теодоровичу

18 ноября 1930 г.

Копия

Тов. Теодорович, вычеркиваю места по совету т. Сталина, который правильно считает, что нам не следует писать, будто ЦК нашей партии назначает на посты международной организации, созывает международные конгрессы и т. д. Остальное приемлемо. Советую вам пойти на заседание фракции Президиума О-ва и объясниться с товарищами по большевистски.

С коммунистическим приветом
(Ем. Ярославский)

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 6.

№ 14

Ем. М. Ярославский Я.Б. Шумятскому

18 ноября 1930 г.

Тов. Шумятский!

Я за то, чтобы И. А. [Теодорович] был на заседании фракции и объяснился. Конечно, его письменное заявление есть факт, с которым нельзя не считаться. Я послал его т. Сталину. Тов. Сталин считает, что его надо опубликовать в «Правде». Выводить его после этого заявления из Президиума, по моему, не следует.

18.XI.1930 Ем. Ярославский

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 5.

Следственное дело И.А. Теодоровича

Публикуются отрывки из следственного дела № 20581 по обвинению Ивана Адольфовича Теодоровича. Арестованный 11 июля 1937 г., 20 сентября 1937 г. он был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни и в тот же день расстрелян. Реабилитирован Военной коллегией Верховного Суда

СССР 11 апреля 1956 г. Следственное дело состоит из двух томов. Ниже следуют отрывки из первого тома. Второй том был недоступен.

№ 15

Справка начальника спецотделения 4 отдела ГУГБ Эдельмана
об агентурных и следственных материалах ГУГБ НКВД
о И.А. Теодоровиче

19 февраля 1937 г.

Агентурными и следственными данными ГУГБ И.А. Теодорович изображается как активный участник антисоветской организацией правых.

Арестованный Кушнер показал:

«Из лиц, в разное время работавших на руководящих постах в системе земельных органов, мне известны, как убежденные правые, сохранившие и скрывшие свои правые убеждения после разоблачения правых в 1929 году: [...] Теодорович И.А.»

(Из показания Кушнера от 7 февраля 1937 г.)

Арестованный Куликов показывает о Т[еодоровиче], как об активном участнике орг[анизации] правых:

«Со всеми этими участниками организации правых (Угланов, Смирнов А.П., Шмидт, Теодорович) на протяжении ряда лет (1928–1935 гг.) в тот или иной период времени я поддерживал непосредственную организационную связь. Во главе орг. правых стоял Всесоюзный Центр. В 1930–1931 гг. я и Угланов неоднократно бывали на даче в Серебрянном Беру у Смирнова А.П.

До время наших встреч мы обсуждали вопросы, связанные с деятельностью нашей орг[анизацией].

Смирнов А.П. был связан непосредственно с центром орг[анизации] через Угланова, Шмидта; Теодорович также входил в нашу орг[анизацию] и был связан со Смирновым А.П.»

(Из показания Куликова Л.Б. от 10 сентября 1936 г.)

Арестованный Сапожников показывает, что в 1932 г. он имел встречу с Т[еодоровичем], который давал ему – Сапожникову – оценку правых о политическом положении страны, как устойчивой.

«Осенью 1932 г. в Кисловодске я имел к-р. встречи и разговоры с И. А. Т[еодоровичем]. Т[еодорович] был правым и разделял мои к-р. Высказывания о “кризисном положении хозяйства” и о

“гибельности” политики партии, со своей стороны Т[еодорович] говорил о том, что “смычка” лопнула и что началась “борьба между рабочим и крестьянином за кусок хлеба”».

(Из показания Сапожникова от [?] декабря 1936 г.)

По показании Куликова, Т[еодорович] в 1934 г. являлся участником орг[анизации].

«В 1934 году, будучи на курорте в Ессентуках я имел ряд встреч с Т[еодоровичем], во время которых было совершенно очевидно, что он – Т[еодорович] – остается участником орг[анизации] правых.»

(По показаниям Куликова от 10 сентября 1936 г.)

По агентурным данным известно, что Т[еодорович] поддержал организационную связь с Невским В.И. вплоть до ареста Невского и до последнего времени резко враждебно высказывается в отношении партийного рук[оводства] и распространяет контр-реш[олюционную] клевету в отношении тов. Сталина:

«Сталин окружил себя недостойными людьми, так называемыми соратниками, выдавая их за ленинское руководство».

По поводу проекта новой Конституции, Т[еодорович] заявлял: «Нынешнее руководство ВКП(б) под знаменем Ленина дарит массам лживую скроенную на буржуазный манер Конституцию».

В своей квартире Т[еодорович] запрещает членам своей семьи вывешивать портреты руководителей партии.

[краткие данные личности и адрес Теодоровича]

Арест – обыск

Нач[альник] спецотделения 4 отдела ГУГБ – капитан госбез-оп[асности]

Эдельман

«[?]» февраль 1937 года

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 1–3. Машинописный документ.

№ 16

Ордер № 2305 ГУГБ НКВД СССР на ареста И.А. Теодоровича
11 июня 1937 г.

СССР
НКВД ГУГБ
Ордер № 2305
Июль 11. 1937

Выдан ст. лейтенанту УГБ НКВД Матусову на производство ареста и обыска Теодоровича И.А..

- 1.) Ул. Горького д. 22 кв. 12.
  - 2.) Дача – Николина гора
- [подпись неразборчивая]

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 4. Машинописный документ

№ 17

Протокол обыска у И.А. Теодоровича
После 11 июня 1937 г.

[...]

по улице дачи Николина гора

При обыске присутствовали: Комендант гр. Хапий

- 1.) Паспорт [...]
- 2.) Партийный билет [...]
- 3.) маузер [...]
- 4.) наган [...]
- 5.) разных старых документов 8 штук
- 6.) мелкокалиберная винтовка [...]
- 7.) список ВЦКК
- 8.) патрон [...]
- 9.) блокнотов – 2 шт[уки]
- 10.) письма при Теодоровиче – 3 пачки
- 11.) ручные переписки – одна пачка
- 12.) письма Троцкого из Константинополя дат. 4 июня 1929 г.
(копия отпечатана на машинке)
- 13.) заявление Шляпникова от 1922 г. на 36 листах (материал напечатан на машинке)
- 14.) Троцкистские документы о заглавлении на новом этапе печатаны на машинке на 10 листах

15.) документы относящиеся к дискуссии всесоюзного выступления Зиновьева, Смирнова отпечатаны на машинке на 31ом листах

16.) блокнот-один

17.) протокол обыска ГПУ Белоруссии гражданки Пугинской найден у домраб[отницы] Котовской Т.И.

18.) перевод Форверс № 122

19.) портрет меньшевика Чхеидзе

20.) подлинник письма Ленина на 18 листах

21.) подлинник документа с подписью т. Сталина

22.) переписка служебная секретного характера относящаяся к периоду 1920 г.

23.) портреты королей и Николая Царя по словам Теодоровича из книги «Война [19]14 года”

[подписи]

Дополнение

24.) дело процесса 1го марта 1882 г.

25.) исповедь агента ОГПУ издание Праги

26.) конец русского царизма

27.) инструкция охранных отдел. орг. наружного наблюдения

[следуют квитанции об оружиях]

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 5–10.

№ 18

Анкета арестованного И.А. Теодоровича

[Не позже 18 июля 1937 г.]

Анкета арестованного

[...]

4.) Место рождения: г. Смоленск

5.) Место жительства: Проезд худож. Театра д. 1, кв. 12

6.) Профессия: Профессиональный революционер

7.) Место службы: литературная работа

8.) [...]

9.) Отец – железнодорожный техник

10.) профессиональный революционер/советская работа и литературный труд

- 11.) образование: кончил университет
- 12.) [...]
- 13.) Национальность: Белорусс
- 14.) [...]
- 15.) [...]
- 16.) [...]
- 17.) Состав семьи: жена – домашняя хозяйка; Сын – Игорь, ученик; Сын – Константин, художник; Дочь – Нина Ивановна Казанская (адреса детей точно не помнит)

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 11. На документе штамп: «По картотеке 8 отдела ГУГБ НКВД сведений нет. 18 июня 1937.»

№ 19

Выписка из протокола допроса
Ковалева Александра Васильевича о И.А. Теодоровиче
31 мая 1937 г.

Тов. Матусову¹

Выписка из протокола допроса Ковалева Александра Васильевича, произведенного в 4-ом отделе УНКВД по М[осковской] О[бласти] 26 мая 1937 г.

Вопрос: Кто вам известен из участников к. р. организации правых?

Ответ: Мне известно, что участником к. р. организации правых являлся Теодорович – работавший тогда зам. председ. Земплана, на которого мне Смирнов А.П. указал как на человека, с которым я должен держать связь по вопросам моей практической работы как участника организации. О том, что я вовлечен в состав участников организации Смирнова².

Вопрос: Вы подробно показывая о своей прошлой к.р. деятельности, скрываете от следствия известных вам участников центра правых в земельных органах. Следствие настаивает на правдивых показаниях по этому вопросу.

Ответ: Да признаю, что мне известны некоторые члены центра правых в системе земельных органов. До 1930 г. членами центра

---

¹ Написано чернилами от руки.

² Эта глава отмечена карандашом.

правых мне были известны Смирнов А.П., которым я был вовлечен в состав организации, Теодорович – През. Земплана.

Верно: [подписи не разборчивы]

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 26. Машинописный текст.

№ 20

Заявление арестованного И.А. Теодоровича
НКВД СССР Н.И. Ежову

10 июля 1937 г.

НКВД СССР
Ежову Н.И.

От арестованного И.А. Теодоровича

Заявление

Желая быть искренним и искупить свою вину перед ВКП(б) и Советской Власти.

Я хочу откровенно рассказать вам о моей преступной деятельности против партии, которую я вел с 1928 г. по день ареста.

Я являюсь участником законспирированной контрреволюционной организации правых, в которую вступил в 1928 г., работая в это время генеральным секретарем Крестинтерна.

Вступил я в организацию правых под влиянием А.П. Смирнова и той среды буржуазных специалистов, с которыми я работал в Наркомземе РСФСР (Кондратьев, Макаров, Гелинцев и др.)

По своей антисоветской деятельности я в различных этапах был связан организационно со следующими лицами: А.П. Смирновым, А.И. Свидерским, М.И. Лацисом, К.Д. Савченко, В.Г. Яковенко, Воробьевым, Ю. Стекловом, Невским, Лебедевым-Полянским.

Подробные показания о моей и других контрреволюционных деятельности я дам дополнительно.

10.VII.1937

Ив. Теодорович

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 44. Заявление написано от руки

№ 21

Протокол допроса Ивана Адольфовича Теодоровича
28 июля 1937 г.

НКВД ГУВД

Протокол допроса

[...]

12.) Высший московский университет, физико-математический факультет, 1900 года окончил.

[...]

17.) На каторге и ссылке был 17 лет.

18.) Был в партизанском отряде северно-капского фронта, Кучеровский отряд.

[...]

20.) работал в подполье, затем на советских работах Наркомпрода, Наркомзема, центральным секретарем Крестинтерна

Протокол допроса Ивана Адольфовича Теодоровича

Теодорович И.А. 1875 г. рож[дения] уроженец гор[ода] Смоленска, быв[ший] член ВКП(б) с 1895, последнее время пенсионер.

Вопрос: Признав свое участие в деятельности антисоветской организации правых, Вы заявили о готовности делать откровенные показания по существу вашей работы в этой организации.

Ответ: Да я намерен, как и писал в своем заявлении, подробно изложить следствию все факты моей контрреволюционной деятельности как одного из активных участников организации правых.

Вопрос: К какому периоду относится начало вашей антисоветской деятельности?

Ответ: Участником организации правых я стал не сразу. Моему вступлению в нее предшествовал определенный период внутренних колебаний нарастающего недовольствия политикой ВКП(б). Прежде чем ответить на ваш вопрос, хотелось бы остановиться на причинах толкнувших меня в контрреволюционную трясину.

С 1920 по 1927 года, я работал в Наркомземе РСФСР в должности председателя Земплана и заместителя Наркома.

С весны 1921 года, партия ввела НЭП. Я тогда неправильно понимал политику НЭПа. Отсюда у меня пошло срвершенно не-

допустимое доверие к буржуазным специалистам. Потеря бдительности, соединения с превратным пониманием слов Ленина «в серьез и надолго», повлекли за собой то, что, когда партия взяла курс тяжело ударить по сельскому хозяйству и в конечном счете подорвет базу индустриализации. Отсюда вытекла моя вторая глубочайшая ошибка.

При планировании сельско-хозяйственной пятилетки я не заметил, как народнические и буржуазные специалисты сознательно занижали темпы развития сельского хозяйства и больше того — я сознательно считал их показательно верными.

В конце 1927 года или в самом начале 1928 года, вся коллегия Наркомзема, во главе с Наркомом А.П. Смирновым, была от работы отстранена, как объявил нам тогда А.П. Смирнов, произошло это потому, что ЦК партии признал наши показатели в плане несостоятельными. Объяснение это давал А.П. Смирнов на особом им созванном собрании Коллегии, днем, в своем кабинете, причем секретарь его Шумельгорн был Смирновым уделен из кабинета. На собрании, носившем уже тогда фракционный характер, присутствовали А.П. Смирнов, А.И. Свидерский, К.Д. Савченко, М.П. Козырев и еще какой-то член коллегии от крестьян, фамилию я забыл, кажется, наверно, Извеков.

Изложив официально причину нашего снятия и коллегии в целом, Смирнов, крайне возволнованный и нервно стучал кулаками по столу, кричал, что ЦК в целом, и Сталин в особенности, ничего не понимают в сельском хозяйстве, губят его, обижают середка, потакают лодырям беднякам и т. д. Его горячо поддерживали А.И. Свидерский и К.Д. Савченко. Хотя в это время мои личные отношения с А.П. Смирновым были натянутые, хотя мне было ясно, что в нем уязвлено крайне разбитое в нем чувство честолюбия и самолюбия, но я не выступил против него, ибо и сам думал, что ЦК делает ошибку. Нужно прямо заявить, что присутствующие тогда на этом совещании солидаризировались с взглядами А.П. Смирнова.

Вопрос: А теперь ответьте по существу вопроса, когда вы вступали в организацию и кто вас в нее завербовал?

Ответ: В 1928 году я переодически бывал у А.П. Смирнова в ЦК ВКП(б), где он в это время работал и у него на квартире, куда он обычно вызывал меня телефонным звонком. «Как живешь, старина?» спрашивал А.П. Смирнов, а затем обычно переходил к нападкам, резко и озлобленными на политику ЦК, на «сверхиндустриализацию», как он выражался.

Главное вижу в проведении неправильной политики в разговорах со мной, он возглавлял на Сталина и Молотова, причем говорил все это он в крайне враждебном духе¹. Выход из «критического» состояния страны и притом единственный, Смирнов видел в «смене руководства», в частности в смене Сталина и Молотова². Причем в выборе средства для этой цели, Смирнов рекомендовал не стесняться³. В это время, как я уже показал, я сам был перепуган теми «перегибами», в ходе коллективизации, которые приписывались линии партии. Я так же, как и Смирнов, выход видел в изменении политики ВКП(б) и смене партийного руководства. В одной из таких бесед, у Смирнова в кабинете, он после долгих [?] моих взглядов, предложил мне вступить в уже существующую организацию правых, на что я дал свое согласие⁴.

Вопрос: Назовите известных вам участников организации правых.

Ответ: Как участники организации правых мне известны: Свидерский А.И., Лацис М.И., Савченко В.Г., Яковенко, Воробьев, Ю. Стеклов, Невский В.И. и Сапожников⁵.

Вопрос: Откуда вам известно принадлежность вышеуказанных лиц к антисоветской организации правых?

Ответ: С этими я находился в непосредственной организационной связи⁶. Ниже, фактическими данными о каждом из них в отдельности я это подтверждаю.

Вопрос: Давайте по порядку.

Ответ: Савченко В.Г. был член Коллегии Наркомзема, при Смирнове⁷, о нем я уже напоминал в связи с нелегальным сборищем проводившемся в кабинете Смирнова в 1927 г. Со слов Смирнова я узнал, что Савченко является участником организации правых. В беседах со мной в течении всех лет нашего знакомства, Савченко с крайне правых позиций критиковал политику и руководство ВКП(б). Со слов самого Савченко и А.П. Смирнова я узнал, что Савченко в своей практической работе в Наркомземе, ведет вредительскую работу. В детали этой его деятельности я посвящен не был.

---

¹ Подчеркнуто карандашом.

² Подчеркнуто карандашом.

³ Подчеркнуто карандашом.

⁴ Подчеркнуто карандашом.

⁵ В оригинале подчеркнуто коричневым карандашом.

⁶ Подчеркнуто ручкой и дважды подчеркнуто сбоку.

⁷ В тексте все имена напечатаны крупным шрифтом.

Вопрос: Это все, что вам известно о Савченко?

Ответ: В основном это все, что я о нем знаю.

Вопрос: Переходите к следующему.

Ответ: Свидерский А.И. бывший член Коллегии Наркомзема. О нем также уже говорил в начале допроса. Свидерский по линии организации был связан со мной и Смирновым. Совместно с Савченко, Свидерский по заданиям А.П. Смирнова, вел подрывную деятельность в системе Наркомзема. Теперь разрешите перейти к Яковенко.

Яковенко бывший руководитель партизанских отрядов в Сибири. Знаю его из давна, связался с ним в 1929 году по прямому предложению А.П. Смирнова. Яковенко в это время служил в Секретариате в ВЦИК по принятию прошений на имя М.И. Калинина. В.Г. Яковенко, уже раньше обиженный тем, что его сняли с поста Наркомзема, в беседах со мной резко обрушивался на ЦК партии, особенно на Сталина, говоря, что курс на индустриализацию и коллективизацию губит страну, причем аргументировал он это прошениями крестьян, которые он читал в секретариате ЦИК. По его словам, в этих письмах крестьяни якобы описывали «ужасы» коллективизации и «бедственное положение деревни». Ряд такого рода писем он давал читать своим близким.

Направляя меня к Яковенко, Смирнов указал, что последний является большим авторитетом в партизанской среде и что нашей организации необходимо через него будировать партизанскую массу. Впоследствии, примерно в 1930¹ г., Яковенко говорил, что из партизан им создана организация готовая в любую минуту по сигналу выступить против ЦК.??²

Вопрос: Как одного из участников организации правых вы называли Лациса. О каком Лацисе идет речь?

Ответ: Лацис, бывший работник НКВД, с ним как участником организации я был связан до 1930 г. включительно. В беседах со мной происходивших наедине, Лацис в резко контрреволюционном духе критиковал руководство ВКП(б).

Вопрос: Как участника организации вы называли также Невского В.И. [...]

Ответ: С Невским я был лично организационно связан до момента его ареста. Периодически мы с ним встречались в редакции

---

¹ Теодорович сам исправил дату с 1933 года на 1930 год. Левая строчка подписана: *Ив. Т.*

² Подчеркнуто коричневым карандашом с двумя вопросительными знаками.

журнала «Каторга и ссылка», где я работал по ликвидации Общества палиткаторжан. Невский, как мне известно, с его собственных слов, был непосредственно связан с центром организации в лице Бухарина, Рыкова и Томского. Я также знал, что Невским создана группа из его учеников, которая в организации ведет активную работу. Из участников этой группы я знаю Парадизова. Невский, пожалуй озлобленный из всех мною указанных участников организации. Он не мог без ненависти говорить о руководителях ВКП(б)¹. Каждую статью советской печати, где говорилось о наших достижениях, он иначе как лексикой не называл. Невский в беседе со мной в 1933 г. высказывал мысль о необходимости устранения Сталина «любым путем и способом». Невский связан с Ю. Стекловым. Последний также резко антисоветски настроен. По поводу переделки статьи о Бакунине, которую он написал в 1934 году, Стеклов заявил: «Я думал², что хоть в редакции журнала Общества политкаторжан сидят независимые люди, а теперь я убедился, что они ничем не отличаются от тех “молочников”, находящихся у власти, которые душат в СССР свободную мысль.» Стеклов всегда резко нападал на руководство ВКП(б) и правительство. Нужно вообще отметить, что среди в Обществе политкаторжан способствовали подобного рода откровенным антисоветским высказываниям.

Вопрос: Выше вы показали, что участниками организации являются Воробьев и Сапожников. Дайте подробные показания о их роли в организации.

Ответ: С Воробьевым я познакомился в 1932 или в 1933 году в Кисловодске в санатории «Десятилетие Октября». Работал он в это время директором Главтабака. Вскоре после знакомства в одной беседе Воробьев по поводу моей статьи в «Правде» с признанием ошибок в работе, бросил мне упрек, назвав «аллилуйщиком». На мое заявление о том, что статья не говорит о моих действительных взглядах, Воробьев зло и насмешливо заявил, что старые большевики ведут себя позорно, не протестуя открыто и прямо против партийного «режима», который он считает нетерпимым. В этой беседе Воробьев клеветал в отношении Сталина. Из разговоров Воробьева я понял, что он связан с организацией и что у него имеются единомышленники.

---

¹ Подчеркнуто коричневым карандашом.

² Исправлено с *думаю* на *думал* таким же карандашом, как и подпись Теодоровича.

С Сапожниковым впервые познакомился в 1932 году в г. Кишловодске. Сапожников был осведомлен о моем участии в организации. Это нас с самого начала сблизило. В беседах, происходивших между нами, мы оба резко враждебно высказывались по поводу политики ВКП(б), клеветали в отношении партийного руководства.

Вопрос: Это все, что вам известно о составе организации?

Ответ: Всех известных мне участников организации я уже назвал. Хочу также указать следствию на лиц, хотя и не примыкавших к нашей организации, но по своим убеждениям безусловно являющихся правыми.

Вопрос: Укажите их?

Ответ: К этой категории целиком я отношу старого большевика Лебедева-Полянского, бывшего ректора зоотехнического института В.Н. Соколова, старого большевика Я. Шумяцкого и бывшего советника при Гоминдане Бородина.

Вопрос: Какими фактами вы располагаете, утверждая, что вышеназванные являются правыми?

Ответ: Я постараюсь вкратце изложить все существенное, касающееся этих лиц, из чего вы убедитесь в правоте моих слов.

Вопрос: Приступайте к изложению фактов.

Ответ: В.Н. Соколов до 1931 года был ректором зоотехнического института, парторганизация этого института проработала его за правый уклон, и он был снят с ректорства. В одном разговоре со мной он с возмущением говорил: «Эти люди довели меня почти до самоубийства – я еле сдержался, чтобы не кончить с собой, а происходит это потому, что партийный режим несносен.» Этот разговор происходил в 1931 г.. Кроме этой беседы у меня с ним были и другие (Соколова я видел на редакционных собраниях издательства политкаторжан), смысл этих разговоров всегда сводился к критике партийного режима.

Шумяцкий в 1930 г. или в 1931 г. выпустил брошюру «Закалонные в борьбе», в которой между прочим расхвалил меня и Ф.Я. Кона. Встретившись с ним я смеясь сказал: «Как это вы осмелились хвалить меня, человека – известного всем, как правого уклониста?». На это он мне ответил: «Я вас особенно уважаю, за то, что вы как многие не присмыкаетесь.»

На Николиной Горе я встретил Бородина (имя и отчество не знаю). Знал я его, как «Кирилла Рижского», бывшего делегата в 1906 г. на Стокгольмском съезде партии¹. При встрече установили,

---

¹ Отмечено оранжевым карандашом.

что мы знакомы. Это было в момент, когда мне особенно жестко обидели в издательстве «Академия». Я стал жаловаться Бородину. Выслушив меня он сказал (помню буквально, ибо разговор был недавний – в мае сего года): «Давно сказано, что Россия страна неограниченных возможностей. У нас все может случиться. Нечего удивляться, надо быть готовым ко всему.» Так как с моей стороны разговор велся во враждебном тоне, то его фразу я не могу толковать иначе, как выражением мне¹ сочувствия. Кроме того, рассказывая о своем прошлом (здесь я впервые узнал, что «Кирилл Рижский» и «Бородин» – одно и то же лицо), он дал мне понять, что недоволен и обижен тем, что он играет уже той большой роли, какую играл в Китае. В настоящее время Бородин работает в московской английской газете.

Вопрос: Следствию известно, что вы непосредственно были связаны с членом Московского центра правых Куликовым Е.Ф.

Ответ: Признаю, что с Куликовым у меня действительно были встречи во время которых мы оба с крайне враждебными позициями критиковали политику и руководство ВКП(б). Последний раз я виделся с ним в 1933 году на лестнице публичной библиотеки им. В.И. Ленина. Заявляю, что мои встречи с Куликовым носили эпизодический характер. Я знал, что Куликов «углановец». О том, что он входит в Московский центр правых мне не было известно.

Вопрос: Вы также скрыли от следствия свою связь с Каменевым Л.Б. Требуем откровенного ответа по поводу характера вашей связи с ним.

Ответ: Я не отрицаю, что в беседах с Каменевым, происходивших в 1933–1934 гг. в помещении издательства «Академия» в служебном кабинете Каменева я высказывался в контрреволюционном духе.

Вопрос: Вы хотите вашу организационную связь с Каменевым представить как «разговорчики», это вам сделать не удастся.

Ответ: Я категорически утверждаю, что с Каменевым я организационно связан никогда не был и не знал о его деятельности.

Вопрос: Вы дали показания о составе организации, но ничего не сказали о ее задачах и деятельности.

Ответ: Основной задачей организации, как мне ее неоднократно формулировал А.П. Смирнов, являлось устранение руководства ВКП(б).

---

¹ Слово *мои* изменено Теодоровичем на слово *мне*.

Вопрос: Каким путем?

Ответ: Смирнов никогда этого вопроса не уточнял. Он только, как я выше показывал, предлагал « в средствах не стесняться»¹

Вопрос: Вы только частично ответили на наш вопрос². Расскажите какую практическую работу вела ваша организация?

Ответ: Ведь я по этому поводу говорил. Организация вела вербовку удиномышленников.

Вопрос: Только в этом заключалась ее деятельность?

Ответ: Это то, что мне по крайней мере известно.

Вопрос: Вы говорите неправду. Нам известно, что вы были в курсе деятельности организации.

Ответ: Прошу учесть, что мой возраст и образ жизни (редко бывал в Москве), не позволял мне многое знать и лично принимать участие в работе организации.

Вопрос: В течении трех недель, которые вы находитесь под арестом, вы пытаетесь заведомо ложными аргументами ввести в заблуждение следствие. Вам это не удастся. Еще раз предлагаем говорить правду.

Ответ: Это все, что я знаю по интересующим следствие вопросам. Я не лгу и от вас ничего не утаиваю. Протокол записан с моих слов правильно, в чем и расписываюсь.

Теодорович

Допросили

Пом. нач. 2 отделения 4 отдела ГУГБ ст. лейтенант Госбезопасности: Матусов

Сотрудник резерва: Бидкевич

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 12–25. Анкета заполнена от руки, допрос написан на машинке. На каждом листе подпись Теодоровича.

---

¹ Подчеркнуто карандашом.

² Из этого следует, что допрос проводился как минимум двумя людьми.

№ 22

Обвинительное Заключение по следственную делу № 10581
по обвинению И.А. Теодоровича

16 августа 1937 г.

Утверждаю

Нач. 4 отдела ГУГБ ст. Майор Госуд. Безопасности

Литвин¹

16 августа 1937 года

Утверждаю²

Прокурор Союза СССР

Вышинский³

15 сентября 1937 года

Обвинительное Заключение

по след. делу № 10581 по обвинению Т. И. А.

в преступлении, предусмотренных ст. ст. 58–8–10–11 УК

Данным, добытыми в процессе следствия над участниками антисов. орг. правых 4 отделом ГУГБ было установлено, что одним из активных участников этой организации является Т. И. А.. На этом основании Т. И. А. был арестован.

Проведенным по делу следствием установлено, что в антисоветскую организацию правых Т. был завербован бывшим Наркомземом РСФСР Смирновым А.П.⁴ в 1926 году.

Т. И. А. будучи связан с рядом членов антисоветской организации правых, в беседах с нами резко критиковал политику ВКП(б), клеветал на руководителей партии правительства, высказывал террористические настроения, вполне солидаризируясь с установками Смирнова А.П. о необходимости смены руководства ВКП(б) «любыми средствами».

---

¹ Подпись и дата синим карандашом, также как и галочки в протоколе допроса Теодоровича (см. документ № 21) были написаны тем же карандашом.

² Написано от руки.

³ Подпись и дата написаны оранжевым карандашом. Этим же карандашом были сделаны отметки в протоколе допроса Теодоровича (см. документ № 21). Тем же карандашом в протоколе допроса Теодоровича было сделано боковое подчеркивание. Вышинский перенумеровал страницы 1 и 2, из чего следует, что он прочел весь документ.

⁴ Подчеркнуто чернилами.

На основании изложенного обвиняется:

Т. И. А., 1875 года рож., уроженец гор. Смоленска, Белорусс, гр. СССР, литератор¹, с высшим образованием, бывший член ВКП(б) с 1885 года, исключен в связи с арестом, – в том, что являлся активным участником антисоветской террористической организации правых, клеветал на руководителей партии и правительства, признавая правильной политику террора в отношении руководства ВКП(б).

Виновным в предъявленном обвинении себя признал.

Следственное дело № 10581 по обвинению Т. И. А. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–8–10–11 УК направит на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР, согласно закона от 1 декабря 1934 г.

Сотрудник 4 отдела ГУГБ – мл. лейтенант Государственной Безопасности

Поташник²

Согласен помощник начальника 2 отдела 4 отдела ГУГБ [...]

Матусов³

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 27–28. Машинописный документ.

№ 23

Справка о расстреле И.А. Теодоровича

26 сентября 1937 г.

Справка

Приговор о расстреле Т. И. А. приведен в исполнение в гор. Москве 20 сентября 1937 г.

Акт о приведении приговора в исполнение хранится в 1 спецотделе НКВД СССР том № 2 лист № 287.

Начальник 12 отделения спецотдела НКВД СССР лейтенант Госбезопасности

Шебелев⁴

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 34. Машинописный текст.

---

¹ Подчеркнуто чернилами.

² Подписано чернилами.

³ Подписано карандашом.

⁴ Подписано зеленой ручкой.

№ 24

Письмо прокурора В. Борисоглебского
дочери И.А. Теодоровича Н.И. Казанской

5 января 1965 г.

5 января 1965 г.

№ 0014/56

Казанской Нине Ивановне,

О смерти ее отца Теодоровича Ивана Адольфовича сообщаю,
что Теодорович И.А. был осужден ВК Верховного Суда СССР
20.9.1937 г. и отбывал наказание, умер 13 февраля 1940 г.

Гражданка Казанская Н.И. проживает по адресу г. Москва, ул.
Алексея Толстого, дом 26, кв. 31

9.1.1956

В. Борисоглебский

ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42. Л. 44. Машинописный текст.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы

АПРФ Архив Президента Российской Федерации

Корба-Прибылева А.П., Ковальская Е.Н., Прибылев А., Бибергаль А., Тючев Н., Панкратов В., Аптекман О.В., Майнов И. Во ВЦИК (после августа 1922 года) // АПРФ (больше нет данных) [в отрывках опубликовано // Судебный процесс (2002). – С. 828.]

Фигнер В., Фроленко М., Ашенбреннер М., Якимова-Диковская А., Шейбалин М., Иванова-Борейшо С., Чернавский М., Сазин М., Фигнер-Саулина Евгения, Топоркова-Горева А. А., Дрей М., Геденовский А., Коган-Бернштейн Н., Моисей Б., Бах А., Ергин А. (одна фамилия неразборчиво «К?»): Во ВЦИК после 7.8.1922 года // АПРФ (больше нет данных) [в отрывках опубликовано // Судебный процесс (2002). – С. 828.]

ГАРФ Государственный архив Российской Федерации

Андреев Андрей Николаевич (1882[–1962]) // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 1–28.

Виленский-Сибиряков В.Д. Личное дело // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 348.

Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич. Личное дело 12.03.1921–1.07.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 348. Л. 1–41.

Виленский-Сибиряков В.Д. Мели Емеля – твоя неделя. По поводу воспоминания Ем. Ярославского «О февральской революции в Якутске (май 1926)» // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 15. Л. 1–8.

Виленский-Сибиряков В.Д. Где корни предательства Чан Кайши? О китайской революции. – М., 1927.

Виленский-Сибиряков В.Д. Во Фракции ЦС ОПК (от 10.10.1927) // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 179.

Виленский-Сибиряков В.Д. «Якутская ссылка перед Октябрем» // Протокол 12 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 10.10.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 175.

«Всем бывшим политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам. Циркуляр». 1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 1.

Выписка из протокола 5 заседания конфликтной комиссии 6.9.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2555. Л. 120.

Выписка из протокола 12/43 Бюро Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 4.12.1926 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 76.

Дело № 4888 по обвинению Рачинского Сигизмунда Густавовича по ст[атье] 58 п[ункт] 10 и 11 УК. // ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. Р 23029.

Доклад временно исполняющего должность нач[альника] разв[едки] МЧК, его пом[ощника] и Раз[???] 17, 19 и 13 тов[аришу] Пюкинену от 1.8.1921 // Дело В.А. Плескова, ГАРФ. Ф. 10035. Д. Р-37659. Л. 21.

Заявление Г.А. Азеева и Б.Я. Фрейдсона от 26.9.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 122.

Заключение комиссии Фракции ВКП(б) ЦС ОПК (от 30.09.1927) // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 153–156.

Заключение комиссии Фракции ВКП(б) президиума ЦС ОПК (от 30.9.1927) // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 153–158.

Жуковский-Жук И.И. Личное дело // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. Р-1043.

Ковальская-Солнцева Е.Н. В Президиум ОПК от 10.4.1933 // Ковальская-Солнцева Е.Н. Личное дело // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 900. Л. 57.

Материалы к протоколу расширенного заседания Фракции Президиума КС ОПК от 26.9.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 112–121.

[Материалы МКК. До 26.9.1927] // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 129–132.

Материалы о подготовке к 50-летнему юбилею «Народной воли» апрель 1924 – декабрь 1929 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 92. Л. 1–26 + 6.

Материалы пленумов ЦС научно-историко-исследовательских секций [ОПК]. Постановления, тезисы доклада о работе Бюро НИИС, декларация беспартийных членов ОПК и др[угих]. 1929–1935. // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–82.

Музей «КиС» // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 112. Л. 50.

Новомирский Д.И. Проект устава всероссийской лиги политических каторжан. Март 1920 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 1. Л. 6.

Об изменении в составе агитпропкомиссии, о переименовании агитпропкомиссии в культпропкомиссию и календарный план Культпропа на 1-й квартал 1933 [ОПК] // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

Общество изучения истории освободительного и революционного движения в России // ГАРФ, Р 6686. Ф. 533. Оп. 1. Д. 2, 1920.

Плесков В.А. Автобиография для биобиблиографического словаря ОПК от 2.5.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1560. Л. 106–111.

Положение о Бюро научно-историческо-исследовательских секций при Президиуме КС ОПК // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 84. Л. 22–22об.

Постановление по докладу т[оварища] Дубинского о работе на Электрозаводе Бюро Фракции ЦС от 11.6.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 85.

Постановление уполномоченного секретного отдела МЧК Карнелевича от 9.8.1921 по делу В.А. Плескова // *Дело В.А. Плескова*, ГАРФ. Ф. 10035. Д. Р-37659. Л. 22.

Андреев А.Н. В Совет ОПК от 13.4.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 13–14об.

- Андреев А.Н.* В ОПК от 16.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 2.
Материалы III Пленума ЦС ОПК от 5–19.4.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 4. Л. 1–195.
- Назаров С.И.* Во фракции ЦС ОПК [составленно между 8. и 13.4.1928 г.] // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 51–51об.
- Письмо во фракцию коммунистов ОПК (от 29.12.1925) // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 94–94об.
- Плесков В.А.* Личное д[ело] // ГАРФ. Ф. 10035. Д. Р-37659. Л. 1–22.
- Плесков В.А.* Моя автобиография от 4.2.1932 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1560. Л. 16–23.

Протоколы Президиума ВЦИК

- Протокол 55 заседания Президиума ВЦИК от 25.8.1921 // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 60. Л. 6, 56.

Протоколы пленарного заседания Всесоюзного совещания ОПК общего собрания Московского отделения ОПК в хронологическом порядке

- Протокол заседания учредителей ОПК в Москве // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 1. Л. 3.
- Протокол 3 (51) Пленарного заседания Всесоюзного Совещания ОПК от 15.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 87.
- Протокол 52 Пленарного заседания Всесоюзного Совещания ОПК от 16.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 89.
- Протокол 59 Пленарного заседания Всесоюзного Совещания ОПК от 20–22.11.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 91.
- Протокол 10/24 Общего Собрания членов Московского отделения ОПК от 20.11.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 49–49об.
- Протокол 10/24 Общего Собрания членов Московского отделения ОПК от 30.11.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 49–49об.

Протоколы коммунистической фракции разных комиссий ОПК в хронологическом порядке

- Протокол 1 заседания Фракции РКП(б) ОПК от 21.1.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 1–2.
- Протокол 2 заседания Фракции РКП(б) и Совета ОПК от 3.2.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 3–4.
- Протокол 6 заседания Фракции РКП(б) ОПК от 9.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 11.
- Протокол 3 заседания Фракции РКП(б) ОПК от 10.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 5.
- Протокол 7 заседания Фракции РКП(б) ОПК от 12.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 13–13об.
- Протокол 8 заседания Фракции РКП(б) 1-го Всероссийского съезда ОПК от 13.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 14–14об.
- Протокол 9 заседания Фракции РКП(б) 1-го Всероссийского съезда ОПК от 14.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 17–17об.
- Протокол 10 заседания Фракции РКП(б) 1-го Всероссийского съезда ОПК от 15.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 19–20об.

Протокол 11 заседания Фракции РКП(б) ОПК от 7.4.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 21.

Протокол 12 заседания Общего Собрания Фракции РКП(б) Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 2.11.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 24–25об.

Протокол 17 заседания Бюро Фракции РКП(б) ОПК от 8.4.1925 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 34–34об.

Протокол 21 заседания Фракции РКП(б) ОПК от 10.10.1925 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 40.

Протокол 23 заседания Бюро Фракции ЦС ОПК от 19.11.1925 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 41.

Протокол 9/23 Общего собрания Фракции ВКП(б) Московского Отделения Всесоюзного ОПК от 6.12.1925 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 58–60.

Протокол 16/30 заседания Фракции РКП(б) 2-го Всесоюзного съезда ОПК от 29.12.1925 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 107–108.

Протокол 17/31 заседания Фракции РКП(б) 2-го Всесоюзного съезда ОПК от 29.12.1925 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 189. Л. 88–91об.

Протокол 32 заседания Фракции РКП(б) Президиума ЦС ОПК от 18.2.1926 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 1а–1а об.

Протокол 35 заседания Бюро Фракции ЦС ОПК от 26.4. 1926 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 17об.

Протокол 36 заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 27.4.1926 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 25–26об, 36–36об.

Протокол расширенного заседания Фракции ВКП(б) президиума ЦС и активных работников ОПК от 14.2.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 76.

Протокол заседания Фракции ВКП(б) Московского отделения ОПК от 6.3.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 83–85.

Протокол 3 заседания Фракции ВКП(б) 3-го Пленума ЦС ОПК 11.3.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 94–96.

Протокол 7 заседания Бюро Фракции ВКП(б) 3-го Пленума ЦС ОПК от 30.5.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 101, 104, 106.

Протокол 9 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 26.9.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 109–111.

Протокол 10 заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК, наличных членов ЦС – москвичей с участием членов ОПК коммунистов от 30.9.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 133–133об.

Протокол 11 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 3.10.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 170.

Протокол 12 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 10.10.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 175–175об.

Протокол 13 заседания Фракции Президиума ЦС ОПК от 14.10.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 178.

Протокол заседания Фракции ВКП(б) Московского отделения ОПК от 23.10.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 188–189.

Протокол 19 заседания Фракции при ЦС ОПК от 27.12.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 207.

Протокол заседания Бюро Фракции при ЦС ОПК от 6.1.1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 4.

Протокол заседания Бюро Фракции при ЦС ОПК от 3.3. 1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 25.

Протокол заседания Бюро Фракции при ЦС ОПК от 4.3. 1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 28.

Протокол заседания Бюро Фракции при ЦС ОПК от 13.3. 1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 35.

Протокол 2 заседания Фракции ВКП(б) Московского отделения ОПК от 8.4.1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 46.

Протокол 10 заседания Бюро Фракции РКП(б) при ЦС ОПК от 13.4.1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 50–52об.

Протокол заседания Бюро Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 7.12.1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 86.

Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 28.12.1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 100.

Протокол 8 Бюро Фракции ЦС ОПК от 8.2.1929 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 130.

Протокол заседания Бюро Фракции при ЦС ОПК от 8.2.1929 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 124.

Протокол 8 заседания Бюро Фракции ЦС ОПК от 18.2.1929 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 191. Л. 130.

Протокол заседания Фракции ВКП(б) при ЦС ОПК от 26.12.1931 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 109–137.

Протокол/стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК от 8.1.1932 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 1–55.

Протокол/стенограмма заседания Фракции ЦС ОПК совместно с партийной частью редакции Издательства ОПК от 12.1.1932 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 56–108.

Протокол 2 заседания Фракции президиума ЦС ОПК от 23.1.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 9–11.

Протокол/стенограмма собрания коммунистов – членов Московского отделения ОПК от 22.3.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 1–85.

Протокол 6 заседания Фракции президиума ЦС ОПК от 11.4.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 45–46.

Протокол/стенограмма заседания Фракции президиума ЦС ОПК от 11.4.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 84–124.

Протокол заседания Фракции 3-го Пленума ЦС ОПК от 16.4.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 71–71об.

Протокол/стенограмма заседания Фракции Пленума ЦС ОПК от 16.4.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 125–186.

Протокол заседания комиссии по вопросу взаимоотношений Редакции и Издательства ОПК, совместно с Фракциями Редакции и Издательства от 10.5.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 197. Л. 1–37.

Протокол заседания Комиссии (Фракции Президиума ЦС) по вопросу взаимоотношений Редакции и Издательства ОПК, совместно с Фракциями Редакции и Издательства от 19.5.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 197. Л. 38–70.

Протокол 8 заседания Фракции ЦС ОПК от 22.5.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 194. Л. 74–80.

Протокол/стенограмма заседания Фракции ВКП(б) ЦС ОПК от 11.6.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 226–259.

Протокол (1) заседания Партгруппы Президиума ЦС ОПК от 2.1.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 1–5об.

Протокол 4 заседания Партгруппы Президиума ЦС ОПК от 23.1.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 48–49об.

Протокол 5 заседания Партгруппы Президиума ЦС ОПК от 25.1.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 49.

Протокол 6 заседания Партгруппы Президиума ЦС ОПК от 1.2.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 52–85.

Протокол 12 заседания Партгруппы Президиума ЦС ОПК от 27.3.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 106–107.

*Протоколы Совета ОПК в Москве, Центрального совета ОПК,
Президиума Центрального совета ОПК и Оргкомиссии Центрального совета
ОПК в хронологическом порядке*

Протокол 1 заседания Совета ОПК в Москве от 24.3.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 1.

Протокол 4 заседания Совета ОПК в Москве от 5.5.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 8.

Протокол заседания Оргкомиссии при Совете ОПК от 16.8.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 11.

Протокол 12 заседания Совета ОПК от 19.8.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 24.

Протокол заседания Оргкомиссии при Совете ОПК от 23.8.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 12.

Протокол 13 заседания Совета ОПК от 26.8.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 27.

Протокол 2 заседания Президиума Совета ОПК от 3.9.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 2.

Протокол 14 заседания Совета ОПК от 9.9. 1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 28.

Протокол 5 заседания Президиума Совета ОПК от 7.10.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 6.

Протокол 6 заседания Президиума Совета ОПК от 17.10.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 7.

Протокол 19 заседания Совета ОПК в Москве от 27.10.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 35.

Протокол 9 заседания Президиума Совета ОПК от 5.11.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 10.

Протокол 10 заседания Президиума Совета ОПТ от 12.11.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 11.

Протокол 11 заседания Президиума Совета ОПК от 19.11.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 12.

Протокол 13 заседания Президиума Совета ОПК от 3.12. 1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 16.

Протокол 4 заседания Совета ОПК в Москве от 4.12.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 38.

Протокол заседания Совета ОПК от 25.12.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 20.

Протокол 19 заседания Президиума Совета ОПК от 14.1.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 22.

Протокол 20 заседания Президиума Совета ОПК от 17.1.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 23.

Протокол 21 заседания Президиума Совета ОПК от 21.1.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 25.

Протокол 7 заседания Президиума ВЦИК от 26.1.1922 // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 39. Д. 86. Л. 530.

Протокол 20 заседания Президиума Совета ОПК от 27.1.1922 совместно с Комиссией Помгола и членами совета ОПК // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 27.

Протокол 23 заседания Президиума Совета ОПК от 4.2.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 30.

Протокол заседания Оргкомиссии при Совете ОПК от 9.2.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 26.

Протокол 24 заседания Президиума Совета ОПК от 20.2.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 31.

Протокол 30 заседания Совета ОПК в Москве от 20.4.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 47.

Протокол 31 заседания Совета ОПК в Москве от 27.4.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 48.

Протокол 32 заседания Совета ОПК в Москве от 4.5.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 49.

Протокол 51–71 заседания Президиума Совета ОПК от 29.6.1922 до 2.2.1923 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 59–84.

Протокол 56 заседания Президиума ОПК от 18.8.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 61.

Протокол 36 заседания Совета ОПК в Москве от 29.8.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 53.

Протокол 60 заседания Президиума Совета ОПК от 5.9. 1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 67.

Протокол 69 заседания Президиума Совета ОПК от 9.10.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 72.

Протокол 69 заседания Президиума Совета ОПК от 2.12.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9.

Протокол 38 заседания Совета ОПК в Москве от 8.12.1922 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 56.

Протокол 46 заседания Совета ОПК от 16.12.1923 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 70.

Протокол 49 заседания Совета ОПК от 10.2.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 79.

Протокол заседания Оргкомиссии при Совете ОПК от 4.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 16. Л. 70–71.

Протокол 121 заседания Президиума Совета ОПК от 20.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533, оп.1. Д. 4. Л. 1–2.

Протокол заседания Президиума Совета ОПК от 27.3.1924 // ГАРФ. Ф. 533, оп.1. Д. 4. Л. 3–5.

Протокол 59 Пленума Совета ОПК Москвы от 20–22.11.1924 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 91–106.

Протокол заседания Пленума ЦС ОПК от 17–20.10.1925 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 136–148об.

Протокол заседания IV Пленума ЦС ОПК от 29–31.12.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 220–306.

Протокол заседания Президиума ЦС ОПК от 23.3.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 180.

Протокол заседания Президиума ЦС ОПК от 3.4.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 170.

Протокол 10/518 заседания Президиума ЦС ОПК от 17.4.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 157.

Протокол заседания Президиума ЦС ОПК от 7.5.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 129.

Протокол 15/523 заседания Президиума ЦС ОПК от 17.6.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198. Л. 3–29.

Протокол 16/524 Пленума ЦС ОПК в составе членов Президиума ЦС ОПК, наличных членов ЦС и Ревизионной комиссии от 23.6.1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 15. Л. 1–2.

Протоколы Ревизионной комиссии ОПК

Протокол 5 заседания Ревизионной комиссии ОПК от 26.11.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 9. Л. 15.

Протоколы Центрального бюро НИИС ОПК

Протоколы заседания Бюро НИИС (ОПК) и материалы к ним 1933–1935 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 83. Л. 1–54.

Протокол 3/19 заседания Пленума НИИС ОПК от 26.2.1934 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 83. Л. 5–7.

Резолюция по делу т[оварищей] (В. Д.) Виленского-[Сибирякова] и Р.А. Грюнштейн // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 136–138.

Резолюция по докладу организационной комиссии при ЦС о[бщест]ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев к IV Пленуму от 29–30.12. 1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 220–306.

Резолюция Ревизионной комиссии ОПК по расследованному его конфликту между членами о[бщест]ва т[оварищами] Плесковым и Ростовым от 3.12.1921 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 2555. Л. 136.

Сандомирский Г.В. В Президиум ЦС ОПК от 25.11.1928 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 11. Л. 35–37.

СНК РСФСР, Протоколы // ГАРФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 57. Л. 5.; Д. 74. Л. 7.

Совет ОПК. К усилению архивно-исследовательской работы политкаторжан. Всесоюзный съезд обкис назначается на 14-е (27).12.1925 года. Всем отделениям О[бщест]ва политкаторжан // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 133–135.

Список политкаторжан и ссыльнопереселенцев выбывших из него // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 4. Д. 19. Л. 4–83.

Справка технического руководителя 16-й типографии «Мосполиграф» Васильева от 1.6.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Д. 190. Л. 104.

Стенограмма заседания Комфракции ОПК от 20.11.1930 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192. Л. 202–264.

Шумяцкий Я. В комм[унистическую] Фракцию ОПК (копия тов[аришу] Ярославскому) от 15.5.1933 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 197. Л. 103–116об.

Тантлевская С. Андрей Андреев. Биография. 15.7.1929 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 80. Л. 23–25об.

Удостоверение Революционного трибунала при ВЦИКе от 14.11.1920 // Дело В.А. Плескова, ГАРФ. Ф. 10035. Д. Р-37659. Л. 12.

Ярославский Е. Секретарю ОПК – т[оваришу] Львову от 26.9.1927 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 190. Л. 108–108об.

Ярославский Е. *Григорьеву С.А.* от 22.11.1932 // ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 348. Л. 31, 41.

РГАСПИ Российский государственный архив социально-политической истории

Циркулярное письмо Комиссии по перерегистрации ко всем членам О[бщест]ва [отправлено после Общего собрания ОПК от 7.5.1922] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 25.

Галкин М.И. *Ярославскому Е.М.* от 9.2.1926 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 50. Л. 2–3.

Горин П. В Секретариат ЦК ВКП(б). Копия в Культпроп и ЦК ВКП(б) и М.Н. Покровскому. 21.4.1931 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 2. Л. 185–192.

Ярославский Ем. М. т[оварищам] Теодоровичу, Корочкину, Львову от 12.4.1928 (копия т[оваришу] Назарову) // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 50. Л. 11.

Ярославский Ем. М. Письмо Енукидзе о включении Теодоровича в список членов и кандидатов ЦИК СССР (Автограф) 23.5.1929 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 3. Д. 233. Л. 1–2.

Ярославский Ем. М. Письма в секретариат ЦК ВКП(б), Корочкину, Покровскому и Савельеву о проведении 50-летнего юбилея «Народной воли» от 7.9.1929 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 55. Л. 2.

Ярославский Е. В секретариат ЦК ВКП(б), Президиум ЦКК ВКП(б), т[оварищам] Сталину, Кагановичу, Постышеву и Андрееву от 25 июня 1931 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 12. Л. 93–100.

Ярославский Ем. В Секретариат ЦК т[оваришу] Сталина. Копия Постышеву и в Президиум ЦКК т[оварища] Андреева. [После 23.5.1931] // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 2. 1. 177–178.

Ярославский Е. Письма Ленгнику об антипартийном поведении *Невского В.И.*, об исключении его из членов Об[щест]ва Большевиков от 10.2.1934 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 37. Л. 1.

Карелин Вл. Ал. В ЦК РКП. Москва от 26.2. 1923 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 546. Л. 1–1об.

ОГПУ в ЦКК тов[аришу] Лихачеву от 28. 9.1931 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 3. Л. 165.

Ольминский М.С. Ярославскому Ем. М. от 6.6.1931 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 27. Л. 6.

Политический красный крест в ЦК РКП(б) от 8.10. 1921 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 62–62об.

Протокол 52 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 6.9.1922, пункт 13 (об ОПК) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 366.

Резолюция заседания коммунистической Фракции ЦС и Ревизионной комиссии ОПК по докладу ответственного редактора издательства ОПК и заключению председателя Ревизионной Комиссии (Бублеева) о ходе проверки членов ОПК от 12.11.1932. Машинописный текст с пометкой Е.М. Ярославского // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 60. Л. 1–2.

Резолюция Фракции ЦС ОПК. Машинописный текст с пометкой Е.М. Ярославского. [После 11.12.1932] // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 60. Л. 3.

Сандомирский Г. Письмо анархиста Г. Сандомирского в ЦК РКП(б) о репрессиях против русских анархистов от 4.1.1923 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 644. Л. 1–7.

Секретариат ЦК ВКП(б) от 26.11.1929, Протокол 166, пункт 8 «О сроке празднования 50-летия юбилея "Народной воли"» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 798.

Шумяцкий Я. Ярославскому Е. от 17.11.1930 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 3–4об.

Теодорович И.А. В комфракцию ЦК ОПК от 16.11.1930 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 59. Л. 2–2об.

Теодорович И.А. Кагановичу Л.М. [После 27.11.1934] // РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 9–13.

Теодорович И.А. Кагановичу Л.М. от 18.11.1934 // РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 3–7об.

Теодорович И.А. Кагановичу Л.М. 27.11.1934 // РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 8–8об.

Теодорович И.А. Сталину И.В., Кагановичу Л.М., Жданову А.А. [После 27.11.1934] // РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 427. Л. 14–20.

Теодорович И.А. Справка (о сборнике о «Народной воли») [После 27.11.1934] // РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 417. Л. 13об.

Выписка из протокола 15 Президиума ЦИК СССР от 17.8.1935 // РГАСПИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 157. Л. 19–19об.

Заявление от заключенных в московской тюрьме «Таганская» социал-демократов, социалистов-революционеров, социалистов-революционеров левых. (интернационалистов) анархистов и социалистов, стоящих вне партии во ВЦИК (Копия в ВЦК) от 7.7.1921 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 273. Л. 86–87.

Заседание Политбюро от 22.8.1929 г. П[ротокол] 94, п[ункт] 25 «О пятидесятилетия партии "Народной воли"» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 772.

Заседание Политбюро от 26 июня 1935. Протокол 28, пункт 52 «О ликвидации Общества быв[ших] политкаторжан и ссыльнопереселенцев» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 966. Л. 11.

РГАНИ Российский государственный архив новейшей истории

Краткая сводка расследования событий в Бутырской тюрьме в ночь 25–26.4.1921 г. от 18.7.1921 г. // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 25. Л. 2–3.

Заседание Комиссии, образованной президиумом Московского Совета Р.К. по расследованию событий в Бутырской тюрьме от 3.6.1921 // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 25. Л. 6–23.

Заседание 42, пункт 13 (о Бутырских событиях) Политбюро от 25.6.1921 // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 73. Д. 25. Л. 1.

2. Энциклопедические словари

Большой энциклопедический словарь. – М., 1991 (БЭС).

Большая советская энциклопедия. 3 издание. – М., 1970–1978 (БСЭ).

Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Том 1: От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Часть первая: До 50-х гг. XIX века (Сост[авители] А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова). – М., 1928. Том 2: Семидесятые годы (Сост[авители] А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова). Выпуск первый: А–Е. – М., 1929; Выпуск второй: Ж–Л. – М., 1930; Выпуск третий: М–Р. – М., 1931. Выпуск четвертый. С–Я. – М., 1932. Том 3: Восьмидесятые годы. Выпуск первый: А–В. (Составители М.М. Клевенский, Е.Н. Кушева, А.А. Шилов). М., 1933; Выпуск второй. Г–З. (Сост[авители] Р.М. Кантор, П.Г. Любомиров, Е.Н. Кушева, А.А. Шилов). – М., 1934. Том 5: Социал-демократы (Сост[авители] Е.А. Корольчук и Ш.М. Левин. Под ред[акцией] В.И. Невского). Выпуск первый: А–Б. – М., 1931; Выпуск второй: В–Г. – М., 1933.

Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь. – М., 1989 (Повторное издание).

Очерки истории исторической науки. Том IV. – М., 1966.

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919–1952. Каталог. Том 1, 1919–1929. – М., 2000. Том 2, 1930–1939. – М., 2001.

Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1934.

Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. – М., 1993.

Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М., 1996.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В двух частях. – М., 1991.

Участники русского революционного движения эпохи борьбы с царизмом. Биографический указатель членов Всесоюзного Об[ществ]а политических каторжан и ссыльнопоселенцев. – М., 1927.

3. Литература о предмете и опубликованные источники

На русском языке

(Алексеева Г.Д. Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев) // БСЭ. 3 издание. Том 18. – М., 1974. С. 248.

А.Ч. «Волокита» или осторожность? Кого или как принимают в ОПК // Из жизни и деятельности ОПК. Приложение к КиС (1925) 7. С. 19–23.

Аврус А.И. пролетарский интернационализм в действии. Из истории Международной организации помощи борцам революции. Саратов, 1971.

Автобиографическая записка П.П. Викторова (1853–1929) // КиС. 66 (1930) 5. С. 206–209.

Аксельрод-Ортодокс Л. Из моих воспоминаний. (Виленский народо-вольческий кружок 1886–1887) // КиС, 63 (1930) 2. С. 22–42.

Алаторцева А.И., Удальцова М.И. Журнал «Каторга и ссылка» и его роль в изучении истории революционного движения в России // История СССР (1982) 4. С. 100–115.

Алаторцева А.И. Журнал «Историк-марксист». 1926–1941. – М., 1979.

Алаторцева А.И. Советская историческая периодика. 1917 – середина 30-х годов. – М., 1989.

Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в[еке]. Идеиная эволюция. – М., 1990.

Андреев А.Н. «Се человек». О Христе и его учении. – М., 1918.

Андреев А.Н. Неонигилизм. – М., 1922.

Арбатов Г., Баталов Е. Политические реформы и эволюция советского государства // Коммунист (1989) 4. С. 24–56.

Аркадьев Г. За большевистскую перестройку. К вопросу о работе Издательства бывш. политкаторжан и ссыльно-поселенцев // Борьба классов (1933) 6. С. 126–135.

Аронсон Г. Из записок тюремного старосты // На чужой стороне, 9 (1925). С. 57–89.

Аронсон Г. Скитания // На чужой стороне, 10 (1925). С. 157–180.

Аронсон Г. Социалисты в тюрьме // На чужой стороне, 6 (1924). С. 201–224.

Артизов А.Н. М.Н. Покровский. Финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история (1998) 1. С. 77–94; (1998) 2. С. 124–143.

Архив декабриста С.Г. Волконского. Том 1. До Сибири. Часть 1. Под ред[акцией] (и предисл[овие]) С.М. Волконского и В.Л. Модзалевского. – М., 1918.

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Том 3 (Редактор-составитель Ю. Фельштинский). – М., 1990.

Бабиченко Л.Г. Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» и его последствия // Вопросы истории (1991) 6. С. 94–108.

Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем (Под ред[акцией] и с примеч[анием] Ю.М. Стеклова). – М., 1934.

Батури́н Н.Н. Бабушкины сказки о Плеханове и о большевизме // *Батури́н Н.Н.* Сочинения, Москва/Ленинград, 1930. С. 337–341.

Батури́н Н.Н. Биографический очерк // *Батури́н Н.Н.* Сочинения, Москва/Ленинград, 1930.

Батури́н Н.Н. О наследии русских якобинцев // Пролетарская Революция (1924) 7. С. 82–89.

Батури́н Н.Н. Очерк истории социал-демократии в России. – М., 1926.

Березин М.Е., Бородин Ю.О., Печеркин Е.Ф., Гаунштейн М.В. Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани. 1875–1892 гг. // *КиС.* 71 (1930) 10. С. 111–136.

Борисов Ю.С., Курицын В.М., Чван Ю.С. Политическая система конца 20–30-х годов. О Сталине и сталинизме // *Историки спорят.* – М., 1988. С. 228–303.

Борьба за жилище // Из жизни и деятельности ОПК. Приложение к *КиС.* 8 (1925). С. 24–25.

Боярский Г. Против буржуазной идеологии. Против укрывательства кондратьевщины // *Правда* (1929) 271, 21.1. С. 5.

Бровкин В.Н. Культура новой элиты 1921–1925 // *Вопросы истории* (2004) 8. С. 83–98.

Бухбиндер Н. Студенческие волнения в Киеве в 1884 году // *КиС.* 66 (1930). С. 91–103.

Булдаков В.П. Культурные парадоксы постреволюционного времени // *Россия эпохальная* (Сост[авитель] С.А. Павлюченков). Москва, 2002. С. 230–278.

Бур А. Рецензия на «Каторгу и ссылку» // *Пролетарская Революция*, 104 (1930) 9. С. 168–173.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Том 1–4. Сост[авители] *Головкова Л.А., Любимова К.Ф.* и другие. – М., 1997–2000.

Быковский С. Анархисты – члены Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. (2004). С. 83–108.

Быстрянский В.А. Государственное Издательство и его задачи // *Книга и революция* (1920) 1. С. 2–4.

В борьбе с троцкистским меньшевизмом крепнут и растут ряды ленинской партии // *Правда*, (1927) 266, 20.11. С. 3.

В исторической секции Дома печати. Отчет о деятельности исторической секции Дома печати // *Историко-Революционный бюллетень*, (1922) 1. С. 43–45.

В Комиссии (ОПК) помощи ветеранам революции // *КиС.* 6 (1923). С. 326–327.

В Обществе историков-марксистов // *Историк-марксист*, 15 (1926). С. 317–319.

Ваганян В.Г. В. Плеханов. Опыт характеристики социально-политических воссрений. – М., 1924.

Валк С.Н. Советские документальные публикации по истории СССР XIX–XX веков // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. Сборник статей (Сост[авители] В.П. Волгин, Е.В. Тарле, В.П. Панкратова). – Москва–Ленинград, 1942. С. 115–156.

Валк С.Г. Г. Романенко. Из истории «Народной Воли» // КиС, 48 (1928). С. 36–59.

Валк С. Малоизвестная страница народовольческой «Рабочей газеты» // КиС, 53 (1929) 4. С. 87–94.

Валк С. Неизвестный некролог П.А. Зелвакова // КиС, 61 (1929). С. 171–179.

Вандалковская М.Г. М.К. Лемке – историк русского революционного движения. – М., 1972.

Вардин И. Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. Факты и документы. – М., 1922.

Верт Н. История советского государства 1900–1991. – М., 1992.

Викторова-Вальтер С.А. Из жизни революционной молодежи 2-й половины 1870-х годов // КиС, 11 (1924). С. 64–78.

Виленский-Сибиряков В.Д. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь. – М., 1989 (Повторное издание). С. 384–385.

Виленский-Сибиряков В.Д. Где корни предательства Чан-Кай-Ши. О китайской революции. – М., 1927.

Виленский-Сибиряков В.Д. Гоминдан. Партия китайской революции. Москва/Ленинград, 1926.

Виленский-Сибиряков В.Д. Народовольцы // КиС, 24 (1926). С. 9–13.

Виленский-Сибиряков В.Д. Политкаторжане. Каторга и ссылка в русской революции. – М., 1925.

Виленский-Сибиряков В.Д. Следует ли праздновать столетие юбилея восстания декабристов? // Известия ЦИК, (1923) 290, 19.12. С. 2.

Виленский-Сибиряков В.Д. Царство Колчака. Сибирская быль. – М., 1931.

Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич // Деятели революционного движения в России. Том 5. Социал-демократы (Сост[авители] Е.А. Корольчук и Ш.М. Левин. Под ред[акцией] В.Н. Невского). Выпуск первый: А–Б. – М., 1931. С. 815–818.

Вокруг работы Истпарта // Летопись революции, 4 (1923). С. 229–230, 315–329.

Волк С.С. Народная воля. 1879–1882. – М., 1966.

Всероссийский Общественный Комитет по увековечиванию памяти П.А. Кропоткина // Историко-революционный бюллетень, (1922) 2. С. 80–84.

Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация. 1921–1935. Бывшие общества во время Большого террора. Материалы международной конференции 26–28.10.2001 г. (Сост[авители] Я. Леонтьев, М. Юнге). – М., 2004.

Всесоюзное совещание политкаторжан (12–15.4.1924) // КиС, 10 (1924) 3. С. 301–309.

Второй Всесоюзный Съезд политических каторжан и ссыльнопоселенцев // КиС, 22 (1926) 2. С. 279–281.

Галас М.Л. Разгром аграрно-экономической оппозиции в начале 1930-х годов. Д. ЦК трудовой крестьянской партии (по материалам следствия) // Отечественная история, (2002) 5. С. 89–114.

Гарелин И. В.Н. Фигнер и ОПК // Память, (1978) 3. С. 393–402.

Гедеоновский А.В. Ярославский революционный кружок 1881–1886 // КиС, 24 (1926). С. 95–109.

Гедеоновский А. Тимофей Маркович Романченко // КиС, 37 (1927). С. 207–211.

Генев В.Н. Народническое движение в Среднем Поволжье. 70-е годы XIX века, Москва/Ленинград, 1966.

Генкина Э.Б. Ленин о революционном народничестве // Пролетарская Революция, 97–98 (1930) 2–3. С. 29–61.

Генкина Э.Б. Товарищ Теодорович в плену у народнической методологии // Пролетарская Революция, 104 (1930) 9. С. 157–168.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – М., 1963.

Гесев К.В. Рыцари террора. – М., 1992.

Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. – М., 2000.

Гимпельсон Е.Г. Политическая система и НЭП. Неадекватность реформ // Отечественная история, (1993) 3. С. 29–43.

Гимпельсон Е.Г. Путь к однопартийной диктатуре // Отечественная история, (1994) 4–5. С. 94–109.

Гимпельсон Е.Г. Формирование Советской политической системы. – М., 1995.

Гимпельсон Е.Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина–Сталина. Проблемы и уроки. 20-е годы XX в. – М., 2004.

Гинев В.Н. Народная воля и Черный передел. Ленинград, 1989.

Глушаков Ю. Гомельчане – члену ОПК // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопереселенцев, (2004). С. 206–221.

Гоц А.Р. Заявление в комиссию Московского совета по расследованию дела о Бутырском избииении заключенных в ночь на 26.4.1921 года (Москва, июнь 1921) // Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. (Сост[авитель] М. Янсен). Амстердам, 1989. С. 239–243.

Голодовка социалистов в Орловской губернской тюрьме // Социалистический вестник, 17 (1921). С. 11.

Голотик С.П. Первые правозащитные организации Российской Федерации в 20-е годы // Отечественная история, (1995) 4. С. 159–161.

Горелов О.И. М.П. Томский. Страницы политической биографии // История и политика КПСС, 8 (1989). С. 49 и следующие.

Горин П. М.Н. Покровский. Большевик-историк. Минск, 1933.

Горинов М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция НЭПа. Становление и развитие // Вопросы истории, (1990) 4. С. 20–39.

Давыдова Н. Полгода в заключении. Дневник 1920–1921. Берлин, 1923.

Двинов Б. Московский Совет рабочих депутатов. Нью-Йорк, 1961.

Дезоть В. Меншевызм и белогвардейщина во время гражданской войны // КиС, 80 (1931) 7. С. 26–39.

Действия и распоряжения правительства. Постановление ВЦИК от 6.2.1922 // Известия, (1922) 8.2. С. 3.

Дейч Л.Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения. Энциклопедический словарь. – М., 1989 (Репринт). С. 67–74.

Дейч Л.Г. Из отношений Г.В. Плеханова к народолюбцам // КиС, 7 (1923). С. 9–20.

Дейч Л.Г. О сближении и разрыве с народолюбцами. К истории возникновения группы «Освобождение труда» // Пролетарская Революция, 20 (1923) 8. С. 6–19.

Дейч Л.Г. Смерть Аарона Зунделевича // КиС, 8 (1924). С. 213–118.

Десять лет. 1921–1931. Сборник статей и воспоминаний к десятилетнему юбилею Общества политкаторжан (Под редакцией Л. Стар, В. Плескова и Г. Крамарова). М., 1931.

Деятельность Московского отделения секции по изучению декабристов и их времени при ВОПК за 1927 // КиС, 39 (1928) 2. С. 190–191.

Джабаров Б. Деятельность ОПК Узбекистана // Слово памятникам истории и культуры. Ташкент, 1973. С. 3–9.

Дискуссия о Народной воле в обществе историков-марксистов // Историк-марксист (1930) 15. С. 86–143.

Дискуссия о «Народной воле». – М., 1930.

Дмитренко В.П. Четыре изменения НЭПа // Вопросы истории КПСС (1991) 3. С. 125–132.

Добровольский Л. Литературная деятельность Испарта СССР (1921–1927) // КиС. 36 (1927). С. 208–215.

Докладная записка М.Н. Покровского в ЦК ВКП(б). Проект[?] Декабрь 1930 // *Чернобаев А.А.* (Сост[авитель]): «Я себя считаю лично уже ушедшим». Письма М.Н. Покровского. 1929–1931 // Исторический архив (1993) 4. С. 199–203.

Должанская Л. Репрессии 1937–1938 гг. в московских артелях ОПК // Всесоюзное Общество политкаторжан и сс[ыльно]-поселенцев, (2004). С. 278–308.

Дополнения к показаниям заключенного члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина. 3.4.1922 // Судебный процесс, (2002). С. 427–432.

Дрей М. Заметка о рабочем движении в Одессе в 1880–1881 // КиС, 12 (1924). С. 73–77.

Дрей М. Стрельниковский процесс в Одессе в 1883 г. По личным воспоминаниям // КиС, 9 (1924). С. 46–57.

Дружинин Н.М. Воспоминания, мысли, опыт историка. – М., 1990.

Дружинин Н.М. Деятельность секций по изучению декабристов и их времени при ВОПК // КиС, 26 (1926). С. 296–297.

Дубинский И. Шефство и культпропработа // Десять лет, (1931). С. 100–114.

Дячикова А.Н. Деятельность Якутской секции Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Вопросы общественно-политической и социально-экономической истории Якутии. Якутск, 1992. С. 13–19.

Енисейское землячество // КиС, 27 (1926) 6. С. 269–270.

Ефимкин А.П. Дважды реабилитированные. Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский. – М., 1991.

Жемкова Е., Рогинский А. Соловецкие политкиты. Список политзаключенных. 1925 // Звенья. Выпуск 1. – М., 1991. С. 252–287.

Жуков Ю.Н. Тайны «Кремлевского дела» 1935 года и судьба Авеля Енукидзе // Вопросы истории, (2000) 9. С. 83–112.

Журавлев С.В. Человек революционной эпохи. Судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история, (2000) 3. С. 87–105.

За большевистское изучение истории партии. Речь тов[арища] *Кагановича Л.М.*, произнесенная 1 декабря на собрании, посвященном 10-летию Института Красной Профессуры // Правда, (1931) 341, 12.12. С. 23.

За решительную перестройку исторического фронта // Историк-марксист, (1932) 1–2. С. 7–14.

За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сборник документов, (Сост[авитель] *Шишкин В.И.*). – Новосибирск, 2000.

Закгейм М. Помгол // Десять лет, (1931). С. 44–55.

Залкинд Л.С. Воспоминания народовольца // КиС, 24 (1926). С. 90–94.

Залкинд Л. Евгений Самойлович Гуневич // КиС, 54 (1929) 5. С. 176–177.

Записка ВЧК В.М. Молотову в ЦК РКП(б) от 14.1.1922 // Павлов, (1999). С. 198–200.

Записка М.Н. Покровского – в Секретариат ЦК ВКП(б) от 5.2.1931 // Чернобаев, (1993). С. 205–209.

Запрос об избиениях в Бутырской тюрьме // Социалистический вестник, 9 (1921). С. 10.

Заявление старых революционеров в Президиум ЦИК СССР. Декабрь 1925 // Память, (1978) 3. С. 399–402.

Зеленов М.А. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б). цензура и историческая наука в 1920-е годы. – Нижний Новгород, 2000.

Зильберблат И. Четыре рейса // Десять лет, (1931). С. 49–55.

Злобина Г. Чтобы помнили. Краткий исторический очерк дачно-строительного кооператива «Клязьма». Клязьма, 1998.

Ивановская П.С. Первые типографии «Народной воли» // КиС, 24 (1926). С. 33–57.

Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история, (1993) 1. С. 3–17.

Из деятельности земляческих объединений // Приложение к КиС, (1925) 9. С. 26–30.

Из деятельности комиссии помгол. Доклад о первом рейсе эвакпоезда с голодными детьми из Чувобласти в Минск // Историко-революционный бюллетень, (1922) 2–3. С. 67–83.

Из жизни и деятельности ОПК. Приложение к КиС (1925) 7, для членов ОПК. – М., 1925.

Из жизни и деятельности ОПК. Приложение к КиС (1925) 8, для членов ОПК. – М., 1925.

Из жизни московского Общества политкаторжан // КиС, 9 (1924) 2. С. 314–315.

Избиение политических в Бутырской тюрьме // Социалистический вестник, 9 (1921). С. 7–9.

Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. – М., 2000.

Инструкция по проверке членов ОПК // Историко-революционный вестник, 4 (1922) 1. С. 81.

- Информационное письмо № 1 // КиС, 45–46 (1928). С. 270–281.
- История ВКП(б) (Сост[авители] Ем. Ярославский, Г. Крамольников, Н. Эльвов, О. Рисский. Под общей редакцией Ем. Ярославского). Том 1, вып[уск] 1. – М., 1926.
- История ВКП(б). Том 1–4 (Сост[авитель] Е. Ярославский). – М., 1926–1930.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М., 1938.
- История и историки. Историография истории СССР. – М., 1965.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней (Ответственный ред[актор] А.П. Окладников), Том 3: Сибирь в эпоху капитализма. Ленинград, 1968.
- История СССР. 1917–1927.
- К 100-летию восстания декабристов // КиС, 21 (1925) 8. С. 292–297.
- К 100-летию юбилею восстания декабристов // Из жизни и деятельности ОПК. Вып[уск] 1. С. 38.
- К бывш[шим] политическим каторжанам и поселенцам, (1921) 23, 3.2. С. 4.
- К бывш[шим] политическим каторжанам и поселенцам, (1921) 37, 19.2. С. 2.
- К бывш[шим] политическим каторжанам и поселенцам, (1921) 47, 3.3. С. 2.
- К вопросу об анархо-большевизме и его роли в революции // Анархический вестник, (1923) 1. С. 59–72.
- Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле. Петербургская школа историков. Санкт-Петербург, 1995.
- Казанский П.* Больше большевистской бдительности. О журнале издательства политкаторжан «Каторга и ссылка» №№ 2, 11–12 за 1931 г., №№ 1, 3, 5, 7, 10, 11–12 за 1932 г., №№. 2, 3 за 1933 г. // Борьба классов, (1933) 5. С. 122–128.
- Казарян П.Л.* Олекминская политическая ссылка 1826–1917. – Якутск, 1996.
- Как подготавливался московский процесс. Из письма старого большевика // Социалистический вестник, (1936) 23–24. С. 20–23; (1937) 1–2. С. 17–24.
- Кан Г.* Александр Типунков. Судьба политкаторжанина // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). С. 197–205.
- Кантор Р.М.* К истории революционного движения 1870–1880-х годов. Неизданная записка Льва Тихомирова // КиС, 24 (1926). С. 110–122.
- Кантор Р.М.* Каторга и ссылка за десять лет. 1921–1930. Систематический указатель. – М., 1931.
- Кантор Р.М.* Каторга и ссылка за десять лет. 1921–1930. Систематический предметный указатель. Часть 1. – М., 1931 // КиС, 84–85 (1931) 11–12. С. 16–33.
- Кантор Р.М.* Письма к А.М. Эпштейн, народовольцам и С.М. Гинзбург // КиС. 39 (1929). С. 37–39.
- Кантор Р.М.* Прокламация Южнорусского рабочего союза об убийстве Александра II // КиС, 5 (1923). С. 53–55.

Кантор Р.М. Эпохи народничества 1870-х и Народная воля, [Тител] 125–490 // *Кантор Р.М.* Каторга и ссылка за десять лет. 1921–1930. Систематический предметный указатель. Часть 1. – М., 1931 // КиС, 84–85 (1931) 11–12. С. 16–33.

Кирилина А.А. Неизвестный Киров. Санкт-Петербург, 2001.

Клапина З. К побегу 13-ти каторжанок. Личные впечатления // КиС, (1921) 2. С. 34–40.

Климушкин П. К амнистии 1917 // КиС, (1921) 1. С. 8–20.

Книжник Ив. Рецензия: Историко-революционный бюллетень, (1922) 1 // Красная летопись, (1922) 2–3. С. 440–443.

Книжник-*Ветров И.* Петр Лаврович Лавров, 2 изд[ание]. – М., 1930.

Ковальская Е.Н. Письмо редакции // Правда, (1927) 264, 18.11. С. 5.

Козьмин Б.П. Историко-революционные книги в массы. Литературно-издательская деятельность Общества // Десять лет, (1931). С. 82–88.

Козьмин Б.П. От «девятнадцатого» февраля к «первому» марта. Очерк по истории народничества. – М., 1933.

Козьмин Б.П. П.Н. Ткачев и народничество // КиС, 22 (1926). С. 109–122.

Козьмин Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. – М., 1922.

Козьмин Б. О П.Г. Заичневском // Историко-революционный бюллетень, 1 (1922). С. 22–23.

Колесникова Л.А. Народническая мемуаристика. По материалам исторического комплекса журнала «Каторга и ссылка». – Нижний Новгород, 1999.

Кон Ф. На Каре // КиС, 3 (1922). С. 5–42.

Кондратьев Д. Народное хозяйство СССР. – М., 1927.

Кондратьевщина в оценке т[оварищей] Смирнова и Теодоровича // Правда, (1930) 12.11. С. 4.

Константинов М. От прошлого – к настоящему и будущему. Научно-исследовательская работа ОПК // Десять лет, (1931). С. 70–81.

Конюхова Т.А. Хроника истории исторической науки // Очерки по истории советской науки и культуры. – М., 1968. С. 226–227.

Корба-Прибылева А.П., Ковальская Е.Н., Прибылев А., Бибергиль А., Тючев Н., Панкратов В., Аптекман О.В., Майнов И. Во ВЦИК (после августа 1922 года) [Выписка] // Судебный процесс, (2002). С. 828.

Корба-Прибылева А.П. Исполнительный комитет 1879–1881 гг. // КиС, 24 (1926). С. 27–31.

Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! – М., 1997.

Коржихина Т.П. К вопросу о взаимоотношениях государства и общественных организаций СССР в условиях государства диктатуры пролетариата // Государственные учреждения и общественные организации СССР (от[ветственный] редактор Н.П. Ерошкин). – М., 1985. С. 53–60.

Коржихина Т.П. Краткий перечень добровольных обществ и союзов, существовавших в 1917–1937 // Коржихина, (1997). С. 347–356.

Коржихина Т.П. Общественные организации в СССР. Материалы к источноведению и историографии. – М., 1992.

Коржихина Т.П. Общество старых большевиков (1922–1935 гг.) // Вопросы истории, (1989) 11. С. 50–65.

Коржихина Т., Степанский А.Д. Из истории общественных организаций // Историки спорят. 13 бесед (под общей редакцией В.С. Лельчука). – М., 1988. С. 406–431.

Корочкин С.Ф. К предстоящему Пленуму ЦС // КиС, 60 (1929) 11. С. 189.

Корочкин С. Как строитья нашему Обществу. От «удельного» периода – к всесоюзной организации // Приложение к КиС, (1925) 8. С. 6–12.

Корочкин С. Работа 4-го пленума ЦС О[бществ]а (29–31.12.1927) // КиС, 39 (1927). С. 181–191.

Костко К. Об «Ахиллесовой пяте» тов[арища] Теодоровича и гнилом либерализме // Большевик, (1932) 11–12. С. 120–128.

Костко К. Разгром народничества марксизмом // Большевик, (1935) 15. С. 10–25.

Костко К.С. Покровский в роли реставратора троцкизма. О книге С. Покровского «Теория пролетарской революции». 3-е переработанное издание, 1931 // Большевик, (1931) 22. С. 85–91.

Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д. «Каторга и ссылка» // Советская историческая энциклопедия. Том 7. – М., 1965. С. 124.

(Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д. Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев) // Советская историческая энциклопедия. Том 10. – М., 1967. С. 408–409.

(Крамаров Г.М., Алексеева Г.Д. Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев) // БСЭ. 3. издание. Том 11. – М., 1973. С. 536.

Крамаров Г. О[бществ]во политкаторжан и МОПР // Десять лет, (1931). С. 56–69.

Крамаров Г. Памяти матроса Акима Воробьева // КиС, (1921) 1. С. 76–79.

Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк, документы (сост[авители] *Рокитянский Г.Я., Мюллер Р.*). – М., 1996.

Краткий обзор деятельности ОПК // КиС, 2 (1921). С. 96–97.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. 1920–1921. Библиографический указатель (сост[авитель] А.А. Соболева). – Тамбов, 1994.

Кронштадт 1921. Документы (сост[авители] В.П. Наумов, А.А. Косаковский). – М., 1997.

Кронштадтская трагедия 1921 г. документы в двух книгах (сост[авитель] В.Г. Козлов). – М., 1999.

Кубалов Б.Г. Ветеран народной воли. М.П. Овчинников // КиС, 12 (1924). С. 78–105.

Кузьмин Д. (Колосов Е.Е.): Как не надо изучать историю. Библиографическая заметка // КиС, 24 (1926). С. 251–262.

Курбатов Ю.А. Общественно-политическая деятельность Одесского отделения ОПК // Глазами молодых историков. Саратов, 1992. С. 85–89.

Курбатов Ю.А. Общество политкаторжан и безработица. Из записной книжки историка // Проблемы философии, истории, культуры. – Саратов, 1993. С. 70–73.

Курбатов Ю.А. Саратовское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1924–1935 // Культура русских и немцев в поволжском регионе. – Саратов, 1993. С. 86–106.

Курбатов Ю.А. Устав Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев как историографический источник. 1921–1924 // Историческое воззрение как форма общественного сознания. Выпуск 2 (1995). С. 56–63.

Курс истории ВКП(б). Часть 2 и 3. – М., 1930–1931.

Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. Вступительная статья и редакция] И.А. Теодоровича. – М., 1934–1935.

Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. – Ленинград, 1974.

Лежаева О., Нелидов Н. М.С. Ольминский. Жизнь и деятельность. Издание второе, переработанное и дополненное. – М., 1973.

Лемке М. «Энциклопедия русской революции» // Книга и революция, (1920) 1. С. 7–8.

Лемке М. Календарь русской революции // Книга и революция, (1920) 1. С. 9.

Лемке М. Однотомный энциклопедический словарь // Книга и революция, (1920) 2. С. 1–4.

Ленин в период зарождения партии. *Воспоминания М.А. Сильвина*. Ленинград, 1958.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1967.

Леонтьева Я.В. Кропоткинский комитет и Кружок народолюбцев. К истории взаимоотношений // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Москва, 1997.

Леонтьева Я.В. Политический красный крест в Москве. Опыт источниковедческого анализа // Археографический ежегодник, (1997). С. 159–165.

Ливинин С. Подпольные типографии 80-х годов // КиС, 51 (1929). С. 57–74.

Ликвидация ВЕСПОМГОЛа. Письма Е.Д. Кусковой к В.Н. Фигнер 1921–1922 (Вводная статья, подготовка текста и комментарии Я.В. Леонтьева) // Русское прошлое, (1993) 4. С. 330–342.

Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня // Правда, (1930) 11, 11.1. С. 1.

Литература партии «Народная воля» (Сост[авитель] А.В. Якимова-Диковская). – М., 1930.

Локерман А. По киевским тюрьмам в 1904–1905 // КиС, 20 (1925) 7. С. 211–235.

Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НУГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. Справочник (Сост[авители] А. Кокурин, Н.В. Петров). – М., 1997.

Макаревский М. Рабочий народовец П.Л. Антонов. Воспоминания // КиС, 12 (1924). С. 272–281.

Малаховский В. «Наши разногласия». Плеханов и народничество // Историк-марксист, 51 (1935) 1. С. 58–77.

Малаховский В. О юбилейном славословии // Правда, (1929) 300, 20.12. С. 6.

Малаховский В. Правда ли, что народолюбчество предвосхитило ленинизм? // КиС, (1930) 3. С. 45–105.

Малаховский В. Реставрация Ленина? Ответ т[оварищу] И. Теодоровичу // Правда, (1929) 307, 27.12. С. 5.

Малинин В.А. Философия революционного народничества. – М., 1972.

Маркс К. Предисловие к «Народной воле» // Социально-революционное обозрение, (1882) 8–9, 5.2. С. 558–559.

Маслов Н. Потрясающий документ эпохи сталинизма. К публикации платформы «союза марксистов-ленинцев» // Известия ЦК КПСС, (1990) 8. С. 200–202.

Маслов П. Наша «предистория» // Десять лет, (1931). С. 18–23.

Материалы Генуэзской конференции. Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка (Сост[авитель] *Сандомирский Г.Б.*). – М., 1922.

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории, (1992) 2–12; (1993) 2, 5–9; (1994) 2, 6, 8, 10, 12; (1995) 4–8, 10.

Материалы. Восстание Черниговского пехотного полка. Под ред[акцией] *Оксмана Ю.Г.* – М., 1929.

Материалы. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов. Под ред[акцией] *Б. Модзалевского.* – М., 1925.

Мельгунов С.П. Красный террор в России. Берлин, 1924.

Меньшевицкий процесс 1931 года. Сборник документов в 2-х книгах. – М., 1999.

Мехлис Л. За ликвидацию отставания исторического фронта // Большевик, (1932) 5–6. С. 10–17.

Мильштейн А. Примечания к Русанову // Книга и революция, (1931) 2. С. 86.

Мицкевич С.И. Декабристам надо поставить памятник! // Рабочая Москва, (1923) 283, 16.12. С. 3.

Мицкевич С.И. К вопросу о корнях большевизма. *Ответ Н. Батурину* // КиС, 16 (1925) 1. С. 92–101.

Мицкевич С.И. Русские якобинцы // Пролетарская Революция, (1923) 6–7. С. 3–26.

Мицкевич С. Смерть народовольца А.Д. Михайлова // Историко-революционный бюллетень, 1 (1922). С. 24–26.

Московский совет об избяниях арестованных // Социалистический вестник, 14–15 (1921). С. 10–12.

На помощь голодным детям // Историко-революционный бюллетень, (1922) 2–3. С. 83–85.

Надельштейн Д.С. Как меня брили. Черной памяти Дружинина // КиС, (1921) 2. С. 41–46.

«Народная воля» в документах и воспоминаниях. Под редакцией А.В. Акимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко, И.И. Попова, Н.И. Ракитникова и Б.В. Леонovichа-Агарского. – М., 1930.

«Народная воля» перед царским судом. Под редакцией А.В. Акимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко, И.И. Попова, Н.И. Ракитникова, Б.В. Леонovichа-Агарского и М.И. Дрей. – М., 1930.

Наш ответ. От ЦС ОПК и редакции журнала «КиС» // КиС, 76 (1931). С. 7–15.

Невзоров Ю. (Ю. Стеклов): Отказываемся ли мы от наследства? – Женева, 1902.

Невский В.И. Обзор нашей провинциальной испартовской литературы // Пролетарская Революция, 16 (1923). С. 286–313.

Невский В. Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 гг. Вып[уск] 1. – М., 1923.

Невский В.Н. Н. Батулин (1877–1927) // КиС, 37 (1927). С. 158–163.

Незапечатленный труд. Из архива В.Н. Фигнер (Публикация Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева) // Звенья. Выпуск 2. – Москва–Санкт-Петербург, 1992. С. 424–488.

Никулин В.В. Власть и общество в 20-е годы. Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование. 1921–1929. – Санкт-Петербург, 1997.

Новомирский Д. РКП. Открытое письмо к анархистам // Анархисты. Документы и материалы. Том 2. 1917–1935. – М., 1999. С. 379–381.

Новомирский Д. РКП. Открытое письмо к анархистам // Правда, (1920) 15.5. С. 2.

Новорусский М., Штернберг К., Богораз В., Пекарский Эд., Васильев И. (Дигамма), *Серебряков Е.* Обращение ветеранов народовольческого движения во ВЦИК с протестом против применения смертной казни к подсудимым на процессе от 18.7.1922 г. (Машинописная копия, заверения секретарем Секретного отдела ГПУ) // Судебный процесс, (2002). С. 558–559.

О Емельяне Ярославском. Воспоминания, очерки, статьи (Сост[авители] П.С. Фатеев, В.В. Королев). – М., 1988.

О ликвидации общества быв[ших] политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Постановление Президиума ЦИК СССР (от 25.6.1935) Известия (1935) 27.6. С. 3.

О пропагандистской работе в ближайшее время. Постановление ЦК ВКП(б) // Правда, (1935) 14.06. С. 1.

О справочнике // КиС, 50 (1928). С. 201–208.

О так называемом «кремлевском деле» // Известия ЦК КПСС, (1989) 7. С. 86–93.

Обзор «Дешевой библиотеки» журнала КиС // Пролетарская Революция, 66 (1927). С. 247–256.

Обращение комиссий по подготовке празднования юбилея декабристов // КиС, 8 (1924) 1. С. 300–301.

Общее собрание // КиС, 5 (1923). С. 272–273.

Общее собрание Московского отделения. 29.1.1929 // КиС, 40 (1928). С. 203.

Общее собрание Московской организации ОПК (10.3.1924) // КиС, 10 (1924) 3. С. 310–312.

Общее собрание ОПК (14.10.1923) // КиС, 8 (1924) 1. С. 283–285.

Общее собрание ОПК (3.12.1923) // КиС, 5 (1923). С. 17–18.

Общее собрание ОПК (от 27.3.1922 и 7.5.1922) // Историко-революционный вестник, 4 (1922) 1. С. 78–83.

Общество Изучения истории освободительного и революционного движения в России // Книга и революция, (1920) 1. С. 60–61.

Общество политкаторжан – эстонским революционерам // КиС, 14 (1924). С. 287–288.

Общество старых большевиков. Устав // Пролетарская Революция, (1922) 2. С. 247–249.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) и задачи историков партии // Красная летопись, (1933) 2. С. 7–17.

Ольминский М.С. [Рецензия]. Из партийного прошлого. Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. Под ред[акцией] Калужской комиссии по истории Октябрьской революции и РКП. Калуга, 1921 // Пролетарская Революция, 3 (1922). С. 303–306.

Ольминский М.С. Давние связи // От группы Благоева к «Союзу борьбы». Ростов, 1921.

Ольминский М.С. Две годовщины // Рабочая Москва, № 283, 16.12.1923. С. 3.

Ольминский М.С. Ответ т[оварищу] Ярославскому // Пролетарская Революция, (1930) 11. С. 188.

Ольминский М.С. Письмо в редакцию // Пролетарская Революция, 95 (1929). С. 223.

ОПК. Каталог изданий. 1921–1931. – М., 1931.

Организационная структура научно-исследовательской работы. (Центральное бюро НИИС) // КиС, 109 (1933) 12. С. 173–174.

Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М., 1999.

Острогорский М. Перлы современного «лавризма» // КиС, 86 (1932) 1. С. 175–219.

От редакции // Историко-революционный бюллетень, (1922) 1. С. 3–5.

От редакции // Книга и Революция, (1931) 4. С. 5.

От редакции журнала «Каторга и ссылка» // КиС, 84/85 (1931) 11–12. С. 23–28.

От состоящей при ВОПК Секции по изучению культурного влияния политической ссылки // КиС, 52 (1929) 3. С. 190–193.

Ответ тов[арища] Сталина т[оварищам] Олехновичу и Аристову // КиС, 95 (1932) 10. С. 1–11.

Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х годов. – М., 1999.

Павлюченков С.А. Экономический либерализм в пределах политического монополизма // Россия нэповская (сост[авитель] С.А. Павлюченков). – М., 2002. С. 15–57.

Памяти Желябова // КиС, 55 (1929). С. 201–202.

Памяти М.А. Бакунина (ред[актор] Н.К. Фигуровская). – М., 2000.

Патков С. Эволюция политического контроля и преследования членов ОПК в Западной Сибири в 1925–1935 // Всесоюзное общество политкаторжан, (2004). С. 164–180.

Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. (сост[авитель] М. Янсен). – Амстердам, 1989.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 3, часть 2. Октябрь 1917–1925. – М., 2000.

Первое заседание ЦК ОПК от 16.3.1924 // КиС, 10 (1924) 3. С. 309–310.

Перцев В.А. Воронежское отделение бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев в 1928–1935 гг. // Из истории Воронежского края. Вып[уск] 9. – Воронеж, 2001. С. 145–155.

Печатное издание циркулярного письма комиссии по перерегистрации ОПК и инструкции по проверке членов общества после 7 мая 1922 // Всесоюзное общество политкаторжан, (2004). С. 332–333.

Пешекеров П. Рабочий-народоволец Г.Г. Рудометов // КиС, 60 (1929). С. 164–171.

Пигит А. Общество политкаторжан в цифрах // Десять лет. (1931). С. 129–141.

Пиковская Р.И. Создание советской секции Международной организации помощи борцам революции. 1922–1925 // Труды Московского государственного историко-архивного института. Том 23. – М., 1967.

Письмо В.Н. Фигнер А.М. Горькому, 27.6.1935 // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 6. С. 348–349.

Письмо Е. Ярославского Н.И. Ежову, (июнь 1935) // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 1. С. 341–342.

Письмо М. Острогорского // КиС, 106 (1933) 9. С. 163.

Письмо Н.И. Ежова И.В. Сталину, 23.6.1935 // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 2. С. 342–343.

Письмо С.А. Григорьева Н.И. Ежову на бланке ЦС ОПК, 7.7.1935 // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 10. С. 352–353.

Письмо члена ЧК ПСР М.А. Веденяпина в Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 30.6.1922 г. (Машинописная заверенная копия того времени) // Судебный процесс, (2002). С. 544–545.

Письмо Я.Х. Петерса Н.И. Ежову и И.А. Акулову, 7.7.1935 // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 9. С. 351–352.

Плесков В.А. В О[бщест]ве политических каторжан и ссыльнопоселенцев // Историко-революционный бюллетень, (1922) 1. С. 33–34.

Плесков В.А. На Нерчинской каторге. Из личных воспоминаний // КиС, (1921) 1. С. 80–87.

Плесков В.А. Памятные дни // КиС, (1921) 1. С. 55–61.

Плесков В. «Преступление» – без «наказания» // Десять лет. (1931). С. 37–43.

Плесков В. В глубь и в ширь. На общем собрании Московского отделения (Всесоюзного ОПК) от 13.12.[1925] // Из жизни и деятельности ОПК, 8 (1925). С. 31–32.

Плесков В. О секции по изучению революции 1905 // КиС, 26 (1926) 5. С. 298–300.

По поводу статьи тов[арища] Розенталя. От редакции // КиС, 83 (1931) 10. С. 124–129.

Подготовка столетнего юбилея декабристов // КиС, 8 (1924) 1. С. 291–292.

Подготовка столетнего юбилея декабристов // Правда, (1923) 278, 7.12. С. 3.

Показание Лидии Коноплевой // Известия, (1922) 28.2. С. 2, 3.

Показание Лидии Коноплевой // Правда, (1922) 28.2. С. 1, 2.

Покровский М.Н. – в Президиум Коммунистической академии от 16.1.1931 // Чернобаев, (1993). С. 203–204.

Покровский М.Н. Молотову В.М. от 3.3.1930 // Чернобаев А.А. (Сост[авитель]): «Я себя считаю лично уже ушедшим». Письма М.Н. Покровского. 1929–1931 // Исторический архив, (1993) 4. С. 195–196.

Покровский М.Н. Ярославскому Е.М. от 27.2.1930 // Чернобаев А.А. (Сост[авитель]): «Я себя считаю лично уже ушедшим». Письма М.Н. Покровского. 1929–1931 // Исторический архив, (1993) 4. С. 194.

Покровский М.Н. Очередные задачи историков-марксистов. Доклад на общем собрании Общества историков-марксистов от 19.3.1930 // Историк-марксист, (1930) 16. С. 3–19.

Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. – М., 1923.

Покровский М.Н. По поводу юбилея Народной воли // Историк-марксист, (1930) 15. С. 74–143.

Полемика по вопросу о чествовании столетнего юбилея декабристов // КиС, 9 (1924) 2. С. 319–322.

Положение о землячествах при Обществе политкаторжан // КиС, 11 (1924) 4. С. 309–310.

Поляков Ю.А. 20-е годы. Настроения партийного авангарда // Вопросы истории КПСС, (1989) 10. С. 25–38.

Попов И. Александр Васильевич Геденовский // КиС, 45–46 (1928). С. 242–247.

Попов М. Революционная роль петербургских рабочих // КиС, 6 (1923). С. 39–43.

Последнее слово анархиста Моченовского на суде 17.12.1922 // Анархический вестник, (1923) 2. С. 57.

Последние каторжане: по материалам фонда Е.Д. Стасовой // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). Документальное приложение. Приложение 3. С. 357–375.

Постановление Пленума совета Общества быв[ших] политкаторжан и ссыльнопоселенцев от 23.6.1935 // Известия, (1935) 27.5. С. 3.

Постановление Политбюро о распределении обязанностей между секретарями ЦК от 10.3.1935 // Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов. (Сост[авители] *Хлевнюк О., Квашонкин А.В., Кошелева Л.П., Роговая Л.А.*). – М., 1995. С. 143.

Постановление Президиума ЦИК СССР. Проект, до 23.6.1935 // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). С. 344–345.

Постановление Президиума ЦИК. Проект // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 2. С. 343.

Празднование 6-й годовщины освобождения из тюрем // КиС, 6 (1923). С. 325–326.

Президиум центрального совета (ОПК). Привет делегатам 2-го Всесоюзного Съезда. На фоне двух юбилеев // Приложение к КиС, (1925) 9. С. 1.

Проект постановления пленума ОПК (Написано до 23.6.1935) // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев (2004). Документальное приложение. Приложение 2. Документ № 3. С. 344.

Проект устава общества бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев // КиС, (1921) 1. С. 99–101.

Протокол 16/524 Пленума ЦС ОПК в составе членов Президиума ЦС ОПК, наличных членов ЦС и ревкомиссии от 23.6.1935 // Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, (2004). С. 345–348.

Протокол допроса гражданина Французской Республики Рене Маршана, 22.3.1922 // Судебный процесс, (2002). С. 423–424.

50 лет советской исторической науки. Хроника научной жизни. 1917–1967 (Сост[авители] *Алаторцева А.И., Алексеева Г.Д.*). – М., 1971.

Работа ветеранской комиссии // Из жизни и деятельности ОПК, 7 (1925). С. 23–25.

Раскрытые заговоры. Выдержки из доклада ВЧК о раскрытых и ликвидированных на территории РСФСР заговорах против советской власти в период май – 6 месяцев 1921 // Известия, 24.7.1921. С. 2.

Ратнер А.В. Неустанный труженик // Книжное обозрение, (1977) 23.10. С. 16.

Ратнер А.В. 1921. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев возникло в Москве в марте 1921 // Памятные книжные даты, 1981. – М., 1981. С. 258–259.

Ратнер А.В. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1935 (Дипломная работа выпускника государственного педагогического института им. В.И. Ленина). – М., 1975.

Ратнер А.В. Григорьев Рафаил Григорьевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1992. Том 2. С. 40–41.

Ратнер А.В. Колосов Василий Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1992. Том 3. С. 24–25.

Ратнер А.В. Левин Кирилл Никитич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1992. Том 2. С. 302–304.

Ратнер А.В. Первая книга «Историко-революционной библиотеки» // Альманах библиофила. Вып[уск] III. – М., 1980. С. 42–46.

Ратнер А.В. Первая книга историко-революционной библиотеки // Альманах библиофила, (1980). Вып[уск] 8. С. 42–46.

Ратнер А.В. Словарь революционеров // Советская библиография, (1980) 2. С. 58.

Ратнер А.В. Создатель словаря революционеров // Книжное обозрение, 21.10.1977. С. 16.

Ребрух В. Правда о том, что происходило в Бутырской тюрьме в ночь под 26.4.1921. – М., 1921.

Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в двух томах (Ред[акционная] коллегия: С.Н. Валк, С.С. Волк, Б.С. Итенберг и Ш.М. Левин). Москва/Ленинград, 1964/1965.

Резолюции и постановления IV Всесоюзного съезда О[бщест]ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 15–20.4.1931 // Приложение к КиС, 79 (1931) 6. С. 1–44.

Резолюция по докладу И.А. Теодоровича о задачах и перспективах историко-исследовательской работы ОПК // Приложение к КиС, 79 (1931) 6. С. 19–22.

Резолюция по докладу тов[арища] Шпилева о деятельности Культпропа // КиС, 80 (1931). С. 23–25.

Реорганизация издательства Политкаторжан // КиС, 111 (1934). С. 167.

Речь Гоца // Московский процесс социалистов-революционеров. Речи подсудимых товарищей // Революционная Россия, (1922) 21–22. С. 7–12.

Розенталь И.О. Царские тюремщики и их современные защитники // КиС, 83 (1931). С. 130–165.

Русанов Н.С. На родине. 1859–1882. – М., 1931.

Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС, (1990) 8. С. 200–207; (1990) 9. С. 165–183; (1990) 10. С. 191–206; (1990) 11. С. 161–187; (1990) 12. С. 180–199.

Салтык Г. Судьбы эсеров Курской губернии – членов ОПК // Всесоюзное общество политкаторжан, (2004). С. 181–196.

Сандомирский Г. На последней ступени // КиС, (1921), 1. С. 28–41.

Сажин М.П. Воспоминания 1860–1880-х гг. – М., 1925.

Сажин М.П. Краткая автобиография // КиС, 6 (1923). С. 3–5.

Сведения о ветеранской комиссии (ОПК) к заседанию Совета 30.8.1923 года // КиС, 7 (1923). С. 302–304.

Светлова В. Работа музейной секции // КиС, 35 (1927). С. 262–264.

Светлова В. Центральный музей каторги и ссылки // Десять лет. (1931). С. 116–128.

Святыцкий Н. Война и предфевралье // КиС, 75 (1931) 2. С. 7–50.

Седов М.Г. Героический период революционного народничества. – М., 1966.

Секция по изучению истории еврейского революционного движения // КиС, 41 (1928). С. 191.

Секция по изучению революционного движения среди евреев // КиС, 111 (1934). С. 167.

Секция по изучению эпохи утопического социализма в России (30–70-е гг.) // КиС, 34 (1927) 5. С. 217.

Семенов Г. Военная и боевая работа Партии социалистов-революционеров за 1917–18 гг. Берлин, 1922.

XVII сезд ВКП(б) // КиС, 111 (1934). С. 166–167.

Сергиевский Н.Л. «Черный передел» и народники 80-х годов // КиС, 74 (1931) 1. С. 7–58.

Сергиевский Н.Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки // Историко-революционный сборник (Сост[авитель] В.И. Невский). Том 2. – Ленинград, 1924. С. 86–167.

Сергиевский Н.Л. Дмитрий Благоев в Петербурге // Красная летопись, 11 (1924) 2. С. 42–52.

Сергиевский Н.Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. – М., 1929.

Сидоренко Е. Из воспоминаний о 1 марта 1881. КиС, 5 (1923). С. 50–52.

Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному НЭПу // Отечественная история, (1992) 1. С. 4–58.

Сквери М. Южно-Российский союз рабочих в Одессе в 1879 г. // КиС, 5 (1923). С. 17–25.

Слуцкий А.Г. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса // Пролетарская Революция, (1930) 6. С. 38–73.

Список действительных членов Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в КиС, 11 (1924). С. 313–318; КиС, 12 (1924). С. 353–364; КиС, 13 (1924). С. 274–284.

Список членов ОПК // Историко-революционный бюллетень, (1922) 1. С. 37–43.

Ссылка и каторга в Сибири. 18 – начало 20 в. (Ред[актор] Л.М. Горюшкин). – Новосибирск, 1975.

Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. по февраль 1917 г.). Выпуск 1. – Иркутск, 1973.

Сталин И.В. Головокружение от успехов // Правда, (1930) 2.3. С. 1–3.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Большевик, (1931) 19–20. С. 18–19.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // КиС, 84–85 (1931) 11–12. С. 7–18.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Пролетарская Революция, 113 (1931) 6. С. 3–12.

Сталин И.В. Об учебнике истории ВКП(б) // Большевик, (1937) 9. С. 8–10.

Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // *Сталин И.В.* Сочинения. – Т. 14. – М., 1997. С. 40–42.

Старр Л. Первые шаги // Десять лет, (1931). С. 24–34.

Старый Большевик. Историко-революционный сборник, 1–11 (1930–1934). Статистические данные о составе ОПК // КиС, 5 (1923). С. 265–271.

Стеклов Ю. Еще о Чернышевском. – Москва–Ленинград, 1930.

100 лет политической каторги. Второй Всесоюзный съезд политкаторжан 26–29.12.1925. – М., 1925.

Сторожев В.Н. Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) – Пролетарская Революция – Исторический журнал Истпарта. Государственное издательство, (1921) 1 // Историко-революционный бюллетень, (1922) 1. С. 46–47.

Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов (Сост[авители] С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин). – М., 2002.

Сухарев С.В. Письмо И.В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская Революция», 1931. Его политические и исторические последствия // Историко-партийная наука на современном этапе развития советского общества. – М., 1989.

Сухомлин В.И. Из эпохи упадка партии «Народная Воля» // КиС, 24 (1926). С. 75–89.

Сыроечковский Б.Е. Из истории движения декабристов. – М., 1969.

Таратута О., Степанова А. Общему собранию Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Анархисты. Документы и материалы 1917–1935 гг. Том 2. – М., 1999. С. 469–470.

Татаров И. Несущественный ответ на вопрос по существу // Известия, (1930) 9, 9.1. С. 5.

Татаров И. Попытка воскресить народничество // Известия, (1929) 307, 27.12. С. 5.

Татаров И. Правооппортунистическая апология «Народной воли». По поводу книги И.А. Теодоровича – Историческое значение партии «Народной воли», 1930. Издательство Политкаторжан // Историк-марксист, (1930) 18–19. С. 185–200.

Твардовская В.А. Б.П. Козьмин. Историк и современность. – М., 2003.

Тезисы к 50-летию «Народной Воли» // Правда, (1930) 9.4. С. 4.

Тезисы к отчету Центрального Совета. По докладу т[оварища] Виленского-Сибирякова // Приложение к КиС, (1925) 9. С. 3–5.

Телеграмма председателя МЧК Мессинга и заведующего секретным отделом ВЧК Самсонова в Харьков Дзержинскому о положении в Москве на 23.2.1921 г. и мероприятиях МЧК в связи с забастовками и волнениями на московских предприятиях // Кронштадт, (1997). С. 27–29.

Теодорович И.А. (Письмо в редакцию «Правда» от 22.11.1929) // Правда, (1929) 272, 22.11. С. 7.

Теодорович И.А. (Письмо в редакцию «Правда» от 28.11.1929) // Правда, (1929) 278, 28.11. С. 6.

Теодорович И.А. Домарксистский период революционного движения в России в оценках В.И. Ленина // КиС, 110 (1934). С. 5–21.

Теодорович И.А. Историческая заслуга народовольчества (Речь от 30. Декабрь 1929 в Ленинград) // XXX, (1929). С. 99–116.

Теодорович И.А. Историческое значение партии «Народной воли» // КиС, 57–58 (1929) 8. С. 7–53.

Теодорович И.А. Историческое значение партии «Народной воли». – М., 1930.

Теодорович И.А. Карл Маркс и революционное движение в России // КиС, 100 (1933) 3. С. 7–81.

Теодорович И.А. М.Ф. Фроленко // КиС, 52 (1929). С. 126–133.

Теодорович И.А. Надо рассеять недоразумение // Большевик, (1930) 3–4. С. 116–121.

Теодорович И.А. О «Народной Воле» // КиС, (1930) 3. С. 7–44.

Теодорович И.А. От диктатуры помещиков к диктатуре пролетариата // КиС, 88 (1932) 3. С. 7–13.

Теодорович И.А. Письмо в редакцию (журнала «Каторга и ссылка») // КиС, 95 (1932) 10. С. 247–250.

Теодорович И.А. Письмо в редакцию «Известия» от 14.1.1930 // *Теодорович И.А.* Татарен на Алпах Ленинизма // КиС, (1930) 1. С. 126.

Теодорович И.А. Побольше исторической объективности. В порядке обсуждения // Правда, (1929) 306, 26.12. С. 5.

Теодорович И.А. Роль Н.А. Морозова в революционном прошлом // КиС, 92 (1932) 7. С. 7–69.

Теодорович И.А. Татарен на Алпах Ленинизма. Ответ И. Татарову // КиС, (1930) 1. С. 108–127.

Теодорович И.А. Якутские протесты 1889 и 1904 годов // КиС, 52 (1929). С. 7–19.

Терешкович К.М. Народовольческая секция // КиС, 24 (1926) 3. С. 281–281.

Терешкович К. Народовольческий кружок // КиС, 45–46 (1928) 8–9. С. 281–283.

Тимофеев Е. Лики отошедших // КиС, (1922) 3. С. 137–156.

Тихомиров Л. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений // Кантор Р.М. К истории революционного движения 1870–1880-х годов. Неизданная записка Льва Тихомирова // КиС, 24 (1926). С. 112–122.

Ткачев П.Н. Избранные сочинения. Том 1–6. – М., 1932–1937.

Третий съезд Всесоюзного ОПК. Март 1928 г. Отчет. – М., 1928.

Троцкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002.

Троцкий Л.Д. Ленин // КиС, 31 (1927) 2. С. 151–161.

Троянский А. Побег тринадцати. Воспоминания и материалы // КиС, (1921) 2. С. 14–33.

Тугов М.Ю. Издательская деятельность Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1935. – М., 1992 (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Московский государственный институт культуры).

Тугов М.Ю. Издательская деятельность Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921–1935. – М., 1992 (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Московский государственный институт истории).

Тун А. История революционного движения в России (Перевод В. Засулич, Д. Кольцова и др[угие]. С воспоминаниями об А. Туне Л. Дейча, предисловием Г. Плеханова, статьями: «Восьмидесятые годы» Д. Кольцова, «О социальной демократии в России» Г. Плеханова и примечаниями П. Лаврова). Санкт-Петербург, 1906.

Тун А. История революционного движения в России (с предисловием Г. Плеханова). Гент, 1903.

1917–1921 гг. // КиС, 1 (1921) 1. С. 5–6.

Устав Всесоюзного ОПК // КиС, 12 (1924) 5. С. 345–351.

Устав Всесоюзного ОПК. С изменениями и дополнениями IV Съездом // Революции и постановления IV Всесоюзного съезда О[бщест]ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 15–20.4.1931 // Приложение к КиС, 79 (1931) 6. С. 28–33.

Устав ОПК. Утвержден общим собранием 21.3.1921 // Историко-революционный бюллетень, 1 (1922). С. 36–37.

Устав ОПК. Утвержден общим собранием от 21.3.1921 // КиС, 2 (1921). С. 98–99.

Ушакова Л.А. Советская историография 20-х – середины 30-х гг. и ее роль в создании марксистской концепции сибирской народнической ссылки 70–80-х гг. XIX в. // Горюшкин Л.М. (Сост[авитель]): Политическая ссылка в Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 6–30.

Фигнер В., Прибылева-Корба А., Чернявская-Бочановская, Прибылев А.Л. Г. Дейч и «Народная воля» // Былое, 25 (1924). С. 280–288.

Фигнер В., Фроленко М., Ашенбрэннер М., Якимова-Диковская А., Шеба-лин М., Иванова-Борейша С., Чернавский М., Сажин М., Фигнер-Саулина Евгения, Топоркова-Горева А., Дрей М., Гедеоновский А., Коган-Бернштейн Н., Моисей Б., Бах А., (одна фамилия не разобрана «К?»): Во ВЦИК после 7 августа 1922 года [выписка] // Судебный процесс, (2002). С. 828.

- Фигнер В.* Евгения Николаевна Фигнер // КиС, 9 (1924). С. 20–27.
- Фигнер В.* Памяти Михаила Юльевича Ашенбреннера // КиС, 33 (1927). С. 192–202.
- Фигнер В.* Переписка с Витязевым. (Публикация Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева) // Звенья, Выпуск 2, Москва/Санкт-Петербург, 1992. С. 442–473.
- Фигнер В.Н.* и общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Сообщение И. Гарелина // Память, 3, (1980). С. 393–402.
- Фроленко М.Ф.* А.И. Зунделевич // КиС, 8 (1924). С. 219–220.
- Фроленко М.Ф.* Начало «Народовольчества» // КиС, 24 (1926). С. 17–26.
- Хазиахметов Э.Ш.* Советская историография сибирской политической ссылки 1905–1917 гг. // Горюшкин Л.М. (сост[авитель]): Политическая ссылка в Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 31–49.
- Хлевнюк О.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е году. – М., 1996.
- Циркулярное письмо. Всем бывшим политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам // Историко-революционный бюлетень, 1 (1922) I. С. 35–36.
- Черкунов А.* Кадры русской революции // Виленский-Сибиряков В.Д. Политкаторжане. КиС в русской революции. – М., 1925. С. 31–45.
- Черкунов А.* Общество политкаторжан в цифрах // Приложение к КиС (1925) 9. С. 13–19.
- Чернобаев А.А.* (Сост[авитель]): «Я себя считаю лично уже ушедшим». Письма М.Н. Покровского. 1929–1931 // Исторический архив (1993) 4. С. 192–216.
- Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой» или три жизни историка М.Н. Покровского. – М., 1992.
- Чернов С.Н.* Представление генерал-губернатора Восточной Сибири Броневитского о Декабристах в 1837 // КиС (1927) 2. С. 123–147.
- Чернов С.Н.* В поисках сношений с Западом // Из эпохи борьбы с царизмом. – Киев, 1926.
- Чернов С.Н.* Декабристы в Благодатске // Декабристы на каторге и в ссылке. – М., 1925.
- Чернов С.Н.* Декабристы на пути в Благодатск. Две первые // КиС (1925) 5. С. 246–275.
- Чернов С.Н.* Жены декабристов в Благодатске // Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов и воспоминаний. – М., 1926. С. 151–171.
- Чернов С.Н.* Из работ над «Зеленой книгой» // Декабристы и их время. – М., 1932. С. 44–112.
- Чернов С.Н.* К истории Союза благоденствия. Из бумаг Ф.Н. Глинки // КиС (1926) 2. С. 120–132.
- Чествование М.Ю. Ашенбреннера // КиС (1924) 8. С. 290–291.
- Чужак Н.* Большевицкая работа в армии. По документам и по памяти участника // КиС, 49 (1928). С. 7–37.
- Чужак Н.* Ленин и «техника» восстания. Два момента в истории партии // КиС, 73 (1930) 12. С. 69–115.
- Шехтер З.А.* Из далекого прошлого. К характеристике Заславского, Желябова, Железняка и др[угих] // КиС, 5 (1923). С. 27–41.

Шиферсон Б.П. Документальные источники о деятельности Ленинградского отделения ОПК // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып[уск] 25. – Санкт-Петербург, 1994. С. 215–224.

Шкаровский М. Правозащитная, научная, социальная и производственная деятельность ленинградского отделения ОПК 1923–1935 гг. // *Всесоюзное общество политкаторжан*, (2004). С. 135–163.

Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // *Археографический ежегодник за 1992*. – М., 1994.

Шукман А. Александр Владимирович Ратнер – первый исследователь ОПК // *Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев*, (2004). С. 18–22.

Шукман А. Служитель внутреннего долга // *Библиография*, (1991) 1. С. 127–132.

Шумяцкий Я. Итоги IV съезда ОПК // *Бюллетень ЦС ОПК*, 1 (1931) 8. С. 5.

Шумяцкий Я. Пятнадцатилетие Февральской революции и пленум Центрального Совета Всесоюзного Общества политкаторжан // *КиС*, 88 (1932) 3. С. 28–44.

Щеголев П. Биографический словарь революционеров // *Книга и революция*, (1920) 1. С. 8–9.

Энтин Г. [Энтеен Г.М.]: Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // *Вопросы истории*, (1995) 5–6. С. 149–155.

Якимова А.В. Группа «Свобода и смерть» // *КиС*, 24 (1926). С. 14–16.

Якимова А.В. Из далекого прошлого. Из воспоминаний о покушении на Александра II // *КиС*, 8 (1924). С. 9.

Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. – М., 1993.

Янсен М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 // *Минувшее*. Вып[уск] 7. – М., 1989.

Ярославский Ем. М. (староста ОПК), *Корочкин С.* (Зам[еститель] старосты) и [Львов А.П.] Секретарь ЦК: Ответ на анкету органа анархистов-коммунистов во Франции «LeLiberter» // *КиС*, 36 (1927) 7. С. 234–236.

Ярославский Ем. М. Покровскому М. от 25.2.1930 // *Чернобаев А.А.* (Сост[авитель]): «Я себя считаю лично уже ушедшим». Письма М.Н. Покровского. 1922–1931 // *Исторический архив*, (1993) 4. С. 213.

Ярославский Ем. М. Каким должен быть и каков есть журнал «Каторга и ссылка» // *Пролетарская Революция*, (1930) 11. С. 183–187.

Ярославский Ем. М. Ленин как вождь пролетарского восстания // *КиС*, 36 (1927). С. 9–16.

Ярославский Ем. М. Маркс, Энгельс и Ленин о «Народной Воле». К пятидесятилетию «Народной Воли» // *Правда*, (1930) 30.1. С. 5.

Ярославский Ем. М. Недоразумение ли? Ответ тов[арищу] Теодоровичу // *Большевик*, (1930) 3–4. С. 121–126.

Ярославский Ем. М. Об одной фальсификации истории нашей партии // *КиС*, 84–85 (1931) 11–12. С. 19–22.

Ярославский Ем. М. Об одной фальсификации истории нашей партии // *Большевик*, (1931) 22. С. 66–68.

Ярославский Ем. М. Ольминскому М.С. от 5.6.1931 // РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 27. Л. 3.

Ярославский Ем. М. Ответ тов[арищу] Ваганяну // Большевик, 18 (1926). С. 79–102.

Ярославский Ем. М. Очерки по истории ВКП(б). – М., 1936.

Ярославский Ем. М. Что было. Девять лет в Якутске // Пролетарская Революция, 50 (1926) 3. С. 224–239.

Литература на других языках

Assmann J. Erinnern um dazuzugehören // Platt K., Dabag M. (Hrsg): Generation und Gedächtnis. Erinnerungen und kollektive Identitäten. – Opladen, 1995. С. 51–75.

Barber J. Soviet Historians in Crisis 1928–1931. – London, 1981.

Barber J. Stalin's Letter to the Editors of Proletarskaya Revolyutsiya // Soviet Studies, 28 (1976) Vol. 1. С. 21–41.

Barber J. The Establishment of Intellectual Orthodoxy in the U.S.S.R. 1928–1934 // Past and Present, 84 (1979). С. 141–164.

Behrendt L.-D. Die Institute der Roten Professur. Kadernschmieden der sowjetischen Parteintelligenz. 1921–1938 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 45 (1997) Nr. 4. С. 597–621.

Berkman A. (Ed.): Letters from Russian prison (International Committee for political prisoners). – New York, 1977.

Beyrau D. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. – Göttingen, 1993.

Beyrau D. Das bolschewistische Projekt als Entwurf und als soziale Praxis // Utopie und politische Herrschaft im Europa der Zwischenkriegszeit. [Kolloquium zum Thema «Utopie und Politische Herrschaft im Europa der Zwischenkriegszeit» im Historischen Kolleg] (Hrsg. von Wolfgang Hardtwig unter Mitarbeit von Philip Cassier). – Oldenburg, 2003. С. 13–39.

Beyrau D. Im Dschungel der Macht. Intellektuelle Professionen unter Stalin und Hitler. – Göttingen, 2000.

Binner R., Junge M. «S ETOJ PUBLIKOJ CEREMONIT'SJA NE SLEDUET» [Mit diesem Publikum kann man kurzen Prozeß machen]. «Die Zielgruppen des Befehls 00447» und «Der <Große Terror> aus der Sicht des Befehls 00447» // Cahiers du Monde russe, 43/janvier-mars, (2002) Nr. 1. С. 181–228.

Bljum A.V. Zensur in der UdSSR. Hinter den Kulissen des «Wahrheitsministeriums». 1917–1929, Teil 1. – Bochum, 1999.

Brakel A. Die Neue Ökonomische Politik und die politische Meinung der bäuerlichen Bevölkerung. Eine Fallstudie zum Gouvernement Voronež 1921–1927 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 53 (2005). С. 196–220.

Broszat M. Resistenz und Widerstand // Bayern in der NS-Zeit. Herrschaft und Gesellschaft im Konflikt. (Hrsg. v. M. Broszat, E. Fröhlich, A. Grossmann). Bd. 4. – München–Wien, 1981. С. 691–709.

Broué P. Trotsky. – Paris, 1988.

Clark K. The «Quiet Revolution» in Soviet Intellectual Life // Fitzpatrick Sh. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. – Ithaca–London, 1992. С. 210–230.

Clausen D. (Hrsg.): Boris Nikolajewski. Brief eines alten Bolschewiken. – Frankfurt, 1992.

Cohen St. Bukharin and the Bolshevik Revolution. – Oxford, 1971.

Conquest R. Der Grosse Terror. Sowjetunion 1934–1938. – München, 1992.

Daniels R.V. Soviet Thought in the Nineteen-Thirties. An Interpretive Sketch // *Ginzburg M., Shaw J.T.* Indiana Slavic Studies. – Bloomington, 1956. C. 100–106.

Davies R.W. (Ed.): From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. – London, 1990.

Die Fragen der chinesischen Revolution. Thesen des Genossen Stalin für Propagandisten, gebilligt vom ZK der KPdSU // Die Linke Opposition (1977). Bd. V. C. 43–49.

Die Lehren der Ereignisse im Zusammenhang mit dem Meuchelmord am Genossen Kirow [18. Januar 1935] // Schauprozesse unter Stalin: 1932–1952. Zustandekommen, Hintergründe, Opfer. – Berlin, 1990. C. 210–222.

Die Linke Opposition in der Sowjetunion 1923–1928. Band V, 1926–1927 (Hrsg. U. Wolter). – Berlin-West, 1977.

Dimitroff G. Kommentare und Materialien zu den Tagebüchern 1933–1943 (Hrsg. von *Bayerlein B.N.* und *Hedeler W.* unter Mitarbeit von *Schliewenz B.* und *Martschuk M.*). – Berlin, 2000.

Dimitroff G. Tagebücher 1933–1943 (Hrsg. von *Bayerlein, B.N.*). – Berlin, 2000.

Eenteen G.M. The Soviet Scholar-Bureaucrat. M.N. Pokrovskii and the Society of Marxist Historians. – London, 1978.

Fainsod M. How Russia is Ruled. – Cambridge, 1963.

Figes O. Die Tragödie eines Volkes. Die Epoche der russischen Revolution 1891–1924. – Berlin, 1996.

Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary Live in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. – New York–Oxford, 1999.

Fox M.C. Political Culture, Purges, and Proletarianization at the Institute of Red Professors. 1921–1929 // *The Russian Review*, 52 (1993) Vol. 1. C. 20–42.

Frankel J. Party Genealogy and the Soviet Historians. 1920–1938 // *Slavic Review*, (1966) Vol. 4. C. 563–603.

Geschichte der KPdSU (B). Kurzer Lehrgang. – M., 1945.

Getty J.A. «Excesses are not permitted». Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // *Russian Review*, 61 (2002) Vol. 1. C. 113–139.

Getty J.A. Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered. 1933–1938. – Cambridge, 1985.

Getty J.A., Naumov O.V. The Road to Terror. Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. – New Haven–London, 1999.

Groselclose E.E. Prison of Despair. An Experience in the Russian Cheka // *Atlantic Monthly* (Boston). 1923. 132. C. 833–844.

Häfner L. Die Partei der linken Sozialrevolutionäre in der russischen Revolution von 1917–1918. – Köln–Weimar–Wien, 1994.

Haumann H. Sozialismus als Ziel. Probleme beim Aufbau einer neuen Gesellschaftsordnung. 1918–1928/29 // *Handbuch der Geschichte Russlands*. Bd. III, 1 (1856–1945), (Hrsg. G. Schramm). – Stuttgart, 1983. C. 623–780.

Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. – München, 1998.

Hockerts G. Zugänge zur Zeitgeschichte. Primärerfahrung, Erinnerungskultur, Geschichtswissenschaft // *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 28 (2001). C. 15–30.

Holmes L., Burgess W. Scholarly Voice or Political Echo. Soviet Party History in the 1920 // *Russian History*, (1982) Vol. 5. C. 378–398.

Hösl E. Evgenij Viktorovič Tarle (1875–1955) und seine Stellung in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. – Wiesbaden, 1964.

Itenberg B.C. Dviženie revoljucionnogo narodničestva. Narodničeskie kružki i «choždenie v narod» v 70-ch godach XIX veka. – M., 1965.

Jaeger H., Rumschöttel H. Das Forschungsprojekt «Widerstand und Verfolgung in Bayern 1933–1945». Ein Modell für die Zusammenarbeit von Archivaren und Historikern // *Archivalische Zeitschrift*, 73 (1977). C. 209–220.

Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940. – Stanford, 2002.

Junge M. Bucharins Rehabilitierung. Historisches Gedächtnis in der Sowjetunion 1953–1991. – Berlin, 1999.

Kershaw I. Popular Opinion and Political Dissens in the Third Reich. Bavaria 1933–1945. – Oxford, 1983.

Kershaw I. Der NS-Staat. Geschichtsinterpretationen und Kontroversen im Überblick. – Hamburg, 1999.

Knight A. Who Killed Kirov? The Kremlin's Great Mystery. – New York, 1999.

Kössler R. Dritte Internationale und Bauernrevolution. Die Herausbildung des sowjetischen Marxismus in der Debatte um die «asiatische» Produktionsweise. – Frankfurt–New York, 1982.

Kropotkin P.A. Memoiren eines Revolutionärs. – Frankfurt a. M., 1973.

Lenin V.I. Die Agrarfrage // *Lenin V.I. Werke*, 1. Auflage, Bd. 10. November 1905 – Juni 1906. – Berlin, 1958. C. 328–349.

Lenoe M. Did Stalin Kill Kirov and Does it Matter? // *The Journal of Modern History*, 74(2002). C. 352–380.

Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivisation. – London, 1968.

Luxemburg R. Die russische Revolution // *Luxemburg R. Politische Schriften III* (Hg. von O.K. Flechtheim). – Frankfurt am Main, 1971. C. 106–141.

Mally L. Culture of the future. The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. – Berkeley, 1990.

Marx K., Engels F. Ausgewählte Schriften in zwei Bänden. Bd. I. Berlin, 1958. C. 17–18.

Merl St. Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems 1930–1941. – Berlin, 1990.

Negt O. Marxismus als Legitimationswissenschaft. Zur Genese der stalinistischen Philosophie // Nikolai Bucharin, Abram Deborin. Kontroversen über dialektischen und mechanistischen Materialismus. Eingeleitet von Oskar Negt. – Frankfurt a. M., 1974. C. 7–48.

Neutatz D. Stalinismus // *Bohn Th., Neutatz, D.* (Hg.): Studienhandbuch Östliches Europa. Bd. 2. – Köln, 2002. C. 274–281.

Niethammer L. Geschichte und Gedächtnis // *Niethammer L.* (Hrsg) Deutschland danach. Postfaschistische Gesellschaft und nationales Gedächtnis. – Bonn, 1999. C. 536–607.

Nolte H.-H., Poljan P. Massenverbrechen in der Sowjetunion und im nationalsozialistischen Deutschland. Zum Vergleich der Diktaturen // Zeitschrift für Weltgeschichte, (2001) Nr. 1. C. 125–147.

Pasvolsky L. Soviet Prisons // Current History Magazine of New York Times. 1921. 14.7. C. 672–677.

Pethybridge R. One Step Backward. Two Steps forward. Soviet Society and Politics in the New Economic Policy. – Oxford, 1990.

Plum G. Widerstand und Resistenz // *Boszat M., Möller H.* (Hrsg.) Das Dritte Reich. Herrschaftsstruktur und Geschichte. – München, 1983.

Pogorelskin A. The Politics of NEP and the Politics of its Historiography // Russian History/ Histoire Russe, 27 (2000) Nr. 4. C. 377–779.

Pomper Ph. Peter Lavrov and the Russian Revolutionary Movement. – Chicago, 1972.

Programm des «Bundes vom 17. Oktober» (Oktobristen) // Die russischen politischen Parteien von 1905 bis 1917. Ein Dokumentationsband, (Hg. v. C. Scheibert). – Darmstadt, 1972. C. 69–77.

Ratner A.V. Kolosov V.M. [Zur Veröffentlichung vorbereitet von J. Leon'tev] // Slavia. Rivista trimestrale di cultura Anno X, (2001) Nr. 2. C. 4–18.

Reiman M. Lenin, Stalin, Gorbatschow. Kontinuität und Brüche in der sowjetischen Geschichte. – Hamburg, 1987.

Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society an Culture. – Bloomington, 1991.

Schröder H.-H. Arbeiterschaft, Wirtschaftsführung und Parteibürokratie während der Neuen Ökonomischen Politik. Eine Sozialgeschichte der bolschewistischen Partei 1920–1928. – Berlin, 1982.

Schröder H.-H. Industrialisierung und Parteibürokratie in der Sowjetunion. Ein sozialgeschichtlicher Versuch über die Angangsphase des Stalinismus. 1928–1934. – Berlin, 1988.

Schröder H.-H. Stalinismus “von unten”? Zur Diskussion um die gesellschaftlichen Voraussetzungen politischer Herrschaft in der Phase der Vorkriegsfünfjahrpläne // *Geyer D.* (Hrsg.) Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. – Göttingen, 1991. C. 133–166.

Serge V. Die Gefahr ist in uns. 1920–1921 // Ders. Beruf Revolutionär. Erinnerungen 1901–1917–1941. – Frankfurt, 1967. C. 138–139.

Shapiro J.C. Rehabilitation Policy and Political Conflict in the Soviet Union 1953–1964, unpublished Ph. D. thesis Columbia University 1967. (University Microfilms, Ann Arbor, Mich. 1977).

Sorenson J.B. The Life and Death of Soviet Trade Unionism. 1917–1928. – New York, 1969.

Stalin I.V. Vor Erfolgen vom Schwindel befallen. Zu den Fragen der Kollektivierungsbewegung // *Stalin I.V.* Werke, Bd. 12. – Berlin, 1950. C. 168–175.

Stalin I.V. an *Molotov V.M.* [nicht vor dem 6.8.1930] // Stalin. Briefe an Molotow. 1925–1936. (Hrg. L.T. Lih, O. Naumow und O. Chlewnjuk). – Berlin, 1996. C. 217–218.

Stalin I.V. an *Molotov V.M.* [2.9.1930] // Stalin. Briefe an Molotow. 1925–1936. (Hrg. L.T. Lih, O. Naumow und O. Chlewnjuk). – Berlin, 1996. C. 228–229.

Stalin. Briefe an Molotow. 1925–1936. (Hrsg. L.T. Lih, O. Naumow und O. Chlewnjuk). – Berlin, 1996.

Thamer H.-U. Der Nationalsozialismus. – Stuttgart, 2002.

The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet history, (ed. by J.L. Wieczynski). – USA, 1976–2004.

Thun A. Die Geschichte der revolutionären Bewegung in Russland. – Leipzig, 1883.

Tomskij M. Abhandlungen über die Gewerkschaftsbewegung in Russland. – Hamburg, 1921.

Torke H.-J. Historisches Lexikon der Sowjetunion. 1917/22 bis 1991. – München, 1993.

Trotzki L. Reden auf der 8. Plenartagung des Exekutivkomitees der Kommunistischen Internationale im Mai 1927 // Die Linke Opposition. 1977. Bd. V. C. 96–113.

Trotzki L. Schriften 2. Über China, Bd. 2.1 (1924–1928), (Hrsg. W. Bode, H. Dahmer, H. Lauscher, et al.). – Frankfurt, 1990.

Tucker R.C. Stalin in Power. The Revolution from above. 1928–1941. – New York, 1990.

Venturi F. Il populismo russo. – Turin, 1952.

Venturi F. Les intellectuels, le peuple et la révolution. Histoire du populisme russe au XIX siècle. – Paris, 1972.

Walicki A. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. – Oxford, 1969.

Welzer H. Täter. – Frankfurt a. M, 2005.

Wehner M. Bauernpolitik im proletarischen Staat. Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Band 23. – Köln–Weimar–Wien, 1998.

Wolkogonow D. Trotzki. Das Janusgesicht der Revolution. – Düsseldorf, 1992.

Yun Y.-S. Die Gewerkschaften in Sowjetrussland 1918–1920. Zu innergesellschaftlichen Problemen zu Beginn der Institutionalisierung der Gewerkschaften unter sowjetischer Herrschaft. – Berlin, 1997.

Ziehr W. Die Entwicklung des «Schauprozesses» in der Sowjetunion. Ein Beispiel zur sowjetischen Innenpolitik 1928–1938. – Berlin, 1969.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Титул Всесоюзное Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. КиС, 13 (1921).
- С. 48 Обложка первого выпуска журнала «Каторга и ссылка» 1921 г.
- С. 98–99 М. Томский, Я. Рудзутак Общество б[ывших] ссыльных и каторжан следует закрыть по следующим соображениям. Письмо в ЦК ВКП(б) от 31 августа 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 368. Л. 8–8об.
- С. 154 Организационная структура ОПК. Десять лет. 1921–1931. Сборник статей и воспоминаний к десятилетнему юбилею Общества политкаторжан / Под редакцией Л. Старр, В. Плескова и Г. Крамарова. Москва 1931. С. 24–25.
- С. 157 Члены Президиума Совета ОПК 1923 г. [Слева направо: В.Д. Виленский-Сибиряков (замстаросты), Л.А. Старр (секретарь), М.П. Шебалин, А.В. Якимова-Диковская, Г.М. Крамаров (замстаросты), С.М. Темкин и П.П. Маслов. КиС (1923) 6. С. 32]
- С. 208 Портрет В.Д. Виленского-Сибирякова 1913 г. Из собрания музея «Каторга и ссылка». Деятели революционного движения в России. Том 5. Социал-демократы (Сост. Е.А. Корольчук и Ш.М. Левин. Под ред. В.Н. Невского). Выпуск первый: А-Б. Москва, 1931. С. 815.
- С. 212 Орловское землячество 1926 г. Слева направо 1-й ряд: С.И. Часовенный, В.И. Блазиевский, К.Я. Поднек, Д.М. Раппопорт, М.Я. Сиодлак, А.М. Хинчук, И.А. Некрасов. 2-й ряд: Е.А. Вольнец, К.Я. Лукс, И.Я. Коротков, Ф.Е. Дзержинский, Ф.Я. Кон, Г.Ф. Гурза, В.Я. Сырек. 3-й ряд: Медведев, Ф.И. Казмерчак, М.Л. Волгин-Пыркин. КиС (1926) 25. С. 177.
- С. 230 Группа народовольцев снята в 1926 г. Слева направо 1-й ряд: А.Н. Лебедев, Е.П. Ростковский, Е.М. Гадеоновская, М.И. Шебалина, Е.И. Яковенко, М.В. Брамсон, Н.И. Ракитников, П.К. Пешекеров, М.А. Брагинский, Л.В. Ергина, В.В. Леонович, Л.В. Фрейфельд, Е.Д. Степанов, Л.С. Залкинд, М.И. Ромась. 2-й ряд: Е.Н. Фигнер, Е.Фигнер-Сажина, С.А. Борейша-Иванова, Е.Я. Гуревич-Фрейфельд, Н.О. Коган-Бернштейн, П.И. Перли-Брагинская, К.М. Терешкович, М.Ф. Фроленко, М.П. Шабалин. 3-й ряд: И.И. Попов, А.В. Диковская, М.П. Сажин, Макар П. Попов. КиС (1926) 24. С. 17.
- С. 332 И.А. Теодорович с женой Г.И. Окуловой в политической ссылке в г. Тайшете в 1914–1916 гг.
- С. 336 Обложка 6-го выпуска журнала «Каторга и ссылка» в 1923 г.
- С. 370 Ф. Кон, М. Горький, Ем. Ярославский начало 30-х годов. О Емельяне Ярославском. Воспоминания, очерки, статьи // Сост. П.С. Фатеев, В.В. Королев. Москва 1988. Иллюстрации.
- С. 480 Эмблема издательства Всесоюзного Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. КиС (1931) 10.
- С. 536 Фотография заключенного И.А. Теодоровича в 1937 г.. ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-5089. Д. 42.

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ

- № 1 Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК № 93/Пункт 126 «О положении заключенных» (Постановление т. Сталина). 2 февраля 1922 г. – С. 539.
- № 2 Заявление Бюро Коммунистической Фракции ОПК в ЦК ВКП(б). 14 июня 1922 г. – С. 539.
- № 3 Заявление члена Бюро Комфракции ОПК Г.М. Крамарова в ЦК ВКП(б). 24 августа 1922 г. – С. 549.
- № 4 Докладная записка [В. Н.] Залежного. После 24 августа 1922 г. – С. 549.
- № 5 Заключение Я.Э. Рудзутака и М.П. Томского. 31 августа 1922 г. – С. 552.
- № 6 А.Н. Андреев в ОПК. 16 марта 1924 г. – С. 553.
- № 7 Ем. Ярославский тов. Корочкину. 1 июля 1927 г. – С. 554.
- № 8 В.Д. Виленский-Сибиряков во Фракцию Центрального Совета ОПК. Между 6 и 10 октября 1927 г. – С. 556.
- № 9 Ем. М. Ярославский в МКК тов. Морозу. 14 октября 1927 г. – С. 558.
- № 10 Ем. Ярославский в МКК. 25 октября 1927 г. – С. 558.
- № 11 Ем. Ярославский И.А. Теодоровичу. 12–16 ноября 1930 г. – С. 559.
- № 12 И.А. Теодорович в Комфракцию Центрального Совета ОПК. 16 ноября 1930 г. – С. 560.
- № 13 Ем. Ярославский И.А. Теодоровичу. 18 ноября 1930 г. – С. 5623.
- № 14 Ем. М. Ярославский Я.Б. Шумятскому. 18 ноября 1930 г. – С. 563.
- № 15 Справка начальника спецотделения 4 отдела ГУГБ Эдельмана об агентурных и следственных материалах ГУГБ НКВД о И.А. Теодоровиче. 19 февраля 1937 г. – С. 564.
- № 16 Ордер № 2305 ГУГБ НКВД СССР на арест И.А. Теодоровича. 11 июня 1937 г. – С. 566.
- № 17 Протокол обыска И.А. Теодоровича. После 11 июня 1937 г. – С. 566.
- № 18 Анкета арестованного И.А. Теодоровича. Не позже 18 июля 1937 г. – С. 567.
- № 19 Выписка из протокола допроса Ковалева Александра Васильевича о И.А. Теодоровиче. 31 мая 1937 г. – С. 568.
- № 20 Заявление арестованного И.А. Теодоровича в НКВД СССР Н.И. Ежову. 10 июля 1937 г. – С. 569.
- № 21 Протокол допроса Ивана Адольфовича Теодоровича. 28 июля 1937 г. – С. 570.
- № 22 Обвинительное заключение по следственному делу № 10581 по обвинению И.А. Теодоровича. 16 августа 1937 г. – С. 578.
- № 23 Справка о расстреле И.А. Теодоровича. 20 сентября 1937 г. – С. 579.
- № 24 Письмо прокурора В. Борисоглебского дочери И.А. Теодоровича Н.И. Казанской. 5 января 1965 г. – С. 580.

УКАЗАТЕЛЬ ТАБЛИЦ И ДИАГРАММ

- Таблица 1 Существующие некоммерческие общественные организации с 1917 по 1939 гг. – С. 80.
- Таблица 2 Возрастная структура членов ОПК 1925, 1928, 1931. – С. 180.
- Таблица 3 Социальное происхождение членов ОПК 1925, 1928, 1931 – С. 180.
- Таблица 4 Уровень образования членов ОПК 1925, 1928, 1931. – С. 181.
- Таблица 5 Профессии членов ОПК 1925, 1928, 1931. – С. 181.
- Таблица 6 Партийный статус членов ОПК 1925, 1928, 1931. – С. 181.
- Таблица 7 Партийный статус членов ОПК 1917 г. – С. 182.
- Таблица 8 Издательская деятельность ОПК 1921–1926 гг. – С. 216.
- Таблица 9 Закрытия некоммерческих общественных организаций с 1917 по 1939 гг. – С. 505.
- Диаграмма 1 Общество политкаторжан в цифрах 1921–1934 гг. – С. 178.
- Диаграмма 2 Динамика ведущих тем мемуарного комплекса журнала «Каторга и ссылка». Количество рубликации по годам издания 1921–1935 гг. – С. 415.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АПРФ – Архив Президента Российской Федерации
БЭС – Большой Энциклопедический Словарь
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК (ЧК) – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (Чрезвычайная Комиссия)
ВЦСПС – Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВТУЗ – Высшее техническое учебное заведение
ВУЗ – Высшее учебное заведение
ГА РФ – Государственный Архив Российской Федерации
ГИЦ МВД – Главный Информационный Центр Министерства Внутренних Дел
Главархив – Главное архивное управление
Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств (1922–1933), Управление уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по охране военных и государственных тайн в печати (1933–1946)
Госиздат – Государственное издательство РСФСР
ГПУ – Государственное Политическое Управление
Губком – Губернский комитет РКП(б), ВКП(б) или, если упоминается комсомол, РКСМ, РЛКСМ, ВЛКСМ
Д. – дело
Истпарт – Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской Коммунистической Партии (б-ов)
КиС – Каторга и ссылка (Журнал)
Комуч – Комитет членов Учредительного собрания
Крестинтерн – Крестьянский Интернационал
Л. – лист
МЧК – Московская Чрезвычайная Комиссия
МК – Московский Комитет [Партии]
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
Наркомат – Народный комиссариат
Наркомпрод – Народный комиссариат продовольствия
Наркомсобес – Народный комиссариат социального обеспечения союзных и автономных республик
Наркомзем – Народный комиссариат земледелия
НЭП – Новая Экономическая Политика
НИИС – Научно-Историко-Исследовательская Секция
Об. – Обратная сторона

- ОПК – Общество бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев
ОСБ – Общество Старых Большевиков
ПДР – Политические Деятели России 1917. Биографический словарь
Помгол – Центральная комиссия помощи голодающим
ППР – Политические Партии России. Конец XIX–первая треть XX века. Энциклопедия
ПРК – Партия революционного коммунизма
ПСР – Партия социалистов-революционеров
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РКП – Российская коммунистическая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СИЭ – Советская Историческая Энциклопедия
СНК – Совнарком – Совет Народных Комиссаров
СТО – Совет Труда и Оборона (1920–1937)
Ф. – фонд
Цектран – Центральный комитет Единого производственного союза рабочих транспорта
Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ
ЦКК – Центральная Контрольная Комиссия Партии
ЦС – Центральный Совет

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Авксентьев Н.Д. – 123
Агранов Я.С. – 189, 190, 502
Аданир Ф. – 5
Азеев Г.А. – 251, 257, 274, 582
Азеф Е. – 140, 466
Акимов В. – 352
Аксельрод П.Б. – 356, 408, 426
Аксельрод-Ортодокс Л. – 355, 356, 592
Акулов И.А. – 492–494, 511, 512, 605
Акумов – 510
Алаторцева А.И. – 40, 41, 349, 418, 422, 457, 592, 607
Александр II – 12, 302, 311, 312, 315, 353, 598, 613
Александр III – 317
Алексеева Г.Д. – 22, 40, 94, 95, 592, 600, 607
Анвайлер О. – 15
Андреев А.А. – 360, 363, 589
Андреев А.Н. – 117, 119, 137, 144, 146, 152, 153, 172–176, 191–193, 199, 358, 497, 524, 553, 581–583, 589, 592, 620
Андреева – 507
Антонов А.С. – 116, 143
Антонов М.И. – 119
Антонов П.Л. – 601
Антонов Р.Л. – 353
Антонов-Овсенко В.А. – 143
Аптекман О.В. – 87, 151, 581, 599
Арбатов Г. – 592
Аристов – 422, 604
Аркадьев Г. – 432, 433, 458, 459, 508, 592
Аронов Л. – 5
Аронсон Г. – 144, 592
Артизов А.Н. – 350, 357–360, 362, 363, 592
Ашценбреннер М.Ю. – 12, 150, 151, 214, 313, 353, 354, 581, 611, 612

Б

Бабиченко Л.Г. – 418, 592
Байрау Д. – 15–18, 38, 43, 534
Бакин – 507

Бакунин М.А. – 11, 139, 279, 298, 317, 321, 356, 408, 409, 478, 483, 509, 574, 592, 604
Баранцев Т.В. – 5
Барбер Дж. – 27, 302, 304, 330, 342, 388
Баталов Е. – 592
Батурин Н.Н. – 224–227, 232, 241, 265, 271, 313, 353, 362, 593, 602, 603
Баум К. – 490
Баум Я.Д. – 138, 177, 195, 196, 202, 285, 295, 442, 491, 498, 511
Бах А.Н. – 150, 303, 349, 581, 611
Бегге – 195
Беленкин Б. – 5
Беленький П.М. – 512, 515
Белинский В.Г. – 279, 298
Белкин – 195
Бердичевская – 275, 300, 510
Бердичевский Я. – 316
Березин М.Е. – 355, 356, 593
Берман – 196
Бернштейн Б.С. – 46, 60, 100, 540
Бибергаль А. – 581
Бибергиль А. – 151, 599
Бидкевич – 577
Билибин Н.Н. – 66
Биннер Р. – 5
Биценко А.А. – 46, 47, 49, 56, 59, 66, 67, 87, 100, 119, 122, 132, 138, 144, 146, 194–196, 251, 252, 264, 473, 507, 510, 511, 540
Благоев Д. – 88, 356, 604, 608
Блазиевский В.И. – 619
Блан Л. – 307, 351
Бланки Л.О. – 322, 356
Бобров В.Ф. – 161
Боброва-Тарасова В.М. – 46, 60, 194–196, 456, 540
Богданов – 507
Богораз В. – 151, 603
Богун А.А. – 300
Богучанский Б.Б. – 306, 307, 310, 351
Богучарский В.Я. – 87
Боднарский Б.С. – 87
Бойковский-Валентинов Г. – 266
Бонвеч Б. – 5

Борисов Ю.С. – 35, 593
Борисоглебский В. – 580, 620
Бородин – 575, 576
Бородин Ю.О. – 355, 593
Бороздин И.Н. – 87
Борьян – 195
Боярский Г. – 357, 593
Брагинский Л.М. – 458
Брагинский М.А. – 155, 157, 162, 194–196, 202, 230, 251, 253, 257, 354, 419, 619
Брамсон М.В. – 151, 195, 230, 619
Брауххофф М. – 5
Бреслав Б.А. – 21, 138, 156, 158, 161, 162, 164, 165, 177, 194–196, 237, 251, 253, 256–259, 262, 266, 268, 273, 275, 285–288, 295, 299, 432, 435, 449, 458, 461, 464, 465, 472, 473, 475, 476, 478, 479, 485, 486, 500, 507, 510
Бровкин В.Н. – 537, 593
Броневицкий – 612
Броуде С. – 142
Брошат М. – 36, 37
Бублеев М.И. – 399, 407–409, 419, 422, 426, 448, 458, 461, 464, 470, 479, 507, 509–511, 590
Бубнов А.С. – 409
Булдаков В.П. – 95, 593
Бур А. – 376, 385, 386, 514, 593
Бурцев В.Л. – 87, 101, 140, 541
Бустрем В.В. – 448, 458
Бутович – 400
Бухарин Н.И. – 68, 113–115, 132, 149, 245, 365, 574
Бухбиндер Н. – 355, 593
Быковский С. – 90, 139, 199–201, 299, 593
Быстрянский В. – 206, 207, 234, 593
Бычков – 162, 196

В

Ваганян В. – 317, 354, 593, 614
Вайнштейн – 510
Валк С.Н. – 21, 39, 210, 318, 355, 361, 593, 594, 607
Вандалковская М.Г. – 85, 594
Вардин И. – 147, 148, 594
Васильев – 273, 589
Васильев И. – 151, 603
Васильев Я. – 469, 470, 472, 507, 512
Васильченко Д.П. – 466
Васильченко С.Ф. – 479, 507, 509
Веденяпин М.А. – 46, 60, 78, 100, 107, 121, 122, 131–133, 135, 146, 147, 150, 285, 299, 540, 549, 596, 605

Вейс Е.Я. – 300
Вельман В.И. – 258, 510
Венгеров Я.С. – 161, 275, 300
Венер М. – 168, 198, 357, 536
Вентури Ф. – 15, 26
Верт Н. – 37, 594
Веселовский Г. – 44, 119, 120, 191, 204
Веселовский Ж.Г. – 138
Викторов П.П. – 356, 592
Викторова-Вальтер С.А. – 354, 594
Виленский-Сибиряков В.Д. – 29, 30, 32, 47, 156–158, 161–167, 169, 170, 172, 182, 187, 191–196, 201, 207–209, 211, 219–227, 229, 230, 232–234, 236, 238–242, 244–254, 256–278, 280, 281, 286–289, 294, 295, 299, 301, 315, 318, 343, 354, 355, 382, 435, 458, 464, 471, 473, 507, 522, 528, 529, 534, 555–559, 581, 588, 592, 594, 610, 612, 619, 620
Виноградов – 510
Витоженец Г.Ч. – 5
Витязев – 237, 612
Владимирский – 195
Водолазский А.Т. – 435
Волгин В.П. – 39, 593
Волгин-Пыркин М.Л. – 619
Волк С.С. – 39, 40, 594, 607
Волковский – 195
Волконский С.Г. – 235, 592
Волосевич В. – 389, 418
Волынец Е.А. – 619
Вольнский – 196, 432
Волькинд – 195, 196
Воробьев – 161, 569, 574
Воробьев А. – 65, 91, 572, 600
Воронин – 510
Ворошилов К.Е. – 445
Врублевский Ф.К. – 46, 129, 141, 156, 158, 194–196, 540

Г

Гавен Ю. – 203
Гадеоновская Е.М. – 230, 619
Газганов Е. – 362
Галас М.Л. – 384, 594
Галкин М.И. – 234, 589
Ганенко – 195, 202
Гарелин И. – 42, 299, 594, 612
Гарелин И.В. – 300
Гаунштейн М.В. – 593
Гауэнштейн М.В. – 355
Гадеоновский А.В. – 150, 151, 316, 354, 355, 581, 595, 606, 611
Гейцман И.М. – 46, 60, 160, 195, 196

Гелинцев – 569
 Гельман – 507, 510
 Генев В.Н. – 595
 Генкина Э. – 362, 406, 425, 595
 Георгиевский В.Г. – 398
 Гердовский З.М. – 255
 Гернет М.Н. – 39, 40, 595
 Герцен А.И. – 11, 85
 Гершкович Л.Л. – 161, 195, 196
 Гесев К.В. – 595
 Гимпельсон Е.Г. – 36, 37, 94, 148, 595
 Гинев В.Н. – 40, 86, 595
 Гинцбург С.М. – 355, 425, 426
 Глебов – 195, 196
 Глинка Ф.Н. – 235, 612
 Глушаков Ю. – 39, 595
 Головина-Юргенсон Н.А. – 194, 196
 Головина-Юргенсон Н.А. – 155
 Головина-Юргенсон Н.А. – 195
 Головина-Юргенсон Н.А. – 238
 Головкова Л.А. – 203, 593
 Голотик С.П. – 143, 537, 595
 Голубков А.П. – 162, 406, 425, 446, 465
 Гольденберг – 195, 196
 Гончаров Р.Л. – 470
 Горев – 435
 Горелов О.И. – 92, 151, 595
 Горин П.О. – 303, 324, 329, 331, 333, 337, 339, 340, 344, 347–349, 357, 359, 361, 363, 444, 499, 589, 595
 Горинов М.М. – 94, 595
 Горовиц В.И. – 46, 60, 540
 Горький М. – 143, 370, 494, 513, 520, 566, 605, 619
 Горюшкин Л.М. – 24, 41, 609, 611, 612
 Готье Ю.В. – 235
 Гоц А.Р. – 107, 114, 121, 123, 124, 131–133, 135, 136, 142, 143, 150, 167, 549, 595, 608
 Гребенкин – 438
 Григорьев Р.Г. – 41, 607
 Григорьев С.А. – 276, 408, 419, 425, 458, 473, 493, 494, 507, 510, 511, 513, 589, 605
 Громан В.Г. – 365, 424
 Грюнштейн К.И. – 251, 273
 Грюнштейн Р.А. – 155, 156, 158, 162, 194–196, 244, 251, 254–260, 262–264, 266–270, 273, 274, 294, 295, 559, 588
 Гудки-Портненко – 194
 Гуневич Е.С. – 597
 Гуневич – 255
 Гуневич Е.С. – 355
 Гуневич-Мартыновская Ц.С. – 162
 Гуневич-Фрейфельд Е.Я. – 230, 619
 Гурза Г.Ф. – 619

Гусев К.В. – 140
 Гусев С.И. – 245, 271, 438

Д

Давыдова Н. – 144, 595
 Даниэльс Р. – 350
 Двинов Б. – 141, 142, 595
 Деготь В.А. – 397, 398, 401, 413, 421, 423, 595
 Дейч Л.Г. – 29, 30, 52, 86, 196, 240, 283, 311–313, 341, 352, 356, 400, 406, 595, 596, 611
 Дембский И.Ф. – 469
 Деркач – 275, 300
 Джабаров Б. – 38, 596
 Джаиани – 195
 Дзержинский Ф.Э. – 77, 101, 115, 124, 190, 540, 610, 619
 Дигамма-Васильев М.Н. – 283, 603
 Диковская Я.Е. – 96, 133, 137, 144, 155, 157, 161, 162, 230, 284, 285, 289, 312, 315, 350, 543, 581, 601, 602, 611, 619
 Диманштейн С.М. – 258, 435, 449, 465, 479, 508, 510
 Димитров Г. – 452, 466, 467
 Дина – 255
 Дмитренко В.П. – 37, 596
 Добровольский Л. – 88, 596
 Добролюбов Н.А. – 279, 298
 Добромислова – 510
 Долбежкин Д.П. – 251, 253, 256, 257
 Должанская Л. – 152, 421, 596
 Дрей М. – 133, 150, 350, 352, 353, 581, 596, 602, 611
 Дрикер Н.В. – 470
 Дробнис Я.Н. – 513
 Дрожжин – 142
 Дружинин Н.М. – 85, 210, 211, 227, 235, 236, 596, 602
 Дубинский И.П. – 56, 107, 110, 129, 133–135, 137, 141, 144, 146, 151–153, 169, 176, 189, 192, 397–399, 401, 406, 412, 415, 436, 458, 459, 473, 507, 510, 549, 552, 582, 596
 Дубровский-Винокуров Я.Я. – 299
 Дьяконов Б.М. – 142
 Дьячкова А.Н. – 38
 Дэниэлс Р. – 15
 Дяшкова А.Н. – 596

Е

Евдокимов Г.Е. – 245
 Ежов Н.И. – 13, 34, 492–494, 496, 498, 501–504, 511–513, 515, 569, 605, 620

Емшанов А.И. – 520
 Енукидзе А.С. – 70, 74, 127, 347, 363,
 503, 504, 515, 589, 596
 Ергин А. – 150, 151, 581
 Ергин Л.В. – 230, 619
 Ерофеев Н. – 280
 Ерошкин Н.П. – 94, 599
 Ефимкин А.П. – 384, 596

Ж

Жаков М.П. – 465
 Жан-Брюно (Г. Веселовского) – 44
 Жданов А.А. – 445, 463, 516, 590, 609
 Желваков П.А. – 39
 Железняк – 352, 612
 Желябов А.И. – 307, 352, 355, 604, 612
 Жемкова Е. – 145, 151, 596
 Жуков – 469
 Жуков Ю.А. – 503
 Жуков Ю.Н. – 515, 596
 Жуковский-Жук И.И. – 214, 237, 582
 Журавлев С.В. – 147, 597
 Журавлев Я.М. – 161

З

Зайцевский П.Г. – 313, 353, 599
 Закейг М.Д. – 56, 57, 88, 89, 118, 119,
 597
 Залезский В.Н. – 97, 107–113, 118, 127,
 133, 134, 141, 191, 549, 553
 Залкинд Л.С. – 230, 316, 354, 355, 597,
 619
 Засулич В. – 86, 240, 356, 611
 Зелваков П.А. – 594
 Зеленов М.А. – 88, 271, 359, 597
 Зильберблат И. – 89, 510, 597
 Зиновьев Г.Е. – 68, 91, 245, 246, 270,
 271, 275, 359, 475, 503, 567
 Злобина Г. – 5, 39
 Злобина Г.Т. – 5, 202, 597
 Зундеевич А.И. – 352
 Зунделевич А. – 596
 Зунделевич А.И. – 612

И

Иванов Н.Н. – 107, 133, 135, 146, 549
 Иванова Е.А. – 146
 Иванова И.А. – 133, 135, 549
 Иванова-Борейша С.А. – 96, 133, 150,
 230, 543, 581, 611, 619
 Ивановская П.С. – 280, 354, 597
 Игнатов В.Н. – 356
 Игрицкий Ю.И. – 37, 597

Ильина И. – 30–32, 43, 94, 95, 143, 204,
 300, 417, 533, 537, 597
 Имас А.К. – 510
 Имас И.В. – 458
 Ингерман С.М. – 356
 Ионов – 195, 196, 238
 Иорданская Г. – 5
 Иоффе А.А. – 548
 Итенберг Б.С. – 39, 40, 607

К

Каганович Б.С. – 85
 Каганович Л.М. – 358, 360, 421, 423,
 442, 445, 458, 463, 476, 501, 508, 515,
 589, 590, 597, 598
 Казанская Н.И. – 568, 580, 620
 Казанский П. – 432, 433, 454, 458, 459,
 598
 Казарян П.Л. – 598
 Казарян Р.Л. – 198
 Казмерчак Ф.И. – 619
 Калинин М.И. – 365, 573
 Каменев Л.Б. – 113–115, 124, 142, 149,
 198, 246, 261, 271, 359, 496, 503, 515,
 558, 576
 Кан Г. – 39, 507, 598
 Кантор П.М. – 35, 217, 239, 354
 Кантор Р.М. – 352, 355, 591, 598, 599,
 611
 Каплан Ф. – 124, 401
 Карамзин Н.М. – 350, 613
 Карелин А.А. – 87
 Карелин В.А. – 200, 589
 Карнаухова М.Г. – 239, 591
 Карнелевич – 145, 582
 Кац Д. – 132, 150
 Кацнельсон А.В. – 473, 507
 Квашонкин А.В. – 516, 606
 Керенский А.Ф. – 44, 65, 66, 221, 222,
 325, 432, 438, 460
 Кершоу И. – 16, 36, 37
 Кестлер А. – 357
 Кизлин – 451
 Кириевский И.И. – 450, 451, 465, 473,
 476, 477, 507
 Кирилина А.А. – 506, 599
 Киров С.М. – 452, 465, 468, 469, 475,
 478, 486, 487, 498, 500, 502–504, 506,
 514, 516, 532, 599, 609
 Клапина З. – 85, 599
 Клевенский М.М. – 239, 591
 Клевневский М.М. – 217
 Климушкин П. – 50, 65, 85, 91, 599
 Клиорина И.С. – 5

- Клиорина С.М. – 5
 Книжник-Ветров И.С. – 210, 401, 423, 438, 460, 599
 Ковалев А.В. – 568, 620
 Ковалик С.Ф. – 162
 Ковальская-Солнцева Е.Н. – 12, 52, 96, 151, 196, 238, 283, 287, 288, 295, 299, 443, 462, 543, 581, 582, 599
 Коган Л.Е. – 120, 121, 142
 Коган-Бернштейн Н.О. – 150, 151, 230, 284, 354, 581, 611, 619
 Козлов В. – 5, 142, 600
 Козубенко Н.М. – 251, 273, 434, 459
 Козырев М.П. – 571
 Козьмин Б. – 29, 30, 87, 202, 238, 241, 317, 353, 354, 392, 393, 407, 414, 419, 420, 435, 537, 599, 610
 Кокурин А. – 147, 512, 601
 Колесникова Л.А. – 242, 427, 515, 599
 Колосов В.М. – 41, 437, 607
 Колосов Е.Е. – 354, 600
 Колчак А.В. – 146, 270, 276, 286, 594
 Кольцов Д. – 240, 611
 Кон Ф. – 29, 30, 132, 150, 196, 238, 250, 257, 262–265, 273, 281, 285–289, 293–295, 301, 303, 318, 349, 354, 370, 374, 419, 431, 435, 446, 448, 449, 458, 461, 464, 471, 491, 493, 498, 507, 510, 511, 527–529, 537, 575, 599, 619
 Кондратенко Е.Н. – 142
 Кондраатьев Н.Д. – 168, 324–326, 357, 365, 366, 369, 373–375, 383, 384, 424, 504, 560, 561, 569, 596, 599
 Конквест Р. – 495, 496, 513
 Коноплева Л.В. – 124–126, 147, 606
 Константинов М.М. – 350, 377, 378, 385, 391, 400, 401, 408, 413, 423, 434, 435, 448, 459, 464, 511, 599
 Конюхова Т.А. – 40, 599
 Корба-Прибылева А.П. – 151, 316, 352, 354, 581, 599, 611
 Коржихина Т. – 30–32, 43, 80, 83, 84, 88, 94, 95, 149, 242, 497, 498, 502, 511, 513–515, 536, 537, 599, 600
 Коробков В.М. – 396, 397, 407, 421, 427, 471, 510
 Королев В.В. – 271, 370, 603, 619
 Корольчук Е.А. – 234, 239, 271, 275, 276, 591, 594, 619
 Коротков И.Я. – 157, 158, 194, 196, 464, 619
 Корочкин С.Ф. – 45, 47, 88, 95, 100, 129, 138, 141, 146, 155–158, 163, 164, 166, 194–197, 219, 230, 237, 244, 247, 248, 251, 264, 266, 269, 273, 275, 278–285, 288, 291–293, 295, 299–301, 350, 425, 435, 436, 458, 461, 464, 467, 469–473, 476–479, 481–484, 489, 492, 493, 498, 507–512, 540, 549, 554, 589, 600, 613, 620
 Косаковский А.А. – 83, 142, 600
 Косарев А.В. – 502
 Костко К. – 429–432, 438, 439, 447, 457, 461, 514, 600
 Котовская Т.И. – 567
 Кохберг – 275, 300
 Кошелева Л. – 5, 516, 606
 Кравчинский С.М. – 312
 Крамаров Г.М. – 619
 Крамаров Г.И. – 63–65, 88, 107, 141, 155, 196, 238, 412, 415
 Крамаров Г.М. – 22, 40, 46, 47, 49, 56, 76, 84, 87, 88, 91, 94, 100, 107, 110, 119, 120, 129, 133, 134, 138, 141, 144, 146, 151, 156–158, 161, 162, 164, 167, 169–172, 177, 191, 194–196, 198, 207, 374, 396, 404, 412, 448, 458, 470, 495, 507, 511, 540, 549, 552, 596, 600, 619, 620
 Крамольников Г.И. – 354, 400, 402, 406, 408, 413, 422, 423, 426, 435, 598
 Красильников С.А. – 83, 146, 147, 609
 Кривцов С.С. – 465, 477, 508, 509
 Кропоткин П.А. – 53, 87, 174, 200, 279, 298, 408, 520, 594, 601
 Кропоткин С.Ф. – 200
 Кропоткина С.Г. – 87
 Крыленко Н.В. – 173, 554
 Кубалов Б.Г. – 353, 600
 Кузьмин Д. – 317, 354, 600
 Кузьмина – 507, 510
 Кузьмина А. – 300, 374, 458
 Куйбышев В.В. – 100, 539, 548
 Куликов – 564, 565, 576
 Курбатов Ю.А. – 27, 28, 30, 38, 42, 72, 202, 203, 233, 600, 601
 Курицын В.М. – 35, 593
 Кускова Е.Д. – 149, 536, 601
 Кучанов – 195, 196, 300
 Кушева Е.Н. – 239, 591
 Кушнер – 564
- ## Л
- Лавров П.Л. – 223, 237, 240, 241, 279, 321, 401, 423, 438, 460, 478, 509, 514, 599, 601, 611
 Лаппо – 374
 Лассаль Ф. – 307, 316, 321, 351
 Лацис М.И. – 569, 572, 573

- Лебедев А.Н. – 230, 619
Лебедев Н.К. – 87
Лебедев-Полянский П.И. – 251, 274, 569, 575
Левин К.Н. – 41, 607
Левин Ш.М. – 39, 210, 234, 239, 240, 271, 275, 276, 591, 594, 601, 607, 619
Лежаева О. – 88, 601
Лейзеров Л. – 66, 100, 540, 549
Лельчук В.С. – 43, 600
Лемке М. – 51, 52, 85–87, 217, 239, 594, 601
Ленгер – 255
Ленгник – 466, 589
Ленин В.И. – 25, 29, 35, 37, 41, 67, 68, 92, 124, 131, 134, 168, 200, 210, 224, 227, 228, 238, 242, 246, 248, 262, 267, 268, 271, 275, 279, 287, 303, 304, 306–310, 315, 322–324, 326–331, 334, 335, 338, 340–343, 345–348, 352, 353, 356–359, 361, 362, 366, 374, 387, 388, 390, 393, 394, 396, 400–402, 407, 411, 413, 418, 420, 421, 430, 433, 450, 454, 462, 465, 478, 496, 498, 520, 561, 565, 567, 571, 576, 595, 600, 601, 607, 610–613
Леонович В.В. – 230, 619
Леонович-Ангарский Б.В. – 350, 602
Леонтьев Ю. – 41
Леонтьев Я. – 5, 594, 601
Леонтьев Я.В. – 39, 87, 143, 149, 199, 514, 537, 601, 603, 612
Лепешинский П.Н. – 88, 241
Лившин С. – 355, 601
Лившиц Я.А. – 513
Литвин – 578
Лихачев – 201, 590
Локерман А. – 380, 385, 601
Лукс К.Я. – 619
Луначарский А.В. – 131, 205, 520
Львов П.Н. – 138, 146, 158, 161, 166, 194–196, 250–252, 254–258, 260–262, 264, 266, 273–275, 281–283, 288, 291–295, 299, 300, 398, 403, 412, 423, 424, 556, 557, 589, 613
Любимова К.Ф. – 203, 593
Любковский И.С. – 144
Любомиров П.Г. – 239, 591
Люкс Я. – 195, 290
Люксембург Р. – 131
- М**
Майнов И. – 151, 581, 599
Макар П. – 230, 619
Макаревский М. – 353, 601
Макаров – 569
Максаков В.В. – 87, 435
Максимов Г.П. – 175
Макстенец – 195
Малаховский В.Ф. – 26, 303, 322–324, 327, 330, 339, 340, 356–358, 361, 509, 601
Малинин В.А. – 460, 602
Малиновский Р.В. – 140
Маркова А.М. – 56
Маркс К. – 92, 207, 304, 307, 309, 310, 312, 316, 321, 323, 328, 331, 338, 345, 346, 351, 353, 356, 358, 359, 362, 400, 433, 434, 462, 467, 478, 483, 530, 602, 610, 613
Мартыновский – 195
Мархлевский Ю.Ю. – 88
Маршан Р. – 44, 83, 95, 607
Маршев – 507
Маслов Н. – 602
Маслов П.Н. – 202
Маслов П.П. – 44–47, 49, 56, 59, 60, 70, 72, 73, 76, 77, 84, 90, 100, 118, 119, 129, 137, 141, 144, 146, 152, 155, 157, 164, 172, 175, 192, 215, 462, 540, 549, 602, 619
Матусов – 566, 568, 577, 579
Махно Н. – 88
Медведев – 619
Мелков – 275, 300
Мелков-Кочурихин Н.И. – 251
Мельгунов С.П. – 144, 602
Менжинский В.Р. – 365
Мессинг С.А. – 44, 74, 83, 610
Мехлис Л. – 602
Мильштейн А. – 460, 602
Милоков П.Н. – 221
Миц И.И. – 339, 360, 427
Мирбах В. фон – 64
Миронов – 275, 300, 511
Михайлов – 548
Михайлов А.Д. – 86, 352, 602
Михайловский Н.К. – 437, 460
Мицкевич С.И. – 225, 227, 241, 313–315, 317, 320, 331, 339–341, 352, 353, 358, 360, 361, 374, 375, 403, 408, 435, 464, 511, 548, 602
Модзалевский В.Л. – 210, 235, 592, 602
Моисей Б. – 150, 581, 611
Молотов В.М. – 100, 168, 202, 245, 271, 325, 333–335, 338, 359, 365, 463, 572, 597, 606
Морейнис М.А. – 284, 362
Морейнис-Муратова Ф.А. – 284

Мороз Г.С. – 261, 558, 620
 Морозов И.В. – 107
 Морозов К.Н. – 83, 146, 147, 150, 151, 609
 Морозов Н.А. – 46, 52, 59, 84, 96, 282, 304–307, 310, 350, 351, 431, 458, 462, 467, 501, 543, 549, 610
 Морозов С.В. – 121, 122, 133, 135
 Морозова – 135
 Моченовский – 200, 606
 Мошинский И.Н. – 435
 Муравьев В.Н. – 352
 Муравьев Н.К. – 87, 143
 Муралов А.И. – 513
 Мухин Н. – 107, 110, 129, 133–135, 137, 141, 151, 153, 169, 189, 192, 549, 552
 Мучник Г.А. – 396, 397, 403, 408, 412, 422, 427
 Мюллер Р. – 92, 600
 Мясников Г. – 148

Н

Наговицын И.А. – 492, 512
 Надельштейн Д.С. – 85, 161, 300, 425, 458, 507, 602
 Назаров С.И. – 166, 167, 169, 197, 292, 296, 300, 583, 589
 Накоряков Н.Н. – 406, 424, 448, 464, 508
 Наполеон I – 422
 Натансон М.А. – 86, 466
 Наумов В.П. – 83, 142, 600
 Невзорю Ю. – 356, 602
 Невский В.И. – 54, 87, 88, 210, 217, 227, 234, 239, 241, 242, 271, 275, 276, 330, 335, 343, 356, 359, 402, 403, 408, 414, 423, 426, 451, 466, 510, 565, 569, 572–574, 589, 591, 594, 603, 608, 619
 Некрасов И.А. – 619
 Нелидов Н. – 88, 601
 Нечаев С.Г. – 218, 312, 352
 Нечкина М.В. – 210
 Никитина Е.Д. – 217, 403, 414, 423, 510
 Никифоров – 195, 196
 Николаев Л.В. – 468
 Николаев М.С. – 194
 Николай II – 567
 Никулин В.В. – 36, 37, 94, 196, 533, 537, 603
 Новомирский Д.И. – 44, 45, 59–62, 67, 73, 76–79, 84, 90, 91, 100, 112, 137, 174, 200, 469, 474, 503, 524, 540, 549, 582, 603
 Новорусский М.В. – 52, 96, 151, 162, 195, 196, 543, 603

О

Оболешев А.Д. – 86
 Оввян А.С. – 162, 195, 196
 Овчинников М.П. – 313, 353, 600
 Огарев Н.П. – 11
 Окладников А.П. – 598
 Оксман Ю.Г. – 210, 235, 602
 Окуашвили А.Г. – 162, 195
 Окулова Г.И. – 332, 619
 Олехнович – 422, 604
 Ольминский М.С. – 54, 55, 88, 218, 224–227, 232, 241, 242, 265, 348, 363, 376, 380, 381, 385, 386, 530, 590, 601, 604, 614
 Опарин – 510
 Орджоникидзе Г.К. (Серго) – 463
 Осинский М.И. – 46, 59, 60, 84
 Осипова И. – 147
 Осокина Е. – 204, 536, 604
 Острогорский М. – 460, 604, 605

П

Павлов Д.Б. – 90, 148, 200, 202, 421, 604
 Павлюченков С.А. – 37, 204, 537, 593, 604
 Пальчинский П.А. – 87
 Панкратов В. – 151, 581, 593, 599
 Панкратова А.М. – 39
 Папков С. – 39, 604
 Парадизов – 574
 Певзнер – 510
 Пекарский Э.К. – 52, 151, 603
 Перли-Брагинская П.И. – 230, 619
 Перцев В.А. – 39, 605
 Пестель П.И. – 400, 422
 Пестковский С.С. – 161–163, 194–196, 202, 548
 Петерс Я.Х. – 482, 488, 492–495, 498, 501, 504, 512, 513, 605
 Петерсон Р.А. – 503
 Петибридж Р. – 38
 Петров Н.В. – 147, 512, 601
 Петровский Г.И. – 248, 249, 272
 Печеркин Е.Ф. – 593
 Печоркин Е.Ф. – 355
 Печуро С. – 147
 Пешекеров П. – 230, 355, 605, 619
 Пешкова Е.П. – 143, 524, 537
 Пигит А.С. – 46, 52, 60, 87, 196, 201, 239, 510, 540, 605
 Пигит Д.С. – 218
 Пиковская Р.И. – 40, 605
 Пирогов Н.И. – 204

- Пирогова А.Я. – 261, 558
 Писарев Д.И. – 465
 Платонов С.Ф. – 350, 613
 Плевэ В.К. – 63, 140
 Плесков В.А. – 46, 47, 49, 56, 59, 63–65, 84, 85, 87, 89, 91, 92, 119–121, 126, 127, 137, 144–146, 148, 153, 167, 169, 172, 188, 192, 193, 197, 199, 214, 215, 235, 237, 524, 540, 582, 583, 588, 589, 596, 605, 619
 Плескова Е.И. – 145
 Плеханов Г.В. – 86, 223, 224, 240, 241, 311, 312, 317, 319–321, 323, 328–330, 334, 335, 337, 341–343, 346–348, 351, 352, 354, 356, 358, 361, 433, 466, 509, 593, 596, 601, 611
 Поддубн – 474
 Поднек К.Я. – 619
 Познохирин А.В. – 119, 144
 Покровский Е. – 358
 Покровский М.Н. – 15, 26, 229, 241, 242, 303–307, 310, 321–324, 329–331, 333–335, 337–340, 342–344, 347–351, 356–363, 376, 418, 427, 454, 458, 499, 527, 530, 589, 592, 595–597, 606, 612, 613
 Покровский С. – 600
 Поляков Ю.А. – 36, 606
 Полякова-Чернышева З.А. – 119, 144
 Померанцев Я.С. – 106, 141
 Померанцева – 548
 Поплавской – 510
 Попов – 249
 Попов И. – 354, 606
 Попов И.И. – 230, 602, 619
 Попов М. – 606
 Попов Н.Н. – 86, 230, 353, 452, 619
 Попова И.И. – 350
 Попова О.И. – 210, 350, 602
 Постышев П.П. – 358, 360, 363, 442, 589
 Поташник – 579
 Пресняков А.Е. – 210, 235
 Прибылев А.В. – 151, 284, 285, 352, 581, 599, 611
 Просянов С.Ф. – 161
 Протопопов – 510
 Пугинская – 567
 Пузанов – 510
 Пучков-Безродный Ф.М. – 155
 Пушкив Ф.М. – 194
 Пюкинен – 145, 582
 Пятаков Г.Л. – 513
 Радзиловская Ф.Н. – 46, 60
 Радищев А.Н. – 218
 Раднер Г. – 126
 Разин С. – 398
 Ракитников Н.И. – 147, 230, 602, 619
 Ракитникова Н.И. – 350, 602
 Раковский Х.Г. – 166, 167
 Раппопорт Д.М. – 619
 Ратнер А. – 20–24, 26, 27, 32, 35, 39–43, 59, 60, 72, 74–77, 85, 89, 94, 142, 194, 197, 201–203, 234, 236–239, 276, 297, 466, 507, 510, 607, 613
 Рачинский С.Г. – 152, 582
 Рачинский Я. – 5
 Ребрух В.М. – 114, 115, 142, 143, 607
 Рейнштейн Б.И. – 195, 196, 258
 Рисский О. – 598
 Рогинский А. – 5, 145, 151, 596
 Рогов – 251, 252, 256, 273, 509
 Роговая Л. – 5, 516, 606
 Родзянко М.В. – 221
 Розенблот – 142
 Розенталь И.О. – 376, 380, 385, 386, 457, 605, 608
 Рокитянский Г.Я. – 92, 600
 Романенко Г. – 355, 594
 Романченко Т.М. – 355, 595
 Ромась М.И. – 230, 619
 Росс А. – 139
 Росси Ж. – 141, 145, 591, 602
 Ростовский Е.П. – 230, 619
 Ростов – 88, 145, 588, 604
 Ростов-Коган Н.М. – 120, 121, 146
 Рудзиловская – 540
 Рудзутак Я. – 60, 70, 73, 74, 90, 94, 96, 97, 99, 107, 134, 162, 163, 167, 189, 192, 195, 196, 198, 207, 234, 552, 553, 619, 620
 Рудометов Г.Г. – 355, 605
 Румба Е.Х. – 300, 510, 511
 Румба Э.Х. – 458
 Русанов Н.С. – 437, 455, 460, 467, 602, 608
 Рухадзе – 195
 Рыков А.И. – 245, 365, 574
 Рютин М.Н. – 462, 608
 Рябинин Е.И. – 94
 Рябинин М.И. – 470, 507
 Рязанов Д.Б. – 69, 92, 134, 303, 321, 352, 400, 600

Р

- Радек К. – 162
 Радзивиловская – 510

С

- Савельев М.А. – 271, 347, 350, 361, 589
 Савинков Б.В. – 101, 116, 140, 466, 541

- Савченко К.Д. – 569, 571–573
 Садина – 507, 510
 Садырин – 365
 Сажин М.П. – 96, 133, 139, 150, 194, 230, 282, 284, 483, 543, 608, 611, 619
 Сазин М. – 581
 Сазонов Е.С. – 63, 71, 91
 Салтык Г. – 39, 608
 Самойлов Ф.Н. – 251, 254, 255, 258, 273
 Самсонов Т.П. – 114, 115, 610
 Сандомирский Г. – 66, 91, 137, 175–177, 184, 192, 200, 214, 215, 237, 469, 474, 503, 588, 590, 602, 608
 Сапожников – 564, 565, 572, 574, 575
 Сахаров В.В. – 66
 Свердлов Я.М. – 67, 91, 141, 222, 359
 Светлова В. – 237, 238, 462, 507, 608
 Свидерский А.И. – 569, 571–573
 Святицкий Н. – 432, 438, 460, 608
 Святский Н. – 458
 Седенко-Вятцев Ф.И. – 514
 Седов М.Г. – 40, 608
 Семенов Г. – 124, 126, 146, 147, 597, 608
 Сениошкин Н. – 138
 Сениошкин Ф. – 46, 47, 66, 100, 540, 549
 Сергиевский Н.Л. – 321, 341, 342, 356, 608
 Серебряков Е. – 151, 603
 Серж В. – 90, 91
 Сидоренко Е. – 352, 608
 Сизекин – 510
 Сильвин М.А. – 450, 451, 465, 509, 601
 Симанович М. – 201
 Симонов Н.С. – 37, 608
 Сиодлак М.Я. – 619
 Сквери М. – 352, 609
 Скобельников – 275
 Скобеников А.И. – 155, 157, 194–196, 203, 251, 273, 300, 448, 464, 470, 507, 508, 510, 511
 Слуцкий А.Г. – 387, 411, 418, 421, 609
 Смилга И.Т. – 245
 Смирнов А.П. – 384, 564, 567–569, 571–573, 576–578, 599
 Смирнов И. – 359
 Соболева А.А. – 143, 600
 Соколинский – 458, 507, 510, 511
 Соколов В.Н. – 419, 420, 435, 446, 461, 575
 Сокольников Г.Я. – 198, 365, 449
 Соловьев В.Н. – 248
 Соня – 255
 Спиридонова М.А. – 63, 64
 Сталин И.В. – 20, 29, 35, 37, 42, 92, 100, 124, 125, 149, 168, 245–247, 264, 267–269, 271, 272, 338, 358–360, 364, 365, 372, 375, 382, 387–390, 393–399, 401, 403–412, 414, 416, 418, 419, 422, 424, 426, 428–430, 432, 433, 437, 445, 452, 453, 455, 457, 462, 463, 467, 475, 493–496, 498, 501–505, 508, 512–516, 531, 539, 563, 565, 567, 571–574, 589, 590, 592, 593, 595, 600, 604, 605, 608, 609, 620
 Станкевич Н.В. – 298
 Станчинский А.П. – 194, 401, 402, 413
 Старр Л.А. – 46, 47, 49, 60, 84, 90, 119, 120, 133, 137, 144, 146, 155, 157, 163, 164, 172, 192, 195, 196, 202, 209, 215, 234, 239, 300, 458, 470, 507, 510, 511, 596, 609, 619
 Стасова Е.Д. – 95, 606
 Стеклов Ю. – 210, 321, 341, 352, 356, 509, 572, 574, 592, 602, 609
 Степанов Е.Д. – 230, 619
 Степанова А. – 175, 192, 199, 200, 229, 609
 Степанский А.Д. – 43, 513–515, 536, 537, 600
 Стецкий А.И. – 338, 431, 444–446, 458, 461, 465
 Стойлов А.Б. – 144
 Сторожев В.Н. – 87, 88, 609
 Студенецкий С.А. – 142
 Студзинский – 196
 Сухамилин В.И. – 316
 Суханов Н. – 424
 Сухарев С.В. – 418, 609
 Сухомлин В.И. – 354, 609
 Сушкин Г.Г. – 435, 510, 511
 Сырек В.Я. – 619
 Сыроечковский Б.Е. – 227, 236, 609
- ## Т
- Такер Р. – 516
 Талевская С. – 199
 Тамер Х.-У. – 538
 Тантлевская С. – 589
 Таратута А.Г. – 199
 Таратута О. – 175, 192, 199, 200, 229, 609
 Тарле Е.В. – 39, 51, 85, 87, 235, 593, 598
 Татаров И.Л. – 26, 324–329, 331, 333, 337–340, 344, 357, 359–361, 363, 444, 499, 609, 610
 Твардовская В.А. – 202, 235, 236, 273, 420, 423, 537, 610
 Темкин С.М. – 46, 56, 88, 119, 120, 129, 133, 138, 144, 155–158, 162, 167, 169, 172, 195, 196, 202, 207, 540, 619

Теодорович И.А. – 5, 13, 21, 26, 27, 39, 47, 96, 127, 137, 138, 152, 153, 158, 160–164, 166–171, 184, 192, 195, 197, 198, 205, 207, 211, 227, 235, 236, 266, 291–293, 295, 297, 300–311, 317–320, 322–335, 337–351, 353, 355–369, 371–376, 379, 380, 382–386, 391–393, 395–399, 401–410, 412–417, 419, 420, 424, 425, 429–433, 435, 437–449, 451–467, 476–479, 499, 500, 509, 514, 520, 522, 527, 529–532, 534, 535, 541, 548, 559, 560, 562–570, 573, 574, 576–580, 589, 590, 595, 599–601, 608, 610, 613, 619, 620

Теодорович И.И. – 568

Теодорович К.И. – 568

Терешкович К.М. – 230, 235, 236, 610, 611, 619

Теслер – 510, 511

Тимофеев Е.М. – 107, 121–123, 128, 131, 133, 135, 147, 549, 611, 613

Тинни – 444

Типунков А.М. – 39, 470, 507, 598

Тихомиров Л. – 317, 354, 598, 611

Ткачев П.Н. – 225, 241, 312, 313, 317, 352, 354, 408, 409, 478, 509, 599, 611

Толмачев А.М. – 357, 474

Томп Я. – 177

Томский М.П. – 44, 45, 47, 60, 66–70, 73, 74, 77, 90, 92, 93, 96, 97, 99, 100, 107, 127, 134, 137, 171, 189, 192, 205, 207, 234, 245, 365, 540, 541, 548, 549, 552, 553, 574, 595, 619, 620

Топоркова-Горева А. – 150, 581, 611

Триллисер Д.А. – 448

Трифонов Е.А. – 171, 195, 196, 391, 392, 412, 424, 448, 464

Троицкий Н.А. – 41, 86, 240, 341, 342, 351–354, 361, 514, 611

Трофимов – 157, 194, 300

Троцкий Л.Д. – 68, 74, 166, 207, 234, 245–247, 256, 261–268, 270–272, 274, 275, 294, 301, 408, 429, 444, 503, 528, 529, 558, 559, 566, 592, 611

Трояновский А.А. – 194

Троянский А. – 85, 611

Трутовский – 144

Тугов М.Ю. – 27–30, 32, 42, 43, 72, 84, 213, 233, 237, 238, 611

Тун А. – 223, 240, 611

Тур Г.М. – 511

Тухачевский М.Н. – 143

Тючев Н. – 151, 581, 599

У

Угланов – 564

Удальцова М.И. – 41, 592

Ульянинский [В.Ю.] – 45, 84, 196

Усенко – 196

Ушакова Л.А. – 24–26, 41, 42, 611

Ушеревич – 195

Ф

Фабричный П.Н. – 119

Фатеев П.С. – 271, 370, 603, 619

Феденов – 142

Федорович П.А. – 300

Фельдман – 142

Фельштинский Ю. – 271, 592

Фигнер В.Н. – 12, 25, 42, 87, 149, 150, 199, 200, 210, 279, 282, 299, 352, 354, 402, 405, 406, 424, 442, 443, 461, 463, 494, 513, 514, 536, 581, 594, 601, 603, 605, 611, 612

Фигнер-Сажина Е.Н. – 284

Фигнер-Сажина Е. – 230

Фигнер-Сажина Е.Фигнер – 619

Фигнер-Саулина Е. – 150, 611, 612

Фигнер-Саулина. – 581

Фигуровская Н.К. – 298, 604

Филиппов – 458, 507

Филипченко – 196

Фишер Р. – 88

Франкель Дж. – 26, 304, 342

Фрейдзон – 448

Фрейдсон Б.Я. – 251, 257, 262, 274, 300, 472, 510, 511, 582

Фрейфельд Л.В. – 230, 619

Фридланд Г.С. – 331, 333, 339, 358, 363, 444, 499

Фридланд С. – 358, 362

Фроленко М.А. – 12, 29, 30, 150, 151, 155, 161, 162, 195, 196, 238, 315, 318, 319, 350, 354, 581, 602, 610, 611

Фроленко М.Ф. – 230, 283, 350, 352, 354, 355, 612, 619

Фроленко Ф.М. – 194

Х

Хавинсон Я.С. – 431, 438–441, 445, 453, 458, 461

Хазиахметов Э.Ш. – 24–26, 41, 612

Хапий – 566

Хауманн Х. – 38

Хван Ю.С. – 35

Хильдермайер М. – 5

Хинчук А.М. – 619
 Хлевнюк О. – 515, 516, 606, 612
 Хлоев П.А. – 235
 Хюттенбергер П. – 18, 37

Ц

Цакунов С.В. – 94, 595
 Цветков А.Д. – 474, 508
 Цветков-Просвещенский В.С. – 392–394,
 414, 420, 431, 447, 465, 469, 474, 477,
 478, 507, 508
 Центилович Н.Н. – 142
 Цетлин М.С. – 147
 Цявловский М.А. – 210, 235

Ч

Чайковский Н.В. – 84
 Чан Кайши – 246, 247, 581
 Чан Ша – 246
 Чан-Кай-Ши – 245, 271, 555, 556, 594
 Часовенный С.И. – 161, 195, 196, 619
 Чаянов А.В. – 168, 424
 Чван Ю.С. – 593
 Черкунов А. – 201, 237, 612
 Чернавский М.М. – 12, 96, 133, 150, 451,
 465, 466, 543, 581, 611
 Чернобаев А.А. – 349, 357–360, 363, 418,
 458, 596, 597, 606, 612, 613
 Чернов В.М. – 123, 235, 237
 Чернов С.Н. – 210, 227, 235, 612
 Черномордик С.И. – 406, 425, 433, 459
 Чернышевский Н.Г. – 11, 279, 298, 317,
 355, 356, 359, 445, 455, 609
 Чернявская-Бочановская – 352, 611
 Черток М.П. – 458
 Чичерин Г.В. – 175
 Чубыкин И.В. – 83, 146, 150, 151, 609
 Чужак-Насимович Н.Ф. – 389–395, 400,
 401, 407–409, 411–414, 416, 419–421,
 426, 435, 438, 446, 458, 612
 Чхеидзе Н.С. – 221, 567

Ш

Шабалин М.П. – 230, 619
 Шебалин М.О. – 280, 425
 Шебалин М.П. – 85, 96, 150, 155, 157,
 161, 162, 195, 196, 202, 280, 284, 285,
 303, 510, 511, 543, 581, 611, 619
 Шебалина М.И. – 230, 619
 Шибелев – 579
 Шейн И.И. – 391–396, 398, 399, 401,
 405–408, 412, 419, 424, 432, 458, 467,

470, 477, 478, 483–485, 498, 507, 508,
 510, 511, 531
 Шер И.М. – 162, 196, 458, 507, 510, 511
 Шехтер З.А. – 612
 Шилов А.А. – 87, 217, 239, 591
 Шиферсон Б.П. – 38, 613
 Шишкин В.И. – 88, 597
 Шкаровский М. – 39, 457, 462, 467, 613
 Шкирятов М.Ф. – 512, 515
 Шляпников А.Г. – 566
 Шмидт – 350, 564
 Шмидт С.О. – 613
 Шпилев Г.И. – 275, 300, 385, 398, 403,
 408, 412, 423, 434, 435, 458, 461, 507,
 510, 511, 608
 Штернберг К. – 151, 603
 Шукман А. – 39, 613
 Шумельгорн – 571
 Шумятский Я.Б. – 563, 620
 Шумяцкий Я.Б. – 40, 77, 251, 253, 256–
 258, 264, 274, 275, 286, 287, 294, 300,
 301, 372–374, 383, 391, 393, 396, 407,
 408, 419, 425, 430, 432, 433, 439, 442,
 446–449, 457, 458, 460, 463, 464, 476,
 478, 507–511, 513, 531, 575, 589, 590,
 613
 Щеголев П.Е. – 51, 52, 54, 85, 87, 120,
 145, 217, 239, 613
 Щербаков Т. – 255, 258, 274

Э

Эдельман – 564, 565, 620
 Эльвов Н. – 354, 598
 Энгельс Ф. – 92, 207, 304, 307, 310, 323,
 331, 346, 358, 359, 400, 613
 Энтин Г. – 613
 Энтин Г.М. – 418
 Энтин Г.М. – 427
 Энтин Д. – 26, 27, 388
 Энтин Дж. – 350, 416
 Эпштейн А.М. – 355, 598

Ю

Юзефович [И.С.] – 45, 84
 Юнге В. – 5
 Юнге К. – 5
 Юнге М. – 39, 594
 Юровский Л.Н. – 384, 596
 Юрьев К.С. – 199, 514, 603, 612
 Юхневич – 510

Я

- Ягода Г.Г. – 502, 503, 515
 Ягодзинский – 540
 Якимова А.В. – 353, 354, 613
 Якимова-Диковская-Кобозева А.В. – 96, 133, 137, 150, 155, 157, 161, 162, 195, 196, 202, 230, 284, 285, 312, 315, 350, 355, 543, 581, 601, 602, 611, 619
 Яковенко В.Г. – 569, 572, 573
 Яковенко Е.И. – 230, 619
 Яковлев А.В. – 119, 145
 Яковлев В.Я. – 351
 Якушкин Е.Е. – 210
 Якушкин И.Д. – 210
 Янзен М. – 140, 142
 Янзен Х. – 5
 Янсен М. – 83, 132, 143, 146–148, 150, 595, 604, 613
 Янсон Я.Д. – 251, 257, 449, 464
 Ярославский Е.М. – 25, 28, 33, 94, 156, 177, 194, 198, 233, 234, 244–254, 259–277, 281–285, 288, 289, 292–295, 297, 299–303, 317, 330, 331, 333–335, 337–339, 346–350, 354, 358–360, 362, 363, 365, 369–374, 376, 383, 386, 389–391, 393, 394, 402–405, 407–411, 414, 416, 418–423, 425–427, 429, 435, 437–439, 441–445, 451–454, 456, 460, 463, 464, 466, 467, 469, 472, 476–479, 481–485, 487–494, 496–500, 502, 507, 510–512, 514, 527–529, 548, 554, 556–559, 563, 581, 589, 590, 595, 598, 603–606, 613, 614, 619, 620
 Яршон – 144

А

- Assmann J. – 35, 614

В

- Barber J. – 35, 42, 241, 242, 349, 350, 356, 358, 359, 361, 382, 418, 614
 Bayerlein B.N. – 467, 615
 Behrendt L.-D. – 36, 204, 614
 Berkman A. – 144, 614
 Berman – 195
 Beyrau D. – 36–38, 204, 240, 350, 360, 362, 382, 538, 614
 Binner R. – 538, 614
 Bljum A.V. – 85, 233, 614
 Bode W. – 272, 618
 Bohn Th. – 537, 616
 Brakel A. – 43, 614
 Braszat M. – 36, 37, 614

- Broué P. – 272, 614
 Bucharin N.I. – 362, 616
 Burgess W. – 88, 234, 616

С

- Cassier P. – 38, 614
 Chlewnjuk O. – 383, 617
 Clark K. – 37, 614
 Clausen D. – 615
 Cohen St. – 37, 615
 Conquest R. – 615

D

- Dabag M. – 35, 614
 Dahmer H. – 272, 618
 Daniels R. – 340, 350, 615
 Davies R.W. – 37, 615
 Deborin A. – 362, 616
 Dimitroff G. – 467, 615

E

- Engels F. – 351, 616
 Enteen G.M. – 42, 350, 361, 615
 Ezhov N. – 512, 616

F

- Fainsod M. – 382, 615
 Figes O. – 88, 91, 142, 146, 615
 Fitzpatrick Sh. – 37, 418, 614, 615
 Flechtheim O.K. – 150, 616
 Fox M.C. – 204, 615
 Frankel J. – 42, 349, 352, 360, 361, 615
 Fröhlich E. – 36, 614

G

- Getty J.A. – 36, 515, 516, 615
 Geyer D. – 36, 617
 Ginzburg M. – 350, 615
 Gorbačev M.S. – 37, 94
 Gorbatschow M.S. – 617
 Groselclose E.E. – 144, 615
 Grossmann A. – 36, 614

H

- Häfner L. – 91, 615
 Hardtwig W. – 38, 614
 Haumann H. – 38, 615
 Hedeler W. – 467, 615
 Hildermeier M. – 272, 616
 Hockerts G. – 35, 616
 Holmes L. – 88, 234, 242, 616
 Hösl E. – 85, 616

I

Itenberg B.C. – 616

J

Jaeger H. – 36, 616
 Jansen M. – 512, 515, 516, 616
 Junge M. – 36, 538, 614, 616

K

Kershaw I. – 36, 37, 616
 Kirov S.M. – 506, 616
 Kirov S.M. – 506, 615
 Knight A. – 506, 616
 Kocka J. – 38
 Kolosov V.M. – 617
 Kössler R. – 271, 359, 360, 362, 537, 616
 Kropotkin P.A. – 298, 616

L

Lauscher H. – 272, 618
 Lavrov P. – 241, 617
 Lenin V.I. – 37, 93, 357, 616, 617
 Lenoë M. – 506, 616
 Lewin M. – 362, 616
 Lih L.T. – 383, 617
 Luxemburg R. – 150, 616

M

Mally L. – 537, 616
 Marchand R. – 83
 Martschuk M. – 467, 615
 Marx K. – 351, 616
 Merl St. – 384, 616
 Molotov V.M. – 383, 617

N

Naimark N.M. – 361
 Naumov O.V. – 515, 516, 615
 Naumow O. – 383, 617
 Negt O. – 362, 538, 616
 Neutatz D. – 537, 616
 Niethammer L. – 35, 616
 Nikolajewski B. – 615
 Nolte H.-H. – 36, 617

P

Pasvolsky L. – 144, 617
 Pethybridge R. – 38, 617
 Petrov N. – 512, 515, 516, 616
 Platt K. – 35, 614

Plum G. – 37, 617
 Pogorelskin A. – 36, 617
 Pokrovskii M.N. – 350, 615
 Pokrovskij M.N. – 42
 Poljan P. – 36, 617
 Pomper Ph. – 241, 617

R

Ratner A.V. – 617
 Reiman M. – 37, 93, 617
 Rumschöttel H. – 36, 616

S

Scheibert C. – 240, 617
 Schliewenz B. – 467, 615
 Schramm G. – 38, 615
 Schröder H.-H. – 35, 36, 617
 Serge V. – 617
 Shapiro J.C. – 39, 617
 Shaw J.T. – 350, 615
 Sorenson J.B. – 537, 617
 Stalin I.V. – 36, 37, 94, 240, 272, 383, 384,
 506, 507, 515, 516, 615–618

T

Tarle E.V. – 85, 616
 Thamer H.-U. – 538, 618
 Thun A. – 240, 618
 Tomskij M. – 91, 618
 Torke H.-J. – 89, 618
 Trotsky L.D. – 272, 614
 Trotzki L. – 272, 618
 Tucker R.C. – 516, 618

V

Venturi F. – 35, 42, 349, 361, 618

W

Walicki A. – 41, 618
 Wehner M. – 88, 152, 198, 357, 383, 384,
 536, 618
 Welzer H. – 538, 618
 Wiczynski J.L. – 351, 618
 Wolkogonow D. – 272, 618
 Wolter U. – 272, 615

Y

Yun Y.-S. – 537, 618

Z

Ziehr W. – 383, 618

Издания АИРО в 2014–2015 гг.

2014

- М.Н. Мосейкина.* У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Том 1 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 392 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-236-0.
- З.С. Бочарова.* Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 408 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-238-4.
- З.С. Бочарова.* Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 336 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-240-7.
- А.В. Антошин.* На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-242-1.
- А.В. Антошин.* От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Том 5 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-244-5.
- Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев.* Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. Том 6 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-246-9.
- В.В. Агеносов* Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 736 с.; илл. – ISBN 978-5-91022-230-8. – ISBN 978-5-90670-527-3
- Л.В. Совинский.* В зеркале времени. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 592 с. + 32 с. илл.
- Война и мир в новой и новейшей истории России. (К 100-летию начала Первой мировой войны). Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 252 с.
- Всё остается людям. Анатолий Котеленец: к 100-летию со дня рождения / Составители: Е.А. Котеленец, Т.А. Котеленец, О.Б. Беляков. М.: АИРО-XXI, 2014. – 112 с. + 28 с. илл.
- В.Я. Гросул.* Труды по теории истории. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 548 с.
- Татьяна Филиппова, Пётр Баратов.* «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 272 с. + 88 с. илл.

- Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...». Переписка 1986–1992 / Обработка текста Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 512 с., илл. – (Серия «АИРО – первая публикация в России» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны / Предисл. С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2014. – 432 с. (с иллюстрациями).
- Владимир Александрович Невежин. Биобиблиографический указатель. Сост.: Е.С. и М.С. Сапрыкины. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с.
- И.Б. Белова.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 432 с. + 16 с. илл.
- Н.Г. Смирнов.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. / Рукопись подготовлена к печати С.Н. Смирновым. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 368 с. + 12 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Г.А. Бордюгов. Биобиблиография. Сост. А. Макаров, О. Пруцкова, С. Щербина. Предисл. Дм. Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 192 с. + 16 с. ил.
- Юрий Штридтер.* Плутовской роман в России: к истории русского романа до Гоголя. Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового и Даниила Бордюгова – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 416 с.
- Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Вступительная статья, составление и комментарии – Е.И. Щербакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2014. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2014. – 340 с.
- Японское общество: изменяющееся и неизменное / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2014. – 300 с.
- «Запад как враг»: реанимация исторического мифа или новая реальность? Материалы Семинара 22 октября 2014 г. / Под редакцией Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с., илл.
- От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов. / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI. 2014. – 624 с. + 44 с. илл.

2015

- Русский мир и русское образование в условиях глобализации культуры. Перечитывая философско-педагогическую антропологию Е.П. Белозерцева. К 75-летию профессора Е.П. Белозерцева. Монография / Под ред. И.Е. Булатникова, А.В. Репринцева. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 368 с. + 40 с. ил.
- Фрезинский Борис.* Троцкий. Каменев. Бухарин. Избранные страницы жизни, работы и судьбы. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 384 с.

- Национальный вопрос в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 320 с.
- А.А. Баев.* Отлучение от науки. Академик Александр Александрович Баев. Архивно-следственные документы 1937–1954 гг. и многое другое. (Серия «АИРО – Первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 352 с. : ил.
- Юлия Нельская-Сидур.* «Время, когда не пишут дневников и писем...» Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2015. – 1080 с.
- Г.А. Куренков.* От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП (б)–ВКП (б). 1918–1941 гг. (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 252 с.
- Всесоюзная торговая палата. 1939–1945 гг. / Под редакцией Президента ТПП РФ С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2015. – 504 с. (с иллюстрациями).
- Великой Победе – 70 лет. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 320 с.
- А.В. Долгопятов.* Эти тихие уездные города. О социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX века. (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2015. – 232 с.
- Любите край Кумылженский, что нам судьбою дан. Книга вторая. Серия «АИРО – Российская провинция». – М.: АИРО-XXI, 2015. – 528 с.
- В.А. Сомов.* Первое советское поколение: испытание войной. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 176 с. + илл. – (АИРО – Монография).
- В.В. Барабаш, Г.А. Бордюгов, Е.А. Котеленец.* Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.: ил.
- О.Ю. Голечкова.* Бюрократ его величества в отставке: А.А. Половцов и его круг в конце XIX – начале XX века / Послесловие – Дмитрий Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 192 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 624 с. с иллюстрациями.

Марк ЮНГЕ

Революционеры на пенсии.
Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев,
1921–1935

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С. П. Щербина

В оформлении 1-й страницы обложки использован эскиз барельефа
в Доме каторги и ссылки скульптора И. М. Бирюкова

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 591022302-X

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
тел. +7 (917) 547-84-24
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
Заказ книг: <http://www.airo-xxi.ru/lavka>
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 10.08.2015
Формат 60×90/16. Т Усл. изд. л. 40,0
Тираж 300 экз. Зак.